Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Институт социологии

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ В ОБЩЕРОССИЙСКОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Социокультурный и религиозный контексты

Ответственный редактор
Л. М. Дробижева

Москва
ФНИСЦ РАН
2018

УДК 316.4
ББК 60.5
М 43

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского научного фонда (проект № 14-18-01963-П)
Руководитель проекта — *Л. М. Дробижева*

Утверждено к печати Ученым советом ФНИСЦ РАН

Рецензенты:
член-корр. РАН А. В. Дмитриев
канд. психол. наук, проф. О. Е. Хухлаев

Редакционная коллегия:
д-р.и.н. Л. М. Дробижева (отв. ред.), д-р.соц.н. В. И. Мукомель,
к.и.н. Н. Н. Никс, к.соц.н. С. В. Рыжова

Авторский коллектив:
Л. М. Дробижева (введение, гл. 4, заключение),
Е. М. Арутюнова (гл. 3, 9.1), А. Т. Бердин (гл. 7.4),
К. С. Григорьева (гл. 6.3, 8.4), И. М. Кузнецов (гл. 5, 8.2),
В. И. Мукомель (гл. 8.1, 8.3), Р. Н. Мусина (гл. 7.1, 7.2, 7.3),
С. В. Рыжова (гл. 1.3, 6.1, 6.2), П. В. Фадеев (гл. 2, 9.2, 9.3),
Е. Ю. Щеголькова (гл. 1.1, 1.2, 1.3, 1.5), А. А. Эндрюшко (гл. 1.6),
Ю.М. Юсупов (гл. 7.4)

Координатор подготовки рукописи — *Е. Ю. Щеголькова*

М 43 **Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты** : [монография] / Отв. ред. Л. М. Дробижева. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2018. — 552 с.

ISBN 978-5-89697-302-7

Эта книга о том, как российские граждане понимают межнациональное согласие, как складываются отношения между русскими, башкирами, татарами, карелами, людьми других национальностей, которые живут в разных регионах страны от Москвы до Калининграда и Югры, от Карелии до Астрахани, в Башкортостане и Ставрополье. Анализируется значимость национальности при устройстве на престижную работу, участии во власти в представлениях людей и в реальной жизни. Показано отношение русских, татар, башкир к проблеме изучения родных языков и государственных языков республик. Анализируются факторы, влияющие на оценку людьми межэтнических отношений. Специальное внимание уделено религиозности людей, её значимости для благоприятных отношений между людьми разных национальностей и вероисповеданий. Рассматривается проблема адаптации и интеграции внутренних мигрантов в случаях, когда они прибывают в регион со значительной долей единоверцев и там, где они попадают в инокультурную среду. Анализируются причины, препятствующие адаптационному процессу.

Книга адресована специалистам, работающим в сфере регулирования межнациональных отношений, преподавателям вузов и школ, студентам и аспирантам, всем, интересующимся взаимоотношениями людей различных национальностей.

УДК 316.4
ББК 60.5
© Коллектив авторов, текст, 2018
© ФНИСЦ РАН, 2018

ISBN 978-5-89697-302-7

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
Institute of Sociology

INTERETHNIC ACCORD AT ALL-RUSSIAN AND REGIONAL DIMENSION

Socio-Cultural and Religious Contexts

Edited by
L. M. Drobizheva

Moscow
FCTAS RAS
2018

The publication was carried out with financial support
Russian science Foundation (project № 14-18-01963-P)
Project Leader — *L. M. Drobizheva*

Approved for publication by the Scientific Council of the FCTAS RAS

Reviewers:
Corresponding member of RAS A.V. Dmitriev
PhD in Psychology, Professor O. E. Khukhlaev

Editorial board:
Dr of Hist. Sci. L.M. Drobizheva (resp. ed.), Dr of Soc. Sci. V.I. Mukomel,
PhD in Hist. N.N. Niks, PhD in Soc. S.V. Ryzhova

Contributors:
L.M. Drobizheva, E.M. Arutyunova, A.T. Berdin, K.S. Grigoreva, I.M. Kuznetsov,
V.I. Mukomel, R.N. Musina, S.V. Ryzhova, P.V. Fadeev,
E.Yu. Shchegolkova, A.A. Endryushko, Yu.M. Yusupov

Interethnic accord at all-Russian and Regional Dimension. Socio-cultural and religious contexts: [monography] / Edited by L. M. Drobizheva. — Moscow, 2018. — 552 p.

This book describes how Russian citizens understand interethnic accord, relations between Russians, Bashkirs, Tatars, Karelians and people of other nationalities who live in different regions of Russia: from Moscow to Kaliningrad and Yugra, from Karelia to Astrakhan, in Bashkortostan and Stavropol regions. We analyze the importance of nationality in employment and participation in power in people's perceptions and real life. We show attitudes of Russians, Tatars, Bashkirs to studying of ethnic languages and state languages in republics. We analyze factors influencing assessment of interethnic relations. Special attention is paid to religiousness of people and its importance for favorable relations between people of different nationalities and religions. We consider the problem of adaptation and integration of internal migrants arriving into foreign culture environment. We analyze reasons interfering adaptation process.

ISBN 978-5-89697-302-7

© Team of authors, 2018
© FCTAS RAS, 2018

Оглавление

Введение. *К методологии исследования* 9

Глава I. Межнациональные (межэтнические) отношения в регионах с разным опытом этнокультурного и межрелигиозного общения 19
1.1. Методологические подходы к изучению особенностей межэтнических отношений 21
1.2. Особенности межэтнических отношений в республиках, различающихся возможностью межэтнических контактов. . . . 28
1.3. Оценка межэтнических отношений башкирами и татарами в Республике Башкортостан и Ханты-Мансийском автономном округе (Югра) 37
1.4. Роль НКО в межнациональном согласии. 54
1.5. Местная пресса как стимул поддержания межэтнического согласия. Пример газеты «Сургутская трибуна» 77

Глава II. Этничность и возможности в социальном продвижении: представления и реальность 95
Постановка проблемы 97
2.1. Представления об этнической маркированности возможностей людей по общероссийским и региональным опросам 101
2.2. Ощущение равенства возможностей русскими, башкирами и татарами в субъектах Федерации, отличающихся этническим составом населения и административным статусом 107
2.3. Реальность в ущемлении прав русских, башкир, татар в регионах 119

Глава III. Политика и практика этноязыкового взаимодействия в регионах 123
Постановка проблемы 125
3.1. Этносоциолингвистическая ситуация и межэтнические отношения в республиках: пример Башкортостана 129
3.2. Особенности языковой политики и практики в автономном округе: пример Югры 159

Глава IV. Гражданская идентичность как потенциал межэтнического согласия в обществе 177
4.1. Доктринальное и дискурсивное пространство укрепления российской гражданской идентичности 179
4.2. Российская идентичность: масштаб консолидации, сила связи и динамика среди других коллективных идентичностей 190
4.3. Российская и региональная идентичность в представлениях региональных экспертов 197
4.4. Солидаризирующие ценности и цели развития 208

Глава V. Консолидирующие ценности россиян: сферы устойчивости и трансформации 217
5.1. Концепция и инструментарий исследования общих ценностных смыслов 220
5.2. Общероссийские ценности: консерватизм и обновление 229
5.3. Ценностные основания межрелигиозного согласия 238

Глава VI. Религиозность и межэтнические отношения 245
6.1. Теоретико-методологические подходы к этносоциологическому исследованию религиозности 247
6.2. Религиозная идентичность, культура доверия и перспективы межэтнического согласия в регионах 268
6.3. Эмпирическая проверка теории С. Хантингтона 316

Глава VII. Православные и мусульмане в разной этнополитической среде 335
Постановка проблемы 337
7.1. Религиозность в Республике Башкортостан и Ханты-Мансийском автономном округе 341
7.2. Религиозность и этническое самосознание 353
7.3. Межэтническое и межконфессиональное согласие и формирование общероссийской идентичности 361
7.4. Ситуация в мусульманской умме Башкортостана и проблемы межэтнических отношений 375

Глава VIII. Консолидация местных сообществ в контексте миграционных процессов 383
8.1. Региональные особенности интеграции и идентичности внутрироссийских иноэтничных мигрантов 386

8.2. Общность религиозной принадлежности в интеграционных процессах: пример Республики Башкортостан 414
8.3. Миграционные процессы и миграционная политика в Ханты-Мансийском автономном округе 419
8.4. Этнически избирательный контроль как препятствие для межэтнического согласия 435

Глава IX. Визуализация городского пространства в ракурсе межэтнического согласия 457
9.1. Символика городского пространства в контексте формирования межнационального согласия и ключевых идентичностей 459
9.2. Презентация уличного пространства в контексте региональной, государственной и этнической идентичностей . . 470
9.3. Потенциал библиотек в формировании идентичностей читателей в регионах 482

Заключение 503
Список литературы 516
Приложение. Выборка исследования 545
Сведения об авторах 551

Введение
К методологии исследования

В социально и культурно разнообразном обществе поддержание позитивной консолидации невозможно без межэтнического согласия.

Межнациональное (межэтническое) согласие мы понимаем как благоприятные, доброжелательные межэтнические отношения на личностном и институциональном уровне, как готовность взаимодействовать с людьми иной культуры в деловой и неформальной сферах общения, регулировать противоречия в диалоговой форме. Это также межличностное и межгрупповое доверие, согласованные ценностные ориентации, способность людей жить в сложном, дифференцированном мире, слышать друг друга и взаимодействовать на основе доминирующего доверия, равноправия и справедливости. Межнациональные отношения могут пониматься как межстрановые и как отношения между людьми различной этнической принадлежности. Именно поэтому мы подчеркиваем, что в тексте речь будет идти об отношениях между людьми и этническими группами, т.е. о межэтнических отношениях.

Межнациональные отношения — это взаимодействие людей разных национальностей (этничности) на личностном и групповом уровнях в различных сферах трудовой, культурной и общественно-политической жизни, которые оказывают влияние на этническую идентичность и гражданскую консолидацию в обществе.

В 2014–2018 годах проявился благоприятный тренд в межнациональных (межэтнических) отношениях. По результатам общероссийских опросов, 79% населения оценивали их как положительные (благоприятные и спокойные).

Межэтнические отношения очень динамичны, установки людей меняются в зависимости от социально-экономических условий, политических событий и уровня межкультурной контактности, их историко-культурного прошлого и других обстоятельств. Поэтому

закономерно, что в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года укрепление межнационального согласия определяется одной из основных задач и приоритетных направлений деятельности.

Российская Федерация — страна с огромными пространствами и значительным разнообразием не только климатических, социально-экономических условий, объема значимых природных ресурсов, но и историческими традициями межкультурного общения, разным уровнем притока инокультурных мигрантов, особенностями приграничного взаимодействия.

Учесть все это разнообразие — задача как управленческих структур, так и общества, заинтересованных в позитивной консолидации и солидарности вокруг целей развития и предупреждения потенциально дезинтегрирующих страну рисков.

В исследовании мы исходим из того, что политические институты, основанные на принципах законности и демократического правопорядка, могут выполнять свои функции, если признается их легитимность в среде людей разных национальностей — этнического большинства и людей других национальностей страны, если доминирует солидарная реакция на задачи, которые ставятся государством и обществом и осознаются гражданами. Уровень консолидации, солидарности в поликультурном обществе невозможен без необходимого межэтнического согласия, что отражается в общероссийской гражданской идентичности.

Российская идентичность, гражданское самосознание — осознаваемая гражданами принадлежность к своей стране, её народу, государству и обществу, приверженность базовым ценностям, ответственность за судьбу страны, солидарность в достижении общих целей и интересов развития общества и российского государства.

Целью нашего исследования было выявление потенциала межэтнического согласия как ресурса консолидации российского общества. Первые итоги исследования изложены в опубликованной книге, информационном бюллетене и статьях[1].

---

[1] Межэтническое согласие как ресурс консолидации российского общества. М.: Институт социологии РАН, 2016; Межнациональное согласие в региональном контексте [Электронный ресурс] сб. науч. ст. / Рук. проекта и отв. редактор Л. М. Дробижева. Электрон. текст. дан. (объем 0,94 Мб). М.: Институт социологии РАН, 2015.125 с.

В завершенном в 2016 г. исследовании межэтническое согласие изучалось от северо-западной границы — Калининградской области, Республики Карелия, до северо-восточной — Республика Саха (Якутия), на южной пограничной территории — Астраханская область, Ставропольский край и в Центре — Москва и Московская область.

Представленное в данной книге исследование имело целью углубить изучение межэтнического согласия за счет подключения новых субъектов Федерации, которые позволяли рассмотреть возможности поддержания межэтнического согласия в регионах с самым высоким теоретически вероятным уровнем общения. Таковыми являются Республика Башкортостан, в которой башкиры, согласно Всероссийской переписи 2010 г., составляют 29,5%, русские 36% и татары 25,4% и Ханты-Мансийский автономный округ Югра — регион, где среди местного населения кроме основных по численности русских (68%) представлены татары и башкиры (9,4%), чеченцы, азербайджанцы, приезжавшие сюда ещё в советское время на освоение природных богатств страны и куда идет высокий приток приезжих, среди которых наши внутренние мигранты с Северного Кавказа, а также коренные малочисленные народы — ханты и манси.

В Башкортостане православные составляют треть населения, а мусульмане 59%. В Югре православных большинство, но мусульмане также составляют значимую часть населения.

В рейтинге российских регионов по уровню социально-экономического развития Башкортостан занимает 11-е, а Югра — 3-е место после Москвы и Московской области. Другие регионы, в которых мы на первом этапе в 2014–2016 гг. проводили исследования, занимают в этом рейтинге 41–59 места, Карелия — 73. Иными словами, новые регионы исследования более благополучные. В рейтинге по качеству жизни ХМАО находится на 9-м месте, Калининградская область на 10-м, Ставрополье — на 22-м, Башкортостан — на 24-м, Астраханская область на 52-м, а Карелия на 70-м.[1]

---

[1] Рейтинг социально-экономического положения регионов — 2015. [Электронный ресурс]: РИА-Рейтинг, 2018.URL: http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html (Дата обращения: 03.08.2018). Рейтинг регионов РФ по качеству жизни — 2017. [Электронный ресурс]: РИА-Рейтинг, 2018. С. 58./ URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2017.pdf (Дата обращения: 03.08.2018).

Включение этих регионов в исследование давало возможность изучить консолидационные процессы в этнической среде с мусульманской культурой и рассмотреть особенности интеграции северокавказских мигрантов в случае, когда они прибывают в среду, где принимающее население принадлежит к той же религиозной традиции, а также выяснить, влияет ли мусульманская культура на процесс интеграции или это значения не имеет. В среде, где контактируют граждане с православной и мусульманской культурой, мы проверяли, имеет ли место в российских условиях так называемый «раскол цивилизаций» (по С. Хангтингтону) и нет ли в этом случае возможности усиления мусульманского влияния в регионах, проникновения радикализма и условий для связей с ИГИЛ (запрещенная в России организация).

В предыдущем проекте мы не смогли уделить должного внимания роли религии в межэтнических отношениях, её миротворческой функции или, наоборот, гиперболизации. С помощью новых индикаторов в опросном листе, а также глубинных интервью с православными и мусульманскими религиозными лидерами мы изучали влияние религиозности на межэтнические установки русских, а также башкир, татар — национальностей, культура которых исторически формировалась под влиянием ислама, их ценностные ориентации, представления о целях, которые способны объединять наше поликультурное сообщество, и их интеграционный потенциал.

В книге речь идет об интеграции и «видимых» внутренних мигрантов, прежде всего с Северного Кавказа, которые в 1990-е и первом десятилетии 2000-х годов стигматизировались в образе врага, их включении в местные сообщества.

В последние годы все более активными акторами становятся православная церковь и исламские муфтияты. Их действия в публичном пространстве и в повседневной практике способны влиять на массовое сознание. Но не исключены варианты, при которых к ним начинают апеллировать стороны, вовлеченные в конфликт, даже не имеющий религиозных оснований и мотиваций, тем самым выстраивая барьеры между людьми разных религий и национальностей (Ш. Эйзенштадт).

Таким образом, мы расширяли эмпирическую базу, позволяющую представить направление консолидационных процессов

в поликультурном и поликонфессиональном пространстве России; использовали возможности раскрыть изучение общероссийской гражданской идентичности в регионах со значительной долей мусульманской культуры и мусульманской идентичностью населения; изучали межконфессиональное доверие/недоверие как ресурс или препятствие для формирования межнационального согласия и общероссийской консолидации.

Международными исследованиями установлено[1], что гражданская идентичность (европейская в том числе) позитивно влияет на снятие этнических предубеждений, а этническая идентичность может их усиливать. Опыт изучения этнической идентичности в регионах исследования в 2014–2016 годах показал, что в российских условиях лояльности и поддержки властью культурного многообразия, позитивная этническая идентичность не разобщает людей по этническому признаку, не увеличивает культурную дистанцию. В исследовании 2017–2018 годов мы проверили этот вывод у людей с мусульманской идентичностью. Это позволило верно интерпретировать данные мониторинговых исследований в регионах, в том числе мониторинговых опросов ФАДН.

С научной и общеполитической точек зрения исследование помогает раскрытию понятия «единство в многообразии», «мы один народ, и Россия у нас одна» (из Послания президента Российской Федерации В. Путина Федеральному Собранию на 2017 г.).

Предмет исследования — межэтнические установки, основания жизненных ориентаций, уровень доверия, консолидирующие цели, ценности и солидаризирующие идентичности, межэтническое согласие как ресурс интеграции поликультурного общества, в том числе адаптации местного населения к инокультурным «видимым» мигрантам из российских регионов, их интеграции в местные сообщества.

Объект исследования — русские и основные по численности контактирующие этнические группы в регионах, а также внутренние «видимые» мигранты, главным образом из республик Северного Кавказа. Межнациональное согласие имеет отношение к людям и коллективам всех этих категорий. В современном научном

[1] *Pettigrew T. F., Tropp L. R.* When groups meet: The dynamics of intergroup contact. New York: Psychology Press. 2011.

значении правильнее говорить об этничности людей или об этнических группах, как это более привычно для мировой социологии.

В обыденном сознании россиян в силу исторического наследия этнос, этничность — понятия научные, а люди себя определяют по национальности. Поэтому в Стратегии государственной национальной политики до 2025 года использованы понятия *межнациональные (межэтнические) отношения* и *межнациональное согласие*. И в книге, представляемой читателю, также используются оба понятия, хотя в регионах речь идет именно о межэтнических отношениях, через которые мы изучали межнациональное согласие в целом.

Исследование выполнено в рамках сравнительной социологии, когда сравниваются позитивные и негативные установки на межнациональное общение, степень консолидации в разных субъектах Федерации, отличающихся по геополитическому положению, социально-экономическому потенциалу, теоретической вероятности межэтнических контактов.

Социально-культурный подход реализуется в проекте через измерение межнационального согласия, уровня доверия как в целом, так и по отдельным этнонациональным группам местного населения и мигрантских меньшинств с учетом их историко-культурного и этноконфессионального своеобразия.

В главах используются подходы из теории социально-психологической категоризации, теории границ (Ф. Барта) и теории контакта. В теоретической концепции нашего исследования мы исходили из того, что высокая позитивная этническая идентичность совмещается с гражданской идентичностью, но гиперболизированная этническая солидарность может создавать риски для межнационального согласия, необходимого для укрепления гражданской идентичности, были конкретизированы подходы Э. Дюркгейма, М. Вебера и Т. Парсонса к солидарности.

В связи с необходимостью углубления исследования межэтнического согласия с учетом роли религии были разработаны оригинальные методология и методика исследования, что позволило оценить роль религиозности в поддержании межэтнического согласия.

Особенность данного исследования состояла в особой сложности изучаемых явлений, прежде всего, в соединении этническо-

го и религиозного самосознания, гражданской идентичности при актуализированной этнической идентичности. Ещё одна проблема заключалась в изучении значимости общего вероисповедания и этнической идентичности при адаптации мигрантов в регионах, где живут их единоверцы, своеобразия поддержания межэтнического согласия в условиях этнического многообразия состава населения с православной и мусульманской культурой.

Учитывая всю сложность изучения этих сюжетов, исследовательский коллектив принял решение об использовании метода валидизации данных количественных исследований, метода триангуляции.

Эмпирическую базу исследования составляют материалы массовых опросов, проведенных в Республике Башкортостан в июле 2017 г. и в ХМАО–Югре в апреле 2018 г.

В Республике Башкортостан опрос проводился в 14 городах и 15 сельских населенных пунктах, представляющих шесть геоэкономических зон республики. Всего было опрошено 1034 респондента. Дополнительный квотный добор приезжих в республику составил 222 респондента. Общий объем выборки в РБ составил 1256 респондентов.

В ХМАО–Югре опрос проводился среди жителей семи городов округа с численностью населения свыше 40,5 тыс. Всего было опрошено 799 респондентов. Дополнительный квотный добор приезжих составил 201 респондент. Общий объем выборки в ХМАО–Югре составил 1000 респондентов.

В регионах исследования (в Республике Башкортостан и Ханты-Мансийском округе) были также проведены круглые столы в форме «мозговых атак» (brainstorming) с экспертами. В Уфе состоялся круглый стол с учеными Института гуманитарных исследований Республики Башкортостан, Института стратегических исследований Республики Башкортостан, специалистами из других научных учреждений по проблемам гражданской идентичности и межнационального согласия в поликультурном, поликонфессиональном обществе.

В ХМАО круглые столы прошли с преподавателями Сургутского государственного педагогического университета и госслужащими, с представителями руководства общественных организаций чеченцев, дагестанцев, татар ХМАО и представителями

исламского религиозного сообщества; с работниками Музея природы и человека в Ханты-Мансийске.

В Башкортостане были взяты 32 интервью у руководства республики, министра образования, ведущих ученых Академии наук Республики Башкортостан, ректора Исламского университета, руководства Отдела религиозного образования и катехизации Уфимской Епархии, ведущего специалиста из Совета по делам религии при главе республики и других экспертов.

В ХМАО были взяты 36 интервью, в том числе у ответственных за национальную политику сотрудников Администрации ХМАО–Югры, преподавателей вузов, общественных деятелей, представителей НКО, религиозных организаций.

В столицах каждого региона, а в ХМАО и в г. Сургуте, представляющем типичный индустриальный город в округе, изучали этническую, региональную и общероссийскую символику в архитектуре, названии улиц, деятельность библиотек по формированию идентичностей.

Параллельно шло изучение медиапространства с помощью автоматизированной системы мониторинга СМИ «Медиалогия» и контент-анализа региональной прессы. Результаты изучения нашли отражение в специальных разделах книги, а также в текстах, посвященных тематическим сюжетам.

Логика исследования построена на основе сравнительной социологии. Фокус внимания сосредоточен во всех разделах книги на Республике Башкортостан и ХМАО как регионах, наилучшим образом представляющих кейсы для реализации задач исследования в 2017–2018 гг.

При рассмотрении специальных тем для сравнения берутся материалы всех или отдельных регионов, в которых проводились опросы на предшествующем этапе Проекта в 2014–2016 годах (Ставропольский край, Астраханская и Калининградская области, Карелия, Москва и Московская область). В этих регионах исследования были проведены в условиях, когда межэтнические отношения в стране в целом имели тренд к улучшению, поэтому больших несогласованностей из-за временного несовпадения не должно было быть.

Все региональные данные сопоставлялись с данными общероссийских опросов. Использовались материалы 24-й волны Рос-

сийского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)[1] и общероссийского исследования Института социологии ФНИСЦ РАН[2], привлекались также данные общероссийских опросов ФАДН, реализованных ВЦИОМом, и опросов Левада-Центра.

Авторы выражают благодарность экспертам, у которых мы брали интервью и которые участвовали в круглых столах, респондентам, участвовавшим в опросах, нашим коллегам, которые принимали участие в реализации наших исследований: Бердину А. Т., Валиахметову Р. М., Карамышеву Р. Д., Махмудову Б. Х., Пишукову С. В., Тагир-хазрат Саматову, Тимошкову С. Н.

Особую признательность выражаем нашим коллегам по Институту социологии ФНИСЦ РАН, которые работали над важными для Проекта теоретическими вопросами консолидации, интеграции, доверия — А. Б. Гофману, А. Б. Веберу, П. М. Козыревой, О. Н. Яницкому и постоянному участнику наших проектов Е. И. Касимской, которая помогала собирать материалы и вместе с авторами настоящей монографии совершенствовала инструментарий.

[1] Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms и http://www.hse.ru/rlms)».

[2] Данные исследования Института социологии ФНИСЦ РАН по проекту РНФ «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контексте» (рук. ак. М. К. Горшков).

ГЛАВА I

Межнациональные (межэтнические) отношения в регионах с разным опытом этнокультурного и межрелигиозного общения

1.1. Методологические подходы к изучению особенностей межэтнических отношений

В проведенном исследовании межэтнические отношения изучались в широком социальном контексте. Анализировались позитивные и негативные оценки отношений русских и людей других национальностей, межэтнические установки на контакты в трудовой и неформальной сферах, сюжеты, связанные с распределением ресурсов, и представления о равенстве в доступе к престижным и высокооплачиваемым видам деятельности людей в зависимости от национальности; межэтнические установки в отношении к мигрантам. Кроме проблем, уже рассмотренных на первом этапе исследования в 2014–2016 гг.[1], в 2017–2018 гг. в фокус исследования вошли новые темы. Был специально проанализирован один из аспектов межнационального согласия — опыт общения людей, отличающихся православной и мусульманской культурой. Исследование в Республике Башкортостан и Ханты-Мансийском автономном округе–Югре и в других регионах, а также сравнение с данными экспертных интервью открыли такие возможности. Мы стремились учесть роль религиозности в формировании межэтнических отношений, понимая, что она может успешно участвовать в сохранении межэтнического согласия, но также вовлекаться в процессы межэтнической напряженности. Данные опросов, осуществленных авторским коллективом в различных регионах России, позволяют сопоставить характер складывающихся межэтнических отношений и уровень массовой религиозности и дать материал для понимания их взаимосвязи.

---

[1] Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества: [монография] / Отв. ред. Л. М. Дробижева; Институт социологии РАН. М.: Институт социологии РАН, 2016.

Межэтническое согласие изучается через установки в концепции Г. Олпорта, развитой его последователями — Т. Петтигрю, Р. Меертонсом, Л. Тропп и др. в теориях контакта и коммуникации. В ходе исследований было установлено, что контакты способны позитивно влиять на межгрупповые отношения при соблюдении некоторых условий. Например, они должны носить тесный и продолжительный, а не случайный характер. Положительные результаты дают контакты, если группы обладают сходным статусом; важен благоприятный социально-политический климат, обеспечиваемый властями и СМИ. Контакты между группами дают позитивный результат, если опыт их был приятным для членов той и другой группы; позитивным межгрупповым отношениям способствует совместная работа или какие-то общие цели[1]; в том числе контакты с людьми из другой этнической группы, образ которой расходится с её типичным представителем[2]. Т. Петтигрю и Л. Троп, обобщая данные исследовательских ситуаций в отличающихся этнокультурных и политических контекстах, выделили основные, объясняющие этнические предубеждения переменные, действие которых было не одинаковым в разных странах и при разных типах контактов: переменные социального контекста; показатели, характеризующие социальные, социально-демографические позиции контактирующих групп; политические переменные; персональные переменные; переменные, связанные с идентичностью; показатели, описывающие субъективно воспринимаемую угрозу; переменные, связанные с персональным опытом[3]. Корреспондирующей с теорией контактов является коммуникативная концепция К. Дойча, полагающая, что общие ценности преодолевают этническую односторонность, а объединению групп на межнациональном и межкультурном уровнях способствуют увеличение объемов и разнообразия контактов.

Ученые различных дисциплинарных и концептуальных направлений настаивают на необходимости учета разных факторов в межнациональных отношениях. Опираясь на опыт исследования

---

[1] *Amir Y.* Contact hypothesis in ethnic relations // Psychological Bulletin, 1969. Vol. 71, pp. 319–342.

[2] *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. С. 13.

[3] *Pettigrew T. F., Tropp L. R.* When groups meet: The dynamics of intergroup contact. New York: Psychology Press. 2011. P. 156–171.

межэтнических установок, мы рассмотрим региональные особенности межнациональных отношений с учетом таких переменных, как: тип субъекта Федерации, уровень многонациональности и доля мусульманского и православного населения, время проживания населения на данной территории, его укорененность. Для нас главным является стремление понять, как изменяются оценки людей в зависимости от различных переменных. Наша исследовательская задача состоит в изучении особенностей межэтнических установок, обусловленных социальным и региональным контекстами, и определении путей построения межэтнических взаимодействий на основе согласия, когда «другие» и «не такие» рассматриваются не как угроза, а как ресурс общего развития.

Межнациональные отношения измерялись следующими индикаторами:

- оценка межнациональных отношений в регионе, городе/селе;
- отсутствие/наличие чувства враждебности к людям другой национальности;
- готовность принять людей иной национальности как жителей города, села и как гражданина России;
- готовность принять человека другой национальности в качестве партнера в трудовом коллективе, как начальника, соседа, близкого друга.

Рассмотрим более детально особенности межэтнических отношений в российских регионах.

Данные общероссийских исследований за 2016–2018 годы демонстрируют благоприятный тренд в сфере межнациональных отношений. Так, по результатам опросов ФАДН в конце 2016 г. 66% респондентов считали, что отношения между людьми разных национальностей за последний год не изменились, 17% полагали, что они улучшились и 11% — скорее ухудшились и ухудшились, при 6% затруднившихся с ответом[1]. Не сильно различающиеся показатели фиксировал и «Левада-Центр». В декабре 2016 г., по их данным, 60% считали, что межнациональные отношения не изменились за год, 15% — улучшились. Разошлись показатели только

[1] *Хайкин С. Р., Бережкова С. Б.* Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 97–110.

оценивающих отношения ухудшившимися: по данным Левада-Центра таковых было 22%.

Уровень межнациональной напряженности в опросах всех центров изучения общественного мнения с 2014 г. снижался. Средняя по стране доля людей, с недоверием и неприязнью относящихся к представителям той или иной национальности, по данным ФАДН составляла 17% при 6% затруднившихся[1]. Открытая межнациональная напряженность, выражающаяся в чувствах неприязни к представителям каких-то национальностей, по данным седьмой волны мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН, была у 8% опрошенных россиян, но при этом 35% согласились с тем, что они «иногда испытывают» такие чувства, что может свидетельствовать о скрытых сигналах межэтнической напряженности. По данным ВЦИОМ и ФАДН, 86% граждан «не испытывали неприязнь к людям другой национальности», однако по данным исследования ФНИСЦ РАН таковых 57%.

По данным Левада-Центра, доля тех, кто считает рост национализма, ухудшение межнациональных отношений крайне острой проблемой, в январе 2018 г. не превышала 7%. По степени значимости эта проблема сильно уступает другим насущным проблемам — росту цен на товары и услуги (63%), бедности и обнищанию (47%)[2], но сопоставима с внешними угрозами. Это меньше, чем беспокойство по поводу снижения уровня жизни, ухудшения системы медицинского обслуживания и образования. В регионах нашего исследования проблема роста цен и жилищно-коммунальных платежей также вызывает беспокойство большинства опрошенных (70–80%).

Тенденцию к снижению актуальности проблемы межнациональных отношений подтверждают и данные ФОМ: в апреле 2018 г. межнациональные конфликты в стране вызывали тревогу и опасения у 19% россиян против 25% в 2015 г.[3] Снижение межнацио-

---

[1] По данным опроса ВЦИОМ, проведенного по заказу ФАДН в апреле 2016 г.

[2] По данным опроса Левада-Центра на январь 2018 г. [Электронный ресурс]: Левада-Центр. URL: https://www.levada.ru/2018/04/24/naibolee-trevozhashhie-problemy-3/ (Дата обращения: 25.06.2018).

[3] По данным опроса ФОМ, проведенного в апреле 2018 г. [Электронный ресурс]: ФОМ. URL: http://fom.ru/Nastroeniya/14011 (Дата обращения: 25.06.2018).

нальной напряженности, объясняющее позитивные значения некоторых индикаторов общественного мнения в этой сфере, и снижение градуса ксенофобских настроений отчасти связаны с переключением внимания СМИ на внешнего врага, накоплением опыта общения с инокультурными мигрантами, однако это не снимает необходимость решения многих социально-культурных проблем, которые способны транслироваться в сферу межэтнических взаимодействий.

Следует отметить, что общероссийские опросы не могут отразить все разнообразие ситуации в разных регионах страны. Поэтому для специального изучения процесса формирования межэтнических отношений с учетом этноконфессионального фактора были выделены Ханты-Мансийский автономный округ (Югра) и две российские республики — Карелия и Башкортостан. Карелия — республика с низкой долей представителей титульной национальности и представленностью мусульман. Башкортостан — республика со сложным этническим и конфессиональным составом, где русские составляют треть населения. Ханты-Мансийский автономный округ (Югра) — регион с быстро меняющимся этническим составом жителей, в котором также представлено мусульманское население, но в меньшинстве.

В Карелии большинство населения — русские, карелы составляют 7,4%, финны, вепсы — 1,4 и 0,5% населения республики соответственно. Карелия — в нашем проекте менее благополучная по социально-экономическому развитию территория. Здесь острее, чем в других регионах, стоит проблема с обеспечением работой и, как следствие, с уровнем доходов и качеством жизни. И в то же время, это пограничная с Евросоюзом территория, сотрудничающая с Финляндией, Союзом коммун Финляндии, входящая в Ассамблею Европейских регионов. Из-за низкого притока инокультурных мигрантов этнический состав населения стабилен, поэтому межэтнические отношения выстраиваются главным образом между русскими и карелами.

Современный этнический состав Республики Башкортостан остается очень сложным. Причем полиэтничность характерна как для сельской местности, так и для городской. Однако численно в республике все же преобладают башкиры (30%), русские (38%) и татары (28%). Башкиры быстро растут в численности и набира-

ют социальный потенциал, татары имеют большую, чем башкиры, долю в городском населении, а русские в нем составляют основную группу горожан (46% при 19% башкир и 25% татар). Интенсивность межэтнических контактов в данном регионе очень высока, поэтому важно знать особенности протекания межэтнического взаимодействия проживающих здесь татар, русских, башкир друг с другом и с соседними народами. Долгий исторический путь, который этнические группы, населяющие исследуемый регион, прошли вместе, сблизил их, повлиял на этнонациональное самосознание. Вместе с тем среди многообразия существующих в регионе межэтнических контактов отдельно выделяются особенности башкирско-татарского межэтнического взаимодействия. Это обусловлено тем обстоятельством, что при языковой и культурной близости двух тюркоязычных мусульманских народов, дискуссионными являются вопросы происхождения башкирского и татарского народов данной территории, периодизации истории их взаимодействия, идентификации местных диалектов и элементов традиционной культуры и др.

Ханты-Мансийский автономный округ — Югра также является одним из самых полиэтничных субъектов Федерации, на территории которого проживают представители более 124 национальностей, каждой из которых присущи свои специфические обычаи, традиции, своеобразный менталитет и образ жизни. Вся мозаика населения складывалась столетиями — это и коренные народы Севера, и старожильческое население «эпохи покорения», и спецпереселенцы сталинских времен, и те, кто приехал сюда добывать для страны большую нефть. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. установлено, что в национальном составе населения автономного округа русские составляют большинство[1]. Историческая многонациональность укрепилась здесь во время активного освоения нефтегазовых месторождений за счет миграции из других регионов СССР.

Таким образом, перед нами регионы с разной плотностью этноконтактов. Согласно теории контактов, не сам контакт имеет значение, а его характер и разнообразие, поэтому тем интереснее

[1] Итоги переписи населения РФ 2010 г. [Электронный ресурс]: ВПН-2010. URL: www.perepis-2010.ru. (Дата обращения: 25.06.2018).

посмотреть, как разный опыт взаимодействия отражается на современных межэтнических установках.

Возвращаясь к данным мониторингового опроса ФАДН, отметим, что в полиэтничном Поволжском федеральном округе обстановка по показателям изменения межнациональных отношений в целом оказалась лучше, чем в ЦФО и СЗФО. По данным нашего исследования, доля людей, оценивающих состояние межнациональных отношений в республике как «доброжелательные и спокойные», составила 74%. Но вместе с тем, по результатам опросов ФАДН, Башкортостан, в котором доля испытывающих неприязнь к людям иной национальности составила 20%, в 2016 г. наряду с другими не самыми сложными в этническом отношении регионами попал в субъекты Федерации, где уровень тревожности в межнациональных отношениях выше среднего по стране. В соответствии с данными Федеральной службы охраны Российской Федерации, в 2017 г. доля граждан ХМАО, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, составила 68,8%. По результатам ежегодных окружных комплексных социологических исследований в Югре, 79,4% опрошенных респондентов разделяют это мнение.

Сказанное выше приводит к пониманию того, что сравнения по регионам нельзя проводить, исходя только из статистических показателей, поскольку за одними и теми же цифрами скрываются разные обстоятельства, их обусловливающие.

Таким образом, для уяснения конкретной ситуации внутри регионов есть все основания внимательнее рассмотреть факторы, способствующие межэтническому согласию, и противоречия, провоцирующие межнациональные напряжения.

1.2. Особенности межэтнических отношений в республиках, различающихся возможностью межэтнических контактов

Характер взаимоотношений людей разных национальностей определяет степень комфортности проживания в регионах. В исследованных субъектах Федерации межэтническая напряженность проявляется дифференцированно — от минимальных значений в Астраханской, Калининградской области и Карелии, до максимальных в Московской агломерации и Ставропольском крае. Мы видим, что оценка напряженности в Башкортостане мало отличается от этнически более однородной Карелии с доминирующим русским населением (см. табл. 1.2.1).

Более всего межэтническая напряженность ощущается в Москве, Московской области и Ставропольском крае. В Москве 22% полагают, что межнациональные отношения в городе напряженные и 43% москвичей оценивают их как внешне спокойные, но внутренне напряженные. В Московской области 58% жителей ощущают межэтническую напряженность, при этом 20% оценивают отношения как напряженные и 38% полагают, что отношения внешне спокойные, но внутренне напряженные. В Ставропольском крае велика внутренняя напряженность в межэтнических отношениях — 44% полагают, что отношения «внешне спокойные, но внутренняя напряженность существует», 9% оценивают их как напряженные.

Минимальные показатели межэтнической напряженности наблюдаются в Астраханской, Калининградской областях, в Карелии и в Башкортостане. В Астраханской области лишь 6% полагают, что отношения напряженные, 23% отмечают их внутреннюю напряженность при внешнем спокойствии. В Калининградской области и Карелии показатели практически такие же: 4% оценивают межнациональные отношения в своем регионе как напряженные и 28% (29%) соответственно считают, что отношения внешне спокойные, но существует внутреннее напряжение.

Таблица 1.2.1

Оценка состояния межнациональных отношений местными жителями в городе/селе проживания в регионах, *в % к опрошенным*

«Как бы Вы оценили межнациональные отношения в Вашем населенном пункте?»	Астраханская область	Калининградская область	Москва	Московская область	Республика Башкортостан	Республика Карелия	Ставропольский край	ХМАО
Доброжелательные и спокойные	68	66	29	46	**74**	**66**	51	60
Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	23,0	28,0	43	38	**14,7**	**29**	38	32,2
Напряженные	6	4	22	20	**4,1**	**4**	8	5,8
На грани открытых столкновений	*1*	*0,6*	*1,3*	*0,7*	***1,1***	***0,5***	*1*	*1,2*
Затруднились ответить	2	1,5	5	6	**6,2**	**1**	2	0,9

$P<0{,}001$

В Башкортостане по показателю ощущений этнического негативизма оценки межнациональных отношений несколько хуже, чем общероссийские, но сами отношения оценивают как напряженные 4% жителей республики; 14,7% находят их внешне спокойными, но внутренне напряженными (и эта оценка выделяется и на фоне полиэтничной Астраханской области, и на фоне преимущественно моноэтничных с русской доминантой Калининградской области и Карелии). В целом оценка межнациональных отношений в республиках благоприятна. Подавляющее большинство опрошенных воспринимают их однозначно позитивно — как спокойные и доброжелательные (66% для Карелии, 74% для Башкортостана).

На Севере России, в ХМАО–Югре межнациональные отношения как благоприятные и спокойные отмечают больше половины опрошенных (56%), но здесь, в сравнении с иными регионами,

высока доля ощущающих внутреннюю напряженность: 35% населения полагают, что межнациональные отношения в их регионе спокойные, но существует внутренняя напряженность и еще 5% воспринимает их напряженными.

Крайне мала в исследуемых регионах доля тех, кто оценивает межнациональные отношения как взрывоопасные ("на грани открытых столкновений") — доля таких оценок не превышает 1,3%.

В экспертном дискурсе также отмечено благополучие в сфере межэтнических отношений в республиках, взаимопонимание жителей разных национальностей: «*В Карелии исторически сложился благоприятный климат межнациональных отношений. Даже Кондопога это не испортила, хотя ложку дегтя добавила*» (эксперт, карельский активист); *«Республика* (Башкортостан) *дружная, потому что мы выстраиваем равные ровные отношения. ... В целом пока удается сохранить мир и спокойствие. ... Мы дружны, и дети наши тоже» (*эксперт, представитель научного сообщества Республики Башкортостан).

Отношения людей в поликультурной среде измеряются не только ощущением конфликтности, но и межэтническими установками «к другим». Рассмотрим уровни этнической *антипатии* (доля признающих, что испытывают негативные чувства к представителям других национальностей) и этнической *симпатии* (доля отметивших, что не испытывают враждебности чувства к представителям других национальностей) среди опрошенных респондентов в республиках. Есть предположение, что уровень этнических предубеждений будет разным в зависимости от степени сложности этнического состава республик.

С точки зрения исследовательского интереса к проблеме межэтнических отношений исключительно важным представляется рассмотреть влияние на межнациональное согласие преимущественно моноэтничной среды с одной стороны, и фактора преобладающего влияния мусульманской культуры — с другой.

Доля людей, в той или иной мере испытывающих враждебность к людям иной национальности, достаточно велика: 53% в Московской агломерации, 43% в Ставропольском крае, 40% в Астраханской и 39% в Калининградской областях. Отсутствие устойчивых негативных установок в регионах нашего исследования варьируется в пределах 12 процентных пунктов (далее п.п.) и свой-

Таблица 1.2.2

Ощущение враждебности к людям других национальностей в Республике Башкортостан и Карелии, 2017–2018 гг., *в % к опрошенным*

Ощущение враждебности	Республика Башкортостан	Республика Карелия
Да (очень часто, довольно часто)	12,4	9,4
Редко, иногда	30,6	25,5
Нет, никогда/практически никогда	52,2	64,3
Затруднились ответить	4,8	0,8

ственно более половине опрошенных в обеих республиках. Уверенную враждебность к «иным» (“очень часто и довольно часто испытываю враждебность к людям других национальностей”) отметили 9–12%. Но суммарная доля людей, в той или иной мере (“часто“ или “иногда“) испытывающих враждебность к людям иной национальности, достаточно велика и отличается на 7 п.п. для республик: 35% в Республике Карелия, 43% в Республике Башкортостан. Аналогичные данные были зафиксированы нашими опросами в Калининградской и Астраханской областях — регионах со сходными характеристиками полиэтничности с анализируемыми республиками. Так, в этнически однородной Калининградской области этнические предубеждения зафиксированы у 35% населения (такой же показатель, как и в Карелии). В Астраханской области, где межэтнические взаимодействия, как и в Башкортостане, исторически привычны, ощущение враждебности к людям других национальностей отметили 43% респондентов. Таким образом, регионы с разным уровнем этнической однородности отмечены различающимся уровнем этнических предубеждений. Это позволяет сделать вывод, что определяющими характер межнациональных отношений здесь выступают степень однородности этнической среды наряду с такими факторами, как историческое прошлое, численное соотношение взаимодействующих народов, социально-экономическое положение. Так, в Карелии материальные проблемы жителей[1] породили у них осторожность

[1] Доля людей, у которых денег не хватает даже на еду и покупку необходимой одежды, в Карелии выше, чем в остальных регионах, попавших в наше исследование.

в отношении этнически *иных*. Один из карельских экспертов отметил: *«Из-за социально-экономических проблем, недовольства всем и вся, потери работы добрее не становятся. Все недовольные, раздраженные»*.

Учитывая атомизацию повседневной жизни, при которой позитивные примеры общения способствуют формированию благоприятных межэтнических установок, интересно обратиться к результатам измерения социальной дистанции по шкале Богардуса. Адаптированная для измерения межэтнического согласия через готовность к разным видам межнациональных контактов, эта шкала позволяет оценить привычные отношения людей разных национальностей друг к другу в различных сферах взаимодействия. Социальная дистанция увеличивается от опосредованных межгрупповых контактов до непосредственных межличностных: гражданин страны, житель региона, населенного пункта, начальник, коллега по работе, сосед, близкий друг, супруг (супруга). Рассмотрим отношение опрошенных в республиках к разным видам межэтнических контактов (табл. 1.2.3). В менее благополучных регионах люди, как правило, меньше готовы контактировать с представителями иных этнических групп вне зависимости от сферы общения.

Сначала остановимся на более отдаленных контактах — готовность принять человека другой национальности в качестве *гражданина России* и *жителя своего города*. Эта позиция преимущественно характеризует отношение к приему инонациональных мигрантов в гражданство России. Жители Карелии в этом вопросе более лояльны, чем башкортостанцы, что объясняется небольшим притоком инокультурных мигрантов в республику.

В отношении к деловым контактам устойчивая абсолютная готовность зафиксирована на одинаковом уровне в обеих республиках. В Республике Карелия, где мигрантов мало, тем не менее только 17,1% полностью согласны работать под началом человека иной национальности, а доля готовых работать вместе с партнерами иной национальности сопоставима с такой же долей в полиэтничном Башкортостане.

В республиках с разной этнической контактностью различия в уверенной готовности к дружескому и соседскому общению практически отсутствуют.

Таблица 1.2.3

Готовность жителей Башкирии и Карелии к разным видам межнациональных контактов, 2017–2018 гг., *% от опрошенных*

Готовность принять человека другой национальности...	Республика Башкортостан		Республика Карелия	
	Абсолютная готовность*	Потенциальная готовность**	Абсолютная готовность	Потенциальная готовность
... как гражданина России	**25,7**	**53,6**	**34,4**	**48,9**
... как жителя своего города, села	**24,0**	**50,4**	**26,4**	**49,4**
... как своего начальника	19,6	36,7	17,1	41,5
... как своего коллегу, партнера по работе	21,1	46,8	23,1	56,2
... как своего соседа по дому	22,1	47,3	21,4	57
...как близкого друга	21,9	43,5	23,1	50,1
...как своего супруга	22,3	33,4	19,8	31,8

*Доля людей, выбравших вариант ответа «полностью согласен»; **доля людей, ответивших «скорее согласен»

Больше регионального разнообразия наблюдается в отношении разного вида контактов по доле респондентов, выразивших потенциальную готовность к взаимодействию (выбрали вариант ответа *«скорее согласен»*). Различия хоть и незначительные, но они есть: в Карелии в сравнении с Башкортостаном отношения более благоприятные, особенно в сфере делового и соседского общения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в обеих республиках выделяется одинаковая доля людей — от 20 до 25% для контактов разного уровня приватности, обладающих *уверенно позитивными установками на межэтническое взаимодействие* в разных сферах. Именно установки этой группы людей определяют устойчивый характер межнациональных отношений на основе согласия на уровне зафиксированных долей. Если говорить о потенциале республик к сокращению дистанции во взаимодействиях между людьми разных национальностей, то в Карелии он чуть выше, чем в Башкортостане. Тезис о том, что в более неблагополучной по социально-экономическим показателям Карелии уста-

новки на взаимодействие будут ниже, чем в более успешном Башкортостане, не подтвердился. Здесь сработали другие факторы. Связано это, с одной стороны, с разным уровнем притока инонациональных мигрантов, а с другой стороны — с ситуативными факторами, т.к. разница в процентных пунктах не столь значительна. Небольшой приток инокультурных мигрантов, исторически устоявшиеся отношения между русскими и представителями титульной национальности характеризуют Карелию как более спокойную: «*Местное население должно уважительно относиться к любому человеку, который посетит нашу территорию. А там уж потом разбираться, хороший он или плохой. И не искать врагов. Уважать всех*» (карельский активист).

Интересным представлялось также выяснить, насколько национальность респондентов может быть связана с оценками допустимости межэтнических контактов. Для этого мы сравнили отношение к таким контактам русских и людей других национальностей в изучаемых республиках (табл. 1.2.4).

Таблица 1.2.4

Готовность русских и нерусских жителей Башкирии и Карелии к разным видам межнациональных контактов, 2017–2018 гг., *% от опрошенных*

Готовность принять человека другой национальности...	Республика Башкортостан		Республика Карелия	
	русские	нерусские	русские	нерусские
... как гражданина России	**26,2**	**26,1**	**29,7**	**39,6**
... как жителя своего города	**25,6**	**23,9**	**24,2**	**31,0**
... как своего начальника	24,5	19	14,6	23,3
... как своего коллегу, партнера по работе	25,8	20,8	21,0	26,7
... как своего соседа по дому	27,1	21,2	18,7	27,0
...как близкого друга	27,5	21,6	20,3	28,4
...как своего супруга	29,6	21,9	18,3	25,0

По отношению к более отдаленным гипотетическим контактам — принятию лиц другой национальности как граждан государства и жителей города/села — нерусские и русские жители Башкортостана демонстрируют практически одинаковую готов-

ность. Например, в Карелии среди нерусских готовы принять человека другой национальности в качестве сограждан и жителей города или села наибольшее, по сравнению с остальными, число опрошенных, а среди русских эта готовность ниже.

С отношением к производственным, соседским и дружеским контактам тенденция несколько иная. Так, готовы работать под началом человека другой национальности 24,5% русских в Башкортостане, а среди других национальностей — 19%, в Карелии 14,6 и 23,3% соответственно. Позитивное отношение к соседству с человеком иной национальности у нерусских в Карелии и у русских в Башкортостане встречается у 27 и 27,1% респондентов соответственно.

Согласно проведенным исследованиям, среди *русских* в Башкортостане, представляющих треть населения, и *нерусских* в Карелии, готовность к принятию человека другой национальности выше не только в сфере формально-деловых контактов (начальник и коллега), но и в сфере межличностных отношений (друг, сосед, супруг(а)). Оценки опрошенных, представляющих мнение большинства в обеих республиках (нерусские для Башкортостана, русские для Карелии), демонстрируют сходные тенденции к увеличению дистанции во всех анализируемых сферах межнационального общения.

В Карелии и в Башкортостане показатели оценки межэтнической напряженности зафиксированы на невысоких значениях и сопоставимы с данными по другим регионам. В целом межнациональное согласие, фиксируемое позитивными оценками отношений, составляет по республикам 66–74%. Отсутствие чувства враждебности к людям другой национальности варьируется в пределах 12 п.п. и идентично показателям с регионами со сходными характеристиками полиэтничности населения. В республиках, отличных по уровню этнической однородности, выделяется группа респондентов (на уровне 20%) с устойчивыми позитивными установками на межэтническое взаимодействие во всех выделенных для анализа сферах. Обращает на себя внимание, что и в Карелии, и в Башкортостане группы, представляющие численное большинство населения, демонстрируют согласованные уровни готовности к разным видам контактов. Мы имеем случай, когда республики в силу своих особенностей отличающиеся частотой

реальных и воображаемых этноконтактов, демонстрируют сходные установки групп большинства на межэтническое взаимодействие, реализуя в качестве общеразделяемой стратегию на дистанцирование. Таким образом, для разных по ряду основных переменных республик объединяющей, наряду с позитивной оценкой межэтнических отношений на уровне региона, является общепринятая норма в отношении межэтнических взаимодействий, составляющая основу современного состояния межнационального согласия.

1.3. Оценка межэтнических отношений башкирами и татарами в Республике Башкортостан и Ханты-Мансийском автономном округе (Югра)

В контексте поставленной исследовательской задачи представляется очень важным посмотреть, как отношения в регионах оцениваются людьми разной национальности. Сравним межэтнические установки башкир и татар, проживающих в Республике Башкортостан, где башкиры — титульная национальность, и в ХМАО — регионе с доминирующим русским населением. Подчеркнем, что далее речь пойдет не о сравнении двух регионов, а о сравнительном анализе установок двух этнических групп (башкир и татар) в разных ситуациях — в республике и за ее пределами.

Ситуация в межнациональных отношениях в Башкортостане оценена башкирской и татарской группами респондентов оптимистично. Как напряженные, на грани открытых столкновений отношения в республике характеризуют не более 5% опрошенных (табл. 1.3.1). Оценки башкир и татар отмечены ощущением большей комфортности межнационального климата на фоне всех опрошенных.

Таблица 1.3.1

Оценка состояния межнациональных отношений башкирами, татарами в Республике Башкортостан, 2017 г., *в % к опрошенным*

Характер отношений	В Республике Башкортостан в целом		
	Башкиры	Татары	Все
Доброжелательные, спокойные	81,4	80,0	**74**
Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	14,9	15,4	**14,7**
Напряженные	2,7	3,9	**4,1**
На грани открытых столкновений	0,9	0,6	**1,1**

В ХМАО респонденты анализируемых этнонациональных групп более сдержанны в однозначно доброжелательной и спокойной оценке отношений (табл. 1.3.2).

Таблица 1.3.2

Оценка состояния межнациональных отношений башкирами, татарами в ХМАО, 2018 г., *в % к опрошенным*

Характер отношений	В ХМАО (Югра) в целом		
	Башкиры	Татары	Все
Доброжелательные, спокойные	52,6	60,3	56,1
Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	43,3	31,1	34,6
Напряженные	3,1	4,8	4,9
На грани открытых столкновений	–	–	0,5

Чуть более половины, но не более 60% респондентов, уверены в стабильности ситуации в сфере межнациональных отношений в ХМАО-Югре, более трети же отмечает их внутреннюю напряженность. Поскольку нельзя не учитывать влияние ситуативных факторов, то возможно, подобные оценки связаны со сложностями в межнациональных взаимоотношениях в 2013 г., с событиями в Сургуте в августе 2017 г. и некоторыми другими резонансными событиями, оставившими след в памяти людей.

Говоря о состоянии межнациональных отношений в ХМАО, эксперты подчеркивали, что в целом эти отношения являются «спокойными, бесконфликтными»: «*Как местный житель на основе личного опыта могу сказать, что каких-то серьезных проблем нет. Какие-то проявления бывают, но мне представляется, что в ХМАО более менее стабильная ситуация*»; «*это искусственно придуманная проблема. Межэтнические конфликты. Их не существует по большому счету*» (эксперты, госслужащие, активисты НКО).

При оценке отношений в городе проживания более половины опрошенных в Ханты-Мансийском округе считают, что ситуацию в межнациональных отношениях в том населенном пункте, где они живут, можно охарактеризовать как спокойную и мирную. Одновременно более трети респондентов, достаточно обширная на наш взгляд группа, склоняются к мнению, что в сложившейся ситуации ощущается некоторая напряженность, что говорит о том,

что в межнациональных отношениях в каких-то населенных пунктах присутствует некая скрытая некомфортность, взаимная настороженность различных групп.

Экспертами не раз подчеркивалась мозаичность ХМАО–Югры, где для каждого из районов свойственно уникальное сочетание факторов, влияющих на межнациональные отношения. По их мнению, говорить об округе в целом не целесообразно, для анализа межнациональных отношений с целью выработки мер по поддержанию согласия необходима более детальная проработка ситуации в каждом из районов: «*Понятно, мы возьмем, например, Кондинское, где мало что происходит. Соответственно, там и ситуация хорошая. А Сургутский район, где район промышленного освоения, понятно, что здесь все, и потоки и так далее и здесь процент конфликтных ситуаций выше, чем в среднем по региону*»; «*...а все остальные территории у нас различны по вкраплениям этническим. Наверно можно говорить об округе, но нужно все-таки делить на районы, потому что они достаточно специфичны*» (эксперт, преподаватель вуза).

Несмотря на разные ощущения доброжелательности и напряженности в межнациональных отношениях, доля испытывающих враждебность к представителям других национальностей оказалась одинаково невысокой среди башкир и татар и в Башкортостане, и в ХМАО.

Таблица 1.3.3

Ощущение враждебности к людям других национальностей башкирами, татарами и русскими в Республике Башкортостан и ХМАО, 2017–2018 гг.,
в % к опрошенным

Ощущение враждебности	Республика Башкортостан		ХМАО	
	Башкиры	Татары	Башкиры	Татары
Да (очень часто, довольно часто)	12,3	11,1	10,3	8,1
Редко, иногда	34,7	30,0	32,0	30,8
Нет, никогда/практически никогда	53,0	58,4	56,7	60,1

Более половины опрошенных башкир и татар характеризуются устойчивым отсутствием враждебности к «иным», «другим» в Башкортостане и Ханты-Мансийском автономном округе (см. табл. 1.3.3).

Доля башкир и татар, испытывающих негативные чувства к людям других национальностей, очень часто и довольно часто, примерно одинакова в Башкортостане и Ханты-Мансийском автономном округе и составляет не более 13% населения (11–13% и 8–10% соответственно). Эти доли не выглядят существенными и обращающими на себя внимание на фоне гораздо более позитивного настроя опрошенных (максимальными значениями отмечены позиции татар в Республике Башкортостан и ХМАО — 58,4 и 60,1% соответственно). Не обнаружено сколько-нибудь значимых (по коэффициенту связи χ^2 Пирсона) различий в отношении к иным национальностям у представителей разных этнических групп.

Следует отметить, что предпочтение позиций этнической симпатии/антипатии отнюдь не говорит о склонности респондента к дружбе или враждебности по отношению к людям других национальностей. Это может свидетельствовать о склонности к оценочным суждениям о представителях тех или иных национальностей, а также о наличии определенных признаков ксено- или этнофобии. Так, башкиры и татары, независимо от территории проживания, не проявляют значимую склонность к оценочным суждениям на этнической почве и в меньшей степени подвержены ксенофобии.

Таким образом, при разных оценках ситуации в регионах (более доброжелательные в Башкортостане, более внутренне напряженные в ХМАО) башкиры и татары обоих регионов исследования испытывают одинаково невысокое чувство враждебности по отношению к представителям других национальностей, что позволяет сделать вывод о том, что оценки межнациональных отношений в целом и личные межэтнические установки находятся под влиянием разных факторов. Негативные или позитивные ощущения самих респондентов, которые являются участниками межэтнических отношений, складываются на основе личного опыта и практик взаимодействия. О межэтнических отношениях в стране, регионе, населенном пункте проживания судят, как правило, на основе информации из СМИ, которая часто бывает тенденциозной. Можно предположить, что «событийный фон» оказывает значительное влияние на оценку межнациональных и межконфессиональных отношений по стране в целом и регионам в частности. Негативная оценка межнациональных отношений в ХМАО, веро-

ятно, связана с чувствительностью населения данного региона к медийным сообщениям в виду его стратегической особости. В этом контексте свою лепту вносит и приток мигрантов, сообщения о которых создают негативный информационный фон, и которые, как правило, выступают основными объектами враждебности.

Далее, выделяя сферы контактов по степени опосредованности, рассмотрим межэтнические установки, которые выражают обобщенную установку на взаимодействие и являются важным фактором формирования межэтнического согласия[1].

Сначала рассмотрим степень принятия людей другой этнической принадлежности в качестве гражданина страны, жителя региона и населенного пункта. Готовность к указанным видам взаимодействия не предполагает непосредственного, близкого контакта и основана в большей степени на нормативных факторах согласия. Высокая степень готовности на принятие в этих сферах (на уровне 80–90%) — это скорее согласие с привычным нормативным утверждением о том, что Россия — многонациональное государство. Изучаемые регионы также являются полиэтничными территориями, издавна заселенными представителями разных национальностей, что отражает позитивный исторический опыт, основанный на традициях добрососедства. Однако при общей согласованности позиций на принятие иноэтничных представителей в качестве гражданина страны и жителей региона и города, хотелось бы отметить, что башкиры и татары Югры демонстрируют более высокую (разница в пределах 5–10 п.п.) готовность на принятие, одинаковую по всем позициям, в отличие от башкир и татар в Башкортостане, среди которых от 15 до 19% проявляют изоляционизм в этом отношении. Таким образом, подавляющее большинство представителей анализируемых групп в ХМАО обладают выраженной готовностью (90% и более у башкир и татар) на принятие инонациональных представителей как сограждан и жителей региона, что объясняется привычностью быстро меняющегося

[1] Установки измерены по 4-х балльной системе шкалы Богардуса («полностью согласен», «скорее согласен», «скорее не согласен», «полностью не согласен»). При анализе объединили ответы «полностью согласен» со «скорее согласен», «скорее не согласен» с «полностью не согласен».

состава населения, обусловленного историческими традициями освоения региона.

В многолетних исследованиях Центра исследования межэтнических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН было установлено, что готовность к межэтническому общению в разных сферах зависит от ряда факторов. Посмотрим, как отличаются межэтнические установки на взаимодействие в разнообразных сферах непосредственного общения у представителей разных национальностей Башкортостана и Ханты-Мансийского автономного округа.

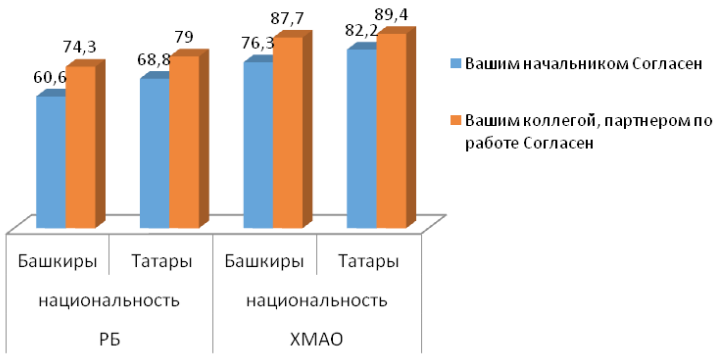


Рис. 1.3.1. Готовность башкир, татар и русских Республики Башкортостан и ХМАО к разным видам межнациональных контактов в деловой сфере, 2017–2018 гг., *в % к опрошенным*

Распределение установок на взаимодействие в деловой сфере довольно интересно (см. рис. 1.3.1). Начнем с того, что готовность работать под руководством человека другой национальности ниже готовности работать в многонациональном коллективе в обоих регионах. У башкир и татар — представители этих групп в ХМАО отличаются большей лояльностью в своей готовности работать под руководством человека другой национальности. В этом отношении наименьшую готовность проявляют башкиры в своей национальной республике (почти 40% опрошенных башкир не согласны трудиться под руководством начальника другой национальности), национальная принадлежность как критерий является значимым маркером дистанцирования.

В деловой, производственной сфере отношение к межнациональным контактам больше всего коррелирует с конкуренцией за рабочие (особенно престижные) места, в том числе во властных структурах, обеспечивающих доступ к собственности[1]. Такие установки могут отражать претензии башкир на занятие руководящих позиций в республике, которой они дают название, или опасения дискриминационных практик по национальному принципу со стороны потенциального начальника. Татарам свойственна самая высокая степень готовности на взаимодействие с иноэтничным начальником, особенно в Югре (82,2%).

Установки на работу в многонациональном коллективе поддерживаются опрошенными башкирами и татарам и в Башкортостане, и в ХМАО, что является необходимым элементом комфортного трудового климата в полиэтничных регионах. В известной степени такие установки диктуются реально сложившимися контактами и отношениями. Но для жителей ХМАО (особенно для башкир и татар) они устойчивее, чем для аналогичных групп в Башкортостане (до 1/5 несогласных). В укреплении уверенной готовности югорчан работать вместе с коллегами другой национальности, безусловно, сыграли роль исторические страницы героического освоения севера представителями разных народов СССР. Постоянные и многообразные межэтнические контакты внутри региональной общности, чувство совместного преодоления трудностей привели к формированию и развитию интернационалистических установок.

Рассмотрим, как обстоит дело с готовностью к межэтническому общению в неформальной сфере непосредственного общения (рис. 1.3.2).

Во внутрисемейных контактах позитивные межэтнические установки проявляются несколько слабее и в целом охватывают не более 68% опрошенных респондентов в Республике Башкортостан. Данные о значимой связи ($p \leqslant 0{,}05$) позволяют утверждать, что величина дистанции в сфере семейно-дружеских взаимоотношений зависит от национальной принадлежности. Так, изоляционистские установки в отношении смешанных браков в Башкортостане несколько в бо́льшей степени проявляют башкиры (61,9%),

[1] Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. С. 45.

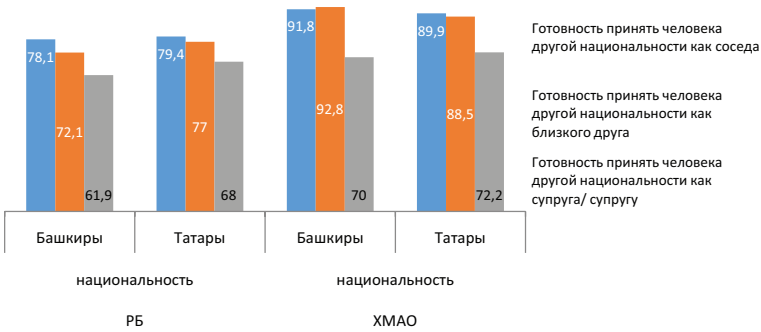


Рис. 1.3.2. Готовность башкир, татар и русских Республики Башкортостан и ХМАО к разным видам межнациональных контактов в неформальной сфере, 2017–2018 гг., *в % к опрошенным*

чем татары (68,0%). В ХМАО при выборе брачного партнера по национальному критерию башкиры и татары проявляют одинаковую степень избирательности (70 и 72,2%). Такое увеличение дистанции не обязательно является показателем негативных установок. Эта тенденция свидетельствует как об узости и закрытости семейной сферы общения, так и о сложившихся традициях: «*Я за то, чтобы однозначно сохранять. Браки должны быть только татары между собой, грузины между собой. Для сохранения (*национальности — *прим. авт.). Допускаются отдельные там как подтверждающие правило межнациональные браки. Но это не должно быть нормой. ... Ничто не скрепит, когда мы тут все переженимся*». Здесь надо обязательно принимать во внимание религиозный фактор, который привносит некоторую дистанцированность от других этнических групп, особенно в семейно-родственной сфере[1]. Такая «отдаленность» связана с культурными особенностями, а, следовательно, и их ретрансляцией на семейном уровне, что отражается в готовности к контактам в данной сфере жизнедеятельности с представителями других этнических групп.

Обращает на себя внимание согласованность уровней готовности к контактам и с друзьями, и с соседями, что может говорить о существующей в регионах исследования традиции дружить с со-

[1] *Мусина Р. Н.* Религиозность как фактор межэтнических отношений в Республике Татарстан // Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 232–242.

седями. Некоторую региональную разницу в соседско-дружеской сфере можно отметить в дистанцировании представителей анализируемых национальных групп. Так, башкиры и татары Югры в названных диспозициях межэтнических взаимодействий, фиксируемых шкалой социальной дистанции, демонстрируют тренд в сторону наименьшей дистанцированности. Анализируемые группы башкортостанцев в этом отношении отличаются бо́льшей сдержанностью, чем аналогичные группы югорчан, показывая отличающуюся готовность к принятию иноэтничных друзей и соседей.

Эта тенденция нашла подтверждение и в ответах на вопрос, предлагающий выразить свое отношение к соседству с семьей из числа национальностей, называемых в вариантах ответов (табл. 1.3.4).

Таблица 1.3.4

Отношение башкир и татар Республики Башкортостан и ХМАО к проживанию по соседству с людьми разной национальности, 2017–2018 гг.,
в % к опрошенным

Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы рядом с Вами поселилась самая обычная семья...		**Республика Башкортостан**		**ХМАО**	
		Башкиры	Татары	Башкиры	Татары
с Северного Кавказа (дагестанцев, ингушей, чеченцев, ...)	Положительно	30,9	25,0	38,1	43,0
	Безразлично	37,7	37,8	42,3	37,3
	Отрицательно	31,4	37,1	22,6	19,6
семья калмыков, бурятов, якутов	Положительно	29,3	26,8	36,1	42,6
	Безразлично	40,6	38,6	54,6	41,6
	Отрицательно	30,2	34,5	5,2	11,9

Распределение ответов опрошенных в Башкортостане позволяет сделать вывод о том, что есть сформированное отношение к соседству с иноэтничными семьями независимо от уточнения их национальной принадлежности. Например, есть группа респондентов (от 25 до 32% в разных этнических группах), которая относится преимущественно положительно к такому соседству. Доля лиц, для которых характерно устойчиво отрицательное отношение к любым инонациональным соседям, составляет от 30 до 37%,

30–40% составляют башкиры, татары с уверенно безразличной позицией по этому вопросу. Любопытно, что для республики с преимущественно мусульманским населением фактор религиозной принадлежности семей с Северного Кавказа не сработал как сокращающий дистанцию; скорее наоборот, фактор иноэтничности сохраняет дистанцию. В Ханты-Мансийском округе для большего, чем в Башкортостане, количества опрошенных (от 35 до 43%) характерна устойчиво положительная диспозиция к факту соседства с представителями разных национальностей. Почти половина (для разных национальных групп от 37,3 до 54,6%) респондентов придерживается безразлично-нейтрального мнения. Разница в отношении касается негативно окрашенных оценок. Пятая часть ответивших башкир и татар однозначно отрицательно относятся к соседскому проживанию с представителями из Северного Кавказа. В отношении семей калмыков, бурятов, якутов таких в два раза меньше (не более 12%).

Таким образом, для югорских башкир и татар характерно дифференцированное отношение к иноэтничному соседству. Готовность принять в качестве соседей людей другой национальности снижается при конкретизации национальности. Не более 13% респондентов не готовы соседствовать с иноэтничными семьями вообще, но если речь идет о соседях с Северного Кавказа, то их число доходит до 22%. Башкортостанцы демонстрируют устойчивую дистанцированность в вопросе принятия инонациональных соседей независимо от того, откуда они.

В Ханты-Мансийском округе инструментарий исследования позволил более подробно обратиться к анализу дружеской среды общения респондентов (табл. 1.3.5).

По данным таблицы 1.3.5, среди близких друзей опрошенных башкир и татар почти в равных долях (с разницей в 10 п.п.) представлены люди своей и другой национальностей. В группе русских друзья своей национальности распространены также как у башкир и татар на уровне 70%, а вот друзья другой национальности представлены меньше. Поскольку не стоит вопрос о компактном проживании людей той или иной национальности, можно говорить о некоторой избирательности в дружеских контактах русских по национальному признаку. Это лишь дополнительная черта к описанию группы русских, характеризующая особенности кругов её

Таблица 1.3.5

Представленность друзей разной национальности у башкир, русских, татар ХМАО, 2018 г., *в % к опрошенным*

Сколько у Вас близких друзей среди людей …?		Национальность		
		Русские	Татары	Башкиры
Вашей национальности в ХМАО	Ни одного	4,0	7,2	11,3
	Только один	1,8	3,3	2,1
	2–3 чел.	14,3	14,4	15,5
	Более 3-х чел.	20,6	22,5	20,6
	Много	59,2	52,6	50,5
других национальностей в ХМАО	Ни одного	16,6	4,8	2,1
	Только один	4,5	1,9	7,2
	2–3 чел.	18,4	8,6	8,2
	Более 3-х чел.	21,5	29,7	23,7
	Много	39,0	55,0	58,8

Таблица 1.3.6

Распространенность мест общения с друзьями у башкир, русских, татар ХМАО, 2018 г., *в % к опрошенным*

Где и по какому поводу Вы чаще всего общаетесь с друзьями Вашей национальности?	Национальность		
	Русские	Татары	Башкиры
На работе	**61,9**	47,8	39,2
Во дворе, по-соседски	55,2	37,3	27,8
Во время национальных праздников, в т.ч. религиозных	31,8	42,1	**50,5**
Во время событий, связанных с рождением детей, свадьбами, похоронами и пр.	49,8	**59,8**	**53,6**
При совместном проведении досуга	**70,0**	**49,8**	49,5
При необходимости помочь друг другу в поисках работы, жилья	31,4	20,6	22,7
В церкви / мечети, своей религиозной общине	23,3	17,2	8,2
По телефону, интернету, в социальных сетях	**75,8**	**73,2**	**80,4**

дружеского общения. Ее нельзя рассматривать как характеристику, снижающую потенциал межэтнического согласия русских, тем более при довольно высоком уровне межэтнического общения (у 1/5 части 2–3 иноэтничных друга, у 60% — более 3-х человек).

Говоря о местах и поводах для общения с друзьями своей национальности, непопулярными местами для всех оказались церковь, мечеть, религиозная община; не более 31,4% респондентов отмечали в качестве повода общения с друзьями своей национальности оказание помощи (поиск жилья, займ денег). Общность этнической принадлежности не является основным мотивом при выборе людей, к которым чаще всего обращаются за помощью, важную роль играют другие факторы, такие как родство, дружба.

Лидирующую же позицию у всех групп опрошенных занимает общение по телефону, интернету, в социальных сетях. Виртуальное пространство не знает национальности, оно доступно всем и популярно у всех анализируемых национальных групп (на уровне 75–80%). Это общая тенденция, нашедшая отражение в мнениях наших респондентов. Последующий рейтинг мест и поводов для встреч отличается у разных национальностей. У русских это совместный досуг, работа, двор и замыкают пятерку встречи во время событий, связанных с рождением детей, свадьбами, похоронами. Отмеченные места встреч отражают повседневный, устоявшийся уклад жизни, характерный для большинства людей — дом, работа, отдых, праздники и др. нечастые значимые события. У башкир и татар Югры места встреч по частоте ранжированы отличным образом друг от друга и иначе, чем у русских. И башкиры, и татары в первую очередь после телефонного и интернет-общения отмечают встречи на значимых семейных событиях. Далее у татар идут совместный досуг, работа и национальные праздники. У башкир же следующими по частоте следуют национальные праздники, досуг и замыкает работа. Соседское общение в пятерку не вошло. Башкирскими и татарскими респондентами в качестве мест наиболее частого общения с друзьями своей национальности отмечены места и поводы, не относящиеся в ежедневной реальности, это в основном мероприятия по поводу.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что признак национальности не доминирует при формировании повседневного круга общения как со стороны башкир, так и со сто-

роны татар округа. Общность этнической принадлежности не является определяющим критерием для большинства респондентов в вопросах социального поведения. Это говорит о том, что они в своей повседневной жизни успешно вписаны в сложившуюся полиэтничную среду, которая предполагает многонациональное взаимодействие в различных сферах на основе согласия.

Анализ показывает, что уровень устойчивого отсутствия враждебности по отношению к людям другой национальности у большинства людей также высок, как степень готовности взаимодействовать с ними в разных сферах общения. Установки этнических групп в исследуемых регионах в отношении представителей других национальностей и опосредованных, и непосредственных повседневных межэтнических контактов с ними весьма позитивны. Стоит отметить, что уровень отношения к другим этническим группам практически не различается в выделенных для анализа группах, т.е. налицо консолидированная точка зрения у башкир и татар, проживающих в республике и округе. Поскольку такая консолидированная диспозиция характерна для оценки многих текущих ситуаций в регионах исследования, то есть основания рассматривать представителей этих национальностей как единую этническую группу (общность).

В ХМАО представителями башкир и татар вербально выражена значительно более высокая, чем у башкир и татар республики готовность к межнациональному общению в деловой, неформальной и дружеско-семейной сферах и к принятию людей других национальностей в качестве сограждан и жителей региона. В диспозициях межэтнического взаимодействия у башкирского и татарского населения Башкортостана наблюдается тренд в сторону дистанцирования.

При более благоприятной оценке межнациональных отношений в республике и низком уровне этнофобии, для башкортостанцев характерна большая дистанцированность в межэтнических взаимодействиях. Для югорчан же при более осторожной оценке обстановки в округе, уровень позитивных межэтнических установок, измеренных через готовность к принятию и уровень этносимпатии, очень высок. Если рассматривать межнациональное согласие как сложный феномен, складывающийся из комплекса в том числе межэтнических установок, то его потенциал несколько выше в Югре, чем в Башкортостане.

Таким образом, исследование подтвердило большую сложность межэтнических отношений при высокой вероятности межкультурного общения. В Республике Башкортостан имеют значение сложившиеся исторические обстоятельства в общении между башкирами и татарами. В каких-то ситуациях татары больше солидарны с русскими, поскольку и те, и другие являются в республике нетитульными национальностями. И татары нередко это сильнее чувствуют, поскольку сравнивают свои возможности с людьми своей национальности в соседнем Татарстане. Русские более урбанизированы, они ощущают себя в республике уверенно, у них больше претензий на высокие позиции.

Религиозность и оценки межэтнических отношений в регионах*[1]

Проблемы роли религиозного фактора в формировании межэтнических отношений стали актуальными в постсоветской России в связи с усилением межэтнических контактов и актуализацией этнического и религиозного сознания. Немалое значение имели приток в страну мигрантов-мусульман, принадлежащих к иным религиозно-правовым школам, и разногласия внутри мусульманской уммы России. Свою роль сыграло усиление социальной и политической роли православия как религии этнического большинства и роли ислама как выразителя интересов значительной части российского населения.

Межэтническую напряженность могут провоцировать общественно-политические события, апеллирующие к исторической памяти, восприятие неравных возможностей социального продвижения людей различных национальностей, неравенство в обеспечении ресурсами и перспективах сохранения и развития родной культуры. Риск вовлечения религии в процессы межэтнической напряженности представляет реальную опасность для социальной стабильности в поликультурных и богатых ресурсами областях и республиках России.

[1] *Данный раздел написан С. В. Рыжовой.

Исследование показало, что в тех регионах, где межэтнические отношения оцениваются наиболее благожелательно, высок уровень религиозности, рассматриваемый нами как ощущение причастности к религиозному сообществу (чувство тесных внутриконфессиональных связей). Так, *наилучшие* оценки межнациональных отношений отмечаются в Астраханской (68%), Калининградской (66%) областях, в республике Карелия (66%). Здесь две трети населения воспринимают межнациональные отношения как доброжелательные и спокойные. В этих же регионах *максимальные* показатели уровня религиозности: ощущают *тесную связь с единоверцами* 58% в Астраханской области, 48% в Карелии, 46% в Калининградской области. Если рассмотреть эти данные в этническом разрезе, то увидим, что среди жителей этих регионов — респондентов, принадлежащих к нерусским национальностям, — внутриконфессиональные связи значительно сильнее. В Астраханской области *тесную связь* с единоверцами ощущают 49% среди русских и 65% среди людей других национальностей; в Калининградской области 37 и 62%; в Карелии 38 и 56% соответственно (см. табл. 1.3.7).

Наихудшие оценки межнациональных отношений — в Ставропольском крае и Московской агломерации. В Москве и Московской области как "доброжелательные" и "спокойные" их оценивают лишь 29% и здесь же *минимален показатель религиозности* (как чувство тесной связи с единоверцами)*;* 39% жителей Московской агломерации ощущают тесную связь с единоверцами, и эти связи также слабее среди русских — 35% против 46% среди людей других национальностей.

В Ставропольском крае ситуация иная — здесь при высоких показателях межэтнической напряженности (44% ощущают латентную межэтническую напряженность и 10% открытую) велика доля и позитивно оценивающих межэтнические отношения: 42% полагают, что они «доброжелательные» и «спокойные». При этом в Ставрополье *уровень религиозности* (тесных внутриконфессиональных связей) *высокий*, он такой же, как в более благополучной Астраханской области и составляет 59% (ощущают тесную связь с единоверцами) и также он выше среди людей других национальностей.

Таблица 1.3.7

Показатели религиозности и религиозного поведения в регионах России среди русских и людей других национальностей, *% от опрошенных*

Национальность	ХМАО–Югра	Астраханская область	Калининградская область	Московская агломерация	Ставропольский край	Республика Карелия
	Верующие, стараются соблюдать обычаи и обряды					
Русские	47	58	30	38	41	25
Другие национальности	55	59	50	56	49	38
	Верующие, но не соблюдают обычаи и обряды					
Русские	37	31	39	45	43	47
Другие национальности	32	30	34	34	37	40
	Ощущают тесную связь с единоверцами					
Русские	40	49	37	35	50	38
Другие национальности	49	65	62	46	57	56

Русские, в сравнении с людьми других национальностей, реже стремятся к соблюдению предписанных религией обычаев и обрядов. Эта тенденция относится практически ко всем исследованным регионам (ХМАО–Югра и Московская агломерация, Калининградская область, Республика Карелия и Ставропольский край) за исключением Астраханской области). В то же время русские всех регионов, как мы показали, *реже ощущают тесную связь* с *единоверцами* (табл. 1.3.7).

Таким образом, наихудшие оценки межнациональных отношений и минимальные показатели религиозности (как чувства связи с людьми своей веры) обнаружены в Москве и Московской области — регионе наиболее модернизированном, богатом возможностями социального продвижения и «поисками удачи», где высока конкуренция и ценности самовыражения. Последние, согласно подходу Р. Инглхарта, способствуют секуляризации и утрате религиозного сознания.

Наилучшие оценки межнациональных отношений и максимальные показатели религиозности отмечаются в Астраханской области — регионе, где поликультурность и поликофессиональность сложились исторически и развиваются без серьезных конфликтов, подрывающих доверие.

В Ставропольском крае позитивная оценка межнациональных отношений находится на среднем уровне, но велика латентная межнациональная напряженность, и при этом фиксируется высокое ощущение связи с людьми своей веры, сопоставимое с соответствующим показателем благополучной Астраханской области.

Приведенные данные позволяют утверждать, что роль религиозности в межэтнических отношениях проявляется *дифференцированно и ситуативно*. Динамика формирования межэтнических отношений и уровень религиозности в регионе обусловлены историческими условиями, степенью модернизированности, ресурсности региона и сложившимся характером межэтнических контактов.

Высокая латентная межэтническая напряженность в Ставропольском крае и одновременно высокий уровень религиозности создают риски вовлечения последней в возможные межэтнические противостояния.

1.4. Роль НКО в межнациональном согласии

Межнациональное согласие является безусловным приоритетом для России, «важнейшим условием самого существования государства», о чем не раз заявлял президент В. Путин в ходе своих выступлений[1].

Национально-культурные объединения (НКО), будучи одной из форм проявления общественной активности, играют немалую роль в процессе реализации государственной национальной политики, являясь одними из принципиально важных *субъектов* сохранения межнационального мира и согласия, обеспечения информационных, образовательных, культурных и иных гуманитарных запросов и потребностей жителей страны, связанных с их национальной принадлежностью, гарантом продуктивного межэтнического взаимодействия.

Согласно Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации этнокультурные общественные объединения являются обязательными участниками реализуемых программных мероприятий, обеспечивающих решение основных задач по сохранению и развитию культур народов России во всех субъектах, укреплению их духовной общности, обеспечению межнационального мира и согласия, созданию условий для социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов, совершенствованию взаимодействия с исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления муниципальных образований регионов.

Национально-культурные объединения, начиная с рубежа 1980-х-1990-х гг., играют важную роль в современном обществе,

---

[1] Заседание Совета по межнациональным отношениям. Астрахань, 31.10.2016. [Электронный ресурс]: Президент России: [веб-сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/53173 (Дата обращения: 14.06.2018).

способствуя регулированию и гармонизации межэтнических отношений. Их создание поощрялось и стимулировалось российскими властями, особенно на региональном уровне. Поэтому их одновременное массовое возникновение от Калининграда до Владивостока не вызывает удивления. В самом начале региональные власти не до конца представляли возможные функции таких обществ и стремились удержать их в рамках чисто декоративных структур. Со временем ситуация стала меняться. Сегодня видят в них партнера по решению возникающих проблем. Более чем из 220 тыс. российских НКО порядка 6 тыс. имеют в своих уставных целях этнокультурное содержание. В настоящее время в каждом субъекте РФ работают от 10 до 70 региональных национально-культурных общественных объединений. Рассматриваемые в нашем исследовании регионы не исключение. На территории Башкортостана более 60 из 300 зарегистрированных общественных объединений республики занимаются развитием и сохранением родных языков и национальных культур, в ХМАО — в числе зарегистрированных некоммерческих организаций 102 общины коренных малочисленных народов Севера, 80 национальных общественных организаций. Во всем многообразии представленных НКО отражается этническая структура изучаемых регионов. Но дело здесь не в количестве и географическом охвате, хотя и это немаловажно. Важнее — качество этих организаций, степень их влияния, их роль в жизни этнических групп и региональных сообществ. Анализ показал, что при внешней схожести, общем стандартном наборе заявленных в Уставах целях, это часто разные по численности, активности и, самое главное, по реальным направлениям деятельности организации.

У этнических групп[1] есть необходимость в формулировании и выражении своих потребностей, оформление которых осуществляется в рамках организационных структур, приобретающих форму национально-культурных общественных объединений (НКОО)[2],

[1] Мы используем понятие этническая группа как это принято в мировой социологии для обозначения людей конкретных национальностей, живущих на территориях.

[2] Федеральный закон “Об общественных объединениях” № 82-ФЗ от 19 мая 1995 г. (с последующими изменениями и дополнениями” // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. Ст. 1930; 1997, № 20. Ст. 2231; 1998. № 30. Ст. 3608.

национально-культурных автономий (НКА)[1], некоммерческих, общественных организаций (НКО)[2], неправительственных объединений (НПО), ассоциаций, движений, национально-культурных центров со своими правилами, нормами, социальными функциями. Такая дифференциация организационных форм отражает то, как различные этнические группы с разным уровнем активности и энтузиазма участвуют в национально-культурном самоопределении.

Несмотря на многообразие институциональных форм, зачастую организационная форма НКО непринципиальна, поскольку гораздо более важно для представителей той или иной этнической группы просто объединиться со своими единомышленниками и начать работу по сохранению национальной культуры.

Термин «национально-культурные объединения» является общеупотребительным наряду с терминами «национальные общественные объединения», «национально-культурные общественные объединения», «национально-культурные организации», «национально-культурные центры». *Национально-культурное объединение* — это добровольное самоуправляемое объединение граждан определенной национальности, как правило, имеющее форму общественного объединения (реже — действующее в виде неформального образования), созданное с целью удовлетворения потребностей в общении с представителями своей национальности, сохранения и популяризации этнической культуры, восстановления ее утраченных элементов, а также сохранения родного языка и этнической самобытности[3]. Применительно к нашей исследовательской ситуации использовано понятие «национально-культурное объединение», которое является собирательным и широким.

В современных условиях глобализации, когда происходит нивелирование национальных и культурных особенностей и исчезают многие элементы традиционной культуры, НКО выполняют

---

[1] Федеральный закон "О национально-культурной автономии" № 74–ФЗ от 17 июня 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2965.

[2] Федеральный закон "О некоммерческих организациях" № 7–ФЗ от 12 января 1996 г. (с последующими изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 145; 1998. № 48. Ст. 5849.

[3] *Ильина А. А.* Национально-культурные объединения татар Западной Сибири: история создания и результаты деятельности (1988–2008 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2010. С. 3.

важную миссию; выявление и удовлетворение этнокультурных запросов граждан, сохранение и защита самобытности, культуры, языка и традиций представителей разных национальностей, дисперсно проживающих на территории России, социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов, достижение стабильности межнациональных отношений, предупреждение конфликтов. Многообразные виды и формы национально-культурных объединений нацелены на решение задач, определяющих основные их функции и направления деятельности, а именно: сохранение национальной (этнической) идентичности и самобытности, этнической социализации, национальной консолидации, формирование этнической толерантности[1].

Наряду с этой приоритетной функцией выделяются также условно прикладные функции. В регионах национально-культурные объединения выступают регуляторами межэтнических отношений и участниками процесса социально-культурной адаптации мигрантов. Кроме того, выполняют функцию, «выходящую» за границы непосредственно этнических проблем, — формирование активной гражданской позиции личности, качеств гражданина страны. Являясь одним из структурообразующих элементов гражданского общества, национально-культурные объединения способны в условиях современного общества формировать и представлять образ этнической группы в окружающем обществе. А от того, как воспринимается последняя во внешней среде, зависит не только характер ее отношений с населением, но и перспективы дальнейшего ее развития в данном регионе в целом.

Совокупный образ представляемой этнической группы среди других формируется, в том числе, и в зависимости от того, как и за счет чего проявляется деятельность национальных объединений в различных областях общественной жизни региона. Все это обусловливает интерес к особенностям функционирования национально-культурных общественных объединений с целью выявления основных тенденций их деятельности и оптимизации взаимодействия с другими структурами социума.

В связи с этим актуализируется необходимость изучения роли и влияния этнокультурных объединений на территории Российской

[1] *Батыршин И. Р.* Национально-культурные объединения как фактор формирования гражданского общества (на примере Республики Башкортостан): автореф. дис... канд. полит. наук. М., 2004. С. 19–20.

Федерации. Для оценки нами были выбраны два региона: Республика Башкортостан и Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. Выбор данных регионов не случаен, поскольку каждый из них обладает разным социально-экономическим уровнем развития, особенностями истории формирования и этнокультурного состава населения, но при этом они значимы как модельные для изучения развития крупных полиэтнических сообществ в аспекте межнациональных отношений. Цель анализа состоит в определении роли национально-культурных общественных объединений в гармонизации межнациональных отношений как в регионе, так и в России в целом.

Данные экспертных интервью позволили проанализировать деятельность НКОО в Республике Башкортостан и ХМАО (Югра). Экспертами выступили представители научного сообщества, представители национально-культурных автономий (НКА) и национально-культурных общественных организаций (НКОО). В интервью приняли участие представители НКА и НКО наиболее значительных этнических групп обследуемых регионов. По Республике Башкортостан — это башкиры, дагестанцы, марийцы, русские, татары. По ХМАО — азербайджанцы, башкиры, дагестанцы, татары, чеченцы. Нас интересовали мнения представителей национальных общин о том, в чем они видят задачи своей деятельности, и как она способствует подержанию межэтнического согласия в регионе. Исследование позволит понять, как определяют свое место этнокультурные сообщества в региональном социуме, как взаимодействуют с населением регионов, друг с другом и с региональными и муниципальными властями.

Представление о роли НКО в сохранении и развитии культуры

Важнейшей составляющей деятельности национально-культурных объединений, обеспечивающей достижение прописанных уставных целей, является проведение культурно-просветительской работы, массовых мероприятий, изучение и распространение историко-культурного наследия. С одной стороны, это направление деятельности служит презентации культурных достижений своей

группы, поскольку любому народу важен не только «образ для себя», создаваемый культурными традициями, но и «образ для других». С другой — способствует формированию среды позитивного межнационального общения, например, через проведение национальных праздников и фольклорных фестивалей: *«Если мы работаем с одним, мы работаем все вместе. 9 мая — для всех одинаково же. Только сказало «Арарат» национально-культурное объединение, все пришли, убрали могилы. Югра многонациональная, у нас есть такое, Югра многоликая, проект постоянный. 100 с чем-то стран уже, поэты великие там с нами. Дни азербайджанской культуры — все вместе, дни немецкой культуры — все вместе. Потому что даже Гетте, Шиллера, или Авиценну, и все вот собираемся, все до единого. Они приходят, и каждый приносит свое, кто что к чаю, кто лепешки, кто плов, кто чай и это превращается в такие посиделки» (*эксперт, активист НКО).

Все мероприятия[1] можно разделить на несколько категорий:

1. **Национальные праздники** (День национальной культуры вайнахского народа, Сабантуй, День татарской культуры, День украинской культуры, Курбан-байрам, Навруз, традиционные праздники коренных народов, праздники национальных культур народов, населяющих республику, все праздники по мусульманскому календарю);
2. **Общероссийские и региональные праздники и события** (День Победы, День пожилого человека, День России, День Области, День народного единства, Дни города);
3. **Культурно-развлекательные мероприятия** (республиканские праздники «Шежере байрамы», республиканский праздник Курая, «Широкая Масленица», детские праздники и утренники, фестиваль «Сердце Евразии», республиканский фестиваль «Русская песня», «Молодость в Югре», национальные фестивали «Соцветие», «В кругу семьи единой», фестиваль «Морсешорс» — международный фестиваль культуры, фестиваль «Сибирский бард Украины», колядки на Рождество, акция «Мы молоды — мы вместе», «Крайна мрий»);
4. **Просветительские мероприятия** (Международный Аксаковский праздник, Дни славянской письменности и культуры, кон-

[1] Анализируемые мероприятия в РБ и ХМАО (Югра).

курс-фестиваль «Тукаевские напевы», «Встреча трёх поколений», Шевченковские чтения, классы по изучению татарского языка, ежегодные Рождественские чтения; проект возрождения исторической памяти);

5. **Общественные работы** (строительство мечети, субботники, экологические акции);
6. **Спортивные мероприятия** (республиканский фестиваль по национальным и народным видам спорта, Спартакиада национально-культурных объединений);
7. **Мероприятия**, развивающие международные связи и способствующие объединению тюркских, финно-угорских народов (Международный конкурс-фестиваль музыкального творчества тюркской молодежи «Урал моно», международный форум тюркской молодежи России «Золото тюрков», Международный фестиваль культур финно-угорских народов «Живущие по солнцу»).

Отметим, что в перечне мероприятий доминируют национальные праздники и мероприятия культурно-развлекательного характера (фестивали, концерты и т.д.), направленные как на сохранение национальной культуры и самобытности, так и на поддержание гражданского мира и межнационального согласия: «*Вот мы проводим ряд мероприятий объединяющих — «Соцветие», День Города. Вот да... У нас каждый этнос, у него есть своя определенная площадка, где он выставляет свой быт там, свою культуру, свою кухню вот, свои танцы, все там. Вот... Так же проходит глава по всем площадкам... тоже с чиновниками*» (эксперт, активист НКО).

В отличие от мегаполисов, где этнические праздники, как правило, не становятся общегородскими, в изучаемых регионах, где исторически совместно проживают разные народы, национальные праздники привлекают всеобщее внимание. Люди охотно посещают такие мероприятия, причем не только свои, но и других народов: «*Просто настолько это интересно...не только это в Сургуте, это во всех городах округа. ...традиции такие, объединяющие все народы. Я вот пять лет назад стал председателем, я... рад, что стал председателем. С одной стороны, я Всевышнего благодарю, потому что я изучил практически культуру каждого народа*» (эксперт, активист НКО). Не случайно органы исполнительной и муниципальной власти регионов стремятся использовать националь-

ные праздники в целях поддержания социального согласия и доверия, оказывают всевозможную посильную помощь общественным национальным организациям, выделяя ежегодно существенные финансовые и иные средства на организационные мероприятия в сфере укрепления межэтнических отношений. «Мероприятия по ознакомлению с культурой различных народов» стабильно занимают первые места в рейтинге мероприятий региональных программ, направленных на гармонизацию этноконфессиональных отношений и предотвращение конфликтов, от чего этническая культура в России со временем приобрела фестивально-праздничный оттенок. Отчасти популярность подобных мероприятий можно объяснить их финансовой поддержкой из региональных бюджетов. При этом *потенциал таких мероприятий как инструмента улучшения межнациональных отношений не стоит переоценивать,* поскольку на решение основных проблем они не нацелены. Культурные и административные мероприятия не могут считаться достаточными в такой деликатной сфере, как межнациональные отношения: *«Вроде национально-культурные объединения — это хорошо, но я же понимаю, что одними танцами, плясками, песнями ничего не сделаешь» (*эксперт, активист НКО).

Проведение ежегодных национальных праздников, безусловно, необходимый и важный элемент в расширении взаимопонимания между людьми разных национальностей. Однако, как известно, помимо праздников у этой медали есть и обратная сторона: *«...добиться межнационального согласия только за счет фестивалей, там совещаний...: ...нужно ещё самое главное не упустить...»*. Несмотря на то, что национальные объединения в регионах, по оценке их активистов, живут дружно, много общаются, приглашают друг друга на праздники, даже при тесном контакте участников НКО недостаточность знаний друг о друге и населения об их деятельности остается. По данным различных социологических исследований, процент охвата национально-культурными автономиями своих земляков не превышает 3% от общего их количества[1]. НКО может эффективно существовать лишь тогда,

[1] Уральские социологи составили портрет таджикского мигранта и выявили основные проблемы гастарбайтеров. [Электронный ресурс]: «Фергана» — информационное агентство. URL: http://www.fergananews.com/articles/6338 (Дата обращения: 10.10.2014).

когда в ней заинтересовано большинство определенной этнической группы.

А незнание традиций народов, живущих рядом, неосведомленность об особенностях их образа жизни и культуры могут порождать недоверие и напряженность в отношениях. Более активное привлечение к участию населения в жизни национальных объединений, в их мероприятиях помогает гражданам расширить культурные границы, выйти за рамки привычной повседневности, понять некоторые аспекты жизнедеятельности народов России, снять фобии и противоречия. И здесь сами НКО должны проявлять инициативу и в опоре на представляемые этнические группы расширять сферы деятельности. От жизнеспособности НКО, их активности и эффективной деятельности во многом зависит социально-политический климат как в отдельном регионе, так и в стране в целом.

Доминирование в деятельности НКО мероприятий культурно-просветительского характера подтверждает тот факт, что они преимущественно сосредоточены на вопросах национально-культурного развития, что созвучно их основной задаче — сохранению и развитию культуры своего народа. Все остальные реализуемые функции можно рассматривать как ответвления от основной или ее сопровождающие, как неотъемлемое условие успешного существования этнокультурного объединения. То обстоятельство, что последние зачастую выступают регуляторами отношений между субъектами межэтнических взаимодействий, это подтверждает. По общему мнению, «*основная задача НКО — объединять, сплачивать людей*», а урегулирование конфликтов и локальных противоречий — это «прикладная функция национальных общественных объединений».

НКО как регулятор отношений в сфере межэтнических взаимодействий

В деле разрешения межнациональных противоречий усилий только одних официальных органов государственной власти, органов местного самоуправления и должностных лиц явно недостаточно. Поэтому, несомненно, что национальные общины и диа-

споры вместе с национально-культурными объединениями могут играть существенную роль в поддержании на территории регионов России межнационального и межрелигиозного мира и согласия. Согласно итогам проведенных в 2017 г. в ХМАО–Югра социологических исследований о состоянии межнациональных и межконфессиональных отношений в регионе, все без исключения участники фокус-групп положительно оценили вклад национально-культурных организаций в укрепление межнациональных и межконфессиональных отношений между народами автономного округа[1], а ранее, в 2012–2013 гг., большинство (85%) респондентов ответили, что национальные общественные объединения могут эффективно способствовать преодолению конфликтов на национальной почве[2]. Все НКО проводят большую работу по поддержанию комфортного самочувствия своих соотечественников, заботясь о возрождении, сохранении их культурных традиций. Однако представители не всех объединений принимают участие в урегулировании конфликтов между людьми различных национальностей, которые в большинстве случаев имеют экономическую и бытовую природу. В основном в этот процесс вовлечены представители объединений от тех национальных групп, которые играют в регионах довольно заметную роль в сфере бизнеса, экономических отношений, или чаще других являются участниками спорных ситуаций в повседневном взаимодействии.

Традиционным способом работы государственных органов считается взаимодействие с лидерами национально-культурных

---

[1] Доклад и.о. директора Департамента И. В. Безносовой к заседанию Межведомственной комиссии Ханты-Мансийского автономного округа — Югры по противодействию экстремистской деятельности (04.12.2017). [Электронный ресурс]: Департамент общественных и внешних связей Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. URL: https://depos.admhmao.ru/vzaimodeystvie-so-sredstvami-massovoy-informatsii/teksty-ofitsialnykh-vystupleniy-i-zayavleniy-direktora-departamenta-i-zamestiteley/1036520/doklad-i-v-beznosovoy-k-zasedaniyu-mezhvedomstvennoy-komissii-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga- (Дата обращения: 21.06.2018).

[2] Информация о состоянии межнациональных и межконфессиональных отношений в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре (итоги социологических исследований, проведенных в 2012 году). [Электронный ресурс]: «Югражданин.рф» — портал гражданского общества. URL: http://ucitizen.ru/control/social/925/ (Дата обращения: 21.06.2018).

объединений, которые являются членами различных общественных и консультативных советов по делам национальностей при органах местного самоуправления или региональных администрациях. В идеале национальные объединения могут выполнять роль посредников в урегулировании различных ситуаций, связанных с межэтническими отношениями; быть представителем от своей этнической группы для органов власти и представителем «органов власти» для обращающихся сограждан. Как показывает опыт, на практике так складывается не всегда.

В работу, как правило, посредством личных, неформальных связей вовлекаются все, кто может повлиять на благополучный исход той или иной ситуации. Это и лидеры национальных объединений, и представители религиозного духовенства, и старейшины, не всегда аффилированные с национально-культурным объединением.

С учетом этнопсихологических характеристик ряда этнических групп в данном случае срабатывает принцип личной социальной ответственности[1], которая возникает, в первую очередь, перед своими — национальными политическими лидерами, родовыми старейшинами и религиозными деятелями, что характеризуется сознательным соблюдением обычаев и традиций своей этнической группы: «*Как бы есть у нас такое слово адат, и у чеченцев, и у нас, это как...обычай. Адат — это есть закон, как бы законодательство, а есть еще как бы вот такие непрописанные нигде это адаты. Это обычаи. По обычаю, ты, допустим, ну, не можешь ты идти как сумасшедший где-то там, на площади танцевать, себя вести вызывающе, мешать людям. За это идет порицание этого человека или группы лиц. Вот в таком ключе*» (эксперт, активист НКО).

Большинство участников исследования отметили тот факт, что значительное внимание в их работе уделяется взаимодействию с молодежью: *«У нас общественная организация. Мы собираем молодежь, всех приглашаю. Сидим часами. Они у нас уже прислушиваются, они уже нам практически подконтрольны» (*эксперт, активист НКО). В ХМАО лидеры этнокультурных объединений говорят:

[1] *Шовканов Д. А.* Коллективная ответственность как внешний и внутренний регулятор локализации этнополитических напряжений и конфликтогенности // Вопросы политологии. 2018. № 3 (31). С. 75–84.

*«Молодежь, в первую очередь с кем надо работать, им надо закинуть такое, чтобы их расшевелило, чтобы магнит там был, чтобы притянуло и они вокруг этого. Я в прошлом году как сделал, уикенд давайте сделаем, взял 2–3 активистов, провез, вот отличное вам место и горы, и лес, Барсова гора достопримечательность, внизу там смотришь красота такая. Объявление даем: сбор там, выезжаем. Собралось человек 50. Берите мячи, спиртного не было. Что хотите есть, картошка, курица, шашлыки, колбаски. Музыки, всяких спортивных набрали. Приехали, они целый день кипели, один одно готовит, там чаи и так далее. Такими моментами, рывками, они объединяются, соединяются, а потом раз они включают музыку, потанцевали, флешмоб. Потом флешмоб несколько раз порепетировали, хореографа закрепили, они уже в прологовой части Сабантуй. Потом армяне проводят праздник Вардавар, Давид просит — чем можем украсить. Я говорю, так давай молодежь дадим, они флешмоб станцуют. А потом эти силачи на Ситимоле проводят, туда попросят. Они туда окрыленные такие. Чуть-чуть если завести, они сами как снежный ком и их масса. Потом на машинах, какие-то массовые выезды и все это культурные мероприятия, без алкоголя, без ничего, без правонарушений. И вокруг них уже другие формируются. Когда читаешь, идея за идеей приходит, закидываешь, они дальше добавляют, развивают. А вообще идея такая была, это флешмоб они сделали, в планах у меня было, давайте с привлечением остальных наций. Допустим, председателям, руководителям скидываешь музыку, и под эту музыку движения отрабатывают» (*эксперт, активист НКО).

Отметим, что при правильной организации эта работа является крайне важной в плане профилактики роста напряженности и межнациональных конфликтов.

Культурно-просветительская деятельность является своего рода «фасадной», презентационной, и в подавляющем большинстве случаев это результат инициативы властей. Все мероприятия хоть и носят безусловно миротворческий характер, но потенциал их ограничен. Как это ни парадоксально, когда говорят об эффективности деятельности НКО, имеют в виду не только и не столько масштабность проводимых ими мероприятий, сколько их реальные возможности в урегулировании межэтнических взаимодействий. Важны те виды повседневной деятельности, которые, в отличие от внешних мероприятий, направлены внутрь, о них не всегда

известно, ими не отчитаешься, но от этого они не становятся менее значимыми: «*Вопрос возможности права позвонить там днем, ночью, вот это я, этим я и занимаюсь. Потому что бывают ситуации, автобус у нас остановили, там омоновцы, задержали, кому-то бороду подожгли, вот это все разруливаем. Эта работа точечная*» (эксперт, активист НКО).

Таким образом, как показывает опыт, в силу разной организованности и этнопсихологических особенностей различных этнических групп в ситуациях урегулирования столкновений или противоречий с участием их представителей, наиболее эффективным оказывается комплексный подход с использованием сети неформальных связей с представителями этнических объединений и официальных каналов воздействия. И пока процесс становления этнокультурных объединений как элементов гражданского общества находится в стадии формирования, имеет смысл сохранять разумный баланс в соотношении формальных и неформальных форм взаимодействия с представителями этнических групп и учитывать существующие у них механизмы социального контроля для поддержания межнационального согласия: «*есть механизмы, где как раз различные культурные объединения, лидеры встречаются, общаются, обсуждаются вопросы. Помню много лет назад какие-то проблемы в школах были сургутских, были драки по национальному признаку. И лидеры этих национальных объединений вместе ходили по этим школам, проводили беседы, воздействовали. И порой представители этих национальностей больше боятся своих лидеров этих объединений, чем государство*» (эксперт, активист НКО).

НКО и социально-культурная адаптация мигрантов

Еще одна важнейшая задача национальных общественных объединений — помощь в трудоустройстве, оказание поддержки вновь прибывшим соотечественникам. Лидеры национальных объединений должны прилагать максимум усилий для адаптации вновь приезжающих соотечественников и содействовать профилактике правонарушений.

Тем не менее сообщества осуществляют скорее культурно-просветительскую деятельность, тогда как большинству прибыва-

ющих требуется помощь в трудоустройстве, оформлении документов и поиске жилья. Исходя из этого, можно отметить, что, приезжая, люди скорее надеются на помощь родственников, друзей или знакомых, которые уже работают и живут в регионах. Среди массы приезжих сложились отработанные схемы по поиску жилья, работы, получению регистрации, ориентированные на то, чтобы выжить, прокормить семью, подзаработать, а, возможно, и остаться[1]. Вновь прибывшие предпочитают обращаться за помощью в свои сообщества, где есть возможность получить практическую помощь или совет, а не в действующие объединения: *«Мало обращаются. Финансовые, надо денег кому-то в долг, кому-то надо садик поменять, квартиру решить, помочь с жильем» (*эксперт, активист НКО). Такие практики способствуют стихийному созданию сообществ вновь прибывших мигрантов, которые не особенно участвуют в жизни уже существующих в регионе объединений и не являются официальными, что затрудняет контроль их деятельности: «*Есть шабашники. 50% не попадают в нашу орбиту ... Как правило, мы о них узнаем, когда возникают проблемы*». Эксперты подчеркивают, что зачастую складывается ситуация, когда вновь прибывшие мигранты «*оттуда вырываются, сюда приезжают — душа нараспашку... они не вписываются в этот социум» (*эксперт, активист НКО).

Следует отметить, что существующие национально-культурные объединения должны быть достаточно открыты для прибывающих мигрантов, стремиться взаимодействовать с ними и выстраивать свою работу так, чтобы и помогать им в адаптации, и по возможности втягивать их в орбиту своей деятельности, препятствуя процессу атомизации мигрантских сообществ. Это подтверждается полученными данными, где отмечается, что *«для национально-культурных объединений по социально-культурной адаптации мигрантов, не только на праздники их, легко тратить деньги на Сабантуй. ... в гранты входит социально-культурная адаптация мигрантов, профилактика этнорелигиозного экстремизма, то есть, есть приоритетные направления» (*эксперт, активист НКО).

---

[1] *Трофимова И. Н.* К проблеме регулирования межэтнических отношений в местных сообществах // Ars Administrandi. Искусство управления. 2014. № 1. С. 61–69.

Таким образом, в выстраивании межэтнических взаимоотношений и поддержании межнационального согласия в исследуемых регионах национально-культурные объединения играют значительную роль. Практически все НКОО участвуют в различных праздниках и мероприятиях как федерального, так и регионального уровня, знакомят с культурой, традициями и особенностями своих народов, что повышает уровень межнационального согласия и снижает вероятность межнациональной напряженности. Выполняя скорее культурно-просветительские функции, национально-культурные объединения при необходимости также исполняют роль действенных регуляторов при возникновении межэтнических напряжений и оказывают содействие в адаптации прибывающих мигрантов из числа представляемых этнических групп.

НКО и взаимодействие с властью

Значимым направлением деятельности НКО является выполнение социально-политической функции — установление взаимоотношений с органами власти и структурами местного самоуправления на различных уровнях. В настоящее время в структуре органов исполнительной власти субъектов Федерации имеются подразделения, курирующие национальную политику. Благодаря внесению изменений в федеральное законодательство, приведены в соответствие уставы муниципальных образований, нормы которых усиливают ответственность руководства органов местного самоуправления за межнациональные конфликты. В такой ситуации как власти заинтересованы в налаженных взаимодействиях с национальными объединениями и институтами гражданского общества, занимающимися проблемами межэтнических отношений, так и большинство представителей национальных общественных организаций ориентированы на взаимодействие с властями.

В настоящее время взаимодействие национально-культурных организаций и власти наполняется новым содержанием. От национально-культурных объединений ожидают инициатив по разработке выверенных управленческих решений по вопросам реализации государственной национальной политики. Для этого на ме-

стах создаются условия для формирования профильных консультативных площадок, где представители власти и структур гражданского общества могут регулярно общаться, сотрудничать, координировать свои действия (многочисленные координационные советы, Дома дружбы, Дома национальностей, Центры национальных культур). Так, в Республике Башкортостан с 2011 г. образован Совет при Президенте по вопросам содействия укреплению межнационального согласия и мира, действуют муниципальные общественно-консультативные советы по межконфессиональным и межнациональным вопросам; в ХМАО при Губернаторе Югры и главах муниципальных образований действуют координационные советы по делам национально-культурных и религиозных объединений.

О положительном опыте взаимодействия этнокультурных объединений с органами власти свидетельствуют налаженные широкие контакты и с региональными, и с местными органами власти, что подтверждают регулярные приглашения НКОО к участию в совещаниях, круглых столах, конференциях, предвыборных кампаниях, праздничных мероприятиях. Так, ежегодно администрациями муниципальных районов и городских округов Республики Башкортостан на базе историко-культурных центров Дома дружбы народов проводится более 150 праздников башкирской, русской, татарской, мордовской, удмуртской, марийской, латышской, польской, белорусской, кряшен, немецкой, еврейской и других культур.

Подобные взаимоотношения, с одной стороны, формируют систему социального партнерства, с другой — способствуют профилактике возможных проблем в этноконфессиональной сфере. Сохранение стабильности в сфере межнациональных отношений в регионе может быть обеспечено при систематическом и тесном взаимодействии органов государственной власти и органов местного самоуправления и НКО в этнополитической и этнокультурной сферах[1].

---

[1] *Аствацатурова М. А.* Роль этнических общин и диаспор в развитии Юга России // Современное состояние и сценарии развития Юга России: Материалы научно-практического семинара Объединенного отдела социально-политических и экономических проблем южных регионов ЮНЦ РАН (7–8 декабря 2005 г.). Ростов-на-Дону.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006.

Однако так происходит не всегда. В течение 2013 г. в Сургуте произошел ряд провокационных конфликтных инцидентов на этнической почве между представителями кавказских этнических групп и местными гражданами из числа представителей радикальной общественной городской организации «Совесть», которым городские власти и правоохранительные органы изначально не придали внимания. Все инциденты были расценены как «бытовые конфликты», что в дальнейшем усугубило ситуацию и не позволило изначально выявить очаг межэтнического конфликта, своевременно локализовать и купировать противоправные действия зачинщиков. Сразу после конфликта национальные культурные объединения обратились к городским властям с коллективной просьбой усилить контроль над состоянием социальной и этнической напряженности в городе, при этом обратить особое внимание на отсутствие со стороны чиновников реальных действий. В противном случае представители этнических групп обещали встать на защиту своих интересов и стали действовать также вне правового поля, решив зеркально ответить радикально настроенным молодежным элементам, что спровоцировало рост этнической напряженности[1]. Представитель одного из национальных северокавказских объединений Сургута публично объявил о необходимости создания этнических мобильных групп — «этнический спецназ» для предотвращения стычек между русским населением и представителями кавказских республик[2]. Представители общественности города осудили данное заявление, указав, что оно является провокационным и усиливает этническую напряженность, и обвинили городские власти в списывании межнациональных конфликтов на бытовые ссоры и отсутствии реального управления в данной сфере общественных отношений[3]. К разрешению ситуации были вынуждены подключиться региональные власти, так как данная проблема вышла за рамки муниципальной на регио-

---

[1] В Сургуте произошла драка с участием сотен человек «кавказской» и «славянской» внешности. [Электронный ресурс]: Национальный акцент. URL: http://nazaccent.ru/content/7489-v-surgute-proizoshla-draka-s-uchastiem.html. (Дата обращения: 24.06.2018).

[2] В Сургуте борьбу с межэтническими конфликтами начинают дагестанцы. [Электронный ресурс]: Накануне.RU — интернет-издание. URL: https://www.nakanune.ru/news/2013/08/16/22320229 (Дата обращения: 24.06.2018).

[3] Там же.

нальный и федеральный уровни. В аналитическом докладе по результатам социологического опроса в Сургуте в 2013 г. отмечалось: «*Если в дальнейшем с национальными объединениями, представителями религиозных и общественных организаций также ненадлежащим образом будет вестись работа, то ситуация значительно ухудшится*»[1]. Таким образом, некомпетентные действия должностных лиц, отсутствие налаженного взаимодействия с представителями этнокультурных объединений могут дать толчок межнациональному напряжению, спровоцировать протесты и вызовы этнических групп, рост негативных настроений у населения.

В настоящее время большинство проблем, которые могут в перспективе привести к межнациональному столкновению, решаются главами объединений при содействии органов власти еще до того, как наступит обострение межнациональных разногласий, которое, в конечном итоге, чревато последствиями как для представителей национальных групп, так и для местного населения и органов власти. Такое понимание ситуации ориентирует глав национальных общин на диалог, который, как правило, заканчивается взаимным компромиссом. Именно выстраивание нормальных и продуктивных отношений между национально-культурными объединениями и органами местной власти с большой вероятностью гарантирует стабильную ситуацию в регионах, которая препятствует росту социальной напряженности.

По мнению наших экспертов, важным элементом в эффективном взаимодействии с органами власти является распределение ответственности за возможные межэтнические конфликты[2]. Помимо региональной, ответственность должна быть и межрегиональной, в том числе распределенной и возложенной на уполномоченные органы государственной власти иностранных государств и субъектов Федерации (постоянные представительства в Российской Федерации республик Кавказа, Закавказья и Средней Азии).

Необходимость в привлечении к разрешению национального вопроса руководства ряда субъектов Федерации и постоянных

---

[1] Отчет о результатах социологического исследования (экспертный опрос) на тему: «Межнациональные и межконфессиональные отношения в городе Сургуте». [Электронный ресурс]: Администрация Сургута. URL: admsurgut.ru/files/oldfiles/dm137434_0.doc (Дата обращения: 25.06.2018).

[2] *Шовканов Д. А.* Эффективность государственного управления в сфере межнациональных (межэтнических) отношений // Этносоциум. 2018. № 2 (116). С. 47–58.

представительств иностранных республик обусловлена в первую очередь тем фактом, что главы национальных республик и государств Закавказья и Средней Азии зачастую не осведомлены о тех эпизодах жизни своих земляков и соотечественников, работающих в различных регионах нашей страны, которые негативно характеризуют ту или иную этническую группу в глазах местного сообщества, вызывают отрицательное к ним отношение.

Между тем, примеры успешного разрешения проблемных ситуаций с привлечением высокопоставленных представителей субъектов есть:

«*Умаров приезжал, министр национальной политики, информационной политики Чечни. Он дословно, поскольку он себе позволил это озвучить при прессе, при всех, то есть он делал это намеренно. Он дословно им (*прим. авт. — *студенты Сургутского государственного университета) сказал: я в начале скажу на встрече и в конце, я в зале вижу много вайнахов, там ингушей, чеченцев, из Дагестана и так далее. Образ горца — это прежде всего образ трудолюбивого человека, землепашца, который в условиях гор занимается возделыванием культур. Это не образ человека, который танцует лезгинку где-то на фонтане или центральной площади, пристает к девушкам и так далее. Не дай бог кто-то из Вас позволит себе дискредитировать наш народ, нашу республику и вести себя неподобающим образом. Если Вы думаете, что на Вас нет управы, то мы сделаем так, что там в Чечне Ваши родственники не то, что не пустят вас, а даже не позвонят и никогда руки вам не подадут. Мы задействуем такие нормы, которые до вас дойдут. Если вы не боитесь того, что вас здесь осудят, имейте ввиду, что мы не постесняемся. Здесь наши культурно-национальные объединения, диаспоры, если от них придет какая-то информация. Вот это дословно должностное лицо сказало. Но он делал это абсолютно осознанно, понимая, что он может себе позволить. Такие механизмы они осознанно используются и задействуются*» (эксперт, представитель власти). Данный пример показывает, что применение норм морального регулирования (традиции и обычаи, привычки и общественное мнение, ответственность перед старейшинами и общинами) является важнейшим условием эффективности государственного управления в сфере межнациональных отношений: «*Речь идет о задействовании институтов обычного права и авторитета, который в определенных этнических*

областях работает. Это некое морально-этическое воздействие. На самом деле, эти практики широко распространены не только в регионах Российской Федерации, но и за рубежом. Это вообще характерно для психологии внутриэтнических отношений. Так работает» (эксперт, преподаватель вуза). Эффективность работы подобного механизма взаимодействия подтверждается экспертным мнением о закреплении его на уровне межрегиональных соглашений о сотрудничестве в сфере межнациональных отношений с субъектами Федерации и странами ближнего зарубежья.

Представители НКО дорожат партнерскими отношениями с органами власти, которые оказывают содействие их деятельности (проведение культурно-массовых мероприятий, обеспечение помещениями и пр.), а органы власти, в свою очередь, активно привлекают национальные объединения к общественной работе, что способствует исключительно конструктивному их взаимодействию. Таким образом, высокая квалификация и профессионализм должностных лиц, осуществляющих регулирование в сфере межнациональных отношений, с одной стороны, и ориентация на контакт с властью представителей национально-культурных объединений — с другой являются залогом успешного и гармоничного сосуществования людей в российском многонациональном социуме: «*Не только мы о проблемах своих говорим, мы очень активно участвуем в жизни города. Поскольку это наш город, наш округ, мы здесь присутствуем*» (эксперт, активист НКО).

Проблемные аспекты

Перечень проблем, решением которых занимаются общественные структуры, довольно обширен. Но, несмотря на то, что целый ряд общественных структур буквально в круглосуточном режиме работают над их решением, проблем меньше не становится. Поэтому для того, чтобы деятельность НКО была более эффективной, необходимо обратить внимание на проблемные вопросы и взять ориентиры непосредственно на их корректировку или устранение. Подобный подход к деятельности общественных структур, задействованных для решения тех или иных проблем, может принести ощутимый социальный эффект.

Эксперты выделяют ряд факторов, тормозящих деятельность НКО в деле гармонизации межнациональных отношений. Во-первых, недостаточный профессионализм ряда руководителей НКО в сфере управления организацией, информационных, правовых вопросах: «*национально-культурные автономии и их руководство — это далеко не всегда те люди, которые реально авторитетны, особенно для молодежи и подростков из той или иной этнической группы*» (эксперт, активист НКО).

Одна из важнейших функций председателя — умение налаживать и поддерживать диалог с властью: «*Консолидируйте вокруг конструктивных людей*». В этом контексте значительным влиянием пользуются религиозные лидеры. Роль лидера особенно проявляется в критических ситуациях: «*когда по такого рода событиям происходит (прим. авт.* — речь идет о событиях в Сургуте 19 августа 2017 г.*), никто из лидеров национально-культурных объединений, особенно народов, традиционно исповедующих ислам, они стараются не давать лишних слов, пока не улеглись страсти, чтобы не спровоцировать, не дай бог не так их интерпретировали и тем самых не разжечь в информационном поле еще более жаркие споры, отношения*» (эксперт, представитель власти). Недопустимо, чтобы лидеры национальных объединений, используя этническую ширму, преследовали свои личные цели и экономические интересы, формируя тем самым у местного населения негативный образ той или иной этнической группы.

Только наличие легитимного, авторитетного, пользующегося уважением как у соотечественников, проживающих в субъекте Федерации, так и у представителей органов власти лидера национального объединения способно обеспечить конструктивный диалог и должное взаимодействие с органами государственной и муниципальной власти, правоохранительными службами, местным населением.

Во-вторых, недостаток финансирования деятельности национально-культурных и межнациональных организаций: «*автономия сегодня выживает в основном за счет тех людей, которые продолжают по инерции эту общественную работу делать. Потому что поддержки со стороны государства практически нет. Если есть эта поддержка в виде грантов, то представьте, кто писал грант любой научный, знает, что это такое*» (эксперт, активист НКО). Говоря

об источниках финансирования, при проведении мероприятий организации либо опираются на собственные средства (поддержку со стороны членов организации, её руководства и т.д.), обходясь без спонсорской поддержки, либо получают помощь из других источников: помощь со стороны органов власти разного уровня; поддержка со стороны предпринимателей, бизнес-структур.

Лишь некоторые регионы России могут похвастаться отдельной строкой бюджета, предусматривающей поддержку НКО или финансирование национальной политики. Как правило, это «богатые» регионы: Москва и Московская область, ХМАО и некоторые другие. Финансирование НКО происходит посредством участия в конкурсах на соискание грантов на социально значимые проекты. За 2015–2017 гг. в Югре в рамках поддержки общественных проектов некоммерческих неправительственных организаций, направленных на укрепление гражданского единства и гармонизацию межнациональных отношений, оказана грантовая поддержка 59 некоммерческим организациям.

Подобный вид финансирования, разумеется, не удовлетворяет потребностей НКО, поскольку является нерегулярным, деньги при этом выделяются не на долгосрочную перспективу, не на планомерную повседневную национально-культурную работу, а на проведение отдельных мероприятий. Поэтому основная проблема заключается в совершенствовании политики их поддержки на постоянной основе, в том числе в виде грантов. Оптимизация деятельности НКО предполагает в условиях современной России активное сотрудничество НКО и государства, в том числе в финансировании совместно разрабатываемых программ по реализации функций НКО. Так, спектр общественно-полезных услуг социально ориентированных НКО был дополнен приоритетами развития межнационального сотрудничества, защиты языков и культуры народов России, социокультурной адаптации мигрантов.

Выводы

1. Деятельность национально-культурных объединений является необходимым компонентом процесса реализации целей и задач Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации.

2. Рассмотренные национальные общественные объединения, отражая этническую структуру изучаемых регионов, тесно связаны со своими национальными группами, чьи интересы они выражают, и часто представляют собой их официально оформленную часть.

3. Анализ функционирования национально-культурных объединений на территории Республики Башкортостан и ХМАО — Югра позволяет утверждать, что эти организации решают два комплекса задач. Первый — уставной, презентационный и официально декларируемый, направленный на сохранение, развитие национальной культуры, традиций и языка. Второй, не всегда официально обозначенный, но оттого не менее значимый, связанный с урегулированием спорных, иногда конфликтных, ситуаций с участием представителей различных национальных групп, оказанием помощи своим соотечественникам (в том числе и прибывающим) по бытовым вопросам (трудоустройство, материальная помощь в сложных жизненных ситуациях и т.д.), посредничеством во взаимодействиях с органами власти. В эффективно работающей организации весь спектр осуществляемой деятельности способен содействовать снижению межэтнической напряженности и поддержанию межнационального согласия в полиэтничных регионах.

4. При рассмотрении роли национально-культурных объединений в процессе гармонизации межэтнических отношений необходимо учитывать, что за деятельностью тех или иных НКО в Республике Башкортостан и ХМАО лежат особенности, обусловленные как этноментальной спецификой отдельных групп населения, так и характером межэтнических отношений на региональном уровне.

5. В целом, НКО являются активными и регулярными участниками общественной жизни регионов, заявляя о себе масштабными этнокультурными мероприятиями. Практический опыт деятельности НКО, существующие механизмы во взаимодействиях с властью, подходы к организации деятельности национально-культурных структур являются позитивными и могут быть полезны для других регионов. Подобная деятельность общественных объединений в полиэтнических российских регионах относится к гармонизирующим факторам в межэтнических отношениях.

1.5. Местная пресса как стимул поддержания межэтнического согласия. Пример газеты «Сургутская трибуна»

Динамика социальных процессов в постсоветской России вывела средства массовой информации в статус активного участника социальных взаимодействий. Выполняя социальные и коммуникативные функции, они формируют у людей отношение к тем или иным событиям, личностям, социальным группам и институтам. Зачастую именно от СМИ зависит в немалой степени лояльность общества к тем или иным лидерам и событиям, уровень толерантности, недопущение дискриминации.

Способность СМИ влиять на общественное мнение во многих сферах жизни общеизвестна, касается она и сферы межнациональных (межэтнических) отношений. В России на современном этапе вопросы межкультурного диалога в многонациональном государстве обеспечиваются органами государственной и муниципальной власти, занимающимися вопросами гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений. В их задачи на всех уровнях входит принятие взвешенных решений, не допускающих конфликтных ситуаций. Эти задачи требуют внимательного отношения органов власти и институтов гражданского общества, в том числе особое внимание к подаче информации в СМИ[1].

В международных документах также подчеркивается роль СМИ в «распространении сведений об идеалах, культуре всех народов, ликвидации невежества и непонимания между ними, обеспечении уважения прав всех наций, всех народов и лиц независимо от расы, пола, языка, национальности и религии»[2].

---

[1] *Сулейманова Ш. С., Рябова Е. Л.* Роль СМИ в регулировании межнациональных отношений в современной России // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 5 (83). С. 9–14.

[2] Декларация об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания,

Проекты Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН (до июля 2017 г. — ИС РАН) реализуются в полиэтничных регионах, регионах со сложным этническим составом.

В 2018 г. регионом нашего исследования был Ханты-Мансийский автономный округ (Югра). Он, как уже отмечалось выше, представляет интерес с точки зрения высокой подвижности населения, быстро меняющегося этнического состава как в прошлом (освоение Севера в Советский период), так и в настоящем.

С точки зрения состояния межнациональных отношений Ханты-Мансийский автономный округ привлекал к себе внимание управленческих структур, так как по данным ФСО в округе более 30% людей лично испытывают недоверие или неприязнь по отношению к представителям какой-либо национальности — это заметно больше, чем в среднем по стране (17%).

Сложившийся дисбаланс может представлять определенный риск для консолидации общества, а информационное пространство региона может выступать одним из ключевых акторов формирования в массовом сознании людей негативных установок в межнациональной и межрелигиозной сферах, выбирая форму, манеру, тональность подачи материалов.

Учитывая полиэтничность и динамический состав населения экономически развитого ХМАО, с одной стороны, и данные мониторинговых опросов — с другой, для анализа существующей ситуации в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений важно использовать как можно больше источников информации, чтобы видеть «картину целиком». СМИ являются одним из таких источников и детальный анализ их практик, в том числе изучение медиаконтента, дает представление о том, как информационное поле задействовано в конструировании этнической, региональной, религиозной идентичностей, гражданской идентичности и установок межэтнического согласия.

Исследователи пишут о значимости, прежде всего, местных медиа, поскольку они обеспечивают население информацией

в развитие прав человека и в борьбу против расизма и апартеида и подстрекательства к войне (Принята Генеральной Конференцией ЮНЕСКО на ее двадцатой сессии 28 ноября 1978 года) [Электронный ресурс]: ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/st_hr1_141.shtml (Дата обращения: 21.06.2018).

о местных событиях, и в этом качестве их никто не может заменить. Зачастую они — единственный способ узнать о жизни города, района, региона[1]. Местные газеты имеют возможность быстро и эффективно информировать общество о проблемах, привлекать его к поиску способов решения этих проблем, благодаря чему происходит консолидация локальных общностей. Иными словами, городские газеты представляют наиболее эффективный коммуникативный ресурс для городского социума.

Изучив коммуникативную практику местных СМИ в ХМАО-Югре, для специального рассмотрения был проведен контент-анализ местной газеты — «Сургутская трибуна» с *целью* проанализировать степень присутствия в ней тематики межнациональных и межконфессиональных отношений, характер подачи материалов по данной теме и определить роль местных медиа в формировании гражданской и региональной идентичностей, обеспечении межнационального и межконфессионального согласия.

Метод контент-анализа относится к неопросным методам исследования и заключается в анализе содержания текста. «Контент» (содержание) может относиться к рисункам, символам, словам, терминам, понятиям, темам или другим видам сообщений. Исследователь фиксирует данные и осуществляет объективный подсчет для того чтобы получить количественную оценку содержания текста.

Данный метод позволяет заглянуть в содержание глубже, чем при простом прочтении статьи или просмотре телепередачи[2]. Контент-анализ дает возможность не просто выявить характеристики имеющихся документальных источников, но и особенности процесса коммуникации в целом, его социальные ориентации, тиражируемые нормы и ценности. В случае СМИ он помогает увидеть создаваемую в обществе картину действительности, увидеть то, что не заметно при поверхностном взгляде, но что может иметь важный социальный смысл. Неизбежно, хоть и в разной степени, в информационном поле отражаются интересы, позиции, ценно-

---

[1] *Свитич Л. Г., Смирнова О. В., Ширяева А. А., Шкондин М. В.* Содержательно-тематическая структура городских газет (контент-аналитическое исследование) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2015. № 6. С. 65–66.

[2] *Ньюман Л.* Неопросные методы исследования. // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 119–129.

сти всех участников коммуникативного процесса: руководства издания, журналистов, органов власти, аудитории (в том числе их роли в производстве самого контента).

Таким образом, контент-анализ — это эффективный исследовательский инструмент, позволяющий выявить закономерности и тенденции информационного потока, выявить цели и намерения коммуникатора при формировании этого потока, проанализировать редакционную политику издания и способы её реализации и даже спрогнозировать последующую реакцию аудитории на предлагаемую информацию[1].

Выделяют количественный и качественный виды контент-анализа. Количественный (частотный) ориентирован на измерение числа элементов изучаемого текстового массива и интересуется в первую очередь частотой появления в тексте определенных характеристик содержания (Что говорится? Сколько?). Качественный же позволяет выделить типы моделей содержания (Как говорится? Почему? Зачем?). Следуя за А. В. Семеновой и М. В. Корсунской, мы полагаем, что такой сложный и многогранный процесс, как массовая коммуникация может быть полно охарактеризован только при сочетании обоих этих видов[2].

После того, как данные для исследования отобраны, используется кодирование — выделение ключевых понятий, в соответствии с которыми будет сортироваться содержание, — это позволяет подвергать данные статистической обработке.

Методология

Для осуществления контент-анализа мы выбрали газету, выходящую в г. Сургуте — «Сургутская трибуна». Она выпускается с 1934 г. (в разные периоды меняла название — «Организатор», «Колхозник», «К победе коммунизма»[3]). Издание входит в меди-

---

[1] *Семёнова А. В., Корсунская М. В.* Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / Под ред. В. А. Мансурова. М.: Институт социологии РАН, 2010. 324 с. 1 CD-ROM. С. 5

[2] Там же. С. 12.

[3] Город в газетных строках. [Электронный ресурс]: Ugra-news. URL: https://ugra-news.ru/article/07062018/68560 (Дата обращения: 23.06.2018).

ахолдинг «Новости Югры»[1] вместе с газетами «Новости Югры», «Местное время», «Югорское обозрение», «Знамя». Интернет-портал Ugra-news.ru по итогам 2016 г. был самым цитируемым СМИ региона[2], а газета «Сургутская трибуна» в 2017 г. была лидером цитирований в сегменте печатной прессы региона[3]. Помимо этого, в ходе глубинных интервью наших коллег с экспертами в области СМИ в ХМАО газета «Сургутская трибуна» характеризовалась как наиболее распространенная, широко читаемая жителями не только Сургута, но и округа.

Проведен анализ выпусков газеты за январь 2017 — июнь 2018 г. (период работы над проектом[4]), номера выходят ежедневно (в рабочие дни). Всего было проанализировано 295 номеров газеты с общим количеством сообщений 3259. Среди всех сообщений были отобраны те, которые резонируют с тематикой наших исследований — всего 287 таких сообщений.

Поскольку исследователь при выполнении данного вида анализа должен определить, что именно он планирует зафиксировать в рассматриваемых материалах, перед тем, как приступить к работе, мы выделили ряд основных интересующих нас вопросов:

- насколько тематика межэтнических отношений в многонациональном регионе находит отражение в информационном поле местной прессы;
- какие области межэтнического (межконфессионального) взаимодействия показаны в большей степени;
- каков характер представленности этой тематики (позитивный, негативный, нейтральный);
- освещаются ли проблемные/конфликтные ситуации в сфере межэтнических (межконфессиональных) отношений округа в СМИ.

---

[1] Ugra.news. Официальный сайт: https://ugra-news.ru.

[2] Ugra-news.ru возглавил рейтинг самых цитируемых СМИ округа. [Электронный ресурс]: Ugra-news. URL: https://ugra-news.ru/article/15032017/45385 (Дата обращения: 23.06.2018).

[3] «Сургутская трибуна» стала самой цитируемой газетой региона. [Электронный ресурс]: Ugra-news. URL: https://ugra-news.ru/article/17092017/55120 (Дата обращения: 23.06.2018).

[4] Имеется в виду проект РНФ «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии» № 14-18-0193-П, по результатам которого подготовлена данная книга.

Межнациональная и межконфессиональная тематика в рубриках газеты «Сургутская трибуна»

Анализ публикаций газеты «Сургутская трибуна» за январь 2017–июнь 2018 г. показал разную степень присутствия тематики межнациональных отношений (рис.1.5.1).

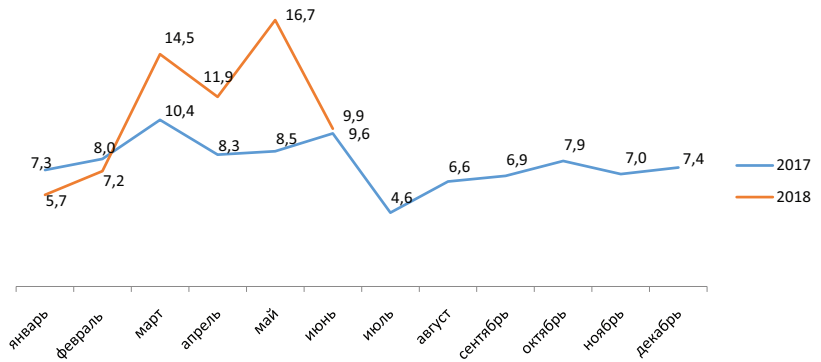


Рис. 1.5.1. Степень присутствия темы межнациональных и межконфессиональных отношений в номерах газеты «Сургутская трибуна» за 2017–2018 гг., *в % от общего количества сообщений за исследуемый период*

Наибольшая активность видна в весенний период (март–май). Причина этого в событийности сообщений (на эти периоды приходится много праздников как российского, так и регионального масштаба). Также по первому полугодию 2018 г. отчетливо видна тенденция увеличения доли исследуемой тематики в общем количестве публикаций газеты в сравнении с 2017 г.

В ходе процедуры анализа содержания должно происходить такое расчленение анализируемых материалов, которое интересует исследователя, т.е. социологический анализ в этом случае состоит из своего рода «перегруппировки» исследуемых материалов в соответствии с концептуальной схемой исследования[1].

Декомпозиция текстового материала газеты «Сургутская трибуна» за январь 2017–июнь 2018 г. позволила нам выделить рубрики газеты, в которых присутствуют сообщения по интересующей нас тематике. Всего получилось шесть разделов. Задачу упрощало

[1] *Семёнова А. В., Корсунская М. В.* Указ. соч. С. 16.

наличие рубрикатора у самой газеты, который мы частично изменили, не использовав те, в которых не было отобрано ни одного релевантного сообщения. При этом нужно учесть, что одно сообщение могло относиться сразу к двум рубрикам, поэтому общая сумма процентов > 100 (см. рисунок 1.5.2).

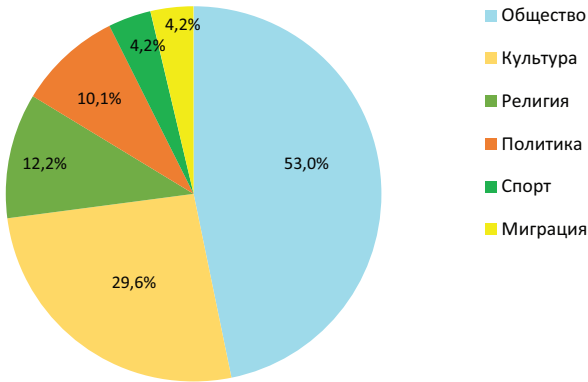


Рисунок 1.5.2. Наличие сообщений по межнациональной и межконфессиональной тематике в рубриках газеты «Сургутская трибуна» за 2017–2018 гг., *в % от общего количества отобранных сообщений*

В газете «Сургутская трибуна» довольно ограниченный перечень тем, которые освещаются на постоянной основе, в том числе по нашей тематике. В каждой рубрике присутствуют сообщения, ориентированные и на общероссийскую, и на региональную составляющие, причем последняя, безусловно, прослеживается отчетливее.

Самая большая по числу сообщений рубрика — ***общество.*** Сюда отнесены материалы о жизни Сургута и Югры: истории, связанные с освоением края, отзывы о городе и округе от его жителей и гостей, зарисовки югорчан о малой Родине, о почетных жителях региона, статьи о проведении знаменательных для округа конкурсов (например, конкурс по краеведению), о выпуске многотомника «История Югры». Этнокультурный региональный компонент представлен здесь статьями о проведении года традиций в округе, об этнотуризме и этнолагерях в Югре, об исторических культурных памятниках, археологических памятниках (например, Барсова гора, который называют «сокровище, жемчужина края»»). Разумеется, присутствует перечень сообщений, где главными героями

выступают коренные малочисленные народы Севера (ханты и манси) — рассказывается о том, каким образом соблюдаются их права в округе, в том числе о визитах международных экспертов по правам коренных народов, о Всемирном конгрессе оленеводов, их поездках в другие страны, об их газетах и предпринимательстве.

Существуют отдельные рубрики, посвященные значимым для округа событиями, такие как «Народный герой» о людях, делающих полезные дела для территории, где они проживают, и «Исторические хроники Югры», приуроченная к 900-летию первого упоминания Югры в русских исторических летописях.

Отдельного внимания заслуживает часто упоминающийся местный проект, подчеркивающий сильную региональную идентичность — бренд «Сделано в Сургуте». Он объединяет различных производителей товаров и услуг. Разработкой и популяризацией проекта занимается Департамент общественных и внешних связей Югры. По их мнению, «... бренд должен отражать уникальность территории с учетом культурных особенностей коренных малочисленных народов Севера»[1].

Неоднократно при проведении нами глубинных интервью в ХМАО упоминалась программа «Социокультурные истоки», направленная на развитие социокультурного приоритета образования. Информация о ней находит отражение и в изучаемой газете сообщениями о роли школ в духовно-нравственном воспитании, об открытии в рамках этой программы мини-музеев коренных народов в школах.

Материалы о деятельности НКА и диаспор в рубрике «Общество» связаны в значительной мере с профилактикой экстремизма. Публикации сообщают об основных мероприятиях в данной сфере — круглых столах по профилактике псевдорелигиозных течений, съездах организаций, митингах против терроризма, просветительских лекциях. Как объединяющий межконфессиональный фактор освещается деятельность представителей двух основных религий (православия и мусульманства) в этой сфере — совместная работа в колониях по профилактике терроризма и экстремизма, встречи

[1] Имидж — наше все. [Электронный ресурс]: «Сургутская трибуна». 25.07.2017. URL: https://ugra-news.ru/article/25072017/52205/ (Дата обращения: 25.06.2018).

муфтия и православных деятелей с молодежью, семинары для служителей мечетей.

Удивительным было то, что наиболее упоминаемой культурной автономией была НКА армян — 11 сообщений за рассматриваемый период против, к примеру, 7 сообщений о татарских НКА, при том, что татар на территории округа в 17 раз больше (по данным переписи населения 2010 г.). Публикуются материалы о Дне геноцида армянского народа, армянских воскресных школах и изучении армянского языка в них, армянских спортсменах. В ходе глубинных интервью с экспертами нам также не раз приводили армянскую диаспору в пример: «*У нас в прошлом году армянская диаспора провела проект, совершенно удивительный. Они в маршрутных такси ставили произведения на русском языке русской литературы известные в исполнении представителей разных диаспорных групп и землячеств. То есть они зачитывали русскую классику в маршрутных такси... И они сами предложили губернатору, губернатор поддержал и в прошлом году они реализовали*» (эксперт, Департамент образования); «*... недаром армянская диаспора я упомянул, она очень активно принимала участие. У них есть социальный проект просветительский, который называется «Русский язык — ключ к братству». ... В этом контексте они постоянно вспоминают Советский союз как идею братства народов, где все друг другу помогают и где нету никаких моментов, связанных на распад, где есть объединяющая тенденция. Этой объединяющей тенденцией является русский язык и русская культура*» (эксперт, сфера образования). Такое внимание к армянской диаспоре, по мнению эксперта из сферы СМИ, связано по больше части с активностью ее членов: «*Пример армянской молодежи, очень активной, которая буквально за два года построила большую Апостольскую церковь... Армян, естественно, меньше, чем мусульман. Вопрос не в деньгах*».

Общероссийскими в данной рубрике выступают в основном материалы о праздниках, довольно широкий перечень которых связан с Днем Победы — о парадах, акциях памяти, акции «Бессмертный полк», но и здесь значительная часть описывает личные истории героев войны из числа югорчан, их подвиги для страны и региона. Помимо Дня Победы отмечаются такие праздники, как День народного единства, День российского флага, День Конституции, Годовщина Красной армии.

Вторая по численности сообщений — рубрика ***культура***. Именно в ней, на наш взгляд, хорошо прослеживается культурное, этническое и религиозное многообразие округа и видна редакционная политика газеты в данной сфере. В ней освещаются вопросы, связанные с деятельность библиотек, музеев, вопросы изучения языков, публикуются материалы о русских, православных, мусульманских праздниках, праздниках коренных малочисленных народов, о проведении межнациональных фестивалей, форумов, конференций.

Все сообщения носят исключительно позитивный характер и направленны, как представляется, на формирование межнационального согласия жителей округа, что ощущается из названий мероприятий — Форум «Югра многонациональная», проект «Сургут наш общий дом», Форум общественного согласия, Фестиваль национальной кухни, Фестиваль «Соцветие», Лагерь «Дружбы народов», Спектакль «Все мыши любят сыр» (о толерантности и дружбе всех народов) и т.п.

Русские и православные праздники представлены в несколько большем числе сообщений, чем мусульманские и праздники коренных народов (14 сообщений против 8 и 7 соответственно). Но в публикациях о праздниках подчеркивается их межнациональный характер: «... праздник татарского и башкирского народов уже давно вышел за границы национального...»[1].

В небольшом числе сообщений, но довольно емко освещается деятельность музеев и библиотек. В библиотеках проходят вечера встреч с известными сургутскими и югорскими поэтами, проходят их книжные выставки и вечера памяти, реализуется проект «Беседы о русской словесности» в форме публичных лекций о русском языке и литературе. В музеях проходят выставки об истории края, истории геологических изысканий (мемориальный комплекс «Дом Ф. К. Салманова»), выставляются экспонаты, созданные коренными малочисленными народами, рассказывается об их жизнедеятельности на территории округа (например, фотоальбом «Божьей реки народ»), проходят мастерские декоративно-прикладного

[1] Сургут отпраздновал окружной Сабантуй. [Электронный ресурс]: «Сургутская трибуна». 20.06.2017. URL: https://ugra-news.ru/article/20062017/50507 (Дата обращения: 25.06.2018).

искусства. Общероссийских составляющих в деятельности музеев и библиотек встречается гораздо меньше, среди них, например, выставка «Государственная граница» к 100-летию пограничной службы, выставка «В год столетия Великой Октябрьской социалистической революции».

Эксперты из музейной сферы в ходе глубинных интервью подчеркивали важность систематической работы со СМИ, чтобы «*... выжить в современных условиях, чтобы о нас знали, чтобы к нам приходили... Активной маркетинговой и медиа-политикой мы хотим привлечь наше население, раскачать, чтобы они принесли нам то, что еще можно сохранить*». Также они понимают их роль в формировании региональной идентичности у детей: «*Мы особым образом активно стали работать с детьми... начинаем мы, как правило, с природы, с мамонтов, с экологии... И когда уже готово восприятие через природу, тогда мы начинаем подключать исторические какие-то факты, и потом этнографию это последнее, это уже готовые детки получают этнографическую информацию... когда у ребенка уже сформировалось представление с нашей подачи о мире, где он живет, мы рассказываем уже, что здесь живут люди очень интересные, с определенной историей. Кого как называют, как русские пришли, про нефть рассказываем, про освоение Сибири с Ермаком. Потому что мы понимаем свою ответственность в данном направлении*».

Как видим, деятельность музеев и библиотек направлена на конструирование сильной региональной идентичности, а в сочетании с их ориентацией на плотную работу со СМИ это направление может иметь довольно сильный ресурс для трансляции установок в межэтническом взаимодействии.

За анализируемый период в газете «Сургутская трибуна» практически не уделено внимания языковой проблеме (подробнее о языковой ситуации в республиках см. гл. III). Можно сказать, что эту тему «обошли»: из 11 сообщений на языковую тематику одно посвящено языкам коренных народов, одно — этнографическому диктанту, остальные — русскому языку (дни русской словесности, русский язык среди соотечественников, популяризация русского языка в других странах и т.д.)

В рубрике ***религия*** сообщений о православии более чем в три раза больше, чем о мусульманстве. В материалах о православии преобладают сообщения о строительстве храмов, в том числе хра-

ма Армянской апостольской церкви. Общероссийский компонент выражен материалами о Патриархе Кирилле — его визитах в округ и награждении губернатора Орденом РПЦ, обсуждениями фильма «Матильда».

Сообщения о мусульманской религии сводятся, в основном, как и в случае с НКА, к профилактике экстремизма — о встречах муфтиев с молодежью, лекциях исламоведов для священнослужителей, просветительских лекциях, направленных на противодействие распространению псевдорелигиозного радикализма. И только одно сообщение о строительстве мечети — в Лянторе. Сложно проследить причинно-следственную связь, связано ли отсутствие сообщений с отсутствием строительства мечетей, либо же это своего рода «замалчивание». Из бесед с экспертами из исламской среды мы знаем о том, что эти вопросы волнуют людей мусульманской культуры, проживающих в округе: «*Такие моменты острые, они на слуху у людей. Люди задают эти вопросы — а почему, а когда. Мне иногда не хочется с некоторыми встречаться, потому что они задают вопрос — Ну, Хазрат, ну когда у нас будет мечеть, уже 15 лет работаешь. Но мы стараемся... И я считаю, что мусульмане здесь в округе достойны иметь свои красивые, капитальные храмы, то есть соборные мечети, потому что мусульмане вносят огромный вклад в развитие региона*» (эксперт, деятель мусульманской среды).

По мнению эксперта, связанного со СМИ, такая диспропорция в информационном поле в пользу православных связана с деятельностью самих религиозных организаций: «*Православные они очень активны, у них большая группа поддержки общественных активистов, а мусульмане по степени активности они конечно уступают. Не хватает их в социальных сетях, в информационном поле. Мусульманский муфтий один, а кто его команда, кто вместе с ним...у них некоторые направления проседают исключительно потому, что им не хватает энергии, сил. Собственное институциональное развитие нужно... Проектной культуры такой нет у них, как это делает епархия*».

Раздел ***политика*** направлен сугубо на конструирование общероссийской гражданской идентичности. Здесь мы встретили сообщения о выборах президента России с упоминанием в разном ключе оппозиционных кандидатов — А. Навального, К. Собчак. Помимо этого, освещается ситуация на международной арене — события в Сирии и на Украине. Отдельным лейтмотивом за ана-

лизируемый период проходит Крым — от строительства Крымского моста до разыгрывания туристических путевок на полуостров для жителей ХМАО от редакции газеты «Сургутская трибуна».

Большое внимание в информационном пространстве уделено теме ***спорта***. Это не раз находило отражение в ходе экспертных интервью: *«Но больше всего мы встречаемся на спортивных площадках. Вот 28-го будет там по волейболу. Национально-культурные автономии создают команду, приходят, участвуют, побеждают. Этим мы и живем»* (эксперт, сфера образования).

Значимая роль спорта подтверждается и текущим анализом материалов СМИ. В материалах газеты «Сургутская трибуна» упоминаются по большей части соревнования всероссийского и международного масштаба, но всегда присутствует элемент региональной идентичности — «наш спортсмен» как предмет гордости, упоминаются спортсмены независимо от национальности. Об этом нам также сообщали эксперты: *«У нас есть авторитеты, на территории города Сургута, например, в их числе вайнахи, дагестанцы, там очень много известных спортсменов. Например, Вагив, председатель, несколько кратный чемпион мира, член сборной России» (*эксперт, государственный служащий).

В целом во многих публикациях подчеркивается многонациональный характер спортивных мероприятий в городе, они характеризуются как площадка для объединения молодежи — турнир памяти Ф. Салманова, соревнования по традиционным видам спорта, Фестиваль национальных единоборств, Спартакиада национальностей. И это воспринимается югорчанами: *«Вот 29 у нас основных зарегистрированных по Сургуту национально-культурных объединений. Конечно, кого-то мало, важно, что они просто есть... Основной локомотив, если так смотреть, завтра вы и сами увидите. Завтра будет по волейболу соревнование. Увидите сколько каких будет наций»* (эксперт, священнослужитель).

Сообщения по теме ***миграция*** вынесены в отдельную рубрику в связи с большой подвижностью населения региона, большим количеством трудовых мигрантов как внутренних, так и внешних (подробнее о миграции в ХМАО см. раздел 8.3). Несмотря на широкие масштабы трудовой миграции в округе эта тема не находит достаточного освещения в местной газете (12 сообщений за рассматриваемый период). Большая часть из них носит положительную

окраску и рассказывает о детях мигрантов в школах, консультационных центрах для мигрантов, строительстве Центра социальной и культурной адаптации мигрантов в Сургуте, программе по переселению соотечественников, проживающих за рубежом. Однако это единственная рубрика из всех рассмотренных, где были обнаружены сообщения и негативного характера. Они были связаны с «выдворением иностранцев» из Сургута, а также криминальные сюжеты — о вымогательстве денег, о «дебошире» из числа иностранных граждан в аэропорту города Сургута. Сообщения подобного характера, как пишет известный европейский исследователь дискурса СМИ Тён ван Дейк, носят дискриминирующий характер в силу применения негативной «они-репрезентации», способной оказывать воздействие на читателя[1]. Однако в газете упоминаются не этничность, расовость, религиозность, а нероссийское гражданство.

Относительно временных трудовых мигрантов транслируется информационная политика, устоявшаяся в нашей стране в постсоветский период, с определенной долей стереотипизации. «*Уменя, как у жителя города, тревога тоже есть. Но надо понимать по отношению к кому. Тут нужно разделять постоянных жителей и приезжих... есть процент приезжих, с которыми нужно работать. Суть в мигрантах. Они у нас в криминальных сводках — продажа наркотиков, какие-то изнасилования, ещё какие-то страшные истории. Боятся в основном их. Это даже больше выходцы с Азии...*» (эксперт, сотрудник местной газеты).

Обобщить контент-анализ содержания газеты «Сургутская трибуна» за 2017–2018 гг. следует количественной оценкой терминов региональной, этнической и общероссийской гражданской идентичности, употреблявшихся в отобранных сообщениях за рассматриваемый период (табл. 1.5.1).

Из данных таблицы 1.5.1 видно преобладание в этнической идентичности русских и региональной (югорчане, жители Югры). Российская гражданская идентичность значительно уступает региональной и этнической.

---

[1] *Тён А. ван Дейк*. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М.: «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 105.

Таблица 1.5.1

Частота упоминания терминов региональной, этнической и общероссийской гражданской идентичности в отобранных для анализа сообщениях газеты «Сургутская трибуна» за 2017–2018 гг.

Интегративная тематика	Первичный термин	Количество упоминаний
Общероссийская идентичность	россияне	29
	русские	195
Региональная идентичность	югорчане	117
	Жители Югры	54
	Ханты	65
	Манси	17

Эксперты о редакционной политике местных газет ХМАО

В современной российской действительно СМИ различаются между собой и по способу подачи информации (печатные, электронные), и по направленности (государственные, независимые или, как их чаще называют, оппозиционные). Эти различия определяют ту проблематику, которая может быть представлена в материалах издания.

В ходе проведения глубинных экспертных интервью в ХМАО (среди которых был и сотрудник газеты «Сургутская трибуна») мы не раз касались вопроса о роли СМИ в гармонизации межнациональных сообщений, формировании межнационального согласия.

Эксперты, давая оценку отражения изучаемой тематики в СМИ, с ощутимой долей периодичности подчеркивали, что сообщения негативного характера исходят только от тех изданий, которые работают на «кликабельность», именно они «раскачивают лодку». Чаще всего называли интернет-издание Ура.ру: «*Единственная категория, которая пытается раскачивать и давать эту окраску — это СМИ. Именно сетевые СМИ, интернет, которые ориентированы на посещение, обсуждение, кликабельность. Из них 80% негатива продуцирует Ура.ру. на самом деле, когда у нас здесь какие-то происшествия происходят, они не получают в публичном поле и среди населения такого широкого обсуждения*»; «*...Поэтому, когда Ура.ру*

делает такие заголовки, они намерено, в погоне за кликабельностью выдают за новость практику, которой уже лет 10...» (эксперт, сотрудник органов власти); *«У нас одно время в Ханты-Мансийске, когда было убийство девушки, некоторые СМИ, в том числе, Ура.ру пытались это преподнести как межнациональный конфликт. Но на мой взгляд, большинство таких инцидентов сугубо бытовые»* (эксперт, православный священнослужитель).

Однако, если по словам одних экспертов Ура.ру публикует свои материалы в погоне за кликабельностью, другие все же признают, что это тот ресурс, который «люди читают» и он *«очень эффективный в формировании оценок населения»* (эксперт, православный священнослужитель).

Что касается газеты «Сургутская трибуна», то её компетентные сотрудники понимают свой статус: *«Обычно такие издания принадлежат администрациям местным, но мы не являемся муниципальной газетой, наши учредители — Это Дума города, которая защищает интересы журналистов. К Администрации города прямого отношения нет. Но все равно я не могу говорить, что мы оппозиционное издание или максимально независимое. Независимое сегодня равно оппозиционное почему-то» (*эксперт, сотрудник газеты «СТ»).

Этим обусловлена информационная политика, транслируемая в материалах «Сургутской трибуны», поскольку официальный статус газеты, ее связь с местными органами власти (Думой города Сургута) накладывает определенную долю ответственности за выпускаемые материалы. «*Сказать прямо, что у нас на год вперед есть план по освещению межнациональных отношений, гармонизации этих отношений, не могу. Но сказать, что планов не бывает — тоже... Чаще это проектная деятельность...совместная с региональным правительством. У регионального правительства как раз-таки есть план. Есть система грантов, на которые заявляются редакции СМИ, и мы в том числе. Как раз сейчас начинается такой же проект... Администрация города, мы с ней совместно разработали проект. Будет называться «Сургут — наш общий дом» по освещению жизни в регионе... И на протяжении года мы будем давать возможность диаспорам рассказывать о той работе, которую они ведут*».

«При этом именно тема предупреждения конфликтов, чтобы работать на опережение, скажем, то это только в той форме, когда мы рассказываем, что за люди нас окружают, что они адекватны,

*что они со своей богатой культурой, что они проводят свои праздники» (*эксперт, сотрудник газеты «СТ»).

В редакции газеты немного сотрудников, они молодые, энергичные готовые делать интересную газету. Но далеко не все от них зависит.

Выводы

Материалы газеты «Сургутская трибуна» за рассмотренный период носят в основном информационно-событийный характер, подавляющее большинство из них направлено на формирование позитивного информационного фона в сфере межнациональных и межконфессиональных сообщений.

Тональность сообщений относительно местных диаспор и НКА нейтральная или позитивная, но прослеживается некая напряженность в отношении временных трудовых мигрантов, о которых есть несколько сюжетов криминального характера, в т.ч. «о выдворении нелегалов». Эта же напряженность подтверждается и данными некоторых глубинных интервью с экспертами в ХМАО.

Межнациональное и межконфессиональное согласие презентируется через общегородские и общерегиональные мероприятия различной направленности — праздники (как православные, так и мусульманские, национальные, коренных народов), фестивали, межнациональные форумы, конференции, спортивные мероприятия. Подобным событиям посвящено около 40% отобранных для анализа сообщений.

Частота упоминания определенных диаспор и НКА не связана с долей конкретной группы в численности населения региона, а только со значимыми событиями или, как подчеркивал эксперт из сферы СМИ, «с активностью и поддержкой общественных активистов».

В информационном поле газеты очевидно преобладание региональной идентичности над общероссийской. Основные предметы гордости — природа края, героическое освоение «большой нефти». Патриотизм на общероссийском уровне сводится к военной тематике — празднованию Дня Победы, освещение ситуации

в Сирии, праздники, связанные с военными специальностями (пограничные службы, день десантника и т.п.).

Газета отражает главным образом политику региональных органов власти — Думы города Сургута и Правительства региона. Они же, в свою очередь, нацелены то, чтобы после конфликтов в 2012 г. (когда имели место драки с большим участием представителей кавказцев и русских), убрать страхи из массового сознания, показать положительное взаимодействие: *«... реальные происшествия замолчать нельзя, но остальное должно это сглаживать»* (эксперт, государственный служащий).

Однако усилия власти не всегда могут контролировать настроения и ориентиры людей. Результаты глубинных интервью показывают, что простые жители округа, а также эксперты регионального и федерального уровня обращают свое внимание на Интернет-ресурсы (в т.ч. многократно упомянутый Ура.ру), читают их публикации и могут составлять «свое видение о ситуации в регионе» по материалам этих изданий.

Как пишут исследователи в области СМИ, журналистика, если она затрагивает тему межнациональных отношений, должна быть особо деликатной, поскольку каждое неосторожное слово здесь может быть воспринято как оскорбление национального достоинства[1].

В целом проанализированное информационное поле наиболее читаемой газеты в г. Сургуте свидетельствует, что в 2017–2018 гг. редакцией этой газеты предпринимались усилия представить этническую тематику в нейтральном тоне с акцентом на положительные действия, избегая терминологии, в той или иной мере задевающей национальное достоинство людей. Этого нельзя сказать про информационное поле Интернет-изданий.

---

[1] *Сулейманова Ш. С., Рябова Е. Л.* Роль СМИ в регулировании межнациональных отношений в современной России // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 5(83). С. 13.

ГЛАВА II

Этничность и возможности в социальном продвижении: представления и реальность

Постановка проблемы

Неравенства, существующие в обществе, являются «фундаментальным фактом». По сравнению с советским этапом в новой России усилилась социальная поляризация, появились новые сферы деятельности (такие как «майнинг криптовалют»), социальные слои, уже сформировались и продолжают формироваться новые классы (например, прекариат и креативный класс). Современное общество является высококонкурентным в важнейших сферах жизнедеятельности: образовательной, трудовой, культурной и др. Индивид в попытке преуспеть в жизни, занять привилегированные позиции или участвовать в распределении благ неизбежно сталкивается с препятствиями и конкуренцией со стороны других людей. Конкуренция происходит между носителями различных социальных статусов, принадлежащими к разным социальным группам: возрастным, профессиональным, политическим, религиозным, этническим и др. На бытовом уровне это может восприниматься как с пониманием, так и находить выражение в недовольстве, раздражении и других отрицательных эмоциях в отношении окружающих. В полиэтничном обществе недовольство может переноситься на антропологически иных, отличных по своей культуре, религии и традициям. Риск возникновения межэтнической напряженности вследствие экономической конкуренции или борьбы за участие во власти существует в субъектах Федерации с любым административным и правовым статусом, а не только в тех, где есть титульная национальность. Испытываемые россиянами экономические трудности провоцируют поиск виновных и нередко, как и в других странах, «образ врага» приписывается представителям иной этнической группы, проживающей по соседству. В регионах с разным уровнем полиэтничности населения потенциальным фактором межэтнической напряженности становятся иноэтничные и инокультурные мигранты[1]. Таким образом,

[1] Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества. С. 58.

мы обращаемся к этническому измерению социального неравенства, присутствующему в оценках некоторых россиян. Данная ситуация требует взвешенного анализа. Если человек определяет окружающую его реальность и занимаемое им место в соответствии со своей национальностью, верит, что она влияет на возможность продвижения, разделяет представления об одних этнических группах как занятых «на черной» работе, или о других как занимающих привилегированные позиции, то в соответствии с теоремой Томаса[1] это будет иметь непосредственное воздействие на действительность и выражаться в напряженности и конфликтных ситуациях[2].

Тема социального неравенства этнических групп разрабатывалась многими исследователями. Разными её аспектами занимались: В. В. Амелин, Ю. В. Арутюнян, А. Д. Бравин, Д. В. Брагина, Р. М. Валиахметов, Э. М. Виноградова, И. М. Габдрафиков, Л. М. Дробижева, М. А. Евсеева, Г. А. Исаев, В. Е. Козлов, В. В. Коротеева, И. М. Кузнецов, Р. А. Кузьмина, Р. Н. Мусина, Л. В. Остапенко, А. В. Переведенцева, С. В. Рыжова, Л. В. Сагитова, И. А. Снежкова, Г. У. Солдатова, И. Г. Спиридонова, Т. А. Титова и др.

Неравенство этнических групп в контексте конфликтогенности миграции рассматривалось в работах: В. А. Авксентьева, Г. С. Витковской, В. Г. Гельбраса, А. В. Дмитриева, В. А. Дятлова, Ж. А. Зайончковской, В. А. Ионцева, В. И. Мукомеля, С. К. Олимовой, С. А. Панарина, Э. А. Паина, В. Н. Петрова, Д. В. Полетаева, Г. А. Пядухова, Т. Н. Юдиной, А. С. Юнусова и др.[3] В данной главе мы рассмотрим восприятие возможностей этнических групп людьми разных национальностей.

На предыдущем этапе исследования нами изучалось восприятие влияния национальности на продвижение. Это восприятие не отличалось в относительно этнически однородных регионах (таких как Москва и Московская область) и национальных республиках (таких как республика Карелия). Однако республики Российской Федерации различаются по этническому составу населе-

---

[1] «Если люди определяют ситуации как реальные, то они и являются реальными по своим последствиям». *Thomas W. L., Znaniecki F.* The polish peasant in Europe and America. N.Y.: Knopf, Vol. 1. P.79.

[2] Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Academia. 2002. С. 26.

[3] Подробнее см.: *Дмитриев А. В., Пядухов Г. А.* Этнические группы мигрантов и конфликты в анклавных рынках труда // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 91.

ния: так, численность карел на территории республики по данным официальной статики составляет 7,08%[1]. В связи с этим в качестве объекта изучения был выбран Башкортостан, где складывается более сложная ситуация. По сравнению с Карелией здесь более представлено мусульманское население (башкиры и татары), что не может не сказываться на межнациональных отношениях. Другим объектом исследования стал Ханты-Мансийский автономный округ (Югра), выбор которого обусловлен его экономической привлекательностью для трудовой миграции. Сюда на заработки, а порой и на постоянное место жительства, приезжает большое число представителей разных этнических групп: башкир, татар, представителей Северного Кавказа и Средней Азии и др. К тому же в республике Башкортостан и ХМАО живут татары, башкиры, русские и есть возможность сравнить восприятие ими своих возможностей в регионах с разным административным статусом.

В связи с вышеизложенным, задачами данного раздела исследования являются:

1) Выявление на общероссийских данных наиболее национально ориентированных сфер занятости.
2) Осуществление межрегионального анализа восприятия экономических и политических возможностей этнических групп в разных по статусу регионах России;
3) Сравнение восприятия возможностей трудоустройства русских, башкир и татар в «своих» регионах (на примере Москвы и Башкортостана) и за их пределами;
4) Определение масштабов реальной дискриминации в трудовой сфере и категорий граждан, испытывающих её негативное воздействие.

Теоретико-методологическая основа изучения

Социальные различия между этническими группами будут рассматриваться в рамках концепции «культурного разделения труда» М. Хехтера, согласно которой они могут интерпретироваться как различия этнокультурного характера, на основе которых

[1] По данным Всероссийской переписи населения-2010. [Электронный ресурс]: Росстат. URL: krl.gks.ru/wps/wcm/.../9_НАЦИОНАЛЬНЫЙ+СОСТАВ+НАСЕЛЕНИЯ+РК.doc (Дата обращения: 25.06.2018).

впоследствии конструируются представления о разном месте этнических общностей в общественном разделении труда.[1] Также мы исходим из теории контакта (авторы К. Эллисон, Д. Пауэрс, Н. Шелтон, Т. Петтигрю, Л. Тропп), согласно которой, реальный контакт с представителями иной этнической группы способствует ослаблению существующих предрассудков и гармонизации межэтнических отношений[2].

Эмпирически оценить восприятие этнического неравенства помогают данные опросов, проведенных Центром исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН в трех российских регионах (Башкортостане, Ханты-Мансийском автономном округе, Московском регионе — Москве и Московской области), а также «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS–HSE)». Межрегиональное исследование фокусируется на положении и самочувствии людей разных национальностей — башкир и татар (в Башкортостане и за его пределами), башкир, татар, русских в Ханты-Мансийском автономном округе (Югре), а также русских (в Московском регионе и за его пределами).

Для валидизации количественных данных весной и летом 2017–2018 гг. были проведены полуструктурированные интервью с местным населением и мигрантами, экспертные интервью и круглые столы с региональными специалистами.

---

[1] Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. С. 22–23.

[2] *Варшавер Е. А.* Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С.199–200.

2.1. Представления об этнической маркированности возможностей людей по общероссийским и региональным опросам

Данные Центра исследования межнациональных отношений ИС РАН (с июля 2017 г. — ФНИСЦ РАН), полученные в 2006–2007 гг., показали, что межличностные связи, а не принадлежность к определенной этнической категории, оказываются для людей основной поддержкой при социальном продвижении. Представители практически всех этнических групп отметили незначимость национальности по сравнению с «полезными связями с нужными людьми», «богатыми родителями» и «родственниками на руководящих постах». Однако, не являясь первостепенным фактором, национальность оказывается втянута в трудовые отношения: как категориальная идентичность она порождает сети семейных и земляческих взаимосвязей, а уже те в свою очередь влияют на жизненные шансы людей[1].

Опросы по общероссийским выборкам (RLMS-HSE) позволяют рассмотреть, на каких должностях, по мнению россиян, наиболее учитывается этническая принадлежность. Индикатором является вопрос: «Как Вы считаете, насколько в Вашем (городе/селе) важна национальность человека для устройства/назначения... руководителем в правоохранительных органах; директором, завучем в школе; главврачом, зав. отделением; рядовым сотрудником правоохранительных органов; рядовым учителем в школу; на высокооплачиваемую должность в частной компании; получения высокой должности в местных органах власти; открытия своего предприятия, фирмы». В соответствии с ответами респондентов

[1] Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. С. 129–140.

нами были проранжированы виды деятельности от наиболее требовательных к национальности соискателя до наименее требовательных (см. табл. 2.1.1).

Таблица 2.1.1

Представления россиян о значимости национальности при устройстве на работу, 2017 г., *% от опрошенных**

Как Вы считаете, насколько в Вашем (городе/селе) важна национальность человека для устройства/назначения:	Очень важна / в основном важна	Совсем не важна / в основном не важна
руководителем в правоохранительных органах	33,7	21,3
директором, завучем в школе	29,5	26,7
на высокую должность в местных органах власти	28,8	25,1
главврачом, зав. отделением	25,9	29,3
рядовым сотрудником правоохранительных органов	24,6	30,1
на работу рядовым учителем в школу	20,7	35,9
на работу рядовым врачом	16,4	41,9
на высокооплачиваемую должность в частной компании	16,3	37,3
открытия своего предприятия, фирмы	10,4	50,1

*По данным «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)»

Национальность как один из критериев отбора, по мнению респондентов, важнее на государственных должностях, чем в частных компаниях. Наиболее значимой национальность была названа при назначении на руководящие должности в правоохранительные органы, учреждения образования и местные органы власти. Срединное положение занимают должности главврача (заведующего отделением) и рядового сотрудника полиции — около четверти респондентов полагают, что национальность на этих позициях важна, в то время как менее трети считают, что национальность не имеет значения. По сравнению с другими сферами занятости, в частном бизнесе, здравоохранении и системе образования о национальной принадлежности задумываются в меньшей степени —

самыми этнически немаркированными считаются: открытие собственного дела, а также должности рядового учителя и врача. В этих сферах значительно больше респондентов, полагающих, что национальность не влияет на трудоустройство.

Ответы «по массиву в целом» позволяют определить представления людей о наиболее этнически маркированных сферах занятости. Это данные общероссийского опроса, в котором большинство составляют русские. Однако видение ситуации не одинаково у представителей разных этнических групп в российских регионах, обладающих собственной спецификой.

Далее рассмотрим восприятие экономических и политических возможностей в оценках представителей разных этнических групп. Индикаторами послужили вопросы: «Как Вы считаете, национальность человека влияет на его возможности... устроиться на самую лучшую работу? ... занять высокий пост в органах власти? ... открыть свое дело?». При этом сфокусируем внимание на одной из республик с самой высокой теоретически вероятной этнической контактностью — Республике Башкортостан, Ханты-Мансийском автономном округе — регионе, постоянно принимающем полиэтничный миграционный приток, а также Московском регионе с доминирующим русским населением.

Лучшая работа. Межрегиональный анализ показал, что 40% респондентов в национальной Республике Башкортостан и экономически благополучном Ханты-Мансийском автономном округе склонны рассматривать национальность в качестве значимого фактора трудоустройства (см. табл. 2.1.2). Однако в этих двух субъектах Федерации чуть больше половины людей склонны считать, что национальность не важна при трудоустройстве на лучшие рабочие места: 51–55% против 30% в Московском регионе. В последнем, характеризующемся более сложной ситуацией в сфере межнациональных отношений, 57% респондентов согласились с мнением, что национальность влияет на возможность устроиться на лучшую работу.

Под лучшими рабочими местами нередко понимается работа в органах государственной власти. Бывший Президент республики Башкортостан так высказывался о роли национальности **при назначении на управленческие позиции**: *«Конечно, приходится учитывать и национальность. Скажем, если в районе большинство*

Таблица 2.1.2

Оценка экономических и политических возможностей жителям регионов России, 2014–2018 гг., *% от опрошенных

Как Вы считаете, национальность человека влияет на его возможности:		Башкортостан, 2017 г.	ХМАО, 2018 г.	Московский регион, 2014 г.
устроиться на самую лучшую работу	Да	*39,5*	40,0	**57,4**
	Нет	51,4	54,8	30,6
	З/о	9,1	5,2	12,0
занять высокий пост в органах власти	Да	39,8	*35,4*	**49,1**
	Нет	49,7	55,8	34,9
	З/о	10,0	8,8	16,0
открыть свое дело	Да	25,5	*22,2*	**33,4**
	Нет	64,2	73,2	53,3
	З/о	10,3	4,6	13,3

* По данным опросов ИС РАН (ФНИСЦ РАН) в Московском регионе, Башкортостане и ХМАО (2014–2018 гг.)

населения — русские, значит, желательно видеть там главой администрации русского. Но не всегда так получается. Вот, например, в одном районе я назначил русского главой администрации, а он не справился, оказался пьяницей. Пришлось поставить на этот пост татарина, но, учитывая, что жена у него русская, я думаю, у них там — интернационал. Так что подход дифференцированный, хотя на селе в основном ставим местные кадры. А там живут, главным образом, татары, башкиры, удмурты, марийцы, чуваши...»[1]. Таким образом, бывший глава российского региона признал значимость национальности при назначении на должность в органы власти. Согласны ли с этим мнением опрошенные в разных регионах?

В восприятии населения высока вероятность влияния национальности при назначении в органы власти в республиках, тем более в такой полиэтнической, как Башкортостан. И действительно, практически 40% населения считают, что национальность влияет на возможности устроиться на самую лучшую работу. Иная ситуация сложилась в ХМАО. Здесь большинство составляют

[1] Труд. 1996. 6 февраля.

русские, но и доля представителей других национальностей достаточно значимая, при том, что башкиры и татары в основном заняты на добыче основного высокоценимого ресурса также, как азербайджанцы еще со времен открытия и освоения нефтяных месторождений. Как видим, в ХМАО также больше трети населения связывает назначение на высокий пост во властных структурах с национальностью, но меньше, чем в Республике Башкортостан.

Московский мегаполис — самый русский регион среди рассматриваемых территорий. И тем не менее в Москве еще более высокая доля населения (49%) также связывает назначение на высокий пост в органах власти с национальностью, что удивительно, поскольку в поведенческой практике у москвичей нет опыта сравнений. Следует, видимо, учитывать, что данные по Москве собраны в 2014 г., когда актуализация миграционного притока ещё не ушла из информационного пространства, как это произошло в 2015–2018 гг.

По сравнению с возможностями устроиться на самую лучшую работу или занять высокий пост в органах власти, наименьшая межэтническая напряженность складывается вокруг **открытия своего предприятия, фирмы**. Каждый день во всех уголках России люди пробуют завести свое дело, открыть частный бизнес. Это может быть своя палатка с овощами и фруктами, студия дизайна, маникюрный салон или интернет-магазин. Названия ИП и фирм указывают на то, что в открытии собственного дела участвуют люди всех национальностей. По закону любой гражданин России, которому исполнилось 18 лет, вправе начать заниматься предпринимательской деятельностью. Большинство населения изучаемых регионов (63–73%) при этом считают, что национальность не имеет никакого значения при открытии собственного дела. Меньше всего тех, кто связывает национальность и открытие своего бизнеса в Ханты-Мансийском автономном округе — 22%, а больше всего в Московском регионе — 33%. Анализируя различия в оценках людей разной национальности, стоит отметить, что в ХМАО по сравнению с Башкортостаном, Московским регионом респонденты в меньшей степени склонны видеть этничность одним из факторов, влияющих на открытие собственного дела. Это проявляется и среди башкир, и среди татар, и среди русских. Можно утверждать, что башкиры и татары вне Республики Башкортостан

не воспринимают этничность как одно из препятствий в открытии собственного бизнеса.

Представляется чрезвычайно важным провести межрегиональное сравнение социального самочувствия людей разной национальности в «своей этнической среде» (башкиры в Башкортостане, русские в Москве) и за её пределами в ситуации, когда возможности этнических групп по продвижению могут восприниматься через призму дискриминации. Ситуация в регионах исследования различна. Башкиры и татары в Башкортостане в меньшей степени склонны связывать национальность с возможностью устроиться на лучшую работу (35% у тех и других), в то время как русские в большей степени ощущают свое неравное положение (48%). Обратим внимание на то, что у башкир и татар в ХМАО практически не усиливается восприятие этнической маркированности возможности трудоустройства (разница на 4 п.п. по сравнению с Башкортостаном).

В Московском регионе в 2014 г., казалось бы, в своей среде, ситуация воспринималась сложнее, чем в Башкортостане и ХМАО. В тот период мигранты воспринимались в образе врага, а основное внимание населения не было обращено на украинский кризис и взаимоотношения с США. Таким образом, наиболее благополучно ситуация для русских выглядит в Ханты-Мансийском автономном округе, где они ощущают наименьшую связь между этничностью и трудоустройством.

2.2. Ощущение равенства возможностей русскими, башкирами и татарами в субъектах Федерации, отличающихся этническим составом населения и административным статусом

В Башкортостане практически половина русских высказывает согласие с мнением, что национальность важна при приеме на работу. Помимо русских эта точка зрения распространена среди представителей Средней Азии и Кавказа (40% согласны с тем, что национальность влияет на устройство на лучшую работу) (см. табл. 2.2.1). Мнение представителей южных республик важно с точки зрения понимания различий восприятия найма между давно живущими местными жителями и новоприбывшими (либо сталкивающимися с трудностями, либо наоборот, ощущающими поддержку земляков).

Таблица 2.2.1

Восприятие представителями разных этнических групп возможности устройства на лучшую работу в Башкортостане, 2017 г.,
% от опрошенных

Как Вы считаете, национальность человека влияет на его возможности устроиться на самую лучшую работу?	Башкиры	Татары	Русские	Другие
Да	*34,9*	35,0	**48,0**	39,8
Нет	54,2	55,8	44,7	49,8
Затруднились ответить	11,0	9,2	7,3	10,4

Урбанизированность местности, а также размер населенного пункта влияют на связь национальности и возможности устроить-

ся на лучшую работу. Крупные города, такие как Уфа, магнитом притягивают людей разных национальностей в поисках лучшей жизни. Более высокая представленность мигрантов, разнообразный национальный состав создают предпосылки для конкуренции в трудовой сфере. Как результат, более половины жителей Уфы (56%) связывают национальность и возможность устроиться на лучшую работу. Ситуацию в селах характеризует другая тенденция — отток населения. Редко где можно наблюдать новых жителей-переселенцев, приезжающих в башкирские села в поисках работы. Поэтому на селе межнациональные противоречия в трудовой сфере не столь выражены, как в Уфе. А в наименьшей степени этничность связана с трудоустройством в небольших городах Башкортостана. Здесь слабее соседские и дружеские связи, характерные для сел (и возможно инстинктивные страхи перед чужими), при этом мигранты представлены в меньшей степени, чем в столице, и потому возможно в меньшей степени воспринимаются как конкуренты за лучшие рабочие места. Как следствие — только 27% жителей небольших городов Башкортостана считают, что национальность важна при трудоустройстве.

В **Ханты-Мансийском автономном округе — Югре** русские, татары, башкиры примерно одинаково оценивают влияние национальности на устройство на лучшие рабочие места: его отмечают 38–39%. Башкиры и татары заняты в самых разных секторах экономики: от работы водителя такси до главы крупной нефтяной компании. В целом они включены в жизнь местного сообщества и присутствуют во всех отраслях: в строительстве, в ЖКХ, в управлении, производящей промышленности. В крупных городах есть татары и башкиры, которые занимают руководящие посты в градообразующих предприятиях. Особенно велико их участие среди работающих в нефтяной и газовой отраслях. Многие, как и русские, переезжают в ХМАО в связи с северными зарплатами и пенсиями. И, судя по оценкам респондентов этих групп, проблем с трудоустройством у них возникает не больше, чем у русских.

Больше половины представителей русских, татар и башкир (56–58%) уверены, что национальность не является определяющей при трудоустройстве (см. табл. 2.2.2). В интервью данное мнение подкреплялось тем, что чаще речь идет не о наборе по национальному признаку, а по родственным или дружеским связям: *«Наци-*

ональность — нет. Кумовство влияет, но национальность — нет. Ну если, допустим, я приехал в другую страну, занял какую-то должность. И у меня есть шанс там на работу, ну, взять, да, человека. И нашел земляка, тем более родственника, когда человек заботится о том, кто, грубо говоря, ему родственник, там, ну, знакомый или земляк, ну его можно, в принципе, понять. Честно это? Ну, нет, не честно, обидно. Ты можешь просто из-за этого проиграть, упустить что-то. Но это имеет просто быть. Глупо это отрицать» (сотрудник библиотеки, ХМАО).

Таблица 2.2.2

Восприятие представителями разных этнических групп ХМАО возможности устройства на лучшую работу, 2018 г.,
% от опрошенных

Как Вы считаете, национальность человека влияет на его возможности устроиться на самую лучшую работу?	Русские	Башкиры	Татары	Другие
Да	*37,7*	39,2	38,8	**51,9**
Нет	56,5	**57,7**	55,5	*38,9*
Затруднились ответить	5,8	3,1	5,7	9,1

Более сложная ситуация в сфере трудоустройства складывается у людей других национальностей в сравнении с русскими, башкирами, татарами. В ХМАО отдельно опрашивались представители Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии. Их ответы на вопрос о «возможности устроиться на самую лучшего работу» показали, что для представителей этих регионов проблема трудоустройства является одной из самых главных: 52% опрошенных считают, что при устройстве на работу работодатель обращает внимание на национальность. Приехавшие на новое место жительства стараются найти работу всеми возможными способами. В интервью с муфтием ХМАО–Югра рассказывалось, что молельные дома являются местом, куда обращаются мигранты в поиске работы: *«У нас и на намаз то приходят некоторые только по таким поводам, главным образом из Азии. Может он там и в мечеть то никогда не ходил, допустим, а тут он приехал, у него друзья ходят в мечеть, он тоже пошел в мечеть. Знает не знает, помолился вот*

и нет проблем, давайте пойдем чай попьем, посидели. Некоторые только ради этого ходят. Говорят, я вот только в Сургуте научился намаз читать. То есть приехал из Таджикистана, а намаз только здесь научился. А из-за чего? Потому что здесь встретиться можно, поговорить можно и трудоустройстве. Кто-то скажет — я там работаю, есть одно место, приходи» (круглый стол в мечети, г. Сургут).

С похожими ситуациями сталкиваются не только приезжающие из Средней Азии, но и выходцы с Северного Кавказа. Это чаще всего молодые люди, которые приезжают в ХМАО в надежде заработать, трудоустраиваясь на предприятия нефтяной и газовой сфер. Но молодые люди не всегда имеют необходимую квалификацию и знания для выполнения определенного вида работ (например, на буровых). На круглом столе со старейшинами, представляющими дагестанскую и чеченскую общины, проблема трудоустройства молодежи называлась как одна из самых злободневных: *«На самом деле ребята, которые закончили школу, они просто выпадают в никуда. У нас принято так на Северном Кавказе, если есть где-то маломальские родственники, к которым можем приехать... Родители и родственники говорят — вот сынок езжай туда. Дают 10–20 тысяч на дорогу ему и отправляют. Ну, приезжают, естественно, с 10 классами образования, а здесь так устроиться проблематично, потому, что квалификация низкая, вообще отсутствует»* (круглый стол с дагестанскими и чеченскими старейшинами). Кроме того, некоторые молодые люди приезжают в ХМАО, чтобы в дальнейшем поступить на службу в российскую армию, поскольку набор из республики не осуществляется.

Таким образом, представители Северного Кавказа при приезде в Югру чаще всего рассчитывают на помощь местного землячества, т.е. молодые люди не едут на «пустое место». Устройство на работу происходит через семейные и родственные связи, знакомство: *«Вот к нему приехали, ко мне приехали. Я 47 семей сюда привез. На работу привёз и всех устроил»* (круглый стол с дагестанскими и чеченскими старейшинами).

Среди жителей **Московского региона** по сравнению с другими исследуемыми субъектами Федерации взгляды о влиянии этничности на трудоустройство распространены не меньше, чем среди

жителей более полиэтничных регионов: 57% считают, что она влияет при устройстве на лучшую работу (см. табл. 2.2.3). Русский респондент, работающий в органах местной власти (26 лет, высшее образование), так прокомментировал, почему учитывается национальность: «*в крупных городах: Москве, Питере, Новосибирске точно важна. Я считаю, что, когда в руководстве сидят русские — скорее всего поставят русского. Если курирующее должностное лицо другой национальности, оно подтянет людей из своего этноса. Рашид Нургалиев, когда командовал — какой разнос у нас был. Если представитель этнической группы родился в Москве и у него все друзья в Москве. Он будет тянуть тех, с кем во дворе дружил, в институте учился, а, если он из своей национальной республики, то он будет тянуть представителей этой национальности*».

Таблица 2.2.3

Восприятие русскими и людьми других национальностей возможности устройства на лучшую работу, Московский регион, 2014 г.,
% от опрошенных

Как Вы считаете, национальность человека влияет на его возможности устроиться на самую лучшую работу?	**Русские**	**Другие**
Да	*56,9*	**62,9**
Нет	30,5	29,8
Затруднились ответить	12,6	7,3

Еще в большей степени на связь национальной принадлежности и возможностей трудоустройства обращают внимание люди других национальностей. Оставляя за скобками проблемы, возникающие у неграждан России, стоит отметить, что при найме в Московском регионе нерусские могут сталкиваться с негативизмом и предвзятостью работодателей, базирующихся на стереотипах. Интервью с жителями подтверждает, например, наличие такого стереотипа, как «люди определенной национальности неспособны занимать руководящие должности, адекватно решать поставленные задачи, кроме самых простых». Сталкиваясь с подобными представлениями, даже специалисты высокой квалификации могут ощущать закрытость определенных сфер занятости.

Межрегиональное сравнение показывает, что башкиры в равной степени ощущают значимость этничности при трудоустрой-

стве **в органы власти** в Башкортостане и в Ханты-Мансийском автономном округе (32–34%). Схожая ситуация прослеживается и в отношении татар, живущих в Башкортостане и ХМАО. Для русских, проживающих в ХМАО, в наименьшей степени важна национальность для занятия постов в органах власти (37%). Это свидетельствует о более спокойной оценке ограничений по этническому признаку в данном регионе в сравнении с Башкортостаном (48–49%). В Башкортостане русские в большей степени ощущают конкуренцию за посты в органах власти со стороны башкир (титульного этноса республики). С точки зрения этнической обусловленности продвижения в органах государственной власти башкиры и татары, проживающие в Башкортостане, мало отличаются от таковых, проживающих в ХМАО. Различия в 2–3% не значимы с учетом погрешности выборки. Русские в Ханты-Мансийском автономном округе в меньшей степени чувствуют влияние этничности для занятия высокого поста в органах власти, чем в Башкортостане и Московском регионе.

Сравнивая этнические группы, представленные в **Башкортостане,** стоит отметить, что влияние национальности на возможности трудоустройства в наибольшей степени чувствуют русские (48%), представители Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии (43%), татары (37%) и в наименьшей степени башкиры — 34% (см. рис. 2.2.1).

Чуть больше половины башкир и татар Башкортостана (53–54%%) считают, что национальность не влияет на возможность занять высокий пост в органах власти: *«Такого ограничения я не вижу. В администрации у нас разные национальности. Здесь по способностям» (*директор гимназии, татарин).

Однако существует и другое мнение (его разделяет от трети башкир до половины русских) о том, что национальность влияет на продвижение в органах власти, о чем люди чаще знают на уровне слухов: *«Есть такое расхожее мнение, что высокие посты башкиры, не со знанием языка, а именно по национальному признаку. Хотя мне кажется, что здесь больше играет роль не национальный признак, а Восток — родственные отношения»* (учитель русского языка и литературы, заместитель директора). При этом как препятствие может восприниматься незнание башкирского языка для живущих в республике Башкортостан и претендующих на высокие посты

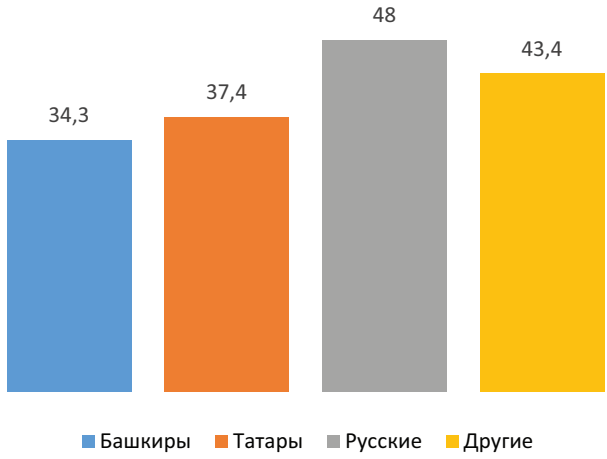


Рис. 2.2.1. Влияние национальности на возможность занять высокий пост в органах власти в оценках этнических групп в республике Башкортостан (позиция национальность влияет), **2017 г.,** *% от опрошенных*

в управлении: *«Знаете, есть примеры, что является. В основном, во власти. Мой близкий знакомый, при всей своей высокой квалификации не смог устроиться. Но это было давно, в 90-е годы, при другом Президенте. Не смог устроиться при очень высокой квалификации в администрацию Президента, потому что первый вопрос был «Знаете ли Вы башкирский? Он не знал, потому что он татарин. Сказали, тогда извините»* (региональный эксперт, научный сотрудник РАН). Данные примеры свидетельствует о множественности ситуаций, в которые попадает человек и которые находят отражение, отпечатываются в его памяти.

Большая часть населения **Ханты-Мансийского автономного округа** отрицает влияние национальности на занятие высоких постов в органах власти. Большинство людей в интервью называли такие качества, как связи, знания, умения, преданность и другие. Многие респонденты сомневались, отвечая на этот вопрос, они не знают, на какие качества ориентирована система государственного управления: *«Не знаю, да что-то, наверное, влияет, ничего просто так не происходит. Наверное, влияет, национальность — может быть, но я не думаю, что она является первым, ну там, весомым фактом. Навряд ли. Наверное, все-таки другие вещи — в первую очередь, на них люди смотрят, выбирают. Разные*

*люди с разными национальностями, в том числе, и коренные малочисленные народы Севера работают в руководстве. Еремей Данилович Айпин — местный писатель, хантиец, он в думе, то есть, работает, занимает там должность. Еремей Данилович там работает, но это не значит, что каждый второй — хант и манс» (*библиограф, Центральная библиотека Ханты-Мансийска).

Мнения относительно возможности занять высокий пост в органах власти в Ханты-Мансийском автономном округе оказались схожи у башкир, татар и русских — 32–37%. Причём понимание у трех перечисленных этнических групп отличается от позиции мигрантов из Северного Кавказа и Средней Азии (различие 12–15% п.п.) (см. рис. 2.2.2). Представители кавказских и среднеазиатских народов чаще осознают, что высокие посты в органах государственной власти для них закрыты.

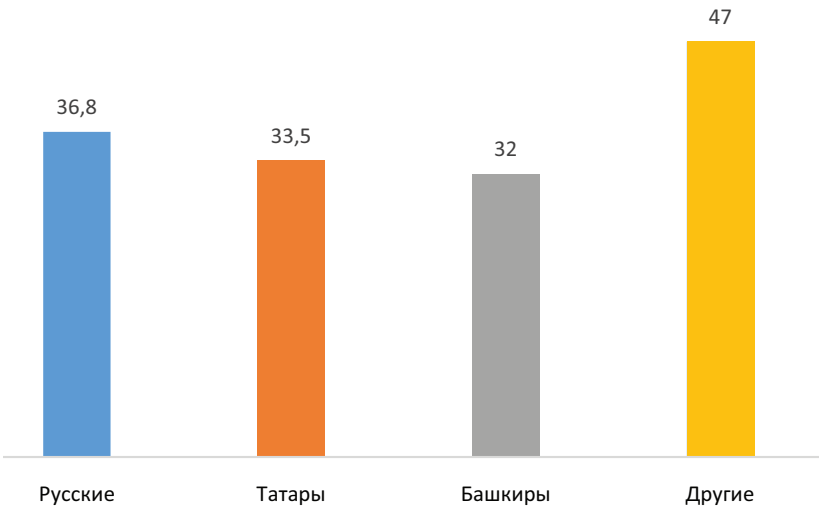


Рис. 2.2.2. Оценка разных этнических групп возможности занять высокий пост в органах власти ХМАО (позиция национальность влияет), 2018 г., *% от опрошенных*

В **Московском регионе** ситуация в сфере межнациональных отношений в целом складывается непросто, вследствие чего возрастает тревожность и ощущение конкурентной среды в том числе в сфере госуправления: 49% среди русских и 55% среди людей

других национальностей в Московском регионе разделяют мнение о важности национальности для занятия высокого поста во власти (см. рис. 2.2.3).

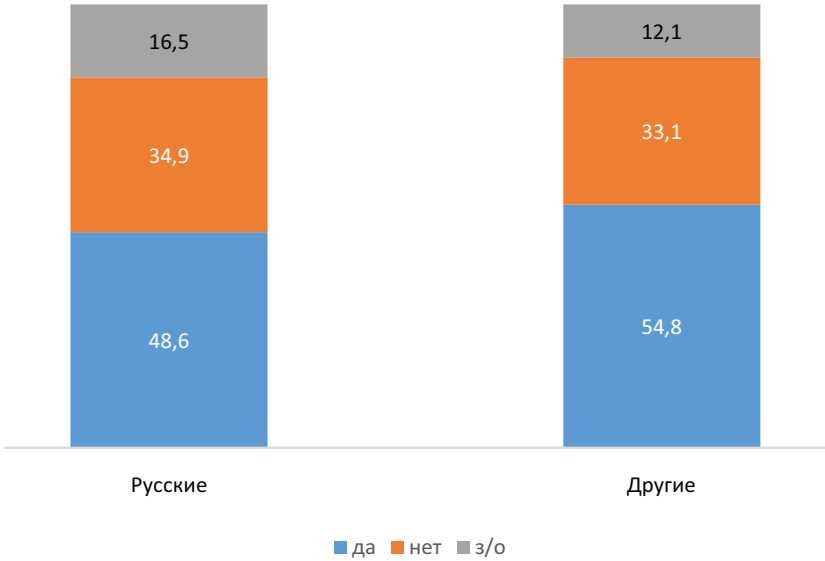


Рис. 2.2.3. Восприятие возможности занять высокий пост в органах власти русскими и людьми другой национальности Московского региона, 2014 г.,% *от опрошенных*

Интервьюированные русские, согласные с тем, что национальность влияет, видели в этом преимущества для людей как русской (1), так и нерусских национальностей (2):

(1) «Если ты возьмешь плохую команду, которая не лояльна к тебе, то имеешь шанс прогореть. Я знаю про госслужбу. При открытии нового управления все тянут всеми силами свою команду, которые с тобой раньше работали. Все боятся за себя. Максимальная поддержка, чтобы тебя никто не подставил» (русский, работает в органах местной власти).

*(2) «В Москве национальность влияет. Меньшинства берут своих» (*русский, работник склада, среднее образование).

Треть опрошенных всех национальностей не согласны со значением национальности в органах власти. Сторонники этой позиции в большей степени отмечали важность других факторов, например, нужных «связей»: *«Национальность не важна. Тянут*

свою семью, а свои соотечественники идут лесом» (русский, работник склада, среднее образование).

Наименьшая межэтническая напряженность складывается вокруг **открытия своего предприятия, фирмы**. Большинство населения изучаемых регионов (63–73%) считает, что национальность не имеет никакого значения при открытии собственного дела (см. рис. 2.2.4). Меньше всего тех, кто связывает национальность и открытие своего бизнеса в Ханты-Мансийском автономном округе — 22%, а больше всего в Московском регионе — 33%. Затрагивая различия между этническими группами, стоит отметить что по сравнению с Башкортостаном и Московским регионом, в ХМАО люди в наименьшей степени склонны рассматривать этничность как один из факторов, влияющих на открытие своей фирмы. Это проявляется и среди башкир, и среди татар, и среди русских. Башкиры и татары вне Республики Башкортостан не воспринимают этничность как одно из препятствий в деле открытия собственного бизнеса. Данный тезис был подтвержден в ходе наших наблюдений в ХМАО. Авторы книги воочию могли убедиться в существовании башкирских и татарских магазинчиков, палаток, кафе и их успешном функционировании.

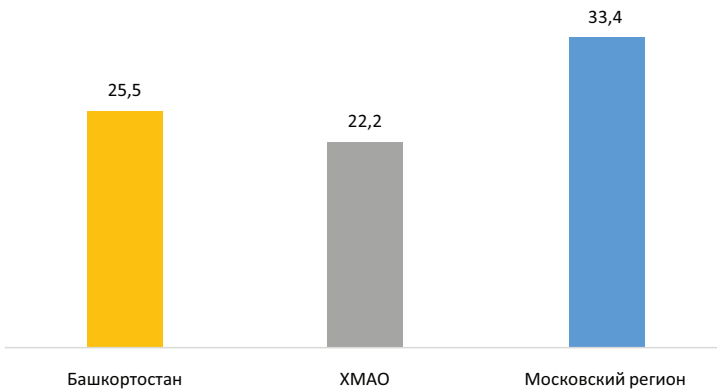


Рис. 2.2.4. Оценка влияния национальности на возможности открытия собственного бизнеса в регионах России (позиция национальность влияет), 2014–2018 гг., *% от опрошенных*

В пределах Республики Башкортостан значимость национальности при открытии собственного бизнеса в наибольшей степени ощущают русские: 33% против 20–23% у башкир, татар, предста-

вителей Кавказа и Средней Азии (см. рис. 2.2.5). При этом кавказцы и выходцы из Средней Азии воспринимаются местным населением совершенно по-разному. И те, и другие основывают собственный бизнес, однако в большинстве своем выходцы из Средней Азии являются обладателями более низкого статуса в глазах местного населения, а кавказцы претендуют на более высокий. Представители Северного Кавказа различными путями, через личные договоренности отстаивают свои интересы. Используя связи с муфтиятом и представителями властных структур, они организуют бизнес-структуры. По мнению одного из экспертов, чеченцы имеют свои бизнес-интересы во многих сферах: *«вся лесопилка — это чеченская, это Зауралье. И много фактов, когда мониторишь»* (региональный эксперт по межнациональным отношениям).

Разница в ответах на вопрос «Как Вы считаете, в ХМАО (Югра) национальность человека влияет на его возможности открыть свое дело?» присутствует среди русских, башкир, татар и представителей Кавказа и Средней Азии. Если среди башкир влияние национальности на открытие своего дела отмечают 17% опрошенных, то среди русских таковых уже 27%. Возможно русским непривычно видеть «этнический бизнес» в ХМАО. Они воспринимают его как нечто непривычное, созданное при помощи земляков и для земляков.

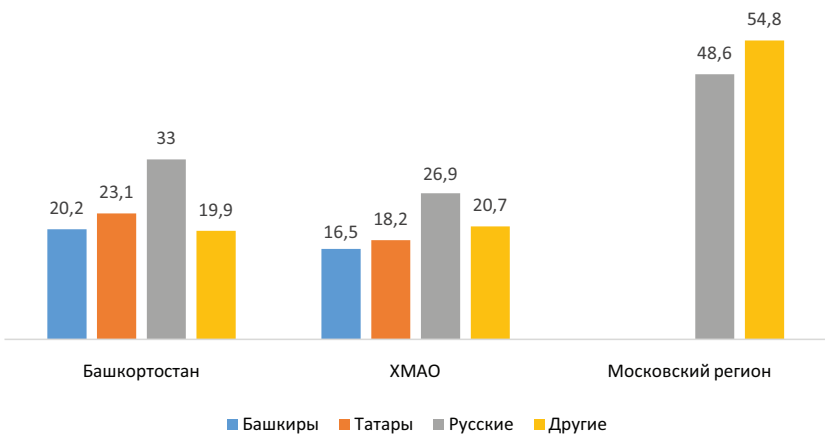


Рис. 2.2.5. Оценка возможностей открытия бизнеса представителями этнических групп разных регионов России (позиция национальность влияет), 2014–2018 гг., *% от опрошенных*

В Москве, как и в двух других исследуемых регионах, преобладает мнение, что национальность человека не влияет на его возможность открыть собственное дело. Этот факт был проиллюстрирован в ходе интервью с русскими москвичами (жители Москвы, высшее и среднее специальное образование, 26–28 лет):

(1) На бизнес не влияет национальность, потому что все решают деньги. В отношениях между фирмами еще можно представить, что с определенными национальностями будут поддерживать отношения, с какими-то нет. Но в плане открытия не влияет.

(2) Национальность не влияет. Существует много фирм «создадим ООО за семь дней». Ты приходишь туда, даешь деньги и создаешь и не важно какая у тебя национальность.

(3) Если у тебя свой магазин со складом в Одинцово и сайтом, то ты мало от кого зависишь.

Треть опрошенных по Москве и Московской области заявили, что национальность не влияет (33% русских, 37% людей другой национальности). Иными словами, различий между этническими группами фактически нет.

2.3. Реальность в ущемлении прав русских, башкир, татар в регионах

Представления людей об их возможностях (и ограничениях) в занятии престижных мест, трудовой карьере или открытии бизнеса не означают, что все респонденты лично испытывали какие-то исключения. Поэтому, чтобы сопоставить представления о возможностях и непосредственно реальность, мы просили респондентов ответить на вопрос «испытывали они сами лично ущемление прав из-за своей национальности». Межрегиональное сравнение показывает, что в Башкортостане, Ханты-Мансийском автономном округе и Московском регионе люди сталкиваются с ущемлениями не так часто. На себе их ощущали 12% опрошенных в Республике Башкортостан, 11% в ХМАО и 5% в Московском регионе. Положение башкир и татар не сильно различается при сравнении в Республике Башкортостан и экономически привлекательного Ханты-Мансийского округа, где многие из них работают. Если в Башкортостане с ущемлением прав из-за национальности сталкивались 10% башкир и 9% татар (см. рис. 2.3.1), в ХМАО эти цифры примерно такие же: 12% татар и 9% башкир.

Наиболее сложная ситуация сложилась в Республике Башкортостан, где наиболее высока теоретическая вероятность межэтнического общения, где исторически сложились конкурентные отношения между башкирами и татарами, где русские — наиболее урбанизированная национальность с высоким представительством квалифицированных работников. А сложнее всего положение русских в Башкортостане. Если в Москве с ущемлением сталкивались лишь 3% русских, в Югре 7%, то в Башкортостане почти 17%. Таким образом, представления об определенных сложностях в социальном продвижении русских имеют реальные основания в жизненных практиках.

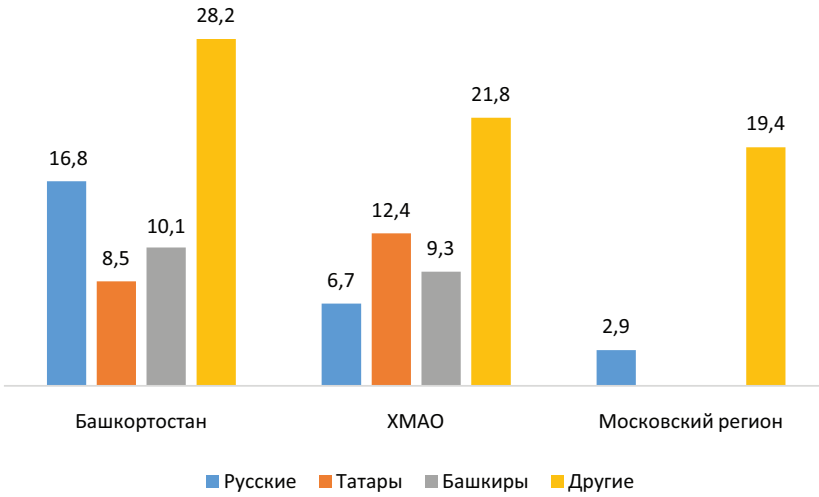


Рис. 2.3.1. Ущемления прав людей из-за национальности в российских регионах, *% от опрошенных*

Еще больше сложностей наблюдается у мигрантов-представителей Северного Кавказа и Средней Азии. С дискриминацией по национальности сталкивались практически до трети из них. Чаще всего ущемление встречается в крупных городах и мегаполисах, таких как Уфа, Москва и др. В столице Башкортостана с дискриминацией по национальному признаку сталкивались 22% населения, в то время как селах этот показатель снижается до 12%, а в небольших городах до 6%. То есть в крупных городах межнациональные противоречия в том числе в трудовой сфере не только проявляются сильнее, но также являются одной из причин ущемлений. Существуют различия, проявляющиеся в неодинаковом отношении к русскому населению в Москве и приезжим из других регионов (и людям нерусской национальности). В Москве и Московской области лишь 3% русских испытывали ущемление по национальному признаку, в то время как среди людей других национальностей таких — пятая часть.

В Ханты-Мансийском автономном округе русские, башкиры, татары в немалой части своей давние жители. Татары чувствуют ущемление чаще (12%), чем русские (7%), хотя в целом людей, ощутивших дискриминацию немного. Среди представителей «дру-

гих национальностей» чаще всего подвергались ущемлениям представители Чечни, Дагестана, Осетии, Кабардино-Балкарии и др. Пятая часть (22%) людей «другой национальности» испытывали ущемление.

На круглом столе с представителями чеченского и дагестанского землячеств выяснились основные трудности, с которыми сталкиваются представители этих народов. Проблема трудоустройства является важной для молодежи всех национальностей. Однако еще более остро она стоит для представителей Северного Кавказа, приезжающих в Ханты-Мансийский автономный округ. Они открыто говорят о необъективности службы безопасности, которая, руководствуясь собственными инструкциями, не всегда дает разрешение на трудоустройство юношей и девушек, проходящих по всем остальным требованиям, предъявляемым к соискателям. Складывающуюся ситуацию можно проиллюстрировать фрагментами дискуссии: *«недавно три дня тому назад, ну вот как советник по правам человека по спец. заданиям, разбирался, почему нас не принимают в милицию. Хочет в милицию идти здоровый парень, спортсмен... Юридическое образование имеет, и хотелось бы ему пойти, но его не принимают. А скажу открыто. Почему не принимают? Потому, что он чеченец, он дагестанец, он лезгин...он аварец и так далее. Определенным этническим...представителям молодежи определенных этнических групп тяжелее устроиться... Мы же все понимаем... Это все знают. Не с розовыми же очками...»*. Другой пример: *«Мы говорим и приводим примеры, когда нашу молодежь не берут в какие-то отрасли, например, как нефтянка и в такие специфичные как, полиция, да, где тоже мы понимаем, что они недоступны»* (круглый стол с дагестанскими и чеченскими старейшинами).

И таких примеров не один. Из-за проблем с трудоустройством северокавказская молодежь попадает в группу риска. У мусульман не принято просить деньги у родителей после совершеннолетия. Молодой человек должен сам зарабатывать себе на жизнь, но это не всегда получается законными методами. По словам одного из чеченских старейших: *«Молодой человек приходит из армии, заработать никак, у родителей спрашивать никак, идет к друзьям. Друзья втягивают в какую-то компанию и уходит... Может попасть в тюрьму»* (круглый стол с дагестанскими и чеченскими старейшинами).

Выводы

Сравнение ситуации с представлениями людей об их ограничениях в возможностях получения лучшей работы, участии во властных структурах и доступа к открытию бизнеса показали, что эти представления не оптимистичны: 40–57% респондентов в регионах отмечали какие-то ограничения в таких возможностях. Но эти представления не совпадают с реальностью. Реально столкнулись с какими-то ущемлениями, связанными с национальностью по регионам — 5% опрошенных в Москве, 11% в ХМАО и 12% в Республике Башкортостан.

Более сложная ситуация проявилась в Республике Башкортостан. Хотя реально ощущали какие-то ущемления в республике не более 12%, тем не менее очевидно, что среди башкир и татар их не более 10%, а среди русских — 17%. В то же время в ХМАО те же татары и башкиры не чаще ощущали какие-то ущемления, а русские заметно реже (7%), чем в республике (17%).

В Московском регионе, где представления о влиянии национальности на возможности людей совсем неблагоприятные при доминировании русского населения, 48–57% видели ограничения при устройстве на лучшую работу и занятие высоких постов во власти, а реально испытывали ущемления 3% русских.

С реальными ограничениями в возможностях хорошего трудоустройства и тем более участия во власти сталкиваются во всех регионах мигранты с Северного Кавказа и из соседних среднеазиатских государств. По мнению экспертов и активистов общественных организаций, важно обеспечить трудовые места в регионах выхода наших внутренних мигрантов прежде всего с Северного Кавказа и принять меры регулирования трудоустройства для них в тех видах занятости, в которых есть сейчас ограничения как следствие постконфликтных ситуаций.

ГЛАВА III

Политика и практика этноязыкового взаимодействия в регионах

Постановка проблемы

Функционирование и статусы родных и государственных языков в школах России в последние годы актуализировались. Обязательность или добровольность изучения этих языков стали поводом для споров, за статус языков «воюют» в интернете, выходят на улицы. Президент В. Путин в своих выступлениях также затрагивает вопрос функционирования российских языков. Этнические языки значимы не сами по себе, не как системы коммуникации, а как элементы реального и символического пространства этничности, маркеры этнических границ, инструменты политики идентичности и факторы межэтнических отношений.

В современной России восприятие языка как символа и важнейшей ценности этнической культуры особенно ярко проявилось в период этнического ренессанса начала 1990-х годов, когда именно со статусом этнических языков были связаны многие лозунги национальных движений в республиках, хотя значимость языка в этничности фиксировалась еще в этносоциологических исследованиях советского времени. Языки и сейчас остаются важнейшим этническим идентификатором, а в республиках еще и символом обретенной степени самоопределения, закрепленной в региональных законодательствах. Но в настоящее время язык как символ значим не только в республиках. Так, по данным общероссийских опросов, в 2015 г. 75% респондентов выбрали язык в качестве одного из факторов, объединяющих их с людьми своей национальности, все остальные идентификаторы оказались менее значимыми (культура — 63%, родная земля, территория, природа, историческое прошлое, обычаи и обряды, общая государственность, религия набрали по степени убывания 53–32%)[1]. Язык как объе-

[1] По данным проекта РНФ «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», рук. ак. М. К. Горшков.

диняющий признак значим для респондентов вне зависимости от их возраста, уровня материальной обеспеченности, места проживания (город или село). Важно, что русские респонденты по общероссийской выборке выделяют язык как этнический идентификатор даже чаще, чем респонденты других национальностей (76 и 68% соответственно). Основная причина такого восприятия — подъем русской этнической идентичности с начала 2000-х годов; подобные процессы уже наблюдались у русских, но в республиках в начале 1990-х, в условиях подъема национальных движений в республиках бывшего СССР.

Исторически большинство российских республик двуязычны: русский язык в них стал не только языком межэтнического общения, но и инструментом приобщения к русскому и европейскому культурному опыту, фактором социальной мобильности в условиях индустриализации и урбанизации. В данном контексте этнические языки утрачивали прежнюю распространенность вплоть до сохранения их, прежде всего, в семейном и неформальном общении. Такое сужение использования этнических языков воспринималось частью людей как ущемление, иногда — как следствие ассимиляторской политики государства, и с началом национальных движений в 1990-е годы язык для многих стал этническим символом, с которым были связаны лозунги о необходимости придания языкам национальностей, дающих названия республикам, статуса государственных. В течение 1990-х и 2000-х годов в республиках были приняты законы о государственных языках, подразумевавшие право на сохранение родного языка, свободу выбора и использования языка общения. Они опирались на Закон № 1807-1 от 25.10.1991 г. «О языках народов Российской Федерации», гарантировавший равноправие языков, и на указанное в нем право российских республик устанавливать в соответствии с Конституцией Российской Федерации свои государственные языки. Законы о языках приняты в большинстве республик, кроме Дагестана, Карелии и Северной Осетии–Алании, но и там определены государственные языки и языки, пользующиеся государственной поддержкой.

В результате статус государственных языков в республиках получали русский язык как государственный на всей территории России и язык (языки) национальности, дающей название респу-

блике. Только в Карелии карельский не является государственным языком, хотя, по данным нашего проекта, претензии на позицию карельского языка как государственного сохраняются, однако этнические активисты не получают поддержки в среде немногочисленного карельского населения[1].

В большинстве республик в региональном законодательстве государственные языки обозначены как равноправные. При этом этнический состав и сложившаяся языковая ситуация в республиках Российской Федерации были и остаются разными: в более чем половине из них народы той национальности, которая дает название республике, численно не преобладают. Например, в Башкортостане на 2010 г. башкир насчитывалось 29,5%, русских — 36,1%, татар — 25,4% (остальные этнические группы представлены значительно меньше)[2], а русский язык принят как основной язык общения в рабочей и общественной сферах жизни.

Несмотря на законодательные акты о защите государственных языков в республиках, расширяющие их функциональную нагрузку, сокращения общественных функций русского языка не произошло -– «исторически сформировавшееся русскоязычие нерусских народов обнаруживает поразительную устойчивость и последовательность развития»[3].

Восприятие языковых процессов серьезно изменилось со времен подъема национальных движений. Язык остается этническим символом в дискурсах элит и значимой ценностью, но острота восприятия статуса языков спала, в том числе в связи с изменениями в законодательстве и, хотя языковые ситуации остаются вполне значимыми, изменилась их направленность. Самый актуальный в настоящее время вопрос — это вопрос о статусе государственных и родных языков **в образовании** и восприятие этой ситуации в местных сообществах.

---

[1] Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества: [монография] / Отв. ред. Л. М. Дробижева; Институт социологии РАН. М.: Институт социологии РАН, 2016.

[2] Всероссийская перепись населения-2010. [Электронный ресурс]: Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Дата обращения: 31.07.2017).

[3] *Губогло М. Н.* Русский язык и толерантность. М.: Старый сад, 2003. С. 36.

Безусловно, функционирование языков не ограничивается сферой образования, языковая политика республик выстраивается по-разному и языки используются в образовании, повседневной практике, а также на официальном уровне в разной степени. Мы сосредоточимся на вопросах использования языков в сфере образования в силу того, что именно эта тема оказалась в фокусе серьезных противоречий. Проблемы языковых взаимодействий рассматриваются в настоящей главе в связи с той ролью, которую они играют в сохранении межэтнического согласия в республиках, и с изучением этого взаимодействия на разных территориях. Нами выделены для специального рассмотрения Башкортостан и ХМАО-Югра в связи с тем, что Башкортостан — республика с одной из самых высоких теоретических вероятностей межэтнического общения, а ХМАО — пример региона с высоким притоком мигрантов с разной культурой.

3.1. Этносоциолингвистическая ситуация и межэтнические отношения в республиках: пример Башкортостана

Языковая политика в Республике Башкортостан

Согласно Закону Республики Башкортостан от 15.02.1999 г. «О языках народов Республики Башкортостан» государственными языками в республике являются башкирский и русский языки: башкирский язык как язык башкирской нации, реализовавшей своей право на самоопределение, русский язык как государственный язык Российской Федерации[1]. В законе отдельно оговорено, что в местах «компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за пределами своих национально-государственных образований, наряду с государственными языками Республики Башкортостан в официальных сферах общения используется язык населения данной местности»[2].

До принятия этого закона дискуссии вокруг языкового законодательства Башкортостана были довольно активными в начале 1990-х годов в период этнического подъема, в результате которого в октябре 1990 г. была принята Декларация о государственном суверенитете Башкортостана (Башкирской ССР). Различные общественные силы в республике начала 1990-х предлагали свои

---

[1] Закон Республики Башкортостан от 15 февраля 1999 г. № 216-з "О языках народов Республики Башкортостан" (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]: Гарант. URL: http://base.garant.ru/17700616/#friends#ixzz4o3YdltUP (Дата обращения:31.07.2017).

[2] Закон Республики Башкортостан № 216–З «О языках народов Республики Башкортостан» от 15 февраля 1999 г. (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]: Гарант. URL: http://base.garant.ru/17700616/#friends#ixzz4o3YdltUP (Дата обращения: 31.07.2017).

варианты развития языковой политики. Татарский общественный центр предлагал проект закона о языках, в котором статус государственных получали башкирский, русский и татарский языки (последний — в силу волеизъявления многочисленного татарского населения Башкортостана), статус официальных — чувашский, марийский, удмуртский и другие языки, а изучение всех трех языков и экзамен по одному из них предлагались для школ[1]. Башкирский народный центр «Урал» предлагал государственным объявить башкирский с целью его защиты от исчезновения, русский — языком межнационального общения, а «языками информации» — русский, башкирский и татарский в силу специфики этнодемографического состава[2]. Проект был очень жестко воспринят как татарской общественностью, так и демократическими силами в республике, которые заявили тогда, что «реальная национально-языковая ситуация в республике, исторические традиции, социальные и экономические реалии предлагают целесообразность придания статуса государственного трем языкам: башкирскому, татарскому и русскому»[3]. Еще один проект, в котором предлагалось придать статус государственного башкирскому языку, русскому — статус государственного языка Российской Федерации и Башкортостана, а некоторым другим языкам народов Республики Башкортостан — статус официальных, этот же проект предполагал изучение башкирского языка в школах как отдельного предмета. Закон о языках Республики Башкортостан, принятый только в 1999 г. из-за непрекращающейся напряженности вокруг статуса татарского языка, в качестве государственных определяет башкирский и русский, а вопрос статуса татарского языка остается и по сей день довольно остро дискутируемым в обществе[4]. Эксперты утвер-

---

[1] Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника. Т. 1. Контуры этнополитической ситуации в очерках и законодательных актах / сост. и ред. М. Н. Губогло. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1992.С. 235–243.

[2] Там же. С. 159–160.

[3] Заявление Правления Башкирской республиканской организации «Свободная Россия» по поводу проекта Закона «О языках Республики Башкортостан»: ВСЕМ ЯЗЫКАМ БЫТЬ. URL: http://old.iea.ras.ru/books/12_BASH1/230320041459.htm (Дата обращения: 31.07.2017).

[4] См. об этом, например: Татарский язык в Башкортостане: история вопроса. [Электронный ресурс]: Idel.Реалии. . URL: https://www.idelreal.org/a/tatarskiy-yazik-v-bashkortostane/28462012.html (Дата обращения: 31.07. 2017).

ждают, что существующий вариант языковой политики республики оптимален:

«Это такой статус, с которым подавляющее большинство согласно и механизмы для реализации есть. Другое дело, что эти механизмы плохо работают. Любой другой сценарий, мне кажется, приведет к конфликту. Если оставлять один государственный язык — русский, и если вводить третий государственный язык — татарский, если с первым вариантом еще можно как-то где-то погасить, то третий язык — это откровенная конфронтация, ситуация сложная будет и задний ход будет очень сложно давать» (эксперт, специалист в области этноконфессиональных отношений, Уфа).

Языковая политика в образовании на уровне основных законов не подразумевает обязательного изучения башкирского языка как государственного[1]. Вопросы изучения государственных языков республики Законом «О языках народов Республики Башкортостан» отдельно не оговариваются[2]. Республиканский закон «Об образовании» подразумевает, что преподавание и изучение башкирского языка как государственного осуществляется в соответствии с Федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОСами)[3], которые устанавливает федеральный центр. Иными словами, напрямую обязательность изучения или соотношение часов государственных языков республики в республиканском законодательстве не прописаны (при этом башкирский язык изучался в обязательном порядке с 2006 г.), ФГОС не относит государственные языки к обязательному компоненту, поэтому

---

[1] Как, например, это сделано в законах об образовании и языке Татарстана, где оговаривается паритетное изучение государственных языков Татарстана — татарского и русского.

[2] Закон Республики Башкортостан № 216–З «О языках народов Республики Башкортостан» (с изменениями и дополнениями) от 15 февраля 1999 г. [Электронный ресурс]: Гарант. URL: http://base.garant.ru/17700616/#friends#ixzz4o3YdltUP (Дата обращения: 31.07. 2017).

[3] Закон республики Башкортостан № 696-З«Об образовании в Республике Башкортостан» от 01 июля 2013 г. (в редакции Законов Республики Башкортостан от 26.12.2014 № 171-З от 27.02.2015, № 192-З от 01.07.2015, № 253-З от 18.09.2015, № 260-З от 30.01.2017, № 464-З (в редакции 16.06.2017)) [Электронный ресурс]: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/463504509 (Дата обращения: 31.07. 2017).

противоречия федерального и республиканского законодательств не очевидны.

К моменту активной фазы проявившихся противоречий языковая политика в Республике Башкортостан выстраивались следующим образом. В школах Башкортостана изучались оба государственных языка республики. Башкирский язык как государственный изучался в объеме 1–2 часа в неделю в зависимости от школы с 1–2 по 9 классы. Паритетного с русским языком изучения (как в Татарстане) в Республике Башкортостан не было. Внедрение башкирского языка как обязательного вместо факультативного для изучения всеми школьниками республики началось в 2006 г., чему предшествовала длительная история подобных попыток в процессе борьбы внутриреспубликанских элит и в контексте слабого внимания общества к данному вопросу. В связи с культурным разнообразием населения республики в качестве родных в Башкортостане изучались целый ряд языков: в башкирский, татарский, чувашский, марийский, удмуртский, мордовский, украинский, белорусский, немецкий, латышский языки (а также иврит, польский и армянский в воскресных школах). Как родной фактически изучался и русский язык, который вплоть до 2018 г. официально в таком качестве не мог изучаться[1], но возможность выбрать его как родной в Республике Башкортостан была (в отличие от соседнего Татарстана, где русский язык как родной не изучался, а конфликтные противоречия развернулись гораздо объемнее). Зачастую, как отмечали эксперты в Уфе, целые классы в Башкортостане выбирали русский язык в качестве родного, если возникала необходимость получить дополнительные часы на его изучение для более эффективной подготовки к обязательному ЕГЭ по русскому языку.

---

[1] Именно этот факт в свое время вызвал обсуждения в Государственной думе (безрезультатные) вплоть до предложений о внесении изменений в «Закон о языках Российской Федерации» с целью уточнения правовых статусов языков и придания русскому языку статуса родного языка [см. подробнее, например, *Арутюнова Е. М.* Русский язык в школах республики Татарстан: измерения проблемы // Государственные языки Республики Татарстан: Множественность измерений. Сборник очерков / под ред. Г. Ф. Габдрахмановой, Г. И. Макаровой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «Артифакт», 2014. — С. 108–120.

В 2007 г. кардинально изменились правовые основы, регулирующие этнокультурный компонент в образовании. До этих изменений изучение башкирского языка осуществлялось в рамках Национально-регионального компонента государственного стандарта общего образования, содержание которого определял сам регион. В декабре 2007 г. Национально-региональный компонент был отменен[1], а школы перешли на единый Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС), подразумевающий, что основная образовательная программа делится на две части: обязательную часть (федеральный компонент, 70%) и вариативную, формируемую участниками образовательных отношений (ученики, родители, школа, 30%). Родной язык и родная литература вошли в обязательную часть (наряду с русским языком, литературой и иностранными языками), а башкирский язык как государственный в данном случае — в вариативную, то есть фактически ФГОС оставлял за школами решение вопроса об обязательности изучения государственного языка республик, в данном случае Башкортостана. То же самое, по сути, было зафиксировано в новом федеральном законодательстве об образовании. В 2012 г. ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в новой редакции получил, помимо прочего, поправку, согласно которой вопросы изучения государственных языков республик переходят из ведения законодательных органов республик в ведение школ: «Язык, языки образования определяются локальными нормативными актами организации, осуществляющей образовательную деятельность <...> в соответствии с законодательством Российской Федерации»[2].

Общественная активность по поводу обязательности изучения башкирского языка началась в республике примерно в 2008 г., и довольно долго это были отдельные выступления активистов в Интернете. Дискуссии в основном проходили в группе «Образо-

[1] Согласно Федеральному закону № 309-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта».

[2] Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 (последняя редакция). [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Дата обращения: 31.07.2017).

вание и русский язык в школах Башкирии и России» на сайте «Мой мир», но в апреле 2017 г. протест институционализировался до формирования региональной общественной организации «Комитет по защите прав родителей и учащихся образовательных учреждений с русским языком обучения в Башкирии». Одной из своих задач комитет определил защиту «прав на добровольное изучение государственного башкирского языка в школах с русским языком обучения»[1]. Причинами протестных высказываний было не только само обязательное изучение башкирского, но и проблемы неэффективных методик обучения, отсутствие специальных планов изучения башкирского русскоязычными, которые отмечают и эксперты:

«Программу преподавания башкирского языка нужно было полностью переосмыслить, сегментировать, адаптировать для русских и русскоязычных. Все это должно было сопровождаться информационной политикой. Нужные передачи, молодежные проекты, какие-то флешмобы, выставки и так далее. Должна была быть сделана большая работа в этом плане. Нынешнему руководителю в 2010 году досталась действительно нерешенная проблема, которая ушла вглубь» (эксперт, специалист в области этноконфессиональных отношений, Уфа).

*«Многие были не против, если сделают нормальные учебники: то есть учебники должны быть дифференцированные — для людей, которые сами являются носителями языка, и для людей, которым нужно, чтобы они овладели какими-то азами. <...> Нужно было сразу озаботиться вариативным вариантом, тогда бы обрели поддержку большинства родителей. Потому что многие русские родители скажут: мы абсолютно не против изучения языка как такового, но с этими учебниками приходится к друзьям-башкирам обращаться» (*эксперт, специалист в области этноконфессиональных отношений, Уфа).

«Все это было сделано неподготовленно, непродуманно. Даже методические материалы и пособия — ничего толком не сделано. Мне

[1] В Башкирии родители создали Комитет по защите прав русскоязычных школьников. [Электронный ресурс]: EurAsia Daily. URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/04/18/v-bashkirii-roditeli-sozdali-komitet-po-zashchite-prav-russkoyazychnyh-shkolnikov (Дата обращения: 31.07.2017).

*в свое время было интересно изучать башкирский язык, но когда взял материал — невозможно! Учебники по башкирскому языку для русских школ тоже не утверждены Минобром, да их и нет вообще. Вот сейчас я не понимаю, как они преподают. Ежегодные затраты на преподавание башкирского языка в русскоязычных школах составляют около 3 млрд рублей, и вот эти деньги улетают на ветер. Когда выходят школьники из [русскоязычных] школ — ни один из них ни слова не знает по-башкирски» (*эксперт, представитель общественного объединения русских, Уфа).

*«Дети бедные, особенно русскоязычные, они просто учат слова, не понимая вообще, о чем речь. ... Очень низкий уровень преподавания и обучающих программ. Потому что я не знаю людей, которые бы после школы вдруг овладели башкирским. Это все с методикой наверно связано, поэтому ее надо усовершенствовать» (*эксперт, учитель русского языка).

Активность вокруг изучения башкирского языка в Башкортостане была менее масштабной, чем в Татарстане. Основная причина состояла в том, что собственно объемы изучения башкирского не были велики, а паритет преподавания государственных языков (русского и башкирского) не объявлялся целью, в том числе и потому, что *«никто изначально и не ставил себе цели обучить небашкирское население башкирскому языку: понятно, это просто невозможно. И это правильно»* (эксперт, специалист в области этноконфессиональных отношений, Уфа). Кроме того, было еще одно принципиальное отличие башкортостанской и татарстанской ситуаций — в Башкортостане русский язык можно было выбрать для изучения в качестве родного (напомним, родной язык обязателен по ФГОС). Иначе говоря, такой ситуации, когда на русский язык не хватало часов, в Республике Башкортостан не было. В Татарстане же одной из главных претензий участников движения за русский язык к региональному руководству было то, что количество часов русского языка не соответствует федеральному стандарту.

Тем не менее в дискурсе языковые противоречия в Башкортостане привлекали к себе серьезное внимание, едва ли не большее, чем противоречия в Татарстане. Сложившуюся ситуацию называют «этнолингвистическими конфликтами» — как в Башкортоста-

не, акцентируя внимание на том, что они возникли «по образцу и во многом с подачи соседнего Татарстана»[1], так и в Татарстане[2].

Со временем протестная активность по поводу изучения башкирского языка в республике спала, стороны пришли к компромиссу, в том числе с участием республиканского руководства, которое оказалось вовлеченным в этот процесс почти с самого его начала. Еще в 2011 г., учитывая общественный резонанс, президент республики Р. З. Хамитов на заседании Государственного совета Российской Федерации в Уфе заявил, что принуждения к изучению языка в республике не будет: *«Необходимо способствовать сохранению языков как важнейших элементов культуры, как насущных и духовных потребностей народов страны. <...> Одновременно мы понимаем, что насильно обучать языкам нельзя, как говорится, насильно мил не будешь»*[3]. Активистам был обещан индивидуальный подход, освобождение детей от уроков башкирского, что и происходило в отдельных случаях, когда на это были запросы.

Новый виток обсуждения противоречий начался с конфликта в гимназии № 39 г. Уфы, где еще одна активистка стала добиваться для своих детей возможности выбрать другой предмет вместо башкирского языка, ссылаясь на федеральное законодательство об образовании. Оно подразумевает, что вопрос изучения государственных языков находится в ведении «участников образовательных отношений» — школ, родителей и учеников, а значит родители через родительские комитеты должны были получить возможность участия в выборе учебных планов школы, которые могли включать, а могли и не включать башкирский язык как государственный. На тот момент по факту во всех школах присутствовали

---

[1] Языки Башкортостана: социокультурный и политологический аспекты. Уфа, Изд-во «Башкирская энциклопедия», 2016.

[2] *Салагаев А. Л., Лучшева Л. В.* Этнолингвистический конфликт в Республике Татарстан как следствие противоречий языковой и образовательной политик // Новые проблемы социокультурной эволюции регионов. Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». 12–15 октября 2011 г. Казань. Казань, 2011. С. 162–168.

[3] Заседание президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия. 11.02.2011, Уфа. [Электронный ресурс]: Президент России. URL: http://kremlin.ru/search?query=%D1%83%D1%84%D0%B0%20&page=2 (Дата обращения: 31.07.2017).

обязательные 1–2 часа башкирского языка как государственного, что признавал и глава республики[1].

К данному вопросу снова было привлечено внимание, на этот раз уже гораздо более выраженное, последовали многочисленные обращения граждан в прокуратуру по поводу несоблюдения федерального законодательства. В результате в мае 2017 г. была проведена прокурорская проверка всех школ республики совместно с представителями Рособрнадзора. Как сообщал официальный сайт главы республики, проверка выявила «ряд нарушений законодательных норм в части использования учебников и методических пособий, нормирования учебного процесса, а также несоответствия локальных актов некоторых школ нормам федерального и республиканского законодательства об образовании»[2]. По мнению родителей-активистов, «директоров заставляли принимать тот учебный план, который выгоден региональному Минобру и чиновникам, то есть план обучения с башкирским языком. Директора русскоязычных школ и работники министерства образования республики намеренно вводили в заблуждение родителей, что башкирский язык является обязательным к изучению предметом»[3]. О том, что такие действия имели место, упоминали и некоторые наши эксперты: *«Вся беда в том, что как раз администрации школ с помощью министерства образования стоят на том, что никакого выбора школа не имеет права делать, есть план обучения башкирскому — и все, вы это должны принять» (*эксперт, представитель общественного объединения русских, Уфа).

Степень серьезности внимания федерального центра к проблеме проявилась в выступлении президента Российской Федерации. В. Путин на заседании Совета по межнациональным отношениям при президенте России в июле 2017 г. отмечал: *«...Русский*

---

[1] Интервью Р. Хамитова А. Венедиктову. 19.06.2017. [Электронный ресурс]: Радио Эхо Москвы. URL: http://echo.msk.ru/programs/beseda/2002572-echo/ (Дата обращения: 31.07.2017).

[2] Рустэм Хамитов провел совещание по вопросам преподавания государственных и родных языков. [Электронный ресурс]: Глава Республики Башкортостан. URL: http://glavarb.ru/rus/press_serv/soveshchaniya_zasedaniya/68475.html (Дата обращения: 31.07.2017).

[3] Языковой вопрос в Башкирии: «Здесь вам не Казахстан». [Электронный ресурс]: Regnum. URL: https://regnum.ru/news/cultura/2290631.html (Дата обращения: 31.07.2017).

язык для нас — язык государственный, язык межнационального общения, и его ничем заменить нельзя, он естественный духовный каркас всей нашей многонациональной страны. Его знать должен каждый. Языки народов России — это тоже неотъемлемая часть самобытной культуры народов России. Изучать эти языки — гарантированное Конституцией право, право добровольное. Заставлять человека учить язык, который для него родным не является, также недопустимо, как и снижать уровень и время преподавания русского. Обращаю на это особое внимание глав регионов Российской Федерации»[1]. Генеральной прокуратуре совместно с Рособрнадзором было тогда поручено провести проверку соблюдения в субъектах положений федерального законодательства, касающихся обеспечения прав граждан на добровольное изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации и государственных языков республик. Главам субъектов Федерации поручено обеспечить изучение родного языка и государственных языков республик на добровольной основе по выбору их родителей (законных представителей), а также принять меры по доведению объема изучения русского языка до уровня, рекомендуемого Минобрнауки России, и по повышению уровня и качества освоения обучающимися русского языка как государственного языка Российской Федерации[2].

Прокуратура Башкортостана еще до поручений, но после выступления президента, разъясняла ситуацию по результатам предыдущей майской проверки, утверждая, что «законом закреплено право, а не обязанность по изучению родных языков и государственных языков субъектов Российской Федерации. <...> Преподавание родных языков, в том числе башкирского языка, вопреки согласию родителей (законных представителей) учащихся, не допускается»[3]. Поручения по итогам работы Совета по межна-

---

[1] Заседание Совета по межнациональным отношениям. 20.07.2017, Йошкар-Ола. [Электронный ресурс]: Президент России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/55109 (Дата обращения: 31.07.2017).

[2] Перечень поручения по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям. [Электронный ресурс]: Президент России. URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55464 (Дата обращения: 18 10.2017).

[3] В связи с поступающими обращениями граждан с просьбой разъяснить вопрос обязательности изучения в школах республики родных языков, родной литературы, а также башкирского языка прокуратура сообщает. [Электронный ресурс]: Прокуратура Республики Башкортостан. URL: https://bashprok.ru/

циональным отношениям, по словам главы республики, были приняты к исполнению[1], в результате чего сложился и в настоящее время действует следующий механизм: изучение башкирского языка как государственного реализуется при условии, что родители (законные представители) ребенка дали на это письменное согласие; кроме того, родители подают заявление о том, какой язык школьник будет изучать в качестве родного языка. В начале 2017/18 учебного года глава Башкортостана заявлял, что «более 75% учащихся добровольно выбрали изучение башкирского государственного языка Республики Башкортостан», а в связи с вполне достаточной правовой гарантией защиты языков «никаких предпосылок для ослабления, ухудшения этой ситуации не видно». В республике издан «Указ о мерах по развитию государственных языков Башкортостана и языков народов республики»[2], учреждающий гранты на поддержку языков и госпрограмму по поддержке языков, предлагающий создание Фонда по сохранению и развитию башкирского языка и другие меры.

Этот вариант урегулирования называют «башкирской моделью этнолингвистического компромисса», отмечая ее отличия от более сложной татарстанской ситуации[3].

Несмотря на то что на институциональном уровне ситуация была урегулирована, в целом, безусловно, она продолжает разворачиваться. Башкирские этнические активисты восприняли и выступление президента, и прокурорскую проверку, и сами изменения в школах довольно болезненно — как нападки на башкирский язык и даже как угрозу его существованию, а через язык — собст-

---

the_prosecutor_explained/razyasnenie-zakonodatelstva/razyasnit-voprosobyazatelnosti-izuch.php (Дата обращения: 22.09.2017).

[1] Встреча с руководителями национальных общественных объединений Башкортостана. [Электронный ресурс]: Глава Республики Башкортостан URL: https://glavarb.ru/rus/press_serv/rabochie_vstrechi/69562.html?sphrase_id=887872 (Дата обращения: 22.10.2017).

[2] Рустэм Хамитов подписал Указ о мерах по развитию государственных языков Башкортостана и языков народов республики. [Электронный ресурс]: Глава Республики Башкортостан. URL: https://glavarb.ru/rus/press_serv/ofitsialno/69555.html (Дата обращения: 22.10.2017).

[3] В Башкирии нашли «этнолингвистический компромисс» в изучении нацязыков. [Электронный ресурс]: RBK Башкортостан. URL: http://ufa.rbc.ru/ufa/freenews/59ba55849a794763b8fb44b3 (Дата обращения: 22.10.2017).

венно башкирскому народу. Башкирские национальные организации выступали с лозунгами в защиту башкирского языка, причем не только в прессе и интернете, но и на несогласованном митинге в сентябре 2017 г., собравшем около 2500 человек, где проводимую центром политику называли «этноцидом в отношении башкир»[1]. Еще летом 2017 г. опрошенные эксперты говорили, что ограничение или отмена изучения башкирского как государственного языка могут быть восприняты большинством башкир как ущемление, наступление на имеющиеся конституционные права:

«Само по себе преподавание титульного языка — это проблема, по-настоящему, не понимания, не пользы, это политическая проблема, в том числе в глазах самих ее акторов. Это проблема статусно-ролевого положения» (эксперт, специалист в области этноконфессиональных отношений, Уфа).

«Это единственный регион, где башкиры могут реализовывать свои желания на получение образования [на родном языке], на владение языком, на изучение богатейшей истории, культуры, литературы. Эти условия и возможности должны быть сохранены» (эксперт, представитель этнического объединения башкир).

*«Надо на проблему смотреть шире. Например, башкиры, они могут консолидироваться и сохраниться только на территории республики. Где-то в Челябинской области, Оренбургской — мы на это не можем претендовать, чтобы наш народ консолидировать и сохранить язык. Мы можем ставить цель сохранения языка, культуры, истории только на территории республики Башкортостан. Этот факт многими людьми не учитывается» (*эксперт, представитель этнического объединения башкир).

Следует отметить, что языковые противоречия развиваются не только в контексте ситуации в Башкортостане (и еще более выраженно в Татарстане), они касаются всех республик, поскольку по результатам прокурорской проверки были предложены поправки в Закон Российской Федерации «Об образовании». С одной стороны, эти поправки подразумевали, что изучение государственных языков республик осуществляется на добровольной осно-

[1] Митинг в поддержку башкирского языка в Уфе собрал более 300 человек. [Электронный ресурс]: КоммерсантЪ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3413892 (Дата обращения: 21.10.2017).

ве, что сейчас и происходит[1]. С другой — и именно это вызвало новый виток протеста среди этнических активистов республик — родные языки, согласно поправкам, было предложено изучать с учетом потребностей обучающихся и их родителей (законных представителей), причем родной язык можно выбирать, то есть фактически изучение родных языков также может быть добровольным[2]. Во многих республиках реакция на этот законопроект была выраженно негативной[3], чаще всего его называют «законом против родных языков»[4], однако региональные парламенты (кроме парламента Татарстана) его поддержали[5]. Законопроект был принят Государственной думой в первом чтении, но с учетом негативной реакции общественности было оговорено, что ко второму чтению он должен быть существенно исправлен[6]. Большинство поправок

[1] Мы оставляем в стороне вопрос, насколько действительно урегулирована ситуация на уровне отношений учеников и школ, как требующий более глубокого анализа, который не является сейчас нашей целью. Очевидно, что налаженная система не может измениться очень быстро, в связи с чем в ходе развития конфликта возникали проблемы дальнейшего трудоустройства учителей этнических языков, давления на родителей по поводу согласия на изучение государственных языков и прочих проблем, выплескивающихся в дискурс социальных сетей.

[2] Законопроект № 438863–7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (в части изучения родного языка из числа языков народов Российской Федерации и государственных языков республик, находящихся в составе Российской Федерации). [Электронный ресурс]: Система обеспечения законодательной деятельности. URL: http://sozd.parliament.gov.ru/bill/438863–7 (Дата обращения: 31.07.2017).

[3] Миссия невыполнима? Всемирный курултай башкир объединяется с другими республиками, чтобы вернуть башкирский язык. 14 мая 2018. [Электронный ресурс]: ProUfu. URL: https://proufu.ru/news/society/missiya_nevypolnima_vsemirnyy_kurultay_bashkir_obedinyaetsya_s_drugimi_respublikami_chtoby_vernut_ba/?sphrase_id=8836321 (Дата обращения: 31.07.2017).

[4] Например, в одноименной петиции на платформе Change.org.

[5] Комитет Госсовета и министерство образования РТ не поддержали законопроект о добровольном изучении родных языков. 24 мая 2018. [Электронный ресурс]: Idel.Реалии. URL: https://www.idelreal.org/a/29246949.html (Дата обращения: 31.07.2017).

[6] Законопроект № 438863–7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (в части изучения родного языка из числа языков народов Российской Федерации и государственных языков республик, находящихся в составе Российской Федерации). [Элек-

в законопроект, внесенных за месяц между чтениями, было отклонено, одобрена поправка, гарантирующая свободный выбор языка образования, в том числе и русского языка как родного[1]. В итоге законопроект был принят, и, согласно поправкам к федеральному закону «Об Образовании», в стране обеспечивается свободный выбор языка обучения, изучаемого родного языка из числа языков народов России, в том числе русского языка как родного, а также государственных языков республик Российской Федерации[2].

Данные нашего репрезентативного опроса были получены в июне 2017 г., когда ситуация вокруг обязательности изучения башкирского языка в школах республики уже была довольно напряженной. Однако *общественное мнение относительно обязательности преподавания башкирского языка* в республике в разгар обсуждения противоречий далеко не было поляризованным по национальности (см. табл. 3.1.1). Позицию о том, что башкирский язык должен преподаваться в качестве факультатива для желающих на добровольной основе поддержали тогда примерно равные доли башкир, татар и русских: 45, 53 и 46% соответственно. Башкирский язык как обязательный для всех поддерживают 23% башкир и еще 16% башкир поддерживают обязательность, если на его изучение будет отведено меньше времени, то есть суммарно 39% (среди татар 19%, среди русских — 23% суммарной поддержки обязательности башкирского). Иначе говоря, жестких противоречий в восприятии обязательности изучения башкирского языка в республике в разных этнических средах не наблюдается.

Проблемы сохранения своего языка и культуры, согласно нашему опросу, гораздо чаще дискутируются среди активистов, чем воспринимаются обывателями. Несомненно, что людей чаще волнуют насущные проблемы роста цен и тарифов ЖКХ, коррупт-

тронный ресурс]: Система обеспечения законодательной деятельности. URL: http://sozd.parliament.gov.ru/bill/438863–7 (Дата обращения: 31.07.2017).

[1] Изучать национальные языки народов РФ дети будут по заявлению своих родителей. [Электронный ресурс]: Парламентская газета. URL: https://www.pnp.ru/politics/izuchat-nacionalnye-yazyki-narodov-rf-deti-budut-po-zayavleniyu-svoikh-roditeley.html (Дата обращения: 31.07.2017).

[2] Совет Федерации одобрил закон об изучении родных языков. 28.07.2018. [Электронный ресурс]: ТАСС. URL: http://tass.ru/obschestvo/5401275 (Дата обращения: 31.07.2017).

Таблица 3.1.1

Отношение к статусу башкирского языка в школах (ответы на вопрос *«Какое мнение, из перечисленных ниже, Вы поддерживаете?»* один вариант ответа),2017 г., *% от ответивших*

Варианты ответа	Башкиры	Татары	Русские
Башкирский язык должен быть обязательным предметом для всех	23	7	8
Башкирский язык должен быть обязательным предметом для всех, но на него должно отводиться меньше времени, чем сейчас	16	12	15
Башкирский язык должен идти в качестве факультатива для желающих	45	53	46
Башкирский язык должен быть обязательным только для башкир	12	15	14
Башкирского языка вообще не должно быть в школе	4	13	17

ции, преступности и другие. Тем не менее среди прочих причин для тревог есть место и проблеме сохранения языка и культуры — 24% башкир и 13–15% татар и русских в Республике Башкортостан ответили, что это их беспокоит. При этом оценка удовлетворенности собственных потребностей в использовании языка у всех очень высокая, в том числе у башкир — 86% (88% у татар, 92% у русских).

Далее мы проанализировали мнения сторонников обязательности и сторонников добровольности изучения башкирского языка среди башкир, татар и русских, чтобы определить основные характеристики людей, разделяющих эти взгляды. Мы объединили позиции «Башкирский язык должен быть обязательным предметом для всех» и «Башкирский язык должен быть в школах обязательным предметом для всех, но на него должно отводиться меньше времени, чем сейчас» в совокупную позицию *«сторонники обязательности»* и сравнили людей, выбирающих эту позицию, с теми, кто выбрал вариант «Башкирский язык должен в школах идти в качестве факультатива для желающих» — эту позицию мы назвали *«сторонники добровольности»* — в каждой из трех крупнейших национальностей Башкортостана.

Сторонники обязательности и сторонники добровольности изучения башкирского языка почти не отличаются по социодемографическим характеристикам, кроме не очень сильно выраженной, но ожидаемой тенденции — *сторонники добровольности несколько моложе — но только среди башкир и русских* (см. табл. 3.1.2).

Таблица 3.1.2

Сторонники обязательного и сторонники добровольного изучения башкирского языка, распределение по возрасту и национальности, 2017 г.,
% от опрошенных в каждой подгруппе

Возраст, лет	Сторонники обязательного изучения башкирского языка в школах Башкортостана			Сторонники добровольного изучения башкирского языка в школах Башкортостана		
	Башкиры	Татары	Русские	Башкиры	Татары	Русские
До 30 лет	20	31	23	28	24	29
31–40	20	32	17	22	19	19
41–50	21	14	14	23	20	18
51–60	24	9	25	18	21	17
Старше 60 лет	15	14	21	9	16	17

Принципиальное в условиях специфики республики отличие касается восприятия обязательности изучения башкирского языка татарами. По нашим данным, среди татар Башкортостана в возрасте до 40 лет заметно больше сторонников обязательности изучения башкирского языка: (63% отметивших, из них 31% в возрасте до 30 лет и 32% в возрасте 31–40 лет), чем сторонников добровольности в этих же возрастах (43, 24 и 19% соответственно). И, напротив, — в средних и старших возрастных когортах татар в республике обязательность изучения башкирского поддерживают заметно меньше респондентов (37% в сумме в возрастах от 41 года), чем поддерживающих добровольность — 57% в сумме. Иначе говоря, татарская молодежь в Республике Башкортостан скорее поддерживает обязательность, а татары средних и старших возрастов — добровольность изучения башкирского языка. Вероятно, это является следствием восприятия дискурса и деятельности активистов, ориентированных на признание статуса татар в Башкортостане — для людей средних и старших возрастов (особенно 51–60 лет) это и памятно, и актуально. Более молодые люди соци-

ализировались уже в ином, более определенном правовом поле региональной языковой политики, самые молодые уже изучали башкирский язык как обязательный в школах и воспринимали его как данность. Кроме того, не исключено, что они могут не ориентироваться на изменение статуса татар в Башкортостане так же, как этот дискурс воспринимали в 1990-х годах.

Реакция на обязательность изучения башкирского языка у русских, судя по данным опроса, в большей мере схожа с реакцией татар, но основания этого были разными: татары боролись за свой государственный язык в Башкортостане, русские не хотели обязательности, поскольку в этом не было практической необходимости.

Анализируя, какие языки называют родными сторонники обязательности или добровольности изучения башкирского в Башкортостане, обратим внимание на ответы башкир. Среди башкир — сторонников добровольности доля людей, называющих русский родным языком, выше (31%), чем среди сторонников обязательности изучения башкирского (10%). Эти показатели вполне ожидаемы, поскольку являются, в том числе, и оценкой функциональной роли русского языка. Однако среди сторонников обеих позиций практически одинаково высока доля тех, кто называет родным башкирский язык (89 и 84%), что можно трактовать как ценностную мотивацию. Иными словами, башкирский язык воспринимается как ценность также и сторонниками добровольности. Это важно отметить в ситуации, когда отмена обязательного его изучения воспринимается как угроза собственно народу и потому получает болезненную реакцию в среде активистов. Само по себе позитивное отношение к добровольности изучения своего языка не снижает его ценности.

У татар — сторонников обязательного изучения башкирского — ощутимо чаще супругами являются башкиры (34% против 14% у сторонников добровольного изучения), что, вероятно, влияет на их лояльность языку. И, наоборот, — в 69% случаев у сторонников добровольности изучения башкирского — это браки, где оба супруга татары. У башкир и русских подобных зависимостей не прослеживается.

С точки зрения основных идентичностей сторонники обязательности и сторонники добровольности практически не отличаются. У татар — сторонников добровольного изучения башкир-

ского — выше этническая (36%) и локальная идентичности (44%), чем у татар — сторонников обязательного башкирского (27 и 29% соответственно), что вполне ожидаемо.

В целом *установки на принятие людей других национальностей* в разных сферах жизни у башкир, татар и русских практически не отличаются, но если принять во внимание отношение к обязательности или добровольности изучения башкирского государственного языка, то установки меняются. Тенденция выглядит следующим образом: у татар и частично у русских — сторонников обязательного изучения башкирского языка — готовность к принятию людей других национальностей выше, чем у сторонников добровольного изучения среди татар и русских. Лояльные башкирскому языку (в смысле обязательного изучения) русские и татары — наиболее открытые по своим установкам и готовность к принятию людей других национальностей даже в таких традиционно более закрытых сферах жизни, как семья и дружба у них очень высокая (74–85%) (см. табл. 3.1.3). Готовность работать под руководством человека другой национальности выразили 77–80% опрошенных, хотя именно в этой сфере открытость у всех трех национальностей сходна с максимально закрытой сферой — семьей.

Таблица 3.1.3

Этнические установки у сторонников обязательного или добровольного изучения башкирского языка в Республике Башкортостан, распределение по национальности, 2017 г., *% от опрошенных в каждой подгруппе*

Согласились бы Вы, чтобы человек другой, отличной от Вашей, национальности стал...	**Сторонники обязательного изучения...**			**Сторонники добровольного изучения...**		
	Баш	*Тат.*	*Рус.*	*Баш.*	*Тат.*	*Рус.*
...гражданином России	90	98	85	80	82	86
...жителем РБ	85	98	87	80	83	84
...жителем Вашего города, села	80	96	87	78	80	81
...Вашим начальником	63	80	81	59	69	63
...Вашим коллегой, партнером по работе	76	89	89	73	79	76
...Вашим соседом по дому	78	**93**	**86**	76	78	76
...Вашим близким другом	70	**90**	**82**	72	77	76
...Вашим супругом/ супругой	54	**81**	77	65	69	69

У башкир подобной тенденции нет, различия в установках между сторонниками добровольности и обязательности почти не выражены. Наоборот, установки на принятие людей других национальностей в семью у башкир — сторонников обязательного изучения башкирского — самые низкие (54% готовы к принятию), что вполне закономерно, поскольку люди, ориентированные на этнический язык, чаще будут придерживаться установок этнического эксклюзивизма.

Установки у сторонников добровольного изучения башкирского языка в зависимости от национальности статистически значимо не различаются, кроме того, они практически не отличаются от установок на принятие вообще, то есть без учета позиции по образовательному вопросу (напомним, что сторонников добровольности во всех трех национальностях около половины).

Иных зависимостей установок и оценок от позиции «сторонники обязательности / сторонники добровольности» не выявлено.

Язык в этносоциальном пространстве

Языковой кризис в школьном образовании — это ситуация, которая в наибольшей мере вышла на федеральный уровень, однако только ею этноязыковые проблемы в республике, в том числе в образовании, не ограничиваются. Активисты много говорят о перспективах башкирского языка. На первый взгляд, ситуация с башкирским языком выглядит благополучной, это государственный язык, имеющий поддержку, он широко внедрен в общеобразовательную сеть и в сеть национальных башкирских школ, на башкирском как родном на 2016 г. обучались 33% детей-башкир, изучали родной башкирский язык как предмет 64% детей-башкир[1]. Однако позитивные количественные показатели по образованию не дают полной картины функционирования языка. По словам экспертов в области башкирского национального образования, преподавание на башкирском языке в национальных школах сталкивается с проблемой некачественных переводов учебников,

[1] Языки Башкортостана: социокультурный и политологический аспекты / [А. Т. Бердин и др.]. Уфа: Институт стратегических исследований АН Республики Башкортостан, 2016. С. 29.

отсутствия новых учебников, с тем, что учебники, кроме младшего школьного звена, не входят в федеральный перечень, ученики не могут сдавать ЕГЭ на башкирском языке и рядом других проблем:

*«У нас учебников нет на башкирском языке, даже в переводах. Сейчас, по современным требованиям срок использования учебника 5 лет. А они издавались давным-давно, не переводились. В федеральном перечне их нет» (*эксперт, директор башкирской гимназии, Уфа).

«Каким-то образом Татарстан успел включить свои учебники в федеральный перечень, у них там 57 наименований. Ни Якутия, ни Чувашия, ни Марий Эл, ни мы не успели включить в федеральный перечень наши учебники. Прежде всего, этот вопрос связан с финансами, потому что для проведения экспертизы требуются хорошие деньги» (эксперт, представитель общественного объединения башкир, Уфа).

Ответственность за эти проблемы эксперты возлагают и на федеральные, и на региональные органы власти:

«Все проверочные работы, в частности, всероссийские проверочные работы, они не переводятся на родные языки. ... Мы пытались, нашему министерству письма писали, в Обрнадзор писали, но работы не были переведены на башкирский язык. ... Если бы все у нас шло по закону, то Минобр РФ должны были прямо прописать, что предусматривается перевод на родные языки РФ. Я с удовольствием читала Стратегию национальной политики Путина. Там все работает на сохранение языков. На самом деле, приказы Минобрнауки, службы по надзору в сфере образования — они не всегда выполняют Стратегию и не всегда соответствуют закону об образовании РФ» (эксперт, представитель общественного объединения башкир, Уфа).

«Вот почему так обижаемся немного на Москву, потому что утверждены федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования, в том числе образовательные стандарты среднего профессионального педагогического образования. Эти стандарты я изучила, там вообще не предусматривается обучение и подготовка кадров для работы в башкирских или национальных школах. Раньше предусматривались. Дополнительные были часы. Они изучали детскую башкирскую литературу, детскую татарскую литературу, методику преподавания в башкирской школе. Сейчас у нас педколледжи, педагогические вузы вообще не го-

товят специалистов для работы в школах с башкирским языком обучения» (эксперт, представитель общественного объединения башкир, Уфа).

*«[Нормативная база федерального уровня] — именно она, в первую очередь, располагает [к сохранению языка и народа]. Нормативная база на уровне региона тоже есть, но она не начинена конкретными инструктивными подзаконными актами» (*эксперт, директор башкирской гимназии, Уфа).

«Местные министерства должны делать политику в области образования в целом, в республике. У меня складывается впечатление, что они сегодня полностью выполняют указания сверху, то, что Москва делает» (эксперт, представитель общественного объединения башкир, Уфа).

Очевидно, что вопросы национального образования, перспектив башкирского языка в контексте глобализации и доминирования русского языка скорее волнуют деятелей этнических объединений и национального образования, в то время как существует еще одна проблема, имеющая отношение к более широким слоям населения. Как известно, в рамках реформы образования проводится оптимизация системы учебных заведений, в ходе которой, в том числе, закрываются малокомплектные и считающиеся неэффективными сельские школы[1]. В Башкортостане (вероятно, и в других регионах) этот федерального уровня процесс имеет специфическое измерение — башкиры преимущественно сельские жители (58% сельских, 42% городских жителей; для сравнения русских в республике 77% городских жителей, татар — 62%)[2], и закрытие сельских школ воспринимается ими чаще всего негативно, как «угроза башкирской идентичности»: *«Населению это очень не понравилось, потому что школа — это символ. Школа в деревне в советское время сыграла огромную роль, <...> люди увидели лифт вертикальной мобильности, путь к образованию. Это был символ того, что любой может пойти в люди. Когда эту сеть стали*

[1] До 2018 года в российских селах планируется закрыть 3639 школ и детских садов. [Электронный ресурс]: КоммерсантЪ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3218008 (Дата обращения: 31.07.2017).

[2] Всероссийская перепись населения-2010. [Электронный ресурс]: Росстат URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Дата обращения: 31.07.2017).

*сворачивать, это было воспринято именно как национальное ущемление. И радостно подавалось националистами именно так. Это действительно тяжело: я уверен, что именно оптимизация школ, и то, как она была подана, сыграло немалую роль в возрождении националистических настроений среди башкир» (*эксперт, специалист в области этноконфессиональных отношений, Уфа). Все это может ощущаться как угроза, и в конечном итоге за проблемой языка могут стоять более глубокие проблемы и противоречия, например, опасение потери идентичности, сокращения численности башкирского населения и, как следствие, — губернизации у башкир.

В контексте языкового вопроса особенно важно рассмотреть **ситуацию с татарским языком в Башкортостане**, в том числе использование его в образовании. Татарский язык в республике представлен в СМИ — на нем издается пресса, ведутся передачи на ТВ и радио, татарский изучается как родной язык, используется как язык обучения (особенно в местах компактного проживания татар). Ряд вопросов, связанных со статусом татарского языка в Башкортостане, связан с тем, что зачастую выраженных этнических границ у населения некоторых районов Башкортостана, особенно приграничных с Татарстаном, нет, у людей в этих местах, как говорил один из экспертов, часто «плавающая идентичность». Для людей это обычная ситуация, позитивная для взаимодействия, но идеологи предпочитают выстраивать границы, особенно если учесть, что этничность может быть эффективным инструментом в политическом контексте. Дискурс о статусе татарского языка в Башкортостане, скорее всего, не носит массового распространения среди татар, для обывателя сложившаяся ситуация вполне естественна. В то же время очевидно, что татары в республике воспринимают себя в ключе «мы не диаспора, мы местные», как высказалась одна из экспертов.

Татарский и башкирский языки похожи, и это может быть как плюсом, так и минусом в оценках экспертов-татар:

«Мы в выигрышной ситуации, язык схож с башкирским языком. Если он [ребенок] знает башкирский — он будет понимать татарский. Мы даже говорим — учите башкирский, ничего страшного, зато будете понимать и татарский» (эксперт-филолог, Уфа).

«У *нас по изучению родного [татарского] языка имеется такая большая проблема, которая до принятия закона о языках в Башкор-*

тостане не существовала. Это близость башкирского и татарского языков. Это создает очень большие проблемы. Татарские дети изучают в любой школе, допустим, государственный язык башкирский, и родной язык. Получается смешение языков. Тем более русскоязычные дети. Это ведет к низкому знанию как башкирского государственного языка, так и родного языка. И впоследствии уход от родного языка. И вообще уход на русскоязычную среду. До принятия закона о языках такого не было. Татарским детям позволялось выбирать свой родной или башкирский. Естественно, они выбирали родной» (эксперт по татарской филологии, Уфа).

Вопрос о потенциальном статусе татарского языка как государственного в Башкортостане с повестки дня не уходит, но по сути стал вопросом идеологическим в условиях, когда сами татарские активисты относятся к нему как к символу, но могут плохо им владеть и прагматически ориентироваться на русский язык:

*«Вот вы говорите, татарские общественные организации. Да, есть у нас ярые представители народа, которые ратуют за родной [татарский] язык, требуют государственный язык, чтобы в Башкирии татарский был государственным языком. Но сами говорят на русском языке. Я уже начала записывать, исследовать — чьи дети говорят на татарском, чьи обучаются. Очень редко такие. Они ходят, ратуют, а сами, получается, детей не воспитали в этом духе. Вот так лично общаешься — вроде говорят, а вышел выступать — мне, говорит, на русском легче говорить. А он представитель народа, элита нации, он должен говорить на красивом татарском языке» (*эксперт по татарской филологии, Уфа).

Эксперты (в нашем случае четверо экспертов — представителей системы образования разного уровня) подтверждают, что татарский язык в школах вполне доступен, есть школы, гимназии высокого уровня, в том числе в Уфе:

«Татарский у нас изучается, у всех есть возможность изучить родной татарский язык, ограничений ни для кого нет» (эксперт, представитель департамента образования, Уфа).

В республике есть серьезная проблема, связанная с подготовкой учебников по родным языкам (об этом говорили и учителя башкирского языка), их лицензированием, в конечном итоге упирающаяся в отсутствие ресурсов и времени:

*«У нас сейчас своих адаптированных учебников нет. Учебники есть, опыт есть, лет 15–20 уже учебники пишутся, но они не прошли экспертизу, которую требует Роспотребнадзор, на которую нужны миллионы и специалисты. Они или обучаются по учебникам Татарстана, у которых уровень другой, более адаптированный к Татарстану. И географическая расположенность, и писатели, поэты, свои местные. А у нас тоже свои же компоненты» (*эксперт по татарской филологии, Уфа).

*«Проблема с учебниками большая. По требованиям Роспотребнадзора, учитель должен выбирать тот учебник, который прошел аккредитацию. А по ФГОС пройденных аккредитацию, лицензирование, всякие процедуры учебников по татарскому языку нет [в РБ]. И получается, если учитель занимается по этим учебникам, он нарушает закон. Он вынужден найти ходы-выходы, тот учебник, который подходит ему. Они или в Казани заказывают, или сами привозят. В прошлом году централизованно хотел выдать Татарстан, у нашего министерства не было денег забрать эти учебники. Мы часть учебников привезли, нашли спонсоров, а вторая часть так и не доехала. Я знаю, что недавно было совещание в республике. Как раз ставился вопрос по поводу укомплектования учебниками. Рабочая группа создана, но для этого нужны годы. Потому что нужно изучить новые ФГОС, нужно адаптироваться, готовить специалистов, а для этого еще нужны деньги. Это года 3 минимум. Учебники нужны, программы нужны, потому что олимпиады, соревнования. Требования к учащимся, к образованию должно быть единым. А так учитель имеет право пользоваться дополнительными материалами» (*эксперт по татарской филологии, Уфа).

В случае татарского языка такими материалами также помогает непосредственно Татарстан:

*«Например, Татарстан выпускает мультфильмы, диски на татарском, русском, английском. Очень здорово помогает в изучении языка. Таких мультфильмов Татарстан выпустил более 46. Татарстан нам очень помогает. Они выпустили диски, разговорные. Надеваешь наушники и там начиная со «здравствуйте» все есть. Это очень помогает. Некоторые родители говорят — мы не осилим татарский язык. Я им материалы даю на недельку посмотреть, потом приходят, говорят — все, мы будем учить» (*эксперт, директор татарской школы).

Профессиональной базой с точки зрения функционирования татарского языка в Республике Башкортостан является кафедра татарского языка и литературы в Башкирском государственном педагогическом университете (Уфа).

«Все общественные организации проводят свои мероприятия на базе наших вузов. В основном, в Уфе. По республике, в основном, на нашей базе. Или Татарстан — если что-то по татарской филологии и культуре проводят совместно с республикой — опять-таки на нашей базе, БГПУ. Не БГУ, не Стерлитамак, именно БГПУ. Только в этом учебном году мы провели большие мероприятия, каждый месяц у нас что-то республиканского масштаба. И преподаватели у нас принимают участие. Наша кафедра является базой республиканской Олимпиады школьников по татарскому языку и литературе» (эксперт-филолог, Уфа).

Кафедра готовит своих выпускников сразу по двум специальностям: помимо квалификации учителя татарского языка и литературы, выпускник может получить квалификацию учителя истории, обществознания, английского языка и других. С функциональной точки зрения это важно не только потому, что повышается адаптивность на рынке труда, но и в свете последних изменений изучения языка в школах. Порядка четверти выпускников идут работать учителями татарского языка и литературы, часть находят себе применение в журналистике, в том числе, татароязычной, иначе говоря, остаются в притяжении татарского этнического поля в профессиональном плане.

Однако эксперты, вовлеченные непосредственно в общественную жизнь татарских этнических организаций, говорят и об ограниченности возможностей для удовлетворения потребностей в использовании татарского языка в Башкортостане, а следом и некоторых других проблемах, которые могут восприниматься частью татар республики как ущемление:

«Татарский язык здесь, конечно, немного в ущемленных правах. Все-таки миллионный народ, а передачи на татарском сейчас нет. Сейчас автономия татар на общественных началах, на свои деньги, Хазрат-богослов, делает передачу на коммерческом телевидении, 45 минут в неделю, на татарском языке. Национальный вопрос очень уязвимый» (эксперт-филолог, Уфа).

«Я понимаю людей старой закалки, которые требуют памятник Тукаю и требуют государственный язык. Насчет памятника государство идет навстречу, он будет. Да где только его нет, в Москве есть. Везде, где он был, есть памятник. А в Уфе он был два раза, он специально встречался с татарско-башкирским поэтом Мажитом Гафури. Он оказал огромное влияние на развитие башкирской литературы. Поэтому памятник хотя бы Тукаю должен быть здесь» (эксперт по татарской филологии, Уфа).

В то же время очевидно, что отдельные моменты, которые могут субъективно восприниматься как ущемление, на самом деле находятся в рамках региональной языковой политики, и намеренного ущемления не происходит, поскольку возможности развития татарского языка и татарского культурного пространства довольно широкие:

«Опять же учитывая, что государственный язык — башкирский, ему, естественно, большое внимание. Здесь мы воспринимаем так: если просишь, они могут отказать, а могут не отказать. Если не просишь — никто тебе не даст. С памятником также. В этом плане, я думаю, руководству не до этого. У них другие проблемы — экономические, промышленные. Можно понять. В то же время, руководство вроде не отказывает. Вот мы уже который год проводим конкурс чтецов «Тукаевские напевы». Этот конкурс ориентирован на популяризацию творчества Габдуллы Тукая, но в то же время на создание позитивного татарского образа и отношения к татарам. Там дети говорят на своих родных языках, стихи Тукая рассказывают. Мы дошли до 22 языков — финский, китайский, армянский» (эксперт по татарской филологии, Уфа).

Более того, возможности функционирования татарского культурного пространства шире, чем в случае не таких многочисленных этнических сообществ республики, а деятельность татарских языковых активистов становится объединяющей площадкой:

«Автору проекта «Тукайские напевы» все благодарны, и учителя башкирского, и марийского. Это возможность получить какую-то бумажку, которую от него требует школа. Это показатель работы. Где он пойдет, учитель марийского языка, получит грамоту за преподавание марийского языка. У него нет своего конкурса «учитель марийского языка», нет журнала, нет ничего. А здесь хоть он покажет. Мы по номинациям распределяем, находим специалистов, они слуша-

ют. Мы не только для татарского языка ратуем, но и для других языков. Чтобы на равных правах были, и знали, что не забывают» (эксперт по татарской филологии, Уфа).

Татарские активисты-ученые анализируют те аспекты развития языка и культурного пространства, которые выходят за пределы языка в образовании или стандартных для этнических организаций вопросов культурных мероприятий, затрагивая исключительно важную для функционирования и развития языка проблему литературы как смыслообразующего пласта культуры. Пишущие на татарском языке авторы Башкортостана в какой-то мере испытывают на себе влияние проблем статуса языков, эта проблема узким кругом людей и даже этническими активистами вряд ли воспринимается как значимая, однако она существует:

«Поэтому татарский язык требует большего внимания, даже вложений каких-то, денег, целевых программ. Вот я, например, сама в автономии состою с 2012 года. Я, как ученый, пытаюсь поднять не только ту часть, где танцуют и поют, но и научную. Мы подготовили три книги. Еще у нас проблема — татароязычная литература Башкортостана. Раньше такая тенденция была — здесь не могли печататься на татарском языке в советское время, они уходили в Казань. Более 100 писателей, которые стали великими писателями, которые выходцы из Башкортостана. ... Их не принимают, как представителей башкирской литературы, потому что они пишут на татарском языке, а Казань не принимает, потому что для них мы — башкиры. Пишет на татарском, но живет в Башкирии. Один только писатель, который проживает здесь, состоит в союзе писателей Башкортостана. Остальные ни туда, ни сюда. Они вынуждены писать на двух языках и считать себя башкирскими поэтами, писателями, чтобы получить что-то. Или писать на татарском и уехать в Казань» (эксперт-филолог, Уфа).

Для обывателя проблемы татарского языка в Башкортостане не актуализированы: выше был показан высокий уровень удовлетворенности потребности в использовании родного языка в республике у татар. Близость Татарстана и активность татарского населения Башкортостана обеспечивают вполне активное функционирование культурного пространства в целом:

«Есть концерты татарские, приезжают артисты. В этом плане есть люди, которые умеют пользоваться этим моментом. Есть

*у нас бизнесмены, которые организуют туры и в Казань, и с татарским компонентом. Но это же штучно, это не миллион татар, это 2–3 человека, которые один на воде, один на автобусе катает» (*эксперт-филолог, Уфа).

Но в целом эксперты фиксируют проблемы дальнейшего развития языков, а вслед за ними — и ослабления ориентации на этничность, которые переживают не только татары:

«Народ уходит от родного языка, родной культуры, потому что нужно выходить в свет, сдавать все на русском языке, нужно знать английский язык, нужно хорошую зарплату, устроиться на хорошую работу. А для этого на национальном уровне ничего не сделаешь. Вся ниша занята. Там две-три газеты, здесь кафедра и больше ничего. Это не только нас касается, но и других национальностей. И башкир в том числе. Башкирам немножко легче, а у нас ограниченная сфера деятельности. Или уходить в другую сферу, и забыть и язык, и культуру. Сводить к тому, что провел религиозные обряды, собрал народ на Курбан-Байрам и все. А мы смотрим из глубины. И язык должен быть, и культура, и литература» (эксперт-филолог, Уфа).

Отдельного обсуждения в контексте языковых противоречий заслуживает вопрос функционирования идеологемы родного языка, которую при анализе очевидно стоит отделять как от собственно языка как средства общения, так и от темы государственных языков в республиках. Тема родного языка в нашей стране довольно сильно идеологически нагружена. Анализируя этноязыковую проблематику в республиках, мы, как правило, сталкиваемся с двумя разными дискурсами — дискурс ущерба языкам, вымирания языков и дискурс приобщения к русскому языку как выбор. Специалисты в республиках, особенно в области национального образования, стоят именно на позициях защитного дискурса — язык надо защищать, потому что происходит его обеднение, сужение функционала и в конечном итоге утрата через переход на более широко используемый русский язык. Обоснования этому есть, и они вполне очевидные — от глобальных тенденций и исторической политики государства до актуальных политических решений и высказываний:

«Как представителю башкирского народа, мне очень обидно, что язык приговорен в нынешней ситуации к вымиранию» (эксперт, представитель общественного объединения башкир, Уфа).

«Я считаю, что сегодня Правительство РФ сделало очень выгодным изучение русского языка. Родные языки отходят на второй план. <...> Родители считают, что, чтобы ребенок сдал хорошо ЕГЭ, он должен прекрасно владеть русским языком, и поэтому предпочитают попасть в класс, где вместо родного языка изучается русский язык. Эта проблема также характерна для Казани, для Татарстана. Там тоже родители предпочитают русский язык. Свой родной язык они считают бытовым, семейным, который в дальнейшем ребенку не пригодится. <...> К сожалению, министерство образования и науки, на мой взгляд, думают, что обучения на родном языке не должно быть» (эксперт, представитель общественного объединения башкир, Уфа).

Другой дискурс — дискурс освоения русского языка и приобщения к нему как к культурному достоянию («общенародному достоянию»[1]) и как к инструменту вертикальной мобильности. В. А. Тишков называет этот процесс языковой ассимиляцией в пользу русского языка, характеризуя ее как «добровольный выбор в пользу более мощного и более важного для жизни языка коммуникации в нашей стране», хотя, «возможно, в какие-то моменты и в каких-то местах использовались методы принуждения»[2]. Не имеет под собой оснований и «миф о вымирании языков» — в XX в., как пишет В. А. Тишков, языки в России не исчезали, хотя, безусловно, языковая мозаика мира меняется[3]. Языковые процессы — это постоянные трансформации, например, стандартизация языков в период становления централизованных государств также меняла статусы и функционал местных языков и диалектов, у этого процесса исторически одна тенденция — универсализация.

Отсюда вытекает и понимание родного языка, оказавшееся таким важным в вопросах образования — в рамках защитного дискурса его рассматривают как этнический язык, полагая, что родной язык может быть только один, и это обязательно язык национальности человека по рождению, например: *«Учитывая прагматическое отношение родителей к языку, родной язык должен определяться по этнической принадлежности. Ради сохранения язы-*

---

[1] *Губогло М. Н.* Указ. соч. С. 37.

[2] *Тишков В. А.* Языки нации // Вестник Российской академии наук. 2016. Том 86. № 4. С. 293.

[3] Там же.

ков» (эксперт, представитель общественного объединения башкир, Уфа). Между тем, по данным настоящего исследования, среди башкир назвали своим родным языком башкирский 85% респондентов, 22% назвали русский язык своим родным языком, 14% башкир назвали родным языком татарский. Вопрос подразумевал возможность множественного ответа и фиксировал, таким образом, не только реально существующее двуязычие у некоторой части респондентов, но и восприятие более чем одного языка в качестве родного.

В рамках второго дискурса родной язык — основной язык коммуникации, и это не обязательно этнический язык. Именно об этом пишет В.А. Тишков, когда упоминает «право на языковую ассимиляцию» как фундаментальное право — такое же, как право на сохранение и использование языка[1]. Такой язык выполняет не только роль защитного барьера для малых языков в условиях глобализации и «наступления» глобальных языков, например, английского или китайского, но и роль «инструмента гражданского нациестроительства». В связи с этим показательны исследования башкортостанских социологов, которые демонстрируют необоснованность опасений о том, что расширение сферы русскоязычия и формирования общероссийской идентичности идут в ущерб республиканской идентичности, а «владение русским языком не мешает представителям титульной национальности ощущать эмоциональную связь со своей этнической группой и малой родиной»[2].

Тем не менее глубоко укоренившийся как на бытовом, так и на политическом уровне концепт родного языка остается весьма значимым и остро воспринимается, как, например, в случае с обсуждаемым сейчас изменением федерального закона об образовании. Языковые противоречия, вбирающие в себя не только конкретную ситуацию в школах, но и дискурсы о языках в разных статусах, и дискурсы защитного этнонационализма и проблем исполнения принципов федерализма в нашей стране — это потенциально сложная ситуация, если мы говорим о необходимости поддержания межэтнического согласия.

---

[1] *Тишков В.А.* Указ. соч. С. 295.

[2] *Сафин Ф.Г., Халиулина А.И.* Роль русского языка в формировании общероссийской гражданской идентичности в полиэтничном регионе (на примере Башкортостана) // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 96.

3.2. Особенности языковой политики и практики в автономном округе: пример Югры

Ханты-Мансийский автономный округ — территория с доминирующим русским населением. Его особенность состоит прежде всего в том, что народы, именем которых назван округ, относятся к коренным малочисленным народам, требующим особой поддержки. Вторая его особенность — в том, что природные богатства, составляющие ресурс этого региона, осваивались приезжающими сюда русскими, украинцами, азербайджанцами, татарами, башкирами, чеченцами и т.д., то есть людьми, приехавшими в регион, многие из которых остались тут и стали местными жителями.

Языковая политика в ХМАО

Ханты-Мансийский автономный округ — Югра с точки зрения языковой политики — регион специфический, где три языка — хантыйский, мансийский и ненецкий — имеют официальный статус, что определено Законом ХМАО–Югры от 2001 г. «О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа»[1]. Национальным языкам обеспечивается право на использование в официальном делопроизводстве. Доля представителей этих этнических групп в населении региона, согласно переписи 2010 г., очень мала и со-

[1] Закон Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 4 декабря 2001 г. N 89-оз "О языках коренных малочисленных народов севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа" (с изменениями от 30 сентября 2013 г.) [Электронный ресурс]: Дума Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.URL: http://www.dumahmao.ru/decisions/detail.php? ID=7088 (Дата обращения: 24.06.2018).

ставляет около 2% однако по отношению к ним выстроена специальная языковая политика. Упомянутый закон гарантирует защиту языков коренных малочисленных народов, мероприятия и программы, направленные на их сохранение и развитие, целевое бюджетное финансирование, а также право на получение образования на родном языке. Обязательного изучения языков с официальным статусом в школах нет, законодательство его не предусматривает в силу отличных от республиканских правовых основ[1]. Статусы языков других народов, проживающих в Югре, отдельно не оговариваются, закон касается только языков коренных малочисленных народов. Образовательные организации (детские сады и школы), где в формате родных языков изучаются языки коренных малочисленных народов, а также их литература и культура, преимущественно сосредоточены в местах их компактного проживания. Больше всего их с хантыйским языком (как минимум с одним из трех его диалектов) — 17, меньше с мансийским (11) и одна — с ненецким, при этом обучение ведется на русском языке. Вопросы изучения языков и культуры коренных малочисленных народов ХМАО в силу специфики этнодемографических, экономических и прочих условий развития этих этнических общностей должны быть предметом рассмотрения в отдельном порядке. Для конкретных целей данного исследования мы анализируем их как контекст, как условия особого региона, в рамках которого будут рассмотрены языковые установки и языковое поведение татар и башкир для их сопоставления с установками и языковым поведением татар и башкир в Башкортостане. Это представляет интерес не только с точки зрения функционирования и восприятия статуса этнических языков, но также в силу того, как эти установки варьируются

[1] Кроме закона о языках, языковое образование регулируется ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Законом «Об образовании в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре» от 2013 г., Законом «Об образовании ХМАО-Югры» и специальной «Концепцией по обучению родным языкам, литературе и культуре коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, и планом мероприятий («дорожной карте») по ее реализации» от 2015 г. [Электронный ресурс]: Департамент образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа — Югры URL: http://www.doinhmao.ru/korennye-malochislennye-narody-severa/zakonodatelstvo-v-sfere-yazykovogo-obrazovaniya (Дата обращения: 24.06.2018).

в условиях проживания в регионе, где татарский и башкирский языки не являются государственными.

Ключевой концепт окружной системы образования, как ее определяет Департамент образования ХМАО, — *«поликультурное пространство через образовательную деятельность как непрерывное образование»*. Этнокультурный компонент реализуется уже в дошкольных учреждениях. Родные языки и родная литература изучаются, по словам представителя департамента образования округа, «в рамках основной образовательной программы за счет часов внеурочной деятельности». Кроме того, в округе разработаны и со следующего учебного года предложены к реализации *«учебные планы на родном языке — это не только родной язык и литература, но и, например, такие предметы, как технология, музыка, физическая культура на родном языке. Почему — потому что мы видим такую необходимость»* (эксперт, представитель департамента образования ХМАО–Югры). В качестве родных в регионе изучаются три языка с официальным статусом. В департаменте обсуждается возможность введения во всех образовательных организациях элементов родных языков и культур на добровольной основе:

«Ничего не будет страшного в том, чтобы в рамках ***внеурочной*** *деятельности ребята другой национальности познакомились с культурой, узнали, как называются предметы быта» (*эксперт, представитель департамента образования ХМАО–Югры).

В округе действуют специальные программы по реализации этнокультурного компонента в образовании, направленные не только на поддержание языков и культур коренных малочисленных народов Севера, но и на адаптацию детей из семей внешних трудовых мигрантов и в целом на знакомство с многообразием культур и религий региона:

«В рамках региональных инновационных площадок у нас представлены школы, реализующие программы этнокомпонента, как, например, "Языковое гнездо". На этой программе у нас базируются школы, которые расположены в основном в местах проживания коренных народов Севера. А также школы, которые реализуют программы по сопровождению детей-мигрантов, их адаптации независимо от соотношения с этносом» (эксперт, представитель департамента образования ХМАО–Югры).

*«"Социокультурные истоки". Мы ввели эту программу с 1 класса во всех образовательных организациях автономного округа. Она направлена на изучение истории традиций, семьи, что такое доброта. И в разных контекстах национальных культур она показана. ... социокультурны истоки направлены не на конкретную профессию, они направлены на создание общих традиционных семейных ценностей, которые важны во всех конфессиональных подходах» (*эксперт, представитель департамента образования ХМАО–Югры).

Башкирский и татарский языки (равно как и другие, кроме языков коренных малочисленных народов) в школьном образовании в Югре на момент исследования не были представлены. Если они изучаются, то в формате воскресных школ по инициативе и с участием соответствующих этнических объединений и (или) религиозных организаций:

«*Для тех национальностей, которые представлены в большом количестве, идет сопровождение через общественные организации. У каждой образовательной организации заключены соглашения с общественными организациями, которые зарегистрированы на территории муниципальных образований, то есть это и башкиры, и татары, и молдаване, и белорусы» (*эксперт, представитель департамента образования ХМАО–Югры).

«Сообща это все двигаем. Даже есть мечети, куда бабушки приводят детей в воскресную школу, 3–4 годика, они с ними там молятся, разговаривают и что-то делают. А преподаватели там разбивают, кого в каком направлении, и чуть ли не индивидуально с каждым занимаются. Есть онлайн вариант обучения» (эксперт, представитель мусульманского духовенства).

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» предоставляет гражданам право на «изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации в пределах возможностей, предоставляемых системой образования» (ст. 14), однако сколько-нибудь массового запроса на изучение этих языков нет, о чем нам говорили в окружном департаменте образования:

«В отношении татарского языка у нас на территории Ханты-Мансийского автономного округа татары и башкиры проводят очень много дополнительных занятий, которые направлены на то, чтобы дети не забывали культуру. И потребности в изучении языка, по крайней мере, до сегодняшнего дня, у нас родители не изъявляли. У нас было

желание в некоторых муниципалитетах изучать башкирский язык и изучать азербайджанский язык, киргизский, для этих детей создавались дополнительные занятия. То есть индивидуальные траектории. ... Но это было в рамках внеурочной деятельности. И не прижилось настолько активно, чтобы продолжилось в системе. Потому что дети самостоятельно не ходили, это было желание родителей. Выбирали родители основную образовательную программу на государственном языке, а такие услуги предлагаются в случае, если есть желание» (эксперт, представитель департамента образования ХМАО–Югры).

И с Татарстаном, и с Башкортостаном есть прямые связи, в том числе работающие на поддержание функционирования языков:

«У нас есть соглашение с самим Татарстаном. И в рамках его у нас проходит огромное количество мероприятий, где принимают участие и наши обучающиеся. Это и олимпиады на татарском языке, как в дистанционной форме, так и выезжают туда. Они являются либо носителями языков и представляются как носители языков, либо через поликультурное пространство. Помимо этого, у нас есть соглашение с Башкирией, но более активно, конечно, Татарстан работает в рамках проведения мероприятий. Это и литературные чтения, и прочие мероприятия, куда приглашаются и наши педагоги, и наши обучающие» (эксперт, представитель департамента образования ХМАО–Югры).

Языковые установки татар и башкир

Довольно отчетливо заметно, что башкиры в Югре в большей степени, чем татары, ориентированы на этнический язык. Так, практически не отличаются данные по выбору родного языка у башкир: 80% башкир-жителей Югры называют родным башкирский язык (в Башкортостане — 85%), 28% башкир в Югре называют родным русский язык (в Башкортостане — 22)%. Татар, называющих русский язык родным, в Югре 41%, в Башкортостане — 37%, татарский родным назвали 74% татар-жителей Югры.

Степень применения русского языка в различных сферах жизни у татар и башкир Югры также различается. Если работа — это сфера, где языковые контакты, как правило, не зависят от самого

респондента, то дом и дружеские круги — предмет выбора в гораздо большей степени. Почти половина татар в Югре (47%) говорят с друзьями только по-русски, у башкир — 30% (что, возможно, обусловлено составом рабочих коллективов). Дома говорят только по-русски 44% татар и 31% башкир в Югре. Фактически башкирский язык для респондентов-башкир в Югре остается функциональным для домашнего общения (для сравнения — в Башкортостане 34% башкир говорят дома по-башкирски).

Ориентация на этничность, в частности на вопросы языка и культуры, заметна у башкир и с точки зрения того, что беспокоит людей. Понятно, что заботы обывателей связаны с этничностью далеко не в первую очередь, и (также как татар и русских и в Югре, и в РБ) вопросы сохранения языка и культуры беспокоят башкир гораздо меньше роста тарифов ЖКХ, коррупции и бюрократии, угрозы войны или разгула преступности. Тем не менее проблемами сохранения своего языка и культуры обеспокоены 24% башкир в Башкортостане и 26% башкир в Югре (для сравнения: 17% татар в Югре и 13% в Республике Башкортостан соответственно).

Запрос на владение этническими языками для своих детей у башкир и татар в Югре довольно высок — по 73% хотели бы, чтобы их дети владели соответственно башкирским или татарским языками, но он ниже, чем на владение русским языком (88–89%). У татар в Татарстане такой запрос выше — 88% в 2017 г. указали, что хотели бы, чтобы их дети владели татарским (запрос на татарский и русский у татар в Татарстане одинаковы по уровню)[1]. Такая разница вполне ожидаема — татары в Югре в значительной части выходцы не из Татарстана, где больше возможностей функционального использования языка в повседневной жизни, и языковая политика в какой-то мере способствуют высокому запросу на татарский у татар.

Интересно другое: 80% башкир в Югре называют башкирский своим родным языком, а желаемое владение этим языком своими детьми озвучивают 73% из них. Это различие до определенной степени укладывается в ошибку выборки, но может быть и демонстрацией достаточно прагматического видения будущего собственных детей.

---

[1] *Арутюнова Е. М.* Указ. соч.

Поскольку самая актуальная тема в языковой проблематике в стране в настоящее время — статус государственных языков в школьном образовании, в ходе нашего исследования мы пытались выяснить, какие позиции поддерживают респонденты по отношению к изучению государственных языков в русскоязычных школах в своих республиках, где их этнические языки имеют статус государственных. Для опроса в ХМАО–Югре мы использовали проективную методику, спрашивая, должен ли татарский / башкирский язык быть обязательным для изучения в соответствующей республике (см. табл. 3.2.1).

Таблица 3.2.1

Отношение к статусу татарского / башкирского языков в школах Татарстана и Башкортостана, один вариант ответа, *% от опрошенных*

Татарский язык в Татарстане / Башкирский в Башкортостане...	**Татары в ХМАО, 2018 г.**	**Башкиры в ХМАО, 2018 г.**	***Башкиры в РБ, 2017 г.***
...должен быть в школах обязательным предметом для всех	33	**47**	*23*
...должен быть в школах обязательным предметом для всех, но на него должно отводиться меньше времени, чем сейчас	5	3	*16*
...должен в школах идти в качестве факультатива для желающих	**43**	**39**	***45***
...должен быть в школах обязательным только для башкир / татар	17	10	*12*
Его вообще не должно быть в школе	0	0	*4*
Затруднились ответить	2	1	*0*

Напомним, что в итоге развития языковых противоречий и принятия поправок в федеральный закон «Об образовании» государственные языки республик изучаются добровольно, по желанию, если родители (законные представители) школьника написали соответствующее заявление. Такую позицию (факультативное изучение) поддерживают сходные доли респондентов в Югре и среди башкир, и среди татар (39 и 43% соответственно). Обязательное изучение языка в том же или меньшем объеме поддержали 50% башкир и 38% татар. Следует отметить, что оценки башкир выгля-

дят более чем внушительно, особенно учитывая, что в Башкортостане однозначно позицию обязательности поддерживали ощутимо меньше (23%) и еще 16%, если количество часов будет сокращено[1]. Такая высокая поддержка обязательности изучения языка у башкир, живущих в Югре, может объясняться несколькими причинами. Во многом это декларативная, ценностно мотивированная поддержка, своего рода идеалистическое видение — «в моей республике должно быть так». Язык в данном случае рассматривается скорее как достояние народа, а республика — как единственное место, где он может полноценно развиваться и тем более только там получать господдержку. Башкиры в Башкортостане, кроме такой же ценностной мотивации (которая активизировалась в ситуации языковых противоречий), мыслят прагматически, поэтому чаще выбирают вариант «башкирский язык должен быть в школах обязательным предметом для всех, но на него должно отводиться меньше времени, чем сейчас».

Татары, живущие в Югре, поддерживают по большей части добровольное изучение татарского языка в Татарстане (43%), однако и доля поддерживающих обязательное его изучение достаточно велика — 33%:

«Мы за то, чтобы изучать, но не в ущерб будущему людей» (эксперт, представитель НКА татар, Сургут).

«Конечно, тут такая двойственная проблема. С одной стороны, очень хочется, чтобы был сохранен язык, культура и традиции. Кстати, вот чем дальше люди, тем лучше они это сохраняют, например, Китай, Финляндия, вот они лучше нас разговаривают по-татарски, лучше меня, во всяком случае. А с другой стороны проблемы — мы обучаем, а дальнейшее обучение, работа вся на русском языке, вузы на русском языке. Дальше проблема встает, если все знаешь только на татарском на пятерку, то на русском начинаешь спотыкаться» (эксперт, представитель НКА татар, Сургут).

Известно, что татары, живущие в ХМАО, являются преимущественно выходцами не из Татарстана, а из других регионов, чаще всего сибирских. Языковые противоречия в Татарстане для этих людей не актуальны, в течение многих поколений они сохраняли

[1] Что затруднительно — башкирский язык изучался как государственный в объеме 1–2 часа в неделю.

язык в семьях и повседневном общении, в том числе без государственной поддержки (хотя в Сибири есть и татарские школы, и подготовка кадров для них): *«Это от нас все зависит, от семьи зависит, это не от государства зависит. У меня сын и дочка, их никто не учил, но мы дома разговаривали, и они чисто разговаривают по-татарски сейчас»* (эксперт, представитель НКА татар, Сургут).

«Это может каждый в семье, каждый сохранить может родной язык. Допустим, здесь у нас армянских школ нет, а армяне очень хорошо сохранили свой язык. Чеченцы хорошо сохраняют свой язык. Почему, потому что они дома конкретно разговаривают на своем языке, и дети у них знают. И в Татарстане тоже никаких проблем» (эксперт, представитель мусульманского духовенства).

Часть татар в Югре — выходцы из Башкортостана, и для них языковые противоречия актуальны в ином контексте, при этом возможностью изучения своего этнического языка татары в Республике Башкортостан пользуются достаточно широко. Башкиры же в Югре — чаще выходцы именно из Башкортостана.

Далее по аналогии с кейсом Башкортостана мы проанализировали мнения сторонников обязательности и сторонников добровольности изучения языков в республиках среди татар и башкир ХМАО–Югры с тем, чтобы определить основные характеристики людей, разделяющих эти взгляды. Мы объединили позиции «татарский / башкирский язык должен быть в школах обязательным предметом для всех» и «...должен быть в школах обязательным предметом для всех, но на него должно отводиться меньше времени, чем сейчас» — это *«сторонники обязательности»* и сравнили их со «сторонниками добровольности» — теми, кто выбрал вариант «...должен в школах идти в качестве факультатива для желающих». Этот вопрос в Югре задавался только респондентам по подвыборкам татар и башкир, поэтому дальнейший анализ ограничен ими.

Безусловно, мы принимаем в расчет, что позиция по поводу обязательности/добровольности — это нормативная позиция, установка «как должно быть», поскольку опрошенные респонденты постоянно проживают в Югре, а не в республиках, о которых они судят, и их мотивы вполне могли измениться, если бы они принимали эти решения непосредственно для своих детей.

Итак, сторонники добровольности изучения языков в республиках чаще не просто постоянно живут в Югре, но родились и вы-

росли в округе[1]. Среди сторонников добровольности тех, кто родился в ХМАО–Югре 31%, среди сторонников обязательности — 22%. Если же принять во внимание национальность и анализировать татарскую и башкирскую подвыборки отдельно, то наблюдаются интересные отличия. Среди сторонников добровольности ни у татар, ни у башкир не имеет значения, приехал человек в регион или родился и вырос в нем. Среди сторонников обязательности отличаются башкиры: из них этой позиции придерживаются 88% из числа тех, кто не родился в округе, а когда-то приехал сюда, то есть на их восприятие проблемы связь с регионом оказывает большее влияние.

По возрастным характеристикам, *сторонники добровольности в целом несколько моложе, чем сторонники обязательности*. Интересно, что у башкир обязательность поддерживают скорее люди средних возрастов (41% в когорте 41–50 лет), а добровольность чаще поддерживает молодежь (29% в когорте до 30 лет и 24% в когорте 31–40 лет). У татар существенных отличий нет — весомая доля молодежи есть и среди сторонников обязательности, и среди сторонников добровольности (32 и 36% соответственно).

Доли людей с высшим образованием или другими уровнями образования у сторонников обязательности и добровольности изучения языков сходные, то есть влияние образования не выявляется.

Сторонники добровольности несколько чаще называют русский язык своим родным языком, особенно это заметно у башкир — среди сторонников добровольности 34% башкир с родным русским языком, среди сторонников обязательности — 20% с родным русским языком (напомним, всего у башкир в Югре 28% называют русский родным языком). Татар с родным русским языком в регионе в принципе больше, чем башкир (41% от татар Югры), и тенденция прослеживается та же: среди татар-сторонников добровольности 46% респондентов называют русский родным, среди сторонников обязательности — 39%.

Как продолжение — *сторонники добровольности чаще используют русский язык* в таких сферах повседневного взаимодействия,

[1] В целом, тех, кто родился в Югре, не так много (22,1% от местных разных национальностей по нашему опросу), округ в целом и его крупнейшие города в частности пережили демографический взлет со времени начала разработки месторождений.

как дом (48% без учета деления на татар и башкир) и в меньшей степени — дружеское общение (47%). У сторонников обязательности 32–35% говорят дома и с друзьями по-русски.

Вернемся к тезису о том, что выбор позиции обязательности или добровольности изучения — это до определенной степени идеалистическое видение республики, где народ, к которому респондент себя относит, может иметь максимум поддержки своего языка и культуры, это не прагматический выбор для своих детей.

Значимый в связи с изучаемой установкой показатель — наличие друзей своей национальности в регионе, откуда респондент родом (вопрос для тех, кто не родился в Югре). У сторонников обязательности изучения друзей своей национальности больше (63%), чем у сторонников добровольности (50%), причем гораздо заметнее эта тенденция в случае башкир.

Сторонники обязательности чаще, чем сторонники добровольности, выбирают брачного партнера своей национальности. И наоборот — у сторонников добровольности супруги не только своей национальности встречаются ощутимо чаще, особенно у башкир. Так, по данным настоящего исследования, среди башкир — сторонников добровольности супруги башкиры или русские — по 30% случаев, супруги-татары — в 25% случаев, супруги других национальностей — в 15% случаев. И, напротив, среди башкир — сторонников обязательности изучения башкирского супруги-башкиры — 41% случаев, супруги русские или татары — по 18%, супруги других национальностей — 24%. У татар в Югре в целом доля браков в своей этнической среде заметно выше, чем у башкир (55% против 37% у башкир), поэтому и у сторонников обязательности, и у сторонников добровольности среди татар преобладают браки в своей этнической среде. И все же очевидна следующая тенденция: среди татар — сторонников добровольности браков с русскими встречается больше (35%), чем у сторонников обязательности (22%). Возможно, имеет место двустороннее влияние — собственная ориентация на этничность влияет на выбор супруга, но и брачный партнер другой национальности влияет на формирование добровольности как установки.

Запрос на владение детьми этническим языком у сторонников обязательности ожидаемо выше, но эта тенденция сильнее выражена у башкир: 82% сторонников обязательности хотят, чтобы их дети

владели башкирским языком, против 61% у сторонников добровольности (см. табл. 3.2.2). У татар отличия не такие выраженные. Понятно, что в подобной оценке собственно результат — дети в будущем говорят или не говорят на этническом языке — это не результат использования его в школе, здесь имеет значение собственно ориентация на этничность и реконструкция идеальной модели существования своего языка.

Таблица 3.2.2

Запрос на этнические языки, *% от ответивших в каждой подгруппе**

«Каким языком (языками) хотели бы вы, чтобы владели ваши дети (внуки) в первую очередь»	**Сторонники обязательного изучения татарского / башкирского в школах республик**		**Сторонники добровольного изучения татарского / башкирского в школах республик**	
	Татары	Башкиры	Татары	Башкиры
Татарским языком	76		67	
Башкирским языком		82		61

* Допускалось несколько вариантов ответа

Сторонники обязательности или добровольности изучения языков несколько отличаются и в ценностном плане. Так, в целом среди сторонников добровольности заметна более высокая значимость для счастья такой ценности как «обеспеченная жизнь и достаток» (59% против 46% среди сторонников обязательности) (см. табл. 3.2.3).

Если проанализировать эти установки отдельно для татар и для башкир в зависимости от их отношения к обязательности или добровольности изучения языков, то можно отметить существенные отличия в иерархии ценностей, и снова это отчетливо заметно у башкир. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Среди основных ценностей семья безоговорочно лидирует, хотя и с разным весом, и среди сторонников добровольности (92%), и среди сторонников обязательности у башкир (78%). Значимость материального достатка в равной мере признают и сторонники добровольности (53%), и сторонники обязательности (55%). Однако есть отличия по таким ценностям, как «уважение людей» и «хорошая, интересная работа»: для сторонников обязательности уважение людей ощутимо важнее (59%), чем хорошая, интересная работа (35%), то есть, по сути, у них преобладает ориентация вовне,

Таблица 3.2.3

Ценностные ориентации сторонников и противников обязательного изучения государственных языков в республиках среди татар и башкир ХМАО-Югры, 2018 г., *% от ответивших в каждой подгруппе**

Хорошо жить, быть счастливым — это…	Сторонники обязательного изучения татарского / башкирского в школах республик			Сторонники добровольного изучения татарского / башкирского в школах республик		
	Татары	Башкиры	*Всего*	Татары	Башкиры	*Всего*
...пользоваться уважением людей	39	**59**	*47*	44	**34**	*41*
...иметь хорошую, интересную работу	50	**35**	*44*	48	**53**	*49*
...иметь хорошую семью	90	78	*85*	83	92	*86*
...чувствовать себя свободным человеком	37	29	*34*	39	40	*39*
...жить обеспеченно, в достатке	40	55	***46***	61	53	**59**
Другое	5	4	*5*	3	5	*4*

*Допускалось три варианта ответа

на внешнюю оценку. И наоборот — для сторонников добровольности среди башкир интересная работа (53%) важнее для счастья, чем уважение людей (34%), то есть люди с установкой добровольности больше ориентированы на себя, чем на внешние оценки. Подтверждается это значимостью ценности «чувствовать себя свободным человеком»: для сторонников добровольности это важнее (40% против 29%).

Чтобы исключить влияние только этнического фактора, укажем, что иерархии значимых для счастья ценностей у русских, татар и башкир в целом одинаковы, различия наблюдаются именно среди сторонников обязательности или сторонники добровольности изучения башкирского языка в Башкортостане среди башкир. Предположим, что такая иерархия ценностей в случае башкир с разными установками по отношению к статусу языка работает именно потому, что большинство их них — выходцы из Башкортостана, и их установки по отношению к изучению языка в республике — это не реконструкция идеального видения. Подобное

различие между сторонниками обязательности и добровольности фиксирует собственно разницу установок на добровольность или обязательность в реальных условиях. У наших респондентов-татар таких заметных отличий не наблюдается за исключением того, что достаток и обеспеченная жизнь для сторонников добровольности изучения татарского языка в Татарстане важнее, чем для сторонников обязательности.

Сторонники добровольности чаще чувствуют близость с людьми того же достатка, чем сторонники обязательности (33% против 23% у татар и 37% против 2% у башкир). Можно предположить, что отношение к языку связано с идентичностью.

В целом иерархия идентичностей у сторонников и противников добровольности одинакова, но степень актуализации идентичностей различается. У сторонников обязательности изучения языков чуть сильнее актуализированы этническая и религиозная идентичности, у сторонников добровольности — идентичность с людьми того же достатка. Эти различия снова более ярко проявляются в подвыборке башкир, в частности среди башкир — сторонников обязательности этническая идентичность актуализирована у 63%, религиозная — у 41% опрошенных; среди сторонников добровольности этническая идентичность зафиксирована на уровне 47%, религиозная идентичность — 41%.

Ожидаемо, что вопросы сохранения языка и культуры гораздо более важны для сторонников обязательности изучения языков (21% у татар и 33% у башкир), чем для сторонников добровольности (13% у татар и 16% у башкир).

Не прослеживается связь между отношением к изучению языков и оценками и установками в межэтнических взаимодействиях, кроме одного, пожалуй, самого чувствительного показателя — допустимости насилия в случае нарушения справедливости в отношении своего народа. *Сторонники добровольности в меньшей степени склонны оправдывать такое насилие*: 14% из них разделяют точку зрения о том, что «насилие допустимо, если...» (15% у татар и 11% у башкир-сторонников добровольности) против 33% среди сторонников обязательности (34% у татар и 31% у башкир).

Итак, в Югре башкиры — сторонники обязательности изучения языков в республиках — сильнее ориентированы на традиционные ценности, в частности на уважение людей, имеют более

выраженную этническую и религиозную идентичности, острее ощущают угрозу родному языку и культуре. Возможно, на их позицию оказывает влияние сильная мобилизация вокруг языковой проблемы в политическом и социальном дискурсе. Фактически прошедший год — первый (с 2006 г.) без обязательного изучения башкирского языка в школах, однако обсуждения данного вопроса не утихают, а мобилизация выходит за пределы дискурса и выражается в реальных действиях (митинг за башкирский язык в Уфе собрал 2500 чел.). Вероятно, оказывает влияние и тот факт, что удаленность респондентов от Башкортостана и при этом сохранение связей обостряют восприятие, в том числе и идеалистическое представление о том, как должно быть в республике. Ценностная, сентиментальная мотивация в большей степени, чем инструментальная, прагматическая, значима для людей, когда они рассматривают республику как идеальную модель, а не реальные условия жизни.

У татар в ХМАО–Югре эти тенденции выражены гораздо слабее или вовсе отсутствуют, некоторые их установки в целом сходны с установками русских в Югре (например, идентичности, кроме несколько более выраженной этнической). В какой-то мере так происходит потому, что татары в округе имеют гораздо меньше связей с Татарстаном, не включены в его дискурс, не связывают свое этническое развитие с республикой. Отсюда — реконструкция идеальной модели, своеобразной «земли обетованной» для собственных языка и культуры сильнее не тогда, когда связи с этническим регионом слабые или отсутствуют, а когда такие связи поддерживаются, но собственное будущее с этим регионом не связывается.

Выводы

1. Языковая тема в дискурсе общественности и СМИ в Башкортостане воспринимается довольно остро. Сами по себе сложности в образовании уже урегулированы — сначала на уровне региональной, а летом 2018 г. — на уровне федеральной образовательной политики. Принятые поправки в федеральный закон об образовании подразумевают свободный выбор языка обучения, изучаемого родного языка из числа языков народов России, в том

числе русского языка как родного, государственных языков республик Российской Федерации.

2. Хотя негативное восприятие проблемы для части башкирской общественности остается актуальным, данные исследования на 2017 г. не демонстрировали жесткого разделения позиций по национальности в оценках статуса башкирского языка в школах Республики Башкортостан. Башкиры чаще выступали за обязательное изучение башкирского языка во всех школах республики, но и добровольное изучение поддерживали почти половина респондентов и среди башкир (45%), и среди русских (46%), и несколько больше половины среди татар (53%). В целом нужно сказать, что отношение к добровольности или обязательности изучения государственного языка республики в школах в определенной мере отличало башкир от татар и русских. Но надо иметь в виду, что не все русские и татары, да и сами башкиры, были вовлечены в этот процесс: актуально его воспринимали семьи с детьми-школьниками. Часть русских и татар признавали значимость статуса башкирского языка в республике, но считали, что его изучение должно быть добровольным. В целом языковые противоречия не привели к изменению межэтнических отношений на повседневном уровне между людьми контактирующих национальностей.

3. У сторонников добровольности установки на межэтническое взаимодействие не различаются в зависимости от национальности, их установки — это установки русских, татар и башкир в целом (во всех сферах взаимодействия довольно открытые, кроме семьи и работы под руководством человека другой национальности). У татар и русских сторонники обязательности изучения башкирского в школах Республики Башкортостан имеют открытые позитивные установки даже в традиционно более закрытых сферах, однако таковых относительно немного (19% среди татар и 23% среди русских). У башкир различий в межэтнических установках между сторонниками обязательности/добровольности изучения башкирского языка почти нет, но у первых более закрыта сфера семьи.

4. Анализируя установки по отношению к обязательности изучения башкирского языка как государственного в Республике Башкортостан, мы должны принимать в расчет, что для каждой этнической категории (башкиры, татары, русские) восприятие башкирского языка различается. Для башкир башкирский язык —

этнический и потому государственный на территории республики, такой его правовой статус воспринимается как закономерное и справедливое достижение.

5. Для татар и русских башкирский язык — язык республики, в которой они живут (безусловно, считая себя местными), причем не в функциональном смысле, а в символическом — язык народа, дающего название этой республике. Однако для татар есть и дополнительный важный контекст — татары Башкортостана здесь также считают себя коренным населением, в приграничных районах особенно сложно дифференцировать их и по национальности, и по языку. Это не устойчивые, а «плавающие идентичности», и даже лингвисты высказывают разные мнения, у кого какой именно язык — татарский или башкирский. В политическом плане в республике значимость имеет вопрос о статусе татар. Их фактическая численность и социальный статус дают основание таким идеям, поэтому отношение татар к обязательному башкирскому языку особое, именно среди татар в Башкортостане больше всего сторонников факультативного его изучения.

6. Татарская молодежь в Республике Башкортостан скорее поддерживает обязательность, а татары средних и старших возрастов — добровольность изучения башкирского языка. Скорее всего, это связано с различиями в восприятии как республиканской языковой политики (для молодых она уже данность), так и с уменьшением актуальности дискурса признания статуса татарского языка третьим государственным языком. Татарский язык в Башкортостане широко представлен и используется, есть национальные школы, татарский язык как родной изучается в обычных школах, существуют татарский театр, СМИ. Однако татарские активисты говорят о недопредставленности их интересов.

7. Башкирский язык как государственный поддерживается региональной языковой политикой, хотя существуют и серьезные проблемы, например, связанные с качеством и лицензированием учебников. Другая проблема — оптимизация школ в рамках реформы образования — коснулась башкирского населения (преимущественно сельского) в большей степени, чем русских и татар. Это дополнительная причина негативной оценки частью общества отмены обязательности изучения башкирского, это расценивается активистами как «атака» на башкирский язык и провоцирует

протесты, например, несанкционированный митинг в сентябре 2017 г., очень крупный для республики (2500 чел.). Башкирский язык воспринимается башкирами как ценность вне зависимости от того, какую позицию по обязательности / добровольности изучения они занимают — свыше 80% называют его родным, то есть язык воспринимается как атрибут собственной этничности.

8. В ХМАО–Югре проводится собственная языковая политика, однако она касается только языков коренных малочисленных народов Севера, т.е. башкирский и татарский языки в школьном образовании не представлены, татарский язык изучается в рамках воскресной школы, причем изучение организовано силами активистов. Хотя регион способен и готов обеспечить изучение языков в качестве родных согласно российскому законодательству, массового запроса на такое изучение со стороны родителей не зафиксировано.

9. При анализе установок по вопросу изучения языков в соответствующих республиках у татар и башкир, проживающих в Югре, выявлено, что башкиры — сторонники обязательности изучения языков в республиках — сильнее ориентированы на традиционные ценности, в частности на уважение людей, имеют более выраженную этническую и религиозную идентичности, острее ощущают угрозу родному языку и культуре. Вероятно, оказывает влияние и тот факт, что удаленность респондентов от Башкортостана и при этом сохранение связей обостряют восприятие, в том числе и идеалистическое представление о том, как должно быть в республике. Ценностная, сентиментальная мотивация в большей степени, чем инструментальная, прагматическая, значима для людей, когда они рассматривают республику как идеальную модель, а не реальные условия жизни.

10. У татар в ХМАО–Югре установки в целом сходны с установками у русских в Югре (например, идентичности, кроме несколько более выраженной этнической). В какой-то мере так происходит потому, что татары в округе имеют гораздо меньше связей с Татарстаном как регионом, не включены в его дискурс, не связывают свое этническое развитие с республикой. Отсюда — реконструкция идеальной модели, своеобразной «земли обетованной» для собственных языка и культуры сильнее не тогда, когда связи с этническим регионом слабые или отсутствуют, а когда такие связи поддерживаются, но собственное будущее с этим регионом не связывается.

ГЛАВА IV

Гражданская идентичность как потенциал межэтнического согласия в обществе

4.1. Доктринальное и дискурсивное пространство укрепления российской гражданской идентичности

Постановка проблемы

Понятие общероссийской общности, появившееся в публичном пространстве постсоветской России, изначально было многосоставным. В тексте Конституции России 1993 г. записано, что она принята от имени многонационального народа Российской Федерации[1]. При раскрытии формулировки в тексте содержались смыслы, позволяющие трактовать общность, которая будет отражаться в гражданской идентичности, поскольку утверждались «права и свободы человека, гражданский мир и согласие», незыблемость демократической основы России, «ответственность за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями». В духе гражданской идентичности утверждался принцип отношения между гражданами и государством: «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» (ст. 3, п.1).

В то же время, в Конституции присутствует понятие «многонациональный народ» и уже это дает основание понимать российскую общность как имеющую не только политическое, гражданское, но и полиэтническое содержание.

Конституция разрабатывалась в сложное время, когда закладывались идеи создания демократического государства, но в стране происходили национальные движения. Чаяния и надежды людей на реализацию не только прав личности как гражданина, но и коллективных интересов людей, воспринимавшихся как ущемленные, понимались как демократические нормы, которые

[1] Конституция Российской Федерации. 12.12.1993 г.

приходилось учитывать. XX век не случайно называют веком меньшинств. Современное общество, которое исходило из идей Великой французской революции — превращения поданных в свободных граждан с равными правами независимо от социальных, расовых, религиозных различий — со временем идею равенства стало трактовать расширительно. Идея равенства стала запросом не только личности, но и групп, ущемленных в правах или воспринимаемых как отличные. «Общество столкнулось с этнической мобилизацией на этой основе» — констатировал в 1977 г. западный социолог Р. Бендикс[1]. Тем более такие идеи не могли не учитываться в России в 1990-х годах при принятии Конституции, а затем и при подписании указа президента России «Концепции государственной национальной политики РФ» в 1996 г. В Концепции национальная политика трактовалась как политика в отношении этнических (национальных) общностей, народов (в этническом значении, включая коренных), национальных меньшинств. В тексте Концепции понятия «многонациональный народ», который можно было бы трактовать как политическая, гражданская нация не было, но присутствовало понятие «многонациональное государство». Сохранилась и консолидирующая идея единства: констатировалось, что в России сохранилась «духовная общность и союз различных народов».

С начала 2000-х годов идея российской общности все заметнее входила в публичное пространство. Прежде всего это было связано с Посланиями президента России Федеральному Собранию. Мы уже неоднократно отмечали, что в Послании Федеральному Собранию в 2000 г. президент В. Путин использовал понятие нация в общероссийском значении и его производные 7 раз, а в 2007 г. — 18[2].

О том, что концепт «государства–нации» прорабатывался во властных структурах, говорит подготовка проектов Закона,

---

[1] *Bendix R.* Nation-Building and Citizenship: Studies of Our Changing Social Order. University of California Press. Berkeley and Los Angeles, California. 1977. 464 p.

[2] Послание Федеральному Собранию. 8 июля 2000 г. [Электронный ресурс]: Президент России. [веб-сайт]. URL: http://Kremlin.ru/events/president/transcripts/21480 (Дата обращения: 01.07.2012); Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 26.04.2007 г. [Электронный ресурс]: Президент России: [веб-сайт]. URL: http://Kremlin.ru/acts/bank/25522 (Дата обращения: 01.07.2018).

который должен был заменить «Концепцию государственной национальной политики». Он назывался «Об основах государственной национальной политики». Первая его версия была подготовлена в 2003 г.[1] В ней содержались принципы равенства прав граждан и народов Российской Федерации на национальное развитие (что по смыслу означало этнокультурное, этническое развитие), но в целом в проекте была этническая доминанта и о нации в гражданском смысле речи не шло.

После обсуждений и переработки проекта Закона в начале 2006 г. он был наполнен новыми смыслами. В тексте говорилось о том, что Закон принимается «в целях обеспечения единства и целостности Российской Федерации, согласования общегосударственных интересов и интересов народов Российской Федерации, утверждения общероссийской идентичности — российской нации». Впервые в доктринальное поле предполагалось ввести не просто смысл, но и понятие «российская нация». Российская нация определялась как «историческая социально-политическая общность многонационального народа России с общей исторической судьбой, совместной созидательной деятельностью по укреплению единого государства». В этом определении неоднозначность понятия сохранялась. С одной стороны, очевидно, что речь идет о социально-политической общности, с другой — общность многонационального народа направлена на «совместную деятельность по укреплению единого государства», что могло прочитываться как «народ для государства», а не «государство для служения народу», что соответствовало бы политической нации демократического государства.

После обсуждения Проект получил новое название «Об основах государственной политики в сфере межэтнических отношений»[2]. В нем Российская нация определялась как «общегражданская

---

[1] Федеральный закон «Об основах государственной национальной политики РФ» No369190–3 (проект). 22.09.2003. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lawmix.ru/law_project.php?id=14582.

[2] Федеральный закон «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации» (проект), [Электронный ресурс]: Федеральное Собрание Российской Федерации. Государственная Дума. Официальный сайт. URL: http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/3A2741584A914D6B432571BB005B7A6E? OpenDocument (Дата обращения: 20.06.2018).

общность, консолидированная на основе единого государства», а многонациональный народ определялся как «общность граждан Российской Федерации различных национальностей, объединенных государственным единством, общими интересами и духовными ценностями и осознающих свою принадлежность к общности — российской нации». Смысл гражданской политической нации в данной редакции был усилен, однако законопроект не был принят Государственной Думой. Было очевидным, что неоднозначность и исторически обусловленная скомбинированность коллективной российской идентичности давала основание усилению разным направлениям в политическом дискурсе. Кроме понимания российской нации как основополагающей для граждан страны, отражающейся в российской идентичности и не отрицающей существование русского, татарского, якутского и других народов страны (В. А. Тишков), существовали и иные представления. Каждый раз при обсуждении законопроектов особое внимание уделялось формулировкам о месте, роли русского народа. В одном из вариантов присутствовало определение его как государствообразующего, которое в ходе обсуждения было заменено формулировкой «Русский народ, самоопределившийся на всей территории Российской Федерации, был и остается социальной, языковой и культурной основой гражданской российской нации».

Однако в политических дебатах в связи с изменившимся этническим составом страны уже присутствовала идея формирования гражданской нации на этнической основе складывания нации государства[1]. Некоторые идеологи эту идею представляли через особую цивилизацию: «...для России политико-культурной моделью является модель государства цивилизации... Россия складывалась не как гражданская нация... Российская нация есть общность тех, кто причастен делу государственного и цивилизационного строительства России. Русский народ является органическим ядром этой общности, а коренные народы, лояльные России — ее полноправными участниками»[2].

---

[1] Такие идеи, например, высказывались во время дебатов на обсуждениях в фонде «Либеральная миссия». URL: http//www.liberal.ru/sitan.asp? Rel=92 (Дата обращения: 20.06.2018).

[2] *Ремизов М.* Проект государство-цивилизация. 02.09.2005. URL: http//www.intelros.org/drevo/remizov.linely.

В 2007 г. появился «Русский проект» Центра социально-консервативной политики, провозглашающий следующие идеи: «под русскими понимаются все граждане России, которые сплачиваются вокруг государственной власти[1], надо заставить государство работать в интересах... русского народа, не обижая другие народы»[2].

Есть основания полагать, что идеи эти выдвигались для привлечения электората в период выборов в Государственную Думу, поскольку по окончании выборов идея Русской нации как объединяющей в себе другие стала уходить из публичного пространства (во всяком случае, она не озвучивалась Единой Россией). В открытом политическом пространстве все чаще присутствовало понятие Российская нация, поддерживаемое официальной властью.

Дело в том, что уже с первой половины 2010-х годов в политологии разрабатывалось и выходило в публичное пространство понятие политической нации в гражданском смысле. В созвучии с работами В. А. Тишкова, который давал определение российской нации комбинированное, объединяющее, включающее и упоминающее этническую составляющую (многонациональный народ), политологи трактовали гражданскую нацию как сообщество граждан страны, самоопределяющееся в ходе политической практики[3]. Гражданская идентичность — осознание гражданами себя как участников такого сообщества — закрепляет и проявляет гражданскую политическую нацию.

Далеко не во всех даже давно существующих демократических государствах функционирует полноценное гражданское общество, но гражданская идентичность есть, и это важно для людей, для их представления о себе в мировом пространстве. Тогда, в 2007 г., В. А. Тишков писал: «В современной ситуации важно, как будет называться в Российской Федерации гражданская нация, понимаемая как историческая и социокультурная общность жителей стра-

---

[1] Организаторами проекта от Единой России былиИван Демушкин, Низрат Исаев, журналист Михаил Леонтьев, от православного журнала «Фом» Владимир Легойда

[2] Русский проект. URL: http://www.qwas.ru/russia/edinros/id_46726/ (Дата обращения: 20.06.2018).

[3] *Паин Э. А.* Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое издательство, 2004. 248 с.

ны. Важно, чтобы эта общность была признана как основополагающая и легитимирующая страну как национальное государство»[1].

В легитимации самого понятия российская нация к тому времени уже можно было опереться на дискурс президента В. Путина, который использовал этот термин не только в Посланиях Федеральному Собранию. На рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений 5 февраля 2004 г. он отмечал: «...мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть... нечто такое, что нас всех объединяет... Это наша историческая и наша сегодняшняя реальность тоже. Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом»[2].Но многосоставность нашей российской нации и идентичности дает основание политическому режиму и конкретным политическим силам опереться то на одну, то на другую составляющую и при подготовке доктринальных документов борьба политических сил за доминанту как правило обостряется. Не случайно Р. Брубейкер концентрирует внимание на разведении формы и содержания проектов «национализирующихся государств». Интегрирующие дискурсы и политические практики могут расходиться[3] и это зависит, прежде всего, от целей, которые в конкретной исторической ситуации ставит перед собой общество и власть.

Мы не случайно совершили исторический экскурс в дискурсивное и доктринальное пространство, предшествующее тому периоду складывания российской идентичности, которое будет отражено в результатах общероссийских и региональных опросов, глубинных интервью и материалах круглых столов, проведенных нами в 2017–2018 годах в регионах России. Сравнение недавнего прошлого и настоящего очевидно показывает, как используется политическими силами многослойность официального содержания

---

[1] *Тишков В. А.* Что есть Россия и Российский народ// Pro et Contra. 2007. № 3. С. 21–41.

[2] *Путин В. В.* Выступление на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений. 5 февраля 2004 г. Чебоксары. [Электронный ресурс]: Президент России. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22349 (Дата обращения: 20.06.2018).

[3] *Brubaker R.* Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States. Ethnic and Racial Studies. 2011. Vol. 34. № 11. P. 1785–1814. http//dx.doi.org110.1080/01419870.2011.579137.

понятия «российская нация», включающего политический, государственный, гражданский и этнокультурный компоненты.

К периоду, непосредственно предшествовавшему нашему исследованию, в доктринальном пространстве уже была принята Стратегия государственной национальной политики (декабрь 2012 г.). В ней отмечается, что целью государственной национальной политики является «упрочнение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации». Среди приоритетных направлений политики названо «укрепление единства и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации)». Кроме того, в Стратегии ставились задачи совершенствования формирования «общероссийского гражданского самосознания», гармонизация межэтнических отношений, предупреждение экстремизма и конфликтов.

В октябре 2016 г. Состоялось заседание Совета по межнациональным отношениям при президенте Российской Федерации, посвященное реализации Стратегии государственной национальной политики, одним из важных вопросов которого стало формирование гражданской идентичности, российской нации. Результатом обсуждения стало поручение президента подготовить проект нормативно-правового акта, регулирующего отношения в сфере укрепления единства многонационального народа России (российской нации)[1]. В связи с этим развернулись дискуссии, которые вернули к обсуждавшимся с начала 2000-х годов вопросам.

В 2012 г. при принятии Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 года положение из Конституции 1993 г. «мы — многонациональный народ России» (российская нация) было включено как компромисс прежде всего с представителями республик. Его они отстаивали при внесении корректив в Стратегию и в 2017–2018 гг.[2], что подчеркивало сложность ситуации.

---

[1] Заседание Совета по межнациональным отношениям. 31 октября 2016. [Электронный ресурс]: Президент России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/53173 (Дата обращения 18.08.2017).

[2] ФАДН было поручено подготовить корректировки в Стратегию государственной политики. Проект этого документа был направлен в субъекты Федерации и научным учреждениям, занимающимся межнациональными (межэтническими) отношениями, откуда и поступили замечания.

Ещё в 2016 г. после заседания Совета по межнациональным отношениям против использования понятия российская нация выступили идеологи русского национализма и представители РПЦ, которые понимают нацию в этнокультурном значении и как этноконфессиональную целостность[1].

Политолог М. В. Ремизов утверждал, что единство нашего общества основано на русской культуре, русском языке и исторической памяти и поэтому ожидать лояльности и патриотизма на основе Конституции, правовых норм, отношения граждан к судам, как это предполагает гражданская нация, крайне сложно. Основу «патриотической лояльности», по его мнению, не могут создать государство, территория, т.к. они меняются: «гражданство Российской Федерации существует после 1991 г., территория — это «осколок Советского Союза», в то время как культура, история соединяет поколения». Под культурой он понимал русскую культуру и русский язык. Они, по мнению М. В. Ремизова и Е. С. Холмогорова, соединяют людей разных национальностей в стране, народы и людей в разных концах страны (территории)[2]. Российской нации противопоставляли «русскую нацию» как основу национального государства политологи, связанные с РПЦ[3]. Их аргументом было то, что русский язык и культура объединяют «русский мир», а российская нация такой объединяющей роли выполнить не может.

Сомнения в гражданской нации выражали и специалисты противоположной — либеральной — этнополитической ориентации.

На Научном совете по проблемам этничности и межэтнических отношений при Президиуме РАН были предложения уйти от двойной трактовки нации и убрать определение «многонациональный российский народ (российская нация)», оставив просто определение российская нация, политическая нация.

---

[1] Декларация русской идентичности. 2014. [Электронный ресурс]: Московский патриархат. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/508347.html (Дата обращения 18.08.2017).

[2] Телеканал «Культура». Выпуск передачи «Что делать?» от 12 декабря 2016 г. «Нужен ли закон «о российской нации» народам России и русскому народу в частности».

[3] Единство нации не выдержало критики. [Электронный ресурс]: «Коммерсант» 7 марта 2017 г. URL: http://www.kommersant.ru/doc/3235995; *Шипков А. В.* В поисках царства правды // Литературная газета. 4 февраля 2017 г.

В результате экспертные группы на Научном совете при Президиуме РАН и ФАДН согласились с тем, что российская нация на данном этапе исторического развития страны и этнополитической ситуации может быть определена как «Российская нация – сообщество свободных, равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, осознающих свою государственную и гражданскую общность с российским государством, приверженность принципам и нормам правового государства, необходимость соблюдения гражданских прав и обязанностей, приоритета общественных интересов над групповыми».

Редакция этого определения, естественно, может быть откорректирована в процессе его подписания президентом России, но основные смыслы останутся.

В ходе нашего исследования мы постараемся раскрыть, насколько российская нация и отражающаяся в сознании людей идентичность является гражданской, какие представления, ценности, цели консолидируют людей, что общего и особенного в российской идентичности у людей, живущих в республиках и областях, разных типах поселения и уровне их полиэтничности, у людей разных национальностей. В данном исследовании покажем на примере башкир, русских и татар различаются ли российская и этническая идентичности у людей, если они живут в республиках или за их пределами, а в других разделах рассмотрим отличается ли российская идентичность у православных и мусульман.

Эмпирическая база и методология

Эмпирической базой анализа явились результаты опросов по презентируемому в данной книге проекту, а также данные общероссийских опросов RLMS-HSE за 2015 г., ВЦИОМ за 2016 и 2017 гг. и Института социологии ФНИСЦ РАН[1] (первая–седьмая волны 2014–2017 гг.).

[1] Проект РНФ «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, социокультурном и этнорелигиозном контексте». Рук. М. К. Горшков. Выборка 4000 ед. наблюдения в 19 субъектах Российской Федерации.

Методологически анализ осуществлялся на основе нормативно-ценностной концепции М. Вебера[1], его идей о коллективных представлениях, убеждениях, целях, ценностях, которые дают основание для понимания осознаваемой идентичности; функциональной (или неофункциональной) концепции, развитой Т. Парсонсом[2], акцентирующей роль политических акторов в социальных взаимодействиях и интересов участников интеграции; и коммуникативной концепции К. Дейча[3], в которой содержатся идеи об отношениях между обществом и государством. Анализ также опирался на подходы Г. Тэджфела и Дж. Тернера, Д. Г. Мида, Э. Эриксона, Ч. Тилли, касающиеся механизмов протекания процессов социальной категоризации и идентификации[4].

Российская идентичность — это не индивидуальная, а коллективная идентичность, поэтому в опросном листе респондентов просили ответить на вопрос не «кто я?» по тесту Мак-Партленда, как это делал в некоторых опросах, например ВЦИОМ, а про кого люди могут сказать «это — мы» и дальше шли перечисления: «люди того же достатка», «той же профессии», «мы — граждане России», «люди той же национальности», «жители Вашего города/села», «люди Вашей веры, того же вероисповедования, что и Вы», «люди тех же взглядов на жизнь» для того чтобы выявить место гражданской идентичности среди других видов идентичностей. Кроме того, задавался вопрос: «Кем Вы себя чувствуете в большей мере: скорее человеком своей национальности или скорее россиянином?».

Для раскрытия содержания российской идентичности индикатором были ответы на вопрос «Что Вас больше всего объединяет со всеми гражданами страны?», ответы на вопросы о доверии институтам власти и окружающим людям, о личном участии в гражданской активности, о равенстве людей независимо от национальности в нашем государстве, о межэтническом согласии как характеристике отношений в обществе.

Гражданская идентичность — это коллективная идентичность, скрепляющая людей разных национальностей, социального, эко-

---

[1] *Weber M.* Economy and Society. New York: Bedminster Press. 1968. V.I. 389 p.

[2] *Parsons T.* The Social System. London: Routledge. 1991. 575 p.

[3] *Deutsch K.* Nationalism and Its Alternatives. New York: Knopf. 1969. 445 p.

[4] *Дробижева Л. М.* Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 7–31.

номического, социокультурного положения, взаимодействующих в составе политической нации. Работая над проектом, автору уже приходилось писать о политических характеристиках гражданской идентичности[1]. После выхода энциклопедического издания «Идентичность: Личность, общество, политика»[2], мы рады солидаризироваться с С. П. Перегудовым в том, что гражданская идентичность проявляется в приверженности граждан принципам и нормам правового государства и демократического политического представительства, осознании своих гражданских прав и обязанностей, ответственности, свободы личности, признания приоритета общественных интересов перед узкогрупповыми[3]. Это все те составляющие ***общества и государства***, с которыми люди отождествляют себя в гражданской идентичности. Далеко не во всех давно существующих демократиях люди целиком разделяют и осуществляют все нормы и ценности гражданского общества. Об этом можно судить хотя бы потому, что в сравнительных международных исследованиях (например, в Европейском социальном исследовании (ESS)) включены не все индикаторы гражданской идентичности[4].

Рассмотрим российскую идентичность в общероссийском и региональных вариантах на основе проведенных опросов.

---

[1] Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества: [монография] / Отв. ред. Л. М. Дробижева; Институт социологии РАН. М.: Институт социологии РАН. С. 65–67.

[2] Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И. С. Семененко. М.: «Весь Мир»,2017.992 с.

[3] Там же. С. 163.

[4] Основными индикаторами в ESS являлись некоторые ценности и ощущение чувства ответственности за дела в стране.

4.2. Российская идентичность: масштаб консолидации, сила связи и динамика среди других коллективных идентичностей

Одной из главных характеристик российской идентичности (как и других коллективных идентичностей) является масштаб консолидации и сила ассоциированности с ней у граждан. Накануне наших исследований в Республике Башкортостан и ХМАО данные ВЦИОМ за 2016 г. о доли лиц с российской идентичностью практически совпали (различие в 1–2 п.п.) с данными «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)»[1] и данными Института социологии ФНИСЦ РАН за 2015 г. и составили 75–80%. Российская идентичность, по данным ВЦИОМ, в среднем по России составляла в 2017 г.84%, а граждане с актуальной (часто ощущающих связь) или сильной (ощущают сильную связь) идентичностью составили до трети опрошенных. При этом среди русских таковых 35%, а среди других национальностей — 44%. Надо иметь в виду, что в общероссийских опросах среди тех, кто входит в группировку «другие национальности» попадают главным образом нерусские, живущие дисперсно в краях и областях с доминирующим русским населением. Многие из них живут в этих областях давно, меньше чувствуют свою этничность, а во время опросов нередко хотят подчеркнуть именно свою российскость.

В опросах Института социологии ФНИСЦ РАН в 2017 г. доля ощущающих сильную связь с гражданами России была ближе

[1] В опросах RLMS-HSE ассоциированная российская идентичность фиксировалась через ответы респондентов, которые согласны были с тем, что часто ощущают связь с гражданами России и доля таких людей в 2015 г. составляла 26%.

к данным ВЦИОМ. Различия в данных зависят прежде всего от объема выборочной совокупности опрашиваемых, районов исследования и некоторых других параметров.

Влияние этнического состава регионов

Попытаемся оценить состояние российской идентичности в зависимости от полиэтничности субъектов Федерации. Наиболее весомое представительство национальностей наблюдается в Республике Башкортостан, наиболее активное прибытие полиэтнического мигрантского притока — в ХМАО, наименее полиэтничный регион с превалирующим русским населением и с не самым высоким притоком инонационального населения в нашем исследовании — Калининградская область.

Как видно из данных таблицы 4.2.1, российская идентичность распространена во всех трех регионах достаточно широко и даже в более полиэтничной Республике Башкортостан близка к общероссийским данным.

Таблица 4.2.1

Распространение и сила связи с российской идентичностью в массовом сознании в регионах России, *в % к опрошенным*

Ощущение близости с гражданами России	Республика Башкортостан				Ханты-Мансийский автономный округ			Калининградская область		
	Башкиры	Татары	Русские	Всего	Русские	Татары, башкиры	Всего	Русские	Другие национальности	Всего
В значительной степени	27,7	31	27	28,5	38	50	45	51,3	56,6	51
В некоторой степени	56,3	51	51	52,9	53	40	45,4	39,6	40,6	39,9
Не ощущаю близости	16	17,9	21,7	18,6	8,5	10	9,5	6,3	4,9	5,8
Затруднились с ответом	-	-	-	-	0,4	-	0,2	2,9	3,9	3,2

Но все же в ХМАО и Калининградской области жители чаще ассоциируют себя с гражданами России. Данные по этим субъектам Федерации совпали: в них 91% идентифицирует себя с россиянами. В Башкортостане их доля составляет 81,4%. Граждан, ощущающих такую связь в значительной степени в ХМАО и Калининградской области также больше (45, 51% соответственно против 28,5% в Башкортостане). Казалось бы, русские в условиях значительного инонационального окружения (в Башкортостане башкиры и татары составляют более половины населения) должны больше ощущать свою «русскость» и «российскость», тем не менее с людьми своей национальности сильную связь ощущали среди них 26%, среди башкир и татар такую связь ощущали 34,5 и 34%, а сильную связь с гражданами России — 27%, в то время как в ХМАО и Калининградской области такая связь была у 38 и 51% русских соответственно. Таким образом, сложность полиэтничности контактов не оказывает заметного позитивного воздействия на расширение круга людей, осознающих себя гражданским сообществом России.

Влияет ли на этот процесс религиозная принадлежность жителей регионов? Больше всего жителей мусульманской культуры присутствует из всех регионов исследования в составе населения Башкортостана. Но среди башкир и татар в этой республике людей с российской идентичностью и сильно её чувствующих отнюдь не меньше, чем среди русских (82–84% при 27–31% сильно чувствующих её среди татар, башкир, при 78 и 27% соответственно среди русских, см. табл. 4.2.1).

Следует также отметить, что среди татар и башкир, живущих в ХМАО, российская идентичность заметно выше, чем в Башкирии — на 8 п.п. и ощущающих сильную связь с гражданами России также на 12п.п. больше, чем среди русских (см. табл. 4.2.1).

И в Башкортостане, и в ХМАО верующие люди заметно чаще в значительной степени ощущают свою российскую идентичность, чем неверующие: более 50% при 10–19% среди неверующих (χ-квадрат — 0,000). Причем сильных различий в этом отношении между русскими, башкирами и татарами не прослеживается, т.е. такая связь обнаруживается и среди православных, и среди мусульман.

Таким образом, представления о том, что российская идентичность будет легче восприниматься русскими не подтверждается исследованием. И более широкое распространение российской идентичности в регионах с доминирующим русским населением (ХМАО, Калининградская область) связано не с этническим составом населения, а с иными факторами политического и социального характера.

Рассмотрим такую значимую характеристику общественного согласия, как место российской идентичности среди других наиболее массовых коллективных идентичностей.

Динамика российской идентичности в иерархии коллективных идентичностей

В целом по стране наиболее массовой и устойчивой в 2000-е годы была идентификация людей по поколениям, по профессиям, по национальности и месту жительства (см. табл. 4.2.2), которая удерживалась на уровне 87–95%.

Гражданская, российская идентичность выросла за 2000-е годы у россиян с 65 до 75% в 2015 г., и как мы уже фиксировали до 80–84% в конце 2017–начале 2018 г. Она не лидировала в иерархии идентичностей, но все же была в ряду самых массовых, распространенных идентичностей и наиболее динамичной среди них (с 2005 г. она выросла на 19 п.п.) (табл. 4.2.2).

Не столь динамичной, но все же заметно возросшей была региональная идентичность — представления «мы — жители края, республики, области», что связано не только с проявившимся в 2000-е годы стремлением к оформлению своего брендинга, локального патриотизма, но и формированием чувства малой Родины как части России.

Важным с точки зрения сопоставления значимости коллективных идентичностей было то, что этническая идентичность, имевшая существенную приоритетность в массовом сознании перед российской (в 20 п.п.), теперь существенно с ней сблизилась (различаются на 7 п.п), что подтверждает вывод о совместимости российской и этнической идентичности (естественно, в случае не гиперболизации каждой из них).

Таблица 4.2.2

Динамика гражданской идентичности среди других коллективных идентичностей. Ответы на вопрос: «О ком Вы можете сказать: "Это мы"», 2005 и 2015 гг., *в%, к опрошенным**

Ощущение связи, единства	Интенсивность идентификаций							
	Часто		Иногда		Никогда		Затрудн. с ответом	
	2005	2015	2005	2015	2005	2015	2005	2015
С людьми Вашего поколения	62	62	32	33	1,4	3	4,6	3
С людьми той же профессии, рода занятий	55	55	32	33	6	7	6	5
Со всеми гражданами России	20	26	45	49	19	14	16	11
С жителями Вашего края, республики, области	25	31	49	50	13	10	13	9
С теми, кто живет в том же городе, селе	40	43	49	47	5	5	6	5
С людьми Вашей национальности	42	48	43	43	6	4	9	5
С людьми того же достатка, что и Вы	45	47	42*	41	5	6	8	7
С людьми близкими Вам по политическим взглядам	23	29	37	39	18	16	23	15

*Данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ–ВШЭ (RLMS-HSE)» за 2005–2015 гг.

В ходе первого этапа нашего исследования, углубляя общероссийские представления о гражданской идентичности, мы установили, что в пограничных районах (Астраханская, Калининградская области) гражданская идентичность основана на достаточно высокой солидаризации (доля людей, ощущающих сильную связь, была более 40–50%, в то время как в России в целом не более 30%).

Гражданская идентичность в этих регионах была равнозначна этнической и локальной, региональной идентичностям.

Новые регионы исследования — Башкортостан и ХМАО — представляли интерес не только с точки зрения регионов с высокой контактностью людей разных этнокультурных групп (русских, башкир, татар), но и особенностью проживания татар и башкир в республиках и вне их. Можно было ожидать, что в республике уровень этнической солидарности будет выше, и это отразится на общероссийской идентичности не в лучшую сторону. Однако оказалось, что в республике с высокой этноконтактностью российская идентичность так же, как в стране в целом в иерархии идентичностей в настоящее время не проигрывает другим наиболее массовым коллективным идентичностям. Она распространена среди 81% башкортостанцев при 76–84% консолидирующихся по достатку и профессии. И не меньше граждан идентифицировали себя по этничности (национальности) — 79%. Гражданская идентичность при этом по распространенности среди башкир, татар и русских в республике не только незначительно отличается по национальностям — 84, 82 и 78% соответственно, но и от их этнической идентичности.

В ХМАО русские присутствуют в доминирующем большинстве, но среди них много либо приехавших, либо из семей мигрантов и они живут и работают чаще всего в общении с татарами, башкирами, азербайджанцами, чеченцами, часть которых уже давно живут в ХМАО и чувствуют себя местными жителями. С жителями ХМАО ассоциируют себя 89% населения, при этом ощущающих связь с гражданами России в округе не меньше, чем в среднем по стране — 91%. Но интересно другое — то, что среди башкир и татар, живущих здесь, ощущающих связь по национальности практически столько же, сколько и в Башкортостане и Татарстане (90–94%). При этом гражданская идентичность по массовости у них такая же, как у русских в ХМАО и совсем малозаметно выше, чем в республике — 86% (82–84% у татар и башкир в Башкортостане).

Таким образом, иерархия идентичностей, место гражданской идентичности среди других массовых коллективных идентичностей практически не зависит от уровня полиэтничности региона, а у национальностей — во всяком случае у башкир и татар — от проживания в республике или области.

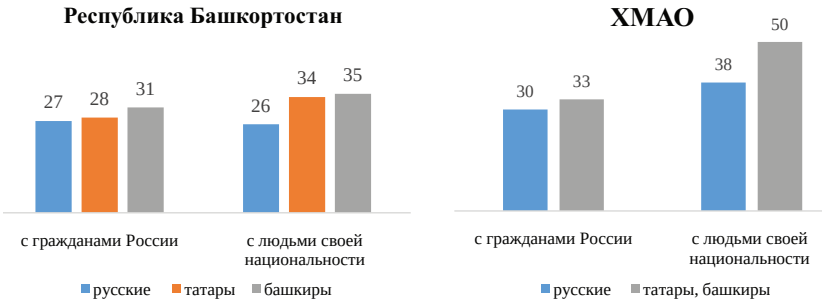


Рис.4.2.1. Ощущение сильной связи с гражданами России и по национальному признаку у людей разной национальности в республике Башкортостан и в ХМАО, *в % к опрошенным*

Отличаются идентичности по силе связи. У русских доля людей, ощущающих сильную связь с гражданами России и людьми своей национальности практически не отличается ни в Башкортостане, ни в ХМАО, ни в Калининграде. А у башкир, татар доля ощущающих сильную связь с людьми своей национальности больше, чем чувствующих такую связь с гражданами России, причем это мало заметно у башкир в Республике Башкортостан (на 4 п.п.), но совершенно очевидно у татар и башкир в ХМАО (на 17 п.п.) (см. рис. 4.2.1).

4.3. Российская и региональная идентичность в представлениях региональных экспертов

Сравнительный региональный анализ убедительно показывает значимость такой аналитики и необходимость валидизации количественных данных. Казалось бы, ХМАО и Калининградская область — территории с доминирующим русским населением (62 и 82% соответственно), однако русские в Калининградском эксклаве чувствуют себя более сплоченными и как россияне (ощущают близость с гражданами России в значительной степени — 51%), и по этничности как русские (54%), чем русские в ХМАО. Близкую связь с людьми по этим признакам ощущают 30 и 38%соответственно). И ещё реже близкую связь с людьми своей национальности и с гражданами России ощущают русские в Башкортостане (26 и 27% соответственно).

Калининградчане — жители Калининградской области[1] — наши граждане, которые живут в окружении других государств, что во многом объясняет их постоянные сравнения себя с гражданами Польши, Литвы, Белоруссии. Мы убедились в этом, работая в полевых условиях. Таксисты и обслуживающий персонал в гостинице, музейные работники, преподаватели вузов и работники администрации убеждали нас в том, что они чувствуют себя россиянами: «Мы — мост с Европой», «Мы — лицо России для Запада». В Калининграде, Солнечногорске можно увидеть вывески «Российский янтарь», «Русское золото», «Русский хлеб». В интервью очень часто прослеживались сопоставления: *«У нас работу легче найти, чем в Литве, но в Литве надежнее медицина», «Поляки гордятся своим государством, а мы простые, открытые, вот к нам*

[1] Себя они так редко называют, чаще именуют Калининградцами, хотя не все живут в городе Калининград.

и едут», «Мало кто сказал бы, что я не идентифицирую себя со своим государством, и народ понимаем как государственное сообщество», «Почти в каждой семье кто-то бывал в Польше, в других странах». Таким образом, в повседневной жизни калининградцев присутствуют страновые, государственные сопоставления и это поддерживает на повседневном уровне их представление о себе как россиянах.

Но поскольку для многих жителей области съездить в российские города дороже, чем на выходные отправиться в Польшу, и, кроме того, жители Калиниградского эксклава хорошо осведомлены о мечтаниях западных соседей вернуть эту территорию, власти региона специально заботятся о поддержании сознания «российскости».

Председатель Областной Думы Калининградской области рассказывала, что *«и до принятия "Стратегии государственной национальной политики" (т.е. до 2012 г.) мы всегда думали и чувствовали, что надо заботиться о формировании у наших граждан чувства принадлежности к России. А после принятия Стратегии просто старались всякие специальные мероприятия проводить, но самое главное вообще слова эти произносить «мы граждане России»... «Мы заботимся, чтобы... было общее российское сознание»*.

Государство в таких пограничных и тем более эксклавных территориях является значимым объектом соотнесения себя с коллективным социальным целым. В таких условиях государственная и гражданская идентичность чаще совмещаются, в том числе и потому, что само гражданство осознается намного актуальнее. Зарубежные исследователи, изучавшие глобализирующиеся общества, приходили к выводу о том, что государство в мире открытых территориальных границ и информаций зачастую становится условным домом для индивидов[1]. Отечественная исследователь А. Г. Санина, изучая идентичности, пишет о «двумерности» российской идентичности, едином поле социальных и социально-политических процессов в государственной и гражданской идентичности[2]. Есть

---

[1] *Pease D. E.* The Global Homland State: Bush's Biopolitical Settlement// Boundary. 2003. № 2; *Frienman T. L.* The World Is Flat: A Briet History of the Twent-First Centry. NewYork: Farrar, StrausandGiroux, 2005.

[2] *Санина А. Г.* Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 57–65.

основания полагать, что именно выраженная пограничность, усиливая государственные сопоставления, стимулирует российскую ассоциативность и солидаризацию.

В ХМАО ситуация иная. Суровая природа и сложные коммуникации с другими регионами России исторически способствовали осознанию отдаленности, особости региона. В музее и школе, в общественных объединениях (НКА), Министерстве образования и тем более в мэрии рассказывают о сложностях освоения области, о климатических трудностях проживания, об исторической связанности прошлого, досоветского, советского и настоящего. История и повседневная культура борьбы за проживание на трудноосваиваемой территории сформировало у Югорчан сознание особости и определенной, идущей из прошлого, отдаленности. Поэтому в разговорах нередко югорчане говорят «там», «там на материке».

В ходе интервьюирования экспертов, дискуссиях на круглых столах и просто разговаривая с людьми во время пребывания в Югре, мы фиксировали наиболее часто встречавшиеся описания, определения, стереотипные представления, обобщенные собирательные образы. Чаще всего это были леса, реки, снег, медведи, трудовое освоение края, сила, ресурс, своя история.

Удивительным было то, что в целом это вполне укладывается в символические цвета Югры — зеленый и синий — цвет леса и воды, белый — цвет снега, золотой — символ славного прошлого, красный — символ жизни. В гимне Югры есть слова «седой богатырь ... свой дух возродил величаво», «Опора России — Урал и Сибирь», «Югра многоликая, делами великая». Есть и такие слова в гимне, как «Опора России». И действительно, в стереотипных описаниях югорцы это те, кто «добывают для России», «делают для России», составляют «оборонную силу России», «безопасность Югры — это безопасность России», но чаще звучит не «мы — Россия», а «мы для России». Связанность с российской идентичностью есть, и региональная идентичность по силе примерно такая же, как российская (35 и 32% соответственно) и как в России в целом, но меньше чем в Калининградской области.

Сильная югорская идентичность поддерживается представлениями об угрозах в виде конструкции опасностей — опасности «наплыва таких мигрантов, которые прибывают сейчас в европей-

ские страны», внешней военной опасности, о которой слышат по центральному телевидению, подчеркивая при этом, что «мы район стратегически важный». О последствиях таких представлений писал С. Хантингтон применительно к американскому обществу: «пока американцы считают, что их стране угрожает опасность, национальная идентичность остается весьма высокой, если же чувство опасности притупляется, прочие идентичности вновь берут верх над идентичностью национальной»[1] (имеется в виду идентичность граждан США). В России в целом внешний фактор в настоящее время является стимулом, интегрирующим значительные слои общества. В регионах он становится разным по силе ресурсом российской идентичности и своеобразным по восприятию в регионах, что и можно было наблюдать в основном в дискурсе акторов, конструирующих идентичность.

Квалифицированный эксперт в Ханты-Мансийске полагает: *«Есть какой-то враг далеко, он внешний. А внутренний (имеется в виду сепаратизм на Северном Кавказе), он ... реабилитировал себя ... абсолютной поддержкой политики Путина ... консолидация общества, она пошла, но она по-другому идет здесь, чем в Москве, чем в маргинализированных промышленных городах, где люди... испытывают какую-то злость... здесь этого нет. Консолидация идет на позитивных ценностях. Есть такой слоган «Югра — энергетическое сердце России»... благодаря во многом усилиям Правительства Югры очень многое сделано, чтобы югорчане обращали внимание на историю своих муниципалитетов, культурно-историческое просвещение, патриотическое просвещение... У всех идея о том, что Родина — это не крик, вопль о том, что я патриот, а Родина, она... начинается со своей семьи, двора, улицы, города, региона, России... И все это Родина, различные уровни её». «Региональный патриотизм... он в Югре невероятно силен, очень силен..., люди, которые приезжают, они тоже через некоторое время начинают его осваивать, это вот то, что называется магнетическое тяготение Севера»*. Эксперт сам патриот действий. Но даже по мнению этого опытного специалиста, понятие «россиянин» *«было искусственным образом внедрено в девяностые годы... Здесь, в Югре, в семинарских тренингах сразу*

[1] *Хантингтон С.* Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. С. 16–17.

объясняю, что русским является человек, который воспитан на русской культурно-цивилизационной матрице, на традиционных фундаментальных русских ценностях, на русской литературе, советском кинематографе и мультфильмах. «Русским является тот, кто смотрел «Чебурашку» и «Кота Леопольда». Региональное и неэтническое представление о «русском» экспертом преподносится вполне определенно, но понимания именно гражданского общероссийского сознания в его интервью не прослеживается.

Но в выступлениях специалистов на «Круглом столе» в Сургутском государственном педагогическом университете отмечалось такое понимание идентичности: *«Идентичность по отношению к государству, принадлежность к государству и России естественно. Исторические обстоятельства так складывались. И второй момент (это я о гражданской идентичности) — ответственность за дела в стране. Мне представляется, что наше государство в этом смысле должно активнее граждан привлекать к решению этих проблем... У нас идентичность... должна формироваться, конечно, как гражданская идентичность, которая не подавляет национальное (в смысле этническое) самосознание гражданина, но позволяет ему сосуществовать со своей гражданской сущностью»*.

Мнение первого эксперта о российской идентичности как идентичности русских в расширительном толковании как всех присоединяющихся к русской культуре не было поддержано ни на круглом столе в Сургутском государственном педагогическом университете, ни при обсуждении этого вопроса с музейными работниками в Ханты-Мансийске: «Политические нюансы проходят, а народ остается». По мнению специалиста–филолога: *«Мы не должны бояться говорить о русской культуре... иначе о русских будут говорить "русские пробежки" и русские организации. Но и понимать должны, что русские осознают себя русскими и россиянами, и украинцы* (имелись ввиду украинцы, живущие в ХМАО) *многие осознают себя* ***гражданами России*** (выделено нами) *прежде всего»*.

Протоиерей православной церкви в ХМАО рассказывал: *«проходят встречи с родителями четвероклассников. Батюшка объясняет... что такое основы православной культуры и родители настраиваются воспитывать достойных граждан своего Отечества... Понятие русский мир несколько шире, чем национальность — русский. Это уже ближе именно к России, то, что связано с Россией...*

Легойда, он же умнейший человек, он определенным образом транслирует сегодняшние парадигмы... Немного они политизированы».

Очень интересно мнение другого авторитетного в ХМАО православного священника о заявлениях Православного Собора: *«Может быть, в какой-то степени... это ностальгия по прошедшим временам российской империи, когда христианство было государственной религией. Возможно, это желание возродить былое величие... Но все-таки по Конституции, с точки зрения светской, наше государство является многонациональным, многорелигиозным и должно это восприниматься не как недостаток, а как преимущество. Здесь можно сравнить с драгоценным камнем, который имеет очень много граней, каждая грань по-своему сверкает».*

Музейные работники рассказывали: *«И перед людьми из коренных малочисленных народов стоит вопрос "ассоциировать себя с русскими или отстаивать гражданскую позицию и ассоциировать себя с россиянами, в общем не просто там русский, а именно россиянин". Нас объединяют общие ценности с точки зрения единства нашей нации (в гражданском смысле). Как только не будет этих ценностей, как только не будет почитания таких праздников общих, как 9 мая, которые для российских граждан являются святыми, будет легко разрушить единство нашего государства».*

Конечно, даже работники гуманитарной сферы, например, сотрудники библиотеки, не всегда четко разделяют российскую гражданскую идентичность и русскую. Вот выдержка из одного подобного интервью: *«Российская идентичность — это желание считать себя частью русского народа, российского, опять же русского российского народа... споры по поводу гражданства, патриотизма, они по большому счету бесполезны. Человек, который считает себя гражданином России, он должен знать, уважать язык, литературу и историю страны... Нас как россиян объединяет, наверное, общий дом. У нас много разных национальностей, много культур... мотивация...как-то жить вместе, под одним небом — вот это хороший стимулятор, на самом деле».*

Дискуссии, которые шли вокруг понимания российской идентичности в Центре, как видим, находили отклик в регионах. Но и здесь был трезвый научно-практический подход, который находил понимание и у неспециалистов. Так, в татарской НКА общественники отмечали: *«Россияне — это не национальность.*

Россияне — это народ. Многонациональный, многоконфессиональный народ». Старейшина в Дагестанской автономии призывал: *«Надо, чтобы дома, в семье, от детского сада до вузов молодые люди слышали: "Мы все, все граждане одной великой державы России"»*. А руководитель чеченской общины говорил: *«Конечно, теперь чеченцы и в республике, а тем более здесь чувствуют себя россиянами. Это проявляется через региональную Сургутскую идентичность. Мы все стараемся сделать для этого»*.

В ходе работы круглых столов и бесед в общественных объединениях в ХМАО не было заметно акцентации внимания на российской идентичности. Речь шла о сильной региональной идентичности югорчан, но с пониманием того, что регион — часть России. Однако акцентация внимания на российской нации, российской идентичности как составной части идеологемы единства российского народа не осталась незамеченной управленческим аппаратом округа. В министерстве образования нам подарили книгу «Мы в Российской Федерации», которую губернатор Наталья Владимировна Комарова лично вручает школьникам и в которой первоклассники знакомятся с символами России: с гербом, флагом, территорией России, местом в ней ХМАО, его природой, богатствами округа. И этот жест транслируется в округе, становится примером для муниципальных руководителей. Возможно со временем это станет стимулом, компенсирующим слабое присутствие общероссийской символики в визуальном пространстве округа (см. Главу IX).

Для республик тема регион–центр более чувствительная. Их прошлое положение (в 1990-х годах) корректировалось в условиях укрепления вертикали власти в 2000-е годы. В период выборных компаний всегда находятся политики, желающие привлечь на свою строну электорат за счет подогревания опасности сепаратизма. Башкортостан интересен для изучения идентичностей не только периодически актуализирующимся прошлым и тем, что эта территория с наиболее высокой теоретической вероятностью межэтнического общения, но и весомым представительством мусульманской уммы и соседством с Татарстаном — республикой, с которой у башкортостанцев негласно идет сравнение и по социально-экономическим параметрам, и по культурным (сохранение языка, культуры), и по реакциям на этнополитические события.

Опросы в Башкортостане проходили в 2017 г., когда в республиках реализовывалось указание президента России о прокурорских проверках добровольности изучения государственных языков республик и родных языков. Башкиры в немалой степени восприняли эти меры как ущемление их языка, что привело в сентябре 2017 г. к массовым митингам (до 2000 человек) в защиту башкирского языка. Русские же были довольны возможностью свободного выбора и увеличения часов изучения русского. И это отражалось в деятельности русских организаций. Представитель Русского Собора рассказывал, что цель у них всегда была одна: *«сохранение и возрождение культурного наследия... Стали думать о проведении научно-практической конференции "Русский язык: история и современность"... Мы проводим такие конференции. Это много нам дало... У нас 70 муниципальных образований, в каждом есть отделение. Собор представляет внушительную организацию — около 10 тысяч активистов*[1]*... Здесь стали бушевать такие страсти (имеются в виду общественные акции в защиту добровольности изучения башкирского языка как государственного и увеличение часов на изучение русского как родного)»*.

По данному вопросу татары разделились в мнениях, но большинство было за добровольность изучения государственного языка республик и свободный выбор родного. В какой-то мере эта ситуация отразилась на восприятии российской гражданской идентичности. Как мы отмечали, она в Башкортостане была близкой к общероссийской (81%, в России в целом 84%), но меньшей чем в Калининградской области (91%) или в ХМАО (87%), а доля ощущающих близкую связь по национальности у башкир была на 7 п.п. больше, чем с российской идентичностью, в то время как у русских и татар они были одинаковыми — 31–34% у татар и 27–28% у русских. Руководством республики общероссийская идентичность поддерживалась. Глава республики Р. Хамитов в ходе интервью пояснял: *«Я ничего дурного, как Говорухин, не вижу в слове "россиянин" и свободно всегда говорю: "Мы–россияне". Но каждый народ свою культуру, традиции чтит. Хорошие традиции и язык надо*

[1] «Финансовая поддержка шла от грантов: выиграли грант Президента Российской Федерации, Министерства труда, Центр стратегических инициатив и т.д.».

хранить, но насильно обучать никакому языку нельзя. Мы стараемся, чтобы люди разных национальностей чувствовали, что они не забыты. Но главное — в экономике, в успехе людей. Надо обеспечить людей работой и адекватной их труду оплатой. Тогда они будут смотреть без страха, с надеждой на свое Отечество».

Авторитетные ученые в республике понимали, что необходимо постепенно снимать тормозящее представление о том, что российской идентичностью хотят подменить национальность людей. Президент Академии наук Республики Башкортостан академик А. Гиязов отмечал: *«О российской нации надо в диалоге разъяснять, что никто гражданской идентичностью, общероссийской нацией нашу национальность башкир, татар, русских не ущемляет... Принципы гражданской нации — свобода, не дискриминация прав человека, это все нужно и для каждого народа. Наша большая гражданская ответственность может помочь все дела решать во имя всех народов и каждого из них. Но надо, чтобы люди это видели конкретно, чувствовали в своей жизни».* А вот мнение специалиста–политолога из Башкортостана: *«Россиянами, наверное, мы себя чувствуем все, но каждый осознает это по-разному. Для одних — это просто признание гражданства, для другого это какая-то связь со страной, с соотечественниками, представление о россиянах».*

Этнополитологи акцентировали внимание на необходимости теоретической разработки самого концепта российской нации, отражением которой является российская идентичность. На круглом столе в Уфе (июнь 2017 г.) специалист из Института гуманитарных исследований Республики Башкортостан ставил вопрос о том, что в 2016 г. после заседания Совета по межнациональным отношениям при президенте России в Астрахани речь шла *«об усилении, укреплении общегражданской нации, а не о создании политической российской нации. Это все-таки две разные вещи... В этом был элемент раскола, потому что национальные республики восприняли это как нападки на свою этническую идентичность. Русским националистам это тоже не понравилось...».* Политическая нация, по его мнению, *«это устоявшийся конструкт в западной науке. Его нельзя при помощи законодательных актов сделать. Но курс на укрепление гражданской нации, который сейчас исходит от Федерального Центра, он понятен и во многом это находит поддержку, в том числе в регионах, что немаловажно».*

Естественно, специалистов–экспертов заботит, что лежит в основе представлений о «российскости». Прежде всего, кроме общего законодательного пространства, Конституции Российской Федерации, они обращаются к истории и культуре. Но тут тоже возникают недоработанные учеными вопросы: *«Есть ли в России общая культура или Россия представляет собой совокупность разных культур? Если есть общая российская культура, тогда есть основание говорить о разных — этнических, национальных вариантах этой самой общей культуры. Если так, то тогда говорить о российской нации имеет смысл»*. Если этого нет, то тогда, по мнению одного из ученых, *«у нас есть лишь разные миры, которые объединены формально государством»*. В этой связи рассматривалось и предложение о Законе о русской нации. Мнение выступавших по этому вопросу сводилось к тому, что можно говорить о цементирующей роли русского народа, русской культуры: *«Набор ценностей русской культуры и набор ценностей других культур пересекаются и эта область пересечения будет общей культурой. Их нельзя разделять... основа российской нации — общая культура»*.

Еще одну возможность укрепления общероссийской гражданской нации и идентичности эксперты видели в «кооперативной модели сотрудничества с наиболее распространенными религиями, конфессиями». *«Складывающаяся модель оптимальна тем, что это светское государство... и в то же время в сотрудничестве учитывается этноконфессиональное разнообразие»*. Однако вполне закономерно возникает вопрос, насколько и как можно использовать ресурсы религиозных организаций в формировании общероссийской нации и идентичности? Пока мы готовы, по мнению участвующих в упоминавшемся круглом столе, к кооперативной модели, при которой религиозные объединения также действуют в рамках стратегического социального партнерства. *«Мы поддерживаем основные конфессии, традиционные для Республики Башкортостан — это ислам и православие в рамках развития социального партнерства»*. Эту позицию поддержал и православный священник: *«Сегодня декларированные братские взаимоотношения играют позитивную социально-общественную роль в вопросе формирования гражданской идентичности»*.

Естественно, не по всем вопросам можно договориться. Наши респонденты, например, говорили о конфронтационных вопросах

в героике. В Башкортостане есть орден Салавата Юлаева, но один из представителей Русского Собора не захотел бы его получить: *«Салават Юлаев вешал русских офицеров... он был разбойник и вор, но он национальный герой... Всемирно известный Нуриев... У нас его не очень воспринимают, он ничего не принес отечественному балету, все для Франции. Он удрал туда, а проводится фестиваль Рудольфа Нуриева... Есть прекрасный поэт Мустай Карим. Ему принадлежат слова "не русский я, но россиянин", но слово "россиянин" я не воспринимаю»*. Этот активист Русского Собора — сторонник понимания самих русских как русичей, а русских осознает как людей, которые разделяют государственную принадлежность. Противоречие при этом в том, что название государства– Российская Федерация, Россия — сторонниками таких представлений не обсуждается.

Участвующие в дискуссиях ставили вопрос о том, насколько мы сами в политическом дискурсе часто употребляем слова «российская нация», «россияне». По данным Медиалогии, в Башкортостане эти понятия в СМИ употреблялись (за девять месяцев 2017 г.) — 1301 раз, а в ХМАО — 2154 раза (с 21 августа 2017 г. по 21 мая 2018 г.). Конечно, что-то зависит от числа изданий в регионе, но, скажем, Башкортостан и Татарстан — большие полиэтнические республики и в Татарстане за сравнимый период слово «россияне» использовалось 4229 раз.

Медиалогия дает определенное представление и об акцентах в идентичностях: в Башкортостане за сравнимые периоды слово «башкортостанцы» употреблялось 64 раза, в ХМАО «югорчане», «югорцы» — 18 063 раза, но как мы видим и слово «россияне» в Югре звучало в 2 раза чаще, а в Татарстане более чем в 3 раза чаще, чем в Башкортостане.

Удивительно, что в Башкортостане с активной элитой и среди башкир, татар и русских темы с региональными и общероссийскими определениями идентичности звучат в информационном пространстве не так часто.

4.4. Солидаризирующие ценности и цели развития

Идеи о значимости коллективно осознаваемых ценностях, жизненных целях были представлены в нормативно-ценностной концепции, основы которой были заложены М. Вебером. Его представления о том, что общая цель объединяет людей в нацию и выражается в стремлении создать собственное государство впоследствии была развита Э. Геллнером[1]. Но и само государство, в свою очередь, как писал Э. Хобсбаум, способно «воздействовать на граждан и мобилизировать их для собственных целей»[2].

Естественно, если мы стремимся установить, есть ли какие-то общие ценности и цели у людей в стране, нам важно знать не только общероссийские данные, но и региональные, ибо диссонансы или критическое разнообразие способно создать кризисные ситуации.

В первом исследовании о межнациональном согласии мы установили высокое сходство в личных жизненных ценностях наших граждан независимо от проживания на пограничных или приграничных территориях страны от Калининграда до Саха (Якутии), от Карелии до Астрахани и Ставрополья и в центре страны — Москве и Московской области.

На данном этапе исследования мы подключаем для сравнения республику Башкортостан — территорию с одной из самых высоких теоретической вероятностью межэтнического общения, в которой наиболее очевидно взаимодействие национальностей с православной и мусульманской культурой, и ХМАО — округ, где доминируют русские, но также есть достаточное представительство татар и башкир, что позволяет соизмерять цели и ценности

---

[1] *Weber M.* Economy and Society. NewYork: BedminsterPress. 1968.V.I. 389 p.; *Геллнер Э.* Нация и национализм. М. Прогресс, 1991.

[2] *Хобсбаум Э.* Нация и национализм после 1789 г. СПб.: Алетея, 1998. С. 133–134.

русских и татар, башкир, живущих преимущественно в своей культурной среде или за её пределами.

Для оценки сходства жизненных ценностей, воспринимаемых на личностном уровне, мы анализируем представления «о хорошей, счастливой жизни» в Башкортостане — республике с высокой долей людей с мусульманской культурой, в ХМАО, где есть представительство татар и башкир, но они не в большинстве, и в Калининградской области с доминирующим русским населением (см. рис. 4.4.1).

В своих представлениях о хорошей, счастливой жизни чаще всего люди выбирали следующие ответы: «иметь хорошую семью», «жить обеспеченно, в достатке», «пользоваться уважением людей», «иметь интересную работу», «чувствовать себя свободным человеком». В сравнении с советским временем не поменялась в иерархии этих личностных массовых ценностей только значимость семьи, которая и в настоящее время остается наиболее значимой для людей (рис. 4.4.1).

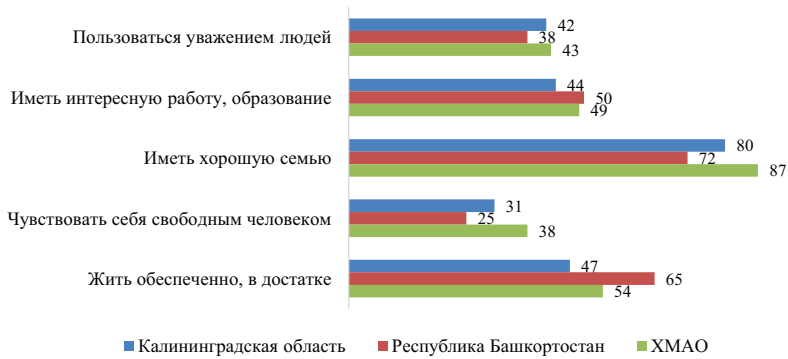


Рис. 4.4.1. Представления о хорошей жизни в регионах. Ответы на вопрос: «Что вы для себя считаете самым важным чтобы хорошо жить, быть счастливым» (допускалось выбрать не более трех альтернатив из предложенных пяти), *в % к опрошенным*

Как видим, в иерархии ценностей семья занимает первое место во всех сравниваемых регионах. Однако ценность семьи, как ни странно, в Башкортостане выражена несколько слабее, чем в других регионах (не только в ХМАО и Калининградской области, но и в Астраханской области и в Ставрополье[1]).

[1] Данные опросов по представляемому проекту за 2015–2016 гг.

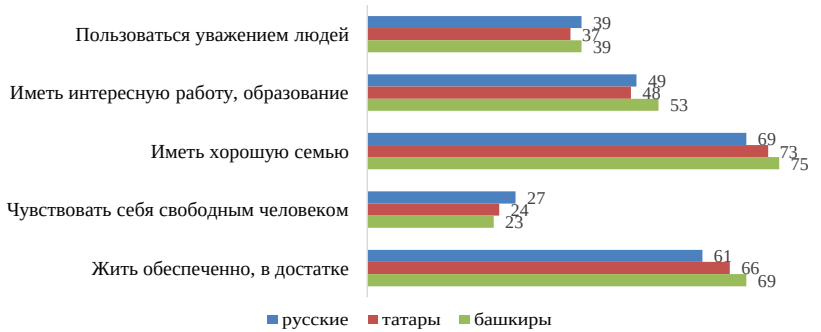


Рис. 4.4.2. Жизненные ценности русских, башкир, татар в Башкортостане. Ответы на вопрос: «Что Вы считаете самым важным, чтобы чувствовать себя счастливым» (допускалось выбрать не более трех альтернатив из предложенных пяти), *в % к опрошенным*

Но главное, что важно для межрегиональной и межэтнической солидарности — иерархия основных ценностей оказалась одинаковой: на первом месте семья, на втором — жизнь в достатке, на третьем — интересная работа, далее — уважение людей и затем желание «чувствовать себя свободным человеком» (рис. 4.4.2).

Обращает на себя внимание заметное различие в ценности интересной работы, которая в Башкортостане и ХМАО на 5–6 п.п. выше, и более высокая значимость ощущения свободы в ХМАО. Она на 13 п.п. больше, чем в Башкортостане, на 7 п.п. больше, чем в Калининградской области и самая высокая среди других регионов (Астрахань, Карелия, Ставрополье на 5–9 п.п.) и практически такая же по распространенности, как в Москве и Московской области. Можно предположить, что более частый выбор ценности свободы в ХМАО связан с историей заселения этой территории: с имперских времен сюда приезжали смелые люди, те, кто осваивал в трудных природных условиях этот край. И сейчас здесь много мигрантов, приезжающих работать вахтовым методом и оставшихся здесь, то есть приезжают люди более смелые и рискованные.

Влияет ли этничность, связанная с религиозностью, на выбор жизненных ценностей? Судя по результатам сравнения ответов башкир, русских и татар в Республике Башкортостан иерархия выбора ценностей у них одинаковая. Ни одна из ценностей не отличается у них больше, чем на 3–6 п.п., что по условиям выборки

не имеет значения, только ценность достатка у русских и татар отличается на 8 п.п. (см. рис. 4.4.1).

Такая же иерархия ценностей наблюдается при сравнении ценностных ориентаций у русских, башкир и татар в ХМАО. А в численном выражении у представителей всех этих национальностей выше ценность семьи в сравнении с людьми их национальности в Республике Башкортостан (87% в ХМАО в сравнении с 69–78% у русских и татар, башкир в Башкортостане) и на 10 п.п. меньше ценность достатка (51–56% в ХМАО в сравнении с 61–69% в Башкортостане).

В осознаваемые личностные ценности сколько-нибудь значительных различий этничность, связанная с православной и мусульманской культурой, не вносит.

В формировании общей гражданской идентичности и межэтнического согласия имеют значение общие или различающиеся представления о целях развития общества, что несомненно способно консолидировать общество.

В программе интервью мы специально задавали вопрос: «Как Вы думаете, какие общие цели могли бы объединить российское общество?»

В публичном пространстве призывы найти идеи, которые будут объединять наших сограждан, звучат уже с 1990-х годов. Известно, что обычно цели формулировались президентом Российской Федерации в Посланиях Федеральному Собранию. Президент В. Путин называл такой целью «патриотизм» и «благосостояние общества». Мы выбрали цели, которые в общероссийских исследованиях Института социологии РАН (с июля 2017 г. — ФНИСЦ РАН) набирали более 25% ответов и попытались проследить, насколько они воспринимаются сейчас в регионах. Респондентам предлагалось сделать три выбора из семи предложенных целей.

В Башкортостане, который представлял в Проекте (да и в стране в целом) пример наиболее многоэтничной республики с высокой представленностью людей с культурами, сложившимися под влиянием ислама (более полиэтничным является только Дагестан), закономерность повторилась та же, что и в других субъектах Федерации, которые изучались на первом этапе исследования. Наиболее часто встречаемыми целями были «обеспечение закона и порядка в стране» и «обеспечение благосостояния народа»

(см. рис. 4.4.3). Этот выбор делали наши респонденты в Астраханской, Калининградской и Московской областях, Москве, Ставропольском крае, Карелии и теперь он повторялся в Башкортостане в интервале 48–60% по регионам.

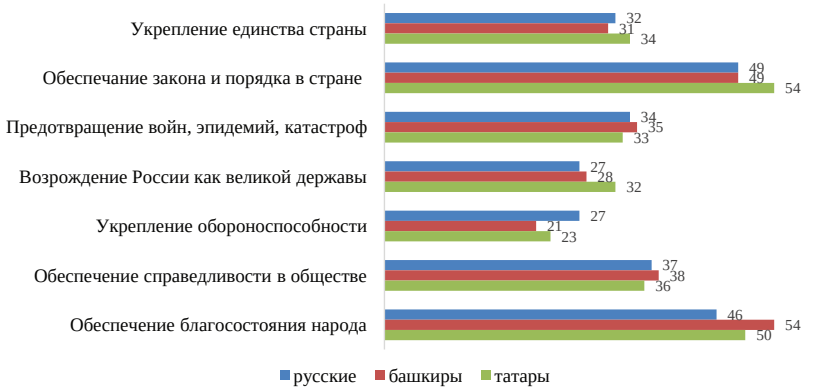


Рис. 4.4.3. Представление об общих целях, которые могли бы объединить российское общество в Республике Башкортостан, *в%к опрошенным*

Обратим внимание на то, что эта закономерность повторилась не только в целом по самой полиэтничной республике с высоким представительством людей мусульманской культуры, но и у этнических групп с этой культурой — у башкир и татар (см. рис. 4.4.3).

Есть, однако, и некоторое отличие. В других выше перечисленных регионах ответ — «возрождение России как великой державы» — набрал на 5–6 п.п. больше. В Башкортостане ближе к этим показателям (около трети) был выбор татар. Также близким был выбор ответа «укрепление единства страны» — 30–35%. В этот интервал укладываются и данные по Республике Башкортостан.

Некоторое своеобразие вносит ситуация в ХМАО. Казалось бы, в одном из регионов с наиболее обеспеченным населением (хотя и траты здесь на жизнеобеспечение больше) цель «обеспечение благосостояния» оказалась самой значимой — её выбрали 66% и русских, и татар, и башкир (см. рис. 4.4.4.). Вариант ответа «Закон и порядок» здесь также в качестве приоритетных, но этот выбор укладывается в общий интервал для других регионов — 48%. Позиция «Возрождение России как великой державы» на среднем для регионов уровне. При этом в ХМАО несколько реже выбира-

ли вариант «предотвращение войн, эпидемий, катастроф» –на 7–8 п.п. — и «укрепление обороноспособности» — на 8–9 п.п., хотя в глубинных интервью опасность и необходимость обеспечения обороноспособности упоминалась не раз.

Рис. 4.4.4. Представление об общих целях, которые могли бы объединить российское общество в ХМАО, *в%к опрошенным*

Однако в представлениях людей их целевые ориентиры не во всем совпадают с усилиями власти. Картина, выявленная на предшествующем этапе исследования, повторяется и в Башкортостане, и в ХМАО. Граждане независимо от национальности полагают, что основные усилия власти направлены на укрепление обороны: так считают 46% русских и 41–44% башкир, татар в Республике Башкортостан; 74% русских и 71% башкир, татар в ХМАО. В то время как 1/4 опрошенных в Башкортостане и 1/5 в ХМАО ставят их приоритетными.

На 23–30 п.п. расходятся представления наших сограждан о целях, способных объединить общество, и усилий власти в Республике Башкортостан и на 27–30 п.п. в ХМАО в обеспечении закона и порядка. Совсем не значительными видят граждане в ре-

гионах усилия власти по обеспечению справедливости 5–18% и благосостоянию — 10–18%. Отметим, что в оценках представителей разных культур значимых отличий не наблюдалось.

С точки зрения консолидации общества выявленный дисбаланс представляет очевидный риск. Его можно снизить, воздействуя на массовое сознание в первую очередь объяснительными аргументами. Но в современной жизни не все могут сделать и СМИ. Важно, чтобы люди на практике видели изменения.

Выводы

Дискуссии в элитных кругах, экспертном сообществе в каждом регионе, естественно, влияют в какой-то мере на сознание граждан. Неслучайно не все присоединяются к идентичности «мы — граждане России» (в Башкортостане около пятой доли респондентов не ассоциировали себя с ней) и тем более не все ощущают сильную связь (чуть более четверти). Но тем не менее очевидное большинство ассоциирует себя с гражданами России, осознает свою гражданскую идентичность как категориальную. Гражданская идентичность в целом по России, судя по данным RLMS-HSE, ВЦИОМ и Института социологии ФНИСЦ РАН, сильно не различается в социальных группах и группах по уровню образования, но все же анализ корреляции по критерию χ-квадрат Пирсона показывает, что сильная (консолидированная) гражданская идентичность связана с возрастом и образованием: это более заметно среди людей с актуальной гражданской идентичностью (ответ «часто ощущаю связь, единство со всеми гражданами России»). Они образованнее и несколько моложе, чем не ассоциирующие себя по государственно-гражданскому принципу. Среди них больше проживающих в областных центрах (46% против 34% в целом по массиву). В регионах нашего исследования в 2017–2018 гг. — в Башкортостане повторяются общероссийские закономерности, а в ХМАО по возрасту такой тенденции не прослеживается, но по критерию образования подтверждается общероссийская закономерность.

Доля доверяющих другим среди людей с сильной гражданской идентичность в целом по стране почти вдвое больше, чем среди

не чувствующих себя связанными с гражданами России. По данным мониторинговых опросов ИС РАН (2015 г.), люди с гражданской идентичностью и прежде всего ощущающие ее в значительной степени чаще доверяют руководству страны: на 24 и 15 п.п. больше президенту и правительству страны.

В Башкортостане доверие власти, судьям у ощущающих сильную связь с гражданами России более чем в два раза выше. А в ХМАО заметно выше доверие только к коллегам, к власти же заметно слабее (это подтверждает значимость χ-квадрат Пирсона).

Исследование показало, что жизнь в собственной доминирующей этнической среде или среди доминирующего мусульманского населения не влияет на широту распространения и силу связи с российской идентичностью у русских и у граждан с культурой, связанной с мусульманской религией — башкир, татар: по распространенности и силе связи российская идентичность не меньше, чем у других граждан регионов. В ХМАО у татар и башкир она выше, чем в республике Башкортостан, но и в целом у югорчан она выше, чем у башкортастанцев. Так что и несколько меньшая (по сравнению с ХМАО) по масштабу российская идентичность в Республике Башкортостан не связана с исламским фактором.

Место российской идентичности среди других коллективных идентичностей в целом в регионах повторяет общероссийский тренд. У людей с мусульманской культурой и в Башкортостане, и в ХМАО в тенденции он не отличается. Есть особенность только в значимости этнической идентичности: у татар и башкир в ХМАО она выше, чем в республике.

Среди ощущающих связь с гражданами России несколько больше тех, кто «хотел бы быть полезным государству и обществу» (52% против 41% по общероссийской выборке), чувствуют любовь, гордость и уважение к сегодняшней России (75% против 55% среди тех, кто такой связи не ощущает), они более толерантны, чаще присоединяются к мнению «Россия — общий дом для всех народов» (51% против 44%).

Что касается регионов, это мнение поддерживает намного более широкий круг людей. В Башкортостане и в Ханты-Мансийском округе 74%. Это мнение («Россия — общий дом для всех народов») разделяют практически в равной мере люди с разным уровнем российской, гражданской идентичности. Сильная рос-

сийская идентичность на представление о равенстве народов в государстве больше влияет в позитивную сторону там, где это мнение реже разделяется жителями субъекта Федерации, например, в Москве.

Таким образом, в гражданской идентичности заложен ресурс позитивной интеграции общества. Ресурс этот мог бы быть больше реализован во благо общества, если бы понимание смыслов гражданства глубже осознавалось россиянами, а жизненная практика подтверждала их реальность. В этом позитивная перспектива упрочения гражданской идентичности.

ГЛАВА V

Консолидирующие ценности россиян: сферы устойчивости и трансформации

Для современной России характерна вариативность ценностных систем, определяемая сложной этносоциальной и религиозной структурой общества. Поэтому актуальность определения ценностных основ обеспечения согласия в российском обществе с учетом его социального, культурного, этнического, религиозного многообразия вряд ли нуждается в специальных обоснованиях. Общественное согласие — это, прежде всего, согласованность в восприятии текущих реалий и событий как внутри, так вне России представителями разных социокультурных слоев общества. Такое понимание термина «согласие» позволяет избежать трактовок, сводящих общественное согласие к единомыслию. Общность восприятия социальных процессов не предполагает единообразия оценок и реакций на одинаково воспринимаемую ситуацию, однако обеспечивает базу для конструктивного диалога и согласованного взаимодействия в тех случаях, когда это необходимо. Отсутствие такой общности порождает не столько дискуссию, сколько неконструктивное противостояние, угрожающее стабильности сообщества.

С методологической точки зрения, одна из ключевых проблем определения общей ценностной основы согласия состоит в том, какой срез или аспект общественной системы ценностей может в наибольшей мере обеспечить общность картины мира граждан России, независимо от их социально-политических взглядов, этнокультурной и религиозной идентичности, разного исторического опыта пребывания в составе России и опыта контактов с другими народами, населяющими страну. В процессе решения этой проблемы мы сформулировали рабочую концепцию ценностных смыслов, которая, с одной стороны, позволила обобщить проведенные ранее исследования ценностей россиян, а с другой — определить базовые ценностные смыслы, составляющие специфическую общероссийскую систему соотнесения (систему координат) восприятия и интерпретации текущих событий в стране и мире, разделяемую большинством россиян и определяющую «традиционалистский» имидж современной России в глобальном пространстве.

5.1. Концепция и инструментарий исследования общих ценностных смыслов

Постановка проблемы

В самом упрощенном виде при поиске общих ценностных оснований консолидации граждан России можно выделить два методологических подхода. Один из них состоит в формулировании определенного списка ценностей-понятий с дальнейшим отслеживанием в эмпирическом социологическом исследовании вариаций в предпочтениях тех или иных ценностных наборов среди различных групп населения. Впервые в постсоветской России такой подход был осуществлен в рамках исследования базовых ценностей россиян[1], а систематическое исследование ценностей россиян на протяжении ряда лет осуществлялось под руководством Н. И. Лапина[2]. Указанный подход в целом лежит в русле общемировой традиции эмпирического исследования ценностей, а наиболее авторитетными для кросс-национальных исследований в последнее десятилетие являются методики Р. Инглхарта[3] Ш. Шварца[4], Г. Хофстеде[5].

Однако применение этого подхода к поиску общих оснований консолидации людей, ориентирующихся на различающиеся сис-

---

[1] Базовые ценности россиян. Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалиева. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.

[2] *Лапин Н. И.* Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 3–18.

[3] *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

[4] *Schwartz S. H.* An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values. Online Readings in Psychology and Culture. 2012. 2(1). https://doi.org/10.9707/2307–0919.1116

[5] The 6 dimensions model of national culture by Geert Hofstede. URL: https://geerthofstede.com/culture-geert-hofstede-gert-jan-hofstede/6d-model-of-national-culture (Дата обращения: 20.06.2018).

темы ценностей, вряд ли можно признать приемлемым по ряду причин. Во-первых, это практическая невозможность сформулировать логически обоснованный, исчерпывающий, но, в то же время ограниченный по количеству список ценностей, на что указали авторы первого исследования базовых ценностей россиян[1]. Хофстеде, обосновывая свою четырехмерную модель культурных измерений, указывал, что «ценности, по которым страны различаются друг от друга, статистически объединяются в четыре кластера»[2], т.е. фактически вводил произвольные ограничения на набор ценностей, отбирая только те, что могут различаться в разных странах. А Шварц просто «постулировал, что все индивидуальные ценности основываются на базовых условиях человеческого существования (одном или более): а) потребности организма, б) стремление к социальным взаимодействиям и в) потребность в принадлежности к группе»[3].

Во-вторых, понятие, обозначающее ту или иную ценность, имеет множество смыслов, отражающих истолкование данной ценности от самого архаического до вполне модернизированного. Так, например, такая ценность, как «иерархия» (или «дистанция власти» в концепции Хофстеде) может интерпретироваться, с одной стороны, как имманентное, даже наследуемое неравенство людей, находящихся на разных уровнях общественной иерархии, когда личностное достоинство индивида определяется его местом в иерархии («место красит человека») С другой стороны, иерархия может признаваться практически полезной для организации взаимодействия, но не создающей личностного неравенства. В последнем контексте, например, не возникает вопроса о том, человек ли «красит» место, или наоборот, поскольку качество личности уже не связывается со статусом в иерархии.

Очевидно, что усредненная оценка отношения к той или иной ценности без учета различий в ее смысловой интерпретации не будет достаточно информативной для оценки сходства/различия в отно-

---

[1] Базовые ценности россиян... С. 17.

[2] Dimensions of national Cultures URL: https://documents.tips/documents/geert-hofstede-dimensions-of-national-cultures.html Published on 11 Dec 2015.

[3] *Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 47.

шении к этой ценности. Наконец, многообразие наборов ценностей и ценностных смыслов само собой разумеющееся для разных этнокультурных и религиозных сообществ России и, более того, находящихся на разных стадиях процесса модернизации, делает методологически неэффективным поиск ценностных оснований межнационального и межрелигиозного согласия россиян на уровне исследования списков ценностей и их содержательного наполнения.

Возможность иного, методологически более эффективного подхода к поиску общих ценностных оснований, объединяющих этнически и религиозно разнообразное население России, обнаруживается при внимательном анализе принципов изучения ценностных систем современных обществ, реализованных в уже упомянутых выше исследованиях Р. Инглхарта, Г. Хофстеде и Ш. Шварца, но с некоторыми изменениями и дополнениями. Так, в концепции Инглхарта типологизация ценностных систем осуществляется в пространстве, ограниченном двумя осями измерений. Первое из этих измерений отражает сравнительные различия в рамках бинарной оппозиции *«традиционные ценности — секулярно-рациональные ценности»*, а второе — в рамках оппозиции *«ценности выживания — ценности самовыражения»*[1]. Переход от «традиционных» к «секулярно-рациональным» ценностям происходит в процессе модернизации общества и последовательном отказе от религиозных норм в пользу рациональных оснований. Переход от «ценностей выживания» к «ценностям самореализации» происходит на стадии постмодерна и выражается в отказе от подчинения нормам общественной необходимости и полезности и переориентации на ценности личностной автономии. Этот второй переход обычно связывают с ростом общего уровня благосостояния и безопасности.

На наш взгляд, эти два измерения можно свести к одному: «ценности традиционализма — секулярно-рациональные ценности». Оппозиция «ценности выживания — ценности самореализация» по сути *представляет разные мотивационные векторы любых ценностно ориентированных практик*.

Так, актуализация какой-либо ценности (например, ценности семьи) в общественной практике может быть мотивирована и/или одобряема как способ «выживания» или как способ «самореали-

[1] *Инглхарт Р., Вельцель К.* Op. cit., С. 80.

зации», что ведет к соответствующей модификации конкретных практик в рамках семейной жизни. Это касается и распределения семейных ролей, и особенностей семейной иерархии, и контекстов сексуальных отношений между супругами. При этом сами понятия «выживание» и «самореализация» имеют разное содержательное наполнение в зависимости от системного контекста использования этих понятий. Так, в традиционалистской системе ценностей под «выживанием» может пониматься прежде всего поддержание стабильности и предсказуемой эволюции сообщества, а в секулярно-рациональной системе, где материальное благополучие и безопасность сообщества само собой разумеются, под «выживанием» может, скорее, пониматься физическое выживание индивида, что отражается в максиме самоценности человеческой жизни, характерной именно для сообществ постмодерна. То же относится и к пониманию «самореализации». В традиционалистской системе ценностей под «самореализацией» может пониматься вклад индивида в поддержание сохранности сообщества как в плане физическом, так и в отношении его культурной идентичности, при необходимости даже ценой собственной жизни. А в секулярно-рациональной системе — это, скорее, объективация (в каких-либо артефактах и/или практиках) личностной идентичности («Я-концепции») как самоценности. В целом, можно сделать вывод, что в концепции Инглхарта крайние полюса истолкования ценностных смыслов (таких, например, как вера в Бога, семья, дети и т.п.) обозначаются как обобщенные дискретные ценности (ценности «традиционалистские» или «секулярно-рациональные»).

Еще более отчетливо условность выделения дискретных ценностей выражена в концепции Ш. Шварца. «Совокупность ценностей представляет собой мотивационный континуум, ...мотивационные различия между ценностями могут рассматриваться скорее, как непрерывные, чем как дискретные. Мы... рассматриваем их как отдельные, если это удобно для исследования. Наше разделение континуума, основанное на теории, является произвольным»[1]. Иными словами, Шварц ориентируется на некое пространство ценностных смыслов, которое, в зависимости от тех

[1] *Schwartz S. H.* Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // M. Zanna (ed.). Advances in experimental social psychology. N.Y.: Academic Press, 1992. Vol. 25. P. 45–46.

или иных исследовательских задач, можно определенным образом структурировать и обозначить как «дискретные» ценности. Таким образом, концепция Шварца открывает возможность отказаться от составления списков ценностей и сосредоточиться на исследовании смысловых контекстов тех или иных ценностных систем, что, в частности, обеспечивает общие основания для сравнения культурно и религиозно специфических наборов ценностей.

В нашей рабочей концепции *набор ценностей*, их определенная структура в том или ином культурно-историчном сообществе признается относительно постоянной во времени, а процесс кажущейся смены ценностей сводится к изменению содержательного наполнения понятий, обозначающих общественные ценности. Эти постепенные изменения содержания той или иной ценности можно расположить между двумя полюсами — *традиционалистское* истолкование ценности и *модернистское* (секулярно-рациональное) истолкование. Таким образом, если мы хотим фиксировать текущее состояние данной системы ценностей или сопоставить разные системы, то мы должны определить положение рассматриваемых систем ценностей на шкале «традиционализм — модернизм».

Фактически, такой подход уже был практически реализован Хофстеде при сравнении культурно различающихся систем ценностей. Основные параметры культуры, сформулированные им и его коллегами, можно интерпретировать как ценностные максимы, имеющие традиционный или модернистский смысл (в рамках данной культурно-историчной среды). Так, например, параметр «дистанция власти»[1] (или ценность «Власть» у Шварца) не что иное, по нашему мнению, как интерпретация ценности иерархии как способа организации любого взаимодействия. Иерархия может быть предельно жесткой и всеобъемлющей, что выражается в безусловном личностном неравенстве разностатусных индивидов («высокая дистанция власти» в терминах Хофстеде). А это и есть традиционалистский контекст истолкования иерархии. С другой стороны, иерархия в модернистском (секулярно-рациональном) контексте может пониматься как практически полезная для организации взаимодействия, но не создающая личностного неравенства («низкая дистанция власти» у Хофстеде).

[1] *Hofstede G.* Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings in Psychology and Culture, 2011. (1). P. 9. URL: https://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8/ (Date of visit: 13.07.2018).

При этом, говоря о традиционализме, мы придерживаемся широкого понимания традиции как «социального и культурного наследия, передающегося от поколения к поколению и воспроизводящегося в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени»[1]. Мы согласны с мнением, что традиционализм нельзя противопоставлять модернизации и «что в современных обществах происходит не детрадиционализация, а изменение роли традиций»[2].

В нашем понимании базирование на традиции означает ориентацию на ставшие обычаями общепринятые жизненные цели, а также стратегии достижения целей. Это означает, что любые (даже самые новаторские с точки зрения сегодняшнего дня) поведенческие стратегии и практики превращаются в «традиционные» тогда, когда они становятся общепризнанными и доминирующими в обществе. Традиционализм в повседневном сознании (а не в политических дискурсах) означает лишь опору на проверенные временем образцы деятельности независимо от времени появления этих образцов. Однако ориентация на традицию вовсе не означает закрытость к восприятию инноваций.

Процесс интеграции инноваций в традиционную систему мы можем обозначить как традиционализацию инноваций, что обеспечивает их легитимацию в традиционном сознании. Особенно отчетливо процесс легитимации инноваций путем включения их в традицию прослеживается при анализе стратегий модернизации в России[3]. По мере включения инноваций в традиционную систему параллельно происходит процесс модернизации самих традиций, что обеспечивает их устойчивость во времени. Так, по мнению Э. Гидденса, одно из направлений модернизации традиции в постмодерном обществе состоит в том, что «традиции сохраняются только в той мере, в какой они оказываются доступны для дискурсивного обоснования и открытого диалога не только с другими

---

[1] Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / Под ред. А. Б. Гофмана. М.: РОССПЭН, 2008. С. 18.

[2] *Гофман А. Б.* В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Том IV. С. 241.

[3] *Аксенова О. В.* Модернизация или развитие: традиционалистские основания прогресса в России // Власть. 2016. № 9. С. 31–36.

традициями, но и с альтернативными способами деятельности»[1], т.е. рационализируются, перепроверяются в рамках научных процедур.

В итоге, мы определяем традиционный полюс системы ценностей как центрированный на поддержании стабильности и преемственности во времени данного сообщества, а секулярно-рациональный полюс той же системы ценностей как центрированный на поддержании определенности и самодостаточности отдельных индивидов (независимости от сообщества).

Изложенный выше подход был использован при исследовании ценностных оснований консолидации россиян в рамках реализации проекта 2014–2018 гг. «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии».

Инструментарий исследования ценностных смыслов

Мы предлагали респондентам (в рамках семибалльной шкалы) сделать выбор между двумя парами альтернативных бытовых суждений, отражающих разнополярные интерпретации одной и той же ценности. Эти суждения в дальнейшем мы будем называть ценностными ориентирами, чтобы отличить их от собственно ценностей. Отбор ценностных ориентиров был осуществлен из совокупности ценностных суждений, уже достаточно апробированных в отечественной социологии[2]. Часть суждений, отражающая некоторые параметры типологии культур Хофстеде, была сконструирована нами по аналогии с суждениями, использованными им для измерения «дистанции власти» и параметра «индивидуа-

---

[1] *Giddens A.* Living in a post-traditional society // Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive modernization: politics, tradition and aesthetics in the modern social order. Polity Press, Cambridge. 1994. P. 56–109.

[2] Базовые ценности россиян; Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011е; Российское общество и вызовы времени. Книга первая / Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2015; Российское общество и вызовы времени. Книга четвёртая / Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2016.

лизм — коллективизм»[1]. При этом нами были отобраны три пары суждений, отражающих терминальные ценностные ориентиры, т.е. ориентиры абстрактно-идеологического уровня, и три — инструментальные ориентиры, составляющие систему норм (или мотиваций) повседневной деятельности.

Ниже приведен список пар высказываний, использованных в исследовании 2014–2016 гг. (табл. 5.1.1).

Таблица 5.1.1

Список альтернативных пар ценностных ориентиров (2014–2016 гг.)

Ориентация на традицию	Ориентация на модернизм
Инструментальные ценностные ориентиры	
1. Лучше работать там, где в первую очередь ценят теплые человеческие отношения	Лучше работать там, где в первую очередь ценят профессиональные качества сотрудника
2. Начальник всегда должен принимать все решения и отвечать за всё	Тот, кто выполняет задание, должен сам принимать решения и нести за них ответственность
3. В общественных местах надо одеваться и вести себя как все, строго следуя принятым правилам	В общественных местах можно одеваться и вести себя как нравится самому, лишь бы не нарушать закон
Терминальные ценностные ориентиры	
4. Россия — другая страна, ей не нужен западный образ жизни	*Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны*
5. Лучше добиться меньшего успеха в жизни, но не переступать через моральные нормы и принципы	*Чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные нормы и принципы*
6. Надо всегда уважать традиции, обычаи, следовать привычному, принятому большинством	*Надо всегда искать новое в жизни, даже если большинство это не примет, и ты окажешься в меньшинстве*

Оценка по каждой паре суждений могла колебаться от 1 до 6 (от 1 — безусловное согласие с суждением традиционалистского полюса до 6 — безусловное согласие с модернистским полюсом). Баллы 1–2 интерпретировались как поддержка традиционного полюса, 5–6 — модернистского полюса, а оценка 3–4 балла свидетельствовала о промежуточной позиции респондента по данному пункту. Более того, чтобы оценить систематичность ориентации

[1] *Hofstede G.* Op.cit., P. 9–11.

респондентов на тот или иной полюс, мы вычисляли средний арифметический балл по всем парам суждений ценностных ориентиров. В результате весь массив ответивших по общим усредненным оценкам расположился на шкале от 1 до 6 баллов. И далее по положению на этой шкале можно было разделить всех ответивших на три аналитические группы: (1) ориентированные на традицию (средний балл в интервале 1–2,5); (2) занимающие промежуточную позицию (средний балл в интервале 2,6–3,5) и (3) ориентированные на модернизм (средний балл в интервале 3,6–6).

Позднее в исследованиях 2017–2018 гг. мы частично изменили формулировки некоторых пар инструментальных и терминальных ценностных суждений следующим образом (табл. 5.1.2).

Таблица 5.1.2

Список альтернативных пар ценностных ориентиров (2017–2018 гг.)

Ориентация на традицию	**Ориентация на модернизм**
Инструментальные ценностные ориентиры	
1. Государство должно обеспечивать средний уровень благосостояния для всех своих граждан	Человек должен сам обеспечивать себя и свою семью, и не рассчитывать на поддержку со стороны государства
2. Нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней	Нужно активно бороться за свои интересы и права
3. В общественных местах надо одеваться и вести себя как все, строго следуя принятым правилам	В общественных местах можно одеваться и вести себя как нравится самому, лишь бы не нарушать закон
Терминальные ценностные ориентиры	
4. Россия — другая страна, ей не нужен западный образ жизни	*Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны*
5. Лучше добиться меньшего успеха в жизни, но не переступать через моральные нормы и принципы	*Чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные нормы и принципы*
6. Россия прежде всего должна быть державой с мощными вооруженными силами	*Россия прежде всего должна заботиться о благосостоянии собственных граждан*

Это было сделано для того чтобы на сравнительном материале проверить гипотезу о том, что традиционалистские (или модернистские) ценностные диспозиции актуальны независимо от конкретного набора ценностей.

5.2. Общероссийские ценности: консерватизм и обновление

Детальный анализ соотношений групп респондентов, ориентированных на традиционализм, модернизм и еще не определившихся в своих ценностных диспозициях в исследованных регионах России дан в ряде публикаций по проекту[1]. Согласно полученным нами данным, современное российское сообщество никак нельзя назвать базирующимся на традиционных ценностях. По преимуществу россияне находятся в процессе переосмысления ценностных приоритетов, хотя и относительно велика доля тех, кто систематически придерживается традиционалистских интерпретаций тех или иных ценностей. Сопоставление реакций на стандартные жизненные ситуации представителей групп «традиционалистов» и тех, кто находится в процессе переосмысления ценностных смыслов показало, что реакции «традиционалистов» более согласованы. Причем согласованность взглядов «традиционалистов» прослеживалась как среди респондентов разных возрастов, так и на уровне разных регионов и национальностей. Это позволило сделать вывод о том, что сам по себе традиционализм в интерпретации ценностей, независимо от вероятных различий в наборе ценностей и их иерархии, служит одним из ключевых оснований согласованного отношения россиян к ключевым вопросам текущей жизни, независимо от социально-культурного многообразия, присущего российскому обществу.

Продолжение проекта, включение в список регионов такого специфического субъекта Российской Федерации как Республика Башкортостан с примерно одинаковой представленностью ряда национальностей (башкир, татар, русских), а также региона, активное заселение которого представителями разных националь-

[1] Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества. М.: Институт социологии РАН, 2016.

ностей началось относительно недавно (ХМАО–Югра) позволило уточнить полученные ранее выводы и рассмотреть вопрос о ценностных основаниях консолидации мусульман и православных граждан России. Распределение оценок согласия с той или иной трактовкой ценностных ориентиров во всех исследованных регионах России раздельно по терминальным и инструментальным ценностям представлено в таблице 5.2.1.

Уже простое сопоставление пропорций россиян, придерживающихся традиционализма в осмыслении терминальных и инструментальных ценностей показывает, в каком сегменте массового сознания наших сограждан сосредоточен традиционализм, формирующий имидж традиционалистской России, вопреки объективным данным о состоянии ценностной системы в целом.

Таблица 5.2.1

Оценки согласия с традиционалистским или модернистским истолкованием терминальных и инструментальных ценностных ориентиров, (2014–2018 гг.),
в % от ответивших в каждом регионе

Позиция на шкале «традиционализм — модернизм»	Москва	Московская область	Астраханская область	Калининградская область	Республика Карелия	Ставропольский край	Республика Башкортостан	ХМАО–Югра
Терминальные ценности								
Традиционализм	44,5	45,3	54,1	48,9	48,7	57,1	53,8	54,5
Промежуточная позиция	38,3	37,9	32,9	36,2	39,9	28,8	39,5	22,6
Модернизм	17,2	16,8	13	14,9	11,4	14,1	6,7	22,9
Инструментальные ценности								
Традиционализм	13,5	16,5	13,7	17,9	14,9	13,2	46,1	19,4
Промежуточная позиция	31,5	32,4	34,5	32	31,2	35,6	45,4	17,4
Модернизм	55	51,1	51,8	50,1	53,9	51,2	8,5	63,2

Процесс модернизации современного российского массового сознания наиболее отчетливо проявляется в пересмотре или отказе

от традиционалистского истолкования инструментальных ценностей. Комплекс инструментальных ценностных ориентиров, ставший традиционным за время господства советской распределительной экономической модели и тотальной коллективистской идеологии, активно заменяется инструментальными принципами, более соответствующими условиям деятельности в глобальной рыночной экономике с её ценностями достижительности и индивидуализма.

Традиционализм россиян наиболее рельефно проявляется в их широкой поддержке традиционалистского истолкования терминальных ценностей. Однако поддержка традиционализма на уровне абстрактных императивов отнюдь не служит руководством при планировании поведения в повседневности. Это хорошо прослеживается, например, при сопоставлении масштабов поддержки «традиционности» на абстрактном уровне и той же «традиционности» в конкретной ситуации поведения в общественных местах (табл. 5.2.2).

Таблица 5.2.2

Поддержка традиционализма как самоценности и как правила повседневной жизни, 2014–2018 гг., *в % от ответивших по всему массиву*

Альтернативы ценностных ориентиров	Позиция на шкале «традиционализм — модернизм»		
	Традиционализм	Промежуточная позиция	Модернизм
Традиционализм как самоценность			
Надо всегда уважать традиции, обычаи, следовать привычному, принятому большинством **или** Надо всегда искать новое в жизни, даже если большинство это не примет, и ты окажешься в меньшинстве	49,2	34,0	16,8
Традиционализм как правило повседневной жизни			
В общественных местах надо одеваться и вести себя как все, строго следуя принятым правилам **или** В общественных местах можно одеваться и вести себя как нравится самому, лишь бы не нарушать закон	35,7	32,0	32,3

Как следует из данных, приведенных в таблице 5.2.2, ценность уважения традиций вообще (как терминальной ценности) поддерживается в среднем половиной респондентов (49%) по всем исследованным регионам. Около трети респондентов (34%) находятся в стадии переосмысления своего отношения к традициям и лишь сравнительно небольшая часть респондентов (17%) считают важным следовать всему новому, даже если это вызывает осуждение окружающих. В итоге, на терминальном уровне уважение к традиции явно преобладает над стремлением к новизне вопреки традиции. Однако, если мы зададим тот же самый вопрос об отношении к традиции тем же респондентам, но в контексте принципов, которыми человек руководствуется в своей повседневной жизни (т.е. на инструментальном уровне), то окажется, что только около трети респондентов (36%) считают необходимым доводить общее убеждение об уважении к традициям до уровня правил повседневной жизни. А доля стремящихся следовать инновациям вопреки традиции так же возрастает до трети (32%). Таким образом, складывается парадоксальная ситуация, когда некоторые ценностные принципы повседневности начинают противоречить соответствующим императивам. На абстрактном уровне может подтверждаться приверженность определенным императивам, но на уровне повседневных практик происходит отход от требований этих императивов в соответствии с меняющимися условиями и правилами жизни. Провозглашаемая приверженность традиционалистским ценностным смыслам на идеологическом уровне (или на уровне массового сознания, гражданской идентичности) отнюдь не порождает застоя и косности на уровне повседневности. Можно ли в этом случае говорить о некоей противоречивости современного российского самосознания?

В теоретической традиции, идущей от М. Рокича[1] и продолженной в концепции Ш. Шварца, ценностные системы имеют многоуровневую иерархическую структуру: от ценностных императивов абстрактного идеологического уровня («терминальных ценностей») до разветвленного набора принципов повседневного поведения («инструментальных ценностей»), уже не столь очевидно связанных с соответствующими императивами. В этом теоретическом контексте полученные нами данные о различии в поддержке традиционалистского полюса на терминальном и инстру-

[1] *Rokeach M.* The Nature of Human Values. N.Y., 1973. 437 p.

ментальном уровнях позволяют предположить, что терминальные ценности в процессе модернизации *связанных с ними* инструментальных коннотаций нижних уровней постепенно перестают выполнять функцию собственно императивов (предписаний к действию) и начинают функционировать в качестве маркеров общероссийской идентичности, т.е. демонстративных «критериев принадлежности и способов сигнализирования о включенности / исключенности»[1], отграничивающих российское культурно-историческое и даже цивилизационное пространство. Согласно Ф. Барту, в ситуации межкультурных (и межстрановых) контактов этнические группы «сохраняются как значимые единицы лишь постольку, поскольку существует маркированное отличие в поведении...»[2].

На наш взгляд, это относится не только к этническим, но и к национально-государственным общностям, члены которых при внешних контактах стремятся продемонстрировать свою принадлежность к особому культурно-историческому пространству. И не случайно, что в нынешних условиях относительно массового противостояния россиян так называемым «либеральным западным ценностям» на идеологическом уровне в общественном сознании традиционные ценностные смыслы начинают играть роль идентификационных маркеров, подчеркивающих культурно-историческую особость России. Но на уровне повседневного поведения (там, где совокупность ценностей, по мнению Шварца, выступает в роли совокупности конкретных личностных мотиваций) эти традиционные смыслы во все большей степени замещаются смыслами модернистскими. Этот процесс изменения функций некоторых традиционных ценностных императивов, латентное превращение их в идентификационные маркеры можно проследить по результатам социологических исследований, касающихся динамики изменения структуры ценностей россиян[3]. И здесь важно также отметить, что кажущееся противоречие ценностного

---

[1] Этнические группы и социальные границы / Под ред. Фредрика Барта; пер. с англ. Игоря Пильщикова. М.: Новое изд-во, 2006. С. 17.

[2] Этнические группы... С. 18.

[3] Актуализированные ценности современного российского общества. 2015. [монография] [Электронный ресурс] / отв. ред. И. А. Халий. — Электрон. текст. дан. (объем 2,2 Мб). М.: Институт социологии РАН, 273 с. илл. 1 CD-ROM

императива и принципов повседневной деятельности массовым сознанием не воспринимается как противоречие, поскольку эти явления лежат в разных функциональных плоскостях.

Косвенным подтверждением того, что перечисленные выше традиционалистские ценностные ориентиры актуальны в современном российском обществе не столько как предписания к деятельности, сколько как базовые критерии (или метки, маркеры) принадлежности к сообществу россиян является сравнение уровня поддержки традиционализма респондентами, по-разному ощущающими свою принадлежность к гражданам России. Л. М. Дробижевой сформулировано представление о типологических группах респондентов, ассоциированных и неассоциированных с российским гражданским сообществом[1]. К ассоциированным россиянам относятся те респонденты, кто при ответе на вопрос об идентичности «В какой степени Вы ощущаете близость с гражданами России?» высказал значительную степень близости с гражданами России, а к неассоциированным — те, кто не ощущают близости с россиянами и в данном вопросе не определились. Как показали расчеты, между этими группами обнаруживаются существенные различия в характере поддержки традиционалистских терминальных ценностных ориентиров, при отсутствии таких различий в поддержке того или иного полюса инструментальных ориентиров (см. табл. 5.2.3).

Традиционалистский полюс терминальных ценностных ориентиров в значительно большей степени поддерживают респонденты, безусловно причисляющие себя к гражданам России. При этом те же самые респонденты не проявляют склонности к традиционализму, когда речь идет об истолковании инструментальных ценностей, непосредственно связанных с повседневной жизнью. Это и дает основания полагать, что ценностные ориентиры абстрактного уровня, манифестирующие уважение к традиции вообще, приоритет моральных норм перед рациональными соображениями эффективности, что в итоге отличает российские культурные диспозиции от западноевропейских — все это присутствует в массовом сознании россиян преимущественно в качестве демонстри-

[1] *Дробижева Л. М.* Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 14.

руемых символов (маркеров) включенности в российское историко-культурное сообщество. Идейная лояльность этим ценностным ориентирам обеспечивает тождество осознания себя россиянами в историческом времени. В частности, дает основание современным россиянам считать военные, культурные, научные и другие достижения прошлых поколений своими достижениями, включать в категорию «мы» эти прошлые поколения.

Таблица 5.2.3

Распределение позиций на шкале «традиционализм — модернизм» для инструментальных и терминальных ценностей в разных типологических группах россиян, 2014–2018 гг., *в % от ответивших по всему массиву*

Позиция по шкале «традиционализм — модернизм»	Ассоциированные россияне	Неассоциированные россияне
Инструментальные ценностные ориентиры (χ^2 Пирсона p=0,147)		
Традиционализм	30,3	28,7
Промежуточная позиция	52,7	50,3
Модернизм	17,0	21,0
Терминальные ценностные ориентиры (χ^2 Пирсона p⩽0,001)		
Традиционализм	70,3	59,8
Промежуточная позиция	28,3	37,0
Модернизм	1,4	3,2

Наш вывод о том, что устойчивая поддержка традиционалистских смыслов терминальных ценностей является основой общероссийской историко-культурной идентичности означает, что эта поддержка характерна не только для людей разного возраста и места жительства, но и, в первую очередь, для представителей разных национальных групп и религий современной России. Данные, полученные в исследованиях 2017–2018 гг. позволяют более детально обосновать этот вывод.

Как видно из представленных в таблице 5.2.4 данных, между русскими, татарами и башкирами не существует никаких различий в поддержке традиционалистских смыслов терминальных ценностей на уровне, характерном для всех исследованных регионов России. Причем таких различий нет как на внутрирегиональном, так и на межрегиональном уровне. Разумеется, это не означает сходства культур рассматриваемых народов. Поскольку речь идет

о той или иной степени поддержки ценностных смыслов абстрактно-идеологического уровня, то можно говорить об определенном уровне сформированности общероссийской политической культуры, являющейся существенной составляющей феномена политической нации, имеющего надэтнический характер. Существенное различие между сравниваемыми регионами в долях тех, кто находится в процессе переосмысления терминальных ценностей и тех, кто придерживается модернистских диспозиций может свидетельствовать о том, что процесс формирования общей политической культуры в разных регионах России проходит неравномерно. Тем не менее отсутствие различий в долях поддержки традиционалистских смыслов терминальных ценностей позволяет утверждать, что традиционалистская идентичность является общероссийской, независимо от национальной принадлежности.

Таблица 5.2.4

Распределение позиций на шкале «традиционализм — модернизм» для инструментальных и терминальных ценностей в разных национальных группах россиян, 2017–2018 гг., *в % от ответивших по всему массиву*

Позиция по шкале «традиционализм — модернизм»	Республика Башкортостан			ХМАО–Югра		
	Башкиры	Татары	Русские	Башкиры	Татары	Русские
Терминальные ценности						
Традиционализм	52,6	49,1	56,1	55,7	49,3	56,1
Промежуточная позиция	41,1	42,7	37,4	24,7	26,8	22,4
Модернизм	6,3	8,2	6,4	19,6	23,9	21,5
Инструментальные ценности						
Традиционализм	44,5	46,3	49,7	24,7	14,8	18,8
Промежуточная позиция	46,0	44,5	42,2	21,6	19,6	17,5
Модернизм	9,5	9,1	8,1	53,6	65,6	63,7

Необходимо также обратить внимание на явные различия в уровне модернизированности инструментальных ценностей у представителей всех национальных групп в Республике Башкортостан по сравнению с респондентами тех же национальностей в ХМАО–Югре. Внутри своих регионов русские, татары и башкиры имеют сходные уровни поддержки модернизированных смыслов.

Но существуют отчетливые различия между башкирами Башкортостана и башкирами ХМАО, русскими этих регионов, так же, как и татарами, проживающими в Башкортостане и ХМАО. Если мы обратимся к данным, представленным в таблице 5.2.1, то увидим, что респонденты Республики Башкортостан являются самыми традиционалистски ориентированными в отношении инструментальных ценностей. Следом за этим регионом с большим отрывом идут Астраханская область и Ставропольский край. Возможно здесь мы имеем дело с отмеченным ранее на материалах общероссийской выборки традиционалистским «настроем» Юга России[1]. А ХМАО–Югра, лидирующая по уровню модернизированности инструментальных ценностей, входит в тройку лидеров экономического развития по России[2].

Отсюда следует крайне важный, на наш взгляд, вывод: *нет никаких оснований говорить об особом инновационном потенциале (или наоборот — особом традиционализме) тех или иных этнических групп России. Речь может идти, скорее, о традиционалистском (или модернистском)«настрое» массового сознания в том или ином регионе страны, определяемом преимущественно темпами и характером экономического развития регионов, экономической востребованностью инновационных подходов в них.*

---

[1] Российское общество и вызовы времени. Книга первая. С. 154.

[2] Москва, Петербург и Югра стали лидерами в социально-экономическом развитии регионов. [Электронный ресурс]: РИА Рейтинг URL: https://1prime.ru/state_regulation/20180523/828851617.html (Дата обращения: 13.07.2018).

5.3. Ценностные основания межрелигиозного согласия

Отдельный вопрос — насколько перечисленные выше ценностные основания могут способствовать поддержанию межрелигиозного согласия, особенно — между наиболее многочисленными в России религиозными сообществами православных и мусульман. До сих пор в общественном мнении популярны представления о конфликтности христианства и ислама, наиболее категорично сформулированные С. Хантингтоном: «До тех пор, пока ислам остается исламом (каковым он и останется) и Запад остается Западом (что более сомнительно), этот фундаментальный конфликт между двумя великими цивилизациями и свойственным каждой образом жизни будет продолжаться, определяя взаимоотношения этих цивилизаций в будущем в той же мере, в какой он определял их на протяжении минувших четырнадцати столетий»[1]. Не вдаваясь в детальное обсуждение концепции Хантингтона[2], можно отметить, что, во-первых, православие и ислам принадлежат к общей авраамической традиции, что уже позволяет сомневаться в их имманентной несовместимости и в том, что их вообще правомерно относить к разным цивилизационным моделям. Во-вторых, многовековая история совместного, относительно бесконфликтного проживания православной и мусульманской общин в России также опровергает указанный тезис Хантингтона. В рамках нашего подхода к исследованию ценностей мы полагаем, что межрелигиозное согласие православных и мусульман России может быть основано на общих традиционалистских истолкованиях терминальных ценностей общероссийской идентичности.

---

[1] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю Новикова. М.: ООО «Издательство АСТ». 2003., С. 332.

[2] Детальное обсуждение концепции С. Хантингтона на материалах наших исследований см в разделе 6.4 настоящей книги.

В массовом сознании широко распространен стереотип о склонности мусульман к традиционализму. Однако данные проведенного исследования этот стереотип не подтверждают (табл. 5.3.1).

Масштабы поддержки традиционалистских смыслов терминальных ценностей мусульманами обоих регионов никак не отличаются от уровня поддержки тех же смыслов православными. Если сопоставлять диспозиции мусульман и православных внутри регионов, то мы тоже не обнаруживаем существенных различий между представителями этих религий. Таким образом, мусульмане оказываются не б*о*льшими (и не м*е*ньшими) традиционалистами, чем православные. Сходство интерпретации православными и мусульманами терминальных ценностей свидетельствует, на наш взгляд, о формировании среди верующих России разной религиозной принадлежности общей политической культуры.

Таблица 5.3.1

Распределение позиций на шкале «традиционализм» — «модернизм» в ценностной системе православных и мусульман, 2017–2018 гг.
в % от ответивших в каждом регионе

Позиция по шкале «традиционализм — модернизм»	Республика Башкортостан		ХМАО–Югра	
	Православие	Ислам	Православие	Ислам
Терминальные ценности				
Традиционализм	50,6	57,3	54,8	50,4
Промежуточная позиция	42,4	36,9	23,6	27,2
Модернизм	7,1	5,8	21,6	22,5
Инструментальные ценности				
Традиционализм	46,6	48,2	17,0	22,8
Промежуточная позиция	44,9	43,0	20,1	17,0
Модернизм	8,6	8,7	62,9	60,1

Важно так же отметить, что между мусульманами и православными внутри регионов не наблюдается различий в уровне модернизированности осмысления инструментальных ценностных ориентиров, в то время как существуют различия этого уровня у мусульман Башкортостана по сравнению с мусульманами ХМАО точно так же, как и у православных сравниваемых регионов. Это позволяет дополнить сделанный выше вывод: *нет никаких*

оснований говорить об особом модернизационном потенциале (или склонности к архаике) представителей тех или иных религий России. Этот потенциал определяется скорее экономическим состоянием регионов, в которых проживают верующие.

Сопоставление оценок респондентами мусульманами и православными текущих социально-политических и социально-культурных реалий России показывает, что по большинству соответствующих позиций анкеты опроса статистически значимых различий не обнаруживается, что свидетельствует о согласованности гражданских позиций мусульман и православных. Однако есть ряд ключевых для поддержания межрелигиозного согласия вопросов, относительно которых в оценках мусульман и православных обнаруживается разногласие. Более детальный анализ оценок, данных респондентами мусульманами и православными, придерживающимися традиционалистских диспозиций, и представителями тех же религий, находящихся в процессе переосмысления ценностей, показывает, что решающий вклад в рассогласованность оценок вносят респонденты, отнесенные нами к этой последней группе.

Например, обнаружена рассогласованность оценок мусульман и православных в некоторых моментах их видения России и ее будущего. Так, есть различия в оценке усилий, направленных на возрождение России, как «великой державы» (табл. 5.3.2).

Приведенные в таблице 5.3.2 данные в целом по массиву свидетельствуют о наличии определенной рассогласованности между мусульманами и православными в оценке усилий по возрождению России как «великой державы». На наш взгляд, эти данные отражают уже отмеченную ранее в другом исследовании дискуссионность отношения россиян к такому терминальному ценностному ориентиру, как «Россия — великая держава»[1]. Можно предположить, что это происходит потому, что образ России как «великой державы» был подвергнут травматичной проверке реальностью международных отношений в 1990-е годы.

Однако необходимо обратить внимание, что при относительной согласованности рассматриваемых оценок мусульманами и православными, придерживающимися традиционалистских ценностных смыслов, фиксируется рассогласованность таких оценок

[1] Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая.

Таблица 5.3.2

Оценка усилий по возрождению России как «великой державы» мусульманами и православными с различной интерпретацией ценностных смыслов, 2017–2018 гг., *в % от ответивших по массиву*

Оценка усилий власти	Мусульмане	Православные
*Традиционализм**		
Такие усилия есть	30,5	25,0
Таких усилий нет	69,5	75,0
*Промежуточная позиция и модернисты***		
Такие усилия есть	37,4	26,5
Таких усилий нет	62,6	73,5
*В целом по массиву****		
Такие усилия есть	34,0	25,6
Таких усилий нет	66,0	74,4

*Асимптотическая значимость хи-квадрат Пирсона ⩾0,208
**Асимптотическая значимость хи-квадрат Пирсона ⩽ 0,035
***Асимптотическая значимость хи-квадрат Пирсона ⩽ 0,012

во мнениях мусульман и православных, находящихся в стадии трансформации ценностных смыслов, что дает рассогласованность оценок усилий власти мусульманами и православными в целом по массиву.

Такая же рассогласованность позиций православных и мусульман наблюдается в оценке ими одного из важных для многонациональной России, но политически дискуссионного параметра групповой идентичности, как степень ощущаемой близости мусульман и православных с людьми своей национальности (табл. 5.3.3).

На фоне практически одинаковой оценки ощущения близости с людьми своей национальности у мусульман и православных с традиционалистскими ценностными диспозициями особенно заметна небольшая доля переживающих чувство близости со своей национальностью православных по сравнению с мусульманами в группе тех, кто еще не определился в своих ценностных диспозициях. Эти примеры разногласий между православными и мусульманами, касающиеся только тех из них, кто не определился в осмыслении ценностных ориентиров, подтверждают еще раз

Таблица 5.3.3

Ощущение близости с людьми своей национальности мусульманами и православными с различной интерпретацией ценностных смыслов, 2017–2018 гг., *в % от ответивших по массиву*

Ощущение близости	Мусульмане	Православные
*Традиционализм**		
В значительной степени	38,5	30,3
*Промежуточная позиция и модернисты***		
В значительной степени	34,3	19,4
*В целом по массиву****		
В значительной степени	36,4	25,6

*Асимптотическая значимость хи-квадрат Пирсона ⩾0,138
**Асимптотическая значимость хи-квадрат Пирсона ⩽ 0,005
***Асимптотическая значимость хи-квадрат Пирсона ⩽ 0,002

общий вывод о том, что согласованное видение ситуации представителями разных религий обеспечивается в России сходным традиционалистским осмыслением ценностных ориентиров в рамках формирования общероссийской политической культуры.

Выводы

1. В процессе исследования ценностных оснований консолидации граждан современной России была сформулирована концепция ценностных смыслов, которая, с одной стороны, позволила обобщить проведенные ранее исследования ценностей, а с другой — определить ценностные параметры, составляющие специфическую общероссийскую систему соотнесения (систему координат) восприятия и интерпретации текущих событий в стране и мире, разделяемую большинством россиян и определяющую «традиционалистский» имидж современной России в глобальном пространстве. Согласно этой концепции *набор ценностей*, их определенная структура в том или ином культурно-историчном сообществе признается относительно постоянной во времени, а процесс ценностной динамики сводится к изменению содержательного наполнения понятий, обозначающих общественные ценности.

Эти постепенные изменения содержания той или иной ценности можно расположить между двумя полюсами — *традиционалистские ценностные смыслы* и *модернистские* смыслы. Определить текущее состояние данной системы ценностей или сопоставить разные системы можно определив положение рассматриваемых систем ценностей на шкале «традиционализм — модернизм». *Традиционный* полюс ценностных смыслов определяется нами как центрированный на поддержание стабильности и преемственности во времени данного сообщества, а *модернистский* полюс смыслов *тех же ценностей* понимается как центрированный на поддержание определенности и самодостаточности отдельных индивидов (независимости от сообщества). Мы, вслед за другими исследователями ценностей, различаем терминальный и инструментальный уровни ценностей. На терминальном уровне ценностные императивы выполняют роль универсальных критериев оценки событий и явлений, на инструментальном — те же ценностные императивы выступают в роли руководства (или мотивации) к действию в повседневной жизни.

2. Согласно полученным данным, традиционализм россиян наиболее рельефно проявляется в их широкой поддержке традиционалистских смыслов терминальных ценностей (например, «Необходимо уважать традиции и общепринятые правила поведения в обществе»). В то же время происходит процесс активного переосмысления инструментальных ценностей в направлении их модернизации (например, «В общественных местах не обязательно одеваться и вести себя как все, строго следуя принятым правилам»). Это позволяет предположить, что терминальные ценности в процессе модернизации *связанных с ними* инструментальных коннотаций нижних уровней постепенно перестают выполнять функцию собственно императивов (предписаний к действию) и начинают функционировать в качестве маркеров общероссийской идентичности, т.е. демонстрируемых критериев принадлежности, отграничивающих российское культурно-историческое и даже цивилизационное пространство.

3. В то же время эти терминальные смыслы служат общероссийской системой соотнесения, обеспечивающей общую рамку восприятия событий внутри и вне России. В соответствии с нашим определением традиционалистского полюса сравнительно

широко распространенная поддержка традиционалистских смыслов терминальных ценностей означает, что общей основой той или иной оценки событий и явлений современности является то, насколько они отвечают необходимости поддерживать устойчивость и преемственность во времени российского культурно-исторического сообщества.

4. Поскольку речь идет о той или иной степени поддержки ценностных смыслов абстрактно-идеологического уровня, то можно говорить об определенном уровне сформированности общероссийской политической культуры, являющейся существенной составляющей феномена политической нации, имеющего надэтнический характер. Существенное различие между сравниваемыми регионами в долях тех членов сообщества, которые не определились в своем отношении к терминальным ценностям, и тех, кто придерживается модернистских диспозиций может свидетельствовать о том, что процесс формирования общей политической культуры в разных регионах России проходит неравномерно, что скорее всего может быть связано с социально-культурным контекстом их развития.

5. Нет никаких оснований говорить об особом инновационном потенциале тех или иных этнических групп или представителей тех или иных религий России. Речь может идти, скорее, о традиционалистском «настрое» общественного сознания жителей того или иного региона страны, независимо от их этнической или религиозной принадлежности.

ГЛАВА VI

Религиозность и межэтнические отношения

6.1. Теоретико-методологические подходы к этносоциологическому исследованию религиозности

Постановка проблемы

Массовая религиозность россиян проявилась в 1990-х годах в период кризиса государственной идентичности, размывания устоявшихся представлений о жизни, на этапе острых социально-экономических и политических трансформаций. Этот период можно определить как время переживания культурной травмы и формирования новых социальных идентичностей, в том числе религиозной и этноконфессиональной, пришедших на смену разрушенной идентичности «советского человека», верящего преимущественно в социальные идеалы. Модель культурной травмы, предлагаемая П. Штомпкой и Дж. Александером для описания переживания людьми какого-либо всеохватывающего кризисного опыта, описывается через понятие «события», тотально изменившего культурный ландшафт и жизнь, которое «оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность». Опыт переживания культурной травмы позволяет людям разделить *моральную ответственность* за эту травму[1], расширить «круг мы», найти ресурсы для расширения чувства позитивной коллективной социальной солидарности.

Всплеск религиозного сознания в 1990-е годы происходил на фоне катастрофического падения доверия власти, крайне низкого уровня доверия политическим институтам, судебной и правоохранительной системам и ограничением доверительных

[1] *Александер Дж.* Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / пер. с англ. Г. К. Ольховикова; под ред. Д. Ю. Куракина. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. С. 255–256.

отношений лишь кругом знакомых лиц[1] — родственниками, друзьями, сослуживцами, Общество, находящееся в состоянии кризиса и аномии, пыталось опереться на чувства этнической и религиозной общности как «примордиальные» основы и символы групповой солидарности. Возрожденное религиозное сознание стало ответом на резкие социальные изменения и девальвацию привычных ценностей. Религиозность в этот период помогала бороться с трудностями, поддерживала смысложизненные цели. И сегодня, спустя более чем 25 лет, в религии, согласно социологическим опросам, люди находят в первую очередь психологическую опору и нравственные ориентиры. В период 1990–2015 гг. доля согласных с тем, что религия помогает им в жизни, выросла с 23 до 55%[2]. Верующими и скорее верующими называют себя 85% россиян[3], а религиозные ценности достаточно широко представлены в политическом и культурном пространстве России.

Рост массовой религиозности при сохранении в России этнических культур и стоящих перед государством задач обеспечения межэтнического согласия и гражданского мира ставит вопрос о том, не является ли современная российская религиозность тормозом на пути движения страны в сторону современности. Исследования Р. Инглхарта и К. Вельцеля[4] показывают, что модернизация сопровождается развитием ценностей самовыражения и неизменно приводит к секуляризации, падению авторитета религиозных институтов и социальной роли традиционных религий. Однако Ю. Хабермас обращает внимание на усиление религиозного

---

[1] *Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, ВЦИОМ-А», 2004. С. 754–755.

[2] Религия: за и против. Опрос ВЦИОМ в июле 2015 г. Опрошено 1600 чел. в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республика России. [Электронный ресурс]: ВЦИОМ. Пресс-выпуск 2888. URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115329 (Дата обращения: 05.08.2016).

[3] Данные 24-й волны «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS–HSE), проводимого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН *(Сайты обследования RLMS-HSE: http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms u http://www.hse.ru/rlms)*».

[4] *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.

фактора внутри современных секулярных государств и призывает учитывать голос религиозно-ориентированных граждан, которых государство не должно «отчуждать ... от процесса принятия политических решений, даже тогда, когда они приводят религиозные основания.»[1].

Роль религиозного сознания в социальных процессах получает сегодня новое осмысление; стали появляться концепции, принимающие во внимание творческую роль базовой этнической культуры, традиционных религий, верований и этических ориентиров в осуществлении модернизационных преобразований. Национальная модель модернизации «на основе собственной идентичности» означает опору на локальную культуру и вовлечение в модернизационный процесс ценностей, обусловленных, в том числе, преобладающей религиозной традицией[2].

В России, как и во всем мире, растет политическое влияние религии, увеличивается роль религиозных организаций и лидеров в сохранении межэтнического согласия. Одновременно в политическом пространстве идет борьба, не исключающая конкурентности религиозных организаций за символический приоритет своего влияния на государственную политику.

Как элемент гражданского общества религиозные организации в состоянии внести весомый вклад в предупреждение межэтнической и межконфессиональной напряженности. В России в Президиум Межрелигиозного Совета входят главы четырех традиционных религий России, а в числе его целей указывается противодействие использованию религиозных чувств в разжигании межэтнических конфликтов. В российском массовом сознании соединяются уважение к традиционным религиям и не противоречащее этому стремление к защите светского характера государства. Согласно данным ВЦИОМ, 70% россиян доверяют РПЦ[3], но лишь 10% одобрили бы восстановление государственной

---

[1] *Хабермас Ю.* Между натурализмом и религией. Философские статьи. М.: Весь Мир, 2011. С. 125.

[2] *Федотова В. Г.* Модернизация и культура. М.: Прогресс-Традиция, 2016. С. 120, 280.

[3] Динамика оценок одобрения и неодобрения деятельности общественных институтов. 2018 г. [Электронный ресурс]: ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennyx_institutov/ (Дата обращения: 18.06.2018).

религии на законодательном уровне. Большинство российских граждан (64%)[1] поддерживают светский характер государства, закрепленный в Конституции Российской Федерации. При этом на государственном уровне признается историческая роль религий России, их функции сохранения традиционных ценностей и нравственного единства.

Между тем, роль массовой религиозности россиян не ограничивается только функциями ценностной консолидации. Религия стала значимым элементом этнического самосознания (идентичности) и межэтнических отношений. Критерий «религия» при формировании этнической идентичности (в процессах внутриэтнической идентификации и межгрупповой дифференциации) не обладает большой значимостью в мирное время, но у нее велик потенциал этногрупповой мобилизации в периоды межэтнической напряженности и конфликтов. По данным многолетних исследований, осуществляемых Центром этнической социологии Института социологии РАН, при ответе на вопрос о том, что больше всего объединяет их с людьми своей национальности, от 20 до 60% опрошенных в разных регионах выбирают религию как признак этнической идентификации и опору этнического самосознания.

Публичные дискуссии о роли традиционных российских религий (прежде всего православия и ислама), их участия в сохранении ценностей, а также обсуждение проблем религиозного радикализма и мотиваций религиозного террора (в том числе вооруженной борьбы за «чистоту веры») побуждают человека к самоопределению в категориях этничности и веры. В этом случае этническая принадлежность и религиозность как неотъемлемый элемент культурной традиции позиционируются в социальных взаимоотношениях и социальных статусах вместе как не дифференцируемая категория, формируя структуру этноконфессиональных идентичностей россиян. Введение в школах учебного предмета «Основы религиозных культур и светской этики» способствует формированию

[1] Церковь и общество: вместе или порознь? Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 16–17 мая 2015 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. [Электронный ресурс]: ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2861. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=61 (Дата обращения: 18.06.2018).

и закреплению религиозной идентичности уже на уровне первичной социализации.

Социальный потенциал религиозности в формировании и поддержании межэтнических отношений изучен недостаточно. Возникает вопрос: будет ли религиозность поддерживать межэтническое согласие или, наоборот, укреплять границы и усиливать дистанцию в условиях массового формирования этноконфессиональных идентичностей и усиления роли религии в поликультурном российском обществе? Радикализация религиозного сознания может выражаться в нетерпимости к представителям иных конфессий или во внутриконфессиональных противоборствах, а также в негативном отношении к представителям определенных национальностей (в силу рутинного соединения этнической и религиозной принадлежности).

С социологической точки зрения участие религиозного фактора в современных межнациональных отношениях в России может выражаться в нескольких направлениях: 1) в установках православного большинства по отношению к другим, не православным конфессиям, прежде всего к исламу и представляющим его этническим сообществам (народы Урало-Поволжья и Кавказа, приезжие из Средней Азии) и отношении последних к православию и русским; 2) в рисках формирования «низового» религиозного радикализма и фундаментализма (главным образом, со стороны православных и мусульман), который может принимать форму взаимной этнической ксенофобии; 3) во влиянии религиозных организаций и духовных лидеров на межэтнические отношения, вовлечение религиозной идентичности в межэтнические конфликты; 4) в межэтнической напряженности, возникающей среди мусульман, принадлежащих к различным религиозно-правовым школам (или отказывающихся от принадлежности); 5) в рисках слияния религии этнического большинства с государством, полиэтническим по своим этнокультурным характеристикам (идеологема современной России как православного государства) и др.

Понимая всю сложность и противоречивость влияния религиозности на межнациональные отношения, мы сосредоточимся на изучении ее позитивного воздействия, принимая во внимание возможные риски.

Согласно Декларации ЮНЕСКО[1] межэтническая толерантность трактуется в соответствии с понятием прав человека как уважение к окружающим, умение сотрудничать с людьми независимо от их этнической и религиозной принадлежности, устойчивость к культурному разнообразию и готовность к мирному урегулированию возникающих конфликтов. В России в условиях этнического и религиозного разнообразия она может быть дополнена принципом «сосуществования различных этноконфессиональных традиций»[2].

Доктринальной основой взаимодействия православия и ислама, с которым себя соотносит большинство населения России, и ресурсом укрепления межнационального согласия являются «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» (принята в 2000 г.) и «Основные положения социальной программы российских мусульман» (принята в 2001 г.). Стремление к ненасильственному разрешению межнациональных противоречий, взаимное уважение и диалог, сотрудничество в социальной сфере, любовь к России — эти идеологемы мирного сосуществования двух религиозных традиций широко представлены в данных документах. Согласно социологическим исследованиям, в массовом сознании россиян сложился позитивный образ мусульман. По данным Левада Центра, 51% опрошенных положительно воспринимают мусульман (18% «очень положительно» и 31% «в какой-то мере положительно») и еще 31% нейтрально («ни положительно, ни отрицательно»). Суммарная доля россиян, воспринимающих мусульман в положительном или нейтральном ключе составляет 82%.

О своем негативном отношении упомянули 14% (4% — «очень отрицательно» и 10% «в какой-то мере отрицательно»)[3]. Для россиян характерна солидарность с мусульманами в стремлении к за-

---

[1] Декларация принципов терпимости ЮНЕСКО. 16 ноября. 1995. [Электронный ресурс]. Организация объединенных наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc (Дата обращения: 10.05. 2018).

[2] Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: управление рисками ксенофобии в обществе риска / Под ред. Ю. П. Зинченко, А. В. Логинова. М.: Федеральный институт развития образования, Академиздатцентр «Наука», 2011. С. 241.

[3] Отношение к религиям. [Электронный ресурс]: Левада Центр. URL: https://www.levada.ru/2018/01/23/otnoshenie-k-religiyam/ (Дата обращения: 18.06.2018).

щите святынь: 72% опрошенных согласны с мнением, что «публикации карикатур на пророка Мухаммеда недопустимы, поскольку они оскорбляют мусульман»[1].

Вместе с тем, замеры уровня религиозности и межконфессиональных отношений на общероссийской выборке лишь в некоторой степени позволяют оценить участие религиозного фактора в формировании позитивных или негативных межэтнических отношений. Для реальной оценки роли религиозности в процессах формирования межэтнического согласия или напряженности необходимо исследование этих феноменов на локальном уровне и в региональном разнообразии. Взаимосвязь различных аспектов религиозности, доверия и этнических установок позволит нам изучить социальный характер современной российской религиозности, ее потенциал в сохранении позитивных межэтнических отношений.

С началом политических реформ и обретением права на свободу совести религиозная идентичность россиян проявила себя в разных формах — как идентичность мировоззренческая, основанная, в первую очередь, на вере в Бога (в богов, в сверхъестественную силу, в высший разум), как идентичность культурная (когда религиозность выступает неотъемлемой и ценной частью культурной традиции) и как идентичность этноконфессиональная, формируемая на основе потребности в принадлежности к устойчивой этнической макро-общности, скрепленной единой религией («общей верой»).

Современная актуализация религиозных идентичностей и мотиваций, восстановление религии как регулятора социальных взаимоотношений, рост ее политического влияния являются общемировыми трендами[2]. Специфика исследования регулятивной роли религиозности в формировании межэтнических отношений

---

[1] Теракт в Париже: Карикатуры, ислам, запреты [Электронный ресурс]: Левада Центр URL: https://www.levada.ru/2015/01/29/terakt-v-parizhe-karikatury-islam-zaprety/ (Дата обращения: 17.06.2018).

[2] *Каргина И. Г.* Религия и конфликт: современные доминанты предметного поля социологического анализа // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 4814–4825; *Мчедлова М. М.* Социокультурные смыслы политики: новая логика интерпретации и религиозные референции // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 157–174.

обусловлена тем, что религиозность в условиях российской поликультурности часто проявляется во взаимосвязи с этничностью. Взаимное влияние этнических и религиозных процессов наиболее выпукло обнаруживает себя в политике, рождая феномен «этноконфессионализма»[1] как репрезентацию этнических и религиозных ценностей в политическом пространстве.

Консолидирующая роль религии, ее функция обеспечения ценностного единства изучалась Э. Дюркгеймом и Т. Парсонсом, особенно отмечалась ее роль как позитивного социального регулятора. Культурсоциологический подход Дж. Александера обращает внимание на роль *идеалов,* коллективных чувств и представлений, в том числе религиозных, рассматриваемых как независимые переменные, оказывающие принципиальное *упорядочивающее* влияние на социальные изменения[2]. Касаясь религиозных чувств как установки в отношении «священного», культурсоциологический подход опирается на положение Дюркгейма о том, что современные люди, несмотря на успехи экономического и технического прогресса, продолжают испытывать потребность в переживании мистического, которое открывается «непосредственно через ритуальные встречи с сакральным»[3].

На дезинтегрирующую роль религии указывал М. Хантингтон[4]: не отрицая ее консолидирующей роли, он справедливо обратил внимание на то, что в социальный конфликт, возникший по вполне светским и «мирским» основаниям, могут вовлекаться религиозные идентичности и представления, спровоцировав тем самым участие в нем религиозных мотиваций. В социологических работах конфликтологической направленности религия рассматривается как мощный символ этногрупповой конфликтной мобилизации[5], и потому стала очевидной ее двоякая роль в процессах социальной динамики — религия является фундаментальным источником согласия, и она же может быть основой возникновения конфликтов.

---

[1] *Семенов В. В.* Этноконфессиональная специфика проявления национального и религиозного в политике // Власть. 2010. № 2. С. 110–113.

[2] *Александер Дж.* Указ. соч. С. 58–69, 83.

[3] Там же. С. 488.

[4] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2014. С. 432.

[5] *Horowitz D.* Ethnic groups in Conflict. University of California Press. 2001.

Этноконфессиональные процессы, понимаемые как взаимовлияние религии и этничности в социальных отношениях, стали предметом исследования российских ученых сравнительно недавно[1], в конце 1990-х годов, когда этничность и религиозность заявили о себе как о серьезных факторах социальной динамики[2]. Е. А. Кублицкая[3] отмечает, что этноконфессиональные факторы вступают в силу в том случае, когда существует угроза ущемления прав какой-либо национальности, ущерба ее культурному и традиционному наследию. По мнению Ш. Эйзенштадта[4], этнические и религиозные идентичности сегодня во всем мире изменяют свой статус, приобретая актуальность, они вплетаются непосредственно в сердцевину коллективных идентичностей. Особую остроту этому процессу придают глобальная нестабильность мира и риски религиозного терроризма.

Мы можем говорить об этноконфессиональной идентичности в том случае, когда религиозность становится востребованным маркером этнического самоопределения. Этноконфессиональные процессы, ядро которых составляют религиозность, этничность, этнические установки, этнически и религиозно окрашенные ценности, наиболее выпукло могут проявляться в поликультурных и ресурсных регионах России.

Включение религии в политический контекст позволяет рассматривать этноконфессиональные отношения как фактор поли-

---

[1] Религия в самосознании народа (Религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М. П. Мчедлов. М.: Институт социологии РАН, 2008.

[2] *Авксентьев В. А., Шульга М. М.* Этноконфессиональные отношения в Ставропольском крае: опыт конфликтологического анализа // Конфликтология. 2014. Т. 3. С. 148–162; *Жаде З. А., Шадже А. Ю., Ляушева С. А.* Состояние этносоциальных процессов и уровень межэтнической напряженности на Юге России: экспертное мнение // Теория и практика общественного развития. 2016. № 5. С. 18–23.

[3] *Кублицкая Е. А.* Специфика межэтнического и этноконфессионального взаимодействия в регионах Российской Федерации (социологический мониторинг) // Социология религии в обществе позднего модерна (Памяти Ю. Ю. Синелиной). Материалы Третьей Международной научной конференции / Отв. ред. С. Д. Лебедев. ИД «Белгород», 2013. С. 249–264.

[4] *Эйзенштадт Ш.* Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация // Государство. Религия. Церковь. 2012. № 1(30). С. 33–56.

тического риска[1]. В силу присутствия религиозной составляющей, этноконфессиональная идентичность формируется в сильной кооперации с ценностями и поэтому обладает большим потенциалом социальной регуляции в сфере социальных и межэтнических отношений.

Религиозность и ее проявления

Расставшись с атеистической идеологией, большинство россиян в той или иной форме обратились к религиозности, подтвердив основополагающий тезис К. Юнга о том, что религиозность как стремление и поклонение чему-то высшему, свойственна самой природе человека[2] и эта «религиозная функция» психики столь же сильна, как и первичные биологические инстинкты. В таком же ключе рассматривал религиозность Э. Фромм, полагая, что человек «нуждается в объекте почитания и преданности, подчинения и любви» и религиозность выражает эту экзистенциальную потребность[3]. П. Тиллих утверждал, что человек изначально религиозен, как аспект человеческого духа религиозность присутствует во всех проявлениях культуры, указывая на «предельное, бесконечное и безусловное в человеческой духовной жизни»[4]. Г. Зиммель указывал, что «глубинное основание, опираясь на которое категория религиозности может стать формой социальных связей, создана благодаря удивительному сходству, существующему между отношением индивидуума к божеству и его отношением к соци-

---

[1] *Перегудов С. П.* Этноконфессиональные отношения в России как фактор политического риска // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2011. № 4(63). С. 19–34.

[2] *Юнг К. Г.* Психология и религия // Избранные работы / Перевод и оставление А. М. Руткевича. СПб.: Издательство РХГА, 2014. [Электронный ресурс]: Электронная библиотека. URL: http://www.klex.ru/32d (Дата обращения: 10. 07.2017).

[3] *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М.: «Издательство АСТ-ЛТД», 1998.

[4] *Тиллих П.* Избранное. Теология культуры. / Пер. с англ. Сост. С. Я. Левит, С. В. Лезов. М.: Спб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.

альной общности»[1]. Он писал о субъективной религиозности как психологической ориентации в отношении некоего высшего порядка и высшей ценности. Он ввел в социологию представление о «зачатках» религиозного чувства, присутствующего в виде «возвышенных порывов» в социальных отношениях, восприятии природы, эстетических переживаниях — везде, где есть бескорыстная жертвенность, высокая степень эмоциональности, предчувствие высшей ценности: «напряжение или подъем, уничижение или благодарность, ...волнение, будто за всем этим стоит и говорит в нас душа»[2]. Такая религиозная установка человеческого сознания (и бессознательного), не будучи скованной идеологическими рамками и запретами, в полноте проявилась в массовом сознании россиян, обернувшись манифестацией различных видов религиозности — как традиционной монотеистической, так и нетрадиционной, в виде новых религиозных движений.

Рассматривая религиозность с этих методологических позиций можно считать, что идеологический вакуум, образовавшийся в духовной жизни постсоветского общества, с необходимостью должен был заполниться религиозным «контентом», воплощающимся как в институциональных, так и во вне-институциональных формах. Фиксировалось, что эта возникшая как бы ниоткуда религиозность россиян несет в себе черты магизма, зиждется на вере в паранормальные явления, суеверна и очень мало знает о религиозном учении.

Из всех доступных наблюдению религиозных феноменов в данном исследовании мы изучаем *веру*, *религиозную идентичность* и *религиозное поведение*. Взгляд на религиозность под этим углом зрения диктуется аналитическими запросами и позволит нам рассмотреть участие религиозного фактора в межэтнических отношениях.

---

[1] *Зиммель Г.* Избранное. Т. 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. С. 558.

[2] *Зиммель Г.* Религия: социально-психологический этюд / Зиммель Георг; пер. с нем. Бердоносова М. и Лямбек О.; под ред. Котляревского С. А.; издание М. и С. Сабашниковых. М.: Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1909. [Электронный ресурс]: Библиотека религиоведения и русской религиозной философии в изданиях XVIII — н. XX в. URL: http://relig-library.pstu.ru (Дата обращения: 10.07.2017).

Мы полагаем, что именно вера (как чувство связи с Богом или сверхъестественным) и религиозная идентичность (как чувство принадлежности к сообществу единоверцев на основе общей веры), а также сопутствующие им мотивационные побуждения и установки, в той или иной мере обусловливают участие религиозного сознания в осмыслении происходящих в обществе процессов, в том числе — оценке межэтнических и межконфессиональных отношений.

Наша задача — оценить миротворческий потенциал религиозности в условиях православно-исламских взаимодействий, в ситуации этнокультурной и территориальной вариативности регионов России.

Религиозная идентичность

Исследование религиозной идентичности имеет высокую практическую значимость, так как в силу активного участия религиозных организаций в жизни российского общества межнациональные отношения нередко приобретают характер межконфессиональных отношений, и религиозная идентичность россиян вовлекается в процессы формирования и поддержания этнических границ. В аналитических целях мы разделяем религиозную и этноконфессиональную идентичности, так как, на наш взгляд, они не тождественны друг другу в содержательном отношении. Религиозная идентичность — это скорее мировоззренческая идентичность, она подразумевает поиск богообщения и опирается на общность вероучения и моральное единство группы. Этноконфессиональная идентичность складывается как часть этнической идентичности, она активно формируется, когда общая религия становится востребованным этническим маркером.

Социологи обращают внимание на то, что религиозные верования и ценности современного человека фрагментарны и синкретичны, не представляют собой целостную и непротиворечивую систему, прямо влияющую на поведение верующих[1]. Будучи раз-

[1] *Пруцкова Е. В.* Религиозность и ее следствия в ценностно-нормативной сфере //Социологический журнал. 2013. № 2. С. 72–88.

мытой[1], современная религиозность сильно зависит от социального контекста и почти не манифестируется в обыденных установках людей, мало проявляется на уровне ценностных предпочтений верующих.

Существуют и трудности с концептуализацией религиозности. Под религиозностью современные исследователи понимают различные религиозно-окрашенные феномены, такие как вера, религиозные установки, религиозная идентичность, религиозное поведение.

Анализ теоретико-методологических подходов к ее изучению позволяет сделать вывод о том, что это понятие, в зависимости от исходных теоретико-методологических предпосылок, может рассматриваться как религиозное сознание, религиозное поведение, содержание верований, религиозное мышление и концептуализироваться как многомерное или одномерное явление[2].

Если обратиться к концепту религиозной идентичности, которая формируется под давлением усложняющегося социального окружения как вид или часть социальной идентичности, то можно наблюдать воздействие религиозного фактора на сферу социальных отношений и взаимодействий. Как вид социальной идентичности религиозная идентичность подпадает под влияние процессов социального конструирования; как значимый элемент субъективной реальности[3], она формируется и передается благодаря присутствию в общественном и частном (приватном) пространстве религиозных категорий и классификаций («православие», «ислам», «буддизм» и др.), религиозных знаний (репрезентирующихся, например, в религиозных праздниках, обрядах и элементах культуры), религиозных ценностей (представленных в дискурсе первых лиц государства и религиозных лидеров). Религиозная идентичность призвана облегчить человеку ориентацию в сложном социальном пространстве в условиях мировоззренческого и ценностного плю-

---

[1] *Каргина И. Г.* Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 108–115.

[2] *Бабич Н. С., Хоменко В. И.* Логические и практические трудности многомерного подхода к измерению религиозности // Социологический журнал. 2013. № 2. С. 89–96.

[3] *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

рализма и духовной свободы, обеспечивает достижение самотождественности (по Э. Эриксону[1]) в ситуации глобальных ценностных изменений и культурной трансформации.

Социологический ракурс исследования религиозной идентичности предполагает анализ религиозности (на личностном, групповом, социальном уровнях) сквозь призму взаимодействия религии как социального явления и общества, анализ степени религиозности и её количественных и качественных характеристик. Психологический подход позволяет рассмотреть мотивы религиозной идентичности. В современном обществе идентичность — это всегда выбор, налагающий определенную ответственность и имеющий последствия для личностной структуры. Как любая социальная идентичность, она содержит когнитивные, эмоциональные, поведенческие компоненты и подразумевает ценностную оценку факта принадлежности к данной категории/группе. На основе «сплава» этих компонентов формируется религиозная солидарность как чувство принадлежности к единоверцам.

В соответствии с механизмом своего происхождения массовая религиозная идентичность, как правило, поверхностна и подвижна, множественна, гибко реагирует на социальные вызовы и перемены культурного и политического ландшафта. Ее множественность может выражаться в том, что помимо традиционного для России монотеизма (христианство, ислам, иудаизм), она может содержать и компоненты языческих верований, суеверий, недифференцированной духовности (в стиле новых религиозных движений), может быть мировоззренческой (или духовной), культурной, этноконфессиональной, когда та или иная религиозность выступает компонентом культурной традиции или культура подталкивает к религиозной самоидентификации. Концептуализация религиозности как религиозной идентичности не отменяет её «примордиального» происхождения, но позволяет более прицельно взглянуть на механизмы социального влияния религиозного сознания на социальные взаимодействия.

---

[1] *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Пер с англ. А. Д. Андреевой, А. М. Прихожан, В. И. Ривош, Н. Н. Толстых; под ред. А. В. Толстых. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006.

Религиозная идентичность рассматривается нами как соединение веры, личных религиозных стремлений и мотивов с потребностью в социальной принадлежности к людям своей религии («своей веры»). Она является результатом отождествления (самоидентификации) с религиозными идеями, ценностями, символами, персонами, убеждениями, возникающими под влиянием экзистенциальной потребности в упорядочении и определении мира и себя с целью обретения смысла жизни и субъективной целостности. Для подавляющего большинства россиян их религиозная идентичность является сегодня категориальной идентичностью, которая строится на основе идентификации с социальной категорией «мы», выделенной на основе разделения религиозных представлений, эмоциональной вовлеченности и соучастия в религиозных ритуалах и обрядах.

В случае принадлежности к монотеистической традиции религиозная идентичность формируется как идентификация верующего человека со своей религиозной группой (как реальной, так и категориальной), разделение соответствующих идей и ценностей. Следование обычаю, участие в религиозных обрядах и ритуалах, рождает чувство групповой сопричастности к единоверцам и фиксирует данную идентичность в определенных «культурных кодах» (по Дж. Александеру). Актуализированная, субъективно значимая религиозная идентичность обладает сильным мотивационным потенциалом групповой солидарности. Можно различными путями операционализировать религиозную идентичность, в нашем случае ее индикатором служит *чувство интенсивно переживаемой связи с единоверцами*.

Анализ характерных особенностей религиозной идентичности может опираться на универсальные подходы, разработанные для исследования структуры любой социальной идентичности в рамках социально-психологической концепции межгрупповых отношений. К. Лич с соавторами показал, что любая ингрупповая идентификация (в нашем случае с единоверцами) слагается из пяти компонентов. 1)«Выраженность ингрупповой идентичности» показывает личную значимость идентичности для человека; 2)«ингрупповая гомогенность» раскрывает, насколько единообразной выглядит группа в глазах ее членов; 3) параметр «ингрупповой сплоченности» указывает на степень личной приверженности

группе, готовность разделять ее цели и ценности; 4)«удовлетворенность членством в группе» выражает позитивные эмоции, связанные с данной принадлежностью; 5)«самостереотипизация» отражает готовность членов группы воспринимать друг друга в едином «стандарте» и разделять общую судьбу[1]. Эмпирическая оценка этих параметров религиозной идентичности на российской выборке подтвердила эвристический потенциал данной модели, а эмпирические исследования религиозной идентичности российских буддистов и мусульман показали культурную универсальность структуры религиозной идентичности, включающей в себя пять указанных параметров/компонентов[2].

В нашем исследовании индикатор ощущения сильной связи с единоверцами (людьми своей веры)[3] определяет социально-психологические параметры *выраженности* идентичности и *ингрупповой сплоченности*, которые в совокупности отражают *интенсивность* религиозной идентичности (и могут рассматриваться как показатель ее силы). В исследовании мы рассматриваем религиозность как веру, идентичность и поведение с помощью таких индикаторов, как самоидентификация респондентов как «верующих» (и «скорее верующих»), ощущение сильной связи с единоверцами (проявление религиозной/этноконфессиональной идентичности), следование религиозным практикам. Прояснению роли религиозности в формировании межэтнического согласия помогает обращение

---

[1] *Агадуллина Е. Р., Ловаков А. В.* Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 4. С. 143–157.

[2] *Александрова Е. А., Хухлаев О. Е.* Особенности религиозной идентичности у буддистской молодежи (на примере студенческой молодежи Республики Калмыкия) // Известия Иркутского государственного университе 6та. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 19. С. 156–164; *Павлова О. С., Миназова В. М., Хухлаев О. Е.* Религиозная идентичность студентов-мусульман (на материале изучения молодежи, проживающей в Чеченской республике) // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 4. С. 90–99.

[3] Задавался вопрос: «Встречая в своей жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хотя и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о Вас, то о ком Вы могли бы сказать: “Это — Мы”? В какой степени Вы ощущаете близость с людьми Вашей веры, того же вероисповедания, что и Вы?». Варианты ответов: «в значительной степени», «в некоторой степени», «не ощущаю близости».

к концепту доверия. Эмпирическое исследование религиозности, доверия и межэтнической толерантности[1] показывает, что это взаимосвязанные феномены.

Еще один подход — исследование религиозности сквозь призму понятия *этноконфессиональной идентичности* (или этнорелигиозного самосознания). Он сформировался в конце 1990-х годов на волне процессов этнического возрождения. В ситуации слома советской социально-политической системы и идеологии, глубоких общественных трансформаций, религия и этничность для бывших советских граждан стали естественной опорой для поиска новой объединяющей макро-идентичности. Этноконфессиональная идентичность сформировалась как часть этнической идентичности, как результат отождествления человека со «своей» религией, этнической культурой, как тесная связь религиозного и этнического самосознания. В основе этноконфессиональной идентичности часто лежит потребность в принадлежности к своему народу и вере отцов. В некотором роде этноконфессиональную идентичность можно рассматривать как историческое наследие дореволюционного периода, когда народы в Российской империи дифференцировались на основе конфессионального фактора, а этническая принадлежность прочно соединялась с конфессиональными маркерами (русские — православные, татары — мусульмане...). М. П. Мчедлов указывает на действие бессознательных механизмов идентификации, воспроизводящих этноконфессиональные идентичности[2], при этом религии в иерархии идентичностей, по его мнению, принадлежит традиционная константа.

Наравне с преобладающей православной религиозно-культурной традицией, в России представлены иные конфессии, наиболее влиятельными из которых являются ислам и буддизм. В поле исследования этнических процессов конфессиональная принадлежность рассматривается как важный маркер этнической идентичности. Исследование ислама, буддизма, православия ведутся в рамках этнической социологии, где религиозная идентичность

---

[1] *Рыжова С. В.* Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. 2017 № 3. С. 44–63.

[2] Религия в самосознании народа (Религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М. П. Мчедлов. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 13.

рассматривается как атрибут «этнического возрождения», происходившего в республиках Российской Федерации в 1990-е годы. Исследования в республиках России (Татарстан, Башкортостан, Саха (Якутия)), проводившиеся Отделом этнической социологии ИС РАН в 1990–2000-х годах, показали, что религия является устойчивым элементом этнической идентификации; значимость этого маркера не самая высокая, но его роль велика в процессах этнической мобилизации. Отмечается, что процесс «этнического возрождения» сопровождался повсеместной *этноконфессионализацией*, базирующейся на тесной взаимосвязи этнического и конфессионального компонентов в нормативных представлениях, а также в праздничной и бытовой культуре[1]. В 1990-е годы исследователями фиксировался стремительный рост этнического самосознания титульных (дающих название республикам Российской Федерации) народов России, значительная роль в котором отводилась возрождению религиозности. Русские, отставая в темпах роста этнического самосознания и религиозности от инонациональных россиян, начиная с середины 1990-х годов продемонстрировали высокие темпы роста последних и к середине 2000-х достигли высоких показателей религиозной (православной) идентичности и этнического самосознания. Эмпирические этносоциологические исследования дают основание считать, что пока в России сильна этническая идентичность, будет широко распространена и этноконфессиональная идентичность.

С. Филатов и Р. Лункин, анализируя статистику постсоветской религиозности, отмечают, что именно этнический принцип исчисления дает наибольшие показатели религиозности, когда религиозность автоматически приписывается *всем* представителям данной этнической общности, согласно правилу «один народ — одна вера». К такому принципу оценки уровня религиозности граждан часто прибегают ангажированные политики, нередко для исчисления своей паствы этот принцип используют священнослужители и религиозные деятели[2]. Как отмечалось выше, религиозная

---

[1] Этническая, гражданская и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 115.

[2] *Филатов С., Лункин Р.* Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005.

и этноконфессиональная идентичности содержательно отличаются друг от друга. Наравне с общим содержанием, в основе которого лежит вера и религиозные представления, каждая из них обладает индивидуальным набором качеств, идей и мотиваций, которые придают религиозной идентичности характер мировоззрения, а этноконфессиональной — характер этнической идентичности на основе общей веры.

Прояснению роли религиозного фактора в формировании межэтнического согласия помогает обращение к концепту доверия, поскольку религиозную веру и доверие можно рассматривать в качестве устойчивых традиционных культурно-обусловленных основ социальной общности.

Культура доверия

В статье «Нерациональные основания рациональности» Р. Коллинз[1] раскрывает связь доверия и религиозности, составляющих основу феномена «преддоговорной солидарности» в теории Э. Дюркгейма. Дюркгейм показывает, что уверенность в исполнении договоренностей зиждется на взаимном доверии, а оно, в свою очередь, обеспечивается более глубоким источником. Применительно к обществу времен Дюркгейма (конец XIX в.) этим источником была *религия и ее ритуалы.* На протяжении веков религия обладала цементирующим началом, была основой социальной солидарности и, как мы сказали бы сегодня, выступала базисом культуры доверия.

Между тем, в эпоху советского атеизма, особенно начиная с 1960-х годов, культура доверия, тоже, безусловно, присутствовала, но зиждилась на вере в посюсторонние, вполне мирские высшие ценности — достижение равенства, служение советскому народу, патриотизм, победу коммунизма и т.д. Советское государство много делало для того, чтобы поддерживать в людях эту форму почти религиозной веры в социальные идеалы.

№ 6. С 35–45.

[1] *Коллинз Р.* Социологическая интуиция: Введение в неочевидную социологию // Личностно-ориентированная социология. М.: Академический Проект, 2004. С. 433.

В переходный период, на волне смены ценностей была сломана и советская культура доверия, и россияне долгое время не доверяли друг другу и новым политическим институтам. Лишь доверие символическим фигурам — президенту, патриарху и армии стабильно держалось на высоком уровне. Как показал П. Штомпка[1], в том числе на примере польского постсоциалистического общества, для формирования культуры доверия нужны длительные и устойчивые благополучные социальные отношения, складывающиеся в условиях безопасности и стабильности.

Эриксон одним из первых обратил внимание на связь стабильных социальных институтов и доверия. Он показал, что базовое доверие к миру формируется, в том числе, благодаря существованию в обществе устойчивых социальных институтов и социальных ритуалов[2], которые поддерживают в людях чувство уверенности и безопасности. В условиях слабости гражданских институтов в качестве устойчивой традиции, формирующей базовое доверие, может выступать привычное для россиян уважение к власти — как государственной, так и церковной. Не исключено, что стабильность и преемственность церковной жизни с её обрядами, ритуалами и таинствами, уцелевшими в советский период, также является одной из немногих социальных институций, сохранивших преемственность с российской дореволюционной эпохой и эффективно поддерживающих в людях чувство базового доверия к миру и этнокультурной «самотождественности».

Нарушенная болезненными трансформациями 1990-х годов, культура доверия в настоящее время постепенно восстанавливается. По данным проведенного исследования, в регионах России около половины россиян (от 42 до 47%) считают, что людям в целом можно доверять[3]. А высокое доверие друзьям (практически такое же, как семье — свыше 90%) и невысокое доверие судьям (25–36%; в Карелии до 40%) свидетельствует о том, что потенци-

---

[1] *Штомпка П.* Доверие — основа общества. М.: Логос, 2014.

[2] *Эриксон Э.* Указ. соч. С. 92.

[3] В рамках наших исследований обобщенное доверие измерялось с помощью простой *4-х балльной* шкалы, включающей позиции: «большинству людей точно можно доверять», «большинству людей скорее можно доверять», «большинству людей скорее нельзя доверять», «большинству людей точно нельзя доверять».

ал культуры доверия широк, но его сдерживает недостаток правосознания, коррупция, слабость правовых институтов[1]. В этих условиях доверие власти можно рассматривать как важный элемент культуры доверия, поскольку на фоне слабости гражданских институтов доверие президенту обеспечивает необходимую «вертикаль» общественной (социальной) консолидации.

Проблема социальной интеграции для России актуальна не только в силу ее географических пространств, но и потому, что велика степень культурного, этнического, регионального разнообразия. Культура доверия является хорошим основанием для дальнейшей гражданской, ценностной солидарности и формирования правовой культуры. Доверие воспитывает толерантность к многокультурности, умение непротиворечиво существовать в этнически дифференцированном социальном пространстве и смыкается с пониманием толерантности[2] как морального идеала.

[1] Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества. С. 110–163.

[2] *Николсон П.* Толерантность как моральный идеал // Толерантность. Вестник Уральского межрегионального института общественных отношений. 2001. № 1. С. 129–146.

6.2. Религиозная идентичность, культура доверия и перспективы межэтнического согласия в регионах

Для изучения роли религиозности в процессах межэтнических отношений и формирования межэтнического согласия были выбраны регионы, отличающиеся повседневными православно-исламскими взаимодействиями (Башкортостан, ХМАО–Югра) и высоким ресурсным потенциалом (Московская агломерация).

Культура доверия, установки, формирующие климат межэтнического согласия, и их связь с религиозностью будут рассмотрены на примере Республики Башкортостан, Ханты-Мансийского автономного округа-Югры и Московской агломерации. Для сравнения будут привлекаться данные опросов, осуществленные в других российских регионах: в Астраханской и Калининградской области, в Республике Карелия, Ставропольском крае.

Москва — крупнейший многонациональный город с русским большинством и с сильными визуальными образами этнической вариативности, благополучный в социально-экономическом отношении мегаполис, стабильно занимающий первые позиции в рейтингах социально-экономического развития и качества жизни. Вместе с тем в Москве велик приток иноэтничных мигрантов, сильна конкуренция за высокооплачиваемые рабочие места, открываются большие возможности для личной самореализации. Большинство населения столицы — русские, православные по самоидентификации, и православная культура отчетливо представлена в визуальном пространстве Москвы.

Ведущие социологические центры единодушно отмечают, что доля населения России, которую можно отнести к традиционно верующим и назвать строго воцерковленными людьми (применительно к большинству россиян это понятие относится к православным по самоидентификации) или просто религиозно-вовле-

ченными, практикующими верующими, крайне невелика. По данным различных общероссийских исследований, людей, *регулярно* посещающих храм, исповедующихся и причащающихся, соблюдающих пост, молящихся (своими словами или по молитвослову), читающих Евангелие очень немного: согласно различным экспертным оценкам и эмпирическим данным, таковых не более 4–10%.

Однако тех, кто, тем не менее, не равнодушен к религиозно-обрядовой стороне повседневной жизни, достаточно много. В нашем исследовании доля приверженцев обрядовой религиозности (тех, кто верит и старается соблюдать обычаи и обряды), варьируется от 37% в Карелии до 68% в Астраханской области (см. табл. 6.2.1). В Московском регионе сторонников обрядовой религиозности 44%[1].

Таблица 6.2.1

Самоидентификация в отношении религиозной веры в регионах России. Распределение ответов на вопрос «Вы считаете себя верующим человеком?», *в % от опрошенных*

Варианты ответов	Московский регион, 2014 г.	Астраханская область, 2015 г.	Калининградская область, 2015 г.	Республика Карелия, 2016 г.	Ставропольский край, 2016 г.
Верующий, стараюсь соблюдать обычаи и обряды	44	68	41	37	52
Верующий, но не соблюдаю обычаев и обрядов	41	24	36	40	36
Колеблющийся	5	4	8	9	6
Неверующий, атеист	7	4	14	13	6
Затруднились ответить	1	0,2	2	0,8	0,8

Обрядовая религиозность включает в себя широкий спектр действий, которые не являются прямыми индикаторами воцер-

[1] Задавался вопрос: «Вы считаете себя верующим человеком?» с вариантами ответов: «да, верующий, стараюсь соблюдать обычаи и обряды», «верующий, но не соблюдаю обычаев и обрядов», «колеблющийся», «неверующий, атеист», «затрудняюсь ответить».

ковленности, но указывают на определенную меру вовлеченности человека в *религиозную культуру*. Для православного большинства — это участие в праздничной религиозной культуре — окрашивание яиц, освящение кулича и яиц на Пасху, зажжение свечей в храмах, особые яства на Рождество, святочные гуляния, редкие посещения церковной службы по праздникам или в связи с днями поминовения. К обрядовой стороне религиозности можно отнести и участие в обрядах жизненного цикла — крещение, бракосочетание, отпевание. Для мусульман — участие в религиозных праздниках Ураза-Байрам и Курбан-байрам, в обрядах бракосочетания, имянаречения, обрезания. Важно отметить, что обрядовая религиозность обязательно подразумевает коллективное действие, соучастие (прямое или опосредованное, через наблюдение) в коллективных/социальных ритуалах.

Согласно Конституции, Россия — светское государство. Статья 14 утверждает, что никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной. В начале 1990-х годов в России был опыт создания религиозных политических партий и объединений православно-христианского и исламского толка, однако последующим Федеральным Законом «О политических партиях» (статья 9) от 2001 г. было запрещено создание политических партий по признакам «национальной и религиозной принадлежности»[1]. В отсутствие государственной идеологии и артикулированной, разделяемой всеми членами общества национальной идеи, религиозные символы и ценности зачастую выполняют функцию социальной консолидации — как на общероссийском (общенациональном), так и на региональном уровне, особенно в республиках с присутствием исламской, буддистской культуры.

Как элемент традиции православная обрядовая религиозность составляет неотъемлемую часть российской репрезентативной культуры. Рождество Христово (7 января) является государственным праздником, День народного единства (4 ноября) — одновременно и праздник Казанской иконы Божьей матери, День крещения Руси (28 июля) является государственной памятной датой

[1] Федеральный Закон № 95–ФЗ «О политических партиях» от 11 июля 2001 г. [Электронный ресурс]: Российская газета. URL: https://rg.ru/2001/07/11/partii-dok.html (Дата обращения: 15.07.2018).

как событие, определившее религиозно-культурный тренд развития России.

Праздничные религиозные службы транслируются по телевидению, президент посещает Афон и монастыри, в школах страны введен учебный предмет «Основы религиозных культур и светской этики». Такая манифестация религиозной культуры дает основание многим ученым трактовать происходящее как угрозу клерикализации страны. Между тем, исследование в Московской агломерации показывает, что на уровне повседневности такая культурная обрядовая религиозность является, скорее, элементом культуры доверия (чем недоверия и цинизма), так как участвует в формировании установок убежденной нормативной этнической толерантности, выражающейся в готовности принять человека другой национальности в качестве *гражданина России* и *жителя своего города*[1]. Так, среди приверженцев обрядовой религиозности (верующих и стремящихся соблюдать религиозные обычаи и обряды) 33% готовы принимать человека другой национальности в качестве гражданина России, а среди приверженцев религиозности без обряда — 26%, готовность принять человека другой национальности в качестве жителя своего города — 30 и 22% соответственно.

В условиях дефицита гражданских институтов и правовой культуры, доверие и религиозность берут на себя функции обеспечения социальной интеграции: доверие обеспечивает продуктивность межличностной коммуникации, а религиозность поддерживает моральный консенсус. Оба эти феномена восполняют последствия общественных трансформаций, пережитых россиянами при

[1] Для оценки межэтнической толерантности использовалась модифицированная 4-х балльная шкала социальной дистанции Э. Богардуса. Готовность принять человека другой национальности оценивалась по шкале: «готов принять», «скорее готов принять», «скорее не готов принять», «не готов принять». Готовность принимать без сомнений рассматривается нами как *убежденная* толерантность, а готовность принять человека другой национальности как жителя своей страны и своего города — как *нормативная* толерантность, так как она диктуется нормами добрососедства; эмпирическое исследование, посвященное исследованию доверия и этнической толерантности, дает основание считать, что доверие является одной из основ этнической толерантности (подробнее см.: Рыжова С. В. Доверие и этническая толерантность в условиях социальных перемен // Социологический журнал. 2016. Том 22. № 1. С. 72–94).

смене эпох в 1990-х годах и служат культурным источником поддержания социальной стабильности в условиях дефицита развитой политической культуры.

Исследование показало, что интенсивная религиозная идентичность (сильная связь с единоверцами) может рассматриваться как элемент, поддерживающий культуру доверия. Среди людей с интенсивной религиозной идентичностью возрастает доверие власти разного уровня — правительству России, представителям региональной власти (мэру Москвы и губернатору Московской области), представителям местной власти.

Среди людей с интенсивной религиозной идентичностью (тех, кто ощущает тесную связь с единоверцами) доверие правительству России вырастает до 66% (среди не ощущающих связи — 37%), доверие представителям региональной власти — до 54% (среди не ощущающих связи 26%), доверие представителям местной власти — до 40% (а среди не ощущающих связи 23%) (табл. 6.2.2).

Таблица 6.2.2

Институциональное доверие в Московском регионе в зависимости от интенсивности религиозной идентичности, 2014 г., *в % от опрошенных*

Институты	В значительной степени ощущают близость с единоверцами	Не ощущают близости с единоверцами
Доверие правительству России	66	37
Доверие представителям региональной власти (мэру Москвы, губернатору Московской области)	54	26
Доверие представителям местной власти	40	23
Доверие судьям	26	26

Наиболее заметно влияние религиозности проявляется в формировании установок *обобщенного* доверия. Обобщенное доверие (к людям вообще) является универсальным показателем социального благополучия и отражает готовность общества к формированию стабильных гражданских ассоциаций. По данным нашего исследования, обобщенное доверие сильнее проявляется среди лиц с интенсивной религиозной идентичностью (50%) и слабее

среди тех, кто ею не обладает (40%). И еще один чувствительный индикатор формирования тесных горизонтальных связей — доверие соседям. Среди людей с интенсивной религиозной идентичностью доверие соседям достигает 66%, а среди не обладающих таковой — 54%.

Культура доверия, согласно П. Штомпке[1], это система правил, норм и ценностей, регулирующих оказание доверия. Эта динамичная система формируется в том случае, когда нормы доверительных отношений закрепляются как культурные нормы. Согласно проведенному исследованию в Московской агломерации, для людей с интенсивной религиозной идентичностью очень важно такое основание для доверия, как ответственность и верность слову (их выбирают 53% опрошенных среди ощущающих тесную связь с единоверцами и 33% среди тех, кто не ощущает связи), а безответственность и бессовестность, соответственно, для них чаще являются причинами для недоверия[2] (табл. 6.2.3).

Таблица 6.2.3

Основания для доверия/недоверия в Московском регионе в зависимости от интенсивности религиозной идентичности, 2014 г., *в % от опрошенных*

Причины доверия/недоверия людям	В значительной степени ощущают близость с единоверцами	Не ощущают близости с единоверцами
Основания для доверия		
Ответственные, держат слово	53	33
Основания для недоверия		
Безответственные, не держат слово	51	35
Не имеют совесть	52	46

Таким образом, не только интенсивная религиозная идентичность (как сильное чувство общности с единоверцами), но и характер ее переживания и манифестации, выражающийся в следо-

[1] *Штомпка П.* Указ. соч. С. 244.

[2] Задавался вопрос: «Назовите три главные причины, по которым Вы доверяете тем людям, которым доверяете» с вариантами ответов: «честные», «дорожат своей репутацией», «ответственные, держат данное слово», «уважают закон», «соблюдают принятые в обществе правила, «имеют совесть», «поддерживали меня в трудную минуту», «просто надеюсь, что они меня не подведут».

вании религиозным обрядам (и ритуалам) или пренебрежении ими, являются важными характеристиками религиозности в контексте культуры доверия. Как показало исследование, *обрядовая религиозность* оказывает влияние на становление последней через содействие формированию установок нормативной межэтнической толерантности.

Исследование религиозности в контексте культуры доверия нами осуществлялось в благополучном Московском регионе и на примере анализа православной религиозности (как религии этнического большинства). Не исключено, что в менее благополучных регионах или в условиях иного религиозно-культурного ландшафта результаты исследования были бы иные. Есть основания предполагать, что доверие и религиозность как установки массового сознания находятся под значительным влиянием социально-экономической и этнокультурной ситуации. Общность материальных интересов, общие нормы и ценности выступают как основания для современной «органической солидарности», построенной на разделении труда[1] и отражают взаимную зависимость людей.

Таким образом, интенсивную религиозную идентичность, подразумевающую чувство сильной связи с единоверцами можно рассматривать как фактор, работающий на поддержание культуры доверия. Среди людей с сильной религиозной идентичностью выше уровень обобщенного и межличностного доверия, участвующего в формировании межэтнической толерантности; как основания для доверия ими чаще рассматриваются такие нравственные критерии оценки поведения, как «ответственность» и «совесть», выступающие пред-договорными гарантами ненарушения договоренностей. Среди респондентов, придерживающихся «обрядовой религиозности» (верующие, стремящиеся соблюдать обычаи и обряды) сильнее установки нормативной этнической толерантности как готовность принять человека иной национальности в качестве гражданина России и жителя своего города, которые создают основу для культуры доверия.

Широкое распространение обрядовой религиозности позволяет посмотреть на роль и функции современного религиозного сознания россиян с позиций социологии религии Э. Дюркгейма.

---

[1] *Гофман А. Б.* Традиция, солидарность и социологическая теория. Избранные тексты. М.: Новый Хронограф, 2015. С. 171–172.

Основа религиозной веры для него — это, прежде всего, ритуал, обрядовое поведение в отношении некоего священного объекта или явления. Религия как совокупность веры (отношения к «священному»), ритуала (церемониала) и социальной идентичности, формируемой на основании принадлежности к единоверцам и общности моральных ценностей, в свою очередь, выражает собой *ценность* социальной (групповой, общественной) солидарности; ритуал формирует общественное единство[1], так как позволяет трансформировать «принадлежность» в «причастность».

В основе обрядовой религиозности, межэтнической толерантности и доверия лежит общий социетальный механизм — потребность сопричастности к целому, солидаристские общественные ориентации. Согласно Дюркгейму, социальная солидарность (как «интерсубъективное состояние») подразумевает определенную долю взаимной уступки, т.е. взаимную толерантность. Взаимосвязь этнической толерантности, доверия и религиозности, в том числе обрядовой, эмпирически подтверждает тезис Дюркгейма о том, что в современных обществах с высокой долей индивидуальной автономии, тем не менее, присутствует сильная потребность в «механической солидарности» как чувстве принадлежности к целому[2], выражение коллективного сознания; дефицит солидарности ведет к аномии, утрате социальных связей, нравственной и общественной деградации.

Данные исследования дают основание говорить о том, что религиозность сегодня в известной мере выполняет утраченные государством и пока не сформированные гражданским обществом функции общественной консолидации, а интенсивная религиозная идентичность как переживание тесной связи с единоверцами участвует в формировании межэтнической толерантности.

Участвуя в религиозных обрядах и ритуалах, члены общества получают возможность приобщиться к «высшим ценностям» и тем самым обновить свое чувство социальной общности. Р. Коллинз[3] указывает, что социальный ритуал, выполняемый по поводу свя-

---

[1] *Сафронов Р. О.* Теория ритуала Д. Маршалла в свете социологии религии Э. Дюркгейма // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. Вып. 2. С. 162–182.

[2] Там же. С. 183 и др.

[3] *Коллинз Р.* Указ. соч. С. 447.

щенных ценностей, позволяет группе накопить суммарную энергию и сфокусировать ее уже на вполне светских и посюсторонних явлениях, связанных с решением повседневных задач. Общественные ритуалы, совершаемые коллективно, создают чувство группового единства и являются ключом к обеспечению позитивной социальной интеграции, т.к. оформляют выражение потребностей людей в поклонении и групповой сплоченности. В современных условиях это наблюдение в полноте относится к практике коллективной молитвы в исламе, к православным коллективным религиозным обрядам и праздникам (богослужение, крестный ход, посещение кладбищ в дни поминовения).

В российском обществе актуальна потребность *в гражданской религии*[1], основывающейся, в том числе, на доверии и межэтническом согласии, — как системе объединяющих светских и религиозных ценностей и символов, общих для всех российских религий; актуальны общественные гражданские церемонии, поддерживающие чувство сопричастности к высшим («священным») ценностям и высшему порядку, рисующие контуры будущего гражданского общества. Массовая российская религиозность в значительной мере восполняет потребность людей в сопричастности к священному и высшим ценностям: коллективный энтузиазм в публичном поклонении святыням (пояс Богородицы, мощи свт. Николая Чудотворца, встреча мусульманских священных реликвий в Грозном в 2012 г., коллективное шествие «Бессмертный полк») говорят о насущной потребности общества в восстановлении ценностных основ социального единства.

Религиозность и межэтническое согласие в регионах активного православно-исламского взаимодействия

Взаимосвязь религиозности и этничности, их влияние на межэтнические отношения наиболее выпукло проявляется в регионах, где присутствуют тесные межэтнические и межконфессиональные контакты. Мы рассмотрим религиозность и ее участие

[1] *Белла Р.* Гражданская религия в Америке / Перевод с англ. С. Б. Веселовой, В. А. Егорова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 3. С. 162–182.

в формировании межэтнического согласия в различных этнических средах на примере башкир, татар и русских Башкортостана и ХМАО–Югры, в регионах, где сложились активные православно-исламские взаимодействия.

Принадлежность к различным конфессиям может выступить фактором, усиливающим социальную дистанцию и провоцирующим конфликты; латентная межэтническая напряженность может спровоцировать межэтнические противоречия при подключении религиозных мотиваций, усиливающих иррациональные составляющие конфликта. Радикализм возможен как со стороны этнического большинства, преимущественно православных по самоидентификации, так и со стороны мусульман.

Республика Башкортостан традиционно сложился как регион тесных православно-исламских отношений и исторического наследия институционализации ислама в России. Это республика с исламским большинством и ислам здесь является религией «титульной нации». Исследование проблем межэтнического согласия в условиях преобладающего влияния мусульманской культуры является актуальным для понимания роли религии в межэтнических отношениях. В Башкортостане высока религиозность, здесь 79% населения верующих по самоидентификации, 70% ощущают связь с единоверцами и 65% полагают, что религия играет важную роль в их жизни. В республике выразительно проявляется этноконфессиональная идентичность: согласно опросу, свыше 80% башкир и татар являются мусульманами, свыше 80% русских — православные. В этноконфессиональном отношении это регион с исламским большинством (60%). Помимо наиболее распространенных конфессий (православия и ислама) в Башкортостане представлены более 20 вероисповедных направлений[1], в том числе протестантские христианские деноминации.

По данным Левада-Центра[2], верят в Бога (в той или иной мере) 63% россиян, при этом треть из них являются безусловно

---

[1] Информация о религиозной ситуации и государственно-конфессиональных отношениях на территории Республики Башкортостан на 01.01.2018 г. [Электронный ресурс]: Официальный сайт «Глава Республики Башкортостан». URL: https://glavarb.ru/rus/administration/sovetpogosudarstvenno-konfessionalnimotnosheniyampriprezidenterb/ (Дата обращения: 21.06.2018).

[2] Опрос проведен 20–24 октября 2017 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 137 населенных пунктах 48 регионов страны.

верующими, поддерживая мнение «*Я знаю, что Бог существует и не испытываю в этом никаких сомнений*». Это вопрос включался нами в исследования в Республике Башкортостан и показал, что здесь доля людей безусловно верующих в Бога выше общероссийской — в Башкортостане не испытывают сомнений в существовании Бога 41% (поддерживают мнение «*Я знаю, что Бог существует и не испытываю в этом никаких сомнений*») и наибольшие показатели безусловной веры среди башкир — 47% (39% среди русских, 38% среди татар).

Религиозная ситуация в республике обусловлена историческими факторами. Православно-исламские взаимодействия составляют неотъемлемую часть истории России, освоение новых территорий всегда сопровождалось православной миссией. Как государственная религия, православие в виде монастырей, церквей и священников всюду следовало за продвижением власти государя на восток.

В истории башкирского края имели место попытки христианизации, известны грандиозные восстания башкир, спровоцированные борьбой за веру. С началом институционализации ислама в России (принятие Екатериной II в 1788 г. Указа о создании Уфимского Духовного магометанского собрания (с 1796 г. — Оренбургское) и закона о веротерпимости в 1773 г.[1]) межконфессиональные отношения стали формироваться в традициях мирного сосуществования. Сегодня Башкортостанская митрополия проводит политику интеграции всех этнических групп, приобщенных к православию (татары-кряшены, марийцы, чуваши, мордва), политика светского руководства декларирует и осуществляет принцип равного отношения ко всем религиозным организациям, поддерживая межрелигиозный диалог. В 2015 г. в Башкортостане было подписано Соглашение о социальном партнерстве между Республикой Башкортостан и лидерами традиционных конфессий — ислама, православия, иудаизма. Основные направления сотрудничества — развитие образования и культуры, социальная работа и благотворительность, противодействие религиозному экстремизму и радикализму. В ходе своего визита в Республику в 2016 г. Патриарх

[1] Этническая, гражданская и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 175.

Кирилл назвал Башкортостан образцом межрелигиозного и межнационального мира[1], регионом, где религия не является фактором межэтнического, социального, межконфессионального разделения.

В выступлении Главы Башкортостана Р. Хамитова межрелигиозные отношения называются «братскими», исторически сложившееся мирное добрососедство между жителями республики, исповедующими ислам, православие и иудаизм рассматривается как основа согласия и социальной стабильности[2].

С 2016 г. в Башкортостане действует государственная Программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Республики Башкортостан» (2017–2022 гг.), в ней указывается, что по этнической мозаичности Башкортостан занимает второе место в России, уступая лишь Дагестану. Среди целей Программы — укрепление духовной общности народов Башкортостана, которая, помимо гражданских и нравственных оснований, подразумевает стабильность и доверие в сфере межконфессиональных взаимодействий. Среди проблем, осложняющих межэтнические отношения, упоминаются «религиозно-политический и национальный радикализм и экстремизм»[3]. Риск их возникновения связывается с внешними факторами и деятельностью радикальных исламских организаций. С 2011 г. в республике функционирует «Совет при Президенте Республики Башкортостан по вопросам содействия укреплению межнационального согласия и мира», ведется большая практическая работа по поддержанию межрелигиозного мира.

---

[1] Патриарх считает Башкирию примером межрелигиозного мира. [Электронный ресурс]: Интерфакс-Религия. URL: http://www.interfax-religion.ru/index.php/interfax-russia.ru/%3Cbr%20/%3E%0D%0Ahttp://www.interfax-religion.ru/print.php?act=news&div=63281 (Дата обращения: 22.06.2018).

[2] Встреча с духовными лидерами традиционных конфессий. [Электронный ресурс]: Официальный сайт «Глава Республики Башкортостан». URL: https://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/62918.html?sphrase_id=3030690 (Дата обращения: 05.06.2018).

[3] Постановление Правительства Республики Башкортостан от 07.09.2016 № 379 «Об утверждении государственной программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов в Республике Башкортостан». [Электронный ресурс]: Министерство экономического развития Республики Башкортостан. URL: economy.bashkortostan.ru (Дата обращения: 05.06.2018).

Религиозность православных и мусульман строится на основе авраамической традиции единобожия. Вера в единого Бога является объединяющей сакральной ценностью. Согласно исследованиям[1], 83% жителей Башкортостана присоединяются к суждению «народов и религий много, но Бог у всех один», его поддерживают 82% башкир, 87% татар и 82% русских. Противоположное по смыслу утверждение «у каждого народа свой Бог и это всегда будет разделять людей» поддерживают лишь около 9% жителей республики. Вера в единого Бога как мировоззренческая основа религиозной идентичности мусульман и православных представляет собой универсалистское, «вселенское» представление о Боге как едином для всех людей. И это общее мировоззренческое ядро конфессиональной идентичности является реальной основой межэтнической и межконфессиональной толерантности мусульман и православных в Республике Башкортостан.

Религиозность и этничность в Башкортостане обладают высокой субъективной значимостью: 79% респондентов являются верующими, 78% считают, что современному человеку необходимо ощущать себя частью своей этнической общности и 80% никогда не забывают о своей национальности. Ощущают связь с единоверцами («в значительной степени» и «в некоторой степени») 70%, а 65% полагают, что религия играет важную роль в их жизни. Башкиры, татары и русские проявляют схожие ориентации (см. табл. 6.2.4).

Среди отметивших, что религия играет *важную роль* в их жизни, выше актуальность этнической («никогда не забывают о своей национальности») идентичности и этническая солидарность (согласие с суждением «современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальности»). У *верующих* этнические связи выражены сильнее — 32% верующих и лишь 17% неверующих ощущают тесную связь с людьми своей национальности[2]. А *неве-*

---

[1] *Рыжова С. В.* Этноконфессиональная идентичность и формирование религиозных политических ориентаций // Социологические исследования. 2015. № 10(378). С. 136–144.

[2] Задавался вопрос: «Встречая в жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хотя и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о Вас, то о ком Вы могли бы сказать: “Это — мы”? В какой степени Вы ощущаете близость с людьми Вашей национальности?». Варианты ответов: «в значительной степени», «в некоторой степени», «не ощущаю близости».

рующие реже оценивают в позитивном ключе межэтнические отношения (21% против 33% у верующих) и чаще отмечают внутреннюю межэтническую напряженность (23% против 14% у верующих).

Таблица 6.2.4

Религиозность и этническая идентичность в Башкортостане, 2017 г.
в % от опрошенных

Показатели религиозной и этнической идентичности	Башкиры	Татары	Русские	В целом в РБ
Верующие по самоидентификации	78	81	78	79
Мусульмане по самоидентификации	87	85	4	60
Православные по самоидентификации	1	4	81	30
Ощущают связь с единоверцами	74	69	74	70
Полагают, что религия играет важную роль в их жизни	69	63	64	65
Никогда не забывают о своей национальности	84	81	73	80
Полагают, что современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальности	82	79	75	78

В целом, массовая религиозность не мешает формированию в республике благоприятных межэтнических отношений. Напомним, большинство опрошенных оценивает их позитивно (79%), полагая, что они «доброжелательные» (33%) и «спокойные» (46%), 16% полагают, что межнациональные отношения «спокойные, но внутренняя напряженность существует», 4% считают их напряженными и 1% — «на грани открытых столкновений».

Массовая религиозность башкортостанцев не только не мешает формированию в республике благожелательных межэтнических отношений, но принимает самое непосредственное участие в формировании толерантных межэтнических установок, выражающихся в готовности к сотрудничеству с человеком другой национальности в различных сферах общественной и частной жизни. Готовность принять и умение сотрудничать с людьми независимо от их религиозной, этнической и расовой принадлежности, стремление к урегулированию противоречий в сфере межэтнических и межрелигиозных отношений, отказ от насильственных методов раз-

решения межэтнических противостояний составляют ключевую характеристику толерантного сознания[1]. Среди *верующих* в Башкортостане, согласно проведенному исследованию, готовность принять человека другой национальности выше не только в сфере формальных контактов (начальник и коллега), но и в сфере тесных межличностных отношений (готовность принять в качестве своего друга, соседа, супруга) (табл. 6.2.5).

В целом в Республике Башкортостан поддерживается высокий уровень межэтнической толерантности — 78% выражают готовность к мирному урегулированию возможных межэтнических конфликтов, поддерживая суждение «насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо» (78% среди мусульман и 79% среди православных), эта доля одинакова у башкир, татар и русских, как верующих, так и неверующих. *«Никогда» (*практически никогда) не испытывали враждебности к людям других национальностей 53% мусульман и 56% православных.

Таблица 6.2.5

Установки межэтнической толерантности в зависимости от религиозности в Башкортостане, 2017 г., *в % от опрошенных*

Готовность принять человека другой национальности в качестве …	Среди верующих	Среди неверующих
...начальника	60	53
...коллеги	71	63
...соседа	72	63
...друга	69	59
...супруга	60	52

Справедливость — востребованная ценность в социальных отношениях в современной России. Это относится и к сфере межнациональных отношений. В случае нарушения справедливости в отношении их народа или веры уже 35% респондентов допускают насильственные формы борьбы (36% мусульман и 35% православных) и 45% согласны, что любые средства хороши для защиты интересов их на-

[1] *Уолцер М.* О терпимости / Перевод с англ. яз. И. Мюрнберг. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000; Декларация принципов терпимости ЮНЕСКО. 1995. 16 ноября [Электронный ресурс]. Организация объединенных наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc (Дата обращения: 10.05.2018).

рода (43% мусульман и 50% православных). При этом среди *верующих башкир* (в сравнении с неверующими) выше потенциал к этногрупповой мобилизации как готовность защищать интересы своего народа или веры (50% против 36%). У *русских* обратная ситуация — готовность к применению насилия в случае нарушения справедливости в отношении их народа или веры) выше среди *неверующих* (53% против 37%) и среди них же выше готовность любыми средствами защищать интересы своего народа (60% против 50%) (табл. 6.2.6).

Мусульмане и православные единодушны в своем стремлении не допускать насилия в разрешении межнациональных противоречий и одобряют государственную поддержку развития всех этнических культур России. С суждением «государство должно поддерживать культуры и религии всех народов России» соглашаются 89% мусульман и 86% православных.

На уровне массового сознания в Башкортостане поддержка идей религиозного радикализма минимальна. Одобряют «вооруженных защитников чистоты веры» 3% среди мусульман и 7% среди православных. Большая часть опрошенных (47% мусульман и 46% православных) полагают, что это «преступники, с которыми следует бороться».

Таблица 6.2.6

Этнополитические установки башкир, татар и русских Башкортостана, 2017 г., *в % от опрошенных*

Этнополитические установки	Башкиры		Татары		Русские		В целом по РБ
	Верующие	Неверующие	Верующие	Неверующие	Верующие	Неверующие	
Насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо	78	82	77	72	79	74	78
Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры	34	40	29	30	37	53	35
Все средства хороши для защиты интересов моего народа	50	36	35	33	50	60	45

Однако тема религиозного радикализма присутствует в публичном пространстве республики — об этом говорит достаточно высокая доля сочувствующих вооруженной борьбе за веру (поддержка мнения «эти люди заблуждаются, но их в чем-то можно понять»): так думают 24% мусульман, 28% православных и еще 23% затруднились с ответом на этот вопрос. Неверующие чаще осуждают религиозный радикализм, 54% из их числа (в сравнении с 46% среди верующих) полагают, что «это преступники, с которыми следует бороться».

Религиозность и культура доверия в Башкортостане

В республике высокие показатели межэтнического и межконфессионального, обобщенного доверия («людям вообще») и доверия власти разного уровня. Уровень обобщенного доверия составляет 41% (41% у башкир, 39% у татар, 46% у русских)[1] и он такой же, как в других регионах — Москве и Московской области, Калининградской, Астраханской областях, Ставропольском крае[2]. Как и в указанных регионах, в Башкортостане уровень обобщенного доверия не зависит от национальности основных этнических групп, он не различается у башкир, татар и русских (табл. 6.2.7), что свидетельствует о схожести базовых установок к миру, формируемых исламской и православной культурами.

В Башкортостане мы наблюдаем интересную тенденцию — здесь уровень межконфессионального и межэтнического доверия оказывается выше, чем уровень обобщенного доверия. Мусульманам доверяют 78% башкир, 71% татар и 69% русских; православным — 73% башкир, 71% татар и 76% русских. Доверие людям других национальностей также высоко и составляет 62% у башкир, 59% у татар, 62% у русских (см. табл. 6.2.8). На таком же уровне находится и межконфессиональное доверие — 63% мусульман доверяют православным и 60% православных доверяют мусульманам.

---

[1] Напомним, что в рамках наших исследований обобщенное доверие измерялось с помощью простой *4-х балльной* шкалы, включающей позиции: «большинству людей точно можно доверять», «большинству людей скорее можно доверять», «большинству людей скорее нельзя доверять», «большинству людей точно нельзя доверять».

[2] Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества. С. 138–140.

Таблица 6.2.7

Уровень обобщенного доверия в Башкортостане, 2017 г.,
в % от опрошенных

Как Вы считаете, можно ли доверять большинству людей?	Башкиры	Татары	Русские	В целом в РБ
Большинству людей точно можно доверять	10	8	10	9
Большинству людей скорее можно доверять	31	31	36	33
В целом доверяют	**41**	**39**	**46**	**41**
Большинству людей скорее нельзя доверять	34	34	26	32
Большинству людей точно нельзя доверять	18	20	20	19
В целом не доверяют	**52**	**54**	**46**	**45**
Затруднились ответить	7	7	8	7

Исследование в Башкортостане показало, что уровень обобщенного доверия тесно связан с религиозностью, так как он существенно ниже у респондентов, не ощущающих связи с единоверцами (34%, в сравнении с 47% у ощущающих ее) и среди неверующих (до 33%, в сравнении с 45% среди верующих).

Таким образом, православная и мусульманская религиозные культуры, в общественном пространстве республики, не создают «далеких» культурных дистанций между основными национальностями республики и не формируют в массовом сознании башкортостанцев жесткие линии межэтнических и межконфессиональных границ.

Проблеме межэтнической напряженности, возникающей среди единоверцев мусульман — татар и башкир — будет посвящен отдельный раздел (см. далее раздел 7.4).

В исследовании мы используем индикатор ощущения тесной связи с единоверцами для изучения влияния религиозности на межэтнические отношения. В соответствии с 5-компонентной структурой социальной идентичности К. Лича, о которой было сказано выше, ощущение тесной связи с единоверцами[1] можно рассматривать

[1] Задавался вопрос: «Встречая в жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хотя и живут рядом, всегда

как показатель актуальности религиозной идентичности и ингрупповой сплоченности, которые в совокупности выражают ее *интенсивность*.

Таблица 6.2.8

Межконфессиональное и межэтническое доверие в Башкортостане, 2017 г., *в % от опрошенных*

Насколько Вы доверяете...	**Башкиры**	**Татары**	**Русские**
	Православным		
Полностью доверяют	15	14	25
Скорее доверяют	58	57	51
В целом доверяют	**73**	**71**	**76**
Скорее не доверяют	23	25	20
Совсем не доверяют	3	4	4
Насколько Вы доверяете...	**Башкиры**	**Татары**	**Русские**
	Мусульманам		
Полностью доверяют	18	18	19
Скорее доверяют	60	53	50
В целом доверяют	**78**	**71**	**69**
Скорее не доверяют	19	26	26
Совсем не доверяют	2	3	5
Насколько Вы доверяете...	**Башкиры**	**Татары**	**Русские**
	Людям других национальностей		
Полностью доверяют	13	10	17
Скорее доверяют	49	49	45
В целом доверяют	**62**	**59**	**62**
Скорее не доверяют	24	27	20
Совсем не доверяют	3	3	5

Как показало исследование, в условиях современного православно-исламского взаимодействия в Башкортостане интенсивная религиозная идентичность является элементом, поддерживающим

остаются чужими. Если говорить о Вас, то о ком Вы могли бы сказать: “Это — мы”? В какой степени Вы ощущаете близость с людьми Вашей веры, того же вероисповедания, что и Вы?». Варианты ответов: «в значительной степени», «в некоторой степени», «не ощущаю близости».

культуру доверия. Об этом свидетельствует следующая тенденция — среди тех, кто вообще не ощущает связи с единоверцами, значительно снижаются (в сравнении с теми, кто ее ощущает) ключевые показатели доверия, участвующие в формировании межэтнического согласия — взаимное межконфессиональное (православно-исламское) и доверие людям других национальностей, а также институтам власти разного уровня (табл. 6.2.9).

Так, среди тех, кто обладает интенсивной религиозной идентичностью (ощущает тесную связь с единоверцами) 76% доверяют православным, а среди не обладающих ею (не ощущающих тесной связи с единоверцами) — 41%; людям других национальностей доверяют 70 и 43% соответственно; мусульманам — 76 и 41%. Такая же тенденция сохраняется и в отношении доверия российской и республиканской власти. Правительству России доверяют 78% среди тех, кто ощущает тесную связь с единоверцами и 47% среди тех, кто её не ощущает; представителям республиканской власти, 72 и 37%, местной власти — 65 и 34% соответственно.

Таблица 6.2.9

Уровень доверия в Башкортостане в зависимости от интенсивности религиозной идентичности, 2017 г.,
в % от опрошенных

Доверие ...	В значительной степени ощущают близость с единоверцами	Не ощущают близость с единоверцами
Людям других национальностей	70	43
Православным	76	41
Мусульманам	76	41
Правительству России	78	47
Представителям республиканской власти	72	37
Представителям местной власти	65	34

В стремлении оказывать влияние на принятие государственных решений выражается политический тренд православия и ислама. Влияние религиозных организаций — Духовных управлений мусульман и Русской православной церкви на государственную политику поддерживают 38–40% мусульман и православных, и эта

поддержка в равной мере распространяется на ДУМ и РПЦ. Влияние РПЦ на государственную политику поддерживают 45% православных и 40% мусульман, а влияние ДУМ –38 и 45% соответственно. Возраст или образование не оказывают заметного влияния на эту установку. Неверующие (в сравнении с верующими) реже поддерживают религиозные организации в их стремлении оказывать влияние на государственную политику — лишь 31% из их числа поддерживают влияние РПЦ и 25% влияние ДУМ. Религиозные организации в лице Русской православной церкви и Духовных управлений мусульман много делают для сохранения в республике межнационального согласия. Из интервью: *«На самом деле, религиозные организации и их лидеры внесли большой вклад в сохранение. Даже у нас в Башкирии, в стабильном регионе, я помню в начале 90-х я помню — русские в Рязань, татары в Казань. Если бы религиозные общины, религиозные не поддержали... Потому что, если послушать проповеди наших духовных лидеров, везде говорится о мире, о необходимости сохранения согласия, понимания. Даже в проповеди, которые сегодня на всю Россию транслировались, об этом Верховный муфтий говорил. Об этом же говорит и глава Русской православной церкви» (*эксперт, Башкортостан).

Религиозное поведение и межэтническое согласие в Башкортостане

Общероссийские опросы показывают, что религиозность россиян мало проявляется на уровне собственно религиозных практик, доля практикующих верующих, в зависимости от строгости выбранного критерия, не превышает 10%. Эта тенденция справедлива и в отношении жителей Башкортостана. Религиозность проявляется не столько в ключевых характеристиках религиозной вовлеченности (таких как ежедневная молитва, пост, участие в богослужении, чтение священных текстов), сколько в практиках, обеспечивающих социальную интеграцию, и в воспроизводстве нравственных ценностей.

Несмотря на то что верующих в Башкортостане почти 80%, и бо́льшая часть населения (65%) ответили, что религия играет важную роль в их жизни, собственно религиозное поведение, по-

дразумевающее элементы духовно-аскетической практики, свойственно лишь незначительной части опрошенных. Регулярно посещают церковь/*мечеть* для участия в богослужении лишь 5%, ежедневно молятся 7%, соблюдают пост/*уразу* 7%, читают священные тексты 6% (см. табл. 6.2.10).

Для оценки уровня вовлеченности респондентов в религиозные практики[1], мы просили их выбрать из предложенного перечня те позиции, которые соответствуют их *образу жизни* (количество выборов не ограничивалось). Выяснилось, что мера востребованности религиозных практик разного уровня среди русских, башкир и татар в Республике Башкортостан практически одинакова. А наиболее распространенными оказались те, которые связаны с участием в обрядах жизненного цикла, принесение «малой жертвы» (свечка для православных, *садака* для мусульман) в связи с просьбой или поминовением, редкая молитва и следование нравственному поведенческому кодексу в отношениях с людьми. Так, посещают церковь/*мечеть* для участия в обрядах жизненного цикла (крещение, отпевание, венчание / *исем кушу, никах, жиназа*[2]) 36% (40% среди башкир, 34% среди татар и 36% среди русских). Обращаются к Богу/*Аллаху* с просьбой, поминают усопших, приносят «малую жертву» («в церковь/*мечеть* хожу в основном для того, чтобы поставить свечку / *дать садака*») — 32% (33% среди башкир, 31% среди татар 32% среди русских). Стремятся следовать религиозным нормам милосердия и справедливости в отношениях с людьми 31% (35% среди башкир, 26% среди татар, 30% среди русских) и 23% иногда молятся своими словами или читают молитвы (25% среди башкир, 24% среди татар, 22% среди русских) (табл. 6.2.10).

В приобщенности к внешней, обрядовой стороне религиозного поведения, в стремлении следовать религиозным нормам милосердия и справедливости в отношениях с людьми выражается

---

[1] Для оценки религиозного поведения на православно-исламском пограничье нами вместе с Р. Н. Мусиной составлен перечень религиозных практик (своеобразная “шкала” религиозного поведения — от наиболее слабых к наиболее строгим элементам), включающий также позиции, отражающие нормативное и приватное измерение религиозности. Основные критерии религиозной вовлеченности были унифицированы применительно к религиозному поведению мусульман и православных.

[2] Обряды наречения имени, бракосочетания, поминовения

Таблица 6.2.10

Религиозное поведение башкир, татар и русских Башкортостана, 2017 г.,
в % от опрошенных

Выберите, пожалуйста, из списка те позиции, которые больше всего соответствуют Вашему образу жизни	**Башкиры**	**Татары**	**Русские**	**В целом в РБ**
В церкви/*мечети* был только на экскурсии	7	4	6	5
Бываю в церкви/*мечети* редко, только для участия в обрядах (крещение, отпевание, венчание / *исем кушу, никах, жиназа*)	40	34	36	36
В церковь/*мечеть* хожу в основном для того, чтобы поставить свечку / *дать садака*	33	31	32	32
Регулярно посещаю церковь/*мечеть* для участия в богослужении, общей молитве / *пятничной молитве и богослужении*	3	5	7	5
Иногда молюсь (своими словами или читаю молитвы)	25	24	22	23
Ежедневно молюсь (своими словами или читаю молитвы)	6	7	7	7
Читаю Библию, Евангелие / *Коран*	6	5	8	6
Соблюдаю пост / *уразу*	8	4	8	7
Регулярно исповедаюсь и причащаюсь / *ежедневно совершаю 5-кратный намаз*	0	1	3	2
Стараюсь следовать религиозным нормам милосердия и справедливости в отношениях с людьми	35	26	30	31
Не стремлюсь участвовать в богослужении и выполнять религиозные обряды — главное верить в душе	16	17	18	17

интеграционный характер современной российской религиозности, её роль регулятора социальных отношений, в том числе и межэтнических. В пользу этого свидетельствует также то, что среди людей, выбравших из перечня религиозных практик позицию «стараюсь следовать религиозным нормам справедливости и милосердия в отношениях с людьми», вырастают показатели межэтнической толерантности, такие как отказ от насильственных методов решения межэтнических и межконфессиональных конфликтов (до 85% вырастает поддержка мнения «насилие в межнациональных

и межрелигиозных спорах недопустимо»). Среди этой категории опрошенных до 90% вырастает согласие с мнением «государство должно поддерживать культуры и религии всех народов России».

Массовая религиозность в Башкортостане выступает на сегодняшний день ресурсом позитивных межэтнических и межконфессиональных отношений и активно участвует в формировании в республике межэтнического согласия.

На повседневном уровне живым и действенным фактором межконфессиональной толерантности является большая доля смешанных «православно-исламских» браков. Политика исламских лидеров и православного духовенства в Республике Башкортостан состоит в ненавязывании религии и проповеди взаимного уважения (важно отметить, что проповеди в мечетях больших городов республики ведутся на русском языке, что способствует открытости православия и ислама друг другу). Из интервью исламского религиозного деятеля:

*«У нас есть даже семьи, где она ходит в мечеть, а он в церковь. Остался каждый при своей религии, но дети вырастут — примут свою веру. Хотя, если замужем как бы девушка — то как бы по мужу... по идее, женщина старается принять веру мужа. Хотя, этот шаг тоже не просто сделать. Благо муфтию, благо нашему митрополиту. Всегда получают люди консультации. То есть в жизни, нигде, чтобы муфтий или митрополит сделали акцент — вот вы не выход**и**те [замуж] — вообще этой темы нет. Да, жизнь она идет, чего делить то...»*

Открытие Российского исламского Университета решило актуальный вопрос подготовки исламского духовенства, общественная презентация ислама и православия обеспечивается присутствием их представителей на всех общественно-значимых мероприятиях. Из интервью православного священнослужителя, сотрудника Отдела религиозного образования и катехизации Уфимской епархии:

«...здесь, в Башкирии, сложился баланс взаимопонимания, доверия между религиями и вот межнациональные браки, которые возникли, понятно, по большей части в советское время.

И здесь, несомненно, сильная роль личности, руководителей объединений религиозных. Он [Патриарх], конечно создает такую ноту, называет собратьями. Может, у кого-то вызывает несогласие, но это

имеет колоссальный эффект. Я поясню. Мы длительное время, 5–6 лет вели, что хазраты мусульманского университета читали курсы в составе курса религиозной этики, потом, к сожалению, директор закрыл этот курс. Какой-то другой спецкурс предложили.

Но эффект был очень интересный, потому что мы приходили на лекцию и рядом с нами хазрат. И нам владыка наш сказал не ходить одним, ходить только с хазратами вместе. Везде, где какие-то затеи, митрополит посылает, чтобы мусульмане обязательно. По поводу курса, лекции проходили так, 45 минут читает я или батюшка другой и 45 минут хазрат... Когда мы встречаемся, мы жмем руки, обнимаемся, лобызаемся, садимся перед друг другом и говорим практически в унисон. В области этики никаких различий нет фактически. В области богоустоев, конечно, различия есть. И потом мне педагог говорит (там же студентов много с Кавказа, чеченцев, дагестанцев): Вы бы видели, как на вас смотрят чеченцы и дагестанцы, когда лобызаетесь с хазратом. И потом педагог делал опрос для студентов, про отношение к русским. Он приехал с Кавказа — у него одно отношение к русским было, он прослушал курс — у него стало другое отношение к русским. И здесь очень важно, пример Патриарха нашего, Владыки, когда вроде протокольное такое присутствие, но оно отражается потом во взаимодействии, присутствие на всяких форумах, конференциях. Потом в социальных вещах сотрудничаем. Мусульмане нам передают вещи для нашего приюта. Хотя конечно, у нас сильнее деятельность общественная, чем у мусульман. Они сейчас развиваются, конечно, в этом плане они у нас в плане опыта, мы им помогает чем-то. Очень важно, что никакой конфронтации не проскальзывает. Этот образ поведения потом транслируется, тиражируется.

Никто так не мотивирует человека к деятельности, как личный пример. Религиозные лидеры они воплощают некие коды социальные, межнациональные. И поэтому важны эти условия, как они будут себя вести. Поэтому нужно дать возможность духовенству заниматься совместной деятельностью в публичном месте. К сожалению, у нас как исламской культуры нету в школах, так и православной культуры нету в школах, 2–4%. В заключение... Есть ведь идеал нравственный. И важно, какие должны быть ограничения и условия, чтобы его достичь...»

Из интервью исламского религиозного деятеля: *«У нас не скажу, что добрососедские отношения, у нас братские отношения. Порой даже со мной здороваются наши батюшки: «Ас-саляму алейкум, хазрат» мне говорят. Я говорю, не все мусульмане так со мной здороваются. Поздравляем друг друга с праздниками, живем в любви и согласии, прекрасно у нас все...»*.

Исследование в Башкортостане показало, что религиозность помогает формированию межэтнической толерантности, она сокращает дистанцию в межэтнических взаимодействиях, повышает готовность принять человека другой национальности не только в формальной области — как своего начальника и коллегу, но и в сфере тесных межличностных отношений — в качестве своего супруга, друга, соседа. Сосуществование ислама и православия в республике не является источником межэтнической напряженности. Схожесть оценок мусульман и православных, массовая авраамическая религиозность и вовлеченность в религиозную культуру при грамотной политике светских и духовных властей создают благоприятные условия для развития в республике дружественных межэтнических отношений.

В Башкортостане, так же, как и в Московской агломерации, интенсивная религиозная *идентичность* как переживание тесной связи с единоверцами является элементом, поддерживающим культуру доверия. При этом наиболее востребованными элементами религиозного поведения выступают не ключевые признаки религиозной вовлеченности (регулярное участие в богослужении, ежедневная молитва, чтение священных текстов и пост), а те, которые поддерживают и развивают позитивные социальные связи — участие в обрядах жизненного цикла и следование нормам милосердия и справедливости в отношениях с людьми. Данные предпочтения (не отрицая и не замещая религиозной веры, присутствующей у большинства людей) отражают социально-коммуникативный характер современной российской религиозности и позволяют ей быть на сегодняшний день активным ресурсом обеспечения межэтнического согласия.

Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, как и Москва, относится к ресурсным регионам. Как и в Республике Башкортостан, здесь можно говорить о контакте православной и мусульманской культур, потому что татары, башкиры, представители

республик Кавказа и Средней Азии составляют значительную долю населения. В ХМАО присутствует заметная исламская составляющая за счет освоения этих территорий выходцами из «нефтяных» республик Советского Союза (Азербайджан, Башкирия, Татария) и широкого притока мигрантов из Урало-Поволжского региона и республик Кавказа, Закавказья и Средней Азии в постсоветское время[1].

Понимая многообразие форм религиозности, сложившейся на территории Югры, мы рассмотрим религиозность и этнические установки среди представителей традиционных российских конфессий и этнических групп — русских (преимущественно православных), башкир и татар (преимущественно мусульман), репрезентирующих собой основные национальности, присутствующие в локальном социальном пространстве. Русские как носители православия, татары и башкиры как носители исламской культуры исторически осваивали пространство округа, и актуальной является проблема сохранения межэтнического и межконфессионального согласия среди людей всех национальностей, продолжающих прибывать в этот край.

Основное внимание будет уделено анализу религиозности, установок доверия и межэтнической толерантности для того, чтобы иметь возможность оценить потенциал религиозной идентичности в формировании позитивных межэтнических отношений и межэтнического согласия в различных этнических средах и сравнить эти тенденции в ХМАО и Башкортостане.

Югра изначально складывалась как многонациональный регион, поддерживаемый в советское время идеологией «дружбы народов». В постсоветское время ее формирование происходило под большим влиянием внутренних и внешних миграций. Среди жителей Югры можно выделить старожильческое население (к которому относятся народы Севера и русские), так называемых «старых мигрантов» советского периода, в числе которых татары, башкиры, чеченцы, представители славянских национальностей (рус-

[1] *Старостин А. Н.* Татары и ислам в Сибирском федеральном округе // Татары и ислам в регионах Российской Федерации: современная этноконфессиональная ситуация / рук проекта и отв. ред. Р. Н. Мусина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во Артифакт, 2015. С. 138–179.

ские, украинцы, белорусы), и новых мигрантов, прибывающих в регион уже в постсоветское время (в числе которых много выходцев из кавказских республик и Средней Азии)[1], а также «спецпереселенцев» из числа ссыльных. Для понимания основ «югорской ментальности» (выражение из интервью) важно помнить, что регион образовался вокруг нефтедобычи, среди осваивавших его много выходцев из нефтяных регионов, в том числе Башкортостана и Татарстана, а человеком-легендой, открывшим нефть в Югре, является азербайджанец Фарман Салманов.

Доля населения, исповедующего ислам, согласно последним данным, составляет в ХМАО–Югре 14%, доля православных — 70%[2] и практически совпадает с долей русского и украинского населения. Основная масса татар и башкир Югры, согласно проведенному нами исследованию, являются мусульманами (77% татар и 75% башкир), 11% татар относят себя к православию. Русские, как и следовало ожидать, преимущественно идентифицируют себя с православием (88%).

Среди коренных малочисленных народов Югры также распространено православие, соединяясь с приверженностью автохтонным верованиям, оно нередко выливается в комплекс представлений и религиозных практик, которые можно назвать двоеверием; с 1990-х годов среди хантов[3] получил распространение протестантизм.

Исторически православие пришло в регион вместе с русскими дружинами, в числе которых, как правило, всегда был священник. В дальнейшем активная миссионерская практика способствовала

---

[1] *Ерохина Е.А.* Межэтническая интеграция и перспективы ее развития в Ханты-Мансийском автономном округе (Югре) // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера. Ханты-Мансийск, Издательство: ООО МАСК-ПРИНТ», 2015. С. 32–40.

[2] Информация по результатам социологического исследования «Изучение ситуации в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры» (2014 г.). [Электронный ресурс]: Портал гражданского общества Югры. URL: http://ucitizen.ru (Дата обращения: 10.05.2018).

[3] *Клюева В.П.* Распространение протестантизма у коренных малочисленных народов (на примере хантов-пятидесятников) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19) С. 133–141.

крещению местных северных народов и распространению православия на территории нынешней Югры, в том числе среди коренных народов. Из интервью:

«Дело в том, что миссионеры Тобольские изучали язык, это, во-первых, а во-вторых были среди старейшин в самом народе ханты-манси люди, которые изучали русский язык, как раз они в роли посредников выступали. И даже в наше время у нас батюшки, которые севернее проживают… занимаются подобными переводами на гранты богослужебной литературы… Мы совместно со специалистами, учеными, принадлежащими к коренной культуре разрабатывали, сидели здесь до ночи, чтобы правильно передать те или иные богословские термины на хантыйский язык, который, кстати, не такой богатый.

Очень интересный момент сохраняющего двоеверия… понимаете — вот если я [речь от лица представителей ханты и манси] заболею, я к Христу; если я на лодке, то я к Илье пророку или Николаю Угоднику; а если у меня с оленями проблемы, то я жертву приношу. Ну, такие типичные поверия… В чем суть то православной миссии была, это не весь мир разрушить и свой потом навязать, а освятить те традиции, которые были в традиции этого народа. Понимаете, даже вороний праздник у тех же хантов, мы ж связали его при миссии с Благовещением. Кто-то голубей запускал, а тут традиция была ворон. Мы попытались освятить имеющееся, чтобы не ломать ментальность народа» (православный священнослужитель).

Возрождение православия, как и других традиционных российских религий, пришлось на постсоветский период, процесс продолжается и в настоящее время. Храмы, согласно свидетельствам, практически все были разрушены, но православие выжило благодаря людям, сохранившим веру. Из интервью:

«Возрождать пришлось в 80-х годах, когда разрешили впервые, здесь был первый священник практически на весь округ. Это был отец Виктор Райш, сегодня уже почивший. Батюшку направили с Омска. Я хочу сразу сказать, что в тот момент епархия была Омско-Тюменская, то есть это была огромная епархия, которая включала Омскую область и Тюменскую область, включая все автономные округа. То есть можно себе представить географию. До Сургута только единожды архиерей добрался. Но нужно понимать особенность округа в свое время — это достаточно большое количество украинцев.

Они, особенно кто с западной Украины, они веру хранили очень долго. Они избегли Союза воинствующих безбожников 30-х годов, самых тяжелых с точки зрения пропаганды атеизма, они веру сохранили практически все. Плюс старожильческое население, сюда ссылали немало крепких семей, крестьян, в том числе из духовенства. У нас даже известнейший латинист, профессор МГУ здесь был на поселении под Сургутом, в Сытомино что ли, профессор Попов. Человек, который по Блаженному Августину, наверное, самый лучший исследователь, в том числе, специалист по древним языкам. Он у нас несколько лет здесь был, пока его не отозвали, потому что в государстве советском не было людей, специалистов хотя бы для светской работы. Известные люди у нас сидели здесь. Но в том числе много священников было ссыльных, их расселяли, кто-то в Тундрино жил, об этом даже Екатерина Владимировна Лоншакова, старожил наш рассказывала вспоминая, как она ребенком была и их семья батюшек ссыльных приютила. Вот это было. И корни эти остались, с одной стороны, вера эта сохранялась в глубине, в квартире дома, с другой стороны...

... Первосвященника тогда дали с Омска, это был как раз отец Виктор Райш. Он интересный, то ли полунемец, то ли немец по национальности, очень деятельный, с очень сильным словом. Я не могу сказать, что он академически был образован, нет, но это человек, который умел говорить и достаточно образован был для того времени, для священника. Сейчас конечно, достаточно много образованных батюшек, имеющих светское образование высшее помимо богословского. На тот момент это был как гром среди ясного неба и даже мне рассказывали наши уже, сегодняшние старожилы в Сургуте — у нас, говорят, даже такие директивы проходили, по линии культуры в конце 80-х, что направили нам попа, будьте аккуратны, говорит очень красиво, очень проникновенно, спорить с ним почти невозможно (смех). Отец Виктор очень быстро вошел в доверие людей, он окрестил пол Севера практически людей — Когалым, Ноябрьск, он сам ездил миссионерствовал. Говорят, прям что вот так же в 91 или 93 году был первый славянский ход, и он на нем прям деревнями крестил. Я это почувствовал, когда я тоже приезжал в некоторые деревни и у меня по 70 человек выходили, я прямо водил, крестил» (православный священнослужитель).

Ислам на территорию нынешнего ХМАО–Югры принесли казачьи отряды служилых татар, осваивавшие Западную Сибирь вместе с русскими, черкесами, коми. В 1920–30-е годы число по-

следователей ислама увеличилось за счет политических ссыльных из Татарстана, Башкортостана, Челябинской области. В их числе были люди, имевшие религиозное воспитание и умеющие проводить религиозные обряды, вокруг них складывались первые общины мусульман. В советское время (в связи с освоением нефти) в регион прибывали «этнические мусульмане» из Азербайджана, Татарской, Башкирской, Дагестанской и Чечено-Ингушской автономных республик, создавших очаги мусульманской культуры в регионе[1].

Подлинное возрождение ислама началось в 1990-е годы с созданием и регистрацией общин, организацией начального религиозного образования. Из интервью:

«...Это курсы, это не сказать, что обучение, это так скажем основы, основы чтения Корана и основы мусульманской религиозной практики — как поститься, как омовение совершать, вот в такой форме. Вот у нас недавно прошли Коранические чтения. Победитель был... русский парень, всех обошел. Первое место у нас было 11 тысяч рублей. Побежал телефон покупать, видно мечтал, смартфон. У нас второй год побеждает у нас. Он молодец, старается, учится. Дело в том, что у него мама русская, а папа тоже русский, но там трагичные события, мама вторично вышла замуж за таджика, мама приняла ислам и он тоже соответственно тоже в этой семье, отчим является нашим прихожанином, у него от первого брака тоже свои дети, они стали приходить, и он с ними тоже ввязался. И потихонечку приобщился как-то гармонично, и побеждает на наших конкурсах мусульманских. Это так, к слову» (имам-хатыб).

Исследование показало, что мусульмане в два раза чаще оценивают межнациональные отношения как «доброжелательные» — 22% среди мусульман и 10% среди православных, как «спокойные» их оценивает примерно одинаковая доля мусульман и православных (41 и 40% соответственно), однако православные чаще видят их «внешне спокойными», но с долей внутренней напряженности (37% против 30%). «Напряженными» и «на грани открытых столкновений» их воспринимают 7% православных и 4% мусульман.

Если обобщить эти показатели, то мы увидим, что позитивно (как «доброжелательные» и «спокойные») межнациональные отношения в ХМАО–Югре воспринимают 51% православных и 62%

[1] *Старостин А. Н.* Указ. соч. С. 138–179.

мусульман (в Башкортостане 73% православных и 78% мусульман). Видят проблемы в межнациональных отношениях (т.е. оценивают их как «внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует», «напряженные» и «на грани открытых столкновений») 44% православных и 34% мусульман (в Башкортостане 20% православных и 19% мусульман). Данные говорят о том, что православные ХМАО, в сравнении с мусульманами, чаще испытывают негативные эмоции в связи с состоянием межнациональных отношений в регионе, мусульмане же чаще в целом видят их благополучными.

В сравнении с мусульманами и православными Башкортостана, позитивные оценки межнациональных отношений среди мусульман и православных Югры существенно ниже. Если в Башкортостане их позитивно оценивают 73% православных и 78% мусульман, то в Югре — 51% православных и 62% мусульман. Латентную межэтническую напряженность ощущают 20% мусульман и 19% православных Башкортостана, а в Югре — 44% православных и 34% мусульман.

Религиозность, этническая идентичность и культура доверия ХМАО-Югре

Религиозное и этническое и многообразие ХМАО, так же, как и в Башкортостане, находит отражение в высоких показателях значимости религии и этнической солидарности для жителей региона: 87% русских и свыше 90% татар и башкир, полагают, что «современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальности», и свыше 90% среди данных этнических групп ощущают близость с людьми своей национальности. Среди югорских татар, башкир и русских эти показатели даже выше, чем среди татар, башкир и русских Башкортостана. Полагают, что религия играет важную роль в их жизни 65–67% из числа основных национальностей региона.

Практикующими верующими (стремящимися соблюдать обычаи и обряды) называют себя 47% русских, 43% татар и 33% башкир, верующими, но не соблюдающими обычаи и обряды, —37, 37 и 43% соответственно. Совокупная доля верующих (соблюдающих и не соблюдающих обряды и обычаи) составляет 84% среди русских, 80% среди татар и 78% среди башкир. Более 80% в этих этнических группах

в той или иной мере испытывают чувство близости с единоверцами (см. табл. 6.2.11). У башкир и татар Югры, в сравнении с башкирами и татарами Башкортостана, чувство связи с единоверцами несколько выше — в Югре его испытывают 81% башкир и 84% татар, а Башкортостане 74 и 69% соответственно.

Таблица 6.2.11

Этническая идентичность и религиозность в ХМАО–Югре, 2018 г.,
в % от опрошенных

Показатели этнической и конфессиональной идентичности	Русские	Татары	Башкиры
Верующие, стремятся соблюдать обычаи и обряды	47	43	33
Верующие, но не соблюдают обычаи и обряды	37	37	43
Ощущают связь с единоверцами	87	84	81
Полагают, что религия играет важную роль в их жизни	67	66	65
Полагают, что современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальности	93	87	92
Ощущают близость с людьми своей национальности	91	90	91

Этничность и религиозность в Югре среди исследуемых этнических групп проявляется даже ярче, чем в Башкортостане. Русские, татары и башкиры Югры демонстрируют максимальные показатели этнической и религиозной солидарности. Свыше 90% ощущают близость с людьми своей национальности и свыше 80% — с людьми своей веры, вероисповедания.

Практикующих верующих, стремящихся соблюдать предписанные религией обычаи и обряды, больше среди православных жителей региона (54%), чем среди мусульман (46%). Доля верующих, но не практикующих, примерно одинакова среди православных и мусульман (38 и 42% соответственно) (табл. 6.2.12).

Мусульмане, в сравнении с православными, чаще отмечают, что религия играет «очень важную» роль в их жизни (27%), и еще 49% мусульман говорят о «скорее важной» ее роли в их жизни. Православные более сдержанны в своих ответах, они чаще указывают на «скорее важную» роль религии (55%) и 20% считают эту роль «очень важной» (табл. 6.2.13).

Таблица 6.2.12

Отношение к религии православных и мусульман ХМАО–Югры, 2018 г., *в % от опрошенных*

Вы считаете себя верующим человеком?	Православные	Мусульмане
Да, верующий, стараюсь соблюдать обычаи и обряды	54	46
Да, верующий, но не соблюдаю обычаи и обряды	38	42
Колеблющийся	4	9
Неверующий, атеист	4	3
Затруднились ответить	1	0

Таблица 6.2.13

Оценка роли религии в жизни православными и мусульманами ХМАО–Югры, 2018 г., *в % от опрошенных*

Какую роль в Вашей жизни играет религия?	Православные	Мусульмане
Очень важную	20	27
Скорее важную	55	49
Скорее не важную	19	17
Совсем не важную	4	4
Затруднились ответить	2	3

Как и следовало ожидать, среди полагающих, что религия играет важную роль в их жизни, больше доля практикующих верующих (стремящихся соблюдать обычаи и обряды) — 60% (в сравнении с 45% в среднем).

Православные и мусульмане ХМАО–Югры чаще ощущают тесную связь с единоверцами, чем православные и мусульмане Башкортостана. Рассматривая тесную связь с единоверцами как показатель силы религиозной идентичности, мы можем сказать, что религиозная идентичность жителей Югры проявляется сильнее, чем жителей Башкортостана (табл. 6.2.14).

Несмотря на высокий уровень религиозности в Югре, поддержка влияния Русской православной церкви и Духовных управлений мусульман на принятие государственных решений здесь невелика — лишь 31% православных и 30% поддерживают влияние РПЦ и 19% православных и 31% мусульман — влияние ДУМ.

В Башкортостане поддержка религиозных организаций местными православными и мусульманами заметно шире — влияние РПЦ на принятие государственных решений поддерживают 45% православных и 40% мусульман, а влияние ДУМ — 38 и 41% соответственно (табл. 6.2.15).

Таблица 6.2.14

Ощущение близости с людьми своей веры в ХМАО–Югре и Башкортостане среди православных и мусульман,
в % от опрошенных

В какой степени Вы ощущаете близость с людьми Вашей веры, того же вероисповедания, что и Вы?	ХМАО–Югра, 2018 г.		Республика Башкортостан 2017 г.	
	Право-слав.	Мусуль-мане	Право-слав.	Мусуль-мане
В значительной степени ощущают близость с единоверцами	43	48	22	31
В некоторой степени ощущают близость с единоверцами	47	43	45	42
Не ощущают близости с единоверцами	9	7	26	18

Таблица 6.2.15

Отношение к влиянию религиозных организаций на принятие государственных решений среди православных и мусульман в ХМАО–Югре и Башкортостане,
в % от опрошенных

Должны ли Духовные управления мусульман и Русская православная церковь оказывать влияние на принятие государственных решений?	ХМАО–Югра 2018 г.		Республика Башкортостан 2017 г.	
	Православные	Мусульмане	Православные	Мусульмане
Поддержка влияния Духовных управлений мусульман на принятие государственных решений	19	31	38	41
Поддержка влияния Русской православной церкви на принятие государственных решений	31	30	45	40

Высокий уровень значимости этничности и религиозности укрепляет этноконфессиональные идентичности жителей

ХМАО–Югры, ставит вопрос о путях поддержания межэтнического и межконфессионального согласия.

В интервью заостряется тема *особого доверия* между людьми, существующего в Югре, которое, как везде на Севере, позволяет людям выживать в условиях сурового климата и освоения протяженных пространств:

*«Если ты не будешь доверять людям и тебе не будут доверять, ты помрешь просто здесь ... Вот эти вот традиции взаимопомощи, в отличие от современной идеи экономического человека, она здесь жива до сих пор, если ты кому-то не поможешь, ты сам подохнешь просто потом. А дальше ещё лучше, а не хуже» (*эксперт).

На примере Московской агломерации и Башкортостана, мы стремились показать, что локальная культура доверия, формирующаяся в регионе в отношениях между людьми, является действенным фактором сохранения и укрепления межэтнического согласия. Основными её составляющими является межэтническое и межконфессиональное доверие, обобщенное и институциональное (в том числе, власти разного уровня), а также доверие ближайшему социальному окружению — коллегам, соседям.

Межэтническое доверие в Югре, среди основных этнических групп находится на том же уровне, что и в Башкортостане. В Югре доверяют людям других национальностей 65% среди русских, 64% среди татар и 65% среди башкир. В Башкортостане — 62, 59 и 62% соответственно. Однако в отношении *межконфессионального довери*я в этих регионах есть различия. Русские Югры меньше доверяют мусульманам, чем русские Башкортостана. Хотя в целом уровень доверия русских к мусульманам в Югре достаточно высок и достигает 57%, но он ниже, чем в Башкортостане, где 69% русских доверяют мусульманам (см. табл. 6.2.16).

Историческое соседство ислама и православия в Башкортостане привело к взаимной религиозной толерантности, с ущемлением религиозных прав сталкивались 4% мусульман и 7% православных. В Югре ситуация более ассиметричная. Среди мусульман Югры с ущемлением прав из-за религиозной принадлежности сталкивались 8%, среди православных — 1,5%.

Важно отметить, что в Югре, так же, как и в Башкортостане, уровень межэтнического и межконфессионального доверия оказывается выше, чем уровень обобщенного доверия. Здесь людям

в целом доверяют 43–46% русских, татар и башкир, а уровень межэтнического доверия (людям других национальностей) достигает 64–65% среди этих национальностей.

Таблица 6.2.16

Межконфессиональное и межэтническое доверие в ХМАО–Югре, 2018 г., *в % от опрошенных*

Насколько Вы доверяете…	**Башкиры**	**Татары**	**Русские**
	Православным		
Полностью доверяют	4	10	22
Скорее доверяют	71	65	60
В целом доверяют	**75**	**75**	**82**
Скорее не доверяют	13	15	8
Совсем не доверяют	3	3	5
Насколько Вы доверяете…	**Башкиры**	**Татары**	**Русские**
	Мусульманам		
Полностью доверяют	5	13	9
Скорее доверяют	75	61	48
В целом доверяют	**80**	**74**	**57**
Скорее не доверяют	12	15	22
Совсем не доверяют	8	3	13
Насколько Вы доверяете…	**Башкиры**	**Татары**	**Русские**
	Людям других национальностей		
Полностью доверяют	3	8	7
Скорее доверяют	62	56	58
В целом доверяют	**65**	**64**	**65**
Скорее не доверяют	19	23	23
Совсем не доверяют	9	6	8

Доверие татар и башкир в Югре в отношении православных велико, его уровень достигает 75%, как и в Башкортостане. Доверие русских к мусульманам, как отмечалось, ниже и составляет 57%, но при этом его уровень все равно выше, чем уровень обобщенного доверия. И в Югре, и в Башкортостане складывается парадоксальная картина — людям в целом доверяют меньше, чем живущим рядом носителям других религиозных традиций. Ислам и православ-

вие как традиционные религии России действительно имеют полное право так именоваться, потому что эти религии (наряду с буддизмом, иудаизмом и другими распространенными в России христианскими конфессиями) исторически сосуществуя рядом, в едином социальном пространстве, стали для людей привычными и «своими», активно вовлекаются в создание в России культуры доверия.

На основе исследований в Московской агломерации и Башкортостане мы стремились показать, что интенсивная религиозная идентичность принимает самое непосредственное участие в формировании культуры доверия, а последняя способствует межэтнической толерантности, помогая принимать и сотрудничать с людьми других национальностей и вероисповеданий.

Высокое обобщенное доверие (доверие людям вообще) является универсальным показателем гражданского общества и стабильной основой межэтнического согласия, а доверие власти разного уровня отражает степень вертикальной национально-гражданской консолидации общества. *Обобщенное доверие* среди исследуемых этнических групп ХМАО–Югры находится на том же уровне, что и в иных регионах, его уровень не различается у татар и башкир, у русских он несколько выше. Полагают, что «большинству людей можно доверять» 49% русских, 41% татар и 45% башкир. Уровень обобщенного *недоверия* выше среди татар и башкир и ниже среди русских (56, 52 и 44% соответственно полагают, что большинству людей нельзя доверять) (табл. 6.2.17).

Таблица 6.2.17

Уровень обобщенного доверия в ХМАО–Югре среди русских, татар и башкир, 2018 г., *в % от опрошенных*

Как Вы считаете, можно ли доверять большинству людей?	Башкиры	Татары	Русские
Большинству людей точно можно доверять	11	13	19
Большинству людей скорее можно доверять	34	28	30
В целом доверяют	**45**	**41**	**49**
Большинству людей скорее нельзя доверять	28	29	23
Большинству людей точно нельзя доверять	24	26	21
В целом не доверяют	**52**	**56**	**44**
Затруднились ответить	3	4	6

Региональной власти ХМАО–Югры доверяют чуть менее половины опрошенных, и здесь нет различий в оценках русских, татар и башкир — 46% русских, 45% татар и 43% башкир в целом доверяют органам региональной власти (табл. 6.2.18).

Таблица 6.2.18

Уровень доверия региональной власти в ХМАО–Югре и Башкортостане среди русских, татар и башкир, *в % от опрошенных*

Насколько Вы доверяете представителям региональной власти (всего ХМАО)?	Башкиры		Татары		Русские	
	ХМАО-Югра	Башкортостан	ХМАО-Югра	Башкортостан	ХМАО-Югра	Башкортостан
Полностью доверяют	5	11	5	11	6	16
Скорее доверяют	38	46	40	47	40	37
В целом доверяют	**43**	**57**	**45**	**58**	**46**	**53**
Скорее не доверяют	28	30	23	23	30	29
Совсем не доверяют	22	7	25	11	20	12
В целом не доверяют	**50**	**37**	**48**	**34**	**50**	**41**

Уровень доверия региональной власти в Югре несколько ниже, чем доверие республиканской власти в Башкортостане. Если в Югре региональной власти доверяют 43–46% во всех этнических группах (русские, татары, башкиры), то в Башкортостане его уровень составляет 53–58% в этих этнических группах. Приведенные данные говорят о том, что такая важная характеристика межэтнического согласия, как доверие региональной власти не зависит от национальности жителей региона, а обусловлена авторитетом этой власти. Доверие республиканской власти в Республике Башкортостан составляет более 50% в основных этнических сообществах, и этот уровень обеспечивает высокую степень межэтнической консолидации, в первую очередь за счет грамотной политики республиканского руководства и религиозных организаций.

Гражданское общество в России находится в стадии формирования, сеть гражданских ассоциаций, способных повлиять на положение дел в стране, пока крайне невелика. Однако есть основания считать, что базис для формирования эффективных горизонтальных ассоциаций в виде плотных доверительных связей между людьми

уже сложился. Об этом говорит высокий уровень доверия ближайшему социальному окружению — коллегам, друзьям, соседям, людям своей национальности. Во всех исследованных нами регионах межличностное доверие оказывается шире, чем обобщенное доверие и доверие власти. Среди русских, татар и башкир ХМАО–Югры коллегам по работе доверяют 73–75%, соседям — 62–72%, друзьям — 88–92% (табл. 6.2.19).

Таблица 6.2.19

Межличностное доверие среди русских, татар и башкир ХМАО–Югры, 2018 г., *в % от опрошенных*

Межличностное доверие			
Доверие...	**Башкиры**	**Татары**	**Русские**
...коллегам	75	73	73
...друзьям	92	88	91
...соседям	71	62	72
... людям своей национальности	77	75	83
... членам семьи	98	98	98

Высокое доверие коллегам по работе говорит об отсутствии конфликтных отношений на рабочих местах между русскими, татарами и башкирами ХМАО–Югры, а высокое доверие друзьям (сопоставимое с доверием членам своей семьи) о высоком потенциале положительных социальных связей, который пока не находит выхода в широком создании гражданских союзов.

Как отмечалось выше, ощущение тесной связи с единоверцами («в значительной степени» ощущают близость с людьми своей веры, вероисповедания) рассматривается нами как выражение интенсивности религиозной идентичности. Напомним, что среди православных Югры интенсивность религиозной идентичности достигает 43%, среди мусульман — 48%. В Югре, как и в иных исследованных нами регионах (Московской агломерации и Башкортостане) интенсивная религиозная идентичность православных и мусульман вовлекается в формирование в регионе культуры доверия и помогает сохранению благоприятных межэтнических отношений.

Логика формирования межэтнического согласия с участием религиозности проявляется в том, что в ХМАО–Югре среди людей с интенсивной религиозной идентичностью усиливаются основные

показатели культуры доверия — уровень обобщенного, межэтнического доверия и уровень доверия региональной власти. Так, среди людей, ощущающих тесную связь с единоверцами (т.е. обладающих интенсивной религиозной идентичностью) уровень обобщенного доверия поднимается до 56% (в сравнении с 45% в среднем), уровень межэтнического доверия — до 74% (в сравнении с 65% в среднем), а уровень доверия региональной власти до 57% (в сравнении с 46% в среднем). А доверие, в свою очередь, как показали наши предыдущие исследования, непосредственным образом участвует в поддержании межэтнической толерантности.

Эти тенденции в равной мере справедливы для православных и мусульман региона (табл. 6.2.20).

Таблица 6.2.20

Доверие в ХМАО–Югре среди православных и мусульман в зависимости от интенсивности религиозной идентичности, 2018 г.,

в % от опрошенных

Конфессии	В значительной степени ощущают близость с единоверцами	В среднем среди этих групп
Обобщенное доверие		
Православные	61	48
Мусульмане	54	44
Доверие представителям власти ХМАО		
Православные	54	46
Мусульмане	61	51
Доверие коллегам		
Православные	84	74
Мусульмане	77	75
Межэтническое доверие		
Православные	75	68
Мусульмане	74	64

Межэтническая толерантность среди православных и мусульман ХМАО-Югры

Готовность к взаимодействию с людьми иных национальностей (как показатель межэтнической толерантности) среди православных и мусульман Югры находится на высоком уровне: свыше 80% в обеих категориях готовы принять человека другой национальности в качестве гражданина России, жителя ХМАО и своего города, в качестве соседа, коллеги и друга. Лишь готовность работать под руководством человека иной национальности, хотя и остается высокой, опускается до 68% у православных (у мусульман — 79%). Готовность к вступлению в брак с человеком другой национальности также несколько ниже у православных (58%), чем у мусульман (64%).

Мусульмане Югры более открыты к межэтническим контактам во всех сферах жизни, что заметно их отличает как от православных ХМАО, так и от мусульман и православных Башкортостана. Особенно сильные различия наблюдаются в отношении готовности дружить, соседствовать, работать и подчиняться на работе человеку другой национальности (табл. 6.2.21).

Таблица 6.2.21

Установки межэтнической толерантности среди православных и мусульман в ХМАО-Югре и Башкортостане, *в % от опрошенных*

Готовность принять человека другой национальности	ХМАО–Югра, 2018 г.		Башкортостан, 2017 г.	
	православные	мусульмане	православные	мусульмане
... как гражданина России	85	93	81	82
... как жителя своего региона	87	94	77	80
... как жителя своего города, села	85	93	76	77
... как своего соседа по дому	85	91	70	72
... как своего коллегу	83	88	71	69
... как своего начальника	68	79	62	59
...как близкого друга	81	91	69	68
...как своего супруга	58	64	65	57

Подобно тому, как религия может быть фактором общественной позитивной солидарности и также служить символом конфликтной внутригрупповой мобилизации, так и религиозная идентичность в зависимости от социального, исторического, политического контекста может быть опорой согласия и вовлекаться в межэтнические противостояния.

Исследование в ХМАО–Югре обнаружило, что интенсивная религиозная идентичность, обладая сильным потенциалом этногрупповой мобилизации, способна подталкивать людей к активной защите своих интересов в случае, когда «нарушается справедливость в отношении моего народа или веры». В целом, уровень межэтнической толерантности в ХМАО–Югре максимально высок: 99% населения согласны с тем, что насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо и эти значения одинаковы среди православных и мусульман. Но среди тех, кто в значительной степени ощущает связь с единоверцами, поддержка суждения «насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры» поднимается до 32% (в сравнении с 26% в среднем). Есть основания считать, что эта тенденция в большей степени свойственна православным, так как в целом тезис «насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры» в большей степени поддерживают православные (32%), чем мусульмане (22%). И среди православных, обладающих интенсивной религиозной идентичностью тезис о допустимости насилия находит поддержку у 40%, против 27% мусульман, обладающих интенсивной религиозной идентичностью.

В многонациональном регионе большая ответственность ложится на гражданские механизмы урегулирования межнациональных противоречий с опорой на традиционные институты влияния, способные управлять межэтнической напряженностью, в том числе на духовных лидеров традиционных российских конфессий. Из интервью сотрудника Ханты-Мансийской епархии РПЦ:

«...сущность добрососедской жизни, существования православной церкви в том, чтобы все-таки найти больше точек соприкосновения, чем различий. Основная позиция православной церкви, в том числе и в нашей епархии, в том чтобы искать не различия, а то, что нас объединяет. Да, безусловно, вероучительная основа, догматика... между христианством и другими религиями существуют очень серьёз-

ные различия. Но мы в своей деятельности, в своей жизни понимаем, что помимо вероучений есть все-таки моменты, которые регулируют жизнь человека. Это в том числе и нравственные ценности. Поэтому в своей деятельности, во взаимоотношениях с другими религиями и другими национальностями всегда исходим из того, что у нас есть гораздо больше того, что нас могло бы объединить. Да, может быть у нас разная религия, разные вероучения, но есть вещи, которые нас сближают. Такие вещи мы для себя намечаем, это в первую очередь нравственные ценности, это общий подход в понимании семейных ценностей, семейных отношений, деторождении и так далее. Эту свою позицию, принципиальную позицию мы стараемся, грубо говоря, продвигать везде. И в проповедях священники постоянно об этом говорят».

В обращении участников межрелигиозного форума «Православие и ислам в Югре: диалог во имя мира и согласия» (2017 г.) в качестве основы межрелигиозного согласия понимается гражданская ответственность, которая зиждется на «*чувстве ответственности перед Богом за судьбу общего земного Отечества*». Отмечается, что «*добрососедство православных и мусульман в России и в Югре подкрепляется как верой в единого Бога-творца, так и общими нравственными ценностями — честностью, верностью, уважением к старшим, трудолюбием, патриотизмом, и многовековым опытом взаимодействия в целях построения Российского государства с общей историей, правами и обязанностями перед Отечеством и друг другом*»[1]. Названы и риски в сфере межрелигиозных отношений, порождаемые использованием религии в человеконенавистнических целях, попытки манипуляции духовными ценностями и «*использование этноконфессионального фактора для решения личных политических задач*». Из интервью:

«*Если рассуждать с точки зрения человеческих ценностей, с точки зрения, может быть, светской, все-таки по Конституции наше государство является многонациональным, многорелигиозным, и это разнообразие должно восприниматься не как недостаток, а как*

[1] Епископ Фотий принял участие в межрелигиозном форуме «Православие и ислам в Югре: диалог во имя мира и согласия». [Электронный ресурс]: Официальный сайт Югорской епархии РПЦ. URL: http://yugorsk-eparhia.ru/index.php/2015-03-15-22-48-53/2015-03-18-15-13-53/1027-2016-09-15-11-55-24.html (Дата обращения: 25.06.2018).

преимущество. Здесь можно сравнить с драгоценным камнем, который имеет очень много граней, каждая грань по-своему сверкает[..] Наше государство многонационально, многоконфессионально, умалять какую-то национальность было бы неправильно, умалять какую-то религию точно также было бы неправильно. Если, конечно же, не действовать в рамках закона, в рамках конституции, общепринятых норм этики и морали» (православный священнослужитель).

Культура доверия, сложившаяся в ХМАО–Югре, является одной из базисных основ сохранения межэтнического согласия, здесь (подобно тому, как это происходит Башкортостане и Московской агломерации) среди людей с интенсивной религиозной идентичностью усиливаются основные показатели культуры доверия — уровень обобщенного, межэтнического доверия и уровень доверия региональной власти. У башкир и татар Югры, в сравнении с башкирами и татарами Башкортостана, чувство связи с единоверцами даже несколько выше — в Югре его испытывают 81% башкир и 84% татар, а Башкортостане 74 и 69% соответственно.

Русские Югры меньше доверяют мусульманам, чем русские Башкортостана. Хотя в целом уровень доверия русских к мусульманам в Югре достаточно высок и достигает 57%, но он ниже, чем в Башкортостане, где 69% русских доверяют мусульманам.

В Югре, как и в Башкортостане людям в целом доверяют меньше, чем живущим рядом носителям других религиозных традиций. Ислам и православие в России, сосуществуют рядом в течение многих веков, успешно вписываются в российское социальное пространство как традиционные основы общего ценностного базиса российской культуры.

При этом в Башкортостане как регионе с официально закрепленным этническим статусом и особым статусом ислама как религии локального этнического большинства (башкир и татар), поддержка влияния религиозных организаций существенно выше (в равной мере, как со стороны православных, так и со стороны и мусульман).

Данные проведенных исследований дают основания считать, что вера и доверие являются взаимосвязанными феноменами и в настоящее время выступают как дополитические основы социальной солидарности и межэтнического согласия. В Югре, Башкортостане и Московской агломерации интенсивная религиозная идентичность

способствует формированию в регионе культуры доверия и сохранению благополучных межэтнических отношений.

Выводы

1. Религиозность изучалась нами в контексте полиэтничности и поликонфессиональности российской современности. Сегодня в мире все отчетливее прослеживается влияние культурных основ общества на процессы социальной и политической динамики, в частности — на становление социальной, этнокультурной (в том числе религиозной) и национальной идентичности, во многом определяющей характер ценностного единства и обусловленной им общественной консолидации. При этом исследователями чаще фиксируются негативные последствия религиозной вовлеченности, чем ее позитивная и стабилизирующая роль. Наша задача состояла в другом — показать ресурс массовой российской религиозности в сохранении межэтнического согласия.

Исследования показали, что роль религии в межэтнических отношениях проявляется дифференцированно, в значительной мере она обусловлена историческими и институциональными рамками взаимодействия этноконфессиональных общностей на территории России. В Башкортостане ислам и православие как исторически сложившиеся религиозные традиции успешно вписаны в формат российской репрезентативной культуры, они не формируют в массовом сознании жесткие линии межэтнических и межконфессиональных границ. Как показали исследования, массовая российская религиозность в первую очередь выполняет функции социальной интеграции, поддержки социальных связей, в том числе, межэтнических и межконфессиональных, выражает солидаристские общественные ориентации.

2. Согласно проведенным исследованиям, религиозность в Башкортостане, ХМАО–Югре и Московской агломерации помогает формированию установок межэтнической толерантности, она сокращает дистанцию в межэтнических взаимодействиях, повышает готовность принять человека другой национальности в различных сферах жизни.

Интенсивная религиозная *идентичность* как переживание тесной связи с единоверцами является элементом, поддерживающим

культуру доверия в Башкортостане, ХМАО–Югре и Московской агломерации. В условиях тесного взаимовлияния исламской и православной культур и высокой полиэтничности культура доверия способна стать важным фактором межэтнического согласия.

Рассматривая роль религиозности в межэтнических отношениях (на уровне религиозной *веры*, религиозной *идентичности* и религиозного *поведения*), мы пришли к выводу, что в той форме, в какой она сложилась на уровне массового сознания и поведения, религиозность принимает самое непосредственное участие в поддержании и сохранении межэтнического согласия. В своей духовной составляющей (как *вера*) религиозность оказывает позитивное влияние на межэтнические отношения. Данные исследования в Республике Башкортостан показывают, что как чувство *веры* религиозность повышает готовность принять человека другой национальности не только в формальной области — как своего начальника и коллегу, но и в сфере тесных межличностных отношений — в качестве своего супруга, друга, соседа. Неверующие респонденты чаще отмечают внутреннюю межэтническую напряженность в республике и реже видят межэтнические отношения доброжелательными, среди них значительно ниже уровень доверия к людям.

Наиболее востребованным элементом религиозного *поведения* сегодня выступают не ключевые признаки религиозной вовлеченности (регулярное участие в богослужении, ежедневная молитва, чтение священных текстов и пост), а те, которые поддерживают и сохраняют позитивные социальные связи — следование нормам милосердия и справедливости в отношениях с людьми и участие обрядах жизненного цикла и религиозных праздниках; эти тенденции отражают социально-коммуникативный характер современной российской религиозности и позволяют ей быть на сегодняшний день активным ресурсом обеспечения межэтнического согласия.

3. В современной приобщенности россиян к внешней, обрядовой стороне религиозности, а также в стремлении следовать религиозным нормам милосердия и справедливости в отношениях с людьми выражается интеграционный характер религиозности, ее роль регулятора социальных отношений, в том числе и межэтнических. В пользу этого свидетельствует исследование в Башкортостане, показавшее, что среди людей, выбравших из перечня религиозных практик позицию «стараюсь следовать религиозным

нормам справедливости и милосердия в отношениях с людьми», вырастают показатели межэтнической толерантности, такие как отказ от насильственных методов решения межэтнических и межконфессиональных конфликтов (до 85% вырастает поддержка мнения «насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо»). Среди этой категории опрошенных до 90% вырастает согласие с мнением «государство должно поддерживать культуры и религии всех народов России».

Исследование в Московской агломерации также показало, что среди респондентов, придерживающихся «обрядовой религиозности», сильнее установки нормативной этнической толерантности как готовности принять человека другой национальности в качестве гражданина России и жителя своего города.

4. Доверие и религиозность можно рассматривать в качестве традиционных культурных основ социальной солидарности. В условиях дефицита гражданских институтов и развитой политической культуры обобщенное и межличностное доверие обеспечивает продуктивность коммуникации, доверие к власти обеспечивает вертикальную консолидацию общества, а религиозность поддерживает моральный консенсус.

5. И в Югре, и в Башкортостане складывается парадоксальная картина — людям в целом доверяют меньше, чем живущим рядом носителям других религиозных традиций. Ислам и православие как традиционные религии России действительно имеют полное право так именоваться, потому что эти религии (наряду с буддизмом, иудаизмом и другими распространенными в России христианскими конфессиями), исторически сосуществуя рядом, в едином социальном пространстве, стали для людей привычными и «своими», активно вовлекаются в создание в России культуры доверия. При этом большинство россиян высказываются за сохранение светских основ государства.

6.3. Эмпирическая проверка теории С. Хантингтона

В 1993 г. в своей знаменитой статье под названием «Столкновение цивилизаций?», опубликованной в журнале «Foreign Affairs», С. Хантингтон выдвинул тезис о том, что в ближайшем будущем «преобладающим источником конфликтов станет культура»[1], а не идеология и экономика. «Столкновение цивилизаций будет доминировать в мировой политике. Линии разлома между цивилизациями станут линиями будущих фронтов»[2].

При этом ключевую роль в конфронтации культур сыграет религия, поскольку, по мнению американского политолога, она разделяет людей даже больше, чем этническая принадлежность. «Человек, — пишет он, — может быть наполовину французом и наполовину арабом и одновременно даже гражданином двух стран. Гораздо сложнее быть наполовину католиком и наполовину мусульманином»[3].

Цивилизационные различия, полагает Хантингтон, влекут за собой разногласия по широкому кругу мировоззренческих и политических вопросов, в т.ч. о соотносительной значимости равенства и иерархии, прав и обязанностей, свободы и принуждения, отношений между Богом и человеком, гражданином и государством. Это не обязательно приводит к столкновению, а столкновение не всегда сопровождается кровопролитием, однако «на протяжении столетий различия между цивилизациями порождали самые затяжные и ожесточенные конфликты»[4].

Столкновение цивилизаций, согласно Хантингтону, может происходить на двух уровнях. На макроуровне оно разворачивается между странами, принадлежащими к разным цивилизациям:

---

[1] *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. № 3. P. 22.

[2] Там же.

[3] Там же. P. 27.

[4] Там же. P. 25.

западной, конфуцианской, японской, исламской, индуистской, православно-славянской, латиноамериканской, африканской. В то время как на микроуровне конфликты происходят между представителями различных цивилизаций, проживающих в границах одного национального государства.

Постановка проблемы

Теория столкновения цивилизаций неоднократно подвергалась критике. Причем критиковались как её содержательные аспекты, так и допущенные автором методологические неточности.

Одним из первых критические соображения высказал Ф. Аджами[1], указав на то, что Хантингтон переоценивает значение традиционализма и религиозного фундаментализма, недооценивая роль национальных государств, а также секулярных и модернизационных идей, проникших во все современные культуры. Рост исламского фундаментализма, в котором Хантингтон видит проявление религиозного возрождения, Аджами, напротив, рассматривает как отражение кризиса исламской цивилизации, реакцию на девальвацию религиозных норм и традиций. Одновременно то, что изображается как борьба за цивилизационную принадлежность, по мнению Аджами, есть не что иное, как завуалированное соперничество за экономические ресурсы и стремление получить свою долю рынка.

Дж. Киркпатрик отмечает, что предложенный Хантингтоном перечень цивилизаций является неубедительным. Кроме того, упускается из виду тот факт, что внутрицивилизационные конфликты могут быть (и бывают) не менее острыми и взрывоопасными чем межцивилизационные.[2] Аналогичные замечания высказывает Дж. Курт.[3]

По мнению Р. Маркса, теория столкновения цивилизаций несостоятельна с точки зрения используемой методологии и является не более чем претенциозной политической спекуляцией.[4]

---

[1] *Ajami F.* The Summoning. // *Foreign Affairs. 1993.Vol. 72.* № . 4. P. *2–9.*

[2] *Kirkpatrick J. J.* The modernizing imperative: Tradition and Change // Foreign affairs. *1993.* Vol.72. № 4. P.22–24.

[3] *Kurth J.* The Real Clash. // *The National Interest.* 1994. № 37. P. 3–15.

[4] *Marks R. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (review) // Journal of World History. 2000. № 11(1). P. 101–104

Эту позицию разделяет Э. Саид, который подчеркивает, что Хантингтон игнорирует взаимодействие культур и присущую им внутреннюю динамику. Ислам и исламский мир изображается крайне упрощенно, представляясь в качестве тоталитарной системы, угрожающей Западу. Теория столкновения цивилизаций, считает Саид, носит не научный, а идеологический характер и имеет целью оказать влияние на оборонную и внешнюю политику США[1].

Помимо теоретических дебатов, предпринимались неоднократные попытки проверить тезисы Хантингтона эмпирическим путем. Как правило, исследования были нацелены на то, чтобы подтвердить или опровергнуть утверждение о распространенности вооруженных конфликтов между странами, принадлежащими к разным цивилизациям. В абсолютном большинстве случаев результаты исследований показывали ошибочность данного утверждения.

Например, Б. Рассет, Дж. Онил и М. Кокс, изучив межгосударственные конфликты за период с 1950 по 1992 годы, пришли к выводу, что теория столкновения цивилизаций мало что объясняет. При прочих равных условиях вооруженное столкновение государств, принадлежащих к разным цивилизациям, не более вероятно, чем военный конфликт между культурно близкими странами. К тому же, вопреки прогнозам Хантингтона, после окончания «холодной войны» число межцивилизационных столкновений не только не увеличилось, но даже немного сократилось.[2]

На микроуровне теория Хантингтона проверялась значительно реже. Одна из самых интересных работ в этом ряду — статья Дж. Фокса «Этнические меньшинства и столкновение цивилизаций: количественный анализ тезисов Хантингтона»[3]. Эмпирической базой для исследования послужили данные проекта Minorities At Risk (MAR3), включающие информацию о 275 политически ак-

---

[1] *Said E. W.* The Clash of Ignorance // The Nation. 2001. Vol. 273, № 12. P. 11–14.

[2] *Russett B. M., Oneal J. R. and Cox M.* Clash of Civilizations, or Realism and Liberalism Déjà Vu? Some Evidence // *Journal of Peace Research*. 2000. Vol. 37. № 5. P. 583–608.

[3] *Fox J.* Ethnic Minorities and the Clash of Civilizations: A Quantitative Analysis of Huntington's Thesis // *British Journal of Political Science*. 2002. № 32:3. P. 415–434.

тивных этнических меньшинствах в разных странах мира. Полученные результаты показали, что межцивилизационные конфликты составляют небольшую долю от общего числа межэтнических столкновений, происходящих внутри государственных границ. Кроме того, в противоположность утверждению Хантингтона о преобладании конфликтов между западной, конфуцианской и исламской цивилизацией, выяснилось, что эти конфликты представляли лишь малую часть тех столкновений, которые можно было отнести к межцивилизационным. Не нашел эмпирического подтверждения и тезис о том, что интенсивность конфликтов между цивилизациями возрастет после окончания «холодной войны».

В российском научном сообществе теория Хантингтона также широко обсуждалась. Одна из первых научных дискуссий на эту тему состоялась на страницах журнала «Полис» в 1995 г. В ходе этой дискуссии был высказан ряд замечаний критического характера. Так, И. К. Пантин, отметив, что в России теория Хантингтона вызвала научный, общественный и политический резонанс, тем не менее, обратил внимание на её чрезмерную идеологизированность и недостаточную проработанность в академическом смысле. В. Г. Хорос справедливо указал на отсутствие в работе Хантингтона культурологического анализа, хотя автор взялся за тему цивилизационных различий. Е. Б. Рашковский обратил внимание на то, что теория столкновения цивилизаций является разновидностью детерминизма. Кроме того, цивилизация, представляющая собой теоретический конструкт, выдается американским политологом за эмпирическую данность. В. Л. Цымбурский отметил, что вопреки тезису Хантингтона о боях на разломах цивилизаций, столкновения чаще происходят там, где цивилизационные разломы неочевидны, а сама теория столкновения цивилизаций отчасти перекликается с расовой теорией[1].

Одновременно российские исследователи, как и их западные коллеги, стали предпринимать попытки эмпирической проверки

---

[1] *Пантин И. К., Хорос В. Г., Кара-Мурза А. А., Панарин А. С., Рашковский Е. Б., Цымбурский В. Л., Умов В. И., Ильин М. В.* Дискуссия. Цивилизационная модель международных отношении и ее импликации (научная дискуссия в редакции Полиса) // Полис. Политические исследования. 1995. № 1. С. 121–165.

теории Хантингтона. Во второй половине 1990-х годов научной группой под руководством Л. М. Дробижевой проводились исследования в Республике Татарстан, в ходе которых проверялось утверждение о том, что принадлежность к разным цивилизациям с необходимостью влечет за собой труднопреодолимые различия в политических ориентациях, нормативных представлениях. Полученные результаты показали, что русские и татары, которые в соответствии с классификацией американского политолога могут быть отнесены к православно-славянской и исламской цивилизации соответственно, демонстрируют высокое сходство политических представлений и общность ценностных ориентаций, хотя в бытовом поведении между ними сохраняются различия. Впоследствии эти выводы подтвердились на материалах научно-исследовательских проектов, реализованных в первой половине 2000-х годов в других российских регионах (Саха (Якутии), Оренбургской области).[1]

Несмотря на неоднократное эмпирическое опровержение теории столкновения цивилизаций, она до сих пор не утратила своей популярности. Среди её сторонников есть как представители научного сообщества[2], так и публицисты, журналисты, политики. Тезисы Хантингтона нередко воспринимаются некритично, либо как аксиома, не требующая доказательств, либо как давно подтвержденный научный факт. Учитывая конфликтогенный потенциал данных тезисов, подобное их использование не может не вызывать беспокойства. Вот почему эмпирическая проверка теории столкновения цивилизаций остается актуальной и вот почему

---

[1] *Дробижева Л. М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003.

[2] См, например, *Курдюмов А. Б., Слоботчиков О. Н.* Народонаселение как фактор развития и столкновения цивилизаций. // Человеческий капитал. 2016. № 4(88). С.4–5; *Грачев Н. И.* Столкновение цивилизаций, мир империй и социалистическая система хозяйства // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. 2017. № 25. URL: vsoa.esrae.ru/191–1034 (Дата обращения: 09.06.2018); Рубанцова Т. А., Чеботарёв В. В. «Столкновение цивилизаций» и современный терроризм: мифы и реальность // Философия образования. 2016. № 2 (65). С. 76–83; *Черников А. В., Бунин А. Ю.* «Столкновение цивилизаций» как основная тенденция современных международных отношений // Творческое наследие Николая Яковлевича Данилевского и его значение для научной мысли России и Крыма (материалы Международной научно-практической конференции, г. Симферополь, 21–23 мая 2015 г.). Курск: Изд-во Курск. гос. с. — х. ак., 2016. С. 109–117.

одной из наших задач стал поиск ответа на вопрос о том, насколько применимы утверждения Хантингтона к взаимодействию населения с православной и мусульманской культурой, проживающего в регионах исследования.

Башкортостан и Ханты-Мансийский автономный округ: регионы, где проходят линии межцивилизационного разлома?

Республика Башкортостан и Ханты-Мансийский автономный округ–Югра представляют собой полиэтничные и поликонфессиональные регионы. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., в национальном составе населения Республики Башкортостан преобладают русские (36,1%), башкиры (29,5%) и татары (25,4%); в ХМАО–Югре русские составляют большинство (68,1%), однако численность башкирского и татарского населения также довольно высока (в совокупности 9,4%). Таким образом, оба региона являются территориями соприкосновения тюркских и славянских народов, между которыми, как подчеркивал Хантингтон, исторически велась борьба[1].

Следует также учесть, что 2017 год, когда проводилось исследование в Башкортостане, был отмечен конфликтом вокруг добровольности изучения родных языков[2], что осложнило межэтнические отношения в республике. Летом 2017 г. 47% башкир, 42% татар и 40% русских заявили о том, что чувствуют враждебность к людям других национальностей, при этом от 11% до 13% респондентов испытывали такие чувства часто. Более половины русских, башкир и татар (56, 54 и 51% соответственно) присоединились к мнению «все средства хороши для защиты моего народа». Следуя логике столкновения цивилизаций, можно было ожидать в этот период усиления межцивилизационного раскола.

Что касается ХМАО–Югры, то на протяжении последних лет этот регион занимал последние места в рейтинге субъектов Российской Федерации по уровню межэтнического и межконфессионального

[1] *Huntington S. P.* Ibid. P. 33.

[2] А язык это одна из важных черт цивилизации объективного порядка, в соответствии с определением С. Хантингтона

согласия. В частности, по данным ФСО России в 2016 г., 40% опрошенных в Ханты-Мансийском автономном округе полагали, что в населенном пункте их проживания возможен серьезный конфликт на религиозной почве (для сравнения в среднем по России так считало 20,7% респондентов)[1]. А по доле граждан, положительно оценивающих межнациональные (межэтнические) отношения, ХМАО в 2017 г. оказался на четвертой позиции снизу (после Санкт-Петербурга, Москвы и Новгородской области). Это также позволяло предположить, что в ходе исследования мы обнаружим в этом регионе межцивилизационный конфликт.

Операционализация теоретических положений С. Хантингтона

Хантингтон трактует цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, определяющуюся «одновременно общими объективными элементами, такими как язык, история, религия, обычаи, институты, и субъективной самоидентификацией людей»[2]. Как следует из текста статьи «Столкновение цивилизаций?», американский политолог относит тюркские и славянские народы к православно-славянской и исламской цивилизации соответственно. В целом, это разграничение укладывается в логику разработанной Хантингтоном концепции и позволяет нам, воспользовавшись данной категоризацией, причислить русских, исповедующих православие, к православно-славянской цивилизации, а башкир и татар, исповедующих ислам, — к исламской. В самом деле, культурно представители указанных народов заметно различаются. В том числе различаются их языки[3], религия, обычаи и хотя история и институты имеют много общего, все же они далеко не идентичны. О культурной дистанции между русскими с одной стороны, башкирами и татарами — с другой свидетельствует также

[1] ФСО доложила о межконфессиональных отношениях в РФ. На тюменском севере каждый десятый готов взять в руки оружие. [Электронный ресурс]: Интернет-газета ZNAK. URL: https://www.znak.com/2016–03–24/na_tyumenskom_severe_kazhdyy_desyatyy_gotov_vzyat_v_ruki_oruzhie (Дата обращения: 09.06.2018).

[2] *Huntington S. P.* P. 24.

[3] Важно отметить, что башкирский и татарский язык являются родственными.

оценка межэтнических расстояний на основе распространенности смешанных семей, которая показывает, что русские охотнее вступают в браки с украинцами, мордвинами, удмуртами, армянами и чувашами, которые в большинстве своем являются православными. В то время как заключение браков с татарами и, особенно, с башкирами является для русских менее предпочтительным[1].

Допустив, что русские, исповедующие православие, татары и башкиры, исповедующие ислам, принадлежат к разным цивилизациям, мы, вслед за Хантингтоном, должны предположить, что они придерживаются разных нормативных и политических представлений, в том числе в разной степени привержены ценностям свободы, равенства и верховенства закона, по-разному смотрят на отношения между гражданином и государством, государством и религиозными учреждениями. Для проверки этого предположения в опросный лист были включены вопросы, направленные на прояснение политических воззрений и ценностных ориентаций респондентов, в том числе вопрос о том, что в жизни является самым важным; вопрос о целях, способных объединить российское общество; вопрос о том, должны ли религиозные организации влиять на принятие политических решений.

Кроме того, опираясь на тезис о «сплочении цивилизаций» (синдроме «братских групп»), мы выдвинули гипотезу, согласно которой отношение местного населения к приезжим разной цивилизационной принадлежности будет различаться: представители исламской цивилизации будут благоволить мусульманам, православно-славянской — православным. Для проверки этой гипотезы измерялся уровень поддержки респондентами ограничительных мер в отношении приезжих разного вероисповедания.

Наконец, мы посчитали необходимым проверить утверждение Хантингтона, согласно которому распространение приобретает одобрение религиозного радикализма, особенно среди молодежи, лиц с высоким уровнем образования и представителей среднего класса. Для проверки данного тезиса использовался вопрос «Каково Ваше отношение к тем, кто готов с оружием в руках защищать

[1] *Соболевская О. В.* Смешанные браки измеряют дистанцию между этносами. 2015. [Электронный ресурс]: Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. URL: https://iq.hse.ru/news/177665069.html (Дата обращения: 09.06.2018).

чистоту своей религиозной веры?». В качестве индикатора одобрения радикализма рассматривался вариант ответа: «Это настоящие герои, которые заслуживают уважения».

Эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу исследования составляют материалы массовых опросов, проведенных в Республике Башкортостан в июле 2017 г. и в Ханты-Мансийском автономном округе-Югра в апреле 2018 г.

Опрос в Башкортостане проводился по квотной районированной выборке, репрезентирующей население республики. В выборку были включены 14 городов и 15 сельских районов, представляющих 6 геоэкономических зон республики: Центральную, Западную, Южную, Северо-Западную, Северо-Восточную и Уральскую. Были заложены квоты по полу, возрасту, образованию и национальности (башкиры, татары, русские). Всего было опрошено 1034 респондента.

Опрос в Ханты-Мансийском автономном округе-Югра осуществлялся по квотной выборке, репрезентирующей население ХМАО, проживающее в городских поселениях. Для опроса были отобраны следующие города: Лангепас, Мегион, Нефтеюганск, Нижневартовск, Пыть-Ях, Радужный, Сургут[1]. Были заложены квоты по полу, возрасту, образованию и национальности (башкиры, татары, русские). Всего было опрошено 613 респондентов.

Политические и ценностные ориентации представителей исламской и православно-славянской цивилизации

Результаты проведенного исследования опровергают утверждение о фундаментальных различиях в политических и ценностных ориентациях представителей исламской и православно-славянской цивилизации. Напротив, последние проявляют солидарность в вопросах о том, какие общие цели могли бы объединить российское

[1] Отбор осуществлялся случайным образом из городских поселений с населением свыше 40 тыс. человек. Труднодоступные города и ПГТ в выборку не включались.

общество, что самое главное в жизни, следует ли гражданину ориентироваться на собственные силы или ждать помощи от государства и должны ли Русская Православная Церковь и Духовное управление мусульман влиять на принятие политических решений.

Так, ключевыми целями, способными объединить российское общество, представители обеих групп двух регионов считают обеспечение закона и порядка в стране, благосостояния народа и справедливости в обществе, а в Ханты-Мансийском автономном округе среди важнейших задач называют также укрепление единства страны (табл. 6.3.1).

Таблица 6.3.1

Цели, способные объединить российское общество, *в % от опрошенных*

Цели	ХМАО–Югра		Республика Башкортостан	
	Представители «исламской цивилизации»	Представители «православно-славянской» цивилизации	Представители «исламской цивилизации»	Представители «православно-славянской» цивилизации
Укрепление единства страны	**40,3**	**42,8**	31,5	33,0
Обеспечение закона и порядка в стране	47,2	50,5	51,6	47,9
Предотвращение войн, эпидемий, экологических катастроф	23,8	29,9	32,5	33,0
Возрождение России, как великой державы	32,5	32,0	30,4	28,1
Укрепление обороноспособности страны	12,1	17,0	21,6	29,2
Обеспечение справедливости в обществе	42,4	43,8	38,3	37,5
Обеспечение благосостояния народа	64,9	66,5	52,4	46,2
Другие цели	0,4	0,5	0,3	0,3
Затруднились ответить	0,4	0,0	2,8	1,7

Представленные в табл. 6.3.1 данные свидетельствуют о том, что, вопреки тезису Хантингтона, ценности верховенства закона, равенства и справедливости разделяются не только представителями западной цивилизации, но и представителями исламской и православно-славянской цивилизаций и не являются источником противоречий.

В ценностных ориентациях представители двух цивилизаций также демонстрируют не различия, а сходство (табл. 6.3.2).

Таблица 6.3.2

Распределение ответов на вопрос «Что Вы для себя считаете самым важным?» (не более трех вариантов ответов), *в % от опрошенных*

Варианты ответов	ХМАО–Югра, 2018 г.		Башкортостан 2017 г.	
	Представители «исламской» цивилизации	Представители «православно-славянской» цивилизации	Представители «исламской» цивилизации	Представители «православно-славянской» цивилизации
Пользоваться уважением людей	44,2	41,8	36,3	39,7
Иметь хорошую, интересную работу	43,7	53,1	50,4	50,7
Иметь хорошую семью	88,3	88,1	74,3	69,9
Чувствовать себя свободным человеком	32,5	38,1	23,7	25,2
Жить обеспеченно, в достатке	57,6	52,1	69,3	63,4
Другое	2,6	3,8	3,9	5,7
Затрудняюсь ответить	0,9	1,0	0,4	0,0

Как видно из данных таблицы 6.3.2, респонденты из обеих групп самым важным считают иметь хорошую семью; жить обеспеченно, в достатке; иметь интересную работу.

Следует обратить внимание на то, что представители разных цивилизаций, живущие на одной территории, демонстрируют

б*о*льшую близость суждений, чем представители одной цивилизации, проживающие в разных регионах. Это позволяет заключить, что в данном случае сходство жизненных условий оказывает на суждения респондентов более значимое влияние, чем общность культуры.

По вопросу о взаимоотношениях гражданина и государства обе группы опрошенных вновь демонстрируют единодушие (рис. 6.3.1).

Рис. 6.3.1. Представления о взаимоотношениях гражданина и государства, *в % от опрошенных*

Как видно из данных, приведенных на рис. 6.3.1, большинство респондентов полагает, что государство должно заботиться о благополучии своих граждан. Можно предположить, что эти представления во многом обусловлены историческим опытом проживания в СССР, когда одной из центральных идеологем являлась забота государства о гражданах страны[1].

Как и в вопросах, представленных выше, мнения респондентов разной цивилизационной принадлежности в границах одного и того же региона практически совпадают, в то время как суждения жителей Башкортостана и Югры значимо различаются. И пред-

[1] См. об этом, например: *Богданова Е. А.* Советский опыт регулирования правовых отношений, или «в ожидании заботы» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т.IX. № 1(34). С. 77–90.

ставители православно-славянской, и представители исламской цивилизации, проживающие в Ханты-Мансийском автономном округе, меньше рассчитывают на поддержку государства и больше ориентируются на собственные силы по сравнению с респондентами, живущими в Башкортостане. Вероятно, это объясняется б*о*льшим экономическим благополучием ХМАО, который занял 3е место в рейтинге социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2017 г., уступив только Москве и Санкт-Петербургу, тогда как Республика Башкортостан оказалась лишь на 11-й позиции[1].

Из сказанного можно сделать вывод, что на представления об отношениях государства и гражданина, в противоположность тезису Хантингтона, оказывает влияние не культура, а экономика и идеология[2].

Вопрос о допустимости влияния религиозных учреждений (РПЦ и ДУМ) на принятие государственных решений не является предметом существенных разногласий между представителями исламской и православно-славянской цивилизации.

В Республике Башкортостан примерно равные доли респондентов из обеих групп считают, что религиозные учреждения (не) должны оказывать влияние на политические решения. Причем полученные результаты свидетельствуют о том, что ни православные, ни мусульмане, не склонны проявлять фаворитизм в отношении «своих» религиозных организаций (рис. 6.3.2).

В Ханты-Мансийском автономном округе ситуация несколько отличается: здесь представителям православно-славянской цивилизации очевидно больше импонирует идея влияния РПЦ на принятие государственных решений, чем аналогичная идея в отношении ДУМ. Вместе с тем, необходимо обратить внимание на тот факт, что суждения православных, проживающих в ХМАО, все же ближе к суждениям их земляков-мусульман, чем к мнениям православных, живущих в Башкортостане (см. рис. 6.3.2).

В целом, жители двух регионов существенно расходятся во взглядах на допустимость вмешательства религиозных учрежде-

---

[1] Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2017 года. [Электронный ресурс]: РИА Рейтинг. URL: http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html (Дата обращения: 09.06.2018).

[2] В данном случае рудименты советской идеологии.

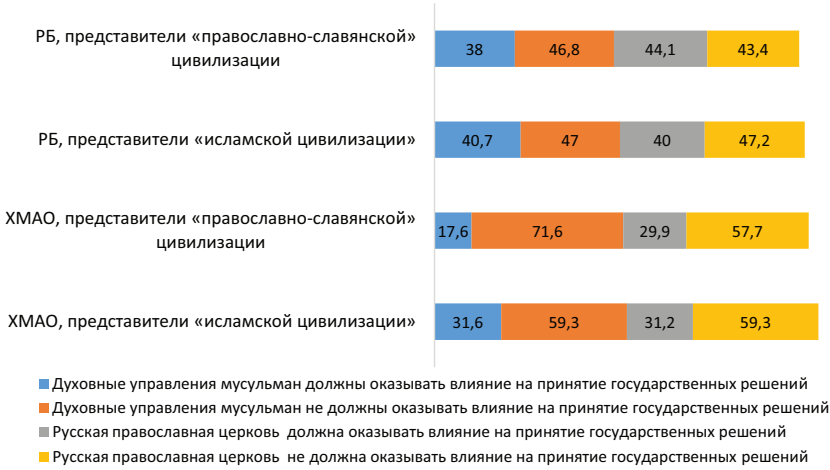


Рис. 6.3.2. Допустимость влияния религиозных организаций на принятие государственных решений, *в % от опрошенных*

ний в политические дела. Если в Республике Башкортостан почти половина опрошенных (как православных, так и мусульман) допускает такое вмешательство, то в ХМАО большинство респондентов, независимо от этноконфессиональной принадлежности, считает его нежелательным.

«Сплочение цивилизаций»

Полученные данные не подтвердили тезис о «сплочении цивилизаций», согласно которому жители других стран и регионов воспринимаются как «свои», если принадлежат к той же цивилизации.

Как показало проведенное исследование, жители Башкортостана (и мусульмане, и православные) примерно одинаково относятся ко всем приезжим, вне зависимости от их конфессиональной принадлежности (табл. 6.3.3).

Как видно из приведенных выше данных, около половины всех опрошенных поддерживает ограничительные меры в отношении приезжих, причем, когда речь идет о приезжих-единоверцах поддержка указанных мер остается на том же уровне или даже незначительно возрастает.

Таблица 6.3.3

Поддержка ограничительных мер в отношении приезжих из других регионов России в Башкортостане, 2017 г.,
в % от опрошенных

Ограничительные меры	Представители «исламской цивилизации»		Представители «православно-славянской» цивилизации	
	За, скорее за	Против, скорее против	За, скорее за	Против, скорее против
Ограничение приезда в Башкортостан на постоянное жительство и на заработки приезжих из других регионов	49,5	40,7	50,5	39,1
Ограничение приезда в Башкортостан на постоянное жительство и на заработки приезжих мусульман	49,1	39,3	56,4	33,6
Ограничение приезда в Башкортостан на постоянное жительство и на заработки приезжих православных	49,0	39,8	55,9	34,0

Иная картина наблюдается в Ханты-Мансийском автономном округе. Здесь респонденты вне зависимости от этноконфессиональной принадлежности существенно реже высказываются в пользу введения ограничительных мер для приезжих, что, вероятно, связано с тем, что большинство жителей Югры сами являются приезжими (табл. 6.3.4).

Несмотря на то, что православные проявляют явный фаворитизм в отношении своих единоверцев, прибывающих из других регионов страны, их позиция по вопросу о введении ограничений на въезд приезжих, исповедующих ислам, все же ближе к позиции мусульман, проживающих в ХМАО, и даже, как это ни парадоксально, к суждениям мусульман, живущих в Башкортостане, чем к мнениям православных в республике (табл. 6.3.3–6.3.4). Еще более любопытна позиция респондентов-мусульман, проживающих в ХМАО, которые не только не проявляют никакого предпочтения по отношению к своим единоверцам, прибывающим в округ, но и демонстрируют большее расположение к приезжим право-

Таблица 6.3.4

Поддержка ограничительных мер в отношении приезжих из других регионов России в ХМАО–Югре, 2018 г.,
в % от опрошенных

Ограничительные меры	Представители «исламской цивилизации»		Представители «православно-славянской» цивилизации	
	За, скорее за	Против, скорее против	За, скорее за	Против, скорее против
Ограничение приезда на постоянное жительство и на заработки приезжих из других регионов	24,3	73,1	32,4	62,9
Ограничение приезда на постоянное жительство и на заработки приезжих мусульман	22,6	75,3	36,1	58,8
Ограничение приезда на постоянное жительство и на заработки приезжих православных	17,3	80,1	14,9	81,4

славного вероисповедания. Это позволяет заключить, что в Ханты-Мансийском автономном округе–Югра распространено общее для обеих групп представление о нежелательности приезда «пришлых» мусульман, которые, вероятно, рассматриваются как потенциальные носители исламского фундаментализма.

Поддержка религиозного радикализма

Было бы немалым преувеличением говорить о поддержке религиозного радикализма как представителями исламской, так и представителями православно-славянской цивилизации. Позитивно оценивает деятельность тех, кто готов защищать чистоту религиозной веры с оружием в руках лишь 3,5% и 3,3% мусульман, 8,2% и 6,7% православных в ХМАО и Республике Башкортостан соответственно. Причем, вопреки утверждению Хантингтона, доля молодежи, придерживающейся такой позиции, значимо не превышает аналогичной доли в старших возрастных когортах (табл. 6.3.5).

Таблица 6.3.5

Позитивное отношение к тем, кто готов с оружием в руках защищать чистоту своей религиозной веры среди респондентов разного возраста,
в % от опрошенных

Регион	До 30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	От 61 года
Башкортостан	5,0	4,4	4,9	7,0	5,2
ХМАО–Югра	7,5	7,2	4,5	4,2	5,6

Высокий уровень образования также не способствует одобрению деятельности религиозных радикалов. Чуть бо́льшую поддержку в адрес тех, кто готов с оружием в руках защищать чистоту своей веры, выражают наименее образованные респонденты, но и в этом случае сложно говорить о выраженном влиянии уровня образования на одобрение религиозного экстремизма (табл. 6.3.6).

Таблица 6.3.6

Позитивное отношение к тем, кто готов с оружием в руках защищать чистоту своей религиозной веры среди респондентов с разным уровнем образования,
в % от опрошенных

Регион	Полное и неполное среднее образование	Среднее специальное образование	Высшее и неоконченное высшее образование
Башкортостан	8,8	3,3	5,9
ХМАО	10,9	4,5	3,2

Не установлена связь между материальным положением респондентов и поддержкой ими религиозного радикализма. Представители среднего класса высказывают одобрение в отношении тех, кто готов защищать чистоту веры с оружием в руках, не чаще представителей низшего и высшего классов (5,1% против 4,7 и 5,7% соответственно в Республике Башкортостан, 5,8% против 4,5 и 5,0% в ХМАО).

Выводы

Исследование, проведенное в 2017–2018 гг. в Республике Башкортостан и Ханты-Мансийском автономном округе–Югра, в очередной раз не дало эмпирического подтверждения теории столкновения цивилизаций С. Хантингтона.

Полученные данные опровергли тезис о несовместимости политических и ценностных ориентаций представителей исламской и православно-славянской цивилизаций. Напротив, в вопросах значимости свободы, справедливости, верховенства закона они продемонстрировали высокое сходство позиций.

Не подтвердилось положение о «сплочении цивилизаций». Результаты исследования продемонстрировали близость суждений мусульман и православных, проживающих в границах одного региона, по вопросам ограничительных мер в отношении приезжих разной конфессиональной принадлежности.

Не нашло подтверждения и утверждение о распространении поддержки религиозного радикализма, особенно среди молодежи, лиц с высоким уровнем образования, представителей среднего класса.

Сравнение данных, полученных в Республике Башкортостан и ХМАО–Югре, позволило сделать вывод о том, что сходство жизненных условий, обусловленное проживанием на одной территории, оказывает на представления респондентов более значимое влияние, чем общность культуры.

ГЛАВА VII

Православные и мусульмане в разной этнополитической среде

Постановка проблемы

Проблемы межнациональных отношений, межнационального согласия, лежащего в основе общегражданской идентичности, соотношения разных форм социальной идентичности с учетом религиозного фактора достаточно активно изучались в последние годы в рамках как отдельных региональных социологических исследований, так общероссийских[1]. В данной главе мы проследим влияние ислама и православия на поддержание межэтнического согласия. Ситуация в Республике Башкортостан, где мусульмане составляют этническое большинство, и Ханты-Мансийского ав-

---

[1] *Амелин В. В.* Конфессиональные отношения в полиэтничном регионе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. № 2. С. 140–148; *Амелин В. В., Моргунов К. А.* Татары в Оренбургской области: особенности религиозного возрождения // Татары и ислам в регионах Российской Федерации: современная этноконфессиональная ситуация / рук. проекта и отв. ред. Р. Н. Мусина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Издательство «Артифакт». 2015. С. 180–209; *Азизова Н. Н., Богатова О. А.* Татары в Республике Мордовия: этноконфессиональная ситуация и этничность // Татары и ислам и в регионах Российской Федерации: современная этноконфессиональная ситуация. С. 51–99; *Галлямов Р. Р.* Элита Башкортостана: политическое и конфессиональное измерения. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006; *Мусина Р. Н.* Этноконфессиональные особенности и факторы формирования гражданской идентичности // Федерализм в России / под ред. Р. Хакимова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2001. С. 207–212; *Мусина Р. Н.* Религиозное возрождение, этноконфессиональные отношения и проблемы интеграции общества: пример Татарстана // Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 107–139; *Мчедлова М. М.* Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 110–117; Российское общество и вызовы времени. Книга вторая. [М. К. Горшков и др.]; отв. ред. М. К. Горшков В. В. Петухов. М.: «Весь Мир», 2015. С.275–276; *Рыжова С. В.* Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 3. С. 44–63 и др.

тономного округа–Югры — региона с относительно небольшим представительством мусульманского населения — открывала возможность провести необходимые социально-культурные и этнополитические сопоставления. Отличие этих регионов состоит еще и в том, что в Республике Башкортостан мусульманскую умму представляют, в основном, автохтонные народы — башкиры и татары, которые более 450 лет, со времени, когда этот край вошел в состав Российского государства, соседствуют рядом и вместе с русскими. В Югре народы мусульманского мира являются пришлыми, одна часть из которых — представители татаро-башкирского сообщества — появились здесь, в основном, в составе двух волн переселенцев: в 1930-е годы в качестве политических ссыльных и в конце 1960-х — начале 1970-х годов с началом активного промышленного освоения Севера. Другая часть — представители народов Кавказа и Средней Азии — прибыли сюда значительно позднее, главным образом, в 1990–2000-е годы. Основное внимание в настоящей главе будет уделено анализу религиозности и установок мусульман.

Мусульманское сообщество Республики Башкортостан представлено, в основном, башкирами и татарами, составляющими согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., более половины ее населения (54,9%)[1]. Близкие по культуре, языку, этнической истории, практически родственные народы, они обладают определенными исторически обусловленными особенностями менталитета, социально-демографического развития[2]. Существу-

---

[1] Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический сборник. В 2 ч. Ч.1 — Уфа: Башкортостанстат, 2013. С. 28.

[2] *Габдрафиков И. М.* Республика Башкортостан. Модель этнологического мониторинга / ред. серии В. А. Тишков, ред. книги Степанов В. В. М.: ИЭА РАН, 1998; *Габдрафиков И. М.* Региональные особенности становления российской нации: Республика Башкортостан (1990–2003 гг.) СПб.: Своё издательство, 2014; *Галлямов Р. Р.* Многонациональный город: этносоциологические очерки. Уфа: Гилем, 1996; *Киекбаев М. Д.* Башкиры в городах Башкортостана: история и современность (опыт историко-этнографического и этносоциологического исследования). Уфа: Нур-Полиграфиздат. 1998; *Кузеев Р. Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992; *Кузеев Р. Г.* Демократия. Гра-

ет определенная специфика расселения башкир и татар в республике. Башкиры живут большей частью в восточных и юго-восточных районах. Составляя около 30% населения республики, они чаще являются сельскими жителями: в городах проживают 40,7% башкир. Татары расселены, в основном, в западной и северо-западной части современного Башкортостана. Составляющие около четверти всего населения республики (25,4%), они обладают более высоким уровнем урбанизированности: горожанами являются 61,6% татар республики. В столичном городе Уфе татары составляют 28,3%, башкиры — 17,1% его населения[1].

В мусульманское сообщество Башкортостана входят также представители и других «мусульманских» национальностей, в том числе приехавшие в республику в постсоветский период представители государств Центральной Азии, а также российских регионов и государств Кавказа, которые в общей сложности составляют не более 1% населения.

В ХМАО мусульманская умма интернационализирована в большей степени. Помимо башкир и татар (согласно переписи 2010 г.), составляющих 2,3 и 7,2% населения округа, здесь проживают представители народов Центральной Азии (1,9%), Кавказа (дагестанцы, чеченцы и др.) — 3%, азербайджанцы — 1,7%[2]. В общей массе этнические мусульмане составляют 16% населения округа, т.е. каждый шестой житель ХМАО является мусульманином. Башкиры и татары составляют 16 и 49% этнически мусульманского населения округа. Однако следует отметить стремительное увеличение числа мигрантов из центральноазиатских и кавказских регионов, которое пришлось на двадцатилетие между переписями 1989 и 2010 гг. Количество выходцев из этих регионов увеличилось

жданственность. Этничность. М.: ЦИМО, 1999; *Сафин Ф. Г.* Этнополитическое развитие Башкортостана в XX веке. Социолингвистический аспект. Уфа: Магариф, 2004; *Юнусова А. Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа: Уфим. полиграфкомбинат, 1999.

[1] Уфа: [Электронный ресурс]: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D1%84%D0%B0 (Дата обращения: 20.06.2018).

[2] Население по национальности и владению русским языком по субъектам РФ [Электронный ресурс]: Федеральная служба государственной статистики. URL.: http://www.gks.ru/ free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vo14/pub-04–04.pdf (дата обращения: 26.06.2018).

за это время в разы: в два раза — количество азербайджанцев, в 4,5 раза — представителей народов Кавказа, в 9,4 раза — народов центральной Азии, тогда как число татар и башкир за этот период увеличилось лишь в 1,1 раза[1]. В совокупности мусульмане из Средней Азии и Кавказа стремительно догоняют, а в скором времени могут и превысить численность татаро-башкирского сообщества.

[1] *Старостин А. Н.* Татары и ислам на севере Западной Сибири // Татары и ислам и в регионах Российской Федерации: современная этноконфессиональная ситуация. С. 323.

7.1. Религиозность в Республике Башкортостан и Ханты-Мансийском автономном округе

Начало постсоветского периода в стране ознаменовалось процессом "религиозного возрождения", характерного и для исследуемых регионов. Существуют разные точки зрения по поводу термина "религиозное возрождение"[1], однако возрастающая значимость религии, ее все более активное присутствие в частной и общественной жизни России, позволяет все же говорить о процессе десекуляризации и своеобразном религиозном ренессансе.

Одним из свидетельств этого процесса является стремительный рост количества религиозных общин, храмов (церквей, мечетей и т.п.), причем как восстанавливаются прежние, так и строятся новые. Так, если в 1987 г. на территории республики было 17 действующих мечетей, к 1996 г. их насчитывалось более 400, в 2008 г. — около 500, то в 2013 г. уже 1060 мечетей[2]. Большей частью это небольшие сельские мечети. В городах они бо́льшего размера, но их немного. Так, в Уфе в 1996 г. действовало 3 мечети, в 2007 г. — 7, и лишь к 2013 г. — около 20 мечетей[3].

В настоящее время в Республике Башкортостан действуют 12 религиозных центров и 1708 религиозных объединений,

---

[1] *Мухаметшин Р. М.* Конфессиональный компонент этнической идентичности // Казанский федералист. 2006. № 4 (20). С. 96; *Малашенко А. В.* Исламское возрождение в современной России. М.: Московский Центр Карнеги, 1998; *Губогло М. Н.* Религиозность, этничность, государственность // Этнопанорама. 2000. № 3. С. 4.

[2] *Юнусова А.* Мечети. [Электронный ресурс]: Башкирская энциклопедия. URL: http://xn——7sbacsfsccnbdnzsqis3h5a6ivbm.xn — p1ai/index.php/2-statya/15216-mecheti (Дата обращения: 20.06.2018).

[3] Мечети Уфы // Википедия. URL6https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D1%87%D0%B5%D1%82%D0%B8_%D0%A3%D1%84%D1%8B (Дата обращения: 20.06.2018).

представляющих 22 конфессии. Функционирует более 900 мечетей, 200 православных храмов, 60 культовых зданий иных конфессий. Религиозные объединения ислама и православия составляют 87% от общего числа религиозных организаций (68% — ислам, 19% — православие); остальные 13% — в основном протестантские общины[1].

Православных Республики Башкортостан окормляет Башкортостанская митрополия Русской православной церкви, объединяющая Бирскую, Нефтекамскую, Салаватскую и Уфимскую епархии, возглавляемая митрополитом Никоном (Васюков Николай Николаевич)[2].

Мусульманская умма Башкортостана представлена двумя духовными центрами. Духовное управление мусульман Республики Башкортостан (ДУМ РБ, муфтий Нурмухамет Нигматуллин), входящее в состав Централизованной мусульманской религиозной организации Совет муфтиев России (председатель муфтий Равиль Гайнутдин) объединяет 630 мусульманских общин, расположенных на территории республики (401 зарегистрировано и 229 без регистрации).

Центральное духовное управление мусульман России (ЦДУМ РФ, муфтий Талгат Таджуддин) объединяет по России более 2000 мусульманских организаций, из которых на территории республики расположено 538 общин (зарегистрировано 389 и 149 без регистрации).

Существуют также ряд незарегистрированных религиозных групп, придерживающихся различных направлений, в том числе независимые приходы суфийских тарикатов, приходы салафитских лидеров и другие. По итогам социологических исследований, проведенных в 2012 г., количество «неофициальных» мусульман только в г. Уфе составляет 14,3% от общего количества практикующих мусульман (посещающих пятничный намаз)[3].

---

[1] Религиозные объединения Республики Башкортостан. Справочник. Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2014. С. 5.

[2] Сайт патриархии РПЦ URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/1912987.html (Дата обращения: 20.06.2018).

[3] Религиозные объединения Республики Башкортостан. Справочник. Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2014. С. 15; *Бердин А., Юсупов Ю., Карамышев Р.* Мусульманская умма Башкортостана [Электронный ресурс]: Политобразование. Информационно-аналитический журнал. URL:

В Ханты-Мансийском автономном округе, согласно официальной информации Министерства юстиции Российской Федерации, зарегистрировано 177 религиозных организаций. В процентном соотношении 56% всех зарегистрированных организаций — православные, 24% — протестантские, 18% — мусульманские; на долю остальных приходится 2% организаций.

Православные общины ХМАО объединены в Ханты-Мансийскую митрополию, возглавляемую митрополитом Ханты-Мансийским и Сургутским о. Павлом (Фокин Павел Семенович). За период с 2011 до 2017 г. после назначения его митрополитом произошел резкий скачок православных организаций (с 45 до 100[1]), много церковных зданий находятся в стадии строительства — только в Ханты-Мансийской Епархии строится 46 церквей[2].

Мусульманские организации входят в состав Регионального Духовного управления (РДУМ ХМАО–ЮГРЫ, муфтий Саматов Тагир Габдулхакович), центр которого находится в г. Сургуте; имеется 31 мечеть (в т.ч. две в Нижневартовске), из которых 18 — в городах, 12 — в поселках, одна — в селе[3].

Говоря об этноконфессиональном составе России или конкретного региона, обычно исходят из историко-генетической принадлежности народов к определенной религии. Но, как справедливо отмечают аналитики, «среди зачисленных в эти религии оказываются и атеисты, и люди, безразличные к религии, и не идентифицирующие себя с конкретными религиозными течениями, и исповедующую совсем другую веру, а не ту, которую им приписали идеологи этнической религиозности»[4]. В этом случае

http://lawinrussia.ru/content/musulmanskaya-umma-bashkortostana (Дата обращения: 20.06.2018).

[1] Статистика религиозных организаций в ХМАО-Югре / Итоги 2017 г. [Электронный ресурс]: Свобода- верить.рф. URL: http://xn--7sbcddjky1cb1acy4l.xn — p1ai/?p=3182 (Дата обращения: 20.06.2018).

[2] Призвание Югры. [Электронный ресурс]: Приходы. URL: https://prichod.ru/the-word-a-of-arhipaster/32261/ (Дата обращения: 20.06.2018).

[3] Статистика религиозных организаций в ХМАО–Югре / Итоги 2017 г. [Электронный ресурс]: Свобода-верить.рф. URL: http://xn--7sbcddjky1cb1acy4l.xn — p1ai/?p=3182 (Дата обращения: 20.06.2018).

[4] *Филатов С. Б., Лункин Р. Н.* Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 36.

правильнее говорить об «этнических мусульманах», «этнических православных» и т.д. Реальная же ситуация в условиях нарастающего процесса «приватизации религии» и более лояльного отношения к принципу свободы вероисповедания несколько иная.

Рассмотрим этноконфессиональный «расклад» опрошенного населения Республики Башкортостан и ХМАО с учетом их национальной и конфессиональной самоидентификации. Материалы исследования показали, что в республике почти 90% респондентов из числа башкир и татар отнесли себя к исламу, незначительная часть (2% башкир и 4% татар соответственно) — к православным (частично, вероятно, являющихся кряшенами), мизерная часть (менее 1%) — к другим религиям (чаще к протестантам), а 3 и 2% соответственно верят в Бога, но не разбираются в религиях (табл. 7.1.1). Среди русских 81% — православные, 4% отнесли себя к исламу, 7% не отнесли себя ни к какой религии. В ХМАО самоидентифицировались как мусульмане три четверти опрошенных башкир и татар (75–77%), как православные — 7 и 11% соответственно. Среди русских респондентов свыше 80% — православные по самоидентификации.

Таблица 7.1.1

Этноконфессиональный состав опрошенного населения Республики Башкортостан и ХМАО–Югра, *в % от опрошенных*

Религиозная принадлежность	Русские	Татары	Башкиры	Всего
Республика Башкортостан				
Православие	81	4	1	30
Ислам	4	85	87	60
Другая	1	-	1	1
Верю в Бога, но не разбираюсь в религиях	2	2	3	2
Ни к какой религии	7	6	5	6
ХМАО–Югра				
Православие	88	11	7	42
Ислам	1	77	75	45
Другая	1	1	1	1
Верю в Бога, но не разбираюсь в религиях	1	1	4	2

В ходе проведенного в 2017 г. исследования в Башкортостане более 80% опрошенного населения назвали себя верующими, но при этом *уверенно верующими*[1] самоопределились лишь 34%, а более половины считают себя скорее верующими, чем не верующими (52%). Более высокая доля «однозначно верующих» наблюдается среди русских (37%)[2] (табл. 7.1.2).

Таблица 7.1.2

Отношение к религии (Распределение ответов на вопрос «*Каково Ваше отношение к религии?*»), Республика Башкортостан, 2017 г., %

Варианты ответов	Русские	Татары	Башкиры
Верующий	37	32	31
Скорее верующий, чем неверующий	49	54	53
Скорее неверующий, чем верующий	8	11	12
Неверующий, атеист	6	3	5

Рассматривая ситуацию с точки зрения влияния на уровень веры различных социальных факторов, обнаруживается связь религиозности с типом поселения и уровнем урбанизации. Наиболее значительна доля «однозначно верующих» среди жителей средних и малых городов (40% среди татар и башкир, но верующих, в целом, у татар больше). Столичный город Уфа дает наименьшую долю «сильно верующих» (22%) как среди татар, так и башкир. Среди сельского населения выделяются более высокой долей «однозначно верующих» татары (39% против 29% башкир-сельчан).

В исследовании, проведенном в ХМАО, в ответах на вопрос об отношении к религии была использована другая градация. Отвечая на него, около 45% населения республики определили себя как верующие, старающиеся соблюдать религиозные обычаи и об-

[1] Далее при анализе эта группа условно названа «сильно верующие» или «однозначно верующие») в отличие от тех, которые самоидентифицировались как «*скорее верующие, чем неверующие*».

[2] Обращаем внимание читателей, что в данном разделе при анализе мы нередко используем распределения от числа ответивших на вопрос респондентов, чтобы более отчетливо наблюдать различия в оценках людей различной этнической и конфессиональной принадлежности.

Таблица 7.1.3

Показатели конфессиональной и религиозной идентичности башкир и татар в Республике Башкортостан, 2017 г., %

Показатели	Республика Башкортостан в целом	Уфа	Другие города	Село
Башкиры				
Верующие по самоидентификации	84	75	84	89
в т.ч. однозначно верующие	31	22	40	29
Мусульмане по самоидентификации	90	91	88	91
Татары				
Верующие по самоидентификации	86	82	90	86
в т.ч. однозначно верующие	32	22	38	39
Мусульмане по самоидентификации	88	85	88	90

ряды (условно «практикующие верующие»), около 40% — верующие, не соблюдающие эти обычаи («номинально верующие»). Наиболее высокий уровень веры — среди русских (47%), далее — у татар (43%), тогда как у башкир больше верующих, не соблюдающих религиозные обычаи и обряды (табл. 7.1.4).

Таблица 7.1.4

Отношение к религии (Распределение ответов на вопрос «*Каково Ваше отношение к религии?*»), ХМАО–Югра, 2018 г.,[1] %

Варианты ответов	Русские	Татары	Башкиры
Да, верующий, стараюсь соблюдать обычаи и обряды	47	43	33
Да, верующий, но не соблюдаю обычаев и обрядов	37	37	43
Колеблющийся	4	11	8
Неверующий, атеист	12	9	16

[1] В Республике Башкортостан и в ХМАО использованы разные градации религиозной самоидентификации.

В соответствии с задачами исследования важно проследить различные показатели религиозной идентичности, выделив отдельно мусульман и православных по их конфессиональной самоидентификации, с учетом их уровня веры. Боле высокий его показатель, по данным исследования, декларировали православные. В Республике Башкортостан среди лиц, считающих себя мусульманами, уверенно назвали себя верующими 32%, скорее верующими, чем неверующими — 56%; среди православных эти показатели составляют 42 и 50% соответственно. Доля *практикующих верующих* в ХМАО (тех, кто стремится соблюдать религиозные обычаи и обряды) составляет 46% среди мусульман и 54% среди православных.

С развитием процесса возрождения религии наблюдается рост конфессиональной солидарности (ощущение близости с единоверцами, в т.ч. и в значительной степени), которое также можно рассматривать как важный показатель религиозной идентичности. В Башкортостане чувство близости с людьми своего вероисповедания декларируется чаще мусульманами, чем православными, как в целом (80 и 72%), так и в *значительной степени* (34 и 24%) (табл. 7.1.5). Среди мусульман это чувство отметили 35% башкир и 30% татар. Чувство выраженной солидарности в большей степени присуще сельчанам: об этом заявили 48% башкир и 42% татар, проживающих в селах, в отличие от жителей Уфы (30 и 20% соответственно), а также жителей других городах (25–26%).

В ХМАО показатели конфессиональной солидарности в целом у мусульман и православных практически одинаковы (92–91%), но близость с людьми своего вероисповедания *в значительной степени* чаще декларируется мусульманами, чем православными (49 и 43% соответственно)

Очевидно, что существует связь между ощущением близости к людям своего вероисповедания и уровнем веры. Среди «*однозначно верующих*» в Республике Башкортостан ощущают связь с единоверцами 42% мусульман (в т.ч. 41% башкир, 38% татар) и 31% православных. В ХМАО подобные чувства (конфессиональная солидарность в значительной степени) по отношению к людям своей веры ощущают больше также мусульмане: 62% среди практикующих мусульман и 48% среди православных такого же уровня веры. Отметим, что мусульманам ХМАО в большей степени,

Таблица 7.1.5

Распределение ответов на вопрос «*В какой степени Вы ощущаете близость с людьми Вашей веры, того же вероисповедания что и Вы..?*», %

Варианты ответов	Республика Башкортостан		ХМАО	
	Мусульмане	Православные	Мусульмане	Православные
В значительной степени	34	24	49	43
В некоторой степени	46	48	43	48
Не ощущаю близости	20	28	8	9

чем их единоверцам в Башкортостане присуще чувство конфессиональной солидарности (49 и 34% соответственно).

Религия в современной России играет все большую роль. В Республике Башкортостан 77% среди мусульман и 80% среди православных считают роль религии в своей жизни *«важной» и «очень важной»* (см. табл. 7.1.6). *Очень важную роль* религии отметили 19% мусульман и 26% православных. Среди респондентов-мусульман *очень важную роль* религии в своей жизни признали 21% башкир и 17% татар. Сельчане чаще полагают, что религия играет *очень важную роль* в их жизни (25% башкир и 24% татар), при этом показатели данного признака среди башкир и татар близки как как у жителей сельской местности, так и проживающих в Уфе (15–16%). Выделяются башкиры, живущие в средних и малых городах, которые вдвое чаще, чем их соседи-татары, считают роль религии в их жизни *очень важной* (20 и 9% соответственно).

Таблица 7.1.6

Роль религии в жизни в оценках населения жителей Башкортостана и ХМАО–Югры, %

Варианты ответов	Республика Башкортостан		ХМАО	
	Мусульмане	Православные	Мусульмане	Православные
Очень важную	19	26	27	20
Скорее важную	58	54	49	55
Скорее неважную	19	17	17	19
Совсем неважную	4	3	4	4

Если оценить роль религии в группах, у которых вера выражена в большей степени *(«однозначно верующие» / «сильно верующие»),* то можно отметить, что и в жизни башкир религия играет значительно бо́льшую роль (в 1,3 раза), чем татар (признали *очень важную роль религии* в своей жизни 49% башкир и 36% татар).

В ХМАО позиции мусульман и православных по этому вопросу близки (75–76%), при этом мусульмане чаще оценивали ее роль как «*очень важную*» (27 и 20%). В группе практикующих верующих эти показатели следующие: татары — 48%, башкиры — 44%, русские — 32%.

Религиозная идентичность проявляется не только в самосознании, но и предполагает некие практические действия, различные виды религиозных практик. Результаты исследования в Республике Башкортостан[1] свидетельствуют, что при столь высоком уровне религиозной самоидентификации (свыше 80% верующих среди татар и башкир), число лиц, выполняющих все требования, предъявляемые к мусульманам (5 столпов Ислама[2]), совсем невелико.

По данным опроса, в республике лишь 2% респондентов совершает ежедневный 5-кратный намаз, немногим более 7% соблюдают пост-уразу (8% среди башкир и 4% среди татар), 6–7% молятся дома ежедневно, а около четверти респондентов — иногда. Около 3–5% бывают в мечетях на пятничных службах (в т.ч. среди мужчин, для которых пятничный намаз в мечети считается обязательным, 3% башкир и 4% татар). Причем *башкиры регулярно посещают мечеть на пятничное богослужение* чаще в малых и средних городах — 5% (в Уфе — 4%, в селе — 2%) и чаще это представители старшего возраста (старше 50 лет — 7–9%, в возрасте до 30 лет — 1%).

Более активны в посещении пятничных богослужений татары: чаще живущие в Уфе — 7% (5% в других городах и 2,6% — в селе) и чаще люди старшего возраста (40–60 лет — 5%, старше 60-ти —

---

[1] В ХМАО в инструментарий исследования не был включен блок вопросов о религиозных практиках.

[2] Пять столпов ислама включают пять действий, обязательных для правоверного мусульманина: *шахада* — декларация веры, содержащая исповедание единобожия и признание пророческой миссии Мухаммада; пятикратный ежедневный *намаз; ураза* — пост во время месяца Рамазан; закят — религиозный налог; *хадж* — паломничесво в Мекку (по возможности).

13%). Татарская молодежь до 30 лет посещают пятничные богослужения достаточно редко (2%), как и башкирская (1%).

Гораздо чаще современные мусульмане Республики Башкортостан бывают в мечети для участия в религиозных обрядах по поводу религиозных праздников (*Ураза-байрам и Курбан-байрам)* и семейных обрядов жизненного цикла (*исем кушу, никах, жиназа*[1]*) — 40 и 34%; а также чтобы дать милостыню — саадака* для поминания своих умерших родственников или на благотворительные цели — 33 и 31%.

Около *половины респондентов* — жителей сел, малых и средних городов — бывают в мечетях на религиозных праздниках и проводимых там обрядах. Значительно реже посещают мечети по этим поводам столичные жители — 18% башкир и 13% татар. Однако *уфимцы* чаще, чем другие жители республики, бывают в мечетях, чтобы дать садака (41% башкир и 29% татар), они чаще молятся дома (35% башкир и 23% татар), чаще соблюдают пост — уразу (15% башкир и 9% татар).

Данные об исполнении религиозных предписаний мусульманами и православными как по всей выборке, так и среди однозначно самоопределившихся как верующие («убежденно/ однозначно верующие») представлены в таблице 7.1.7. Они наглядно демонстрируют достаточно низкую активность в исполнении мусульманами и православными предписываемых религиозных практик: даже «однозначно/сильно верующие», в основном, лишь эпизодически посещают мечеть или церковь для участия в богослужении, читают молитвы, соблюдают пост / уразу.

Причастность к исламу или к православию проявляется, главным образом, в самосознании, в стремлении следовать в собственном поведении нравственным нормам, проповедуемых религией, а также участием в религиозных обрядах семейного цикла и религиозных праздниках. Среди мусульман *у башкир в сравнении с татарами* следование религиозным требованиям выражено в большей степени. *У башкир также зафиксирован более высокий уровень «убежденно/однозначно верующих»;* они чаще, чем татары, полагают,

---

[1] Религиозные обряды жизненного цикла (*исем кушу* — имянаречение, *никах* — бракосочетание, *жиназа* — похоронный обряд), которые в постсоветский период все чаще стали проводить в мечетях в отличие от более ранней традиции проведения их дома.

Таблица 7.1.7

Религиозные практики мусульман и православных в Республике Башкортостан, 2017 г., %

Религиозные практики	В целом по выборке		«Сильно верующие»	
	Мусульмане	Православные	Мусульмане	Православные
Регулярно посещаю мечеть / церковь для участия в богослужении	5	8	11	15
Ежедневно совершаю 5-кратный намаз / регулярно исповедаюсь и причащаюсь	1	3	3	6
Ежедневно молюсь (своими словами или читаю молитвы)	7	8	12	15
Соблюдаю пост / уразу	7	8	12	15
Читаю Коран / Библию	6	8	11	15
Иногда молюсь (своими словами или читаю молитвы)	26	25	34	29
В мечеть / церковь хожу в основном, чтобы дать саадака/ поставить свечку	34	37	33	37
В мечети / церкви бываю редко, только для участия в обрядах и праздниках	39	40	44	33
Стараюсь следовать религиозным нормам милосердия и справедливости в отношениях с людьми	33	36	34	37
Не стремлюсь участвовать в богослужении и выполнять религиозные обряды — главное верить в душе	16	17	13	15

что религия играет важную роль в их жизни; у них более выражена конфессиональная солидарность — в ощущении связи с единоверцами, в т.ч. и в значительной степени.

Однако, на наш взгляд, заявленные столь высокие показатели религиозной идентичности мусульман и православных не всегда соответствуют реальной ситуации. Вопрос веры — вопрос интимного свойства, глубоко личный. Здесь возможно влияние

конъюнктуры, декларирование ответов, ожидаемых в силу моды или влияния государственной идеологии. На одном из круглых столов, проведенных в Республике Башкортостан, прозвучало: «*Проблема религиозной идентичности..., я считаю, это очень интимная проблема. Сошлюсь на академика Доллежаля, который, на мой взгляд, не только разбирался в ракетной технике. На вопрос: «Вы верующий человек?» Он сказал: «На этот вопрос Вам правду никто никогда не скажет, это как ответить на вопрос: веришь ли ты своей жене» (*материалы круглого стола, Уфа, 2017 г.).

Выявленное по материалам исследования соотношение декларируемой респондентами религиозной идентичности и реальных религиозных практик заставляет согласиться, в определенной мере, с такой оценкой: *«Нельзя отождествлять группы активно верующих людей, тех, кто, исходя из установок своей религии в бытовом поведении действительно придерживается норм и правил, и всех верующих. Потому что основная масса верующих, точнее называющих себя так, относящихся так или иначе к той или иной конфессии, все равно живет установками и ценностями светского внерелигиозного общества» (*материалы круглого стола, Уфа, 2017 г.)

Материалы исследования показывают, что религиозная идентичность современного мусульманского и православного населения Республики Башкортостан и Ханты-Мансийского автономного округа, несмотря на развивающийся процесс “религиозного возрождения” и начало “теологизации сознания”, все еще больше связана не столько с определенной Верой, как системой мировоззрения, сколько с религией, выступающей в роли историко-культурной традиции того или другого народа.

7.2. Религиозность и этническое самосознание

Известно, что мировые религии относительно безразличны к этносу, хотя последний стремится дать каждой надэтнической религии национально-особенное содержание[1]. Православие всегда воспринималось русскими, также как ислам — татарами, как "«своя»" религия, как часть своего национально-культурного наследия, как важный признак этнической идентификации. Начавшееся в 1990-х годах возрождение религии имело в большей степени характер этноконфессионализации, основанной на тесной связи религиозного и национального в самосознании, образе жизни, праздничной и повседневной жизни.

В 2000-х годах в среде верующих все более явно начинает проявляться «новая» религиозность, характеризующаяся большей теологизацией сознания; все более значимой становится мировоззренческая функция религии. Начинает формироваться (особенно активно среди городской молодежи) новая религиозная — исламская и православная — субкультура, для которой характерно строгое соответствие религиозным предписаниям в повседневной жизни, актуализированность социально-нравственного облика мусульманина или православного, активная пропаганда догматов той или иной религии.

Среди молодых мусульман эта «новая» религиозность в меньшей степени связана с этническими интересами, чувствами, культурой. Представители «новой» религиозной субкультуры в большей степени идентифицируют себя с более широкой, чем этнос, мусульманской общностью мирового масштаба. В Республике Башкортостан эти процессы больше проявляются среди татар, в меньшей степени среди башкир.

---

[1] *Белик А. А.* Культура и личность. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. С. 275.

Несколько большему дистанцированию этничности от ислама у современных молодых татар немало способствовали их более активная урбанизация и, как следствие, снижение их национально-языковой компетентности в результате русификации языковой жизни в городах и появление целой страты русскоязычных татар, не владеющих татарским языком. Определенную роль в этом сыграли также мощные миграционные потоки, нарушившие привычный национальный состав городов. Среди прихожан в городских мечетях все больше становится выходцев из Средней Азии, Северного Кавказа и традиционный татарский язык проповедей в этих мечетях все чаще заменяется русским.

Среди башкирской молодежи, в значительной степени проникнутой идеями суфизма, этнонациональные чувства проявляются в большей степени.

Многочисленные этносоциологические исследования, проведенные в разных регионах страны, свидетельствуют о тесной взаимосвязи этноса и религии, которая посредством идентификационных механизмов служит мощным фактором этнической интеграции. По словам имама мечети г. Казани, *«...вера и национальность идут вместе по значимости, связаны между собой. Татарин — это мусульманин, а мусульманин — значит тюрк или кавказец. Вера позволяет нам сохранить свою нацию, наша национальность позволяет нам сохранить свою веру. Например, я из Пензы, там ислам более сохранился, культура татарская сильнее сохранилась. Национального телевидения нет, школ нет, но обычаи, обряды крепче, потому что религиозность больше, крепче» (*муж., 30 лет).

Религия, по данным проведенных исследований, занимает существенное, все более значимое место в структуре этнической идентичности в т.ч. исследуемых народов — башкир, татар, русских, являясь важным этнообъединительным фактором[1].

---

[1] *Галлямов Р. Р.* Указ. соч.; *Макарова Г. И.* Идентичности татар и русских в контексте культурной политики Российской Федерации и Республики Татарстан. Казань: Казан. ун-т, 2010; *Мусина Р. Н.* Религия и идентификационные процессы // Этническая идентичность татар в региональных контекстах / Отв. ред. Г. Ф. Габдрахманова, Г. И. Макарова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. *Столярова Г. Р.* Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана. Казань: Казан. ун-т, 2004 и др.

Проведенные исследования показывают, что с ростом индивидуальной этнической, конфессиональной, религиозной идентичности, характерного для современного населения России в целом и разных её регионов, растет потребность в коллективной идентичности, в аффилиации, чувстве сплоченности, солидарности.

В инструментарий исследования был включен вопрос, направленный на выявление актуализации коллективной этнической идентичности — согласие с утверждением: «*Современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальности*». На первый взгляд ситуация в обоих регионах идентична: с этим суждением согласились свыше 90% респондентов. Однако, если в ХМАО опрошенные респонденты были более категоричными и эмоциональными (около 60% и мусульман, и православных *полностью согласились* с утверждением о необходимости современному человеку ощущать себя частью своей национальности, то в Республике Башкортостан сторонников однозначной поддержки этого утверждения оказалось меньше (43%). и ответы распределились приблизительно равномерно между позициями «*полностью согласен*» и «*скорее согласен*» как среди мусульман, так и среди православных (табл. 7.2.1.).

Таблица 7.2.1

Современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальности, %

Варианты ответов	Башкортостан		ХМАО	
	Мусульмане	Православные	Мусульмане	Православные
Полностью согласен	43	43	62	59
Скорее согласен	46	43	30	32
Скорее не согласен	9	9	5	7
Полностью не согласен	2	5	2	2

Позиции православных и мусульман в этом вопросе в каждом из исследуемых регионов оказались идентичны. Следует отметить, что у представителей разных этнических и мировоззренческих групп позиции в ХМАО также оказались близки (58–63% *полностью согласных*), за исключением неверующих и атеистов среди татар ХМАО. Здесь сторонников такого мнения оказалось не более 43%.

В Республике Башкортостан среди «однозначно / сильно верующих» *полностью согласны* с этим утверждением 49% мусульман (в т.ч. 46% башкир и 52% татар) и 50% православных.

С ростом этнического самосознания растет и потребность в аффилиации, чувстве этнической сплоченности, солидарности. Тенденции актуализации этноидентификационных процессов в исследуемых регионах хорошо прослеживаются при сопоставлении ответов на вопрос: ««О каких из перечисленных групп Вы можете сказать "Это — мы"? В какой степени Вы ощущаете близость с людьми той же национальности, что и Вы?» в различных группах опрошенных.

Чувство близости с людьми своей национальности в *большей степени выражено среди исследуемых конфессиональных групп в ХМАО*, особенно *у мусульман в ХМАО в сравнении с мусульманами Республики Башкортостан* (56% против 36% у мусульман Башкортостана**)**. С учетом разности вероисповедания, оно больше характерно для мусульман: *36% против 26% среди православных в Башкортостане и 56% против 40% в ХМАО соответственно* (см. табл. 7.2.2).

В большей степени этноаффилиативные чувства проявляются у лиц с более выраженным религиозным сознанием — у более религиозных людей: *среди «сильно верующих»* мусульман Республики Башкортостан близость в значительной степени выявлена у 42% респондентов (в т.ч. у 43% башкир и 37% татар) и у 36% православных.

Таблица 7.2.2

Распределение ответов на вопрос «В какой степени Вы ощущаете близость с людьми той же национальности, что и Вы», %

Варианты ответов	Башкортостан		ХМАО	
	Мусульмане	Православные	Мусульмане	Православные
В значительной степени	36	26	56	40
В некоторой степени	46	47	34	51
Не ощущаю близости	18	26	10	9

Следует заметить, что взаимосвязь уровня веры и национальных чувств не однозначна. Так, 14% мусульман (в т.ч.16% башкир и 12% татар) и 18% православных среди «*сильно верующих*» в Республике Башкортостан не ощущают близости с людьми своей националь-

ности. Иными словами, наиболее верующие мусульмане не всегда обладают наиболее высоким уровнем этнонационального самосознания, то же справедливо и по отношению к православным.

Религия как любой элемент культуры является фактором интеграции и дезинтеграции одновременно[1]. С одной стороны, религия служит механизмом, усиливающим этническую идентичность, способствуя интеграции внутри этноса. С другой, в отношении разноконфессиональных групп проявляется дезинтеграционная функция религии. Народы, этнические группы которых исторически являлись последователями разных конфессий, с усилением в обществе роли традиционных ценностей начинают сильнее ощущать свою культурно-религиозную отличительность. В общественном и научном дискурсе в 2000-е годы получила распространение точка зрения, согласно которой усиление групповой солидарности ведет к росту конфликтности в обществе, появлению различных фобий[2].

В некоторой мере можно согласиться с Дж. Де-Восом, отметившим, что «приверженность какой-либо религии может стать символом сопротивления доминирующей группе и таким образом превратить религиозную принадлежность в способ отстаивания этнической идентичности»[3]. Д. Горенбург, исследовавший процессы этнической мобилизации в ряде регионов России, в том числе и в Республике Татарстан, выявил бо́льшую поддержку национального движения 1990-х годов мусульманами в сравнении с немусульманами республики. Но одновременно, выделив внутри мусульманского населения две отдельные субкатегории — религиозных и нерелигиозных мусульман, он отмечает меньшую поддержку у верующих[4]. В последнем случае можно предположить действие дополнительных факторов, в частности, возраста (среди верующих больше лиц старшего возраста, менее политизирован-

---

[1] *Токарев С. А.* О религии как социальном явлении // Советская этнография. 1979. № 3. С. 101.

[2] *Валлерстайн И.* После либерализма: Пер. с англ. / Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 10.

[3] *Де-Вос Дж.* Этнический плюрализм // Личность, культура, этнос. Современная психологическая антропология. М.: Смысл, 2001. С. 238.

[4] *Dm. P. Gorenburg.* Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation. Cambridge. Univ. Press, 2003. P. 184.

ных и менее социально активных) и в определенной степени влияние догматов мировых религий, призывающих к миру и согласию.

Известен такой психологический эффект: сложности в решении каких-то жизненных проблем люди подчас воспринимают в национальном ключе. Чаще такие ощущения проявляются у представителей национальных меньшинств. Для проверки жизненной ситуации респондентам задавался вопрос «Вам лично приходилось испытывать ущемление своих прав или возможностей из-за Вашей национальности?». Основная масса опрошенных (до 90%) ответила на вопрос отрицательно: *«Не испытывали ущемления своих прав или возможностей из-за национальности*». Положительно на этот вопрос ответили не более 11% респондентов, причем, в Республике Башкортостан чаще православные, чем мусульмане (9 и 14%), в ХМАО — наоборот, чаще мусульмане (16 и 11% соответственно) (табл. 7.2.3).

Таблица 7.2.3

Распределение ответов на вопросы: *«Вам лично приходилось испытывать ущемление своих прав или возможностей из-за Вашей национальности или религиозной принадлежности?», %*

Варианты ответов	**Башкортостан**		**ХМАО**	
	Мусульмане	Православные	Мусульмане	Православные
Из-за Вашей национальности				
Да	9	15	16	6
Нет	91	85	84	94
Из-за религиозной принадлежности				
Да	4	7	8	2
Нет	96	93	92	98

Чаще опыт ущемления прав из-за *национальной* принадлежности проявляется у представителей национальных и религиозных меньшинств, например, это можно отнести по отношению к позиции православных в Башкортостане и мусульман в ХМАО. Причем ощущение ущемления своих прав во всех национальных группах в большей степени отмечают практикующие верующие (табл. 7.2.4).

Таблица 7.2.4

Распределение ответов на вопрос: *«Приходилось испытывать ущемление своих прав или возможностей из-за своей национальности»* среди мусульман и православных в зависимости от национальности и уровня веры, ХМАО, 2018 г., %

Национальности	Практикующие верующие	Номинально верующие	Остальные	Всего
Русские	8	6	5	7
Татары	17	10	7	12
Башкиры	13	10	4	9

Что же касается ущемления прав или возможностей *из-за религиозной принадлежности,* основная масса респондентов в обоих регионах считает, что они никогда с этим не сталкивались. Лишь 7% православных в Башкортостане и 2% в ХМАО, а также 4% мусульман в Башкортостане и 8% в ХМАО признались в случаях ущемления их прав из-за их религиозной принадлежности. Иначе говоря, чаще ущемленными считают себя православные в Республике Башкортостан и мусульмане в ХМАО.

Каким образом в представлениях опрошенных возможна защита своих прав, каково их отношение к силовому решению? Респондентам были предложены три суждения относительно возможных способов решения межнациональных и межрелигиозных споров, которые в чем-то противоречат, а в чем-то дополняют и уточняют друг друга (табл. 7.2.5).

Первое суждение «*Насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо»* получило равную оценку со стороны мусульман и православных Республики Башкортостан: 81–82% респондентов согласились с ним (в т.ч. 52–53% — полностью согласны), 19–20% не согласились. Второе суждение *«Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры»* поддержали 39–40%. Анализ позиций мусульман и православных, однозначно идентифицировавших себя как верующие («убежденно верующие» / «сильно верующие») показал также близкие результаты. Однако если рассмотреть эти группы с учетом национальной принадлежности респондентов, то окажется, *что в Республике Башкортостан верующие башкиры-мусульмане в несколько большей степени ориентированы на силовое решение*

Таблица 7.2.5

Выбор суждений относительно силового решения межнациональных и межрелигиозных споров, %

Суждения	Башкортостан		ХМАО	
	Мусульмане	Православные	Мусульмане	Православные
Насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо				
Полностью согласен	52	53	86	86
Скорее согласен	29	29	13	13
Скорее не согласен	13	11	-	1
Полностью не согласен	7	8	-	-
Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры				
Полностью согласен	13	14	5	8
Скорее согласен	27	25	17	24
Скорее не согласен	37	35	33	30
Полностью не согласен	23	26	43	34
Все средства хороши для защиты интересов моего народа				
Полностью согласен	21	21	9	9
Скорее согласен	28	35	17	21
Скорее не согласен	36	27	41	42
Полностью не согласен	15	17	31	23

межнациональных и межконфессиональных споров: 44% башкир допускают насилие при нарушении справедливости относительно своего народа и веры. Такой точки зрения придерживаются также 41% татар и 40% у русских.

Позиция «*Все средства хороши для защиты интересов моего народа*» получила в Республике Башкортостан большую поддержку со стороны православных: 56% против 49% среди мусульман. В ХМАО — 65% башкир из числа верующих мусульман и столько же русских из числа верующих православных считают возможным *использование любых средств для защиты интересов своего* народа (среди татар этого мнения придерживаются 49%).

7.3. Межэтническое и межконфессиональное согласие и формирование общероссийской идентичности

Характер межнациональных отношений является одним из важных показателей уровня межнационального согласия. В Республике Башкортостан мы наблюдаем близость оценок по данному вопросу, высказанных представителями разных конфессий, что также является индикатором социальной стабильности в республике. В ХМАО православные оценили состояние межнациональных отношений более критически: они вдвое реже, чем мусульмане, считают отношения доброжелательными и чаще отмечают внутреннее напряжение (табл. 7.3.1).

Таблица 7.3.1

Оценка межнациональных отношений в регионах среди православных и мусульман Республики Башкортостан и ХМАО, %

Характер отношений	Башкортостан		ХМАО	
	Мусульмане	Православные	Мусульмане	Православные
Доброжелательные	35	32	22	10
Спокойные	46	48	40	41
Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	16	15	31	37
Напряженные	3	4	4	6
На грани открытых столкновений	1	1	1	-
Затрудняюсь ответить	-	-	3	5

Анализ оценок межнациональных отношений с точки зрения представителей рассматриваемых нами конфессий разного уровня

веры показал, что практикующие верующие чаще в сравнении с остальными оценивают эти отношения в своем регионе как доброжелательные и спокойные и реже фиксируют напряжение (табл. 7.3.2).

Таблица 7.3.2

Оценка межнациональных отношений с точки зрения православных и мусульман разного уровня веры (православные / мусульмане), ХМАО, *%*

Характер отношений	Практикующие верующие	Номинально верующие	Остальные
Доброжелательные, спокойные	76 / 69	80 / 60	50 / 52
Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	40 / 23	33 / 35	36 / 42
Напряженные, на грани открытых столкновения	6 / 4	12 / 3	9 / 10

Отметим, что в недавнем прошлом (в 2011 г.) социологические исследования в Югре фиксировали обострение отношений между выходцами с Северного Кавказа (в большей степени) и Средней Азии (в меньшей степени) со старожильческим населением, которое характеризовалось как ситуационный всплеск[1].

В этносоциологии одним из инструментов определения состояния межнациональных отношений является модифицированная Шкала Богардуса, позволяющая измерить социальную установку по отношению к различным этническим группам[2]. В данном исследовании распределения ответов на вопрос *«Согласились бы Вы, чтобы человек другой, отличной от Вашей, национальности стал..?»* показывает, что население Республики Башкортостан вполне лояльно относится к людям другой национальности в качестве гражданина России, Республики Башкортостан или жителя своего города: 85–86% респондентов, вне зависимости от вероисповедания, готовы принять их в этом качестве. Менее лояльны они в ситуации выбора коллеги, соседа по дому и близкого друга — такой выбор готовы сделать не более 75% опрошенных. Две трети, или 66% согласны принять человека другой наци-

[1] *Старостин А. Н.* Указ. соч. С. 331–332.

[2] *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А.* Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1998.

ональности в качестве начальника. Но значительно меньше они готовы заключить брак с представителем другой национальности. Отношение к национально-смешанному браку выразилось следующим образом: две трети согласны, одна треть — против, причем полностью не согласны на такой брак 13% респондентов в Башкортостане (табл. 7.3.3).

Таблица 7.3.3

Распределение ответов на вопрос:
***«Согласились бы Вы, чтобы человек другой, отличной от Вашей, национальности стал...»* в Республике Башкортостан, %**

Респонденты	Ответы			
	Полностью согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Полностью не согласен
Вашим начальником				
Все опрошенные	21	45	24	10
Мусульмане	19	46	26	9
Православные	26	43	20	11
Вашим коллегой, партнером по работе				
Все опрошенные	22	54	16	8
Мусульмане	20	56	17	7
Православные	27	51	14	8
Вашим соседом по дому				
Все опрошенные	23	54	15	8
Мусульмане	20	57	15	8
Православные	27	49	16	8
Вашим близким другом				
Все опрошенные	24	51	17	8
Мусульмане	22	53	17	8
Православные	28	48	16	8
Вашим супругом / супругой				
Все опрошенные	24	42	21	13
Мусульмане	22	42	23	13
Православные	29	43	16	12

В ХМАО представители исследуемых конфессиональных групп проявили более высокую степень лояльности по отношению к лицам другой национальности в качестве гражданина России, жителя своего округа и своего города: их лояльность в этом случае достигает 90%. Более высокую степень толерантности респонденты в ХМАО демонстрируют также в ситуациях более близкого контакта — по отношению к предполагаемым коллеге, соседу по дому, близкому другу, а также относительно предполагаемого начальника другой национальности (см. табл. 7.3.4). Наименее лояльное отношение в обоих регионах — в ситуации выбора супруга / супруги, при этом оценки в ХМАО оказались более негативными.

С точки зрения влияния религиозной принадлежности, в Республике Башкортостан мусульмане более сдержаны в выборе человека другой национальности в том или ином качестве, тогда как православные проявляют большую лояльность. *Полное согласие выразили 27–29% православных и 20–22% мусульман*, в то время как категорическое неприятие у мусульман и православных выражено в равной степени — 12–13%. В ХМАО — напротив, православные настроены более критично в сравнении с мусульманами: *13–15% православных и 5–7% мусульман выразили негативное отношение* к выбору сограждан другой национальности, 29% против 15% — к выбору начальника другой национальности, 40% против 33% — в выборе брачного партнера.

Интересно проследить как соотносятся установки наших респондентов на выбор брачных партнеров и реальная ситуация. Как распределяются национально- и конфессионально-смешанные семьи среди опрошенного населения, существует ли в исследуемых регионах этническая и конфессиональная эндогамия? По данным исследования, в Республике Башкортостан 70% опрошенных мусульман состоят в однонациональном браке, около 20% составляют татаро-башкирские семьи, немногим более 10% — браки татар и башкир с русскими. Среди православных 72% семей — однонациональные русские, 9% — русско-башкирские, 16% — русско-татарские, 3% — с представителями других национальностей. В целом же, среди опрошенного населения республики превалируют одноконфессиональные семьи — около 80%, в том числе 57% — мусульманские и 24% православные. Около 20% — конфессионально-смешанные семьи.

Таблица 7.3.4.

Распределение ответов на вопрос: *«Согласились бы Вы, чтобы человек другой, отличной от Вашей, национальности стал..?»* в ХМАО, *%*

Респонденты	Ответы			
	Полностью согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Полностью не согласен+
Вашим начальником				
Все опрошенные	36	38	14	7
Мусульмане	41	38	12	3
Православные	30	38	17	12
Вашим коллегой, партнером по работе				
Все опрошенные	39	47	8	2
Мусульмане	44	44	5	1
Православные	33	50	10	4
Вашим соседом по дому				
Все опрошенные	39	49	8	4
Мусульмане	44	48	7	1
Православные	34	52	8	6
Вашим близким другом				
Все опрошенные	41	45	10	4
Мусульмане	45	47	7	1
Православные	37	44	12	7
Вашим супругом / супругой				
Все опрошенные	29	33	16	21
Мусульмане	34	33	15	18
Православные	27	33	18	22

Примечание: + воздержавшиеся

Таким образом, среди мусульман и православных в Республике Башкортостан превалируют национально- и конфессионально-однородные семьи, что в значительной степени объясняется как желанием сохранения национального языка и культуры, так и религиозными требованиями брака с представителями одной кон-

фессии. Но тем не менее в выборке представлена значительная доля и *национально смешанных семей*.

В ситуации выбора соседей конкретной национальной принадлежности респонденты ХМАО, как православные, так и мусульмане, настроены более позитивно (см. табл. 7.3.5). В Башкортостане мусульмане практически не отдавали предпочтения той или иной национальности предполагаемых соседей, православные же более критически отнеслись к соседству с представителями народов Северного Кавказа; в ХМАО православные одинаково относятся к любому соседству, тогда как мусульмане большее предпочтение оказывают мусульманской семье.

Таблица 7.3.5

Распределение ответов на вопрос *«Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы рядом с Вами поселилась самая обычная семья ...», %**
(Сумма ответов «положительно и скорее положительно»)

Варианты ответов	Башкортостан		ХМАО	
	Мусульмане	Православные	Мусульмане	Православные
... с Северного Кавказа (дагестанцев, ингушей, чеченцев, ...	28	22	48	36
... калмыков, бурятов, якутов...	27	31	43	38

*Сумма ответов «положительно и скорее положительно»

Оценка характера межнациональных отношений в регионе зависит от многих факторов, в том числе от личных ощущений, сложившихся связей и отношений, проявлений враждебности или доверия и взаимоподдержки. Православные ХМАО чаще, чем мусульмане в этом регионе отмечают негативные внутренние чувства *(ощущают враждебность в той или иной мере 34% мусульман и 48% православных)*, тогда как мусульмане и православные Республики Башкортостан практически идентичны в своих ощущениях (табл. 7.3.6).

Отметим, что в общероссийском исследовании 2015 г. *в ощущении враждебности* по отношению к людям других национальностей признались около половины опрошенных (в том числе 42%

Таблица 7.3.6

Ощущение враждебности к людям других национальностей,%

Степень чувства	Башкортостан		ХМАО	
	Мусульмане	Православные	Мусульмане	Православные
Часто (очень часто, довольно часто)	13	10	8	10
Редко, иногда	32	32	26	38
Нет, практически никогда	55	58	66	52

мусульман и 52% православных), и 40% (51 и 40% соответственно) отметили, что *никогда не испытывали* негативных чувств к инонациональным согражданам[1]. В Республике Башкортостан и ХМАО, по данным 2017 г., людей, не испытывающих враждебности, оказалось больше.

Заметим, что в ХМАО среди православных практически нет связи между ощущением враждебности и уровнем веры: половина опрошенных во всех группах никогда не испытывала враждебность к людям другой национальности (см. табл. 7.3.7). Среди мусульман, в большей степени отрицающих чувство враждебности, эта связь присутствует: в группе практикующих мусульман больше респондентов никогда не ощущали чувства враждебности в сравнении с номинально верующими и значительно больше в сравнении с остальными (69–63–55% соответственно).

Таблица 7.3.7

Ощущение враждебности к людям других национальностей в ХМАО (православные / мусульмане), %

Степень чувства	Практикующие верующие	Номинально верующие	Остальные
Часто (очень часто, довольно часто)	9 / 6	13 / 8	- / 13
Редко, иногда	41 / 24	33 / 29	50 / 29
Нет, практически никогда	50 / 69	52 / 63	50 / 55

[1] Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / [М. К. Горшков и др.]; отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: «Весь Мир», 2015. С. 290.

Материалы исследования показывают, что более верующие мусульмане проявляют бо́льшую толерантность: так, в ХМАО никогда не испытывают чувство враждебности к людям других национальностей 69% практикующих верующих против 63% номинально верующих и 55% остальных. Таким образом, моральные устои, выступая в качестве и религиозных ценностей, становятся символом нравственного императива и основой межэтнической солидарности.

В 2015 г. в ходе общероссийского исследования, проведенного Институтом социологии РАН, *высокий уровень солидаризации* с гражданами России был выявлен у 29% опрошенных православных, 26% мусульман, у 21% верующих вне конфессий и у 19% атеистов. На основании этого факта *был сделан вывод, что принадлежность к традиционным российским конфессиям повышает уровень ощущения себя гражданином России*[1].

Какова же ситуация в исследуемых регионах? По данным исследования 2017 г., также был выявлен достаточно высокий уровень солидаризации с гражданами России: около 30% респондентов, отвечая на вопрос: *«В какой степени Вы ощущаете близость с гражданами России?»,* заявили об ощущении близости с россиянами *в значительной степени.* Причем у мусульман это ощущение несколько выше, чем у православных: 30 и 26% в Башкортостане, а также 35 и 31% в ХМАО соответственно (табл. 7.3.8).

Таблица 7.3.8

Распределение ответов на вопрос*: «В какой степени Вы ощущаете близость с гражданами России?», %*

Варианты ответов	Башкортостан		ХМАО	
	Мусульмане	Православные	Мусульмане	Православные
В значительной степени	30	26	35	31
В некоторой степени	53	52	53	57
Не ощущаю близости	17	22	12	12

Близость с гражданами региона наши респонденты в целом ощущают приблизительно в той же мере, что и близость с гражданами всей России. Но мусульмане немногим чаще (разница

[1] Там же. С. 275–276.

в 2–4%), особенно в ХМАО, выражают близость с жителями своего региона (табл. 7.3.9).

Таблица 7.3.9

Распределение ответов на вопрос: *«В какой степени Вы ощущаете близость с жителями вашего региона?», %*

Варианты ответов	Башкортостан		ХМАО	
	Мусульмане	Православные	Мусульмане	Православные
В значительной степени	34	24	41	33
В некоторой степени	53	54	49	58
Не ощущаю близости	13	22	10	9

В 2015 г. исследователи отметили, что среди факторов, объединяющих респондентов со всеми гражданами России, наибольшее значение, особенно для мусульман, имеет *общее государство* (73% против 67% у православных и 61% у атеистов). Это позволило им прийти к выводу о «признании всеми религиозно-мировоззренческими группами исторической роли государства как обеспечивающего единство страны и, как следствие, главного критерия общегражданской идентичности»[1].

В исследовании 2017 г. в Республике Башкортостан среди перечня факторов общероссийского единения, предложенного в анкете, наибольшее количество голосов также набрало *общее государство* (51% в республике в целом, 51% среди мусульман, 53% — среди православных). Эти показатели ниже, чем в общероссийской выборке. Одно из возможных объяснений данного факта в том, что представители российских этнонациональных меньшинств в республиках и округах в меньшей степени чувствуют поддержку своей культуры со стороны государства и более критически оценивают доминирование русской культуры и приоритет православия в государственно-конфессиональных отношениях.

Большинство респондентов (79% в Республике Башкортостан и 83% в ХМАО) поддерживают суждение «*Россия — общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ*». В большей

[1] Там же. С. 284–285.

степени эта позиция характерна для мусульман (81–93%), чем для православных (75%) в обоих регионах (табл. 7.3.10).

Среди более верующих людей (убежденно / однозначно верующие в Башкортостане и практикующие в ХМАО) это суждение, также как и в целом по выборке, значительно в *большей степени поддерживают мусульмане*, чем православные: 81% против 69% в Республике Башкортостан, и 92% протии 73% в ХМАО. Заметим, что в России в целом, по данным исследования 2015 г., суждение «*Россия — общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ*» поддержали около половины опрошенных и около трети являются сторонниками преимущественных прав русских[1].

Таблица 7.3.10

Выбор суждений относительно этнонациональных прав и преимуществ, %

Суждения	Башкортостан, 2017 г.			ХМАО, 2018 г.			РФ, 2015 г.
	Всего	Ислам	Прав.	Всего	Ислам	Прав.	Всего
Россия должна быть государством русских людей	4	3	6	2	-	4	10
Россия — многонациональная страна, но русские составляют большинство, и поэтому должны иметь больше прав	17	16	19	14	5	23	36
Россия — общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ	79	81	75	83	93	75	46

В исследовании 2017 г. анализ отношения к этому вопросу среди более религиозных людей разной национальности показал небольшое увеличение доли русских (22% в Башкортостане и 29%

[1] Российское общество и вызовы времени. Книга вторая. С. 224.

в ХМАО), выступивших сторонниками суждения о приоритетности прав русских в силу их демографического доминирования. Среди мусульман *с высоким уровнем веры* это суждение поддержали 20% башкир и 14% татар в Башкортостане, а также 7% татар в ХМАО, среди верующих башкир в ХМАО эта точка зрения не нашла своих сторонников. Нам не удалось полностью подтвердить первоначальную гипотезу о наличии прямой связи между данными суждениями и уровнем веры лиц той или иной национальной принадлежности. Так, оказалось, что в Республике Башкортостан убежденно верующие башкиры, по ряду признаков более религиозные, чем татары, реже них выступают сторонниками *суждения о России как общем доме (77% башкир, 86% татар и 71% русских).*

В ХМАО ситуация еще более неоднозначна. Среди верующих татар-мусульман сторонниками данной позиции выступали чаще номинально верующие, у русских православных — представители группы *«остальные» (*в которую вошли неверующие и приверженцы других конфессий), у башкир-мусульман позиции практикующих верующих и остальных оказалась близкими (табл. 7.3.11).

Таблица 7.3.11

Поддерживают суждение *«Россия — общий дом многих народов...»* среди верующих в ХМАО, %

Национальность	Практикующие верующие	Номинально верующие	Остальные
Русские	68	74	80
Татары	89	97	83
Башкиры	100	88	96

Превалирование тех или иных суждений в массовом сознании во многом зависит от идеологии и политики государства. В инструментарий исследования был включен вопрос о государственной политике по отношению к культуре и религиям народов России, определяющей социальную стабильность страны и единство её граждан. Анализ ответов на этот вопрос в Республике Башкортостан и ХМАО показывает практически абсолютную поддержку со стороны представителей разных конфессий необходимости защиты государством культуры и религии всех народов России и значительно меньшую поддержку политики приоритета культуры и религии русских (табл. 7.3.12), (сумма ответов «*согласен*»

и «*скорее согласен*»). Отметим, что *в обоих регионах православные чаще мусульман выступают сторонниками поддержки государственной политики приоритета культуры и религии русских, однако в Башкортостане позиции мусульман и православных и в этом случае более близки*. Вероятно влияние как демографического фактора (в ХМАО мусульмане составляют лишь 16% населения, а православные в Республике Башкортостан — 36%), так и многовекового опыта совместной жизни в республике.

Таблица 7.3.12

Поддержка суждений относительно этнонациональной политики государства (сумма ответов «*Согласен*» и «*Скорее согласен*»), %

Суждения	Башкортостан, 2017 г.		ХМАО, 2018 г.		РФ, 2015 г.	
	Ислам	Прав.	Ислам	Прав.	Ислам	Прав.
Государству следует поддерживать в первую очередь культуру и религию большинства населения — русских	38	55	23	54	22	65
Государство должно поддерживать культуру и религии всех народов России как русских, так и нерусских	96	89	100	97	87	75

Если сравнить эти данные с аналогичными материалами по общероссийской выборке (2015 г.), то следует отметить, что в стране в целом меньше, чем в исследуемых национальных регионах сторонников эгалитарной политики, как среди мусульман (87% против 96 и 100%), так и среди православных (75% против 89 и 97%) и больше — защитников политики приоритета внимания культуре русских[1].

Анализ материалов проведенного исследования подтвердил ранее сделанное заключение о том, что: «*...межнациональное согласие* определяется способностью государства обеспечить реализацию жизненно важных интересов личности, всего общества в его этническом многообразии, мобилизации ресурсов для принятия решений, удовлетворяющих *основных участников* взаимодействий»[2].

[1] Российское общество и вызовы времени. Книга вторая. С. 285.
[2] Российское общество и вызовы времени. Книга вторая. С. 227.

Выводы

1. Материалы исследования подтверждают связь религиозности и различных форм социально-политических идентичностей, но при этом связь эта весьма неоднозначна: “ярко выраженные националы” не всегда являются наиболее активными верующими и наоборот.

2. Исследования в регионах показывают, что по-настоящему верующие люди более толерантны. Нравственные устои, выступая в качестве и религиозных ценностей, укрепляют этнокультурную солидарность, но в не гиперболизированном виде способствуют и межэтническому взаимопониманию.

3. Важным ресурсом формирования российской гражданской идентичности является выявленная в ходе исследования в Республике Башкортостан близость установок православных и мусульман на межэтническое общение.

4. Риском для государственно-гражданской консолидации и согласия может явиться усиление этноконфессионального и национального размежевания в результате *политики приоритета* культуры и религии демографического большинства. Так, более критичны позиции по большей части вопросов межнационального и межконфессионального согласия у православных в Республике Башкортостан и у мусульман в ХМАО. Они, находясь в инонациональном окружении в состоянии этнического меньшинства, чаще ощущают ущемление своих национальных чувств.

Преимущественные права той или иной традиционной российской религии, например, православия в общероссийском масштабе или ислама в локальном/региональном масштабе подрывают межэтническое и межконфессиональное согласие в обществе, что усиливает ответственность государства, федеральных и региональных органов власти за поддержание межконфессионального баланса.

5. В современных условиях роста религиозности целесообразно опираться на авторитет тех религиозных и национально-культурных организаций, их лидеров, которые, основываясь на базе традиционных религиозных принципов терпимости, стремления к консенсусу и компромиссу, могли бы выступать в качестве посредников во взаимоотношениях власти и той части общества, которую они представляют.

Подчас сложности в восприятии религии и культуры соседствующих народов связаны с недостаточной информированностью населения об инонациональной культуре, специфике различных религиозных учений, что ставит перед государством задачу информирования и воспитания посредством средств массовой коммуникации, образовательных школьных и вузовских программ. Представляется, что образовательная и просветительская деятельность могут стать инструментами борьбы против распространения различных проявлений радикализма, ксенофобии в российском обществе.

7.4. Ситуация в мусульманской умме Башкортостана и проблемы межэтнических отношений

Взаимосвязь процессов, происходящих в сферах религиозных и межнациональных отношений, носит в Башкортостане непрямой, но достаточно очевидный характер. Это связано с рядом факторов, прежде всего с феноменом «этноконфессиональности». Политизация и мобилизация этничности во времена перестройки и в постсоветский период привела к восприятию исторической религиозной принадлежности как этнокультурного маркера, усиливающего последний. Соответственно, три крупнейшие национальные общины Республики Башкортостан, в высокой степени секуляризованные в эпоху советской модернизации, — башкиры, татары и русские — оказались условно поделены между традиционными религиями России: башкиры и татары, вместе составившие этноконфессиональное большинство (65%) исторически исповедуют ислам суннитского толка ханафитского мазхаба, а русские — православие.

Утвердившееся в ряде работ представление о традиционно добрососедском сосуществовании традиционных конфессий в республике подтверждается и результатами наших исследований, но с учетом ряда нюансов.

В рамках десоветизации башкирского национального проекта в августе 1992 г. на Съезде мусульман Башкортостана было «восстановлено» Духовное управление мусульман Башкортостана (ДУМ РБ) во главе с муфтием Нурмухамметом Нигматуллиным, отдельное от Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) Талгата Таджуддина, чья ставка также осталось в Уфе.

Сегодня приходы в Башкортостане поделены между ними почти пополам, причем ДУМ РБ вошло в систему конкурентной вертикали ЦДУМ Совета муфтиев России муфтия Равиля Гайнутдина, не войдя, однако, в его собственную жесткую вертикаль: Духовное управление мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ).

ДУМы сами оставались наследниками бюрократических советских структур, поэтому, когда массы потянулись в религию, ЦДУМ и сеть региональных ДУМов оказались не готовы их контролировать. Материальная база даже у всех вместе взятых ДУМов России несопоставима с РПЦ. Складывался порочный круг: амбициозные люди не шли в муллы в системе муфтиятов, а невысокий образовательный и финансовый уровень мулл провоцировал недовольство теми же муфтиятами. Кадровая и идейная слабость муфтиятов, усугубленная в ДУМ РБ тем, что религиозное возрождение 1990-х годов в Республике Башкортостан было *явлением, лишь сопутствующим по отношению к национальному,* способствовала развитию следующего поколения мусульман вне практики муфтията.

В 1990-е годы потенциальным источником дестабилизации в религиозной сфере виделись не мусульманские, а протестантские религиозные группы. Ситуация в республике начала принципиально изменяться примерно с 2006 г., когда в Башкирии все заметнее проявились новые течения в исламе[1].

Традиционным для мусульманской части населения Республики Башкортостан остается суннитское направление ислама ханафитского мазхаба. В его рамках наиболее заметным стало деление на просуфийские и просалафитские джамааты. Полемичные друг другу суфизм и салафизм здесь целесообразно рассматривать как ситуативные проявления имманентных любой мировой религии направлений: мистики (эзотерики) и фундаментализма, принимающих как умеренные, так и маргинальные, радикальные формы. Ни одно из них нет смысла запрещать законодательно[2] — таковые запреты действенны только с радикальными, бесспорно угрожающими целостности государства и жизни граждан проявлениями любой религиозной и вообще идеологической деятельности.

С точки зрения влияния на этнонациональную сферу внутри процесса смены поколений в религиозном возрождении в Республике Башкортостан мы выделяем несколько протестных трендов, шедших из масс, «снизу». В 1990-е годы этнонациональный фактор

---

[1] Религиозные объединения Республики Башкортостан. Справочник. Уфа, 2014.

[2] *Карамышев Р.Д.* Этнорелигиозная ситуация в Республике Башкортостан (на примере исламской уммы): проблемы, тенденции, перспективы. Уфа: Мир печати, 2015. С.94.

тормозил религиозный ренессанс в глазах башкирской молодежи, в отличие от Республики Татарстан, где он ему, наоборот, способствовал. Раздражающим для башкир фактором было преимущественное положение татарской бюрократии в ДУМах. Муфтияты подозревались в проектах татаризации под видом давата (исламского призыва). В 2000-е годы, с появлением заметного количества молодежи, отучившейся в исламских институтах ближневосточных стран, прежде всего салафитские джамааты положили конец этому стереотипу, поскольку стали несомненным, нередко раздражающе конфликтным фактором именно башкирской общественной среды, при этом развиваясь подчеркнуто вне муфтиятов. Опасения татаризации перестали препятствовать приходу в ислам: с притоком в умму креативных и авторитетных именно в низовой молодежной среде башкир снимался актуальный для 1990-х годов вопрос башкиро-татарских противоречий. Проблемы ислама после почти векового перерыва перестали быть для башкир внешними, они вновь стали внутренним башкирским явлением.

Уход в джамааты был явлением протеста, связанным с разочарованием башкирской молодежи в националистическом проекте в целом. Светский по своему характеру Союз башкирской молодежи (СБМ) стал поразительным образом походить на комсомол версии времен позднего СССР. Эти структуры не могли защитить традиционные ценности и традиционное общество, в них оставались в основном явные конформисты.

По мере разочарования пассионарная часть башкирской молодежи уходила из национального движения в ислам, прежде всего в неофициозные течения в исламе, особенно с появлением протестных групп, усиленно рекламируемых федеральными СМИ под «черным брендом» салафизма, ваххабизма и т.д., что в глазах протестно настроенного сегмента «этнических мусульман» вело к обратному эффекту и предпочтению перед «конформистскими» муфтиятами.

Распространению салафизма в молодежной среде способствовало неблагоприятное социальное положение башкирского общества в городе (аномия, алкоголизация деревни и пр.), резкое расслоение общества, неограниченная пропаганда невыполнимых потребностей «общества потребления», доходящая через СМИ и Интернет до каждого села — все это вызывало протестную реакцию активной части молодежи.

Для нашей темы важно, что салафизм в Башкортостане явился в значительной мере трансформацией национального протеста. Он предоставлял привлекательный для молодежи образ одновременно современного и традиционного, сильного и активного мусульманина, и, соответственно башкира. Если для Кавказа принятие идеологии салафизма выводило индивида из системы этнических и клановых связей просуфийски маркированного традиционного общества, то для Башкортостана — наоборот: поскольку традиция массового исповедания любого направления ислама была прервана при советской власти, салафизм зачастую воспринимался как возвращение в лоно не только мусульманской, но и исторически связанной с исламом национальной традиции. Их простой и связный дискурс давал именно национально ориентированной молодежи альтернативу наивной смеси суверенитетского национализма и рудиментов сельского обрядоверия, неспособных защитить свой локальный мир. В итоге мусульманский протест оказался ими приватизирован.

Проникновение салафизма в Башкортостане наложилось на системный кризис башкирского национального движения, особенно в среде молодежи, где шел напряженный идейный поиск: на форумах (например, «Башфорум», «Сайт традиционалистов Башкортостана «РБ-XXI век»»), в Молодежном курултае при МСОО Исполком Всемирного Курултай башкир, в СБМ и оппонентном ему БПД «Кук буре», в спортивных секциях и т.д. С 2008 г. в джамааты уходили активисты из башкирских национальных организаций Союз башкирской молодежи (СБМ) и БОД «Кук буре», разочарованные в националистической идеологии.

Это было явление не мифической «связи» националистов с исламистами, как оно ошибочно интерпретировалось, например, Раисом Сулеймановым[1], а наоборот, конфронтации, ухода молодежи из идейно проигравшего национализма в ислам[2].

В результате в салафизме, резко отрицающем национализм, и победившем его в Республике Башкортостан, парадоксальным

---

[1] Карта этнорелигиозных угроз: Северный Кавказ и Поволжье. Доклад Института стратегических исследований. М., 2013. С. 14–15. URL: https://via-midgard.com/news/in_russia/doklad-karta-yetnoreligioznyx-ugroz-povolozhe-i.htm

[2] *Бердин А. Т., Бадранов А. Ш.* Этнорелигиозные угрозы: ложная карта (Рецензия на доклад Института стратегических исследований «Карта этнорелигиозных угроз...») // Левая мысль. 2013. № 21. С. 143.

образом оказался более выражен башкирский национальный фактор, нежели в муфтиятской системе. И эта тенденция только усиливается: напряженный поиск собственного видения национального пути и истории (например, башкиро-татарских отношений, образа Салавата Юлаева) демонстрируют все видные лидеры и публицисты просалафитских течений республики, прежде всего Ишмурат Хайбуллин, за что ваххабиты других регионов (прежде всего Северного Кавказа и Ближнего Востока) не раз публично обвиняли их в национализме.

Непримиримый конфликт с появившимся в Башкирии позже, в 2010-х годах, и претендующим именно на совмещение башкирского национализма и ислама тарикатом хакканитов был именно конфликтом за протестную башкирскую аудиторию. Активны оказались башкиры и в двух наиболее многочисленных в республике просуфийских группах, ориентированных на орден Накшбандийя — суфийский тарикат шейха Османа Топбаша и позже — неоосманитский неосуфийский тарикат шейхов Хаккани[1]. По нашим подсчетам, ныне и среди проваххабитских, и среди просуфийских джамаатов большинство молодых авторитетных имамов в Башкортостане — башкиры.

Реакцию просуфийских групп на экспансию и национальные изыскания просалафитского сегмента можно поделить на принципиально различные по методам направления. Для межэтнических отношений в республике наиболее заметным было именно появление феномена хакканизма, как наиболее политизированного и претендующего на башкирскую национальную проектность. Призыв одного из самых экстравагантных тарикатов был запоздалой попыткой реванша этнонациональной башкирской интеллигенции, близкой к М. Г. Рахимову, упустившей мусульманский сегмент и увидевшей потерю своего контроля и даже авторитета в умах молодежи. Хакканизм стал в Республике Башкортостан этнополитизированным явлением. Прочным маркером части гуманитарной интеллигенции, сформировавшейся в «суверенитетские» годы, оказалась постмодернистская архаика, которым переболело башкирское общество еще в 1990-х годах.

---

[1] *Цибенко В. В.* (Иванова) Накшбандийский тарикат Хакканийа (раббанийа) и неоосманский проект шейха Назима Киприотского // Исламоведение. 2014. № 4. С. 94.

Согласно исследованиям В. В. Цибенко (Ивановой), хакканизм можно считать типичным явлением постмодерна и контрмодерна, с эпатажным синкретическим смешением суфийской риторики с практиками New Age, учениками всемирно известного мистика Гурджиева и даже йоги (!)[1]. Именно подобная «всеядность» обусловила стремительное распространение тариката среди европейцев и американцев.

Добавим, что причины его популярности в среде медийной башкирской интеллигенции, испытавшей болезненную фрустрацию после демонтажа режима М. Г. Рахимова, аналогичны. Для них хакканийа — это суфизм, адаптированный под собственные нужды и запросы светской национальной интеллигенции, не желавшей углубляться в тернистый путь духовного самосовершенствования (тассавуф), но стремящейся вернуть при этом, пользуясь экзотическими атрибутами, влияние на умы башкирской молодежи. Преимуществом было личное влияние на значительную часть медийной башкирской интеллигенции, способной формировать цельные концепции национальной истории и развития, включая такого сильного публициста как историк и тележурналист Салават Хамидуллин, корифеев национальной эстрады — Роберта Юлдашева и этно-рок-группы «Аргымак». Следует отметить, что до явления хакканизма мусульманские джамааты в Республике Башкортостан в принципе не интересовались вопросами региональной политики (даже самых политизированных из них — членов запрещенной в России «Хизб-ут-тахрир» не интересовал, к примеру, вопрос, кто будет во главе Республики Башкортостан). И в этом принципиальная особенность хакканитов, на порядок проигрывающим своим оппонентам по количеству и влиянию в умме.

Хакканиты достаточно быстро вступили в бесплодную политическую конфронтацию с муфтиятом Башкортостана с целью его захвата под свой контроль. Так, конфликт вокруг мечети «Жамиг» в октябре 2015 г. почти полностью повторял алгоритм более ранних конфликтов ваххабитов с муфтиятами за мечети. После скандального изгнания их шейха Назима Хаккани из Башкортостана их активность пошла на убыль.

---

[1] *Цибенко (Иванова) В. В.* Накшбандийский тарикат хакканийа (раббанийа) и неоосманский проект шейха Назима Киприотского // Исламоведение. 2014. № 4. С. 97.

Более успешным оказался подход Айдара Хабибуллина, мюршида суфийского ордена Накшбандийя школы Османа Топбаша. Ставка на отказ от политизации ислама при принципиальном продвижении исламского призыва и преодолении суфийско-салафитских противоречий привела к тому, что почти все знаковые салафитские проповедники Республики Башкортостан, включая, И. Хайбуллина, признали авторитет суфийского мюршида. С его эмиграцией в Турцию джамаат распался, но прецедент оказался очень полезным.

В свою очередь, по мере своей легализации умеренное ядро салафитов республики перешло к политике отказа от деструктивных акций, к организации легальных мусульманских мероприятий: детских праздников и т.д. Их Интернет-ресурс «Шура РБ» еще до вступления России в войну в Сирии резко выступил против ИГИЛ, определив эту запрещенную на территории Российской Федерации организацию как хариджитскую, что равнозначно представлению ее врагом уммы. За эту фетву неформальный лидер «Шуры мусульман Башкортостана» Ишмурат Хайбуллин и ее актив были заочно приговорены судом ИГИЛ к смерти. В августе 2017 г. он анонсировал самороспуск «Шуры РБ», с закрытием одноименного сайта, мотивируя его выполнением основных стоявших перед объединением задач и призывом работать в мечетях, используя полученные навыки легальной созидательной работы, а позже — призвав активно участвовать в обсуждении и ходе выборов муфтия ДУМ РБ осенью 2018 г.

Агрессивность проповеди салафизма на первой стадии привела к соответствующей радикализации их «муфтиятских» оппонентов. «Зеркальный ответ» стал возможен с момента, когда молодежный ренессанс в Республике Башкортостан распространился настолько, что в сфере влияния муфтията оказалось достаточное количество молодежи, еще не охваченной неофициальными исламскими организациями, либо вышедшими из-под влияния последних. К таковым относится, например, лидер молодежного отдела ДУМ РБ Айнур Арсланов, открыто причисляющий себя к ученикам проповедника Накшбандийя Айдара Хабибуллина. Арсланов сам отдал дань увлечению салафизмом, но позже пропагандировал жесткий отпор салафитским проповедникам и организовал для такового группу мусульманской, преимущественно баш-

кирской, молодежи из спортсменов и ветеранов локальных войн[1]. Однако позже он все более обращался к идее диалога внутри уммы. В 2017 г. Арсланов выдвинул концепцию единения мусульман Башкирии под лозунгом «Берземлектэ кос!» и причислялся к наиболее вероятным претендентам на пост муфтия ДУМ РБ после ухода с поста осенью 2018 г. муфтия Н. Нигматуллина. Однако противодействие его оппонентов было таково, что более вероятен выбор компромиссной фигуры из имамов-башкир старшего поколения. При этом концепция единения мусульман Башкортостана под эгидой ДУМ РБ, как национального муфтията башкирского народа, на который возложена неотменяемая ответственность за мир в Башкортостане, продолжает привлекать сторонников.

Выводы

Итак, важной чертой противоречий внутри уммы в Республике Башкортостан видится ее ограниченность рамками мусульманского сообщества. Все претензии носят именно внутриконфессиональный характер, сначала по линии конкуренции между муфтиятами: ЦДУМ И ДУМ РБ, потом — между просуфийскими и просалафитскими джамаатами. К РПЦ у мусульман Республики Башкортостан претензий, по большому счету, не наблюдается: причем как у общин, подконтрольных муфтиям, регулярно отмечающимся на мероприятиях с православными иерархами, так и, что важно, у неофициальных джамаатов.

Процессы в религиозной сфере во многом обусловлены вызовами, происходящими в этнонациональной сфере. И во внутриконфессиональном соперничестве скорее будет успешен тот, кто предложит наиболее приемлемую уммой и обществом республики в целом модель этнонациональной перспективы для башкирского народа и межнациональных (межэтнических) отношений в Башкортостане.

---

[1] *Коваленко А.* Причем здесь Аллах // Эксперт-Урал. 26 декабря 2011. № 51 (494). URL: http://www.acexpert.ru/archive/51-494/pri-chem-zdes-allah.html (Дата обращения: 07.12.2016).

ГЛАВА VIII

Консолидация местных сообществ в контексте миграционных процессов

Межнациональное согласие и консолидация локальных социумов немыслимы без транспарентной и прагматичной политики адаптации и интеграции мигрантов, включая создание условий, облегчающих эти процессы для внутрироссийских иноэтничных мигрантов. Оценке местным населением и мигрантами ситуации в регионах, вопросам их взаимной «притирки» и интеграции посвящен первый раздел главы. В нем также рассматривается, в какой мере процессы интеграции мигрантов сопряжены с трансформацией их идентичности, на какие образцы восприятия местными жителями социальной среды и социального окружения они ориентируются.

Являются ли культурные различия между территориями исхода и вселения фактором, влияющим на интеграцию мигрантов? Попытке ответа на этот вопрос посвящен второй раздел, в котором более детально специфика интеграции мигрантов в родственную социально-культурную и религиозную среду рассматривается на примере Республики Башкортостан.

Интеграция мигрантов подразумевает реализацию соответствующей политики не только на федеральном, но и на региональном и локальном уровнях. Как она реализуется в ХМАО — регионе, с особыми финансовыми возможностями, куда идет масштабный приток мигрантов? Ответу на этот вопрос посвящен третий раздел главы.

8.1. Региональные особенности интеграции и идентичности внутрироссийских иноэтничных мигрантов

Проблемы миграции и миграционной политики занимают значимое место в российских дискурсах последних десятилетий. После 2013 г., на который пришелся всплеск ксенофобских и антимигрантских настроений, последние пошли на убыль, вытесненные, в первую очередь, иной информационной повесткой и вследствие изменившейся социально- экономической ситуации. Данный тренд фиксируют все ведущие социологические центры. В 2017 г., по данным Левада-Центра, отмечен наиболее низкий уровень поддержки слогана «Россия для русских» за все годы наблюдений с 1998 г.[1] В русле этого тренда и настроения, отмечаемые в регионах[2]. Однако ксенофобные настроения, определенная настороженность к представителям отдельных мигрантских меньшинств достаточно прочно укоренилась в общественном сознании. Ксенофобия не исчезла, она просто приняла латентные формы.

Еще в советское время выявилась проблема отчуждения мигрантов от принимающего населения, лежащая вне этнической принадлежности ни первых, ни вторых (проблема «лимитчиков»). В 1990-х годах она только обострилась: русскоязычные мигранты из Средней Азии воспринимались местным населением как «иные», что иногда приводило к конфликтным ситуациям, особенно в местности, где мигранты селились компактно. С изменением этнического состава мигрантов напряжение сместилось в этническую плоскость. (Вплоть до того, что в российском дискурсе мигранты —

---

[1] Общественное мнение. 2017. М.: Левада-Центр, 2018. С. 174.

[2] Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. Вып.14. М.: Новый хронограф, 2016.

представители «видимого меньшинства», не традиционного для данной местности).

При том, что основная масса мигрантов — представителей «видимых меньшинств» — граждане стран Средней Азии и Закавказья, особые претензии принимающее население предъявляет к выходцам с Северного Кавказа[1]. В представлениях россиян северокавказцы оказываются наиболее проблемными, пренебрегающими правилами и нормами поведения, принятыми за пределами их малой родины. Обыденное сознание идентифицирует их как «чужих», хотя они являются согражданами, и их гражданские права, включая право на свободу передвижения и выбор места жительства, не могут ограничиваться.

Оценить масштабы присутствия внутренних иноэтничных мигрантов в российских регионах достаточно сложно. Есть два канала, по которым они прибывают в субъекты Федерации: во-первых, переезжая на постоянное место жительства, во-вторых — выезжая в регионы на заработки (внутренние трудовые мигранты). Российские граждане, переезжая в другие регионы, либо приезжая временно, движимы поисками лучших условий и качества жизни, благоприятной социальной среды, хорошей работы, реализуя свои персональные или семейные планы. Однако концентрация мигрантов, часть из которых принадлежит к «видимым меньшинствам», обостряет вызовы, связанные с напряжением межэтнических, межконфессиональных отношений принимающего населения и мигрантов. Стабильность локальных российских социумов должна базироваться на реализации транспарентной и прагматичной политики адаптации и интеграции мигрантов, включая создание условий, облегчающих эти процессы для внутрироссийских иноэтничных мигрантов.

Создание условий для интеграции, но не навязывание выбора — вероятно, наилучшая стратегия миграционной политики по отношению к внутренним мигрантам. Являясь российскими гражданами, приезжие быстро (хотя и не без эксцессов) адаптируются к принимающему сообществу, проблема в другой плоскости — их интеграции.

---

[1] Более подробно см. Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 14. М.: Новый хронограф, 2016.

Интеграция мигрантов зависит от множества факторов. Наряду с долгосрочными, слабо подверженными изменениям факторами (исторический опыт и традиции межкультурного взаимодействия принимающего населения, особенности и стереотипы массового сознания россиян), особое значение для консолидации общества приобретают потенциал и уровень интеграции как самих мигрантов, так и принимающего общества, социальные практики взаимодействия принимающего населения и властей с мигрантами.

Как складываются межэтнические отношения и консолидационные процессы в регионах с разным уровнем подвижности населения и социально-экономического экономического развития и благосостояния населения? Как интегрируются внутрироссийские иноэтничные мигранты в российских регионах, есть ли различия в уровне интеграции жителей разных российских территорий? В какой мере их интеграция связана с состоянием межнациональных отношений в оценках местных жителей и самих мигрантов? Насколько консолидированы местные сообщества и не нуждаются ли в интеграции сами местные жители?[1] Как интеграция внутренних иноэтничных мигрантов связана с трансформацией их идентичностей? Поиску ответов на поставленные вопросы посвящено настоящее исследование.

Методология исследования

Исследование базируется на социологических опросах местных жителей и внутренних мигрантов, принадлежащих к «видимым меньшинствам», проведенных Институтом социологии РАН (с июля 2017 г. ФНИСЦ РАН) в Москве, Московской (2014 г.), Астраханской и Калининградской областях (2015 г.), Республике Карелия

[1] В свое время анализировалась связь между интеграцией приезжих и местных жителей (см.: *Мукомель В. И.* Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 69–79). Появление новых данных в результате проведенных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН в 2016–2018 гг. позволяет более тщательно проанализировать ситуацию.

и Ставропольском крае (2016 г.), Республике Башкортостан (2017 г.) и Ханты-Мансийском автономном округе (2018 г.).

Выборка местных жителей — трехступенчатая случайная вероятностная территориальная[1]. Отбор внутренних иноэтничных мигрантов строился на основе данных Всероссийской переписи населения 2010 г. и обследования населения по проблемам занятости (далее — ОНПЗ). В Москве и Московской области задавалась квота по визуально отличимым от этнического большинства представителям монголоидных этнических групп — выходцам из Калмыкии, Бурятии, Якутии, Тувы (20%). В других регионах квоты по этническим группам не задавались. К мигрантам относились респонденты в возрасте 18 лет и старше, прибывшие в регион не более 7 лет до момента опроса[2] и приехавшие на срок не менее 6 месяцев. Всего опрошено 6,2 тыс. местных жителей и 2,6 тыс. внутренних иноэтничных мигрантов, в основном выходцев с Северного Кавказа.

В работе использовались данные 24-й волны «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», 2015 г., 15,1 тыс. респондентов. Также использовалась информационные источники Федеральной службы государственной статистики (далее — Росстат), территориальных органов Федеральной службы государственной статистики, Федеральной миграционной службы (далее — ФМС России) и ее преемника Главного управления по вопросам миграции МВД России.

---

[1] Описание выборки см.: Ресурс межэтнического согласия в Москве [Электронный ресурс] / Рук. проекта и отв. редактор Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2014. 124 с. 1 CD ROM, Официальный сайт Института социологии РАН, URL: http://www.isras.ru/inab_2014_02.html. С. 116–117.

[2] Считается, что для полной интеграции мигрантов необходимо от 5 до 10 лет. Три года — период, достаточный для адаптации. Обзор проблем приживаемости мигрантов см.: *Рыбаковский Л. Л.* Стадии миграционного процесса // Миграция населения / Под общей ред. О. Д. Воробьевой. Вып. 5. М.: Мин-во по делам федерации и миграц. политики России, 2001. С. 51. В одном из интервью эксперт фиксирует: *«/либо начальник/ уезжает обратно в Москву, либо он проживает по моим наблюдениям около 7–8 лет и на 90% перенимает югорский менталитет»* (ХМАО, ученый).

Оценки местными жителями и мигрантами межнациональных отношений и отношений к приезжим

Население регионов обследования хотя и оптимистично, но поразному оценивает состояние межнациональных отношений. В Башкирии почти три четверти, а в Астраханской и Калининградской областях, Карелии около двух третей жителей считают, что в их населенном пункте межнациональные отношения доброжелательные или спокойные. Крайне незначительная доля респондентов полагают, что они напряженные или на грани открытых столкновений. Наиболее пессимистичны оценки жителей Московской области и, особенно, москвичей (см. гл. 1, табл. 1.2.1)[1].

Во всех регионах отмечается, что проблемы межнациональых отношений ушли на второй план, вытесненные экономическими проблемами: «*По всей Югре и по каждому из муниципалитетов проблема межнациональных отношений за последние два года является примерно 12–13-ой*» (ХМАО, ученый)

Эксперты, высказывающие различные оценки, чаще предпочитают выражать осторожный оптимизм:

— ... я бы дал 100%, что у нас межэтнических проблем нет.

— А я бы не дал 100%, не дал бы и 80...Подозреваю, все вызовы еще впереди (ХМАО, групповое интервью с сотрудниками Департамента образования)[2].

Мигранты повсеместно оценивают состояние межнациональных отношений значительно оптимистичней, чем местные жители. При этом лучше всего ситуация, по их оценкам, в Башкирии, Карелии, Калининградской области, хуже — в Московской области и, особенно, в Москве (табл. 8.1.1).

---

[1] При этом русские москвичи более негативно оценивают ситуацию, чем представители других национальностей (см.: Межнациональное согласие в региональном контексте [Электронный ресурс] сб. науч. ст. / Рук. проекта и отв. редактор Л. М. Дробижева. Электрон. текст. дан. (объем 0,94 Мб.). М.: Институт социологии РАН, 2015. 125 с. электрон. опт. диск 12 см. (CD ROM).

[2] В качестве одной из основных проблем эксперт рассматривал проблему окраин в районе промзон Сургута и Нижневартовска с сопутствующим формированием специфического социального окружения.

Таблица 8.1.1

Оценка состояния межнациональных отношений в населенном пункте Мигрантами, *в % от опрошенных*

«Как бы Вы оценили межнациональные отношения в Вашем населенном пункте?»	АО	КО	Мск	МО	РБ	РК	СК	ХМАО
Доброжелательные	27,6	35,0	12,1	16,0	50,9	24,2	22,5	25,4
Спокойные	51,6	37,1	32,7	41,2	36,3	57,5	46,1	51,7
Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	16,8	21,8	38,7	32,1	7,5	16,7	27,3	20,4
Напряженные	3,3	*3,6*	14,0	8,6	*1,4*	*0,8*	3,7	*1,5*
На грани открытых столкновений		-	1,3	1,1	-	*0,8*	*0,4*	*0,5*
Затруднились ответить	*0,7*	*2,5*	*1,3*	*1,1*	3,8			*0,5*

Примечание. Принятые сокращения: АО — Астраханская область, КО — Калининградская область, Мск — Москва, МО — Московская область, РБ — Республика Башкортостан, РК — Республика Карелия, СК — Ставропольский край, ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ. Курсивом выделены немногочисленные группы.

При этом и жители, и мигранты в Астраханской, Калининградской областях, Карелии, на Ставрополье, в ХМАО состояние межнациональных отношений в своем городе (селе) оценивают, как правило, лучше, чем в своем регионе[1].

Возможно, решающую роль в оптимистичной оценке мигрантами состояния межнациональных отношений играет их «доверчивость»: повсеместно приезжие выказывают более высокий уровень межличностного и межгруппового доверия, чем местные жители. При этом, и у мигрантов, как и среди местного населения, сохраняется четкая иерархия «кругов доверия»: максимальное доверие членам семьи, высокое, но несколько меньшее доверие — соседям и коллегам по работе (табл. 8.1.2).

[1] В Астраханской области 56,7% жителей и 71,4% приезжих считали, что межнациональные отношения в области доброжелательные или спокойные, в Калининградской 58,1 и 75,1%, в Башкирии — 74,1 и 87,8%, в Карелии — 55,6 и 82,5%, на Ставрополье — 35,3 и 56,2%, в ХМАО — 55,9 и 68,2% соответственно.

Таблица 8.1.2

Уровень межличностного доверия приезжих, *в % от опрошенных**

В целом доверяют...	**АО**	**КО**	**Мск**	**МО**	**РБ**	**СК**	**ХМАО**
членам семьи	99,7	–	98,4	99,4	97,2	99,6	99,0
друзьям	90,8	–	94,1	96,2	93,7	95,1	91,1
коллегам	82,6	76,3	67,9	72,7	87,0	70,4	68,2
соседям	77,3	75,6	54,6	66,5	67,4	69,3	*53,4*

* В таблице представлены данные, объединяющие ответы «полностью доверяю» и «скорее доверяю».

В то же время уровень более абстрактного обобщенного доверия («можно ли доверять большинству людей») у приезжих несколько ниже, чем у местных жителей[1].

Враждебность к людям других национальностей с той или иной регулярностью чувствуют 53,2% москвичей и 53,4% жителей области, тогда как среди астраханцев — 42,8%, жителей Калининградской области — 38,7%, Карелии — 34,9%, Башкирии — 43,0%, Ставропольского края — 40,0%, ХМАО — 41,7%[2].

Респонденты — как местные жители, так и мигранты — достаточно позитивно оценивают отношение россиян к приезжим из республик России. Даже в мегаполисе более половины местных жителей считают отношение к приезжим хорошим (табл. 8.1.3).

Мигранты в целом хорошо оценивают отношение россиян к приезжающим из республик России, но, за исключением Москвы, Башкирии, Калининградской области и ХМАО, более пессимистично, чем россияне: среди них много несогласных с такой оцен-

[1] Следует иметь в виду: в Башкирии среди опрошенных приезжих высока доля российских граждан, являющихся выходцами из среднеазиатских республик, что сказывается на их оценках.

[2] Среди опрошенных в августе 2015 г. россиян — 53%. См.: *Пипия К.* Ксенофобия и национализм [Электронный ресурс]: Левада-Центр. Пресс-выпуск. 25.08.2015. URL: http://www.levada.ru/25–08–2015/ksenofobiya-i-natsionalizm (Дата обращения: 15.07.2018). Мигранты существенно реже выказывают враждебность к представителям других национальностей: в Астраханской области признались в этом 26,7% приезжих, в Калининградской — 24,4%, в Башкирии — 34,9%, Карелии — 30,3%, в Ставропольском крае — 30,6%, в ХМАО — 36,3%.

Таблица 8.1.3

Оценка местными жителями отношения россиян к приезжим из других республик России, *в % от опрошенных*

«Вы согласны, что россияне в целом хорошо относятся к приезжим из других республик России?»	АО	КО	Мск	МО	РБ	РК	СК	ХМАО
Полностью согласен	36,6	28,6	11,6	17,3	30,8	24,7	27,7	21,2
Скорее согласен	47,3	49,8	47,4	46,2	44,5	57,2	52,7	51,9
Скорее НЕ согласен	12,8	15,6	25,0	19,9	13,3	11,7	12,1	20,9
Полностью НЕ согласен	0,8	1,8	4,6	5,1	2,0	2,1	2,5	2,0
Затруднились ответить	2,5	3,8	11,4	11,5	9,4	4,3	5,0	4,1

кой: среди приезжих в Астраханской области — 18,4%, в Карелии — 21,5%, в Ставропольском крае — 21,8%, в Московской области — 35,3%, в Москве — 37,5%.

Ситуация в московском мегаполисе, в известной мере, не типична: и москвичи, и жители области более скептично оценивают отношение к приезжим из российских республик жителей того города/села, в которых они живут, чем всех россиян[1]. Как правило, наоборот. Негативные оценки чаще высказываются респондентами, когда задается вопрос о ситуации в стране, оценки применительно к более близкой и знакомой территории (социуму) обычно существенно лучше. Когда респондентам задаются конкретные вопросы об их личных взаимоотношениях с «иными», о своих хороших отношениях с приезжими в своем доме, дворе, микрорайоне говорят даже в Москве и области — 65,6 и 66,6% соответственно.

Более чувствительны местные жители к соседству семьи приезжих из других регионов России, принадлежащих к «видимым меньшинствам». Хуже всего население отнеслось бы к соседству с семьей выходцев с Северного Кавказа[2]. Такое соседство чаще

[1] В Москве не считают, что жители города хорошо относятся к приезжим 44,3% москвичей, в области — 30,6% опрошенных местных жителей.

[2] Конкретизация национальности потенциальных соседей повышает уровень отторжения, т.к. местные жители реже имеют опыт общения с представителями конкретной национальности. По данным 24-й волны RLMS-HSE,

приветствовалось респондентами, чем не одобрялось, но в Москве и в Московской области противников такого соседства больше, чем сторонников (табл. 8.1.4).

К соседству с представителями монголоидных этнических групп отношение более терпимое: в ХМАО такое соседство не одобряет 9,1% респондентов, в Калининградской области — 9,7%, в Москве — 12,8%, в Московской области — 17,8%, Башкирии — 28,6%. Примерно такое же отношение к представителям наиболее многочисленных народов, не всегда визуально отличимых принимающим населением (татарам, башкирам, чувашам): соседство с ними не одобряет 9,5% астраханцев, 12,4% калининградцев, 16,4% ставропольцев, 19,3% жителей Карелии, 14,2% москвичей и 18,7% жителей Московской области.

Таким образом, во-первых, можно констатировать, что оценки местным населением межнациональной напряженности в разных регионах существенно различаются. На одном полюсе регионы, в которых население оценивает межнациональные отношения как доброжелательные, спокойные, на другом — московский мегаполис, где местные жители более пессимистичны.

Во-вторых, приезжие более оптимистичны, чем местные жители, как в оценках межнациональных отношений, так и в отношении к ним принимающего населения.

В-третьих, хотя состояние межнациональных отношений оценивается жителями Московской области лучше, чем москвичами, они более настороженно относятся к перспективам совместного проживания со всеми представителями «видимых меньшинств» и, особенно, к выходцам с Северного Кавказа.

соседство с семьей чеченцев неприемлемо для 53,6% респондентов, с семьей дагестанцев — для 38,7% жителей мегаполиса (данные RLMS-HSE (опрошено 2023 жителя Москвы и Московской области) не репрезентативны по Москве и области, однако уточнение этнической группы повышает уровень отторжения по сравнению с обобщенной характеристикой «северокавказцев» в табл. 8.1.4). В мегаполисе скепсис в отношении соседей с Северного Кавказа высказывали преимущественно молодые люди до 25 лет, а также с высшим образованием. Репрезентативные данные RLMS–HSE по России дают примерно такое неприятие россиянами соседства с семьей дагестанцев (38,6%), но существенно меньшее неприятие в качестве соседей семьи чеченцев (42,1%) по сравнению с жителями мегаполиса. Для россиян, по данным RLMS–HSE, более сенситивным явился вопрос о работе под руководством представителя данной национальности (чеченцы отторгаются 55,9% респондентов, дагестанцы — 53,2%).

Таблица 8.1.4

Отношение к соседству с семьей выходцев с Северного Кавказа,
в % от опрошенных

«Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы рядом с Вами поселилась самая обычная семья с Северного Кавказа (дагестанцев, ингушей, чеченцев, черкесов)?»	АО	КО	Мск	МО	РБ	РК	СК	ХМАО
Положительно	19,1	16,1	11,7	12,3	8,0	7,9	18,8	17,1
Скорее положительно	27,0	24,7	16,1	18,1	18,8	24,7	31,8	22,0
Безразлично	26,5	28,0	36,2	29,0	32,2	31,3	25,5	40,0
Скорее отрицательно	17,0	17,8	19,5	22,5	15,8	21,4	15,0	11,6
Отрицательно	9,0	10,4	14,1	14,4	15,8	10,4	5,5	7,2
Затруднились ответить	1,5	3,1	2,4	3,5	9,3	3,1	3,4	2,0

Отношение к приезжим во многом определяется информационным полем. Масс-медиа, с одной стороны, фиксируют межнациональную напряженность, с другой — влияют на общественное мнение. Число публикаций и их негативная тональность прямо коррелируют с напряженным состоянием межнациональных отношений[1]. Нельзя исключать, что информационное пространство последних лет, с менее выраженными антимигрантскими выступлениями, сказалось на более позитивных оценках межнациональных отношений не в московском мегаполисе, а в других регионах проведения исследований.

Измерение и уровень интеграции мигрантов

Под интеграцией, применительно к внешним мигрантам, понимается процесс встречного движения культур принимающего социума и культур мигрантов, смешение культурных норм и ценностей, изначально функционировавших сепаратно и, возможно, противоречащих друг другу.

[1] *Фадеев П В.* Медиа как фактор формирования отношения к мигрантам // Вестник Института социологии. 2015. № 15. С. 108–128.

Вопросам соизмерения интеграции и поиска индикаторов интеграции посвящено множество работ. Особого внимания заслуживает тренд последних лет, когда при измерении интеграции подключаются индикаторы, характеризующие «доброжелательность общества», предлагаются все новые показатели для этого направления[1]. В совместном докладе ОЭСР и Европейской Комиссии особое внимание уделяется социальной сплоченности (*social cohesion*) как залогу успешной интеграции мигрантов: «Характер отношений между принимающим обществом и иммигрантами является важнейшим фактором интеграции. Если такая социальная сплоченность сильна, она будет способствовать интеграции». Социальную сплоченность, по мнению авторов, сложно измерить, но она, однако, может быть оценена на основе информации, полученной с помощью социологических опросов: опросы мигрантов, являются способом оценки воспринимаемых ими уровней дискриминации, а опросы принимающего населения — готовности общества к принятию мигрантов[2].

Применительно к внутрироссийским мигрантам проблемы их интеграции, казалось бы, упрощаются. Являясь российскими гражданами, эти мигранты не нуждаются в формальном закреплении своих прав в различных сферах социальной, политической, экономической и культурной жизни (законодательство исключает практики, направленные на ассимиляцию или сегрегацию внутренних мигрантов). Однако, с одной стороны, не снимается проблема барьеров между принимающим населением и мигрантами — как на групповом, так и на индивидуальном уровне. С другой — правоприменение и социальные практики могут серьезно отклоняться от норм, установленных законодательством[3]. Учитывая эти обстоятельства, в настоящей монографии акцент переносится на межэтническое измерение включенности мигрантов в местное сообщество. А под интеграцией внутренних иноэтничных

---

[1] *Huddleston T., Niessen J. Tjaden J. D.* Using EU Indicators of Immigrant Integration. Final Report for Directorate-General for Home Affairs. Brussels: European Commission, 2013. P. 25.

[2] Indicators of Immigrant Integration 2015: Settling In. OECD Publishing, 2015. doi: 10.1787/9789264234024-en. P. 215.

[3] Что особенно справедливо в случаях декларативных правовых норм, например, запрещающих дискриминацию по признакам расы, национальности, конфессиональной принадлежности и др.

мигрантов понимается готовность мигрантов к сотрудничеству с жителями локального социума, абстрагируясь от их этнической принадлежности и совокупность практик взаимодействия, позитивно воспринимаемых местным сообществом.

Для измерения уровня и потенциала интеграции мигрантов использовались следующие критерии интеграции[1]:

- идентификация с жителями данного населенного пункта;
- использование русского языка в повседневном общении;
- позитивная оценка отношений с принимающим населением;
- отсутствие агрессии в отношении других этнических групп.

С учетом этих критериев выделялись три группы мигрантов: интегрированные в местный социум[2], частично (в основном) интегрированные и неинтегрированные. Распределение респондентов-мигрантов на три основные группы по степени их интеграции представлено в таблице 8.1.5.

Из данных таблицы 8.1.5 следует, что лучше всего приезжие интегрируются в Калининградской области и Республике Карелия, сложнее всего их интеграция идет в Московской области и в Москве.

Следует также отметить, что для интеграции мигрантов важное значение имеют их социально-демографические характеристики[3]. Причем, главную роль играет продолжительность пребывания на новом месте: чем больше времени мигранты проживают в данном населенном пункте, тем больше вероятность их успешной интеграции.

Доля интегрированных меньше всего среди респондентов, никогда не состоявших в браке, со средним и ниже среднего общего образованием. Эти характеристики связаны с возрастом. Чем старше мигранты, тем более высока среди них доля интегрированных (табл. 8.1.6).

---

[1] Методика была апробирована в Московском мегаполисе (см.: *Мукомель В.* Свои «иные»: внутрироссийские иноэтничные мигранты в Московском мегаполисе // Федерализм. 2015. № 1. С. 85). В настоящей монографии она незначительно скорректирована.

[2] Среди интегрированных выделялись также *«полностью интегрированные»* (по сути — ассимилированные).

[3] Развернутый анализ влияния этих факторов на интеграцию внутренних мигрантов в Московском мегаполисе см.: *Мукомель В.* Свои «иные»: внутрироссийские иноэтничные мигранты в Московском мегаполисе // Федерализм. 2015. № 1. С. 79–92.

Таблица 8.1.5

Степень интеграции приезжих,
в % от ответивших

Регион	Интегрированные	В т.ч. полностью интегрированные	Частично интегрированные	Неинтегригрированные
Астраханская область	46,0	8,6	38,4	15,6
Калининградская область	62,2	21,8	34,7	3,0
Москва	34,3	*3,8*	50,5	15,2
Московская область	28,3	*4,3*	52,4	19,3
Республика Башкортостан	35,6	2,7	45,9	15,8
Республика Карелия	49,2	9,9	42,5	8,3
Ставропольский край	43,4	5,6	48,7	7,9
ХМАО	41,3	11,9	42,8	15,9

Таблица 8.1.6

Доля интегрированных среди мигрантов разного возраста,
в % от ответивших[1]

Возраст, лет	АО	КО	Москва и МО[1]	РБ	СК	ХМАО
До 24 лет	39,9	58,1	27,6	22,9	46,9	46,2
25–29	45,2	50,0	28,0	37,2	43,2	41,6
30–39	58,7	62,3	35,7	42,3	33,3	36,9
40 лет и старше	54,3	67,9	37	35,8	37,8	32,1
Всего	46,0	62,2	32,1	35,6	43,4	41,3

Степень интегрированности мигрантов повышается с возрастом, достигая пика среди тридцати-сорокалетних мигрантов. Исключениями является Ставропольский край и ХМАО, в которых

[1] Мигранты, опрошенные в Москве и Московской области. Массивы объединялись, когда привязка к месту жительства была не важна (например, применительно к занятым, студентам и др. группам).

мигрантская молодежь интегрирована лучше, чем более старшие когорты, что обусловлено различием в образовательном уровне мигрантов: в этих субъектах среди молодых респондентов-мигрантов высока доля имеющих высшее или незаконченное высшее образование.

Уровень образования позитивно влияет на процесс интеграции: чем более образован респондент, тем ему проще влиться в локальный социум. Сложнее ситуация с молодежью с незаконченным высшим образованием. В Астрахани среди студентов уровень интегрированности в 1,5 раза ниже, чем у их сверстников-мигрантов, а почти каждый пятый студент — не интегрирован. Еще драматичнее ситуация в московском мегаполисе, где студентов, интегрированных в московское сообщество, меньше, чем не интегрированных. А среди юношей-студентов только каждый десятый интегрирован в московское сообщество. Именно эта группа молодых людей, часто демонстративно пренебрегающих общепринятыми нормами и правилами поведения, вызывает негативные реакции жителей российских городов.

В то же время противоположная ситуация сложилась в Ставропольском крае, где мигранты-студенты в большинстве своем (60,0%) интегрированы. Вероятно, для них значимо, что, в отличие от мигрантов-студентов в мегаполисе и Астраханской области, они не озабочены поиском дополнительных заработков: лишь у 21,2% из них материальное положение таково, что в лучшем случае денег хватает на продукты и одежду (против 39,3% студентов в московском мегаполисе и 52,8% в Астрахани).

Представители северокавказских народов по-разному интегрируются в разных регионах. Кумыки хорошо интегрируются в мегаполисе и ХМАО, но плохо — в Астрахани. Аварцы и лезгины — хорошо в Астрахани (а также в ХМАО), но плохо в мегаполисе, а даргинцы, наоборот, — хорошо в мегаполисе и плохо в Астрахани. Чеченцы слабо интегрированы в Астрахани и мегаполисе, но совсем неплохо — в ХМАО.

Возможно, важную роль играет величина той или иной этнической общины: чем больше представителей данной этнической группы в регионе, тем больше взаимная поддержка и тем меньше вероятность социальной исключенности мигрантов. По крайней мере, такая ситуация наблюдается в ХМАО, где лучше всего

интегрированы кумыки и лезгины, наиболее представленные среди народов Дагестана в округе, а также чеченцы.

Интегрированных приезжих отличает высокий уровень доверия к окружающим и оптимистическая оценка состояния межнациональных отношений. Пессимистическая оценка последних — препятствие к их интеграции.

Уровень интеграции местных жителей

Учитывая предъявляемые общественным мнением претензии к внутренним иноэтничным мигрантам по поводу их низкой интегрированности в локальные российские социумы, справедлива постановка вопроса: а в какой мере интегрированы сами жители этих поселений?[1]

Поскольку принимающее население всех рассматриваемых регионов существенно более образованное, среди них больше людей семейных, возрастных, то априори предполагается, что уровень их интегрированности должен быть существенно выше, чем у приезжих.

Воспользуемся методикой расчета уровня интеграции, использованной применительно к мигрантскому контингенту (табл. 8.1.7).

Однако интегрированность местных жителей на удивление относительно низка на фоне мигрантов (см. табл. 8.1.5). Во всех регионах она выше, чем среди приезжих, за исключением Москвы, где она заметно ниже, чем у мигрантов. Кроме того, и в Москве, и в Московской области интегрированность местных жителей фиксируется на удручающе низком уровне.

Москвичи, сталкивающиеся с массовыми потоками мигрантов, испытывают известный дискомфорт от трансформации привычной среды, проникновения неведомых культур. Не успевая подстраиваться под происходящие изменения, многие из них чувствуют свою чуждость в меняющейся социальной среде.

---

[1] Возможно, точнее говорить о социальной перцепции «иных». Однако использование термина «интеграция» применительно к принимающему населению фиксирует необходимость встречного движения к мигрантам, а также подчеркивает единство применяемой методики.

Таблица 8.1.7

Степень интеграции местных жителей,
в % от ответивших

Регион	Интегрированные	В т.ч. полностью интегрированные	Частично интегрированные	Не интегрированные
Астраханская область	58,7	17,0	34,1	7,2
Калининградская область	66,3	15,2	29,5	4,0
Москва	28,9	*1,5*	53,7	16,4
Московская область	33,9	*2,5*	53,1	12,4
Республика Башкирия	63,6	4,6	23,7	14,3
Республика Карелия	52,7	8,1	39,7	7,4
Ставропольский край	50,3	9,3	41,8	7,7
ХМАО	52,5	12,8	39,4	8,1

В тех субъектах Федерации, где принимающее население более интегрировано, там успешнее интегрируются и мигранты. Благоприятная социальная среда создает условия для интеграции. Похоже, она лучше всего в Башкирии, Астраханской и Калининградской областях. Атомизированная же среда мегаполиса формирует специфические формы общения и поведения; неприятие москвичей провинциалами — признание их «иными», отчасти — «чужими».

Социально-демографические факторы, значимые для интеграции приезжих, играют не менее важную роль в интеграции местного населения. Если проанализировать уровень интегрированности местных жителей в разрезе возрастных групп, то увидим, что повторяются те же различия, что и зафиксированные у приезжих (см. табл. 8.1.7). Степень интегрированности повышается с возрастом, достигая пика среди тридцати-сорокалетних, у которых наиболее высок удельный вес интегрированных и наименьший — не интегрированных (табл. 8.1.8)[1].

[1] Ввиду различий в возрастном составе мигрантов и местного населения, а также большей выборки местных жителей, в данной таблице приводится более детальная градация возрастов

Таблица 8.1.8

Доля интегрированных среди местных жителей разного возраста,
в % от ответивших

Возраст, лет	АО	КО	Мск	МО	РК	РБ	СК	ХМАО
До 20	60,0	59,1	42,1	41,7	37,5	72,7	*47,1*	68,8
20–24	53,8	72,9	22,0	44,9	53,7	56,1	62,7	50,0
25–29	59,2	59,7	21,3	27,1	43,9	65,1	41,5	37,8
30–39	57,9	69,8	32,1	30,1	55,9	65,3	44,8	55,3
40–49	69,6	64,9	32,0	33,0	51,0	60,9	44,9	50,8
50–59	55,4	65,8	29,3	33,3	56,1	64,4	61,5	56,4
60 лет и старше	56,7	66,7	28,8	37,4	53,8	65,0	50,4	53,5
Всего	58,7	66,3	28,9	33,9	52,7	63,6	50,3	52,5

Однако, во-первых, имеются исключения — Астраханская область, Башкирия и ХМАО, в которых высока доля как интегрированных, так и неинтегрированных среди самых молодых. Во-вторых, в ряде регионов среди тридцати-сорокалетних доля неинтегрированных низка, например, в Ставропольском крае (табл. 8.1.9).

Таблица 8.1.9

Доля неинтегрированных среди местных жителей разного возраста,
в % от ответивших

Возраст, лет	АО	КО	Мск	МО	РК	РБ	СК	ХМАО
До 20	8,0	13,6	9,1	24,0	*12,5*	11,4	*0,0*	12,5
20–24	13,5	5,1	27,5	6,1	*4,9*	21,5	*3,9*	*6,8*
25–29	4,2	4,2	14,4	18,4	*14,0*	15,7	*4,6*	*13,3*
30–39	6,6	7,6	15,2	11,4	*7,6*	13,9	*7,7*	*10,5*
40–49	2,5	0,9	18,3	9,9	*7,8*	11,2	*11,4*	*7,7*
50–59	8,9	3,4	16,0	10,9	*5,1*	11,5	*6,6*	*5,5*
60 лет и старше	8,0	2,5	15,1	12,8	6,4	16,3	10,3	2,3
Всего	7,2	4,0	16,4	12,4	7,4	14,3	7,7	8,1

Если среди мигрантов наименее интегрированы во всех регионах двадцатилетние (особенно в возрасте 20–24 лет), то среди

местных жителей — чуть постарше — в возрасте 25–29 лет (в Москве, Башкирии и Астрахани также и 20–24 летние)[1].

Интеграция мигрантов конкретных возрастов прямо зависит от интегрированности их сверстников, особенно среди молодежи. Можно констатировать, что наиболее серьезные противоречия формируются в молодежной среде, особенно студенческой, где велик разрыв в восприятии социальной среды местными студентами и приехавшими на обучение в город представителями «видимых меньшинств».

Этническая принадлежность значима для интеграции не только мигрантов, но и принимающего населения. Повсеместно, за исключением Башкирии и Московской области, русские интегрированы хуже, чем представители других национальностей среди местных жителей (табл. 8.1.10, 8.1.11).

Таблица 8.1.10

Уровень интеграции русских местных жителей,
в % от ответивших

Регион	Интегрированные	В т.ч. полностью интегрированные	Частично интег-рированные	Не интегрированные
Астраханская область	57,0	16,0	35,2	7,7
Калининградская область	65,5	13,1	30,3	4,0
Москва	28,3	*1,2*	54,0	16,6
Московская область	34,5	2,2	53,1	11,8
Республика Башкортостан	79,1	4,7	5,6	18,4
Республика Карелия	51,5	8,5	40,3	8,0
Ставропольский край	49,1	8,0	42,4	8,3
ХМАО	48,9	13,5	41,7	9,4

В московском мегаполисе, например, лучше всего среди местных жителей интегрированы украинцы и белорусы, хуже — татары.

[1] У мигрантской молодежи — это следствие слабой интегрированности приезжих учащихся и студентов. Местные же студенты, напротив, более интегрированы, чем молодежь их возраста с иным образованием.

Таблица 8.1.11

Уровень интеграции не русских местных жителей,
в % от ответивших

Регион	Интегрированные	В т.ч. полностью интегрированные	Частично интегрированные	Не интегрированные
Астраханская область	62,1	16,9	29,4	8,4
Калининградская область	65,6	22,1	29,1	*5,3*
Москва	35,4	*3,8*	50,6	13,8
Московская область	27,3	*6,8*	50,0	22,7
Республика Башкортостан	54,1	*4,5*	34,9	*4,7*
Республика Карелия	58,3	9,8	35,6	6,0
Ставропольский край	57,9	15,7	36,4	*5,3*
ХМАО	59,0	11,5	35,2	*5,7*

В Астраханской области нет существенных различий между интеграцией разных этнических групп принимающего населения за исключением двух наиболее представленных в области этнических групп — казахов и татар, традиционно проживающих на данной территории. С одной стороны — исключительно высокий уровень интегрированности казахов, с другой — относительно низкий уровень интеграции татарского населения.

В отношении внутрироссийских иноэтничных мигрантов распространены упреки, что их ценностные ориентации входят в противоречие с ориентациями принимающего населения. В то же время нет достаточных оснований полагать, что имеется прямая связь между ценностными ориентациями и интеграцией[1].

Интеграция и идентичность

Интеграция в локальное сообщество подразумевает идентификацию с ним респондента. А, учитывая множественность идентичностей, — соответствующее приближение к структуре иден-

[1] *Мукомель В.* Свои «иные»: внутрироссийские иноэтничные мигранты в Московском мегаполисе // Федерализм. 2015. № 1. С. 79–92.

тичностей, характерной для данного сообщества. Рассмотрим более внимательно структуры идентичностей местных жителей и приезжих, различающихся уровнем интеграции на примере трех территорий — Московского мегаполиса, где складывается сложная ситуация, Астраханской области — региона с укоренившимися традициями межэтнических взаимодействий, и ХМАО — быстро развивающегося и экономически благополучного региона с большим притоком иноэтничных внутренних мигрантов. Отметим, что и в Астраханской области, и в ХМАО ситуация намного благоприятнее, чем в мегаполисе.

В Московском мегаполисе просматривается следующая тенденция: структура идентичностей интегрированных приезжих действительно приближается к структуре идентичностей местных жителей, воспринимаемой приезжими за образец, стандарт социального поведения. Исключение — бо́льшая идентификация приезжих с людьми своей национальности, как неким шлейфом мигрантского прошлого (рис. 8.1.1).

Рис. 8.1.1. Структуры идентичностей местных жителей и мигрантов, различающихся уровнем интеграции, в Московском мегаполисе, *% опрошенных, идентифицирующих себя с...*

Точно также структуры идентичностей неинтегрированных приезжих и местных жителей сходны по своим контурам. На порядок более низкий уровень идентификации себя с социальными сообществами сочетается с относительно высокой долей идентифицирующих себя с людьми схожих взглядов на жизнь, с людьми своей профессии и рода занятий[1]. В этом плане неинтегрированные приезжие занимают промежуточное положение между своими интегрированными сородичами и неинтегрированными местными жителями.

Интегрированные более встроены в социум: они идентифицируют себя не только с жителями данного поселения (доминирующая идентичность), но и с гражданами России, людьми своей веры, национальности, своего социального окружения — профессионального, социально-статусного.

Неинтегрированные респонденты — как местные, так и мигранты, (а это чаще мужчины), — моложе интегрированных. Если среди интегрированных местных жителей 21,9% молодых людей до 30 лет, то среди неинтегрированных — 27,5%. Еще более заметна разница в возрастном составе мигрантов: среди интегрированных приезжих 42,8% до 30 лет, то среди неинтегрированных — 59,5%. Неинтегрированные более образованны: среди местных неинтегрированных 49,0% лиц с высшим или незаконченным высшим образованием, а среди приезжих — 36,9%[2].

Неинтегрированные, по крайней мере, не беднее интегрированных: по уровню доходов они чаще относят себя к высшему классу и реже — к низшему, реже жалуются на нищету. Вероятно, различия в установках и социальном поведении респондентов определяются не исключительно социально-экономическими условиями, значение имеют психологические особенности индивидов, специфика их социального окружения и восприятия ими социальной среды.

Неинтегрированных отличает низкий уровень доверия: только около трети из них считают, что большинству людей можно доверять — среди местных жителей — 36,5%, среди мигрантов — 31,0%.

---

[1] И, опять же, — высокая доля идентифицирующих себя с людьми своей веры, национальности, с земляками среди неинтегрированных мигрантов.

[2] Тогда как среди интегрированных местных такое образование имеют 39,2%, а среди приезжих — 33,5%.

Напротив, среди интегрированных таковых почти половина: среди местных — 49,0%, среди мигрантов — 45,3%. Наряду с пониженным уровнем обобщенного доверия неинтегрированных отличает также низкий уровень межгруппового и межличностного доверия, особенно к соседям и друзьям.

Неинтегрированные — это люди социально не активные, не участвующие в общественной и политической жизни: если среди интегрированных местных жителей и мигрантов таковых 30,4 и 57,1% соответственно, то среди неинтегрированных — 40,5 и 60,7%[1].

Среди местных неинтегрированных несколько больше неверующих, атеистов, чем среди местных интегрируемых — 12,5 и 7,8% соответственно.

Важно, что среди тех местных жителей, кто не является уроженцем данного населенного пункта, неинтегрированные имеют меньший срок проживания, меньший опыт существования в данном локальном социуме. При этом повсеместно все неинтегрированные видят себя вне местного сообщества — 100% как местных, так и 100% приезжих вообще не ассоциируют себя с жителями данного населенного пункта.

Несколько иная картина складывается в Астраханской области (рис. 8.1.2).

Структуры идентичностей интегрированных местных жителей и интегрированных приезжих «ближе» чем в мегаполисе, а по отдельным параметрам (идентификации с людьми такого же достатка, профессии или рода занятий, таких же взглядов на жизнь, такой же национальности) совпадают. При этом интегрированные приезжие чаще, чем интегрированные местные жители, идентифицируют себя с европейцами и чаще — с людьми своей конфессии.

Структуры идентичностей неинтегрированных местных и приезжих не только также близки, но и очень схожи с теми, которые наблюдаются в московском мегаполисе (рис. 8.1.1).

В отличие от мегаполиса, в Астраханской области четко фиксируется: интегрированные местные чаще являются уроженцами

[1] Не участвующие в выборах, не принимающие участие в благотворительных акциях, волонтерском движении, деятельности политических партий и движений, митингах, демонстрациях.

Рис. 8.1.2. Структуры идентичностей местных жителей и мигрантов, различающихся уровнем интеграции, в Астраханской области, % опрошенных, идентифицирующих себя с...

данного поселения, чем неинтегрированные (61,3 и 51,2% соответственно). Интегрированные местные — чаще это женщины — отличаются от неинтегрированных высоким уровнем как абстрактного доверия (соответственно, доверяют большинству людей 49,6% интегрированных и 25,6% неинтегрированных), так и межличностного и межгруппового доверия. Доверяют коллегам 78,3% интегрированных местных жителей и только 55,9% неинтегрированных, соседям — 82,1 и 51,2% соответственно, людям своей национальности — 84,6 и 60,4%. Столь же существенны различия в уровне доверия интегрированных приезжих по сравнению с неинтегрированными мигрантами.

Интегрированных отличает социальная активность: среди интегрированных местных жителей только 13,1% не принимают никакого участия в общественно жизни, а среди интегрированных приезжих таковых 19,4%, тогда как среди неинтегрированных местных — 23,3%, неинтегрированных приезжих — 38,3%.

И, также, как и в мегаполисе, неинтегрированные — как местные, так и приезжие — абсолютно все не идентифицируют себя с жителями данного конкретного поселения.

Специфична ситуация в ХМАО. Несмотря на видимую разницу структур идентичностей[1] различных контингентов, в ХМАО просматривается общее с другими регионами. Это схожесть конфигурации структур идентичностей интегрированных приезжих и местных, с одной стороны, и неинтегрированных приезжих и местных — с другой (рис. 8.1.3).

Рис. 8.1.3. Структуры идентичностей местных жителей и мигрантов в ХМАО, различающихся уровнем интеграции, *% опрошенных, идентифицирующих себя с...*

Однако имеет место и одно существенное различие: структура идентичностей интегрированных мигрантов выглядит «прогрессивнее» интегрированных местных жителей: первые более включены во все сообщества[2]. Интегрированные приезжие чаще

[1] Набор идентификационных характеристик несколько отличается от представленных на рис. 8.1.1 и 8.1.2.

[2] Даже неинтегрированные приезжие чаще, чем неинтегрированные местные, идентифицируют себя с российскими гражданами, людьми такого же достатка и, разумеется, с людьми аналогичной веры и национальности.

интегрированных местных ассоциируют себя с гражданами России и жителями региона[1].

В ХМАО принципиально иная ситуация по сравнению с иными регионами. Интегрированные приезжие, более молодые, чем интегрированные местные жители, также более образованны (среди них высока доля студентов), чаще удовлетворены своим материальным положением и своей работой, для них характерен высокий уровень доверия. Как следствие — они чаще ассоциируют себя со всеми сообществами, чем местные интегрированные жители.

Если сравнивать интегрированных респондентов с неинтегрированными, прослеживается следующая тенденция, — неинтегрированные (как местные, так и приезжие), обладают меньшими материальными возможностями, чем интегрированные. Среди них больше работающих, но меньше удовлетворенных работой. Они более недоверчивы[2]. При этом, не доверяя людям других национальностей (последним доверяют только 35,7%, против 76,3% среди местных интегрированных), они столь же недоверчивы и к представителям своей национальности — соответственно, 57,2 и 87,8% им доверяют.

Среди местных неинтегрированных, ощущающих себя вне социума, выше доля молодых людей, мужчин и приехавших недавно, чем среди местных интегрированных. В то же время, по сравнению с ними, неинтегрированные мигранты, менее образованные, еще более бедны, более не удовлетворены своей работой и при этом никому не доверяющие. Среди них сильно распространены патерналистские настроения и, в отличие от интегрированных мигрантов, они существенно реже ориентированы на то, чтобы остаться в ХМАО навсегда –31,3 и 42,0% соответственно. Опорой для них служат единоверцы, представители той же национальности, но не иные сообщества, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни.

---

[1] Эксперты подчеркивали важность региональной идентичности: «*...момент регионального патриотизма он в Югре невероятно силен, очень силен. Люди, которые родились здесь, это понятно. Но те люди, которые приезжают, они тоже через некоторое время начинают его осваивать, это вот то, что называется магнетическое тяготение Севера. Приехал на год, а остался навсегда*» (ХМАО, ученый).

[2] Готовы доверять другим людям 28,6% неинтегрированных местных и 15,6% приезжих, тогда как среди интегрированных 52,9 и 59,4% соответственно).

Выводы

Межнациональная напряженность сказывается на интеграционных процессах, становясь препятствием для консолидации местных сообществ, для интеграции и самих мигрантов, и местных жителей. Исследования показывают, что вероятность конфликтов на этнической и/или конфессиональной почве зависит как от внешних факторов, определяемых социальной средой (общественной атмосферы, включая атмосферы неприятия любых «иных», дискурсов, информационной среды (особенно влияния масс-медиа), социально-экономической обстановки[1]), так и от факторов, определяющих групповое и персональное поведение представителей местного сообщества и «видимых меньшинств» (социальные страхи, неудовлетворенность социальным статусом и социальным положением, неудовлетворенность жизнью, особенности психики и др.).

В свое время в ходе экспериментальной проверки была подтверждена гипотеза, что имеется связь уровня ксенофобии и уровня так называемой «косвенной»[2] агрессии, при определенных граничных значениях переходящей в физическую агрессию[3]. Судя по исследованиям, в настоящее время эти граничные значения выше, чем в недавние годы, когда внешние факторы были актуализированы и распространенность ксенофобских и мигрантофобских настроений была существенно больше, чем сейчас. В тоже время дальнейшее ухудшение социально-экономической ситуации (правда, более заметное в регионах, чем в мегаполисе) может способствовать эскалации персональных и групповых страхов,

---

[1] На кризисные явления в российской и мировой экономике, внешние экономические санкции в отношении Российской Федерации, которые могут служить фактором снижения уровня жизни москвичей разных национальностей и провоцирования ухудшения межнациональных отношений указывается в Стратегии национальной политики города Москвы на период до 2025 года. (Приложение к постановлению Правительства Москвы от 6 июня 2016 г. N 312-ПП, п.2.8.1).

[2] Косвенная агрессия– агрессия, окольным путем направленная на другое лицо или ни на кого не направленная. Физическая агрессия — использование физической силы против другого лица.

[3] Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009. С. 219.

трансформирующихся в ксенофобские и мигрантофобские настроения, особенно в маргинализированных слоях.

Триггером конфликтов на этноконфессиональной почве могут выступать и чаще всего выступают конфликты на бытовой почве, приобретающие этноконфессиональную окраску в результате действия внешних сил в условиях недостатка объективной информации и неэффективных действий властей, местных сообществ, общественных организаций. Сегодня одной из наиболее проблемных групп риска являются выходцы с Северного Кавказа (наряду с представителями среднеазиатских меньшинств, цыганами), проживающие в так называемых «неблагополучных» районах, где доля местных жителей, принадлежащих к малообеспеченным слоям, высока.

То обстоятельство, что приезжие более оптимистичны, чем местные жители, в оценках как межнациональных отношений, так и отношения к ним принимающего населения, внушает оптимизм. Пессимизм навевает настороженность местных жителей к приезжим, бытующие среди них тревоги и страхи.

Уровень интеграции мигрантов имеет свои особенности в различных субъектах Федерации, а успешность интеграции приезжих определяется их социально-демографическими характеристиками, опытом миграции, материальным положением и ценностными ориентациями. Ограничением интеграции приезжих становится низкая интегрированность местных жителей, которые практически также интегрированы в локальные социумы, как и мигранты. В тех регионах, где принимающее население более интегрировано, успешнее интегрируются и мигранты: благоприятная социальная среда создает стимулы для их интеграции[1]. Зависимость интеграции мигрантов от консолидации местного сообщества, его доброжелательности налицо.

Приезжие перенимают стандарты социального поведения представителей локальных сообществ, подстраиваясь под эти стандарты. Структуры идентичностей мигрантов постепенно трансформируются, сближаясь со структурами идентичностей местных

[1] В одних случаях внешняя среда институциализирует существование «группы париев», в других — абсорбирует и интегрирует прибывших (см.: *Парсонс Т.* О социальных системах / Под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М.: Академический проект, 2002. С. 59).

жителей. Однако последние неоднородны: идентичности интегрированных и неинтегрированных представителей кардинально различаются. Приезжие перенимают и те, и другие. Как следствие, с одной стороны, формируется когорта мигрантов, структура идентичностей которых отражает их ориентацию на включение в социальные сообщества. С другой — происходит формирование когорты приезжих, перенимающих далеко не лучшие стандарты жизнеполагания и поведения местных жителей (чаще всего, маргинальных слоев), дистанцирующихся от социума. И чем больше доля неинтегрированных местных жителей, тем больше доля и неинтегрированных приезжих.

При разработке мер по консолидации локальных сообществ с целью интеграции в них мигрантов необходимо учитывать социально-политическую, экономическую и культурную специфику самих сообществ. Без этого любые усилия по достижению межэтнического согласия в полиэтничных регионах будут обречены на провал.

Привычным методом работы по поддержанию межнационального согласия для властных структур является организация культурно-ознакомительных мероприятий. Но сегодня этого недостаточно. Первоочередная задача — создание атмосферы согласия, без которой затруднительна как консолидация местных сообществ, так и интеграция приезжих.

Возможности региональных властей имеют пределы, поскольку вопросы трансформации социальной среды и серьезных институциональных преобразований лежат вне компетенции субъектов Федерации. Но создание атмосферы доверия на региональном и муниципальном уровне — вполне по силам при условии активного привлечения всех акторов консолидации локальных социумов: органов государственной власти регионов и местного самоуправления, принимающего населения, мигрантов, институтов гражданского общества (в т.ч. общественных организаций, этнических диаспор), бизнеса.

8.2. Общность религиозной принадлежности в интеграционных процессах: пример Республики Башкортостан

Рост межнациональной напряженности, связанный с большими потоками мигрантов, часто немотивированных к интеграции в «местную» социокультурную среду, обнаруживается практически во всех регионах России, независимо от доминирующей там конфессии, антропологического типа и уровня урбанизации. В любом обществе, ориентированном на традиционные ценности и правила общежития, поведение больших групп людей, не соответствующее привычным нормам и правилам, воспринимается как угроза разрушения сложившегося культурного пространства. Такое восприятие ситуации, ассоциируемое с мигрантами, может стать мощным мобилизационным фактором самоорганизации наиболее активных (в частности молодежи) членов принимающего сообщества в агрессивные охранительные структуры. В частности, за счет этого может нарастать распространенность этнофобий. Основной путь снижения напряженности, вызванной миграционными потоками, — это создание условий для интеграции инокультурных приезжих в контекст повседневной жизни принимающих сообществ.

В современной литературе по миграционным процессам достаточно широко распространено мнение о том, что одним из препятствий к интеграции иноэтнических мигрантов является их внешняя (антропологическая или культурно маркированная) выделенность, что отражено в содержании термина «видимые меньшинства». Данные исследования межнациональных отношений в Республике Башкортостан 2013 г. содержат материал, позволяющий на примере этого республиканского кейса проверить, насколько одна и та же религиозная принадлежность представителей принимающего населения и мигран-

тов может способствовать или препятствовать эффективной интеграции мигрантов[1].

Общее представление о межнациональной ситуации на момент опроса в Республике Башкортостан можно составить по тому, что неприязнь к людям иной национальности испытывали 14% опрошенных. Важно отметить, что представители основных национальностей республики не отличаются друг от друга по масштабам неприязни, т.е. нельзя сказать, что, например, среди русских эта неприязнь более распространена, чем среди татар или башкир. Таких различий нет и между представителями основных конфессий республики. Определенные различия в отношении к людям иных национальностей существуют между респондентами моложе 30 и старше 50 лет. Среди молодежи до 30 лет этнофобии встречаются чаще, чем в среднем по республике, а среди людей старше 50 лет, наоборот, такое отношение встречается с меньшей вероятностью.

Важно было определить, насколько эта, хотя и незначительная, но все-таки имеющаяся тенденция межэтнического противостояния в Башкортостане — это противостояние недавно приехавших мигрантов и «местного» населения или это по большей части касается противостояния между основными национальными группами. Ответ на данный вопрос был получен при группировке ответов на открытый вопрос о том, представители каких национальностей вызывают особое раздражение и неприязнь. Мы обнаружили, что в подавляющем своем большинстве (около 65%) это представители «стандартных» для России мигрантских групп (таджики, узбеки, азербайджанцы, представители народов Северного Кавказа — внутренние мигранты).

Для более детальной оценки отношения принимающего населения к мигрантам, в упомянутом опросе была задействована методика измерения индекса мигрантофобии, позволяющая фиксировать готовность принять мигрантов в качестве «своих» полноправных (с точки зрения обычного, не юридического, права) членов своей социальной микросреды. Этот показатель является важным для диагностики локальных этносоциальных сред, поскольку высокие уровни негативного отношения к мигрантам, с одной стороны, сигнализируют о складывающейся благоприят-

[1] Опрос проводился в Республике Башкортостан в 2013 г. Объем выборки – 1612 респондентов.

ной почве для роста и проявления этноконфессионального экстремизма, а с другой — об уровне интегрированности самих мигрантских групп с «коренным» населением данной территории. Расчет индекса мигрантофобии базируется на оценке респондентами степени своего согласия (по 4-х балльной шкале) с набором из 6 суждений, из которых 3 сигнализируют о наличии у респондента негативного отношения к мигрантам и неготовности принять их в качестве «своих». Согласие с другими 3-мя суждениями сигнализируют о позитивном отношении к мигрантам.

Далее по результатам опроса подсчитывался средний арифметический балл согласия отдельно с блоком позитивных и негативных суждений о мигрантах и вычислялась разность между этими средними, которая и составляла баланс позитивного и негативного отношения к мигрантам. В этом балансе могло быть превышение негативных суждений над позитивными, равное согласие с этими суждениями (т.е. неопределенная позиция) и превышение позитивных суждений над негативными.

Судя по соотношению долей позитивно, нейтрально и негативно относящихся к мигрантам, в Республике Башкортостан ситуацию с отношением к мигрантам можно характеризовать как находящуюся в стадии относительно ***устойчивого позитивного равновесия*** (доля негативно относящихся к мигрантам составила 29%). Для сравнения, в среднем по России (по данным на тот же период) доля негативно относящихся к мигрантам составила 37% (по Москве 73%).

Необходимо подчеркнуть, что мигрантофобия, как явление, очевидно, шире этнофобии, хотя эти явления достоверно между собой связаны.

Существенное различие между этнофобией и мигрантофобией состоит в том, что последняя — это нежелание видеть на своей территории не лиц определенных национальностей, а скорее людей, ведущих иной образ жизни, ориентированных на иные ценности и стандарты поведения, нежели те, которых придерживается местное большинство. Так, опрошенных в наибольшей степени раздражает то, что представители иных национальностей ведут себя в повседневной жизни не так, как принято на данной территории (47% с этим согласны полностью и еще 33% — согласны частично). Такое нестандартное поведение зачастую и порождает

неприятие приезжих в целом, а определенные национальности становятся как бы символами неприемлемого поведения в принимающей среде (но еще отнюдь не иной этнической культуры, носителями которой они являются). Наибольшая доля претензий выражается во фразе: «Люди отдельных национальностей хотят заявить себя хозяевами на этой земле» (69% полностью согласны с этим утверждением, и еще 13% — согласны частично).

Таким образом, *пока* проблема противостояния местного населения и приезжих — это проблема не их какой-то нежелательной национальной принадлежности, а проблема их интеграции в повседневную культуру и обычаи общежития принимающей среды.

Необходимо отметить, что проведенные нами в других регионах исследования по более широкому списку претензий к приезжим свидетельствуют о том, что среди раздражающих местное население характеристик приезжих такие особенности, как непривычная национальность и чужое вероисповедание находятся на последних 13-м и 14-м местах с долей упоминаний, не превышающих 10%. В частности, данные исследования в Башкортостане показывают, что в целом неприязнь к людям другой национальности (т.е. в подавляющем большинстве к мигрантам) не связана с их религиозной принадлежностью (на это указали 55% опрошенных).

Однако, если мы рассмотрим, как относятся к людям иной национальности и мигрантам, в частности, респонденты разной религиозной принадлежности, то обнаруживается латентно назревающая проблема противостояния приезжих (а это в своем подавляющем большинстве — мусульмане) и местного мусульманского сообщества. Полученные данные свидетельствуют, что неприязнь к мигрантам мусульманам у мусульман республики достоверно выше, чем у православных, что на первый взгляд кажется парадоксальным для территории традиционного распространения ислама в их отношении к приезжающим единоверцам. Но необходимо учесть то, что приезжие мусульмане в принципе придерживаются школ ислама, в основном не характерных для России и, особенно, то, что по результатам последних аналитических разработок преимущественно через среду мигрантов происходит проникновение в мусульманскую среду России и Башкортостана, в частности, агрессивных религиозно-политических течений исламизма (салафитство, ваххабизм), что составляет прежде всего угрозу для тра-

диционного российского ислама и его приверженцев в Республике Башкортостан. И если рассмотреть баланс отношения к мигрантам только среди опрошенных мусульман, то миграционную ситуацию придется определить как находящуюся в крайне неустойчивом равновесии с одинаковой вероятностью развития как по негативному, так и позитивному сценарию.

Таким образом, в связи с притоком мигрантов в Республику Башкортостан обозначается проблема, состоящая в необходимости интеграции мигрантов в социально-культурную и религиозную среду республики. Как видим эта проблема имеет две составляющие. Одна из них, менее острая, состоит в социально-культурной интеграции в рамках общероссийских стратегий, поскольку проблема интеграции мигрантов в общероссийский социально-культурный контекст сходна для всех территорий России, в большом количестве принимающих мигрантов. Второе направление — организация приема и обустройства мигрантов, приезжающих на временные заработки и не мотивированных к интеграции в России. Здесь основная ответственность ложится в том числе и на работодателей, использующих труд мигрантов. Другая, гораздо более острая проблема, специфическая для территорий России, являющихся традиционной зоной распространения ислама, состоит в максимально возможной интеграции мигрантов-мусульман в местную мусульманскую умму и безусловном пресечении попыток распространения агрессивных религиозно-политических форм исламизма, особенно в среде мигрантов, оторванных от своей исходной общины и потому более подверженных влиянию исламистских проповедников. Это предполагает постоянный «духовный контроль» мигрантской мусульманской среды со стороны местного духовенства, придерживающегося направлений ислама, традиционных для республики и/или привлечение рекомендованных кадров из республик выхода мигрантов.

8.3. Миграционные процессы и миграционная политика в Ханты-Мансийском автономном округе

Введение

Автономный округ является основным нефтегазоносным регионом Российской Федерации и обеспечивает около 6% мировой и 50% российской добычи нефти. Как следствие, Ханты-Мансийский автономный округ — один из наиболее развитых и благополучных регионов страны, регион-донор. В рейтинге российских регионов по социально-экономическому развитию ХМАО занимает 3-е место (Москва — 1-е, Московская область — 5-е, Башкирия — 11-е, Ставропольский край — 41-е, Калининградская область — 44-е, Астраханская область — 59-е, Карелия — 73-е)[1]. По таким параметрам, как объем производства товаров и услуг (абсолютный объем и на душу населения), инвестиции в основной капитал ХМАО входит в тройку лучших регионов[2].

В рейтинге по качеству жизни ХМАО занимает почетное 9-е место (Москва — 1-е, Московская область — 3-е, Калининградская область — 10-е, Ставропольский край — 22-е, Башкирия — 24-е, Астраханская область — 52-е, Карелия — 70-е)[3].

Доходы населения ХМАО высоки и с лихвой перекрывают высокие цены: по отношению доходов населения к стоимости фиксированного набора товаров и услуг регион занимает 9-е место,

---

[1] Рейтинг социально-экономического положения регионов — 2018. [Электронный ресурс]: РИА-Рейтинг. 2018. URL: http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html (Дата обращения: 20.08.2018).

[2] Рейтинг регионов РФ по качеству жизни — 2017. РИА-Рейтинг 2018. С. 53. [Электронный ресурс]: URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2017.pdf (Дата обращения: 20.08.2018).

[3] Рейтинг регионов РФ по качеству жизни — 2017. С. 21–22.

по объемам вкладов в банках на душу населения — 4-е место[1]. В семье с двумя детьми остаток денежных средств после минимальных расходов ежемесячно составлял в 2017 г. 73,8 тыс. рублей, в семье с одним ребенком — 87,9 тыс. рублей, что, соответственно, выше среднероссийских показателей в 2,0 и 1,9 раза[2].

Высокий уровень и темпы социально-экономического развития определяют благоприятную ситуацию на рынке труда: по уровню безработицы ХМАО занимает 5-е место в рейтинге регионов (чем ниже уровень безработицы, тем выше место), по доле населения, ищущего работу свыше трех месяцев в численности рабочей силы — 8-е место[3].

Несмотря на высокий уровень заболеваемости, большое внимание, уделяемое в регионе здравоохранению[4], привело к тому, что по основным параметрам (ожидаемая продолжительность жизни при рождении, смертность населения в трудоспособном возрасте, перинатальная смертность) ХМАО входит в первую десятку наиболее благополучных территорий[5]. Средняя продолжительность предстоящей жизни, например, — 73,5 года (Российская Федерация — 71,9), младенческая смертность — 5,0 промилле (Российская Федерация — 6,5)[6].

Миграционные процессы в ХМАО

Благосостояние региона определяется интенсивным освоением нефтегазовых месторождений, открытых в 1950-х годах. Численность населения ХМАО более чем удваивалась в каждый межпереписной период второй половины XX века (1959–1970, 1970–1979, 1979–1989) и к 2010 г. возросла в 12,4 раза по сравнению

---

[1] Рейтинг регионов РФ по качеству жизни — 2017. С. 25.

[2] Богатые и бедные семьи — рейтинг регионов 2018. [Электронный ресурс]: РИА-Рейтинг. 2018. URL: http://riarating.ru/infografika/20180607/630095992.html (Дата обращения: 20.08.2018).

[3] Рейтинг регионов РФ по качеству жизни — 2017. С. 28.

[4] Рейтинг регионов РФ по качеству жизни — 2017. С. 47.

[5] Рейтинг регионов РФ по качеству жизни — 2017. С. 43.

[6] Демографические риски современной России. Данные по федеральным округам. Уральский федеральный округ // Аист на крыше. Демографический журнал. 2017. Вып. № 5 (Приложение). С.26.

с 1959 г. Как следствие, доля уроженцев ХМАО весьма незначительна: только 29,2% населения округа жили в месте постоянного проживания, согласно переписи 2010 г., с рождения (как правило, молодежь). Из проживавших в месте постоянного проживания не с рождения, почти половина (49,9%) меняли место постоянного проживания в 1991 г. и ранее, 9,4% — в 1992–1995 годах, 18,4% — в 1996–2002 годах, 22,5% — в 2003–2010 годах[1].

Освоение территории, сопровождавшееся притоком специалистов и рабочих из других регионов СССР, имеющих опыт разработки газовых и нефтяных месторождений, способствовал изменению национального состава ХМАО. В 1960–1980-х годах резко возросла численность татар — с 2,9 тыс. человек в 1959 г. до 97,7 тыс. человек в 1989 г., украинцев — с 4,4 до 148,3 тыс. человек, башкир — с 0,1 до 31,1 тыс. человек. В 1980–1990-х годах в ХМАО обозначился массовый приток азербайджанцев, многие из которых являлись вынужденными мигрантами; их численность увеличилась с 1,3 тыс. человек в 1979 г. до 25,1 тыс. человек в 2002 г. Начало 2000-х годов ознаменовалось приездом выходцев из Центральной Азии, армян, молдаван, однако численность представителей этих национальностей относительно невелика и варьируется, по данным переписи 2010 г., от 5 до 10 тыс. человек.

2000-е годы характеризовались также масштабными миграциями в ХМАО выходцев с Северного Кавказа. Чеченское землячество, измерявшееся тремя сотнями человек в 1979 г. увеличилось до 2,9 тыс. человек к 1989 г. и 6,9 тыс. человек в 2002 г., в дальнейшем стабилизировавшись на этом уровне. Еще более впечатляющим был приток представителей дагестанских народов: если по переписи 1979 г. численность представителей этих народов составляла 0,5 тыс. человек, то уже в 1989 г. — 8,8 тыс. человек, в 2002 г. — 25,5 тыс. человек, в 2010 г. 39,1 — тыс. человек. Численность кумыков в 2010 г. составила 13,9 тыс. человек, лезгин — 13,3 тыс. человек, ногайцев — 5,3 тыс. человек, даргинцев — 2,7 тыс. чело-

[1] Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства. 1. Население частных домохозяйств по продолжительности проживания, полу и возрастным группам по субъектам Российской Федерации. [Электронный ресурс]: Всероссийская перепись населения 2010 г. Том 8. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Дата обращения: 20.08.2018).

век, аварцев — 2,6 тыс. человек, лакцев — 1,3 тыс. человек. Причем, если кумыки, лезгины и аварцы начали «осваивать» регион с 1980-х годов, то представители других дагестанских народов несколько позже.

Миграция, игравшая большую роль в воспроизводстве населения региона в годы его освоения, сохранила свое значение. Однако на смену переселениям на постоянное жительство приходят временные трудовые миграции российских граждан, зачастую не фиксируемые статистикой. В результате согласно официальным данным, для ХМАО характерна миграционная убыль населения[1]. (При этом население региона растет за счет превышения естественного прироста над миграционным оттоком; коэффициент суммарной рождаемости, равный 2,02 в 2016 г., почти обеспечивает простое воспроизводство населения (по России — 1,76)[2].

Широкие масштабы в 2000-х годах приобрели временные трудовые миграции в регион как иностранных работников, так и выходцев из других регионов России. В ХМАО на постоянной основе находятся десятки тысяч иностранных граждан; по состоянию на начало марта 2017 г. — 80,2 тысячи человек, из которых 45,6 тыс. — с правом на работу[3]. ХМАО занимает 8-е место среди регионов России по числу ежегодно оформляемых (переоформляемых) патентов, позволяющих легально работать иностранным гражданам, прибывающим из стран, с которыми установлен безвизовый режим; на ХМАО приходится каждый пятидесятый патент (и 3,8% решений о запрете въезда в Россию). Велико количество иностранных граждан, желающих легализоваться и получить более высокий статус разрешения на временное проживание (РВП, позволяющего, в отличие от разрешения на временное пребывание, менять место работы и проживания в пределах субъекта Федерации). В 2016 г. ХМАО вышел на 1-е место среди российских регионов по доле принятых заявлений на РВП вне квоты[4]. Внешние трудовые мигранты из стран с визовым режимом присутствуют на ре-

---

[1] Таб.1.4. Группировка субъектов Российской Федерации по степени влияния показателей естественного движения и миграции.

[2] Демографические риски современной России. С. 24.

[3] По данным Центрального банка учета иностранных граждан и лиц без гражданства (ЦБД УИГ).

[4] К вопросу о социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество как одном из важнейших условий

гиональном рынке труда, но их численность невелика: в 2018 г. квота разрешений на работу для таких мигрантов составила 192 человека[1].

Всплеск внутрироссийских трудовых миграций отмечается на протяжении всех 2000-х годов. Статистика фиксирует значительное увеличение ежегодного въезда внутрироссийских трудовых мигрантов в ХМАО в последние годы — с 107,0 тыс. человек в 2014 г. до 202,5 тыс. человек в 2017 г.[2]

Мобильность мигрантов контрастирует с низкой мобильностью местного населения: «В середине июня 500 жителей поселка Мортка, что в Кондинском районе ХМАО, митинговали против закрытия обанкротившегося деревообрабатывающего завода, кормившего весь поселок. *«Где нам всем работать? Найти работу в деревообработке сейчас невозможно»*, — жаловались СМИ оставшиеся не у дел граждане. Местные власти предложили митингующим «не бузить на площади», а «искать другие места» для заработка и переучиваться на новые специальности. Именно так и собираются поступить 1224 учителя татарского языка и литературы, которые подали заявления на переквалификацию в местное министерство образования»[3].

Трудовые миграции приобрели такие масштабы в ХМАО, что 22,8% занятого населения (202,5 тыс. человек) — это въезжающие для работы из других регионов России (эта доля выше, чем в Москве,

эффективной реализации государственной национальной политики и миграционной политики. М.: ФАДН, 2017. С. 13, 17, 21.

[1] Распределение по субъектам Российской Федерации на 2018 год квоты на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу. Приложение № 1 к приказу Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 15 декабря 2017 г. № 848н.

[2] Таб.2. Распределение внутрироссийских трудовых мигрантов по территориям нахождения их работы (въезд в субъекты Российской Федерации). gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/tab2_2017.xls (Дата обращения: 20.08.2018).

[3] *Буторина Е.* В который раз в учебный класс. Отмирание многих профессий подталкивает людей в любом возрасте к переобучению [Электронный ресурс] // Профиль. Еженедельный журнал. 23.06.2018. URL: http://www.profile.ru/obsch/item/125979-v-kotoryj-raz-v-uchebnyj-klass (Дата обращения: 20.08.2018).

2-е место в стране после Ямало-Ненецкого АО)[1]. Эксперты отмечают, что численность внутренних мигрантов, во-первых, может существенно превышать фиксируемые статистикой, во-вторых, игнорируется их концентрация в отдельных поселениях: *«У нас /в Сургуте/ порядка 34% вообще из северокавказских республик выходцев... 135 тысяч сотрудников Сургутнефтегаза. Из них, сейчас мы выборы проводили, паспорт более подробно составили, 45 тысяч — это вахтовики» (*ХМАО, зам. главы г. Сургута). Кроме того, эксперты отмечали недоучет представителей отдельных этнических групп: только по Сургуту и Сургутскому району, ссылаясь на статистику, называлась численность дагестанцев около 15 тыс. человек, *«плюс-минус процентов 25–30 еще... По округу порядка где-то 60–65 тысяч. Потому, что у нас очень много проживает. И в Пыть-Яхе и в Когалыме, Нижневартовске. Ну и вообще вот... И вот, если брать с учетом 65, где-то тысяч 85, наверное, есть»* (ХМАО, фокус-группа, дагестанцы, чеченцы).

Почти три четверти внутрироссийских трудовых мигрантов занято в двух отраслях: добыче полезных ископаемых (53,9%) и строительстве (20,3%)[2].

Данные выборочного обследования рабочей силы[3] — важнейшего источника сведений о внутренних трудовых миграциях — детализируются материалами выборочного обследования об использовании труда мигрантов, впервые проведенного в 2014 г. и позволяющего анализировать процессы трудовой миграции в ином ракурсе. (Выборочное обследование, базировавшееся на опросе 90 тыс. домохозяйств, а также индивидуальных предпринимателей, предполагается проводить каждые пять лет[4]).

---

[1] Таб.3. Межрегиональная трудовая миграция занятого населения в возрасте 15 лет и старше по субъектам Российской Федерации в 2017 году. gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/tab3_2017.xls (Дата обращения: 20.08.2018).

[2] Таб. 4. Распределение внутрироссийских трудовых мигрантов по видам экономической деятельности и по территориям нахождения их работы в отдельных субъектах Российской Федерации в возрасте 15 лет и старше в 2017 году. (По данным выборочного обследования рабочей силы). gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/tab4_2017.xls (Дата обращения: 20.08.2018).

[3] Ранее — обследования населения по проблемам занятости — ОНПЗ.

[4] Федеральное статистическое наблюдение за использованием труда мигрантов (по результатам выборочного обследования населения в 2014 г.).

По данным выборочного обследования, труд мигрантов в ХМАО (как международных, так и внутренних) использовали 43,2 тыс. домохозяйств[1] и 5,2 тыс. индивидуальных предпринимателей[2]. Численность трудовых мигрантов, привлекаемых домохозяйствами, оценивается в 127,2 тыс. человек, в т.ч. 23,9 тыс. иностранных трудовых мигрантов и 103,3 тыс. российских трудовых мигрантов[3]. Численность трудовых мигрантов, привлекавшихся предпринимателями, оценивается в 40,1 тыс. человек, включая 0,3 тыс. иностранцев и 39,8 тыс. россиян[4].

Подавляющее большинство из российских трудовых мигрантов (20,4 тыс. человек из 23,9 тысяч) привлекались домохозяйствами для строительства, ремонта квартиры, дома, дачи, хозяйственных построек. Практически все российские трудовые мигранты, привлекаемые предпринимателями, заняты в оптовой и розничной торговле (0,3 тыс. человек)[5].

[Электронный ресурс]: Росстат. Выборочное федеральное статистическое наблюдение труда мигрантов — 2014. Описание методики обследования см.: URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/imigr/index.html (Дата обращения: 20.08.2018).

[1] Относительная стандартная ошибка по числу домохозяйств, привлекающих мигрантов, составляет 14,6%. (Федеральное статистическое наблюдение за использованием труда мигрантов (по результатам выборочного обследования населения в 2014 г.). Таб. 1.6 Точность оценивания результатов обследования труда мигрантов (по результатам обследования за 12 месяцев) по показателю «Число домохозяйств, привлекающих трудовых мигрантов» по субъектам Российской Федерации.

[2] Федеральное статистическое наблюдение за использованием труда мигрантов (по результатам выборочного обследования населения в 2014 г.). [Электронный ресурс]: Росстат. Выборочное федеральное статистическое наблюдение труда мигрантов — 2014. Таблица 1.1. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/imigr/index.html (Дата обращения: 20.08.2018).

[3] Федеральное статистическое наблюдение за использованием труда мигрантов (по результатам выборочного обследования населения в 2014 г.). Таблица 1.2.

[4] Федеральное статистическое наблюдение за использованием труда мигрантов (по результатам выборочного обследования населения в 2014 г.). Таблица 2.1.

[5] Федеральное статистическое наблюдение за использованием труда мигрантов (по результатам выборочного обследования населения в 2014 г.). Таблицы 1.4 и 2.3.

Среди опрошенных в ХМАО мигрантов также подавляющее большинство занято в оптовой и розничной торговле — 52,2%. (Один из экспертов: «*Где Вы там чеченца на стройке видели работающего? Я не видел*» (ХМАО, зам. главы г. Сургута). Крайне мала доля неквалифицированных рабочих (5,1%). При этом большинство мигрантов занято все-таки физическим трудом (74,5%).

Достаточно интенсивно идут и внутрирегиональные миграции, и переселения в другие регионы России. Основные мотивы, влияющие на причины смены места жительства в пределах России, по сведениям Росстата, это: причины личного, семейного характера: приобретение/наследование жилья, вступление в брак; перемена места работы; переезд в связи с учебой; возвращение к прежнему месту жительства.

Смена места жительства во многом обусловлена межрегиональными различиями стартовых возможностей прибывающих в автономный округ граждан и условиями их обустройства: более высокая, чем в других субъектах Российской Федерации стоимость квадратного метра жилья; отдаленность от мест постоянного проживания в совокупности с высокими транспортными тарифами. Как местные уроженцы, так и внешние по отношению к ХМАО мигранты, переезжают в пределах округа и выезжают за его пределы исходя из своих возможностей и приоритетов. Причем отмечалось, что выталкивающие факторы не обусловлены социальной средой, скорее наоборот: «*7% хотят уехать. Чисто, спокойно, уютно, маленький, тихий, родной. Позитива больше ... Негатив есть, но он связан исключительно с экономическими делами. А позитив, заметьте, связан не с экономикой. /Позитивный/ эмоциональный и социально-психологический фон для Ханты-Мансийска он пусть ненамного, но превалирует*» (ХМАО, ученый).

Сложившаяся ситуация на рынке труда автономного округа, когда спрос на рабочие руки удовлетворяется за счет внутренних и внешних мигрантов — долговременная тенденция. Согласно прогнозу Росстата, численность населения ХМАО и населения в трудоспособном возрасте будет возрастать в ближайшие десятилетия[1]. Однако коэффициент суммарной рождаемости, варьиру-

[1] Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года. [Электронный ресурс]: Росстат. 2017 URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812 (Дата обращения: 20.08.2018).

ющийся в 2019–2035 годах в пределах 1,847–2,063 по среднему варианту прогноза, будет ниже границы, обеспечивающей простое воспроизводство населения. Прирост населения будет обеспечиваться миграцией.

Центростремительное движение мигрантов, часть из которых принадлежат к «видимым меньшинствам», обостряет вызовы, связанные с напряжением межэтнических, межконфессиональных отношений между принимающим населением и мигрантами. Масштабные и быстротечные изменения в этническом составе региона и, особенно, на локальном уровне, могут выступать значимым фактором обострения межнациональных отношений. Позиционируя округ как цветущий регион, население опасается конкуренции за ресурсы в случае экстраординарного развития событий: «*у нас люди понимают, которые здесь живут, что очень высокий уровень жизни, очень привлекательный. Второе, мы регион стратегический. И любой миграционный кризис, который мы видим в информационном поле, у нас народ сразу проецирует — ага, если что-то такое будет, первое, куда поедут, поедут в ХМАО. У нас население подспудно понимает — случись что, там где-то на Ближнем Востоке, на Украине и поедут в первую очередь сюда*» (ХМАО, руководитель НКО).

Негативную роль играет и то, что население ХМАО формировалось в ограниченные сроки и в регионе отсутствуют традиции взаимодействия в мультикультурной среде. С другой стороны, «*у нас большая часть населения — это такие же вчерашние трудовые мигранты…Он /регион/ формировался в результате глобальных больших миграционных процессов. У нас со всей России ехали, со всего Союза, особенно с республик Закавказья, Кавказа специалисты. И это тоже опыт определенный*» (ХМАО, руководитель НКО).

Миграционная политика ХМАО

Миграционная политика в ХМАО идет в русле законотворчества и правоприменительной практики федерального центра. Основными направлениями миграционной политики, реализуемой органами государственной власти округа, являются: привлечение соотечественников в рамках соответствующей Государственной программы; регулирование внешней трудовой миграции в увязке

с ситуацией на региональном рынке труда; адаптация и интеграция мигрантов; мониторинг миграционной ситуации в контексте межнациональных отношений.

В свое время, когда была принята Государственная программа содействия добровольному возвращению соотечественников (2006), ХМАО был готов включиться в данную программу и, в отличие от многих других регионов, которые были включены в Программу на начальном этапе, округ был готов обеспечить большие инвестиции в Программу, обеспеченные региональным бюджетом. Однако федеральный центр не поддержал тогда инициативу властей ХМАО. Региону удалось включиться в настоящую программу лишь в 2014 г., когда была принята соответствующая региональная программа на 2014–2015 годы. Сейчас действует региональная программа на 2016–2020 годы[1].

Согласно региональной программе репатриации соотечественников, планируется привлечь в ХМАО 1400 человек, в т.ч. 400 человек — членов семьи участников программы. Практически все финансирование программы планируется осуществлять из бюджета округа: доля расходов бюджета Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на реализацию предусмотренных Программой мероприятий, связанных с предоставлением дополнительных гарантий и мер социальной поддержки участников Государственной программы, в том числе с оказанием им помощи в жилищном обустройстве, в общем размере расходов бюджета автономного округа на реализацию предусмотренных Программой мероприятий составляет ежегодно не менее 97%. Общий объем финансирования Программы за счет средств бюджета автономного округа составляет 118 176,6 тыс. рублей.

В Программе четко обозначены риски, связанные с адаптацией и интеграцией участников Государственной программы и членов их семей в принимаемое сообщество:

- возникновение конфликтных ситуаций, негативного отношения к участникам Государственной программы и членам их семей со стороны коренных жителей;

---

[1] Постановление Правительства ХМАО — Югры от 13.11.2015 № 397-п (ред. от 08.04.2016)«О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры “Оказание содействия добровольному переселению в Ханты-Мансийский автономный округ — Югру соотечественников, проживающих за рубежом, на 2016–2020 годы”».

- рост межнациональной напряженности, конфронтация между участниками Государственной программы и членами их семей и коренным населением;
- социально-психологическое обособление участников Государственной программы и членов их семей, создание этносоциальных групп.

Для смягчения рисков предполагается:

- организация работы с участниками Государственной программы и членами их семей, местным населением по разъяснению целей и задач Программы;
- содействие в социальной и культурной адаптации и интеграции участника Государственной программы и членов его семьи, в том числе при участии общественных организаций и диаспор;
- организация и проведение мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений[1].

Власти осознают опасность социальной исключенности мигрантов, независимо от их гражданства, что подтверждается как вышеназванной региональной программой (соотечественники, принимаемые в округе, могут иметь уже и российское гражданство), так и отсутствием конкретизации гражданства мигрантов, на которых ориентирована политика адаптации и интеграции.

Создание условий для социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов является одной из задач национальной политики в регионе[2]. На уровне органов местного самоуправления принимаются планы мероприятий, программы, направленные

---

[1] Государственная программа Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Оказание содействия добровольному переселению в Ханты-Мансийский автономный округ — Югру соотечественников, проживающих за рубежом, на 2016–2020 годы», раздел «Риски реализации программы и мероприятия по их снижению», п. 3.

[2] Комплексный план мероприятий по реализации в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года на 2013–2015 годы, задача 8. Приложение к Постановлению Правительства ХМАО — Югры от 01.03.2013 № 64-п (ред. от 17.07.2015)“О мерах по реализации в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года на 2013–2015 годы”.

на гармонизацию межнациональных и межконфессиональных отношений, включая и содействие адаптации и интеграции мигрантов в социокультурное пространство города[1].

Содействие адаптации и интеграции мигрантов в социокультурное пространство муниципального образования рассматривается также в контексте профилактики терроризма и экстремизма а также наркомании, распространения ВИЧ-инфекции[2].

Мониторинг состояния межнациональных отношений в контексте миграционных процессов ведется на уровне муниципальных образований[3]. В некоторых органах местного самоуправления

---

[1] Постановление Администрации города Урай от 03.04.2015 № 1204 "О мерах, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия в городе Урай", приложение "План подготовки и проведения мероприятий, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, поддержку и развитие языков и культуры Российской Федерации, проживающих на территории города Урай, реализацию прав национальных меньшинств, обеспечение социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов в городе Урай". Задача 6. Содействие адаптации и интеграции мигрантов в социокультурное пространство города Нижневартовска.

Программа города Югорска «Профилактика экстремизма, гармонизация межэтнических и межкультурных отношений, укрепление толерантности на 2014–2020 годы». Постановление Администрации города Югорска от 31.10.2013 № 3290 (ред. от 07.08.2015)«О муниципальной программе города Югорска «Профилактика экстремизма, гармонизация межэтнических и межкультурных отношений, укрепление толерантности на 2014–2020 годы»».

[2] Постановление Администрации города Нижневартовска от 21.04.2011 № 403 (ред. от 05.12.2014)«Об утверждении муниципальной программы "Профилактика терроризма и экстремизма в городе Нижневартовске на 2012–2014 годы"; Постановление Администрации города Ханты-Мансийска от 24.10.2013 № 1364 (ред. от 11.04.2016)«Об утверждении муниципальной программы "Профилактика правонарушений в сфере обеспечения общественной безопасности и правопорядка в городе Ханты-Мансийске" на 2016–2020 годы» (вместе с "Перечнем основных мероприятий"); План мероприятий ("дорожная карта") по реализации Концепции противодействия распространению заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека, в Ханты-Мансийском автономном округе–Югре до 2020 года, Приложение 1 к распоряжению Правительства Ханты-Мансийского автономного округа–Югры от 8 июля 2016 года № 373-рп.

[3] Постановление Администрации города Югорска от 06.04.2015 № 1752 "Об утверждении системы мониторинга профилактики межнациональных, межконфессиональных конфликтов в муниципальном образовании городской

предусматривается организация специализированного мониторинга по вопросам мультикультурного образования и социокультурной адаптации детей мигрантов в образовательных учреждениях. При этом предполагается разработка и реализация специальных программ по социализации (адаптации) детей мигрантов, в том числе по конфликтологии[1].

Следует заметить, что адаптации и интеграции детей мигрантов уделяется пристальное внимание. Культурная адаптация и освоение русского языка детьми трудовых мигрантов обозначены как цели системы образования ХМАО: «Программы культурной адаптации и изучения русского языка будут доступны для всех детей из семей трудовых мигрантов»[2]. (При этом в нормативном правовом акте не оговаривается, распространяется ли этот тезис исключительно на детей внешних трудовых мигрантов, или также и на детей внутренних мигрантов).

Наряду с органами государственной власти и местного самоуправления, задача социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов возложена на организации гражданского общества, которым гарантируется поддержка в их деятельности[3].

Власти округа пользуются известной самостоятельностью в реализации региональной миграционной политики, которую им предоставили новации в федеральном законодательстве, вступившие в силу в 2015 г.[4] Из набора инструментов, имеющихся в рас-

округ город Югорск" (вместе с "Перечнем показателей мониторинга и исполнителей, осуществляющих сбор информации по показателям").

[1] Постановление Администрации города Югорска от 31.10.2013 № 3290 (ред. от 07.08.2015)«О муниципальной программе города Югорска "Профилактика экстремизма, гармонизация межэтнических и межкультурных отношений, укрепление толерантности на 2014–2020 годы"». Раздел 3, п. 1.12.

[2] Постановление Правительства ХМАО — Югры от 09.10.2013 № 413-п (ред. от 20.05.2016)«О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа–Югры "Развитие образования в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре на 2016–2020 годы"», Гл. 1, ч. 2, п. б.

[3] Закон ХМАО–Югры от 16.12.2010 № 229-оз (ред. от 27.04.2016) "О поддержке региональных социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в Ханты-Мансийском автономном округе–Югре" (принят Думой Ханты-Мансийского автономного округа–Югры 15.12.2010). Ст. 4, п. 18.

[4] В соответствии с пунктом 6 статьи 18.1 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ "О правовом положении иностранных граждан

поряжении региональных властей для регулирования ситуации на рынке труда (прямое ограничение численности трудовых мигрантов в регионе, ограничения (запрет) занятости трудовых мигрантов определенными видами экономической деятельности, указание в патенте конкретной профессии (специальности, должности, вида трудовой деятельности)[1], возможность увеличения стоимости патента), в ХМАО используются два: запрет занятости трудовых мигрантов определенными видами экономической деятельности и повышающий региональный коэффициент к стоимости патента.

В 2016 г., например, власти округа пошли на ограничения занятости иностранных граждан, прибывающих из стран с безвизовым режимом, в таких видах экономической деятельности, как торговля розничная алкогольными напитками, включая пиво, в специализированных магазинах, торговля розничная табачными изделиями в специализированных магазинах, деятельность автобусного транспорта по регулярным внутригородским и пригородным пассажирским перевозкам, деятельность такси[2].

На 2018 год ограничения расширены и установлен запрет на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими

в Российской Федерации", Постановлением Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2015 года № 1327 "Об утверждении Правил определения срока приведения хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории субъекта Российской Федерации, численности используемых ими иностранных работников в соответствие с запретом на привлечение такими хозяйствующими субъектами иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности, установленным высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации)".

[1] Указание в патенте профессии (специальности, должности, вида трудовой деятельности), не позволяет иностранцу работать по другой профессии (специальности, должности, виду трудовой деятельности).

[2] Постановление Губернатора ХМАО — Югры от 02.02.2016 № 11 "Об указании в патенте, выдаваемом в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, профессии иностранного гражданина и установлении запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности на 2016 год", п. 2.

деятельность в ХМАО, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по следующим видам экономической деятельности: производство детского питания и диетических пищевых продуктов; торговля розничная алкогольными напитками, включая пиво, в специализированных магазинах; торговля розничная табачными изделиями в специализированных магазинах; деятельность сухопутного пассажирского транспорта: внутригородские и пригородные перевозки пассажиров; деятельность такси; деятельность прочего сухопутного пассажирского транспорта, не включенная в другие группировки; образование общее[1].

Учитывая, с одной стороны, привлекательность округа для внешних трудовых мигрантов, с другой — большую потребность в рабочей силе, власти установили повышающий коэффициент на 2018 г. к стоимости патента на относительно низком уровне, и авансовый платеж по патенту, подлежащий уплате в 2018 г., составляет 4156 рублей[2].

В ХМАО выстроена стройная система организации мониторинга и реализации миграционной политики на региональном уровне. Во-первых, путем принятия соответствующих планов ее реализации на уровне органов местного самоуправления, о чем говорилось выше. Во-вторых, с помощью разграничения компетенций функциональных подразделений органов исполнительной власти: осуществление мер по культурной адаптации мигрантов возложено на Департамент культуры Ханты-Мансийского автономного округа[3]; контроль ситуации с трудовой миграцией — на Департамент труда и занятости ХМАО, в котором имеется

---

[1] Постановление губернатора Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 29 декабря 2017 г. № 146 об установлении на 2018 год запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности.

[2] Закон ХМАО–Югры от 17.11.2016 № 81-ОЗ. «О внесении изменения в статью 1 закона Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Об установлении коэффициента, отражающего региональные особенности рынка труда в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре».

[3] Постановление Губернатора ХМАО — Югры от 01.07.2010 № 120 (ред. от 07.07.2016)“О Департаменте культуры Ханты-Мансийского автономного

специальный отдел трудовой миграции[1]. Содействие регулированию миграционных процессов возложено также на Координационный совет по реализации демографической и семейной политики в ХМАО — рекомендательный орган, возглавляемый зам. губернатора[2]. В-третьих, путем подготовки соответствующих кадров, которой уделяется большое внимание, и которая финансируется региональным бюджетом. На дополнительное профессиональное образование государственных гражданских служащих Ханты-Мансийского автономного округа–Югры по приоритетным и иным направлениям, в том числе по вопросам противодействия коррупции, профилактики терроризма, ксенофобии, противодействия дискриминации и экстремизму на этнической и конфессиональной основе, по вопросам работы с мигрантами и представителями этнических сообществ, мониторингу его эффективности в 2016 г. выделялось из бюджета округа 9,8 млн рублей[3].

округа — Югры" (вместе с "Положением о Департаменте культуры Ханты-Мансийского автономного округа — Югры"). П. 6.1.4.

[1] Постановление Правительства ХМАО — Югры от 27.07.2012 № 265-п (ред. от 25.03.2016)"О Департаменте труда и занятости населения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры" (вместе с "Положением о Департаменте труда и занятости населения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры", "Перечнем должностных лиц Департамента труда и занятости населения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (далее — Департамент), осуществляющих региональный государственный контроль (надзор), и их полномочия").

[2] Постановление Правительства ХМАО — Югры от 09.06.2009 № 143-п (ред. от 12.02.2016)"О Координационном совете по реализации демографической и семейной политики в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре" (вместе с "Положением о Координационном совете по реализации демографической и семейной политики в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре").

[3] Закон ХМАО–Югры от 16.11.2015 № 118-оз (ред. от 27.04.2016) "О бюджете Ханты-Мансийского автономного округа–Югры на 2016 год", Приложение 6.

8.4. Этнически избирательный контроль как препятствие для межэтнического согласия

Постановка проблемы

Российское общество пережило тяжелый период регулирования насильственных конфликтов, сопровождавшихся террористическими актами. Последствия этих событий до сих пор отражаются в общественном сознании не только на тех территориях, где происходили конфликты, но и в других регионах страны. Несмотря на стабилизацию внутриполитической ситуации, на повседневном уровне сохраняются стереотипные представления об опасностях, связанных с переживаниями прошлого, а также настороженность, вызванная интенсивной внутренней и внешней миграцией.

Еще в 2014 г. в ходе работы над проектом мы фиксировали, как во время опросов москвичи и жители области оценивали межнациональные отношения, далеко не всегда исходя из своего личного опыта, но часто ориентируясь на то, что говорилось о приезжих с Кавказа и Средней Азии в СМИ. Общественные организации и управленческие структуры прикладывали немало усилий, чтобы исключить увязывание преступлений с этнической (национальной) принадлежностью людей в информационных сообщениях. Ведь противозаконные действия совершает преступник, а не «лицо кавказской национальности». Сегодня в информационном пространстве указанная практика постепенно преодолевается и на примере городской газеты Сургута мы постарались это показать (см. раздел 1.6).

В проекте мы продолжали изучать, почему в ходе опросов даже по общероссийским выборкам около 5–7% респондентов заявляют, что сталкивались с ущемлениями своих прав из-за своей национальности или вероисповедания. Глубинные интервью, мате-

риалы круглых столов выявляли сохранение сложившихся в условиях конфликтов и террористической угрозы этнических стереотипов, влияющих на практики взаимодействия людей разных национальностей (в области повседневного общения, трудовой сфере) и осложняющих межнациональные отношения.

В данном разделе монографии мы остановимся на управленческих решениях региональных органов власти и практиках правоохранительных органов, которые призваны обеспечивать порядок и безопасность. Очевидно, что сотрудники правоохранительных органов — это люди, которым по долгу службы приходится бороться с преступностью и терроризмом в условиях постоянной опасности. В своей деятельности они сосредоточены на выявлении угроз для общества и рядовых граждан. Вместе с тем, органы правопорядка представляют власть, и от их действий зависит не только отношение людей к власти, но и отношения между различными группами населения. Осуществление «особого» контроля над отдельными категориями граждан приводит к их стигматизации в глазах остальной части населения, препятствует установлению гражданского мира и согласия.

Эта непростая ситуация не вполне осознается обществом, а также действующими управленческими структурами.

В нашей стране запрещена дискриминация по расовому, этническому и национальному признаку. Об этом говорится в Конституции Российской Федерации (ст. 19), Уголовном Кодексе Российской Федерации (ст. 136), Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 5.62). Кроме того, дискриминация запрещена рядом международных соглашений, ратифицированных Россией, в т.ч. Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (ст. 14)[1] и Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации.

---

[1] Присоединившись к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация признала обязательную юрисдикцию Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), в ведении которого находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней. Конвенция и Протоколы являются составной частью правовой системы России и имеют приоритет по отношению к нормам национального законодательства.

В 2012 г. в России была принята «Стратегия государственной национальной политики до 2025 года», одним из основных принципов которой было объявлено предотвращение и искоренение любых форм дискриминации по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Расовая дискриминация неоднократно признавалась предосудительной с моральной точки зрения, несправедливой и опасной в социальном отношении, не подлежащей оправданию ни в теории, ни на практике[1]. Тем не менее и в России, и за рубежом проявления дискриминации по признаку этнической и национальной принадлежности сохраняются до настоящего времени, препятствуя установлению межэтнического (межнационального) согласия как внутри государств, так и на международной арене.

В государствах-членах Советы Европы (в том числе в России), а также в США, проблема расовой дискриминации приобрела особую актуальность в контексте борьбы с терроризмом. Европейская Комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью даже сочла необходимым выпустить специальную общеполитическую рекомендацию по борьбе с расизмом в процессе противодействия терроризму, где указывалось, что *«борьба с терроризмом, ведущаяся в государствах-членах Совета Европы после 11 сентября 2001 года в некоторых случаях привела к законодательству или нормам, имеющим прямо или косвенно дискриминационный характер, в частности по признаку гражданства, этнической или религиозной принадлежности, а также в еще большем числе случаев к дискриминационной практике со стороны государственных органов»*[2].

В аналитическом докладе «Этнический профайлинг[3] в Европейском Союзе: повсеместный, неэффективный, дискриминаци-

---

[1] Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Преамбула. [Электронный ресурс]: ОНН. Конвенции и соглашения: [веб-сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv (Дата обращения: 09.07.2018).

[2] Общеполитическая рекомендация ЕКРН № 8 По борьбе с расизмом в процессе противодействия терроризму. Принята 17 марта 2004 года. Страсбург: Council of Europe. 2004 г. С. 4.

[3] Термин «расовый профайлинг» («этническое профилирование») здесь и далее употребляется в соответствии с определением ЕКРН как

онный», подготовленном Институтом Открытое общество в 2009 г., сообщалось, что после теракта 11 сентября 2001 г. в ЕС и США широкое распространение получили дискриминационные практики в отношении этнических меньшинств и мусульман.

В частности, в Великобритании число проверок лиц азиатского происхождения по подозрению в террористической деятельности после 11 сентября 2001 г. увеличилось втрое, а после взрыва в лондонском метро в 2005 г. — впятеро[1]. В Германии полиция стала проводить регулярные массовые проверки документов в мечетях и вокруг них (причем проверкам подвергались в том числе и несовершеннолетние). Во Франции и Италии осуществлялись полицейские облавы на частные дома и предприятия, принадлежащие мусульманам и/или представителям отдельных этнических групп. Кроме того, во многих европейских странах начал практиковаться широкомасштабный сбор персональной информации о некоторых категориях граждан на основании их этнического и национального происхождения, вероисповедания, осуществлялось скрытое наблюдение за мечетями, мусульманскими организациями и практикующими мусульманами. В России сходные практики также получили распространение.

Поясним, что имеется в виду под дискриминационными практиками.

«использование правоохранительными органами, без объективных и разумных обоснований, таких признаков как раса, цвет кожи, язык, религия, гражданство или национальное или этническое происхождение при контроле, слежении или проведении расследований». См.: Общеполитическая рекомендация ЕКРН № 11 О борьбе с расизмом и расовой дискриминацией в работе правоохранительных органов. Принята 29 июня 2007 года. Страсбург: Council of Europe. 2007 г. С. 8. Под объективными и разумными обоснованиями понимаются случаи, «когда...правоохранительные органы действуют на основании конкретного описания подозреваемого с соблюдением определенных сроков, то есть, когда эти органы действуют на основании соответствующих характеристик лица, участвующего в конкретной преступной деятельности». См.: Общеполитическая рекомендация ЕКРН № 11 О борьбе с расизмом и расовой дискриминацией в работе правоохранительных органов. Принята 29 июня 2007 года. Страсбург: Council of Europe. 2007 г. С. 9.

[1] Ethnic Profiling in the European Union: Pervasive, Ineffective, and Discriminatory New York: Open Society Institute. 2009. P. 9.

Понятие дискриминации здесь и далее используется в соответствии с определением, которое дает Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ)[1], а именно: *«различное обращение с людьми в аналогичных ситуациях без объективного и разумного обоснования»*[2].

Дискриминация по признаку этнической принадлежности в соответствии с Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации[3], определением Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью (ЕКРН)[4] и ЕСПЧ[5],

---

[1] Выбор этого определения обусловлен тем, что 1) ЕСПЧ представляет собой наднациональный судебный орган, в юрисдикции которого находятся все страны-члены Совета Европы, ратифицировавшие Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, в т.ч. и Россия; 2) Европейский суд по правам человека имеет обширную судебную практику по делам, связанным с различными формами дискриминации; 3) определение, предложенное ЕСПЧ, является, на наш взгляд, наиболее кратким и емким в ряду аналогичных определений.

[2] Постановление Европейского суда по правам человека «Уиллис против Соединенного Королевства» (Willis v. United Kingdom), жалоба N 36042/97, § 48, ECHR 2002-IV. См. European Court Of Human Right. Reports of Judgments and Decision. 2002-IV. Köln; Berlin; Bonn; München: Carl Heymanns Verlag KG. P.326.

[3] Согласно Ч.1, Ст. 1 Конвенции «выражение “расовая дискриминация” означает любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни». См.: Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. [Электронный ресурс]: ОНН. Конвенции и соглашения: [веб-сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv (Дата обращения: 12.06.2018).

[4] Согласно п. б) Раздела I Общеполитической рекомендации ЕКРН № 7 «прямая расовая дискриминация» означает любое неодинаковое обращение по таким основаниям, как раса, цвет кожи, язык, религия, гражданство и национальное или этническое происхождение, не имеющее объективного и разумного оправдания». См.: Общеполитическая рекомендация ЕКРН № 7 «О национальном законодательстве по борьбе с расизмом и расовой дискриминацией». Принята 12 декабря 2002 года. Страсбург: Council of Europe. 2003 г. С. 5.

[5] Согласно Постановлению Европейского суда по правам человека «Тимишев против России» (Timishev v. Russia), жалобы № № 55762/00, 55974/00,

является одной из форм расовой дискриминации. Причем, таковой признается дискриминация не только по признаку действительной, но и по признаку предполагаемой этнической принадлежности[1].

Проявление дискриминации по месту жительства охватывает широкий спектр различных ситуаций[2]. В рамках настоящего исследования мы анализируем дискриминационные практики, связанные с регистрацией по месту жительства в тех случаях, когда они связаны с этнической принадлежностью. К таковым, например, относится дискриминация граждан России, прибывших из северокавказских республик, поскольку эта категория граждан с высокой долей вероятности будет иметь иное этническое происхождение, чем жители того региона, где они в настоящее время пребывают или проживают[3].

---

§ 56, ECHR 2005-XII «Дискриминация по признаку действительной или предполагаемой этнической принадлежности является формой расовой дискриминации». См.: Европейский суд по правам человека. Вторая секция. Дело «Тимишев (Timishev) против Российской Федерации» (Жалобы N 55762/00 и 55974/00). Постановление. (Страсбург, 13 декабря 2005 года). [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс: [веб-сайт]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB002&n=34568#013826377381474875 (Дата обращения: 12.06.2018).

[1] Там же.

[2] К примеру, признаки дискриминации по месту жительства может иметь дискриминация не по настоящему, а по предшествующему месту жительства; неравное обращение с разными территориальными единицами; неодинаковое отношение к гражданам, живущим в различных частях страны, населенных пунктах, в стране и за границей и т.д. См. подробнее об этом: *Осипов А. Г.* Дискриминация по признакам, связанным с местом жительства — основные аспекты и контуры проблемы. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. № 361–362 19 января — 1 февраля 2009. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0361/analit05.php (Дата обращения: 12.06.2018).

[3] В данном случае мы ориентируемся также на определение Комитета по ликвидации расовой дискриминации ООН, который относит дискриминацию выходцев с Северного Кавказа в России к одной из форм расовой дискриминации. См.: Заключительные замечания по двадцать третьему и двадцать четвертому периодическим докладам Российской Федерации. [Электронный ресурс]: Объединенные нации. Права человека. Управление верховного комиссара. URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CERD/C/RUS/CO/23–24&Lang=Ru (Дата обращения: 15.06.2018).

Эмпирической базой являются официальные документы: распоряжения и программы, принятые региональными органами власти; доклады о ходе их выполнения; отчеты и информационно-аналитические записки сотрудников полиции; материалы межведомственных совещаний и др.

Мы сознательно отказались от использования материалов интервью и опросов, поскольку то, что респондентами оценивается как дискриминация, может и не являться таковой. В документах же, как правило, и действия, и намерения действующих лиц артикулированы достаточно ясно для оценки наличия или отсутствия в них признаков дискриминации.

Реакцией на первую чеченскую кампанию и сопровождавшие её террористические акты стал *этнически избирательный контроль*. Решения об осуществлении особого контроля на основании этнической принадлежности и места жительства принимались даже в самые последние годы муниципальными и региональными властями в Астраханской области, Республике Башкортостан, Ханты-Мансийском автономном округе — Югра и в других субъектах Российской Федерации.

К примеру, Городская целевая программа профилактики правонарушений и борьбы с преступностью на территории городского округа город Уфа Республики Башкортостан на 2013–2015 годы содержала распоряжение *«провести комплекс поисковых мероприятий в местах компактного проживания граждан и обучения студентов из республик Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии, в целях выявления экстремистских настроений, сбытчиков наркотических средств, задержания преступников»*[1].

---

[1] Об утверждении городской целевой программы профилактики правонарушений и борьбы с преступностью на территории городского округа город Уфа Республики Башкортостан на 2013–2015 годы. [Электронный ресурс]: Уфа. Столица Республики Башкортостан: [веб-сайт]. URL: http://www.ufacity.info/document/157048.html (Дата обращения: 12.06.2018). Данное требование содержалось в аналогичных программах на 2007–2009 и 2010–2012 гг. Городская целевая программа профилактики правонарушений и борьбы с преступностью на территории городского округа город Уфа Республики Башкортостан на 2007–2009 годы. [Электронный ресурс]: Уфа. Столица Республики Башкортостан: [веб-сайт]. URL: http://www.ufacity.info/document/9456.html?ID=9456 (Дата обращения: 12.06.2018); Городская целевая программа профилактики правонарушений и борьбы с преступностью на территории

В муниципальной программе города Когалым Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Профилактика экстремизма в городе Когалыме на 2014–2016 годы» среди основных мероприятий фигурировало *«посещение и проведение бесед с семьями, прибывшими из стран Содружества Независимых Государств, Северо-Кавказского региона, имеющих несовершеннолетних детей, о недопустимости вовлечения подростков в экстремистскую деятельность»*[1].

В Распоряжении Администрации муниципального образования «Икрянинский район» (Астраханская область)«О принятии дополнительных мер по недопущению совершения террористических актов и преступлений, связанных с посягательством на жизнь и здоровье граждан на территории МО «Икрянинский район» от 05.04.2017 г. № 102 помощнику Главы Администрации поручалось *«организовать соответствующее взаимодействие с правоохранительными органами, подготовить и направить в местные муниципалитеты срочные телефонограммы по усилению мер антитеррористической направленности, сбору и передачи информации о лицах вновь прибывших и прибывающих на территории муниципальных образований из числа представителей Средней Азии, регионов Северного Кавказа, ближнего зарубежья (Грузия, Украина)»*[2].

городского округа город Уфа Республики Башкортостан на 2010–2012 годы. [Электронный ресурс]: Уфа. Столица Республики Башкортостан: [веб-сайт]. URL: http://www.ufacity.info/document/79081.html (Дата обращения: 12.06.2018) Здесь и далее орфография первоисточника сохранена.

[1] Муниципальная программа «Профилактика экстремизма и терроризма в городе Когалыме» Постановление Администрации города Когалыма от 15.10.2013 № 2927. [Электронный ресурс]: Официальный сайт органов местного самоуправления города Когалыма: [веб-сайт] URL: http://admkogalym.ru/economics/municipal-programs/munitsipalnye-programmy/ (Дата обращения: 12.06.2018).

[2] Распоряжение Администрации муниципального образования «Икрянинский район» «О принятии дополнительных мер по недопущению совершения террористических актов и преступлений, связанных с посягательством на жизнь и здоровье граждан на территории МО «Икрянинский район» от 05.04.2017 г. № 102. [Электронный ресурс]: Администрация муниципального образования «Икрянинский район»: [веб-сайт]. URL: http://ikradm.ru/normativnie-pravovie-akti/postanovleniya-i-rasporyajeniyz/1491-postanovleniya-i-rasporyazheniya-za-2017-god?start=3 (Дата обращения: 12.06.2018).

Как видно из приведенных документов, все упомянутые распоряжения предполагали осуществление действий, имеющих признаки дискриминации по месту жительства и национальности. При этом обоснования для применения указанных мер — необходимость борьбы с терроризмом, экстремизмом и другими видами преступлений — не соответствовали требованиям разумности и объективности[1]. Поясним, что разумными и объективными основаниями для различного обращения с гражданами, в соответствии с международными соглашениями, к которым присоединилась Российская Федерация, признаются обоснованные подозрения относительно участия конкретных лиц в конкретной преступной деятельности. Это означает, что распоряжения об особом контроле над *всеми* представителями тех или иных этнических групп, выходцами из отдельных стран или регионов в целях борьбы с терроризмом и преступностью *в целом* не могут быть признаны разумными и обоснованными и являются неправомерными.

Издание распоряжений с признаками дискриминации повлекло за собой появление соответствующих практик. Условно их можно разделить на два типа:

1) практики, направленные на сбор общей и персональной информации о некоторых категориях граждан на основании их этнического или национального происхождения или регистрации по месту жительства;

2) осуществление «проверочных мероприятий» в отношении отдельных категорий граждан на основании их этнического или национального происхождения или регистрации по месту жительства.

Инструментом для сбора общих сведений о гражданах стал ***этнически избирательный учет*,** упоминания о котором обнаруживаются в официальных документах с 1999 г. по настоящее время.

---

[1] На недопустимость такого рода обоснования указывает в своих рекомендациях ЕКРН. См.: Общеполитическая рекомендация ЕКРН № 8 По борьбе с расизмом в процессе противодействия терроризму. Принята 17 марта 2004 года. Страсбург: Council of Europe. 2004 г. 7 с.; Общеполитическая рекомендация ЕКРН № 11 О борьбе с расизмом и расовой дискриминацией в работе правоохранительных органов. Принята 29 июня 2007 года. Страсбург: Council of Europe. 2007 г. 29 с.

Этнически избирательный учет имел место в трех регионах исследования: Астраханской области, Москве и Ханты-Мансийском автономном округе[1].

Так, в Отчете начальника Отдела МВД России по району Северное Бутово г. Москвы перед Департаментом Муниципального образования и жителями района Северное Бутово г. Москвы за 2014 г. сообщается: *«На территории обслуживания постоянно проживают: Ингушский Регион — 23, регион Кабардино-Балкарии — 34, Карачаево-Черкессия — 14, лиц чеченской национальности — 64, Северная Осетия — 51, дагестанцы — 101, р. Адыгея — 2»*[2].

В Итогах оперативно-служебной деятельности УУП[3] ОМВД РФ по Харабалинскому району Астраханской области за 3 квартал 2015 г. содержится информация о численности азербайджанцев, армян, чеченцев, аварцев, езидов и грузин, проживающих на территории района[4].

В перечисленных документах, очевидно, имеет место различие в обращении с людьми по признаку этнического происхождения и/или региона происхождения, что нарушает принцип равенства

---

[1] Решение от 30.04.2014 № 38 О результатах работы администрации города Покачи и отдела министерства внутренних дел России по городу Покачи в рамках обеспечения общественной безопасности и охраны общественного порядка на территории города Покачи. С. 15. [Электронный ресурс]: Дума города Покачи Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. URL: https://dumapokachi.ru/files/2014/resheniya2014/05.05.2014/38_ot_30_04_2014.docx (Дата обращения: 12.06.2018).

[2] Информационно-аналитическая записка состояния оперативной обстановки и борьбы с преступностью на территории отдела МВД России по району Северное Бутово г. Москвы за 6 месяцев 2014 г. С. 3 [Электронный ресурс]: Управление внутренних дел по Юго-Западному административному округу г. Москвы Главного управления Министерства внутренних дел России по городу Москве: [веб-сайт]. URL: https://old.uvd-uzao.ru/images/105/File/2014_severnoe_butovo_6_mes.doc (Дата обращения: 12.06.2018).

[3] Участковый уполномоченный полиции.

[4] Итоги оперативно-служебной деятельности УУП ОМВД РФ по Харабалинскому району за 3 квартал 2015 года С. 8. [Электронный ресурс]: Управление МВД России по Астраханской области. [веб-сайт]. URL: https://30.мвд.рф/Activity/Otchjoti_dolzhnostnih_lic/uup/Otchjoti_uchastkovih_pered_naseleniem/Harabalinskij_rajon/item/7401674 (Дата обращения: 12.06.2018).

граждан и способно негативно влиять на межнациональные отношения.

Сбор персональной информации. Упоминания о сборе персональной информации о гражданах определенной этнической (национальной) принадлежности или прибывших из отдельных регионов также появляются в официальных документах с начала 2000-х годов и сохраняются по настоящее время.

Подобные практики имели место в четырех регионах исследования: Ставропольском крае[1], Москве[2], Республике Башкортостан и Ханты-Мансийском автономном округе — Югра.

Так, в Приложении к Решению «О ходе реализации Комплексной программы профилактики правонарушений в городском округе город Салават Республики Башкортостан» за 2015 г. указывается, что *«в течение нескольких лет продолжается накопление созданной базы данных на выходцев из Северного Кавказа и иностранных граждан, проживающих на обслуживаемой территории. Информация в отношении данной категории лиц обрабатывается автоматизированной информационно-поисковой системой АБД*[3] *«Легенда» и АПК*[4] *«Сова»*[5].

---

[1] Информация о выполнении решения Совета города Железноводска от 28.04.2004 № 523 «О комплексной программе города Железноводска по борьбе с преступностью на 2004 год». [Электронный ресурс]: Законы и постановления РФ. URL: http://zakon-region2.ru/4/179202/ (Дата обращения: 12.06.2018).

[2] Выписка из протокола проведения встречи руководящего состава и УУП со старшими по домам и подъездам, отчета перед населением о проделанной работе службой УУП ОМВД России по району Северный г. Москвы и председателем Совета ОПОП за 2012 год. С. 3. [Электронный ресурс]: Отдел МВД России по району Северный города Москвы. [веб-сайт] URL: http://severny.mos.ru/common/upload/docs/Otchet_o_rabote_uchastkovykh_upolnomochennykh_politsii_v_rayone_Severnyy_za_2012_god..docx (Дата обращения: 12.06.2018).

[3] Автоматизированная база данных.

[4] Аппаратно-программный комплекс.

[5] Приложение к Решению «О ходе реализации Комплексной программы профилактики правонарушений в городском округе город Салават Республики Башкортостан». С. 5. [Электронный ресурс]: Совет городского округа город Салават Республика Башкортостан. [веб-сайт] URL: http://www.salavatsovet.ru/resheniya-soveta/3-sozyv/materialy-k-zasedaniyu-soveta/materialy-k-47-zasedaniyu-soveta/o-xode-realizacii-kompleksnoj-programmy-profilaktiki-

В Сообщении об Оперативной обстановке на территории обслуживания Сургутского ЛО МВД РФ на транспорте, в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, противодействия экстремизму и терроризму, которое было размещено на официальном сайте Администрации города Сургута в разделе «Новости полиции» 28 Июня 2017 г., сообщается, что *«при сопровождении пассажирских поездов сотрудниками Отдела проводится проверка и досмотр пассажиров, в том числе и иностранных граждан. На лиц, прибывших из стран СНГ и Северо-Кавказского региона, составляется бланк ИПК ЛЦ*[1]*»*[2].

Описанные практики содержат в себе явные признаки дискриминации, поскольку сбор персональной информации распространяется только на граждан определенной национальной принадлежности или выходцев из отдельных регионов. Следует также отметить, что данные практики являются разновидностью расового профайлинга.

Одной из наиболее визуально замечаемых мер, задевающих чувства людей, являются так называемые ***«проверочные мероприятия»*** в отношении граждан определенной этнической принадлежности. Наиболее распространенными видами таких мероприятий является поиск граждан отдельных национальностей в пассажиропотоках на авто- и железнодорожных вокзалах, в метро, аэропортах, в автотранспорте; обход квартир, гостиниц, общежитий, где они могут проживать; объектов, на которых они могут работать; мест, где они могут проводить досуг, и проверка документов у тех, кто был обнаружен.

---

pravonarushenij-v-gorodskom-okruge-gorod-salavat-respubliki-bashkortostan/ (Дата обращения: 12.06.2018).

[1] Информационно-поисковая карточка на лицо.

[2] Новости полиции. 28 Июня 2017 г. Оперативная обстановка на территории обслуживания Сургутского ЛО МВД РФ на транспорте, в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, противодействия экстремизму и терроризму, остается под контролем [Электронный ресурс]: Администрация города Сургута: [веб-сайт]. URL: http://admsurgut.ru/article/21001/102067/Operativnaya-obstanovka-na-territorii-obsluzhivaniya-Surgutskogo-LO-MVD-RF-na-transporte-v-sfere-mezhnacionalnyh — i-mezhkonfessionalnyh-otnosheniy-protivodeystviya-ekstremizmu-i-terrorizmu-ostaetsya-pod-kontrolem (Дата обращения: 12.06.2018).

Подобные практики имеют место и в регионах исследования: Астраханской области[1], Республике Башкортостан[2], Республике Карелия[3], Москве[4], ХМАО-Югре.

К примеру, в Постановлении Администрации Нефтеюганского района (ХМАО) № 6 от 08 февраля 2018 года «О мерах по предупреждению вовлечения несовершеннолетних в террористическую и экстремистскую деятельность, а также доведению до них информации об уголовной ответственности за преступления террористической и экстремистской направленности» сообщается, что *«службами ОМВД проводится работа по выявлению и отработке лиц прибывших из республик Северного Кавказа и стран Средней Азии с их последующей постановкой на учеты ОВД. Службой Государственной инспекции безопасности дорожного движения ОМВД России по Нефтеюганскому району производится досмотр автотранспорта, прибывшего из республик Северо-Кавказского региона при въезде в г.п. Пойковский и на автодороге Тюмень-Ханты-Мансийск»*[5].

---

[1] Итоги оперативно-служебной деятельности УУП ОМВД по Енотаевскому району за 2 квартал 2015 года. С. 2. [Электронный ресурс]: Управление МВД России по Астраханской области: [веб-сайт]. URL: https://30.мвд.рф/Activity/Otchjoti_dolzhnostnih_lic/uup/Otchjoti_uchastkovih_pered_naseleniem/Enotaevskij_rajon/item/6976144 (Дата обращения: 13.06.2018).

[2] Приложение к решению Совета городского округа город Салават Республики Башкортостан от 16 марта 2011 г. № 2–42/461. Информация о ходе выполнения Комплексной программы профилактики терроризма и экстремизма в городском округе город Салават Республики Башкортостан на 2010–2012 гг. в 2010 году. [Электронный ресурс]: Совет городского округа город Салават Республика Башкортостан: [веб-сайт]. URL: http://salavatsovet.ru/wp-content/uploads/2011/03/pril.doc (Дата обращения: 13.06.2018)

[3] Протокол Межведомственной комиссии по координации деятельности субъектов профилактики правонарушений в Республике Карелия № 3 от 31 августа 2016 года. С. 11. [Электронный ресурс]: Официальный интернет-портал Республики Карелия: [веб-сайт]. URL: http://gov.karelia.ru/Power/Committee/Emercom/protn3_16.doc (Дата обращения: 13.06.2018).

[4] Информационно-аналитическая записка по итогам работы Отдела МВД России по району Бибирево г. Москвы за 2015 год. [Электронный ресурс]: УВД по СВАО по г. Москве: [веб-сайт]. URL: https://свао.мск.мвд.рф/document/7065434 (Дата обращения: 12.06.2018).

[5] Постановление Администрации Нефтеюганского района (ХМАО) № 6 от 08 февраля 2018 года «О мерах по предупреждению вовлечения несовершеннолетних в террористическую и экстремистскую деятельность, а также доведению до них информации об уголовной ответственности

Отдельно следует упомянуть ***практику скрытого наблюдения*** за гражданами определенной этнической принадлежности или прибывшими из отдельных регионов. Такие факты были в двух регионах исследования — Москве и Московской области.

Вот как об этом говорилось в Докладе на Антитеррористической комиссии начальника ОМВД России по Лотошинскому району «О состоянии правопорядка и общественной безопасности в 2014 году: *«Оперативным составом осуществляется оперативное прикрытие важных объектов, расположенных на территории района, а также нежилых помещений и лиц, представляющих оперативный интерес, в первую очередь выходцев из Чечни»*[1].

В Отчете «Об итогах оперативно-служебной деятельности за 12 месяцев 2017 года» начальник Отдела МВД России по району Чертаново Южное г. Москвы сообщал: *«Ежемесячно УУП осуществляется постоянный контроль за лицами чеченской национальности и прибывшими из СКР, зарегистрированных по месту жительства и месту пребывания на территории Отдела»*[2].

Оба приведенных случая попадают под определение расового профилирования.

К этнически избирательным проверочным мероприятиям также можно отнести ***проверки юридических лиц*,** которые осуществля-

за преступления террористической и экстремистской направленности». С. 2. [Электронный ресурс]: Администрация Нефтеюганского района. Территориальная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав. URL: www.admoil.ru/zashita_prav_detey/postanovleniya/2018/6.docx *(*Дата обращения: *13.06.2018)*.

[1] Доклад на Антитеррористической комиссии начальника ОМВД России по Лотошинскому району «О состоянии правопорядка и общественной безопасности в 2014 году и мерах по профилактике терроризма на территории Лотошинского муниципального района в 2015 году»: С. 2. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=3&cad=rja&uact=8&ved=0ahUKEwjC0J2av9DbAhXGFywKHVCSBHAQFggzMAI&url=http%3A%2F%2Fxn — e1afijda1a3cyb.xn — p1ai%2Fmedia%2F2015%2F02%2F24%2Fnews_docs%2FVyistuplenie%2520na%2520ATK%252020.02.2015.doc.docx&usg=AOvVaw3iylETK4HDGt7LQPdW63Va *(*Дата обращения: *13.06.2018)*.

[2] Отчет начальника Отдела МВД России по району Чертаново Южное г. Москвы «Об итогах оперативно-служебной деятельности за 12 месяцев 2017 года» перед представительными органами муниципального образования. [Электронный ресурс]: УВД по ЮАО ГУ МВД по г. Москве: [веб-сайт]. URL: https://юао.мск.мвд.рф/document/12089774 (Дата обращения: 13.06.2018).

ются на основании этнического, национального или регионального происхождения их руководителей или владельцев.

Информация о подобных проверках зафиксирована в официальных документах двух регионов исследования — Московской области и Ханты-Мансийском автономном округе — Югра[1].

К примеру, в Информационно-аналитической записке к отчету начальника Межмуниципального отдела МВД России «Павлово-Посадский» перед Советом депутатов о деятельности МО МВД за 1 полугодие 2014 года сообщается следующее: *«В результате проверки организаций учредителями, собственниками которых являются лица, выходцы из Средней Азии и Северо-Кавказского региона, их связь с финансированием экстремистских, террористических и иных организаций радикального толка не установлена»*[2]. О дискриминационном характере описанных действий свидетельствует тот факт, что проверки осуществлялись только в отношении тех организаций, руководителями или собственниками которых являются выходцы из отдельных стран и регионов.

Помимо описанных практик в ходе исследования нами были обнаружены ***дискриминационные высказывания*** и призывы должностных лиц к населению об участии в осуществлении дискриминации в отношении отдельных групп граждан.

Подобные обращения и высказывания обнаруживаются в отчетах участковых уполномоченных, а также в памятках по выявлению признаков подготовки и проведения диверсионно-террористических актов в следующих регионах исследования: Москва, Московская область, Калининградская область, Ставропольский край и ХМАО — Югра.

---

[1] Опыт органа местного самоуправления по взаимодействию с национально-культурными автономиями, этническими и религиозными организациями. Сборник материалов межмуниципального семинара 30 сентября 2011 года, город Сургут. Практическое пособие / Под редакцией Т.Д. Чибизовой, Сургут: Рекламное агентство «ОЖК». 2011. С. 35.

[2] Информационно-аналитическая записка к отчету начальника Межмуниципального отдела МВД России «Павлово-Посадский» перед Советом депутатов о деятельности МО МВД за 1 полугодие 2014 года. С. 3. [Электронный ресурс]: Администрация городского округа Павловский Посад: [веб-сайт]. URL: http://pavpos.ru/files/Dokyment/SovDep_Resh/otchet_746.pdf (Дата обращения: 13.06.2018).

Так, в Памятках для населения, размещенных на официальных сайтах некоторых районов Москвы и Московской области, сочли возможным написать следующее: *«главная задача боевиков — раствориться среди масс населения и ничем не привлекать к себе внимание. Существует несколько характерных признаков. Как правило, это лица кавказской национальности»*[1].

А в Нефтеюганске в 2017 г. на некоторых встречах с жителями районов обслуживания участковые уполномоченные упрекали пришедших граждан в том, что те не ставят в известность полицию о появлении жильцов «кавказской национальности» в своих домах и подъездах: *«Следует также обращать особое внимание на поведение лиц кавказской национальности. Многие из жильцов, проживающих в своих подъездах, часто сталкиваются с посторонними лицами кавказской национальности, которые стали проживать в их подъезде недавно. Но никто из жильцов ни разу не сообщил об этом своему участковому уполномоченному полиции, или хотя бы кто-то позвонил в дежурную часть ОМВД России по г. Нефтеюганску»*[2].

Таким образом, к сожалению, те или иные дискриминационные практики имели место во всех изучавшихся регионах: Астраханской и Калининградской области, Москве, Московской области, Ре-

---

[1] См., например: Признаки подготовки диверсионного террористического акта. [Электронный ресурс]: Управа Обручевского района города Москвы: [веб-сайт]. URL: http://obruchev.mos.ru/bezopasnost/u-terrora-shansov-net/act-diversionno.php (Дата обращения: 13.06.2018); Признаки подготовки и проведения диверсионно-террористического акта (ДТА). [Электронный ресурс]: Раменское. Администрация города: [веб-сайт]. URL: http://ramenskoye.ru/?action=adm&id=11557&submenu=news (Дата обращения: 13.06.2018); Антитеррористическая защищенность. [Электронный ресурс]: Официальный сайт. Территориальное управление № 5 Администрации Дмитровского муниципального района Московской области: [веб-сайт]. URL: http://sinkovskoe.ru/антитеррористическая-защищенность/ (Дата обращения: 13.06.2018); Признаки подготовки и проведения диверсионно-террористических актов. [Электронный ресурс]: Официальный сайт сельского поселения Совхоз имени Ленина: [веб-сайт]. URL: http://www.pos-sovhozlenina.ru/settlement/security/at2.php?print=Y (Дата обращения: 13.06.2018).

[2] Аналитическая записка Хомутовский за 2017. С. 2; Аналитическая записка Охрименко за 2017. С. 2; Аналитическая записка Селиверстов Г. С. за 2017. С. 2. [Электронный ресурс]: Управление МВД России по Ханты-Мансийскому АО — Югре: [веб-сайт]. URL: https://86.мвд.рф/folder/12399238 (Дата обращения: 13.06.2018).

спублике Башкортостан, Республике Карелия, Ставропольском крае и ХМАО — Югре. Сходные практики существуют и в других субъектах Российской Федерации.

Как уже говорилось выше, Россия не стала каким-то исключением в применении практик этнически избирательного контроля над гражданами. Так было и в других странах.

В мире накоплен достаточный опыт для того, чтобы поставить вопрос ***об эффективности мер «особого контроля»*** над гражданами на основании их этнического или национального происхождения.

После громких террористических актов, произошедших в США, ЕС и России, распространение получила точка зрения, согласно которой применение мер «особого контроля» в отношении граждан некоторых национальностей и/или выходцев из отдельных регионов неизбежно, хотя и незаконно, и является вопросом здравого смысла. Впрочем, никаких доказательств справедливости такой позиции до сих пор не найдено, а полученные в ходе осуществления указанных мер результаты, напротив, свидетельствуют об их крайне низкой эффективности.

Ярким примером может служить немецкая программа Rasterfahndung, целью которой было выявление возможных террористических ячеек, расположенных на территории ФРГ. В ходе реализации этой программы в 2001–2002 годах полицейские проанализировали персональные данные примерно 8,3 млн человек. Критериями для отбора подозреваемых в терроризме служило, в том числе, вероисповедание (полицию интересовали мусульмане) и регион происхождения. Поиски потребовали затраты огромных материальных, временных и людских ресурсов, однако ни один террорист так и не был обнаружен. Проект Rasterfahndung был закрыт в 2003 г., а все собранные данные уничтожены[1].

Аналогичным образом закончилась попытка поиска террористов при помощи сбора и анализа персональных данных в США, где ФБР установило контроль над иностранцами-мусульманами арабского происхождения. В ходе этой операции 80000 человек должны были предоставить информацию о себе, 8000 человек были допрошены и более 5000 человек подверглись превентивному

[1] Ethnic Profiling in the European Union: Pervasive, Ineffective, and Discriminatory New York: Open Society Institute. 2009. P. 68–70.

заключению. Все эти усилия не привели ни к одному официальному обвинению в терроризме[1].

Полицией Великобритании в 2007–2008 годах было произведено 117 278 остановок для проверки документов и личного досмотра, в ходе которых непропорционально большое внимание уделялось представителям этнических меньшинств и мусульманам. По подозрению в причастности к террористической деятельности было задержано 72 человека, но в итоге никто из них не был осужден[2].

В Париже в 2005 г. было проведено 88 полицейских рейдов, во время которых проверке документов и обыскам подверглись 1173 человека и 185 человек были взяты под стражу. Однако ни один из них не был привлечен к ответственности за терроризм[3].

В том же 2005 г. во Франции в специальном парламентском докладе о борьбе с терроризмом признавалось, что никакого «профиля террориста» не существует и попытки составления соответствующих ориентировок с учетом социального происхождения, религиозной и этнической принадлежности бесперспективны[4].

Что касается российского опыта, то нет никаких оснований полагать, что осуществление этнически избирательного контроля над гражданами привело к лучшим результатам, чем сходные действия, предпринятые в других странах. По крайней мере, в обнаруженных нами документах нет никаких сведений о задержании террористов и экстремистов.

Этническое профилирование не только неэффективно, оно имеет очевидные ***негативные последствия***:

– стигматизирует целые расовые, этнические и религиозные группы и тем самым сигнализирует обществу о том, что все они представляют угрозу (ведь если так считают органы власти и полиция, почему обычный гражданин должен считать иначе?);

---

[1] Ethnic Profiling in the European Union: Pervasive, Ineffective, and Discriminatory New York: Open Society Institute. 2009. P. 69–70.

[2] Ibid. P. 62.

[3] Ibid. P. 74.

[4] Rapport d'information déposé par la délegation de l'Assemblée nationale pour l'Union européenne sur l'Union européenne et la lutte contre le terrorisme, présenté par M. Christian Philip, deputé. № 2123, March 2, 2005, p. 51. URL: http://www.assemblee-nationale.fr/12/europe/rap-info/i2123.asp#P629_101747 (Дата обращения: 10.07.2018).

– ведет к усилению межэтнической и межнациональной напряженности в обществе;
– отвлекает силы правопорядка от поиска лиц, действительно совершивших преступления;
– ведет к отказу от сотрудничества с полицией тех категорий граждан, которые являются объектом расового профайлинга.

Опыт реформирования органов правопорядка в США, Испании и Великобритании, отказавшихся от этнического профилирования, позволил повысить эффективность работы и избежать дискриминации. Кратко представим этот опыт.

До 1998 г. Таможенная служба США уделяла непропорционально большое внимание афроамериканкам и латиноамериканкам во время проведения досмотров в аэропортах, направленных на поиск наркотиков. При этом частота обнаружения наркотиков была невелика и составляла 5,8% для белых, 5,9% для афроамериканцев и 1,4% для латиноамериканцев[1]. В 1999 г. вследствие жалоб на необоснованные остановки и досмотры Таможенная служба изменила стандарты своей работы. В частности, из «профиля наркокурьера» были устранены расовый и этнический компоненты, а сотрудников службы обязали сосредоточить внимание на поведении пассажиров и использовать больший объем развединформации. В результате уже к 2000 г. диспропорции в досмотрах граждан разной этнической принадлежности были практически полностью устранены, а коэффициент эффективности работы повысился более чем в 2 раза[2].

Высокую результативность показали реформы муниципальной полиции Фуэнлабрады (Испания), осуществленные в 2007–2008 годах, когда было объявлено о недопустимости расового профайлинга и введено требование о наличии обоснованного подозрения при проведении проверок. Полицейских обязали четко аргументировать свои решения об остановках и досмотрах граждан, основываясь на поведенческом анализе и оперативной информации.

В итоге общее число проверок, осуществляемых полицией Фуэнлабрады, сократилось с 408 на 10 000 жителей в 2007 г. до 65

[1] Ethnic Profiling in the European Union: Pervasive, Ineffective, and Discriminatory New York: Open Society Institute. 2009. P. 53.

[2] Ibid.

на 10 000 жителей в 2013 г.[1], а коэффициент эффективности работы правоохранительных органов за тот же период вырос в 4,5 раза.[2]

Диспропорции в проверках граждан разных национальностей существенно сократились (в частности упала доля остановок румын, марроканцев, эквадорцев и нигерийцев).

В 2011 г. английским полицейским было запрещено останавливать граждан для досмотра по подозрению в терроризме при отсутствии обоснованных подозрений. Особо подчеркивалось, что обоснованные подозрения должны базироваться не на внешнем виде гражданина и этнических стереотипах, а на разведданных и поведенческом анализе. Осуществлять остановку и досмотр разрешалось только при получении оперативной информации о возможной подготовке теракта, с санкции вышестоящего начальства. При этом ограничивалась сроки и территория проведения проверок: они не должны были быть больше, чем это необходимо для предотвращения террористического акта[3].

В результате этих мер количество остановок граждан для досмотра сократилось с 1229 чел. в 2009–2010 годах до 768 чел. в 2017–2018 годах, а доля задержаний по подозрению в причастности к террористической деятельности увеличилась с 2 до 8%[4]. Общее число проверок по подозрению в причастности к террористической деятельности за тот же период сократилось с 65 684 до 15 391 чел., а коэффициент эффективности вырос с 0% до 1,4%[5]. Был сокращен дисбаланс в проверках граждан различной этнической принадлежности.

---

[1] Fair and Effective Police Stops. Lessons in Reform from Five Spanish Police Agencies. Technical Report. New York: Open Society Foundations. 2015. P. 26.

[2] Ibid. P. 32.

[3] Code of practice (England, Wales and Scotland) for the exercise of stop and search powers under sections 43 and 43a of the terrorism act 2000, and the authorisation and exercise of stop and search powers relating to section 47a of, and schedule 6b to, the Terrorism act 2000. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/97944/stop-search-code-of-practice.pdf (Дата обращения: 10.07.2018).

[4] Operation of police powers under the Terrorism Act 2000 and subsequent legislation: Arrests, outcomes, and stop and search, Great Britain, financial year ending March 2018. Statistical Bulletin 09/18. P. 21. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/716000/police-powers-terrorism-mar2018-hosb0918.pdf (Дата обращения: 10.07.2018).

[5] Ibid. P. 23.

Выводы

Анализ документальных источников позволил установить, что во всех регионах исследования существуют дискриминационные практики по признакам этнической принадлежности, национального происхождения и места жительства (региона происхождения).

Наименьшее количество документов, содержащих сведения о таких практиках, было обнаружено в Республике Карелия. Наибольшее — в Москве и Ханты-Мансийском автономном округе — Югра, что, возможно, связано с высоким миграционным притоком в эти сложные регионы страны.

Аналогичные практики есть и во многих других субъектах Российской Федерации. Более того, они существуют и за рубежом.

Международный опыт показывает, что осуществление «особого контроля» над гражданами на основании их этнического или национального происхождения неэффективно и ведет к целому ряду негативных последствий, таких как стигматизация этнических и национальных групп; повышение межэтнической и межнациональной напряженности в обществе; недоверие к полиции и отказ от сотрудничества с ней тех категорий граждан, в отношении которых устанавливается «особый контроль».

Использование альтернативных подходов, предполагающих переключение внимания сотрудников правоохранительных органов с этнической или национальной принадлежности граждан на конкретные разведданные и поведенческий анализ, может повысить эффективность работы и избежать негативных последствий дискриминационных практик.

ГЛАВА IX

Визуализация городского пространства в ракурсе межэтнического согласия

9.1. Символика городского пространства в контексте формирования межнационального согласия и ключевых идентичностей

Одним из методов, использованных во втором этапе нашего проекта в рамках исследовательской стратегии триангуляции, было визуальное наблюдение с фотофиксацией материалов. Его целью стал анализ символики пространства городов регионов исследования — Уфы, Ханты-Мансийска и Сургута. Мы рассматривали как памятники, парки, архитектура, городская живопись и другие объекты отображают и конструируют этнические, региональные, религиозные идентичности, гражданскую идентичность, культурное многообразие и межэтническое согласие. В таком анализе важны именно города, в частности столицы — именно они репрезентируют посыл конструирования идентичностей властью и общественностью, понимание истории и взгляд в будущее, даже если такой посыл не существует в виде оформленных стратегий или дискурса. В этом смысле город — это одно из пространств, где происходит постоянный процесс становления идентичностей. Мы не ставили целью охватить все значимые объекты инфраструктуры городов, не только они представляют интерес; в фокусе были те объекты, которые потенциально формируют представления, близкие идеям нашего проекта.

Символическое пространство **Уфы как столицы республики**, ожидаемо содержит в себе элементы, утверждающие башкирскую этническую идентичность, хотя этническая структура населения города не отражает этнодемографическую структуру республики: в Уфе русских больше половины, татар — около трети, а башкир — меньше 15%, они преимущественно сельские жители. И хотя в целом Уфа производит впечатление обычного российского города, элементы конструирования именно башкирской отличительности,

напоминающие о республике, в городе встречаются. Один из способов утверждения этничности — использование в общественном пространстве образов, связанных с этничностью, а в последующем — участвующих в её конструировании. В Башкортостане такой яркий образ сформировался вокруг личности Салавата Юлаева, почитаемого как башкирский национальный герой. Это один из этнических символов, присутствующих в пространстве республики, пожалуй, наиболее часто. Памятников Салавату Юлаеву в республике несколько, а памятник в Уфе — одна из доминант города, не случайно поставленная с максимальным обзором над рекой, отлично видная въезжающим в город по пути из аэропорта. Памятник выполнен с соблюдением основных деталей образа башкирского всадника, а его внешность даже стала поводом для споров. В итоге герой на памятнике имеет выраженные монголоидные черты, хотя как он выглядел доподлинно не известно, впрочем, для целей утверждения этничности это не имеет значения. Памятник и прилегающая к нему площадь с обзорной панорамой стали объектом притяжения и жителей, и туристов, к нему приезжают фотографироваться молодожены и это, пожалуй, лучший способ определения знаковых мест города. Именем Салавата Юлаева названа одна из главных улиц Уфы, город Салават, ему посвящена первая башкирская опера и фильм 1940 года. Иначе говоря, образ активно используется, причем уже шире, чем просто этнический — хоккейный клуб, играющий на мировом уровне, и ледовый дворец, носящие имя Салавата Юлаева, презентируют республику в России.

Башкирские этнические мотивы в обработанном виде присутствуют и в современной городской архитектуре, один из ярких примеров — Конгресс-холл Республики Башкортостан в Уфе — здание в стиле хай-тек с башкирским орнаментом в отделке. Современное строительство памятников также использует этнические мотивы. Совсем свежий пример — фонтан «Семь девушек», исполняющих башкирский танец. Интересно, что в оригинале танец исполняется не так, как он изображен, но для создания скульптурной группы логика танца оказалась малоприменимой. В результате конструирование этнических образов уже удалено от оригинала, туристы, да и местные жители воспринимают скульптуру как настоящий башкирский танец.

Памятник поэту Мустаю Кариму, тоже новый, почти лишен этнических мотивов, это памятник с акцентом на творчество поэта, с использованием образов его произведений, а посвящение на нем — от имени народа республики («Мустаю Кариму — народ Башкортостана»). Надписи, обозначающие границы городских объектов, названия улиц, выполняются в Уфе чаще всего на башкирском и русском языках. Ключевые достопримечательности и исторические улицы надписываются, кроме башкирского и русского, еще и на английском языке, и хотя памятник М. Кариму расположен в наполовину жилом, наполовину административном районе, надписи там также на трех языках. Это тихий район в центре, где проживает элита, сочетающий в себе как новые черты, так и признаки советского элитного строительства.

Вписывание в российскую историю на символическом уровне ярко выражено в нескольких моментах — Монумент дружбы русского и башкирского народов, посвященный 400-летию добровольного (что постоянно подчеркивается) вхождения Башкирии в состав Русского царства в 1557 г., открыт в 1965 г. На памятнике симметрично, без попыток акцентирования, изображены русские и башкирские символы, а ключевая идея — дружба и сотрудничество, правда, только русского и башкирского народов, но не других народов республики. Еще один момент в этом ряду соединения с российской историей — граффити, изображающие башкирских всадников в ходе Отечественной войны 1812 г., а сама тема участия башкир в войнах, которые вела Россия, в башкирском обществе достаточно популярна.

Религиозные символы в городском пространстве связаны с культовыми сооружениями — мечетями, церквями и частично с народным графическим творчеством. Архитектура соборной мечети Ляля-Тюльпан — пример использования тюркского этнического символа (цветок тюльпана) в современном религиозном строительстве. Мечеть располагается в парковой зоне в северной части города рядом с Парком победы и Музеем боевой славы. Мечети в центральной части города вписаны в городской ландшафт очень гармонично. Архитектура мечетей не всегда специфически религиозная, знаковый пример — мечеть Ихлас в Уфе, располагающаяся в здании бывшего кинотеатра в стиле «сталинский ампир».

В **ХМАО-Югре** визуальный анализ символического пространства нам удалось провести в двух интересных, но очень разных

городах. С одной стороны — столица региона, «город белых воротничков» Ханты-Мансийск, с другой — крупнейший город округа, промышленный центр, стремительно растущий «город молодежи» Сургут.

Современный облик **Ханты-Мансийска** обусловлен несколькими причинами, среди которых для нас важны статус столицы округа и внушительный рост в 2000-е годы. Ханты-Мансийск — место расположения администрации округа, высших учебных заведений, музеев, представительств крупных компаний; по свидетельствам жителей — город тихий, спокойный и семейный. Архитектура города, несомненно, испытывала влияние взрывного роста строительства в 2000-е годы, отсюда несколько эклектичный облик, много стекла, зеркальных поверхностей и необычных форм. Исторических примет Самарова или Остяко-Вогульска, объединенных в 1935 г. в Ханты-Мансийск (ставший городом в 1950 г.), сейчас практически не осталось, кроме отдельных реконструированных элементов (Сухоруковский амбар или башня, например). До недавнего времени город в значительной части состоял из двухэтажных деревянных бараков и балков — передвижных домов, часто используемых на севере, которые частично сохранились и до сих пор.

Благодаря столичному статусу, в символическом пространстве Ханты-Мансийска можно встретить этнические символы, связанные с культурой коренных малочисленных народов Севера. В Сургуте они не заметны даже в сильном приближении. Основные этнические мотивы, обнаруженные нами в символическом пространстве Ханты-Мансийска — этнические орнаменты, конические формы, напоминающие чумы, используемые оленеводами на стойбищах, или высокие ели, а также персонажи этнической культуры. Конические формы встречаются часто — в оформлении Гостиного двора в центре города, гостиниц (например, гостиница «Миснэ»), стелы — памятного знака «Первооткрывателям земли Югорской». Последняя, впрочем, по задумке автора «должна напоминать хантыйский чум, смотровую казачью башню и нефтяную вышку», как сообщает сайт администрации города[1], то есть расширяет наше

[1] Стела — памятный знак «Первооткрывателям земли Югорской». [Электронный ресурс]: Ханты-Мансийск. Официальный информационный портал

толкование конической формы за пределы этнических смыслов в другие эпохи развития региона и измерения его жизни.

Орнаменты в городском пространстве встречаются относительно часто — в оформлении некоторых памятников (например, «Бронзовый символ Югры»), на гербе города, довольно активно используемом (например, на административных зданиях, стеле «Людям-преобразователям Земли Югорской», на заборе парка Победы), в оформлении автомобилей с фастфудом — мобильных пунктов быстрого питания (желтый орнамент на зеленом фоне). Безусловно, этническая культура обских угров представлена в окружных музеях, их экспозиции — богатые, профессионально разработанные и оформленные на высоком современном уровне, вносят определенный вклад в формирование идентичностей. Однако это отдельная тема, нас же интересует городское пространство — как повседневность, формирующая представления людей о месте, в котором они живут, и в конечном итоге структуры идентичности. В этнической культуре обских угров разные виды орнаментов имеют глубокие символические смыслы, однако учитывались ли они при использовании орнаментов в городском пространстве, нам не удалось выяснить. Строго говоря, людей, для которых возможные ошибки имели бы значение, в городе не так много, это либо деятели этнокультурных центров, либо музейные сотрудники-исследователи (в «Музее природы и человека» часть экспозиции посвящена мифологическому времени и подробно рассматривает образы и смыслы коренных этнических культур региона). Люди, для которых эти смыслы могут иметь значение как часть повседневной жизни (собственно ханты или манси) живут компактно в северных районах округа. Городским жителям разных национальностей изначальные смыслы орнаментов вряд ли известны, эти символы, став привычным и неизменным атрибутом города, приобрели другие коннотации — их присутствие в целом означает, что регион имеет некоторую специфику административного, исторического и этнического свойства, что дает некоторые основания для формирования региональной идентичности. Эта специфика не присутствует в повседневности постоянно, но подчеркивается

органов местного самоуправления. URL: http://admhmansy.ru/city/monuments.php? ELEMENT_ID=100702 (Дата обращения: 21.08.2018).

в отдельных сферах — в дошкольном и школьном образовании[1] (в каждом детском саду или школе, где мы побывали, есть уголки, посвященные коренным народам округа — наряду с уголками, посвященными формированию региональной, локальной и российской гражданской идентичностей), в мероприятиях, организованных администрацией, в центрах этнокультурного образования.

Для города с населением в 100 тыс. человек в Ханты-Мансийске очень много памятников, большинство из них относительно новые, установлены в течение последних двух десятилетий. Часть из них связаны с темами памяти о войне (в широком смысле) и о погибших. Отметим наиболее монументальный и в физическом, и в символическом смысле памятник — Парк победы с Мемориалом воинской славы, где перечислены имена погибших в Великой Отечественной войне, там же находится танк на постаменте и аллея славы героев Советского Союза — выходцев из Югры. Роль памяти о войне как идеологемы здесь поддерживается, как и в любом другом месте в России. Кроме того, есть памятники погибшим в Первой мировой войне, в локальных конфликтах, героям гражданской войны и прочие. Памятники таким значимым общестрановым событиям вписывают регион и город в общероссийский дискурс истории и культуры. На него же ориентированы памятник Кириллу и Мефодию, скульптура «Пушкин и Натали», памятник покорителям космоса. В целом, заметно, что города ХМАО — это просто российские города, выраженной демонстрации включенности в общероссийский контекст здесь не наблюдается, он естественен.

Памятники, роль которых можно увидеть в формировании региональной идентичности, связаны с историей, природой, либо этнокультурным характером округа. Из исторических отметим три:

1. Памятник «Великим Сибирским экспедициям», посвященный исследователям Сибири XVIII в. В. Берингу, Д. Овцыну, Г. Миллеру и Д. Мессершмиту, в виде колонны и их скульптурных изображений. Два других памятника сочетают в себе не только исторический контекст, но и указание на этнокультурный характер места и его истории.

---

[1] Поскольку в округе реализуется не только стратегия поликультурного пространства в образовании, но и сделан акцент на том, что регион — место проживания и функционирования культуры коренных малочисленных народов Севера.

2. Памятник основателям Ханты-Мансийска, где в арке «Ворота в Сибирь» расположены скульптуры воеводы Ивана Мансурова, атамана Никиты Пана и хантыйского князя Самара. Надпись на памятнике («С этих берегов Иртыша в XVI веке началось освоение Сибири Российским государством»), безусловно, направлена на утверждение в региональной идентичности особой роли этих краев для территории страны и упрочения на ней государственной власти.

3. Памятник «Бронзовый символ Югры» со скульптурами представителей коренных малочисленных народов Севера, казаков, летописцев, основателей, строителей, нефтяников, геодезистов и детей — как будущего округа.

В городе есть и другие памятники, использующие топоним «Югра», особая роль в утверждении этого названия за регионом и освоении его как части локальной идентичности у первого в новое время губернатора ХМАО А. Филиппенко: *«Это было политическое решение и оно было пробито на уровне нормотворческом, что официальное наименование субъекта федерации звучало не просто Ханты-Мансийский автономный округ, а Ханты-Мансийский автономный округ-Югра. Это была внесена поправка в Конституцию, не помню в каком году точно, но порядка 10 лет. Это было сделано для чего? Ханты-мансийский автономный — раньше он назывался национальный округ — это политическое образование, которое маркировано этнонимами двух этносов коренных, а термин Югра он гораздо более полисемантичен. Он гораздо более насыщен значениями, он отсылает сразу и к истории, и к территории, и к тому, что внутри этой территории есть некоторое содержание» (*эксперт).

По сути, сформирована региональная идентичность «югорчане»: *«На сегодняшний день оно стало обычным абсолютно наименованием идентичности тех людей, которые проживают в Югре наряду с другими идентичностями» (*эксперт).

История региона отражена с разных сторон, что важно для региональной идентичности, в частности здесь есть памятник жертвам политических репрессий, в том числе сосланным на севера крестьянам, и памятный знак «Крест на месте безвинно расстрелянных» в годы Большого террора.

Есть памятники, утверждающие роль православия для истории региона — две скульптуры у Храма Воскресения Христова,

посвященные Иоанну чудотворцу и Филофею Лещинскому, оба они были митрополитами Тобольскими и Сибирскими и названы здесь сибирскими святителями, поскольку занимались миссионерской деятельностью среди коренного населения. Помимо памятников святителям у Храма расположен каскад фонтанов с десятью заповедями. В комплексе храм и прилегающее пространство, расположенные на холме, производят сильное впечатление и выглядят одной из доминант города. В целом религиозные символы в городе связаны практически полностью с православной конфессией. Культовые сооружения других конфессий есть в значительно меньшем количестве (мечеть, церковь адвентистов, евангельская церковь), либо отсутствуют. В памятниках, фонтанах и прочих объектах города активно используются природные мотивы, фиксирующие характеристики региона — фонтаны с изображением рыб, животных и птиц, обитающих на территории Югры (фонтан «Обь и Иртыш», например) в парке имени Бориса Лосева. Интересно, что не все они здесь действительно живут или когда-либо жили, однако для утверждения представлений об уникальности края это не имеет особого значения, поскольку использовано на символическом уровне. В этом же парке — любимом парке жителей, по свидетельству эксперта, расположены и другие композиции, например, скульптура мамонтенка из известного мультфильма, перекликающаяся по смыслу с образами мамонтов из Археопарка. Примечательно, что для местности с преимущественно хвойными лесами, Ханты-Мансийск и особенно парки Победы и Лосева практически полностью засажены березами, создающими запоминающееся впечатление очень светлого и легкого пространства. Для туриста это может восприниматься несколько стереотипно в привязке к «русскости» региона, что, вероятно, так не задумывалось.

Наконец, целая группа памятников меньших масштабов использует мотивы образа жизни обских угров и собственно этнокультурную специфику региона — скульптурная группа «Семья ханта на привале», Памятник «Золотой бубен», Памятник «Охотник и медведь», скульптурная композиция по мотивам хантыйской и мансийской мифологии «Мифологическое время», скульптура рыбака с рыбой и другие. Памятник «Дерево дружбы» символизирует финно-угорские народы и их единое происхождение. Отдельные объекты — грандиозные Археопарк «Самаровский останец»

как часть «Музея природы и человека» и «Торум маа» — этнографический музей под открытым небом — ориентированы и на природный, и на этнокультурный компоненты идентичностей. Конечно, это не части повседневного городского пространства, но воспринимаются как уникальные региональные объекты.

Сильная региональная ориентация символики городского пространства увязана и с отраслевой нишей округа. Один из ее ярких символов — Фарман Салманов, человек-легенда, первооткрыватель югорской нефти и, по экспертным оценкам, одна из трех знаковых фигур Югры (наряду с первым губернатором Александром Филлипенко и Владимиром Богдановым, генеральным директором Сургутнефтегаза, по-прежнему базирующегося в регионе). Фарману Салманову в городе есть памятник, к его образу постоянно обращаются в дискурсе презентации региона работники администрации, сферы образования, музейной сферы, акцентируя, что он был азербайджанцем, и демонстрируя этот пример как часть среды многообразия и согласия в югорском сообществе. Имя Салманова носят улица и школа в Сургуте, сквер в городе Муравленко в ЯНАО (Виктор Муравленко — еще одна важная фигура в становлении Югры как нефтедобывающего региона), месторождение, теплоход, самолет авиакомпании ЮТейр, а также молодежная научная конференция в Тюмени.

Если Ханты-Мансийск для Югры — столица административная, то **Сургут**, по сути, столица экономическая. Этот город производит совсем другое впечатление — шумный, насыщенный, гораздо больше похожий на крупные города центральной России, чем на степенный сибирский Ханты-Мансийск. В силу того, что регион очень большой, города в нем довольно сильно обособлены, и это сказывается на идентичностях — локальная идентичность у сургутян намного более выражена, чем югорская идентичность. Как и Ханты-Мансийск, Сургут пережил не одно рождение, и хотя история его длится с конца XVI века, развитие города, каким мы его знаем сейчас, началось с промышленного освоения Западной Сибири во второй половине XX века.

Городская символика в значительной степени завязывает локальную идентичность на отраслевой специфике места. Одно из самых впечатляющих сооружений среди памятников города — новый, 2016 года открытия, Монумент Трудовому подвигу

поколений нефтяников Сургутнефтегаза, насыщенный символическими образами, расположенный на площади нефтяников. Из фонтана нефти выстраиваются огромные арки, а у основания буровой вышки расположены фигуры людей разных профессий, олицетворяющие собой труд покорителей нефтяных пространств. В городе есть также Памятник Газовику, памятник геологоразведчикам Среднего Приобья, Аллея газовиков, Сквер энергетиков.

Историческое измерение в презентации города зафиксировано в нескольких объектах. Как и в Ханты-Мансийске, здесь есть памятник основателям города, который называют его визитной карточкой. В композиции четыре фигуры, символически представляющие и конкретных людей, и собирательные образы сил, значимых для появления города: князь воплощает идею государственности (князь Федор Барятинский), воевода — военную силу (Владимир Аничков), казак — свободный труд (на этой территории не было крепостного права), священник — православие, пришедшее в эти края вместе с русским государством. Первоначально фигур было три, но какая именно появилась позже — казак или священник, доподлинно неизвестно. Любопытно, что памятник расположен в центре транспортного кольца, и в обычные дни к нему не подойти, в праздники иногда дорога становится пешеходной.

Историко-культурный центр «Старый Сургут» и Сургутский Краеведческий музей «отвечают» за исторический дискурс, но если краеведческий музей снаружи выглядит вполне современно, то «Старый Сургут» реконструирует элементы исторического центра, и даже не посещая экспозиции домов, можно почувствовать его атмосферу. На территории центра, кроме Дома природы, Дома казачества, Дома краеведа, Центра ремесел, деревянного храма и других, есть и Дом коренных народов Севера, и это одно из немногих обращений к теме этнокультурной специфики округа в городском пространстве. В самом доме — экспозиция «Быт и традиции угорских народов», но и снаружи быт коренных народов представлен имитацией традиционного стойбища — с чумом, лабазом и печью для хлеба. В культурном центре постоянно проводятся мероприятия для детей и взрослых, где есть возможность знакомства с элементами быта народов, давших название самому округу. На территории центра есть детская площадка, где в разных скульптурных формах представлен символ города — Черный лис, изо-

браженный на гербе и флаге Сургута. Само название Сургута содержит указание на этнокультурную специфику:

«...Слово «сургут» состоит из двух древнеюгорских «сор» и «кут», которые дошли до нас в изменённом виде. Слово «сор» переводится как «заливная пойма реки», слово «кут» на сургутском наречии означает «рыба». Следовательно, в соединении слово «соркут» в древнеюгорском языке могло означать целое понятие, связанное с образом жизни народа: ежегодным весенним кочевьем племен из таежных речек и охотничьих угодий в пойму Оби»[1].

Конечно, такие тонкости знакомы, скорее всего, узкому кругу жителей, и в формировании их идентичностей вряд ли участвуют.

Этническая специфика отражена в еще одной композиции — «Легенды Севера», где изображены три группы скульптур — семья ханты рядом с чумом и санями, медведи и стадо оленей.

В составе краеведческого музея — купеческая усадьба «Дом купца Г. С. Клепикова» — образец сибирского деревянного строительства и единственный памятник архитектуры рубежа XIX–XX веков, сохранившийся на своем месте и также формирующий историческое представление о Сургуте «до нефти». Еще один объект — мемориальный комплекс геологов-первопроходцев «Дом Ф. К. Салманова», в котором Фарман Салманов прожил несколько лет и где представлены элементы технологической составляющей геологической работы.

В городе много культовых зданий, в основном православные храмы. Но есть и соборная мечеть, католический костел, протестантские храмы, строится армянская церковь. Представлена и тема войны и памяти — монументами, стендами и граффити.

Итак, города, которые мы рассмотрели с точки зрения их символического пространства, с одной стороны различаются по наполнению этнокультурными элементами и конструированию этнической идентичности, с другой стороны их пространство содержит общие идеологемы, одинаково понимаемые в разных концах страны, в первую очередь, это темы войны, памяти и победы. Во всех трех городах символическое пространство по-разному утверждает региональные и локальные идентичности, ориентируется на гражданскую российскую идентичность и вписывание в общероссийский контекст.

---

[1] Сургут. Путеводитель. Туристско-информационный центр Сургут. 2017.

9.2. Презентация уличного пространства в контексте региональной, государственной и этнической идентичностей

Постановка проблемы

Окружающее нас пространство состоит из символов. Оно наполнено символами эпохи, а порой и нескольких эпох. В 1991 г. распался Советский Союз, но символы исторического периода существуют в названиях областей, городов, районов, улиц, памятниках и др. В течение столетия не существует царской России, а многие артефакты того времени по-прежнему присутствуют в названиях. В этих условиях человек может избирать разные способы взаимодействия с реальностью: «вжиться», не обращать внимание на окружающую действительность или же пытаться её понять, изучить, взаимодействовать, что в дальнейшем может способствовать личностному росту. Какой бы из вариантов не был выбран, мы придерживаемся мнения, что окружающая среда оказывает влияние на формирование человека. Даже сознательно не обращая внимания на символы (например, российские флаги), он впитывает их, привыкает к ним и со временем начинает их транслировать сам. Окружающее пространство действует как реклама: креативная и высококачественная или низкопробная, она всё равно остается в памяти. Жителей деревень окружает одно пространство: поля, огороды, небольшие деревянные домики; живущих в коттеджном поселке окружает малоэтажная застройка, газоны и круглосуточное наблюдение охраны; жители небольшого города могут созерцать сочетание двухэтажных домиков, пятиэтажек, здания дома культуры, кинотеатра. По-другому жизнь течет у жителей больших городов: всё, что встречается в небольших городах, представлено здесь в больших количествах, к тому же добавляются уникальные постройки: памятники, скульптуры, барельефы, здания учрежде-

ний культуры. Жители административных центров и столиц регионов в добавок ко всему перечисленному могут своими глазами лицезреть здания органов государственной власти: исполнительной, законодательной, судебной с характерной российской и региональной атрибутикой, что также остается в подсознании. Наравне с российский компонентом в символическом пространстве городов могут быть представлены этнический, региональный, религиозный и другие компоненты.

В изучении городского пространства наиболее релевантным представляется использование визуальных данных. Ими могут выступить как существующие, так и созданные данные в результате прямого контакта с естественной средой города. Именно образы городских частей, созданные (фотографии) и визуально наблюдаемые, выступают в качестве самостоятельного источника понимания и инструмента обнаружения выраженных контрастных пространств[1]. Объектом нашего исследования выступают улицы столицы Башкортостана — Уфы и административного центра Ханты-Мансийского автономного округа — Ханты-Мансийска, представленность разных компонентов (российского, советского, этнического, религиозного и др.) в их названиях.

Столицы республики Башкортостан (Уфа) и Ханты-Мансийского автономного округа (Ханты-Мансийск) — разные по историческому наследию, архитектуре и самому восприятию окружающего пространства. История Уфы уходит корнями в палеолит, древнее городище относится к периоду IV–VIII веков, а в XVI в. на территории Уфы располагалась зимняя ставка башкирского наместника правителя Ногайской Орды.

Ханты-Мансийск также имеет древнюю историю, но в письменных источниках впервые упоминается гораздо позднее Уфы — в 1582 г. в «Летописи Сибирской краткой Кунгурской». В конце 1620–начале 1630-х годов был основан ямщицкий Самаровский ям (будущее село Самарово, ныне район Ханты-Мансийска, где находится речной порт и пристань). Вплоть до 1990-х годов застройка Ханты-Мансийска состояла из двухэтажных деревянных построек. Новое рождение город получил 2008 г. в связи

[1] *Нурушева А. М.* Особенности социально-пространственного неравенства в городском ландшафте Астаны. Социс 2013, № 4, С. 89–94.

с саммитом, когда стал местом приема гостей из разных стран мира: Венгрии, Финляндии, Болгарии и других. К приезду делегаций были построены новые дороги, гостиницы — город получил второе дыхание. На данный момент Уфа гораздо больше Ханты-Мансийска как по охватываемой территории, так и по численности населения.

Современные Ханты-Мансийск и Уфа формировались поразному. Новый город Ханты-Мансийск был построен в 5 км от деревни Самарово, которая в последствии стала одним из его районов. Уфа же изначально была крепостью. Город прирастал за счет присоединения соседних деревень. Как следствие, города сильно отличаются друг от друга. В Ханты-Мансийске создано свое собственное, отличное от большинства российских провинций, городское пространство, которое сформировано благодаря выполнению столичных функций, но также имеет и сложившуюся местную специфику. В городе преобладает молодая низкоэтажная застройка, поэтому он так нетипично выглядит. В городском облике практически отсутствуют советские монументальные традиции[1]. Дома аккуратные и выполнены в единой стилистике: с треугольными крышами, большими окнами, новой облицовкой. Однако некоторые районы, например, рядом с улицей Собянина представляют собой старые двухэтажные деревянные полубараки, которые постепенно идут под снос. «Деревяшки» 60–70-х годов — это частные дома, трогательно ютящиеся по соседству с изысканными современными строениями[2]. Ханты-Мансийск — небольшой, тихий, безопасный, зеленый город, в котором люди не боятся оставлять машины открытыми. Он выглядит чистим и немноголюдным даже в выходные вечерние часы. Прекрасное место для семейного отдыха и совсем не подходящее для любителей ночной жизни. Даже поиск кафе в центре города может стать проблемой(!). Основной темой в оформлении столицы ХМАО является чум. Под чумы стилизованы торговые центры, дома, спортивные комплек-

[1] Ханты-Мансийск. Официальный информационный портал органов местного самоуправления. URL: http://admhmansy.ru/city/ (Дата обращения: 21.08.2018).

[2] Ханты-Мансийск. Официальный информационный портал органов местного самоуправления. URL: http://admhmansy.ru/city/ (Дата обращения: 21.08.2018).

сы и многие другие учреждения. В стилистике также используются национальные мотивы коренных народов: рисунки на пещерах (сцены охоты и собирательства).

Уфа в большей степени представляет собой смешение разных стилей, используемых строительстве. Нередко можно увидеть старое историческое здание, к которому присоединена современная пристройка с панорамными окнами, которая отдана в аренду под офисы. Встречаются дизайнерские дома с несимметрично расположенными окнами. Из-за этого Уфа воспринимается поразному. С одной стороны, старые районы смотрят на туристов мутными окнами, а их жители явно живут не богато. С другой стороны, встречаются ультрасовременные постройки из стекла и бетона вроде Уфа-арены или бизнес-центров.

В рамках административно-территориального устройства, город Уфа включает 7 городских районов. Районам подчинены напрямую 2 сельских населенных пункта (д. Князево — Калининскому району и д. Ветошниково — Ленинскому району), а также 5 сельсоветов (включающих 22 населенных пункта): Фёдоровский сельсовет подчинен Калининскому району, Искинский сельсовет — Кировскому району, Нагаевский сельсовет — Октябрьскому району, Новочеркасский и Турбаслинский сельсоветы — Орджоникидзевскому району[1].

Ханты-Мансийск в силу небольшой территории и невысокой численности населения не имеет официального разделения на административные районы. Для ориентировки используются устоявшиеся неформальные названия: Самарово, поселок Рыбников, Геофизика, студгородок, ЦРМ, ОМК. Самаровская гора как бы разделяет город на две части. Самым старым районом города является историческая часть — Самарово. Здесь сохранилась своя атмосфера, «намоленная» древними северными народностями, исконно проживавшими на этой земле. Тут также есть своя центральная площадь, рядом с которой находится вновь отстроенная на старом фундаменте церковь Покрова Пресвятой Богородицы, речной вокзал, есть одна из самых современных в городе торговых площадок, где друг напротив друга стоят не так давно построенные торговые комплексы.

---

[1] Википедия. Административное деление Уфы. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Административное_деление_Уфы (Дата обращения: 21.08.2018).

Центром города Ханты-Мансийска считается район улиц Энгельса, Мира, Чехова, Калинина, Дзержинского. Главные улицы лучами расходятся от центральной площади города, на которой расположены здания Правительства и Думы Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и много других деловых, культурно-досуговых и торговых объектов[1].

Первые уфимские улицы возникли в XVII в. Они начинались от ворот Новой Уфимской крепости и веером расходились от Уфимского кремля. Отсутствовала какая-либо планировка улиц, которые представляли собой самые разнообразные дороги, тропки и тропинки, вдоль которых появлялись дома, сараи и огороды. Первые улицы не имели своих названий вплоть до первой половины XVIII в. Некоторые современные улицы раньше были дорогами и трактами. Первые названия улиц возникали по названиям соответствующих слобод и дорог, ведущих из города. Нумерация домов на улицах началась только в XX в. По состоянию на 2008 г. в Уфе насчитывается всего 1237 улиц, их общая протяженность 1475,2 км. Общая длина дорожной сети — 1481 км, из них 1353 км — с усовершенствованным покрытием. Средняя длина улиц — 800 метров. Уфа имеет самую низкую плотность уличной сети (1,3 км улиц на 1 км² территории) среди всех городов-миллионеров России[2].

Анализ названий улиц столиц Республики Башкортостан и Ханты-Мансийского автономного округа

Названия районов Уфы (Демский, Калининский, Кировский, Ленинский, Октябрьский, Орджоникидзевский) несут в себе отпечаток советской эпохи. Мы сравнили два района Уфы (см. рис. 9.2.1): Советский (относящийся к историческому центру) и Орджоникидзевский район (считающийся рабочей окраиной, местом концентрации промышленных предприятий).

[1] Ханты-Мансийск. Официальный информационный портал органов местного самоуправления. http://admhmansy.ru/city/

[2] Википедия. Улицы Уфы. https://ru.wikipedia.org/wiki/Улицы_Уфы

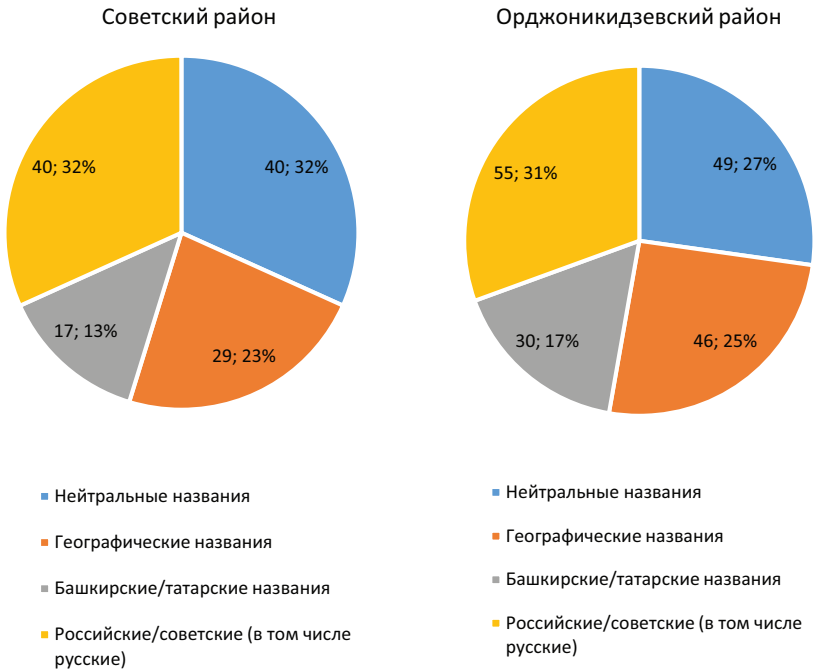


Рис. 9.2.1. Сравнительный анализ представленности идентичностей в центральном и окраинном районах Уфы, *количество улиц / процент от общего числа*

Гипотеза сравнительного анализа заключалась в том, что разное местоположение районов возможно будет отражено в тематике названий улиц. Однако она не подтвердилась на практике — значимых различий не выявлено. Формирование символьного пространства обоих районов (центрального и рабочей окраины) происходило в схожих условиях. В разные периоды истории переименованию подвергались улицы во всех частях города. Исследование показало, что символьное пространство города в значительной степени складывалось под влиянием советского наследия. Наибольшее число улиц (31–32%) по исследуемым районам названы в честь прославленных советских, российских деятелей или событий (Улица 50-летия Октября, улица Академика Филатова, Пролетарская улица и т.д.). В значительной степени представлены и «нейтральные» названия, такие как Дачная улица, Березниковская улица, Биологическая улица и др. — 27–32%. Около четверти названий в изучаемых районах происходит

от географических наименований (например, Краснодонская улица, Черноморский переулок, Балтийская улица). Наименьшее влияние оказывают башкирские и татарские названия. Только 13–17% улиц имеют местное географическое «происхождение» или названы в честь известных личностей двух народов (например, улица Сагита Агиша, улица Нарыштау, Чекмагушевская улица и др.).

Анализ названий улиц Ханты-Мансийска показал, что половину всех названий составляют нейтральные наименования — такие как Аграрная, Новая, Парковая улица (см. рис. 9.2.2). Среди нейтральных важное место занимают названия, посвященные периоду становления и развития нефтегазовой отрасли, разведчикам, которые еще при советской власти нашли в ХМАО ресурсы, что в дальнейшем предопределило судьбу региона и его столицы — Ханты-Мансийска. Многие улицы носят названия «большой стройки»: улицы Геологов, Строителей, Геофизиков, Первооткрывателей и т.д. В названиях улиц также не забыты представители Ханты-Мансийского округа, внесшие свой вклад в его развитие, такие как: Арефьева, Сутормин, Дунин-Горкавич и др. При этом разговоры с жителями показали, что лишь немногие старожилы помнят о том, кому посвящены названия улиц, что это были за люди и какой вклад они внесли.

Треть названий улиц Ханты-Мансийска осталась со времен СССР. Стоит отметить, что и на современном этапе развития города появляются названия в честь деятелей советского периода. Подобная история произошла с улицей Арефьевой, чей потомок в 2005 г. направил в администрацию ходатайство о переименование улицы, которое впоследствии было одобрено[1]. Чуть более трети

[1] Ольга Владимировна Арефьева участвовала в основании и выборе места под строительство школы № 2 города Ханты-Мансийска, которая функционировала в этом здании более 60 лет, стала первой заведующей детского сада для детей фронтовиков в военные годы, вела активную общественную жизнь — дважды избиралась депутатом в окружной и районный Советы. При таком напряженном ритме работы она родила и воспитала шестерых детей. Подробнее см.: Арефьева Ольга Владимировна — фондообразователь государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. [Электронный ресурс]: Архив Югры. URL: https://arhivugra.admhmao.ru/istoriya-yugry-v-arkhivnykh-dokumentakh/dokumenty-arkhivov-yugry-rasskazyvayut-/

улиц (34%) названы в честь известных деятелей советского прошлого (Гагарина, Горького, Дзержинского и др.) и менее известных (Кошевого, Подпругина, Пискунова и др.).

Рис. 9.2.2. Представленность разных идентичностей в названиях улиц Ханты-Мансийска, *количество улиц / процент от общего числа*

Несмотря на современный вид и молодой возраст нового города, советский компонент сильно проявляется в названиях улиц. По сравнению с Уфой в глаза бросается практически полное отсутствие «этнических названий» и улиц, связанных с народами ханты и манси — (всего одна улица имени хантыйки Елены Сагандуковой). В Уфе же башкирские названия составляли значительную часть названий улиц, то есть этнический компонент выражен в столице Башкортостана значительно сильнее. Российских и русских названий среди наименований улиц Ханты-Мансийска тоже не так много — всего 10% от их общего числа. Примерно поровну разделились улицы, названные в честь местных героев (таким как Ермак,

arefeva-olga-vladimirovna-fondoobrazovatel-gosudarstvennogo-arkhiva-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-o/ (Дата обращения: 21.08.2018).

Борис Лосев, Лопарев и др.) и исторических фигур общероссийского масштаба (Пушкин, Менделеев, Ломоносов и др.).

Отдельно хотелось бы коснуться темы двуязычия, проявляющейся в вывесках. Двуязычие вывесок в Уфе — явление не новое. Оно ведет свою историю с советских времен и даже ранее (только в меньшем количестве). После принятия «Закона о языках...» все названия улиц стали даваться на двух языках (сверху башкирское название, снизу русское). При акцентировании на этом внимания местными жителями, двуязычие может восприниматься небашкирами как попытка доминирования башкир. Горожане, привыкшие к такому положению вещей, воспринимают двуязычные вывески спокойно, не придают им особого значения. Больше других данная тема интересует политических активистов в попытке привлечения сторонников, переводящих политику в межэтническую плоскость. Доминирование башкирской идентичности проявляется в названиях улиц: выше написано название улицы на башкирском языке, а ниже на русском (например, сначала «Гоголь урамы», а затем «улица Гоголя»). Практической необходимости в дублировании названий вывесок нет, поскольку практически 100% населения Башкортостана (за исключением некоторых жителей дальних сел) владеют разговорным русским языком. В Уфе в большей степени представлено русское население, в меньшей степени татары, еще меньше башкир. Поэтому за счет двуязычия названий вывесок районов, улиц, значимых учреждений подчеркивается башкирская специфика республики.

В Ханты-Мансийске практика присвоения улицам хантыйских и мансийских названий не распространена по двум причинам. Во-первых, потому что представителей коренного населения насчитывается менее 5% и дублированные на языках малочисленных народов вывески мало кто из жителей ХМАО сможет прочитать. У большинства населения (которое составляют русские) в этом нет потребности. Во-вторых, представители коренных народов ХМАО сами порой не помнят свой язык. В случае, если язык используется, возникает проблема вариативности. Только у хантыйского языка: три алфавита и разные диалекты, которые серьезно различаются друг от друга. Даже сами ханты пока не могут прийти к единому варианту.

Манифестация башкирской идентичности проявляется в Уфе по-разному. На улицах столицы Башкортостана встречаются канализационные люки с гербом Уфы и надписью «Уфа» на башкирском языке. Также для Уфы характерно сохранение и трепетное отношение к советскому компоненту. Это выражается в обилии советской символики на зданиях (например, здании Центральной библиотеки Уфы), заборах зданий, оформленных в традициях советской стилистики (звезды, серп и молот). Эти символы настолько вписались в общий облик города, что не вызывают никакого отторжение у его жителей.

Одним из символов как республики, так и её столицы является футбольный клуб «Уфа» и его новый стадион. Символом клуба является куница. Нам встретился автобус этого клуба, в оформлении которого присутствовали башкирские (Уфа на башкирском языке), уфимские и республиканские мотивы (флаг республики, подпись «наша республика — «наша команда»). Помимо футбола в Уфе развиваются другие виды спорта: хоккей (ХК «Салават Юлаев»), волейбол и др.

В Ханты-Мансийске спортом номер один является биатлон — город является центром лыжного спорта мирового значения. Здесь с начала 2000-х годов действует современный биатлонный центр, в котором проходили этапы Кубка мира по биатлону и Гран-при Международного союза биатлонистов. Во время соревнований в Ханты-Мансийск приезжают гости со всей России и зарубежных стран. В несоревновательный период Ханты-Мансийск является базой подготовки российских биатлонистов.

Формирование нового символического религиозного пространства

В новой архитектуре Уфы происходит манифестация религиозности. Религиозность встраивается в новый ландшафт города. В столице Башкортостана 15 православных церквей, храмов и молельных домов и 6 мечетей. По республике Башкортостан соотношение другое: по количеству преобладают мечети. По состоянию на 2018 г. в Башкортостане действуют 1202 мечети и 298

православных храмов. При этом православные церкви восстанавливаются. Но, как объяснял нам имам, *«мечеть строится легче, чем храм. Мечеть проще, можно построить минарет, само это помещение и все. У церкви должен присутствовать целый каскад строений — одна составляющая купольная и так далее, просторная, крестильная»*.

Во время круглого стола в Уфе с представителями местной власти и научного сообщества поднимался вопрос вокруг постройки новых религиозных учреждений: *«Как правило, таких проблем, когда местное население выступает против постройки религиозного заведения, не возникает. Я не слышал, чтобы мечеть не строить или храм не строить. Сейчас мы приняли закон о религиозных символах. Установка креста. Представляете, многонациональная деревня, как быть? И вот один говорит: я хочу поставить крест на горе, перед деревней. Раньше было и доводилось это до конфликтогенной ситуации. Теперь, наш совет разработал положение. Хорошо, нет вопросов, но:*

1. Вы проводите публичные слушания.

2. Вы получаете разрешение у православного епископа, что он должен быть освещен, этот крест.

3. Раз вы ставите это символ, власть берет храм. А если спилят — что, скажут мусульмане?

Мы приняли такое постановление. Теперь мы программы этой не знаем, она была раньше. Теперь местные власти. Пришли, ради бога, но вы несете ответственность. Крест это или полумесяц, хотите — охраняйте. Пусть это камень будет, но — охраняем. Траву косят, красят оградку или что та, все, тема снялась» (государственный служащий, эксперт по межнациональным отношениям, г. Уфа).

В Ханты-Мансийске действуют всего 4 церкви и одна мечеть. Мусульмане Ханты-Мансийска давно мечтают о возведении собственной мечети. На 2018 г. постройка, в которой происходят намазы, больше похожа на «бытовку», чем на мечеть.

Таким образом, анализ символического пространства столиц двух российских регионов показал самобытность каждой из них — Уфы и Ханты-Мансийска. В обеих выражен как современный, так и исторический компонент. Первый проявляется в новой застрой-

ке, второй — в сочетании её с историческими (порой ветхими) зданиями. В названиях улиц преобладают нейтральные и советские названия, однако в Башкортостане они разбавлены географическими и этническими наименованиями, а в Ханты-Мансийске именами «освоителей Севера» и «нефтегазовыми» профессиями. Российская тематика присутствует в названиях улиц обеих городов (в именах российских деятелей, таких как Менделеев, Пушкин и т.д.), однако значимо не выделена.

9.3. Потенциал библиотек в формировании идентичностей читателей в регионах

Постановка проблемы

Библиотека — один из древнейших социальных институтов — на протяжении веков сохраняла знания. В истории человечества роль библиотек была чрезвычайно велика: начиная с древневосточных, в которых информация хранилась на глиняных табличках, античных библиотек-хранилищ папирусов и средневековых монастырских библиотек. Изобретение печатного станка и рост грамотности населения в Новое время способствовали росту числа библиотек и их посетителей. Во все времена именно библиотеки способствовали сохранению знаний, накопленных человечеством в разных сферах жизнедеятельности. Так было вплоть до изобретения интернета, который по сути является библиотекой, хранящей книги и документы, доступные из любой точки планеты. Библиотеки стараются адаптироваться к меняющимся условиям: создают сайты и группы в социальных сетях, переводят книги в цифровой формат. И тем не менее библиотеки нельзя списывать со счетов, потому что многих книг до сих пор нет в цифровом формате, а доступ к эксклюзивным книгам и документам предоставляется непосредственно в здании библиотеки. Многие читатели предпочитают именно бумажные варианты книг, которые бережно хранятся в библиотеках. К тому же библиотеки являются площадкой для встреч интеллектуалов, на которой можно обсудить самый широкий круг тем: от последних новинок художественной литературы до устройства Вселенной.

Среди множества тем, обсуждаемых в стенах библиотеки, особое значение для российского полиэтнического общества имеет обеспечение межкультурного диалога через знакомство читателей с достижениями разных культур, которое осуществляется в том числе в рамках встреч. Ориентация читателей осуществляется через организацию клубов по интересам (семейных, информаци-

онно-досуговых, искусствоведческих, краеведческих и др.), форумов, конкурсов, акций. Тематика встреч, организуемых библиотечными работниками, определяется актуальной повесткой, включающей в себя государственные и местные праздники, дни рождения писателей, презентации книг и др. В рамках настоящего исследования библиотеки исследовались как агенты, способствующие формированию у читателей (особенно молодых) разных типов идентичностей (государственно-гражданской, этнической, религиозной, городской).

Понятие идентичности стало широко использоваться в социальных науках для анализа взаимосвязи общественных трансформаций и стратегий поддержания «самотождественности» особенно после выхода работ Дж. Мида, Э. Эриксона. Содержание и функционирование этнического самосознания на групповом уровне рассматривалось в работах Ю. В. Арутюняна, Ю. В. Бромлея, М. Н. Губогло, Р. Ш. Джарылгасиновой, Л. М. Дробижевой, А. А. Кожанова, В. И. Козлова, С. В. Рыжовой и многих других[1].

Различные аспекты функционирования библиотеки в рамках концепции межкультурной коммуникации рассмотрены в публикации Е. Гениевой[2]. Библиотеки как центры формирования межкультурной толерантности рассматривались в работах О. Бармы[3], Т. Даниленко[4], С. Езовой[5], А. Журавлёвой[6], О. Кильдиной[7],

---

[1] *Рыжова С. В.* Этническая и гражданская идентичность в контексте межэтнической толерантности: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Институт социологии Российской академии наук. Москва, 2008. [Электронный ресурс]: Институт социологии РАН. Официальный портал. URL: http://www.isras.ru/files/File/Avtoreferat/Avtoreferat_RyzhovaS.pdf (Дата обращения: 21.08.2108).

[2] *Гениева Е. Ю.* Библиотека как центр межкультурной коммуникации. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008.

[3] *Барма О.* Формирование поликультурной личности пользователя// Библиотека. 2009. № 12. С. 21–22.

[4] *Даниленко Т. Т.* Библиотека — объект межкультурных взаимодействий // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2008. № 1. С. 53–56.

[5] *Езова С. А.* К толерантному мышлению через этикет // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2010. № 2(47). С. 86–88.

[6] *Журавлева А. А.* Приглашение в увлекательное путешествие: проект «Толерантность» // Библиотечное дело. 2009. № 15. С. 22–23.

[7] *Кильдина О. К.* Толерантность: дорога к будущему (о программе по воспитанию толерантного самосознания «Единство разных») // Библиотечная орбита: сборник научно-методических материалов. Хабаровск, 2008. Вып. 16. С. 6–8.

И. Лазаревой[1], Э. Якубова[2]. Библиотеки как центры формирования (и сохранения) этнической идентичности изучались Н. Дзюбой[3], Л. Кадыровой[4], И. Курс[5], Р. Наумовой[6], И. Чадновой[7], Л. Шарганович[8]. Роль библиотеки в воспитании патриотизма исследовалась в работах Б. Зайналовой[9], О. Худокормовой[10] и других

[1] *Лазарева И. В.* По законам добрососедства: формирование межкультурной толерантности // Библиотечное дело. 2011. № 2. С. 39–40.

[2] *Якубов Э. Н.* Диалоговое чтение: от этнической идентификации к межэтнической толерантности // Школьная библиотека. 2008. № 4. С. 70–72.; *Якубов Э. Н.* Толерантность общими усилиями: Сотрудничество библиотек и региональных структур гражданского общества // Вестник библиотек Москвы. 2008. № 1. С. 21–25.

[3] *Дзюба Н.* Язык моих предков исчезнуть не должен: сельские библиотеки Ставрополья в формировании культуры межнационального общения // Библиополе. 2009. № 11. С. 64–66.

[4] *Кадырова Л. З.* Возвращение в отчий край: крымско-татарская библиотека — центр национального возрождения // Библиотечное дело. 2009. № 14. С. 28–31.

[5] *Курс И.* Образы настоящего, профили будущего // Библиотека. 2010. № 5. С. 57–60.

[6] *Наумова Р. В.* Дальневосточная государственная научная библиотека — центр сохранения и развития национальных культурных традиций народов Хабаровского края: концепция развития // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2010. № 2(47). С. 35–37.

[7] *Чаднова И. В.* Система знаний коренных народов в библиотечном обслуживании (Круглый стол «Библиотечное обслуживание мультикультурного населения) // Информационный бюллетень Российской библиотечной ассоциации. 2010. № . 4. Ч. 2. С.57–60.

[8] *Шарангович Л. А.* Вернуться к своим истокам и вспомнить кто мы (о Днях национальной культуры в ЦГБ им. Н. Островского г. Комсомольска-на-Амуре // Библиотечная орбита. 2010. Вып. 19. С. 5–11; *Шарангович Л.* А. Программы и проекты центральной городской библиотеки им. Н. Островского в области библиотечно-информационного обслуживания мультикультурного населения г. Комсомольска-на-Амуре / МУК «Городская централизованная библиотека им. Н. Островского». Комсомольск-на-Амуре, 2010.

[9] *Зайналова Б. Г.* Воспитание патриотизма, толерантности, нетерпимости к проявлениям экстремизма у детей через книгу и библиотеку // Школьная библиотека. 2009. № 4–5. С. 41–43.

[10] *Худокормова О.* Патриотизм — значит... миролюбие: [международный библиотечный форум «Книга как средство формирования толерантности в системе патриотического воспитания подрастающего поколения», организованный Курской областной библиотекой для детей и юношества] // Библиотека. 2008. № 11. С. 64–69.

исследователей. Функционированием библиотек в условиях поликультурного общества занимались такие исследователи, как Т. Батаева[1], И. Чаднова[2], Т. Голубенко[3], Е. Качанова[4], Л. Киселёва[5], Е. Мокшанова[6].

Символьное пространство центральной и районной библиотек Уфы, Ханты-Мансийска и Сургута

В данной главе мы рассмотрим библиотеки на примере столиц полиэтничных российских регионов: Уфы и Ханты-Мансийска. Кроме того, мы изучали библиотеки Сургута — типичного индустриального центра округа.

История библиотечного дела в Башкортостане берет начало в XIX в. Первая публичная библиотека, открывшаяся в Уфе в 1835 г., была частной и просуществовала до 1864 г. В 1836 г. благодаря запросу из столицы открылась первая уфимская государственная библиотека. Современники отмечали её бедность, отсутствие нужных книг, приличной мебели и денег на их приобретение.

---

[1] *Батаева Т.* Интеграция или ассимиляция? библиотечное обслуживание многонационального населения Финляндии // Библиотечное дело. 2009. № 17. С. 15–16; *Батаева Т.* Многоголосие по-венгерски: библиотечное обслуживание мультикультурного населения Венгрии // Библиотечное дело. 2008. № 8. С. 34–35.

[2] Библиотечная деятельность в условиях культурного и языкового разнообразия: (Из опыта работы библиотек Содружества Независимых Государств): сборник статей / Российская государственная библиотека, Отдел межбиблиотечного взаимодействия с библиотеками России и стран СНГ; сост. И. В. Чаднова. М.: Пашков дом, 2009.

[3] *Голубенко Т. Ю.* Региональная библиотечная политика: (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) // Библиотековедение. 2009. № 2. С. 20–25.

[4] *Качанова Е. Ю.* Библиотека в мультикультурном пространстве региона // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2010. № 2. С. 23–30.

[5] *Киселева Л. Б.* Библиотеки Хабаровского края в формировании культуры межнационального общения // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2010. № 2(47). С. 51–58.

[6] *Мокшанова Е. В.* Культурная среда библиотеки как ресурс поликультурного общества // Библиосфера. 2009. № 3. С. 25–28.

Однако уфимцам выбирать не приходилось: частная библиотека была не всем доступна, а библиотеки, существовавшие при учебных заведениях, обслуживали только учителей и учащихся[1]. В настоящее время по числу библиотек Республика Башкортостан входит в число лидирующих субъектов Российской Федерации. К 2015 г. здесь работала 1671 государственная и муниципальная библиотека. Библиотеки республики объединены в Ассоциацию Библиотек Башкортостана. Созданы библиотеки при школах, колледжах, больницах, вузах, предприятиях, частные библиотеки. Крупнейшими библиотеками являются Национальная библиотека им. А. З. Валиди (около 3,2 млн книг), библиотека Уфимского государственного нефтяного технического университета (1 млн книг), БГУ (1,4 млн книг), УГАТУ (около 1 млн книг), Научная библиотека УНЦ РАН (800 тыс. книг), Салаватская центральная городская библиотека (110 тыс. книг) и др.[2].

Первые общедоступные библиотеки появились на севере Тобольской губернии в конце XIX—начале XX в. стараниями интеллигентов-энтузиастов, которые привлекали к ним внимание общественности. Первая библиотека в Самарово (ныне — г. Ханты-Мансийск) представляла собой чайную с библиотекой-читальней. Практиковались проведение публичных чтений, бесед, показ «живых картин» с помощью «волшебного фонаря». К началу 2010 г. библиотечная сеть Ханты-Мансийского автономного округа — Югры представлена 753 библиотеками всех систем и ведомств, в т.ч. 437 учебных, 1 государственная и 237 муниципальных общедоступных библиотек. Совокупный библиотечный фонд муниципальных общедоступных библиотек составил 4,4 млн экземпляров[3].

Важным представляется вопрос о той реальной роли, которую библиотеки играют в культурной жизни российского общества.

---

[1] Из истории книги и библиотечного дела в Башкортостане. [Электронный ресурс]: Bashculture. История и культура Башкортостана. URL: http://www.bashculture.ru/archives/146 (Дата обращения: 22.08.2018).

[2] Библиотеки Башкортостана. [Электронный ресурс]: Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Библиотеки_Башкортостана (Дата обращения: 22.08.2018).

[3] Из истории библиотечного дела. [Электронный ресурс]: Библиотеки Югры. URL: http://ugra.okrlib.ru/library_history.php (Дата обращения: 22.08.2018).

К сожалению, приходится констатировать, что роль эта в настоящее время не столь велика. Например, В Уфе услугами библиотек пользуются 10% (или 112 400 чел.) от всего населения города, а в интервью молодые читатели признаются, что посещение библиотеки чаще всего связано с необходимостью, возникающей в ходе учебы.

В разговорах с молодежью библиотеки практически не упоминаются как места проведения досуга. По мнению эксперта, работающего в центральной библиотеке Ханты-Мансийска, *«если представить библиотеку как место досуга, то любое место для молодежи привлекательнее, чем провести время в библиотеке»*. У библиотек есть серьезные конкуренты как в развлекательном, так и в информационном поле. Таковыми выступают интернет, телевидение, радио, компьютерные игры, а также другие культурные учреждения: музеи, театры, выставки и т.д. Несмотря на усилия работников по популяризации чтения, оснащению библиотек компьютерами с доступом к «мировой паутине», библиотеку вряд ли можно назвать «модным для молодежи местом».

Мы посещали библиотеки Уфы, Ханты-Мансийска и Сургута в разные дни недели, и практически всегда они были немноголюдными. Даже в Центральной библиотеке им. Валиди за компьютерами сиротливо сидели двое читателей. Исключением можно считать книжные выставки и презентации новых книг местными писателями, во время которых собиралась значительная аудитория (в Окружной библиотеке Югры до 50–100 человек одновременно). В будние дни во время посещения районной библиотеки № 3 Ханты-Мансийска и № 2 Сургута за время посещения и интервью с работниками библиотек нам не встретилось ни одного читателя. В такой ситуации не совсем понятно, на ком лежит ответственность — на самой системе библиотек, политика которой недостаточно гибка для привлечения большего количества читателей, или же на обществе, в котором досуг с книгой не представляется столь привлекательным. Руководители сети библиотек понимают, что библиотека должна становиться ближе к читателю — поэтому организуют разнообразные мероприятия: «библиотеки под открытым небом» в Уфе, автоквесты в Ханты-Мансийске и др. У каждой библиотеки есть собственный сайт или страничка в социальных сетях, на которых публикуются анонсы, новости, отчеты

о проведенных мероприятиях и ряд другой информации. Во многих библиотеках проводятся курсы повышения компьютерной грамотности, нацеленные прежде всего на людей старшего поколения. Можно утверждать, что библиотека взяла курс на компьютеризацию и сближение с читателем.

При этом в некоторых регионах сохраняются проблемы, связанные в первую очередь с финансированием. Например, в Уфе недостаточность выделяемых библиотекам средств не позволяет не только воплотить в жизнь смелые задумки (например, по созданию мультимедийного класса), но порой удовлетворить даже базовые потребности: закупить достаточное количество новых книг или отремонтировать старое здание районной библиотеки. В разговорах с библиотекарями ХМАО финансовые сложности не упоминались, что вполне очевидно: Югра — один из самых благополучных в экономическом отношении регионов России. Сотрудники библиотек говорили о достаточном финансировании, достойных зарплатах библиотекарей, регулярных поступлениях новых книг, электронном каталоге и др.

Нами исследовались центральные и районные библиотеки двух столиц: Уфы и Ханты-Мансийска. В Уфе это была Национальная библиотека им. Ахмет-Заки Валиди, которая «является государственной, центральной, универсальной, научной, общедоступной библиотекой, культурным центром республиканского значения, национальным хранилищем документов, центром научно-исследовательской работы в области библиотековедения, библиографоведения и книговедения»[1]. Также были выбраны две районные библиотеки, располагающиеся в разных частях Уфы: № 23 и № 4. В ХМАО объектами изучения стали Окружная библиотека Югры (Ханты-Мансийск) и районные библиотеки № 3 (Ханты-Мансийск) и № 2 (Сургут).

Знакомство с библиотеками целесообразно начать с их экстерьеров. Национальная библиотека Уфы располагается в симпатичном, желтом здании с советской символикой на крыше. Здание не выглядит устаревшим, заметно, что его не забывают ремонти-

[1] О библиотеке. [Электронный ресурс]: Национальная библиотека им. Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан. URL: http://bashnl.ru/o-biblioteke/ (Дата обращения: 22.08.2018).

ровать. Районные библиотеки выделяются на этом фоне не в лучшую сторону. При взгляде на библиотеку № 23 г. Уфы на ум приходит американский город Детройт, находящийся в бедственном положении. Квадратное здание, давно не видевшее ремонта, с облупливающейся краской, надписями и граффити как внутри, так и снаружи. Одного взгляда достаточно, чтобы понять, какая библиотека является лицом города, а какая финансируется по остаточному принципу.

Похожим образом с точки зрения приоритетного финансирования ситуация обстоит в Ханты-Мансийске — Окружная библиотека Югры выглядит презентабельнее районных. В отличие от Уфы, она располагается в современном здании с огромными панорамными окнами, четырьмя колоннами и прекрасно вписывается в окружающую архитектуру центра города. Рядом с библиотекой развевается российский триколор. Посетителей встречает памятник совы с тремя совятами, сидящими на книгах — символ мудрости и любви к чтению. Быстро найти районную библиотеку № 3 Ханты-Мансийска не просто, даже зная адрес. Она находится на закрытой территории автокомбината и располагается в одном здании с пунктом полиции. В двухэтажной прямоугольной бытовке сложно признать библиотеку. Районная библиотека № 2 г. Сургута, с которой мы знакомились, располагается в одном из подъездов жилого многоэтажного дома. Тем не менее расположение библиотек не влияет на их функциональность — обеспечение населения доступа к книгам.

Внутри Национальной библиотеки Уфы внимание привлекает обилие республиканской и городской символики: бело-зеленые флаги, фотография Рустема Хамитова на видном месте, герб Уфы с изображением куницы и др. Есть место и для российского флага. По словам одной из работниц Национальной библиотеки, *«в библиотеке уделяется внимание главе республики, мы проводим мероприятия, чтобы все знали. Советский компонент до сих пор присутствует — нельзя его исключать»*. Республиканская символика (хоть и не в таком количестве) присутствовала и в оформлении районных библиотек. Видимо, это является общим трендом, также, как и то, что достаточно обширная часть библиотечных площадей отдана книгам об одном из символов республики — Салавате Юлаеве. Таким образом, оформление всех библиотек Уфы (и центральной,

и районных) в первую очередь работает на республиканскую башкортостанскую идентичность, хотя и хранит в себе элементы других идентичностей (уфимской, российской, советской, башкирской).

Внутреннее убранство библиотек Ханты-Мансийского автономного округа — и центральной, и районных — отражает прежде всего региональную югорскую идентичность. На стенах представлена символика региона, на стенах висят картины с изображениями природы. Также в значительной степени представлены этнические мотивы (в лице народов ханты и манси).

Теперь обратимся к специфике Центральной и районных библиотек Уфы и ХМАО. Районные библиотеки во многом отличаются от центральных. Если Центральная библиотека способна удовлетворить специфические запросы, например, студентов филологических факультетов за счет большего объема хранилища и специализированных отделов литературы, то основной целью районных библиотек является удовлетворение спроса на литературу рядовых читателей, живущих по соседству. План работы районной библиотеки выстраивается в соответствии с праздничными датами. Библиотеки работают по нескольким направлениям одновременно: работа с трудными подростками, нравственное воспитание, краеведение, эстетическое, экологическое направления и другие. В дни государственных и национальных праздников (День России, День города и т.п.) районные библиотеки проводят мероприятия, посвященные этому дню. За год районная библиотека должна провести мероприятия по всем направлениям.

Библиотеки Уфы и Ханты-Мансийска предоставляют читателям книги на разных языках, но основной массив составляют книги на русском языке. Директор библиотеки № 23 г. Уфы в интервью так оценила объем хранилища: «*Если у нас общий фонд — 33 000 экземпляров книг, то 2000 — около 3000 составляет башкирская литература. Около 1000 книг на башкирском языке плюс примерно 2000 на русском. На татарском книге также представлены, но значительно меньше, чем на башкирском. На других языках у нас есть только учебники. Основной массив на русском языке*». Книги на русском языке пользуются наибольшим спросом у читателей разных национальностей (в том числе башкир и татар). Литературой на родных языках интересуются в основном студенты, специ-

ально изучающие литературу или религию на своем национальном языке. А вот книги на башкирском и татарском языках пользуются меньшим спросом, чему сотрудники библиотек находят разные объяснения:

1) Невостребованность. *«Пользуются спросом не часто. У нас есть один стеллажик литературы на языке, в процентном соотношении — это процентов 10, не больше. В основном спрашивают преподаватели башкирского языка. Читатели для себя очень мало» (*интервью, районная библиотека № 23, Уфа).

2) Нехватка книг на национальных языках. *«Конечно, их берут, читают. Студенты берут, люди старшего возраста. В основном берут книги на русском языке, потому что её больше, чем литературы на национальных языках. Но её тоже берут постоянно не залеживается»* (интервью, районная библиотека № 4, Уфа).

В ХМАО похожая ситуация. В окружной библиотеке Югры основная масса книг на русском языке: *«Семьдесят на тридцать. В «краеведении» у нас ну очень много литературы, вся литература есть на языках коренных малочисленных народов — у нас есть в отделе. Ей пользуются, в основном, те, кто хотят: ну первое, выучить язык этот и на нем говорить, или знать хотя бы, читать; те, кто проводят исследования: это студенты, лингвисты, магистры, аспиранты, им необходимо писать работы именно с локальным аспектом; кто занимается изучением языков, используя в научных целях. Как домашнее чтиво, конечно, не берут»* (Интервью Окружная библиотека Югры, Ханты-Мансийск). В районных библиотеках книги на языках коренных малочисленных народов практически не представлены и не пользуются спросом: *«На языках хантов и манси есть у нас, ну совсем немножко. Ну, процент. Один процент. Я не припомню, чтобы их спрашивали посетители. Вот выставки только когда оформляем, да»* (Интервью, районная библиотека № 3, Ханты-Мансийск).

Районная библиотека является общедоступной для разных групп: детей, школьников, студентов, людей среднего возраста, пенсионеров. Говоря о своей аудитории, сотрудники районных библиотек чаще называли школьников (в Центральной — это студенты). *«В основном старшеклассники: восьмой, девятый, десятый класс. Соответственно у них национальности разные. Старшее поколение очень сложно завлечь в библиотеку. В день пожилого*

*человека они могут к нам прийти, если мы вывешивали объявление, зовем их. Есть наши непосредственные читатели, которых мы знаем, которые постоянно ходят. Костяк есть» (*интервью, районная библиотека № 23, Уфа). На вопрос о национальности посетителей работники библиотек недовольно отмахивались. Такого явления, как преимущественное посещение районной библиотеки людьми определенной национальности похоже не существует: приходят всех национальностей, проживающих в Уфе и Ханты-Мансийске: *«По национальности аудитория самая разная. То есть, ну, русские, ну, большинство, да? Русские, коренные малочисленные народы Севера, и остальные, собственно, в пропорциях — сколько там процентов населения живет, допустим, Кавказа, столько и ходит. Мигранты тоже приходят. Все-таки библиотека делает довольно много всяких мероприятий, и даже если они приходят не в качестве читателя, то так или иначе, попадали в эту библиотеку, и знают, что это такое, и что это за место. То есть да, читательский билет у них в любом случае есть. А уж как посетители ходят не в таком большинстве, как могли бы» (*Интервью Окружная библиотека Югры, Ханты-Мансийск).

Мероприятия, проводимые в библиотеках Уфы и Ханты-Мансийска как ресурс формирования идентичностей читателей

Вопросом, на который мы попытались найти ответ, является возможность библиотеки влиять на формирование идентичностей читателей. Формирование этнической, гражданской, региональной и религиозной идентичностей — процесс не быстрый. Вряд ли найдется исследователь, смелый настолько, чтобы утверждать, что библиотека может за один урок, посвященный Дню России, эпосу Урал-Батыр или Дню изобретения книгопечатания, привить российское самосознание, башкирскую или православную идентичность. Формирование идентичности происходит в процессе социализации, в которую вовлечены родители, друзья, СМИ, наконец институты образования и культуры и другие институции.

Роль библиотеки в формировании идентичности не следует как преувеличивать, так и принижать. Интересно построенный

рассказ на встрече с писателем, литературоведом или другим интересным гостем может всколыхнуть струны души ребенка, подростка или даже взрослого, ранее не задумывавшегося над какими-то вопросами, либо смотревшего на проблему под другим углом зрения. Кроме того, на усвоение, например, государственно-гражданской идентичности влияет регулярность мероприятий. Одно дело, если человек один раз услышал в библиотеке несколько слов о России, единой российской нации, патриотизме и совсем другое, если подобные мероприятия проходят на постоянной основе и дублируются в школе, техникуме, вузе. Также необходимо принимать в расчет, что знания, получаемые в ходе коммуникации в библиотеках, могут входить в противоречие с уже усвоенным опытом человека, взглядами его семьи или друзей. Семья может ставить на первое место религиозную принадлежность («ты в первую очередь мусульманин»), этническую принадлежность («ты в первую очередь хант») и тогда принятие гражданских ценностей и идентичности может наталкиваться на объяснимые препятствия. Таким образом, за одну встречу в библиотеке проблематично сформировать позитивную идентичность и тем более воспитать в человеке деятельностный патриотизм, но повторение подобного опыта, когда оно ложится на благодатную почву, может принести хорошие плоды.

Выбор гостей также может оказывать влияние на взгляды посетителей мероприятий и в последствии на выраженность и тип формируемой идентичности. Однако и на мероприятии нейтральной направленности (например, на экологическом форуме) выступающий, в силу характеристик своей личности и жизненного опыта, может больше внимания уделить одному из типов идентичности: российской — с любовью рассказывая о природе России, региональной (башкортостанской, югорской) — акцентируя внимание на местных особенностях, или же этнической (башкирской, хантыйской, мансийской и др.). Таким образом, здесь, как и в споре важную роль играет позиция выступающего, его убежденность и способность донести информацию до слушателей.

Именно содержательные, интересные, оригинальные мероприятия являются «душой библиотеки», местом, куда приходят люди со схожими интересами. Встречи читателей-интеллектуалов в библиотеках были распространенным явлением во времена

Советского Союза. Обсуждения показывали, что читательская мысль не мертва, а на встречах генерировались новые идеи. На современном этапе на мероприятия, проводимые библиотеками, приходят разные посетители. Частыми гостями являются школьники и люди старшего возраста.

В настоящее время основные типы мероприятий в библиотеках следующие: 1) Кружки по интересам, которым библиотека предоставляет площадку для встреч (например, «Добромама. Уютные девичники для мам»); 2) Встречи с учащимися определенного класса, курса, факультета образовательных учреждений (например, встреча с учащимися колледжа); 3)«Большие мероприятия», куда зовутся все желающие (например, проекты «Библионочь», «Библиотека под открытым небом»).

В качестве основных источников информации для анализа нами изучались общий сайт библиотек Уфы (http://www.ufa-lib.ru/) и портал городской централизованной библиотечной системы Ханты-Мансийка (http://libhm.ru/)[1], а также данные, собранные в ходе экспертных интервью с сотрудниками библиотек (7 шт.) и круглого стола, проведенного сотрудниками Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН в Башкортостане.

Мы выделяли основные виды идентичностей, которые могли формироваться на мероприятиях:

1. Российская (гражданственность, патриотизм, российская идентичность, единство народов России и т.д.);
2. Региональная (история, культура и традиции, сложившихся в регионе, природа, экономический ресурс и местные жители);
3. Городская (любовь к городу, героика, памятные места, улицы, площади и т.д.);
4. Этническая (русская, башкирская, хантыйская, мансийская, национальные чувства и культура народов);
5. Религиозная (вопросы религии (православия, ислама, других), на встрече присутствовали священнослужители).

В случае, если хотя бы одна из тем присутствовала, мероприятие заносилось в список, потенциально формирующих один или

[1] Анализировался период с 31 декабря 2016 г. по 31 декабря 2017 г.

несколько типов идентичности. Примером мероприятия, работающего на формирование одного вида идентичности может служить литературный экскурс «Путешествие по страницам былин»[1]. В ходе встречи школьникам рассказывалось о «подвигах русских богатырей, направленных на освобождение родных земель от врагов». Использовались понятия «герои древней Руси», «защитники русских земель», учащихся знакомили с полотнами В. М. Васнецова. В результате данная встреча была занесена нами в категорию «русская идентичность». Однако неверно было бы говорить об однонаправленности каждого мероприятия (хотя такое случается, например, когда в День России говорят исключительно о российской идентичности, игнорируя этническую, региональную и другие). Но все же чаще можно наблюдать их искусное переплетение, возникающее во время долгих разноплановых мероприятий, когда разговор касается разных предметов: например, творчества башкирского писателя, любви к Башкортостану и Уфе, красной нитью пронизывающей его произведения, а ближе к окончанию спеть народные русские и башкирские песни. Приведем пример того, как одно мероприятие может способствовать формированию разных видов идентичности. Так получилось на празднике — Дне поэзии, организованном при участии сотрудников Централизованной системы детских библиотек Уфы. Один день (12 июня) объединил сразу несколько поводов: Праздник поэзии, День России, 263-летие со дня рождения Салавата Юлаева и 443-летие основания крепости Уфа. Естественно, что на данном мероприятии говорили о разных событиях: о России, Великой Отечественной войне, Уфе, читали стихи русских и башкирских поэтов[2]. Таким образом, одно мероприятие попадает сразу в четыре категории (башкортостанская, башкирская, русская, уфимская идентичность).

Библиотеки Уфы, кроме тематических встреч, проводили развлекательные программы, которые включали игру на музыкальных

---

[1] Путешествие по страницам былин. [Электронный ресурс]: Централизованная система массовых библиотек Уфы. URL: http://www.ufa-lib.ru/путешествие-по-страницам-былин (Дата обращения: 22.08.2018).

[2] В Уфе состоялся Праздник поэзии. [Электронный ресурс]: Централизованная система массовых библиотек Уфы. URL: http://www.ufa-lib.ru/в-уфе-состоялся-праздник-поэзии (Дата обращения: 22.08.2018).

инструментах, пение, танцы, загадки, творческие конкурсы и многое другое. Просмотрев все мероприятия с сайта библиотек Уфы, мы выделили те, которые нацелены на формирование идентичности (этническую, государственно-гражданскую, религиозную, республиканскую, уфимскую и др.). В целом таких оказалось чуть меньше половины — 119 мероприятий (или 48%). Нейтральных с точки зрения идентичности мероприятий — 131 (или 52%). Библиотеки Ханты-Мансийска за тот же период провели 68 мероприятий, ориентированных на идентичность (42%) и 93 нейтральных мероприятия (58%)[1]. Приведенные данные показывают, что нейтральные мероприятия в столице Югры превалировали в еще большей степени, чем в Уфе. А самих мероприятий в Ханты-Мансийске проводилось меньше, чем в столице Башкортостана, что можно связать с меньшей численностью населения и меньшим количеством библиотек.

В Уфе в 2017 г. среди мероприятий, ориентировавших на определенную идентичность, наибольшее число пришлось на российскую тематику (44 упоминания). В меньшей степени она оказалась представлена в Ханты-Мансийске — 10 упоминаний (4-е место среди изучаемых видов идентичности). Российская тематика чаще всего поднималась в связи с государственными праздниками: Днем народного единства, Днем Защитника Отечества, Днем российского флага. Другой важнейшей (можно сказать краеугольной) датой, помогающей в формировании государственно-гражданской идентичности, является День победы в Великой Отечественной войне. Тема войны упоминается на многих мероприятиях, связанных с главными её вехами (день нападения гитлеровских войск на СССР, Сталинградская битва, танковое сражение под Прохоровкой и т.д.). На встречи приглашаются ветераны войны и труда, историки, государственные деятели и все заинтересованные и неравнодушные люди. Посетителям рассказывают о подвиге советского народа, единстве, которое помогло выстоять перед лицом страшной опасности. Помимо вдохновляющих речей, звучат песни тех лет. В комплексе это естественно способствует формированию в том числе ностальгии по советским временам, достижениям предыдущих поколений (нельзя сказать, что формируется

[1] По данным сайта Центральной системы библиотек Ханты-Мансийска.

именно советская идентичность, но она умело переплетается с современной российской). В полиэтничном регионе особую важность обретают мнения людей разных национальностей, которые вместе боролись с общим врагом. Слова о единстве тех лет, как эхо, доносят важный посыл о взаимопонимании без оглядки на этничность, актуальный и в мирное, и военное время. Советские достижения упоминались на мероприятиях библиотек 28 раз в Уфе и 6 в Ханты-Мансийске (см. рис 9.3.1). В Ханты-Мансийске советский компонент идентичности оказался выражен в меньшей степени (6 упоминаний). Тем не менее память о советском прошлом (прежде всего через воспоминания о Великой Отечественной войне) присутствует в деятельности библиотек. Так, одно из мероприятий в преддверии Дня Победы прошло в библиотеке на набережной. Участники клуба «Золотой возраст» посмотрели презентацию об истории георгиевской ленты. А Л. И. Колесникова, педагог дополнительного образования Центра развития творчества детей и юношества, провела для них мастер-класс по оформлению символа праздника в виде красивой броши.[1]

В связи с Днем победы часто упоминается и региональная идентичность, ассоциированная с «малой родиной». В одну из встреч библиотекари Уфы знакомили присутствующих с книгой «Память» Республики Башкортостан. Эта книга — книга великой скорби и благодарной памяти: «Дорогой товарищ! Перед тобой сухой список жертв войны, которые принес на алтарь Победы один только наш Башкортостан. Но каждая буква в нем сочится священной кровью советских людей...». А в книгу «Они вернулись с Победой» вошли сведения о героях-земляках, участвовавших в Великой Отечественной войне[2].

В Башкортостане региональная идентичность оказалась практически столь же важна, как и российская (40 упоминаний). На её формирование работают многочисленные мероприятия краевед-

---

[1] Мастер-класс «Георгиевская лента». [Электронный ресурс]: Городская централизованная библиотечная система города Ханты-Мансийска. URL: http://libhm.ru/sobytiya/novosti/master-klass-georgievskaya-lenta/(Дата обращения: 22.08.2018).

[2] Книга памяти. [Электронный ресурс]: Централизованная система массовых библиотек Уфы. URL: http://www.ufa-lib.ru/книга-памяти (Дата обращения: 22.08.2018).

Рис. 9.3.1. Представленность разных видов идентичностей на мероприятиях библиотек Уфы и Ханты-Мансийска (по данным сайтов http://www.ufa-lib.ru/ и http://libhm.ru/).

ческой направленности. Также о Башкортостане рассказывают на многих праздниках, во время дней рождения писателей, внесших свой вклад в прославление имени республики. Также, как и в Уфе башкортостанская, в Ханты-Мансийске на втором месте среди всех идентичностей оказалось представлена югорская (12 упоминаний). Власти предпринимают значительные усилия по её формированию, что находит отражение в библиотечной деятельности. Атмосферу на встречах, формирующих югорскую идентичность, лучше всего показывает цитата с сайта системы библиотек Ханты-Мансийска: *«Знакомясь с новой книгой, читатель невольно проникается любовью, которую автор испытывает к простому человеку, к своему родному краю, к той обычной жизни, наполненной малень-*

кими приключениями, увлекательными прогулками, приятными чаепитиями, лесными ночёвками, которая состоит исключительно из мелочей. Он грустит вместе с писателем, радуется с ним за компанию и вспоминает "с такой саднящей тоской, с таким сладостным щемлением в сердце любимые места", с которыми связаны самые лучшие воспоминания, оставшиеся где-то на отрезке невидимой дуги, нарисованной на просторах Вселенной стрелой судьбы»[1].

Праздники, посвященные Башкирии масштабно празднуют в Уфе. Нельзя сказать, чтобы уфимская идентичность игнорировалась вовсе — 19 упоминаний на сайте. Однако она явно имеет не первостепенное значение, выходя на первый план лишь на праздновании Дня города, дней районов (например, во время 40-летия Октябрьского района г. Уфы), в дни встреч известных и готовых поделиться жизненным опытом со слушателями уфимцев. В Ханты-Мансийске городская идентичность имела важное значение на мероприятиях библиотек. Она присутствовала как минимум на 12, в том числе на масштабных городских праздниках, на которых проходили конкурсы, посвященные истории и знаковым местам города.

По сравнению с российской и региональной идентичностями, этнические идентичности оказались представлены в Уфе в гораздо меньших пропорциях (русская — 28 упоминаний, башкирская — 16, татарская — 1). Возможно это связано в первую очередь с государственной политикой в республике, направленной на то, чтобы знакомить читателей с культурой народов, но не выносить вопросы национальности на первый план. Российская идентичность имеет характер объединяющей, цементирующей все российское общество, башкортостанская выполняет схожую роль в рамках республики, а этнические идентичности, наоборот, могут вести к дифференциации людей, когда они больше думают о различиях, чем о сходстве. Поэтому русская и башкирская идентичности упоминаются чаще всего в связи с культурой: литературными произведениями, деятельностью писателей, историческими произведениями и сказками, уходящими в глубь веков. При этом

[1] Большие мелочи и маленькие значительности... 09.02.2017. [Электронный ресурс]: Городская централизованная библиотечная система города Ханты-Мансийска. URL: http://libhm.ru/sobytiya/novosti/bolshie-melochi-i-malenkie-znachitelnosti/ (Дата обращения: 22.08.2018).

выглядит крайне нелогичным, что татарская культура не представлена на библиотечных мероприятиях наравне с русской и башкирской.

Совсем иную ситуацию можно наблюдать в Ханты-Мансийске. Здесь на первое место выходит презентация коренных малочисленных народов, их традиций, обычаев, дней праздников (16 упоминаний). Этническая идентичность способствует сохранению автономии от Тюменской области, что находит отражение в деятельности библиотек. А вот русская идентичность оказалась практически не представлена (2 упоминания). Как и в Башкортостане, русская идентичность упоминается прежде всего в связи с произведениями великих русских писателей и поэтов: Пушкина, Лермонтова, Ахматовой и др. При этом имеет место презентация их как общероссийских.

Башкиры, татары традиционно исповедуют ислам, русские — православие. А вот на библиотечных мероприятиях Уфы и Ханты-Мансийска религиозные идентичности оказались практически не представлены. Во время интервью сотрудники библиотек часто заявляли, что *«их библиотека практически не сотрудничает со священнослужителями и религиозными организациями»*. В Башкортостане имамы и православные священники иногда приглашаются, но не у всех библиотек налажены с ними контакты. Данная деятельность осуществляется не на постоянной основе, а в связи со значимыми поводами (такими, как организация выставки «Наш мир без терроризма», «День православной книги и др.). В новостях сайта библиотек Ханты-Мансийска не удалось обнаружить ни одного упоминания о присутствии или выступлении священнослужителей на мероприятиях. Редкость данного явления подтверждают интервью с работниками как центральной, так и районных библиотек. По мнению эксперта из центральной библиотеки Ханты-Мансийска, религиозная идентичность *«вообще всегда игнорируется. За полтора года не слышал ни разу. Да сейчас не очень люди хотят об этом говорить, особенно чтобы не сказать там чего лишнего, то есть мало ли у кого какие взгляды, особенно у вышестоящих людей, чтобы там...»*. Свое мнение он проиллюстрировал примером: *«тематика была заявлена «Гарри Поттера». И очень, ну, быстро мы напридумывали всяких классных конкурсов, классных квестов. Но буквально там за неделю «до» просто появились, сказали: «Какие Гарри*

Поттеры? Чтобы не было в библиотеке! Приду, проверю!» Вот кого-то, кого-то одного он обидел, кто сходил пожаловался, и все. То есть, и об этом никто не говорил, никто не упоминал, никто не хочет ругаться, и, собственно эта тема просто молча прошла. Люди приходили, спрашивали: «а что, где?», оставалось только плечами пожимать, потому что никто не хочет ни с кем ругаться. И тема религии — она тоже, я полагаю, из этих же причин. Да и [неразборчиво] *поднимать, то к какому-то консенсусу не придут, потому что люди как... Ну сейчас не стоит остро тема религии в этом всем у коренных и малочисленных народов Севера, по крайней мере вслух она не стоит остро, то есть, нет никаких недовольств. Как-то даже наоборот плавно: все уважают и традиции, и обычаи одних и других — это все».*

Выводы

В настоящее время библиотеки Уфы, Ханты-Мансийска и Сургута в полной мере обеспечивают потребности населения в книгах. И пусть «лишнего» финансирования нет, у библиотек, с которыми мы знакомились, вполне достаточная материальная база: они оснащены книгами, компьютерами и, конечно, в них работают неравнодушные люди. Центральная и районная библиотеки выполняют разные функции. Первая является своего рода «витриной», лицом города, самым масштабным хранилищем в том числе редких изданий, а вторая — удобным местом доступа к книжным знаниям по соседству. В оформлении Центральной библиотеки им. Валиди г. Уфы присутствует отпечаток советской эпохи, в то время как Окружная библиотека Югры представляет собой новый взгляд на библиотечное дело. Она располагается в новом масштабном здании из стекла и бетона, рядом с которым развивается российский триколор. Во интерьере и Центральных, и районных библиотек доминирующим является региональный компонент, смешанный с этническим (башкирским, хантыйским/мансийским). Таким образом, осуществляется презентация региона через его основные символы: флаг, герб, значимые памятники и природные пейзажи.

Мероприятия являются «душой библиотеки». Судя по данным сайтов библиотек Уфы и Ханты-Мансийска, в столице Башкортостана проходит гораздо больше мероприятий, и они чаще наце-

лены на формирование определенных видов идентичностей. В Уфе самой распространенной стали: российская тематика, соединенная с военно-патриотическим воспитанием молодежи, и башкортостанская тематика. В ХМАО в мероприятиях библиотек на первое место выходит югорская идентичность, связанная с презентацией культуры коренных малочисленных народов (хантов и манси), а российская тематика оказалась представлена в меньшей степени. Религиозные идентичности оказались практически не представлены на библиотечных мероприятиях столиц регионов.

Заключение

В завершенном исследовании межнациональное (межэтническое) согласие понимается как благоприятные межэтнические отношения, готовность взаимодействовать с людьми иных национальностей в деловой и неформальной сферах общения, регулировать противоречия в диалоговой форме. Это также межличностное и межгрупповое доверие, согласованные ценностные ориентации, способность людей жить в сложном, дифференцированном мире, слышать друг друга и взаимодействовать на основе доминирующего доверия, равноправия и справедливости.

В такой широкой интерпретации это понятие позволяет соединить в массовом сознании привычные от прошлого представления о «дружбе народов» с международными нормами, закрепленными в «Декларации принципов толерантности ЮНЕСКО».

Понятие межнациональное (межэтническое) согласие вошло в «Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года» и включено в приоритетные цели и направления деятельности.

1. На всем протяжении исследования в течение пяти лет мы проверяли восприятие этого понятия в массовом сознании. Во всех регионах: от Северо-Запада — в Калининградской области — до Северо-Востока — в Саха (Якутии), от северных районов — Республики Карелия, ХМАО — Югра — до южных — Ставропольский край и Астраханская область, в центре страны — Москве и Поволжье (Республика Башкортостан) — 80–97% респондентов воспринимали межнациональное согласие как «уважение людей независимо от национальности» и «готовность решать спорные вопросы мирным переговорным путем»; 75% и более полагали, что это также признание права людей других национальностей на свой образ жизни. Опросы в регионах со значительной долей мусульманского населения позволяют утверждать, что не только среди людей разной этничности, но и разных конфессий это понятие

воспринимается, оно корреспондирует с термином «толерантность» и в публичной политике может его заменить.

2. В 2015–2018 годах в стране в целом разными социологическими центрами отмечался позитивный тренд в межэтнических отношениях. По результатам опросов ФАДН, проведенных ВЦИОМ, 78,5% респондентов положительно оценивают межнациональные отношения. Есть общие обстоятельства, которые определяли этот тренд — переключение внимания СМИ на события, связанные с воссоединением Крыма, с успехами в проведении Олимпиады в Сочи и других спортивных мероприятий, с событиями в Сирии и на Украине, внешнеполитической опасностью. Но в стране в целом и в конкретных регионах межэтнические отношения определяются более широким кругом факторов. В предшествующее десятилетие неблагоприятные межэтнические установки, ксенофобию чаще всего связывали с высоким и быстрым притоком инокультурных мигрантов. Значимость этого обстоятельства была велика, но не сводилась только к нему. На первом этапе исследований в 2014–2016 годах нами было установлено, что в регионах от 16 до 30% жителей (максимально в Москве и области) неблагоприятно относились к приезжим, но в целом враждебность к людям других национальности проявляло 35–53% населения. На втором этапе в 2017–2018 годах проводились опросы в наиболее сложных по этническому составу регионах — в Башкортостане и ХМАО–Югре. И как показали их результаты — враждебность к людям других национальностей испытывают 42% югорчан, для которых «иные» это главным образом приезжие, но столько же (42%) башкортостанцев, где большинство граждан общаются с местными людьми иной национальности.

Не упуская из вида задач взаимной адаптации местного населения и инокультурных приезжих, мы должны понимать, что репертуар этнически маркированных социальных взаимодействий, где возникают противоречия, намного шире. Это проблемы, связанные с неравенством возможностей в использовании ресурсов, доступе к высокооплачиваемым видам деятельности, участию во власти, с отношением к достоинству людей различных национальностей и вероисповедания, удовлетворением их культурных, языковых потребностей[1].

[1] Далее текст написан с использованием выводов авторов разделов.

3. В разных регионах страны существуют представления о влиянии национальности на возможность человека устроиться на «лучшую работу», «открыть свое дело», «получить высокий пост в органах власти». По данным общероссийских опросов ФОМ–ФАДН, только около половины граждан оценивают равными шансы людей независимо от национальности устроиться на хорошую работу и открыть свое дело и около трети — занять высокий пост в органах власти. Исследования в регионах показывают, что такие представления распространены не только в республиках, как многие думают. В полиэтничном Башкортостане, где конкуренция между башкирами, татарами и русскими достаточно высока, полагают, что возможности людей разных национальностей неравны — 40–45%. Но таковых среди москвичей 40%, в Калининградской области — 41–43%, а это территории с русской доминантой в составе населения, а в ХМАО такого мнения придерживаются 49–57% респондентов.

Однако подобные представления не совпадают с действительностью. Реально сталкивались с ущемлениями, связанными с национальностью, в Москве всего 5%, в ХМАО — 11%, в Башкортостане — 12% наших граждан. Тем не менее проблема есть. В Башкортостане среди башкир и татар такие ущемления испытывали не более чем 10% респондентов, а среди русских — 17%. В то же время в ХМАО те же татары и башкиры не чаще ощущали какие-то ущемления, чем в республике, но русские все же заметно реже — 7% (против 17% в Республике Башкортостан).

4. Изучение межэтнических установок в трудовой и неформальной сферах общения показало, что этническая принадлежность людей не является определяющим критерием в социальных взаимодействиях. При сохраняющемся высоком уровне этнической идентификации (более чем у 90% респондентов) большинство людей разной этничности и вероисповедания не сталкиваются с проблемами в повседневной жизни.

Исторически сложившийся опыт межэтнического взаимодействия положительно влияет на этнические установки людей, что мы очевидно фиксировали на опыте Астраханской области. Но продолжение исследований показывает, что этот фактор не всегда может срабатывать при высоко конкурентных контактах. В Республике Башкортостан также исторически давний опыт контактов

башкир, татар, русских, но тем не менее, положительные установки на межэтническое общение у них хуже.

В каких-то ситуациях татары в Башкортостане больше солидарны с русскими, чувствуя свою нетитульность и сравнивая свои возможности с людьми своей национальности в соседнем Татарстане. Русские более урбанизированы и квалифицированы и потому чувствуют себя уверенно, но у них и больше претензий на высокие позиции.

5. Ощутимая напряженность в межнациональных отношениях складывалась в 2017–2018 годах в связи с реализацией указания Президента России о добровольности изучения государственных языков республик и свободном выборе родных языков.

Языковая тема в дискурсе общественности и СМИ в Башкортостане, так же, как и в Татарстане, воспринималась довольно остро. Сами по себе сложности в образовании уже урегулированы — сначала на уровне региональной политики в республиках, а летом 2018 г. — на уровне федеральной образовательной политики. Принятые поправки в федеральный закон об образовании подразумевают свободный выбор изучаемого родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного и государственных языков республик России.

Хотя негативное восприятие проблемы для части башкирской общественности остается актуальным, наши данные на 2017 г. не демонстрировали жесткого разделения позиций по национальности в оценках статуса башкирского языка в школах Республики Башкортостан. Башкиры чаще выступали за обязательное изучение башкирского языка во всех школах республики, но и добровольное изучение поддерживала почти половина респондентов и среди башкир (45%), и среди русских (46%), и несколько больше половины — у татар (53%). Отношение к добровольности или обязательности изучения государственного языка республики в школах, конечно, дифференцировало башкир, татар и русских. Но надо иметь в виду, что не все русские и татары, да и сами башкиры, были вовлечены в этот процесс (актуально его воспринимали в первую очередь семьи с детьми-школьниками). Часть русских и татар признавали значимость статуса башкирского языка в республике, но считали, что его изучение должно быть добровольным. Важно, что в целом противоречия в сфере языкового изучения не привели

к существенному изменению межэтнических отношений на повседневном уровне между людьми контактирующих национальностей.

Естественно, у башкир, татар и русских восприятие башкирского языка различается. Для башкир башкирский язык — государственный на территории республики, такой его правовой статус воспринимается как закономерное и справедливое достижение. Башкирский язык воспринимается башкирами как ценность вне зависимости от того, какую позицию по обязательности / добровольности изучения они занимают — свыше 80% называют его родным, то есть язык воспринимается как атрибут собственной этничности.

Для татар и русских башкирский язык — язык республики, в которой они живут (считая себя местными, безусловно), причем не в функциональном смысле, а в символическом — язык народа, дающего название этой республике. Однако для татар есть и дополнительный важный контекст — татары в Башкортостане тоже считают себя коренными, поэтому отношение татар к обязательному башкирскому языку особое, именно среди татар в Башкортостане больше всего сторонников факультативного его изучения.

Татарская молодежь в Республике Башкортостан чаще поддерживает обязательность, а татары средних и старших возрастов — добровольность изучения башкирского языка. Скорее всего, это связано с различиями в восприятии как республиканской языковой политики (для молодых она уже данность), так и с уменьшением актуальности дискурса признания статуса татарского языка третьим государственным языком. Татарский язык в Башкортостане широко представлен и используется, есть национальные школы, имеет место изучение татарского как родного языка в обычных школах, существуют татарский театр, СМИ. Однако татарские активисты говорят о недопредставленности их интересов.

Башкирский язык как государственный поддерживается региональной языковой политикой, хотя есть и серьезные проблемы, связанные, например, с качеством и лицензированием учебников.

В ХМАО — Югре проводится собственная языковая политика, однако она касается только языков коренных малочисленных народов Севера, т.е. башкирский и татарский языки в школьном

образовании не представлены, татарский язык изучается в рамках воскресной школы, причем организовано это силами активистов.

При анализе установок по поводу изучения языков в соответствующих республиках у татар и башкир, проживающих в Югре, выявлено, что башкиры — сторонники обязательности изучения языков в республиках — сильнее ориентированы на традиционные ценности, имеют более выраженную этническую и религиозную идентичности, острее ощущают угрозу родному языку и культуре. Вероятно, удаленность респондентов от Башкортостана, Татарстана и при этом сохранение связей обостряют идеалистическое представление о том, как должно быть в республике. Ценностная, сентиментальная мотивация в большей степени, чем инструментальная, прагматическая, значима для людей, когда они рассматривают республику как идеальную модель, а не собственные условия жизни.

6. Очевидное большинство граждан по данным исследований осознает свою гражданскую идентичность как категориальную, ассоциирует себя с гражданами России. Гражданская идентичность в целом по России судя по опросам RLMS–HSE, ВЦИОМ и Института социологии ФНИСЦ РАН сильно не различается в социальных группах и группах по уровню образования, но все же анализ корреляции по критерию χ- квадрат Пирсона показывает, что сильная (консолидированная) гражданская идентичность связана с возрастом и образованием: это более заметно среди людей с актуальной гражданской идентичностью (ответ «часто ощущаю связь, единство со всеми гражданами России»). Они образованнее и несколько моложе, чем не ассоциирующие себя по государственно-гражданскому принципу. Среди них больше проживающих в областных центрах (46% против 34% в целом по массиву).

Доля доверяющих другим людям среди людей с сильной гражданской идентичностью в целом по стране почти вдвое больше, чем среди не чувствующих себя связанными с гражданами России.

Исследование показало, что жизнь в доминирующей своей этнической среде или среди доминирующего мусульманского населения у русских не влияет на широту распространения и силу связи с российской идентичностью. У граждан с культурой, связанной с мусульманской религией (башкир и татар), по распространенности и силе связи российская идентичность не меньше,

чем у жителей других регионов. В ХМАО у татар и башкир она выше, чем в Республике Башкортостан. Так что и несколько меньшая по масштабу российская идентичность в Республике Башкортостан, чем в ХМАО не связана с исламским фактором.

В целом место российской идентичности среди других коллективных идентичностей в регионах повторяет общероссийский тренд: она занимает одно из первых мест. У людей с мусульманской культурой и в республике, и в ХМАО в тенденции этот тренд не отличается.

Среди ощущающих связь с гражданами России несколько больше тех, кто «хотел бы быть полезным государству и обществу» (52% против 41% по общероссийской выборке[1]), чувствуют любовь, гордость и уважение к сегодняшней России (75% против 55% среди тех, кто такой связи не ощущает), они более толерантны, чаще присоединяются к мнению «Все народы равны, Россия — общий дом для всех народов» (51% против 44%).

Что касается регионов, последнее мнение поддерживает намного более широкий круг людей: в Башкортостане — 74,4%; в Ханты-Мансийском округе — 74%. его разделяют практически в равной мере люди с разным уровнем российской, гражданской идентичности. Различия в поддержке мнения о равенстве народов по России в целом и по регионам представляют риск для межнационального согласия, который предстоит преодолеть.

В гражданской идентичности заложен ресурс позитивной интеграции общества. Ресурс этот мог бы быть больше реализован во благо общества, если бы понимание смыслов гражданства глубже осознавалось россиянами, а жизненная практика подтверждала их реальность. В этом позитивная перспектива упрочнения гражданской идентичности.

7. Исследование показало, что восприятие и оценка событий внутри и вне России большинством населения основывается на традиционных, исторически сложившихся представлениях о справедливости и человеческом достоинстве. И в то же время это

[1] Данные мониторинговых исследований Института социологии ФНИСЦ РАН по проекту РНФ «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах». 2014–2018 гг. Руководитель проекта — академик М. К. Горшков.

сопровождается процессом активного переосмысления ценностей на повседневном уровне в сторону их модернизации.

Нет оснований говорить о существенных различиях в потенциале людей тех или иных национальностей и вероисповеданий. Речь может идти, скорее, о традиционалистском или модернистском настрое массового сознания, независимо от этнической или религиозной принадлежности.

8. Среди факторов, влияющих на поддержание межэтнического согласия, на последнем этапе мы специально изучали роль религиозности в данном процессе. Особое внимание было сосредоточено на Республике Башкортостан и Югре, поскольку здесь можно было сравнить межэтнические установки русских, татар и башкир, живущих в республике, где мусульмане в большинстве, и в округе, где они в меньшинстве.

Исследование показало, что роль религии в межэтнических отношениях проявляется дифференцированно. В значительной мере она обусловлена историческими и институциональными рамками взаимодействия этноконфессиональных общностей на территории России. В Башкортостане ислам и православие как исторически сложившиеся религиозные традиции вписаны в формат российской репрезентативной культуры, они не формируют в массовом сознании жесткие линии межэтнических и межконфессиональных границ. Религиозность россиян в первую очередь выполняет функции социальной интеграции, поддержки социальных связей, в том числе межэтнических и межконфессиональных, в некоторых ситуациях она сокращает дистанцию в межэтнических взаимодействиях, повышает готовность к общению с людьми других национальностей в различных сферах жизни, прежде всего в производственной.

Выраженная религиозная *идентичность* как переживание тесной связи с единоверцами является, как показало исследование, элементом, поддерживающим культуру доверия. В условиях тесного взаимовлияния исламской и православной культур и высокой полиэтничности культура доверия является важным фактором межэтнического согласия. И в Югре, и в Башкортостане складывается парадоксальная картина — людям в целом доверяют меньше, чем живущим рядом носителям других религиозных традиций. Ислам и православие как традиционные религии России действи-

тельно имеют полное право так именоваться, потому что эти религии (наряду с буддизмом, иудаизмом и другими распространенными в России христианскими конфессиями), исторически сосуществуя рядом, в едином социальном пространстве, стали для людей привычными и «своими», активно вовлекаются в создание в России культуры доверия. При этом большинство россиян высказываются за сохранение светских основ государства.

В той форме, в какой религиозность сложилась на уровне массового сознания и поведения, она принимает непосредственное участие в поддержании и сохранении межэтнического согласия. Как чувство *веры* религиозность повышает готовность принять человека другой национальности не только в формальной области — как своего начальника и коллегу, но и в сфере тесных межличностных отношений — в качестве своего супруга, друга, соседа. Неверующие респонденты чаще отмечают внутреннюю межэтническую напряженность и реже видят межэтнические отношения доброжелательными, среди них значительно ниже уровень доверия к людям.

Наиболее востребованным элементом религиозного *поведения* сегодня выступают не основные признаки религиозной вовлеченности (регулярное участие в богослужении, ежедневная молитва, чтение священных текстов и пост), а те, которые поддерживают и сохраняют позитивные социальные связи — следование нормам милосердия и справедливости в отношениях с людьми и участие в обрядах жизненного цикла; эти тенденции отражают социально-коммуникативный характер современной российской религиозности и позволяют ей быть на сегодняшний день ресурсом обеспечения межэтнического согласия.

Среди людей, выбравших из перечня религиозных практик позицию «стараюсь следовать религиозным нормам справедливости и милосердия в отношениях с людьми», растут показатели межэтнической толерантности, такие как отказ от насильственных методов решения межэтнических и межконфессиональных конфликтов (до 85% вырастает поддержка мнения «насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо»). Среди этой категории опрошенных до 90% согласны с мнением «государство должно поддерживать культуры и религии всех народов России».

Исследования среди православных и мусульман подтверждают связь религиозности и различных форм социально-политических идентичностей, но при этом связь эта неоднозначна: «ярко выраженные националы» не всегда являются наиболее активными верующими и наоборот. Исследования в регионах показывают, что по-настоящему верующие люди как правило более толерантны. Нравственные устои, выступая в качестве и религиозных ценностей, укрепляют этнокультурную солидарность, но в не гиперболизированном виде способствуют и межэтническому взаимодействию.

Важным ресурсом формирования российской, гражданской идентичности является выявленная в ходе исследования в Республике Башкортостан близость установок православных и мусульман на межэтническое общение.

Риском для государственно-гражданской консолидации и согласия может явиться усиление этноконфессионального и национального размежевания в результате выраженной *политики приоритета* культуры и религии одного народа. Не случайно более критичны позиции по большей части вопросов межнационального и межконфессионального согласия у православных в Башкортостане и у мусульман в ХМАО. Они, находясь в инонациональном окружении, порой ощущают ущемление своих национальных чувств.

Это усиливает ответственность государства, федеральных и региональных органов власти за поддержание межконфессионального баланса.

В современных условиях роста религиозности целесообразно опираться на авторитет тех религиозных и национально-культурных организаций, их лидеров, которые, основываясь на базе традиционных религиозных принципов терпимости, стремления к консенсусу и компромиссу, могли бы выступать в качестве посредников во взаимоотношениях власти и той части общества, которую они представляют.

Подчас сложности в восприятии религии и культуры соседствующих народов связаны с недостаточной информированностью населения об инонациональной культуре, специфике различных религиозных учений, что ставит перед государством задачу информирования и воспитания посредством средств массовой коммуникации, образовательных школьных и вузовских программ. Пред-

ставляется, что образовательная и просветительская деятельность могут стать инструментами борьбы против распространения различных проявлений радикализма, ксенофобии в российском обществе.

В известной теории С. Хантингтона ключевую роль в конфронтации культур играет религия. Согласно его концепции, на микроуровне конфликты происходят между представителями разных культур, в основе которых лежат межцивилизационные различия в границах одного государства. Наша исследовательская группа не нашла подтверждения этому выводу, проверяя его в конце 1990-х годов на примере ситуаций в Башкортостане, Татарстане, Северной Осетии-Алании, Саха (Якутии). В исследовании 2017–2018 годов мы проверили его в Башкортостане и ХМАО и не нашли подтверждения. Полученные данные опровергли тезис о несовместимости политических и ценностных ориентаций представителей исламской и православно-славянской цивилизаций. Напротив, в вопросах значимости свободы, справедливости, верховенства закона они продемонстрировали высокое сходство позиций.

Результаты исследования продемонстрировали близость суждений мусульман и православных, проживающих в границах одного региона, по жизненно важным вопросам, представлениям о целях развития, ценностям, в том числе ограничительных мер в отношении приезжих разной конфессиональной принадлежности.

Не нашло подтверждения и утверждение о распространении поддержки религиозного радикализма, особенно среди молодежи, лиц с высоким уровнем образования, представителей среднего класса.

Таким образом, сходство жизненных условий, связанное с проживанием на одной территории, оказывает на представления респондентов более значимое влияние, чем общность этнической культуры.

9. Уровень интеграции мигрантов различается в различных субъектах Федерации, а успешность интеграции приезжих определяется их социально-демографическими характеристиками, опытом миграции, материальным положением и ценностными ориентациями. Ограничением интеграции приезжих становится низкая интегрированность местных жителей, которые практически

также интегрированы в локальные социумы, как и мигранты. В тех регионах, где принимающее население более интегрировано, успешнее интегрируются и мигранты: благоприятная социальная среда создает стимулы для интеграции мигрантов. Выявлена зависимость интеграции мигрантов от консолидации местного сообщества, его доброжелательности к ним.

Приезжие перенимают стандарты социального поведения представителей локальных сообществ, подстраиваясь под эти стандарты. Структуры идентичностей мигрантов постепенно трансформируются, сближаясь со структурами идентичностей местных жителей. При этом с одной стороны, формируется когорта мигрантов, структура идентичностей которых отражает их ориентацию на включение в социальные сообщества. С другой — происходит формирование когорты приезжих, перенимающих далеко не лучшие стандарты жизнеполагания и поведения местных жителей (чаще всего, маргинальных слоев), дистанцирующихся от социума. И чем больше доля неинтегрированных местных жителей, тем больше доля и неинтегрированных приезжих.

При разработке мер по консолидации локальных сообществ с целью интеграции в них мигрантов необходимо учитывать социально-политическую, экономическую и культурную специфику самих сообществ. Без этого любые усилия по достижению межэтнического согласия в полиэтничных регионах будут обречены на провал. Привычным методом работы по поддержанию межнационального согласия для властных структур является организация культурно-ознакомительных мероприятий. Но сегодня этого недостаточно. Первоочередная задача — создание атмосферы согласия, без которой затруднительна как консолидация местных сообществ, так и интеграция приезжих.

С реальными ограничениями в возможностях хорошего трудоустройства сталкиваются во всех регионах мигранты с Северного Кавказа и приехавшие из соседних среднеазиатских стран. По мнению экспертов и активистов общественных организаций, важно обеспечить трудовые места в регионах выхода наших внутренних мигрантов, прежде всего с Северного Кавказа, и принять меры для соблюдения антидискриминационного законодательства.

Возможности региональных властей имеют пределы, поскольку вопросы трансформации социальной среды и серьезных институциональных преобразований лежат вне компетенции субъектов Федерации. Но создание атмосферы доверия на региональном и муниципальном уровне — вполне по силам при условии активного привлечения всех акторов консолидации локальных социумов: органов государственной власти регионов и местного самоуправления, принимающего населения, мигрантов, институтов гражданского общества (в т.ч. общественных организаций, этнических диаспор), бизнеса.

10. Изучение символического пространства столиц Башкортостана и ХМАО показало, что символические памятники республики прежде всего связаны с образом этничности, башкирской героикой, что частью русского населения воспринимается конфликтно (памятник Салавату Юлаеву). Столица Югры — Ханты-Мансийск — практически новый город и какой-то исторической этнической символики не несет. В нем слабо заметна историческая символика, но присутствуют элементы этнической символики коренных малочисленных народов.

Вокруг восстановленных и построенных или строящихся храмов и мечетей в Уфе, Ханты-Мансийске и Сургуте идут дискуссии об их представленности и презентации.

Названия улиц в Уфе — на русском и башкирском языках, что не воспринимается справедливым частью татарского населения. В основном это нейтральные и названия от советского прошлого.

Общероссийская тематика чаще представлена в героике и событиях советского прошлого. Новые символические названия, связанные с общероссийской идентичностью, встречаются редко. Прекрасными площадками для ненавязчивого формирования уважения к культуре своего и других народов, взаимопонимания и согласия являются библиотеки и музеи. В какой-то мере такие же функции выполняют центральные библиотеки Уфы и Ханты-Мансийска. В то же время муниципальные, районные библиотеки, персональные музеи, возможно, в силу малой материальной оснащенности даже не ориентированы на создание культурной основы российской и этнической идентичности. Работа над формированием гражданской общероссийской идентичности через символическое пространство городов пока задача будущего.

Список литературы

1. Административное деление Уфы [Электронный ресурс]: Википедия: [веб-сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Административное_деление_Уфы (Дата обращения: 17.08.2018).
2. Арефьева Ольга Владимировна — фондообразователь государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа — Югры [Электронный ресурс] // Архив Югры: [веб-сайт]. URL: https://arhivugra.admhmao.ru/istoriya-yugry-v-arkhivnykh-dokumentakh/dokumenty-arkhivov-yugry-rasskazyvayut-/arefeva-olga-vladimirovna-fondoobrazovatel-gosudarstvennogo-arkhiva-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-o/ (Дата обращения: 05.08.2018).
3. *Авксентьев В. А., Шульга М. М.* Этноконфессиональные отношения в Ставропольском крае: опыт конфликтологического анализа. // Конфликтология. 2014. № 3. С. 148–162.
4. *Агадуллина Е. Р., Ловаков А. В.* Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 4. С. 143–157.
5. Татары и ислам в регионах Российской Федерации / [В. В. Амелин и др.]; Рук. проекта и отв. ред. Р. Н. Мусина. Казань: ООО Артифакт, 2015. 283 С. ISBN: 978–5–905089–19–0.
6. *Аксенова О. В.* Модернизация или развитие: традиционалистские основания прогресса в России // Власть. 2016. № 9. С. 31–36.
7. Актуализированные ценности современного российского общества. [монография] [Электронный ресурс] / [И. А. Халий и др.]; Отв. ред. И. А. Халий. Электрон. текст. дан. (объем 2,2 Мб). М.: Институт социологии РАН, 2015. 273 с. илл. 1 CD-ROM. ISBN: 978–5–89697–259–4.
8. *Александер Дж.* Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / пер. с англ. Г. К. Ольховикова под ред. Д. Ю. Куракина. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. 640 с. (Образ общества). ISBN: 978–5–901574–96–6.
9. *Александрова Е. А., Хухлаев О. Е.* Особенности религиозной идентичности у буддистской молодежи (на примере студенческой молодежи Республики Калмыкия) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 19. С. 156–164.
10. *Амелин В. В.* Конфессиональные отношения в полиэтничном регионе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. № 2. С. 140–148.

11. *Амелин В. В., Моргунов К. А.* Татары в Оренбургской области: особенности религиозного возрождения // Татары и ислам в регионах Российской Федерации: современная этноконфессиональная ситуация / рук. проекта и отв. ред. Р. Н. Мусина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Издательство «Артифакт». 2015. С. 180–209.
12. *Арутюнова Е. М.* Русский язык в школах республики Татарстан: измерения проблемы // Государственные языки Республики Татарстан: Множественность измерений. Сборник очерков / под ред. Г. Ф. Габдрахмановой, Г. И. Макаровой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «Артифакт», 2014. С. 108–120.
13. *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А.* Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1998. 271 с.
14. *Бабич Н. С., Хоменко В. И.* Логические и практические трудности многомерного подхода к измерению религиозности // Социологический журнал. 2013. № 2. С. 89–96.
15. Базовые ценности россиян. Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалиева. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.
16. *Барма О.* Формирование поликультурной личности пользователя: [роль библиотеки в воспитании поликультурной личности] / О. Барма // Библиотека. 2009. № 12. С. 21–22.
17. *Батаева Т.* Интеграция или ассимиляция?: библиотечное обслуживание многонационального населения Финляндии / Т. Батаева // Библиотечное дело. 2009. № 17. С. 15–16.
18. *Батаева Т.* Многоголосие по-венгерски: библиотечное обслуживание мультикультурного населения Венгрии / Т. Батаева // Библиотечное дело. 2008. № 8. С. 34–35.
19. *Батыршин И. Р.* Национально-культурные объединения как фактор формирования гражданского общества (на примере Республики Башкортостан): автореф. дис... канд. полит. наук. М., 2004. 27 с.
20. Башстат. Итоги Всероссийской переписи населения 2010. http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/resources/7ba81d004e64acd68cc5ef21f378d622/Итоги+Всероссийской+переписи+населения+2010+года+по+Республике+Башкортостан.pdf (Дата обращения: 23.08.2018).
21. *Белла Р.* Гражданская религия в Америке. / Перевод с англ. С. Б. Веселовой, В. А. Егорова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 3. С. 162–182.
22. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
23. *Бердин А. Т., Бадранов А. Ш.* Этнорелигиозные угрозы: ложная карта (Рецензия на доклад Института стратегических исследований «Карта этнорелигиозных угроз...». М., 2013) // Левая мысль. 2013. № 21. С. 142–150.
24. Библиотеки Башкортостана. [Электронный ресурс]: Википедия: [вебсайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Библиотеки_Башкортостана (Дата обращения: 17.08.2018).

25. Библиотечная деятельность в условиях культурного и языкового разнообразия: (Из опыта работы библиотек Содружества Независимых Государств): сб. ст. / Рос. гос. б-ка, Отд. межбибл. взаимодействия с б-ками России и стран СНГ; сост. И. В. Чаднова. М.: Пашков дом, 2009. 167 с.
26. *Богатова О. А.* Этнические границы в Мордовии: парадокс многоуровневой идентичности // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 69–75.
27. *Богданова Е.* А. Советский опыт регулирования правовых отношений, или «в ожидании заботы» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX. № 1 (34). С. 77–90.
28. Большие мелочи и маленькие значительности... [Электронный ресурс] // Городская централизованная библиотечная система: [веб-сайт]. URL: http://libhm.ru/sobytiya/novosti/bolshie-melochi-i-malenkie-znachitelnosti/ (Дата обращения: 05.08.2018).
29. *Буторина Е.* В который раз в учебный класс. Отмирание многих профессий подталкивает людей в любом возрасте к переобучению [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Деловой еженедельник «Профиль». 25.05.2018. № 24. URL: http://www.profile.ru/obsch/item/125979-v-kotoryj-raz-v-uchebnyj-klass (Дата обращения: 01.06.2018).
30. В Башкирии нашли «этнолингвистический компромисс» в изучении нацязыков [Электронный ресурс] // РБК Башкортостан: [веб-сайт]. Электрон. текст, дан. 14 сентября 2017 г. URL: http://ufa.rbc.ru/ufa/free news/59ba55849a794763b8fb44b3 (Дата обращения: 22.10.2017).
31. В связи с поступающими обращениями граждан с просьбой разъяснить вопрос обязательности изучения в школах республики родных языков, родной литературы, а также башкирского языка прокуратура сообщает [Электронный ресурс] // Прокуратура Республики Башкортостан: [веб-сайт]. URL: https://bashprok.ru/the_prosecutor_explained/razyasnenie-zakonodatelstva/razyasnit-vopros-obyazatelnosti-izuch.php (Дата обращения: 22.09.2017).
32. *Валлерстайн И.* После либерализма: Пер. с англ. / Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с. ISBN: 5–354–00509–4.
33. *Варшавер Е. А.* Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5 (129). С. 183–214. DOI: 10.14515/monitoring.2015.5.13.
34. Всероссийская перепись населения-2010 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Дата обращения: 31.07.2017).
35. Встреча с духовными лидерами традиционных конфессий [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Глава Республики Башкортостан». Электрон. текст. дан. 24.11.2015. URL: https://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/62918.html?sphrase_id=3030690 (Дата обращения: 05.06.2018).

36. Встреча с руководителями национальных общественных объединений Башкортостана [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Глава Республики Башкортостан». Электрон. текст. дан. 14.09.2017. URL: https://glavarb.ru/rus/press_serv/rabochie_vstrechi/69562.html?sphrase_id=887872 (Дата обращения: 22.10.2017).
37. Выписка из протокола проведения встречи руководящего состава и УУП со старшими по домам и подъездам, отчета перед населением о проделанной работе службой УУП ОМВД России по району Северный г. Москвы и председателем Совета ОПОП за 2012 год. С. 3. [Электронный ресурс] // Отдел МВД России по району Северный города Москвы. UTL: http://severny.mos.ru/common/upload/docs/Otchet_o_rabote_uchastkovykh_upolnomochennykh_politsii_v_rayone_Severnyy_za_2012_god..docx (Дата обращения: 12.06.2018).
38. *Габдрафиков И. М.* Региональные особенности становления российской нации: Республика Башкортостан (1990–2003 гг.) СПб.: Своё издательство, 2014. 138 с. ISBN: 978–5–4386–0651–2
39. *Габдрафиков И.* М. Республика Башкортостан. Модель этнологического мониторинга. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1998. 124 с. ISBN: 5–201–13713-х.
40. *Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г.* О некоторых тенденциях изменения этнорелигиозной структуры населения России // Вестник Института социологии. 2012. № 4.С. 61–78.
41. *Галлямов Р. Р.* Многонациональный город: этносоциологические очерки. Уфа: Издательство «Гилем», 1996. 200 с.
42. *Галлямов Р. Р.* Элита Башкортостана: политическое и конфессиональное измерения. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. 248 с. ISBN: 5–94981–068–6.
43. *Галлямов Р. Р., Зайнетдинова Ф. Ф.* Этносоциальная стратификация: теоретические подходы, концептуальная модель, тенденции развития. Уфа: Здравоохранение Башкортостана, 2004. 116 с. ISBN: 5–8372–0096–7.
44. *Геллнер Э.* Нация и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с. ISBN 5–01–002692–9.
45. *Гениева Е. Ю.* Библиотека как центр межкультурной коммуникации. М.: РОССПЭН, 2008. 208 с.
46. *Голубенко Т. Ю.* Региональная библиотечная политика: (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) // Библиотековедение. 2009. № 2. С. 20–25.
47. Городская целевая программа профилактики правонарушений и борьбы с преступностью на территории городского округа город Уфа Республики Башкортостан на 2007–2009 годы. [Электронный ресурс] // Уфа. Столица Республики Башкортостан: [веб-сайт]. URL: http://www.ufacity.info/document/9456.html? ID=9456 (Дата обращения: 12.06.2018).

48. Городская целевая программа профилактики правонарушений и борьбы с преступностью на территории городского округа город Уфа Республики Башкортостан на 2010–2012 годы. [Электронный ресурс] // Уфа. Столица Республики Башкортостан: [веб-сайт]. URL: http://www.ufacity.info/document/79081.html (Дата обращения: 12.06.2018).
49. *Гофман А. Б.* В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 241–254.
50. *Гофман А. Б.* Традиция, солидарность и социологическая теория. Избранные тексты. М.: Новый Хронограф, 2015. 496 с. ISBN: 978-5-948812-93-9.
51. *Грачев Н. И.* Столкновение цивилизаций, мир империй и социалистическая система хозяйства // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. 2017. № 25. URL: vsoa.esrae.ru/191–1034 (Дата обращения: 09.06.2018).
52. *Губогло М. Н.* Религиозность, этничность, государственность // Этнопанорама. 2000. № 3. С. 2–12.
53. *Губогло М. Н.* Русский язык и толерантность. М. Старый сад, 2003. 400 с.
54. *Гудалов Н. Н.* Национальные идентичности и международные отношения: нужно ли “изобретать” конструктивизм заново? // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 165–174. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.12.
55. *Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение; ВЦИОМ-А, 2004. 816 с. ISBN: 5-86793-300-8.
56. *Даниленко Т. Т.* Библиотека — объект межкультурных взаимодействий / Т. Т. Даниленко // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2008. № 1. С. 53–56.
57. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / [М. К. Горшков, Р. Крумм, В. В. Петухов, Л. Г. Бызов и др.]; Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Весь Мир. 2011. 328 с. ISBN: 978–5–7777–0529–7.
58. *Де-Вос Дж.* Этнический плюрализм: конфликт и адаптация // Личность, культура, этнос. Современная психологическая антропология / Под общ. ред. А. А. Белика. М.: Смысл, 2001. С. 229–276. ISBN 5-89357-093-6.
59. Декларация об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма и апартеида и подстрекательства к войне (Принята Генеральной Конференцией ЮНЕСКО на ее двадцатой сессии 28 ноября 1978 года) [Электронный ресурс] // Организация объединенных наций: [веб-сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/st_hr1_141.shtml (Дата обращения: 10.05.2018).
60. Декларация принципов терпимости ЮНЕСКО. 1995. 16 ноября [Электронный ресурс] // Организация объединенных наций: [веб-сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc (Дата обращения: 10.05.2018).

61. Декларация русской идентичности [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского патриархата. Электрон. текст. дан. 12 ноября 2014 года. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/508347.html. (Дата обращения: 10.05.2018).
62. Демографические риски современной России. Данные по федеральным округам. Уральский федеральный округ // Аист на крыше. Демографический журнал. 2017. Вып. № 5 (Приложение). URL: https://www.proaist.ru/journal/vypusk-5-prilozhenie/uralskiy-federalnyy-okrug/ (Дата обращения: 22.08.2018).
63. *Дзюба Н.* Язык моих предков исчезнуть не должен: сельские библиотеки Ставрополья в формировании культуры межнационального общения // Библиополе. 2009. № 11. С. 64–66.
64. *Дмитриев А. В., Пядухов Г. А.* Этнические группы мигрантов и конфликты в анклавных рынках труда // Социологические исследования. 2005. № 8 (256). С. 90–100.
65. До 2018 года в российских селах планируется закрыть 3639 школ и детских садов [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: [веб-сайт]. Электрон. текст. дан. 13.02.2017. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3218008 (Дата обращения: 31.07.2017).
66. Доклад и.о. директора Департамента И. В. Безносовой к заседанию Межведомственной комиссии Ханты-Мансийского автономного округа — Югры по противодействию экстремистской деятельности (04.12.2017) [Электронный ресурс] // Департамент общественных и внешних связей Ханты-Мансийского автономного округа — Югры: [веб-сайт]. URL: https://www.depos.admhmao.ru/vzaimodeystvie-so-sredstvami-massovoy-informatsii/teksty-ofitsialnykh-vystupleniy-i-zayavleniy-direktora-departamenta-i-zamestiteley/1036520/doklad-i-v-beznosovoy-k-zasedaniyu-mezhvedomstvennoy-komissii-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga (Дата обращения: 21.06.2018).
67. Доклад «Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье / под ред. М. В. Ремизова. М.: Институт национальной стратегии, 2013. 53 с.
68. Доклад на Антитеррористической комиссии начальника ОМВД России по Лотошинскому району «О состоянии правопорядка и общественной безопасности в 2014 году и мерах по профилактике терроризма на территории Лотошинского муниципального района в 2015 году»: С. 2. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=3&cad=rja&uact=8&ved=0ahUKEwjC0J2av9DbAhXGFywKHVCSBHAQFggzMAI&url=http%3A%2F%2Fxn — e1afijda1a3cyb.xn — p1ai%2Fmedia%2F2015%2F02%2F24%2Fnews_docs%2FVyistuplenie%2520na%2520ATK%252020.02.2015.doc.docx&usg=AOvVaw3iylETK4HDGt7LQPdW63Va (Дата обращения: 13.06.2018).
69. *Дробижева Л. М., Рыжова С. В.* Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 9–24. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.03.

70. *Дробижева Л. М.* Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 7–31.
71. *Дробижева Л. М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с. ISBN 5–88790–064–4.
72. *Езова С. А.* К толерантному мышлению через этикет / С. А. Езова // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2010. № 2 (47). С. 86–88.
73. Епископ Фотий принял участие в межрелигиозном форуме «Православие и ислам в Югре: диалог во имя мира и согласия» // Югорская епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат): [веб-сайт]. URL: http://yugorsk-eparhia.ru/index.php/2015–03–15–22–48–53/2015–03–18–15–13–53/1027–2016–09–15–11–55–24.html (Дата обращения: 25.06.2018).
74. *Ерохина Е. А.* Межэтническая интеграция и перспективы ее развития в Ханты-Мансийском автономном округе (Югре) // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: Издательство: ООО МАКС-ПРИНТ», 2015. С. 32–40.
75. *Жаде З. А., Шадже А. Ю., Ляушева С. А.* Состояние этносоциальных процессов и уровень межэтнической напряженности на Юге России: экспертное мнение // Теория и практика общественного развития. 2016. № 5. С. 18–23.
76. *Журавлева А. А.* Приглашение в увлекательное путешествие: проект «Толерантность» / А. А. Журавлева // Библиотечное дело. 2009. № 15. С. 22–23.
77. *Зайналова Б. Г.* Воспитание патриотизма, толерантности, нетерпимости к проявлениям экстремизма у детей через книгу и библиотеку // Школьная библиотека. 2009. № 4–5. С. 41–43.
78. Закон ХМАО — Югры от 16.11.2015 № 118–03 (ред. от 27.04.2016)«О бюджете Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2016 год». Приложение 6. // АЮДАРИНФО: [веб-сайт]. Электрон. текст. дан. 27.04.2016. URL: https://www.audar-info.ru/na_reg/regEditSection/index/type_id/1/doc_id/3061/release_id/10438/ (Дата обращения: 17.08.2018).
79. Закон ХМАО — Югры от 16.12.2010 № 229–03 «О поддержке региональных социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре» (принят Думой Ханты-Мансийского автономного округа — Югры 15.12.2010) [Электронный ресурс] // Общественная палата Ханты-Мансийского автономного округа — Югры: [веб-сайт]. URL: http://www.ophmao.ru/zakonodatelstvo/zakony-ob-obshchestvennykh-obedineniyakh/757749/1114/ (Дата обращения: 17.08.2018).

80. Закон ХМАО — Югры от 17.11.2016 № 81-ОЗ. «О внесении изменения в статью 1 Закона Ханты-Мансийского автономного округа — Югры “Об установлении коэффициента, отражающего региональные особенности рынка труда в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре”» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: [веб-сайт]. URL: http://www.garant.ru/hotlaw/hant/1027531/#ixzz5ORO6dovT (Дата обращения 17.08.2018).
81. Законопроект № 438863–7 «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”» (в части изучения родного языка из числа языков народов Российской Федерации и государственных языков республик, находящихся в составе Российской Федерации) [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности: [веб-сайт]. URL: http://sozd.parliament.gov.ru/bill/438863–7 (Дата обращения: 17.08.2018).
82. Закон Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 4 декабря 2001 г. № 89–03 «О языках коренных малочисленных народов севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа» (с изменениями от 30 сентября 2013 г.) [Электронный ресурс] // Дума Ханты-Мансийского автономного округа — Югры: [веб-сайт]. URL: http://www.dumahmao.ru/decisions/detail.php? ID=7088 (Дата обращения: 01.08.2018).
83. Заседание Совета по межнациональным отношениям [Электронный ресурс] // Президент России: [веб-сайт]. Электрон. дан. Астрахань. 31 октября 2016 года. http://www.kremlin.ru/events/president/news/53173 (Дата обращения: 14.06.2018).
84. *Зиммель Г.* Избранное. Т. 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. 671 с. (Лики культуры). ISBN: 5–7357–0052–9.
85. *Зиммель Г.* Религия: социально-психологический этюд / Г. Зиммель; пер. с нем. М. Бердоносова и О. Лямбек; под ред. С. А. Котляревского; издание М.и С. Сабашниковых. М.: Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1909. 82 с. [Электронный ресурс] // Библиотека религиоведения и русской религиозной философии. Издания XVIII — н.XX вв.: [веб-сайт]. URL: http://www.relig-library.pstu.ru/modules.php?name=1040 (Дата обращения: 14.06.2018).
86. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И. С. Семененко. М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. 992 с. ISBN: 978–5–7777–0697–3.
87. Из истории книги и библиотечного дела в Башкортостане [Элепктронный ресурс] // BashCulture.ru.: [веб-сайт.] Электрон. текст. дан. 22.04.2012. URL: http://www.bashculture.ru/archives/146 (Дата обращения 17.08.2018).
88. Из истории библиотечного дела [Электронный ресурс] // Библиотеки Югры: [веб-сайт]. URL: http://ugra.okrlib.ru/library_history.php (Дата обращения: 14.08.2018).

89. Изучать национальные языки народов РФ дети будут по заявлению своих родителей [Электронный ресурс] // Парламентская газета: [веб-сайт]. URL: (Дата обращения: 14.08.2018).
90. *Ильина А. А.* Национально-культурные объединения современной России: нормативно-правовые основы деятельности и этапы формирования [Электронный ресурс] / А. А. Ильина // Сибирский филиал Института наследия: [веб-сайт]. URL: http://sfrik.omskreg.ru/page.php?id = 226 (Дата обращения: 21.06.2018).
91. *Ильина А. А.* Национально-культурные объединения татар Западной Сибири: история создания и результаты деятельности (1988–2008 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2010. 32 с.
92. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с. (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»). ISBN: 978–5–98379–144–2.
93. Интервью с профессором Томасом Лукманом // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 4. С. 5–14.
94. Информационно-аналитическая записка по итогам работы Отдела МВД России по району Бибирево г. Москвы за 2015 год. [Электронный ресурс] // УВД по СВАО по г. Москве. URL: https://свао.мск.мвд.рф/document/7065434 (Дата обращения: 12.06.2018).
95. Информация о выполнении решения Совета города Железноводска от 28.04.2004 № 523 «О комплексной программе города Железноводска по борьбе с преступностью на 2004 год». [Электронный ресурс] // Законы и постановления РФ. URL: http://zakon-region2.ru/4/179202/ (Дата обращения: 12.06.2018).
96. Информация о религиозной ситуации и государственно-конфессиональных отношениях на территории Республики Башкортостан на 01.01.2018. [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Глава Республики Башкортостан». URL: https://glavarb.ru/rus/administration/sovetpogosudarstvenno-konfessionalnimotnosheniyampriprezidenterb/ (Дата обращения: 21.06.2018).
97. Информация о состоянии межнациональных и межконфессиональных отношений в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре (итоги социологических исследований, проведенных в 2012 году) [Электронный ресурс] // Портал гражданского общества Югры: [веб-сайт]. http://ucitizen.ru/control/social/925/ (Дата обращения: 21.06.2018).
98. Информация по результатам социологического исследования «Изучение ситуации в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры» (2014 г.) [Электронный ресурс] // Портал гражданского общества Югры: [веб-сайт]. URL: http://www.ucitizen.ru (Дата обращения: 21.06.2018).

99. Итоги оперативно-служебной деятельности УУП ОМВД по Енотаевскому району за 2 квартал 2015 года. С. 2. [Электронный ресурс] // Управление МВД России по Астраханской области. [веб-сайт]. URL: https://30.мвд.рф/Activity/Otchjoti_dolzhnostnih_lic/uup/Otchjoti_uchastkovih_pered_naseleniem/Enotaevskij_rajon/item/6976144 (Дата обращения: 13.06.2018).
100. *Каплан С.* Татарская и казахская идентичность: национальный и государственный статус и его влияние на субъективную групповую идентичность / С. Каплан, А. Забирова, Р. Мусина, Г. Макарова, Г. Габдрахманова // Аль-Фараби. Журнал социогуманитарных исследований. Алматы. 2016. № 4(56). С. 85–104.
101. *Кадырова Л. З.* Возвращение в отчий край: Крымскотатарская библиотека — центр национального возрождения / Л. З. Кадырова // Библиотечное дело. 2009. № 14 (104). С. 28–31.
102. *Карамышев Р. Д.* Этнорелигиозная ситуация в Республике Башкортостан (на примере исламской уммы): проблемы, тенденции, перспективы. Уфа: Мир печати, 2015. 194 с. ISBN: 978–5–9613–0957–5.
103. *Каргина И. Г.* Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 108–115.
104. *Качанова Е. Ю.* Библиотека в мультикультурном пространстве региона / Е. Ю. Качанова // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2010. № 2. С. 23–30.
105. *Кашаф Ш. Р.* Вызовы национальной идентичности: мусульманский ответ, российский случай // Власть. 2015. № 4. С. 107–115.
106. *Киекбаев М. Д.* Башкиры в городах Башкортостана: история и современность (опыт историко-этнографического и этносоциологического исследования). Уфа: Нур-Полиграфиздат, 1998. 212 с.
107. *Кильдина О. К.* Толерантность: дорога к будущему (о программе по воспитанию толерантного самосознания «Единство разных») / О. К. Кильдина // Библиотечная орбита: сб. науч. — метод. материалов. — Хабаровск, 2008. Вып. 16. С. 6–8.
108. *Киселева Л.* Б. Библиотеки Хабаровского края в формировании культуры межнационального общения / Л. Б. Киселева // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2010. № 2 (47). С. 51–58.
109. *Клименко Е. В.* Интеграция и различия. О гражданской нации в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 131–143. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.13.
110. *Клюева В. П.* Распространение протестантизма у коренных малочисленных народов (на примере хантов-пятидесятников) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 133–141.
111. *Коваленко А.* Причем здесь Аллах [Электронный ресурс] // Эксперт-Урал. 26 декабря 2011. № 51 (494). URL: http://www.acexpert.ru/archive/51–494/pri-chem-zdes-allah.html (Дата обращения: 07.12.2016).

112. *Коллинз Р., Бергер П., Бергер Б.* Личностно-ориентированная социология / Пер. с англ. В. Ф. Анурина. М.: Академический Проект, 2004. 608 с. ISBN: 5–8291–0403–2.
113. Комитет Госсовета и министерство образования РТ не поддержали законопроект о добровольном изучении родных языков [Электронный ресурс] // Idel.Реалии: [веб-сайт]. Электрон. текст. дан. 24 мая 2018. URL: https://www.idelreal.org/a/29246949.html (Дата обращения: 17.08.2018).
114. *Кравцова П.* Город в газетных строках [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический интернет портал «ugra-news.ru». Электрон. текст. дан. URL: https://www.ugra-news.ru/article/07062018/68560 (Дата обращения: 22.10.2017).
115. *Кублицкая Е. А.* Специфика межэтнического и этноконфессионального взаимодействия в регионах РФ (социологический мониторинг) // Социология религии в обществе Позднего Модерна (Памяти Ю. Ю. Синелиной). Материалы Третьей Международной научной конференции. (НИУ «БелГУ», 13 сентября 2013 г.) / Отв. ред. С. Д. Лебедев. Белгород: ИД «Белгород», 2013. С. 249–264. ISBN 978–5–9571–0782–8.
116. *Кузеев Р. Г.* Демократия. Гражданственность. Этничность. М.: Центр по изучению межнациональных отношений ИЭА РАН, 1999. 376 с.
117. *Кузеев Р. Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.
118. *Курдюмов А. Б., Слоботчиков О. Н.* Народонаселение как фактор развития и столкновения цивилизаций // Человеческий капитал. 2016. № 4 (88). С. 4–5.
119. *Курс И.* Образы настоящего, профили будущего: Национальная библиотека Удмуртии как один из основных этнокультурных институтов республики / И. Курс, Н. Софронова // Библиотека. 2010. № 5. С. 57–60.
120. *Лазарева И.* В. По законам добрососедства. Формирование межкультурной толерантности / И. В. Лазарева // Библиотечное дело. 2011. № 2. С. 39–40.
121. *Лапин Н. И.* Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 9 (329). С. 3–18.
122. *Лубский А. В., Посухова О. Ю.* Проекты нациестроительства и модели национальной интеграции в России // Власть. 2016. Т. 24. № 8. С. 39–48. DOI: https://doi.org/10.31171/vlast.v24i8.4535.
123. *Малашенко А. В.* Исламское возрождение в современной России. М.: Моск. Центр Карнеги, 1998. 222 с.
124. *Макарова Г. И.* Идентичность татар и русских в контексте этнокультурных политик Российской Федерации и Республики Татарстан. Казань: Казан ун-т, 2010. 248 с. ISBN 978–5–98180–873–9.
125. Мастер-класс «Георгиевская лента» [Электронный ресурс] // Городская централизованная библиотечная система: [веб-сайт]. Электрон. текст. дан. 04 мая 2017 г. URL: http://libhm.ru/sobytiya/novosti/master-klass-georgievskaya-lenta/ (Дата обращения: 18.06.2018).

126. Межнациональное согласие в региональном контексте [Электронный ресурс] / Рук. проекта и отв. редактор Л. М. Дробижева // ИНАБ. 2015. № 2. Электрон. текст. дан. (объем 0,94 Мб.). М.: Институт социологии РАН, 2015. 125 с. электрон. опт. диск 12 см. (CD ROM). ISBN: 978–5–89697–262–4.
127. Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества: [монография] / [Л. М. Дробижева, Е. М. Арутюнова и др.]; Отв. ред. Л. М. Дробижева; Институт социологии РАН. М.: Институт социологии РАН, 2016. 400 с. ISBN 978–5–89697–276–1.
128. Межрегиональная трудовая миграция занятого населения в возрасте 15 лет и старше по субъектам Российской Федерации в 2017 году. Табл. 3. [Электронный ресурс] // Росстат. [веб-сайт]. http://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/tab3_2017.xls (Дата обращения: 17.08.2018).
129. Мечети Уфы [Электронный ресурс] // Википедия: [веб-сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D1%87%D0%B5%D1%82%D0%B8_%D0%A3%D1%84%D1%8B (Дата обращения: 05.06.2018).
130. Миссия невыполнима? Всемирный курултай башкир объединяется с другими республиками, чтобы вернуть башкирский язык [Электронный ресурс] // Proufu.ru: [веб-сайт]. Электрон. дан. 14 мая 2018 г. URL: https://proufu.ru/news/society/missiya_nevypolnima_vsemirnyy_kurultay_bashkir_obedinyaetsya_s_drugimi_respublikami_chtoby_vernut_ba/?sphrase_id=8836321 (Дата обращения: 05.06.2018).
131. Митинг в поддержку башкирского языка в Уфе собрал более 300 человек [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: [веб-сайт]. Электрон. текс. дан. 16.09.2017. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3413892 (Дата обращения: 21.10.2017).
132. *Митрошенков О. А.* Идентичность: от теоретического концепта к управленческим воздействиям // Власть. 2016. Т. 24. № 2. С. 14–28. DOI: https://doi.org/10.31171/vlast.v24i2.3718.
133. *Мокшанова Е. В.* Культурная среда библиотеки как ресурс поликультурного общества // Библиосфера. 2009. № 3. С. 25–28.
134. *Мукомель В. И.* Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 69–79.
135. *Мукомель В. И.* Свои «иные»: внутрироссийские иноэтничные мигранты в Московском мегаполисе // Федерализм, № 1. 2015. С. 79–92.
136. Муниципальная программа «Профилактика экстремизма и терроризма в городе Когалыме» Постановление Администрации города Когалыма от 15.10.2013 № 2927. [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов местного самоуправления города Когалыма. URL: http://admkogalym.ru/economics/municipal-programs/munitsipalnye-programmy/ (Дата обращения: 12.06.2018).
137. *Мусина Р. Н.* Реисламизация татар как форма «религиозного национализма» // Ислам в России. М. ЦИМО, 1997. С. 81–87.

138. *Мусина Р. Н.* Религиозность как фактор межэтнических отношений в Республике Татарстан // Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России. М: Институт социологии РАН, 1998. С. 232–242.
139. *Мусина Р. Н.* Религия и идентификационные процессы // Этническая идентичность татар в региональных контекстах / Отв. ред. Г. Ф. Габдрахманова, Г. И. Макарова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 78–96.
140. *Мусина Р. Н.* Этноконфессиональные особенности и факторы формирования гражданской идентичности // Федерализм в России. Казань, Ин-т истории АН Татарстана, 2001. С. 207–213
141. *Мусина Р. Н.* Религиозное возрождение, этноконфессиональные отношения и проблемы интеграции общества: пример Татарстана // Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: РОССПЭН, 2013. С. 107–138.
142. *Мухаметшин Р. М.* Конфессиональный компонент этнической идентичности // Казанский федералист. 2006. № 4 (20). URL: http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n20/9/ (Дата обращения: 20.08.2018).
143. *Мчедлов М. П.* Религиозная идентичность. О новых проблемах в межцивилизационных контактах // Социологические исследования 2006. № 10. С. 33–44.
144. *Мчедлова М. М.* Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 110–117.
145. *Мчедлова М. М.* Социокультурные смыслы политики: новая логика интерпретации и религиозные референции // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 157–174.
146. Население частных домохозяйств по продолжительности проживания, полу и возрастным группам по субъектам Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Росстат: [веб-сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Дата обращения: 22.08.2018).
147. *Наумова Р. В.* Дальневосточная государственная научная библиотека — центр сохранения и развития национальных культурных традиций народов Хабаровского края: концепция развития / Р. В. Наумова // Вест. Дальневост. гос. науч. б-ки. 2010. № 2(47). С. 35–37.
148. Национальный состав населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года. Статбюллетень. Уфа, 2012.
149. *Николсон П.* Толерантность как моральный идеал // Толерантность. Вестник Уральского межрегионального института общественных отношений. 2001. № 1. С. 129–146.

150. Новости полиции. 28 Июня 2017 г. Оперативная обстановка на территории обслуживания Сургутского ЛО МВД РФ на транспорте, в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, противодействия экстремизму и терроризму, остается под контролем [Электронный ресурс] // Администрация города Сургута: [веб-сайт]. URL: http://admsurgut.ru/article/21001/102067/Operativnaya-obstanovka-na-territorii-obsluzhivaniya-Surgutskogo-LO-MVD-RF-na-transporte-v-sfere-mezhnacionalnyh — i-mezhkonfessionalnyh-otnosheniy-protivodeystviya-ekstremizmu-i-terrorizmu-ostaetsya-pod-kontrolem (Дата обращения: 12.06.2018).
151. *Нурушева А. М.* Особенности социально-пространственного неравенства в городском ландшафте Астаны // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 89–94.
152. *Ньюман Л.* Неопросные методы исследования. // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 119–129.
153. Об утверждении городской целевой программы профилактики правонарушений и борьбы с преступностью на территории городского округа город Уфа Республики Башкортостан на 2013–2015 годы. [Электронный ресурс]: Уфа. Столица Республики Башкортостан: [веб-сайт]. URL: http://www.ufacity.info/document/157048.html (Дата обращения: 12.06.2018). Данное требование содержалось в аналогичных программах на 2007–2009 и 2010–2012 гг.
154. О библиотеке. [Электронный ресурс] // Национальная библиотека им. Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан: [веб-сайт]. URL: http://bashnl.ru/o-biblioteke/ (Дата обращения: 22.08.2018).
155. Общественное мнение. 2017. М.: Левада-Центр, 2018. 244 с.
156. О плане мероприятий ("дорожная карта") по реализации Концепции противодействия распространению заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека, в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре до 2020 года, Приложение 1 к распоряжению Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 8 июля 2016 года N 373-рп. [Электронный ресурс] // Консорциум Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/429023932 (Дата обращения: 23.08.2018).
157. Опыт органа местного самоуправления по взаимодействию с национально-культурными автономиями, этническими и религиозными организациями. Сборник материалов межмуниципального семинара 30 сентября 2011 года, город Сургут. Практическое пособие / Под редакцией Т. Д. Чибизовой, Сургут: Рекламное агентство «ОЖК». 2011. 132 с.
158. *Осипов А. Г.* Дискриминация по признакам, связанным с местом жительства — основные аспекты и контуры проблемы. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. № 361–362 19 января-1 февраля 2009. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0361/analit05.php (Дата обращения: 12.06.2018).

159. Отношение к религиям [Электронный ресурс] // Левада Центр: [веб-сайт]. Электрон. текст. дан. 23.01.2018. URL: https://www.levada.ru/2018/01/23/otnoshenie-k-religiyam/ (Дата обращения: 18.06.2018).
160. Отчет начальника Отдела МВД России по району Чертаново Южное г. Москвы «Об итогах оперативно-служебной деятельности за 12 месяцев 2017 года» перед представительными органами муниципального образования. [Электронный ресурс] // УВД по ЮАО ГУ МВД по г. Москве. URL: https://юао.мск.мвд.рф/document/12089774 (Дата обращения: 13.06.2018).
161. Отчет о результатах социологического исследования (экспертный опрос) на тему: «Межнациональные и межконфессиональные отношения в городе Сургуте». [Электронный ресурс] // ХМАО–Югра. Администрация города Сургута. МКУ «Наш город». URL: http://www.admsurgut.ru/files/oldfiles/dm137434_0.doc (Дата обращения: 25.06.2018).
162. *Павлова О. С., Миназова В. М., Хухлаев О. Е.* Религиозная идентичность студентов-мусульман (на материале изучения молодежи, проживающей в Чеченской республике) // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. Т 4. С. 90–99.
163. *Паин Э. А.* Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд Либеральная миссия, 2003. 158 с.
164. *Пантин И. К.* Дискуссия. Цивилизационная модель международных отношении и ее импликации (научная дискуссия в редакции Полиса) / Пантин И. К., Хорос В. Г., Кара-Мурза А.А., Панарин А. С., Рашковский Е. Б., Цымбурский В. Л., Умов В. И., Ильин М. В. // Полис. Политические исследования. 1995. № 1. С. 121–165.
165. *Папакостас А.* Становление публичной сферы: Недоверие, доверие и коррупция / Пер. с англ. Д. Жихаревича. М.: ВЦИОМ, 2016. 224 с.
166. *Парсонс Т.* О социальных системах / Под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
167. Патриарх Кирилл считает Башкирию примером межрелигиозного мира [Электронный ресурс] // Интерфакс-Религия. URL: http://www.interfax-religion.ru/index.php/interfax-russia.ru/%3Cbr%20/%3E%0D%0Ahttp://www.interfax-religion.ru/print.php?act=news&div=63281 (Дата обращения: 22.06.2018).
168. *Перегудов С. П.* Этноконфессиональные отношения в России как фактор политического риска. // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2011. № 4(63) С. 19–34.
169. Перечень поручения по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям, состоявшегося 20 июля 2017 года. 28.08.2017. [Электронный ресурс] // Президент России: [веб-сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/55464 (Дата обращения: 18.10.2017).

170. *Пипия К.* Ксенофобия и национализм [Электронный ресурс] // Левада-Центр: [веб-сайт]. Электрон. текст. дан. Пресс-выпуск. 25.08.2015. http://www.levada.ru/25–08–2015/ksenofobiya-i-natsionalizm (Дата обращения: 17.08.2018).
171. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 24.06.2007. [Электронный ресурс] // Президент России. [веб-сайт]. URL: http://Kremlin.ru/acts/bank/25522 (Дата обращения: 01.07.2018).
172. Послание Федеральному Собранию. 8 июля 2000 г. [Электронный ресурс] // Президент России. [веб-сайт]. URL: http://www.Kremlin.ru/events/president/transcripts/21480 (Дата обращения: 01.07.2012).
173. Постановление Администрации города Нижневартовска от 21.04.2011 № 403 (ред. от 05.12.2014)«Об утверждении муниципальной программы "Профилактика терроризма и экстремизма в городе Нижневартовске на 2012–2014 годы"». [Электронный ресурс] // Гарант. URL: http://base.garant.ru/30715714/ (Дата обращения: 17.08.2018).
174. Постановление Администрации города Ханты-Мансийска от 24.10.2013 № 1364 (ред. от 11.04.2016)«Об утверждении муниципальной программы "Профилактика правонарушений в сфере обеспечения общественной безопасности и правопорядка в городе Ханты-Мансийске" на 2016–2020 годы"» (вместе с "Перечнем основных мероприятий"). [Электронный ресурс] // Гарант. URL: http://base.garant.ru/30724731/ (Дата обращения: 17.08.2018).
175. Постановление Администрации города Югорска от 06.04.2015 № 1752 «Об утверждении системы мониторинга профилактики межнациональных, межконфессиональных конфликтов в муниципальном образовании городской округ город Югорск» (вместе с "Перечнем показателей мониторинга и исполнителей, осуществляющих сбор информации по показателям"). [Электронный ресурс] // Администрация города Югорска. URL: http://adm.ugorsk.ru/regulatory/npa/2057/26947/ (Дата обращения: 17.08.2018).
176. Постановление Администрации города Югорска от 31.10.2013 № 3290 (ред. от 07.08.2015)«О муниципальной программе города Югорска "Профилактика экстремизма, гармонизация межэтнических и межкультурных отношений, укрепление толерантности на 2014–2020 годы"». Раздел 3, п.1.12. [Электронный ресурс] // Администрация города Югорска. URL: http://adm.ugorsk.ru/regulatory/npa/1476/16949/ (Дата обращения: 17.08.2018).

177. Постановление Администрации Нефтеюганского района (ХМАО) № 6 от 08 февраля 2018 года «О мерах по предупреждению вовлечения несовершеннолетних в террористическую и экстремистскую деятельность, а также доведению до них информации об уголовной ответственности за преступления террористической и экстремистской направленности». С. 2. [Электронный ресурс]: Администрация Нефтеюганского района. Территориальная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав. URL: www.admoil.ru/zashita_prav_detey/postanovleniya/2018/6.docx (Дата обращения: 13.06.2018).
178. Постановление губернатора Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 29 декабря 2017 г. № 146 об установлении на 2018 год запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности. [Электронный ресурс] // Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc; base=RLAW926; n=164761#07919532569825842 (Дата обращения: 13.06.2018).
179. Постановление губернатора ХМАО — Югры от 01.07.2010 № 120 (ред. от 07.07.2016)«О Департаменте культуры Ханты-Мансийского автономного округа — Югры№ (вместе с "Положением о Департаменте культуры Ханты-Мансийского автономного округа — Югры"), П.6.1.4. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/991023441 (Дата обращения: 13.06.2018).
180. Постановление Губернатора ХМАО — Югры от 02.02.2016 № 11 «Об указании в патенте, выдаваемом в Ханты-Мансийском автономном округе –Югре, профессии иностранного гражданина и установлении запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности на 2016 год», п.2. [Электронный ресурс] // Департамент труда и занятости Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. URL: https://deptrud.admhmao.ru/trudovaya-migratsiya/informatsiya-dlya-rabotodaley/354381/postanovlenie-gubernatora-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-ot-30-dekabrya-2014-g-n-147-ob (Дата обращения: 13.06.2018).
181. Постановление Правительства РБ от 07.09.2016 № 379 «Об утверждении государственной программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов в Республике Башкортостан» [Электронный ресурс] // Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc; base=RLAW140; n=107159#034643408395499975 (Дата обращения 05.06.2018).
182. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2015 года № 1327 "Об утверждении Правил определения срока приведения

хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории субъекта Российской Федерации, численности используемых ими иностранных работников в соответствие с запретом на привлечение такими хозяйствующими субъектами иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности, установленным высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации)" [Электронный ресурс] // Гарант.ру: [веб-сайт]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71174498/ (Дата обращения: 17.08.2018).

183. Постановление Правительства ХМАО — Югры от 09.06.2009 № 143-п (ред. от 12.02.2016)«О Координационном совете по реализации демографической и семейной политики в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре» (вместе с "Положением о Координационном совете по реализации демографической и семейной политики в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре"). [Электронный ресурс] // Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?base=RLAW926&dst=&n=51975&req=doc#047469832463808026 (Дата обращения: 17.08.2018).
184. Постановление Правительства ХМАО — Югры от 09.10.2013 № 413-п (ред. от 20.05.2016)«О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры "Развитие образования в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре на 2016–2020 годы"», Гл. 1, ч.2, п.б. [Электронный ресурс] // Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW926&n=93756#02980154388160401 (Дата обращения: 17.08.2018).
185. Постановление Правительства ХМАО — Югры от 13.11.2015 № 397-п (ред. от 08.04.2016)«О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры "Оказание содействия добровольному переселению в Ханты-Мансийский автономный округ — Югру соотечественников, проживающих за рубежом, на 2016–2020 годы"». [Электронный ресурс] // Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?base=RLAW926&n=122593&req=doc#05095849376020631 (Дата обращения: 17.08.2018).

186. Постановление Правительства ХМАО — Югры от 27.07.2012 № 265-п (ред. от 25.03.2016)«О Департаменте труда и занятости населения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры» (вместе с “Положением о Департаменте труда и занятости населения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры”, “Перечнем должностных лиц Департамента труда и занятости населения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (далее — Департамент), осуществляющих региональный государственный контроль (надзор), и их полномочия”). [Электронный ресурс] // Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW926&n=81592&dst=100009#05252267256271819 (Дата обращения: 17.08.2018).
187. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года. Росстат, 2017, [Электронный ресурс] // Росстат: [веб-сайт]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812 (Дата обращения: 17.08.2018).
188. Призвание Югры [Электронный ресурс] // Приходы. Церковь — это жизнь. URL: https://prichod.ru/the-word-a-of-arhipaster/32261/ (Дата обращения: 17.08.2018).
189. Приложение к Решению «О ходе реализации Комплексной программы профилактики правонарушений в городском округе город Салават Республики Башкортостан». С. 5. [Электронный ресурс] // Совет городского округа город Салават Республика Башкортостан. URL: http://www.salavatsovet.ru/resheniya-soveta/3-sozyv/materialy-k-zasedaniyu-soveta/materialy-k-47-zasedaniyu-soveta/o-xode-realizacii-kompleksnoj-programmy-profilaktiki-pravonarushenij-v-gorodskom-okruge-gorod-salavat-respubliki-bashkortostan/ (Дата обращения: 12.06.2018).
190. Приложение к решению Совета городского округа город Салават Республики Башкортостан от 16 марта 2011 г. № 2–42/461. Информация о ходе выполнения Комплексной программы профилактики терроризма и экстремизма в городском округе город Салават Республики Башкортостан на 2010–2012 гг. в 2010 году. [Электронный ресурс] // Совет городского округа город Салават Республика Башкортостан. URL: http://salavatsovet.ru/wp-content/uploads/2011/03/pril.doc (Дата обращения: 13.06.2018).
191. Присоединение Башкортостана к России [Электронный ресурс]: Википедия: [веб-сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Присоединение_Башкортостана_к_России (Дата обращения: 17.08.2018).
192. Протокол Межведомственной комиссии по координации деятельности субъектов профилактики правонарушений в Республике Карелия № 3 от 31 августа 2016 года. С. 11. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Республики Карелия. URL: http://www.gov.karelia.ru/Power/Committee/Emercom/protn3_16.doc (Дата обращения: 13.06.2018).

193. *Путин В. В.* Выступление на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений. 5 февраля 2004 г. Чебоксары. [Электронный ресурс] // Президент России. [веб-сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22349 (Дата обращения: 13.06.2018).
194. Распоряжение Администрации муниципального образования «Икрянинский район» «О принятии дополнительных мер по недопущению совершения террористических актов и преступлений, связанных с посягательством на жизнь и здоровье граждан на территории МО «Икрянинский район» от 05.04.2017 г. № 102. [Электронный ресурс] // Администрация муниципального образования «Икрянинский район»: [веб-сайт]. URL: http://ikradm.ru/normativnie-pravovie-akti/postanovleniya-i-raspory ajeniyz/1491-postanovleniya-i-rasporyazheniya-za-2017-god?start=3 (Дата обращения: 12.06.2018).
195. Распределение внутрироссийских трудовых мигрантов по видам экономической деятельности и по территориям нахождения их работы в отдельных субъектах Российской Федерации в возрасте 15 лет и старше в 2017 году. (По данным выборочного обследования рабочей силы). Табл. 4. [Электронный ресурс] // Росстат: [веб-сайт]. http://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/tab4_2017.xls (Дата обращения: 17.08.2018).
196. Распределение внутрироссийских трудовых мигрантов по территориям нахождения их работы (въезд в субъекты Российской Федерации). Табл. 2. [Электронный ресурс] // Росстат: [веб-сайт]. URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/tab2_2017.xls (Дата обращения: 17.08.2018).
197. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2017 года. [Электронный ресурс] // РИА Рейтинг. URL: http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html (Дата обращения: 09.06.2018).
198. Религиозные объединения Республики Башкортостан. Справочник. — Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2014 [Электронный ресурс] // РБ–XXI век. Сайт традиционалистов Башкортостана. URL: http://lawinrussia.ru/content/musulmanskaya-umma-bashkortostana (Дата обращения: 09.06.2018).
199. Религия в самосознании народа (Религиозный фактор в идентификационных процессах) / [М. П. Мчедлов и др.]; отв. ред. М. П. Мчедлов М.: Институт социологии РАН, 2008. 145 с.
200. *Ремизов М.* Проект государство-цивилизация. [Электронный ресурс] // Интелрос. Интеллектуальная Россия. URL: http://www.intelros.org/drevo/remizov1.htm (Дата обращения: 26.08.2018).
201. Ресурс межэтнического согласия в Москве [Электронный ресурс] / Рук. проекта и отв. редактор Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН. 2014. 124 с. 1 CD ROM, Официальный сайт Института социологии РАН, URL: http://www.isras.ru/inab_2014_02.html.

202. Решение от 30.04.2014 № 38 О результатах работы администрации города Покачи и отдела министерства внутренних дел России по городу Покачи в рамках обеспечения общественной безопасности и охраны общественного порядка на территории города Покачи. С. 15. [Электронный ресурс]: Дума города Покачи Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. URL: dumapokachi.ru/files/2014/resheniya2014/05.05.2014/38_ot_30_04_2014.docx (Дата обращения: 12.06.2018).
203. РИА Рейтинг: Москва, Петербург и Югра стали лидерами в социально-экономическом развитии регионов [Электронный ресурс] // Прайм. Агентство экономической информациии URL: https://1prime.ru/state_regulation/20180523/828851617.html (Дата обращения 13.07.2018).
204. Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009. 268 с.
205. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / [М. К. Горшков и др.]; отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: Наука, 2005. 396 с.
206. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: «Весь Мир», 2015. 336 с. ISBN 978-5-7777-0593-8
207. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая. [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: «Весь Мир», 2015. 432 с. ISBN 978–5–7777–0604–1
208. Российское общество и вызовы времени. Книга четвёртая / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: «Весь Мир», 2016. 400 с. ISBN: 978–5–7777–0663–8
209. Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф. Вып. 14. 496 с.
210. Итоги Всероссийской переписи населения 2010. [Электронный ресурс] // Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (Дата обращения 13.07.2018).
211. *Рубанцова Т. А., Чеботарёв В. В.* «Столкновение цивилизаций» и современный терроризм: мифы и реальность // Философия образования. 2016. № 2 (65). С. 76–83.
212. Рустэм Хамитов подписал Указ о мерах по развитию государственных языков Башкортостана и языков народов республики. [Электронный ресурс] // Глава Республики Башкортостан: [веб-сайт]. URL: https://glavarb.ru/rus/press_serv/ofitsialno/69555.html (Дата обращения: 22.10.2017).
213. *Рыбаковский Л. Л.* Стадии миграционного процесса // Миграция населения / Под общей ред. О. Д. Воробьевой. М.: Мин-во по делам федерации и миграц. политики России 2001. Вып. 5. 158 с.
214. *Рыжова С. В.* Особенности изучения религиозной идентичности россиян // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 118–127.

215. *Рыжова С. В.* Этническая и гражданская идентичность в контексте межэтнической толерантности: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Институт социологии Российской академии наук. Москва, 2008. 225 с. [Электронный ресурс] // Официальный портал Института социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/files/File/Avtoreferat/Avtoreferat_RyzhovaS.pdf (Дата обращения 13.07.2018).
216. *Рыжова С. В.* Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М, 2011. 280 с. ISBN 978–5–98281–303–9
217. *Рыжова С. В.* Доверие и этническая толерантность в условиях социальных перемен // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 1. С. 72–94.
218. *Рыжова С. В.* Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. 2017 № 3. С. 44–63.
219. *Рыжова С. В.* Этноконфессиональная идентичность и формирование религиозных политических ориентаций // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 136–144.
220. Сайт патриархии РПЦ // http://www.patriarchia.ru/db/text/1912987.html
221. *Салагаев А. Л., Лучшева Л. В.* Этнолингвистический конфликт в Республике Татарстан как следствие противоречий языковой и образовательной политик // Новые проблемы социокультурной эволюции регионов. Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». 12–15 октября 2011 г. Казань. Казань, 2011. С. 162–168.
222. *Санина А. Г.* Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 57–65.
223. *Сафин Ф. Г.* Этнополитическое развитие Башкортостана в XX веке. Социолингвистический аспект. Казань, 2004. 543 с.
224. *Сафин Ф. Г., Халиулина А. И.* Роль русского языка в формировании общероссийской гражданской идентичности в полиэтничном регионе (на примере Башкортостана) // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 90–96.
225. *Сафронов Р. О.* Теория ритуала Д. Маршалла в свете социологии религии Э. Дюркгейма // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. Вып. 2. С. 162–182.
226. *Свитич Л. Г., Смирнова О. В., Ширяева А. А., Шкондин М. В.* Содержательно-тематическая структура городских газет (контент-аналитическое исследование) // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2015. № 6. С. 64–81.
227. *Семененко И. С.* Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. 2016/ № 4. С. 8–28. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03.

228. *Семененко И. С., Лапкин В. В., Бардин А. Л., Пантин В. И.* Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 54–78. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05.
229. *Семёнова А. В., Корсунская М. В.* Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / Под ред. В. А. Мансурова. М.: Институт социологии РАН, 2010. 324 с. 1 CD-ROM.
230. *Соболевская О. В.* Смешанные браки измеряют дистанцию между этносами. 05.06.2015. [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ. Научно-образовательный портал IQ. URL: https://iq.hse.ru/news/177665069.html (Дата обращения: 09.06.2018).
231. Совет Федерации одобрил закон об изучении родных языков. 28.07.2018. [Электронный ресурс] // ТАСС. Информационное агентство России. URL: http://www.tass.ru/obschestvo/5401275 (Дата обращения: 25.08.2018).
232. *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
233. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / [В. В. Амелин, А. Д. Бравин и др.]; отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Academia, 2002. 480 с. ISBN 5–87444–062–3
234. Социальные факторы межэтнической напряженности в России: монография / [М. Ф. Черныш и др.]; отв. ред. Ю. Б. Епихина, М. Ф. Черныш. Москва: ФНИСЦ РАН, 2017. 336 с. ISBN 978–5–89697–291–4
235. Социологический ответ на «национальный вопрос»: пример Республики Башкортостан. [Электронный ресурс] // ИНАБ № 5–2012. / [Арутюнова Е. М. и др.]; отв. ред. Л. М. Дробижева. Институт социологии РАН, Башкирский филиал ИС РАН. М.: ИС РАН, 2012. 124 с. 1 CD ROM. ISBN 978–5–89697–219–8
236. Социология межэтнической толерантности / [Л. М. Дробижева и др.]; отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. 222 с. ISBN 5–89697–084–6
237. *Старостин А.* Уральские социологи составили портрет таджикского мигранта и выявили основные проблемы гастарбайтеров. [Электронный ресурс] // Фергана. Информационное агентство. URL: http://www.fergananews.com/articles/6338 (Дата обращения: 20.06.2018).
238. *Старостин А. Н.* Татары и ислам в Сибирском федеральном округе // Татары и ислам в регионах Российской Федерации: современная этноконфессиональная ситуация / рук проекта и отв. ред. Р. Н. Мусина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во Артифакт. 2015. 284 с. ISBN 978–5–905089–19–0
239. *Старостин А. Н.* Татары и ислам на севере Западной Сибири // Татары и ислам и в регионах Российской Федерации: религиозное возрождение и этничность / рук. проекта и отв. ред. Р. Н. Мусина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Издательство «Артифакт», 2014. ISBN 978–5–905089–18–3

240. Статистика религиозных организаций в ХМАО–Югре. Итоги 2017 г. [Электронный ресурс] // Свобода верить: [веб-сайт]. URL: http://xn—
—7sbcddjky1cb1acy4l.xn — p1ai/?p=3182 (Дата обращения: 25.08.2018).
241. Стела — памятный знак «Первооткрывателям земли Югорской» [Электронный ресурс] // Ханты-Майсийск. Официальный информационный портал. URL: http://admhmansy.ru/city/monuments.php? ELEMENT_ ID=100702 (Дата обращения: 17.08.2018).
242. *Столярова Г. Р.* Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана. Дисс. докт. ист. наук. (07.00.07). Казань: Казанский (Приволжский федеральный университет), 2004. 425 с.
243. *Сулейманова Ш. С., Рябова Е. Л.* Роль СМИ в регулировании межнациональных отношений в современной России // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 5 (83). С. 9–14.
244. Сургут отпраздновал окружной Сабантуй. [Электронный ресурс] // Газета «Сургутская трибуна» от 20.06.2017. URL: https://ugra-news.ru/article/20062017/50507 (Дата обращения: 17.08.2018).
245. Теракт в Париже: карикатуры, ислам, запреты [Электронный ресурс] // Левада Центр: [веб-сайт]. Электрон. текст. дан. Пресс-выпуски. 29.01.2015. URL: https://www.levada.ru/2015/01/29/terakt-v-parizhe-karikatury-islam-zaprety/ (Дата обращения: 17.06.2018).
246. *Тён А. ван Дейк*. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
247. *Тиллих П.* Избранное. Теология культуры / Пер. с англ., сост. С. Я. Левит, С. В. Лезов. М.: Спб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 352 с. ISBN 978–5–98712–511–3
248. *Тишков В. А.* Что есть Россия и Российский народ // Pro et Contra. 2007. № 3. С. 21–41.
249. *Тишков В. А.* Языки нации // Вестник Российской академии наук, 2016. Т. 86. № 4. С. 291–303. DOI: 10.7868/S0869587316040174
250. *Токарев С. А.* О религии как социальном явлении (Мысли этнографа) // Советская этнография. 1979. № 3. С. 87–105.
251. Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: управление рисками ксенофобии в обществе риска / [Ю. П. Зинченко и др.]; под ред. Ю. П. Зинченко, А. В. Логинова. М.: 2011. 608 с. ISBN 978–5–212–01220–1
252. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / [А. Б. Гофман и др.]; под ред. А. Б. Гофмана. М.: РОССПЭН, 2008. 543 с. ISBN 978–5–8243–1071–9
253. *Трофимова И. Н.* К проблеме регулирования межэтнических отношений в местных сообществах // Ars Administrandi. Искусство управления. 2014. № 1. С. 61–69.
254. Улицы Уфы [Электронный ресурс]: Википедия: [веб-сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Улицы_Уфы (Дата обращения: 17.08.2018).
255. *Уолцер М.* О терпимости. Перевод с англ. яз. И. Мюрнберг. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 160 с. ISBN 5–7333–0019–1

256. *Фадеев П. В.* Медиа как фактор формирования отношения к мигрантам // Вестник Института социологии. 2015. № 15. С. 108–128.
257. Федеральное статистическое наблюдение за использованием труда мигрантов (по результатам выборочного обследования населения в 2014 г.). [Электронный ресурс] // Росстат: [веб-сайт]. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/imigr/index.html (Дата обращения: 17.08.2018).
258. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: [веб-сайт]. URL: https://giod.consultant.ru/documents/727313 (Дата обращения: 17.05.2018).
259. Федеральный закон «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации» (проект). [Электронный ресурс] // Федеральное Собрание Российской Федерации. Государственная дума. Официальный сайт. URL: http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/3A2741584A914D6B432571BB005B7A6E? OpenDocument (Дата обращения: 17.08.2018).
260. Федеральный закон «О национально-культурной автономии» № 74–ФЗ от 17 июня 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2965.
261. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 145; 1998. № 48. Ст. 5849.
262. Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. Ст. 1930; 1997. № 20. Ст. 2231; 1998. № 30. Ст. 3608.
263. Федеральный закон «Об основах государственной национальной политики РФ» № 369190–3 (проект). 22.09.2003. [Электронный ресурс] // Сейчас. ру. Новости России и мира. UTL: http://www.lawmix.ru/law_project.php?id=14582 (Дата обращения: 17.05.2018).
264. Федеральный Закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» [Электронный ресурс] // «Российская газета»: [веб-сайт]. URL: https://rg.ru/2001/07/11/partii-dok.html (Дата обращения: 15.07.2018).
265. *Федотова В. Г.* Модернизация и культура. М.: Прогресс-Традиция, 2016. 336 с. ISBN 978–5–89826–452–9
266. *Филатов С., Лункин Р.* Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 35–45.
267. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ-ЛТД, 1998. 672 с. ISBN 978–5–17–087248–0

268. ФСО доложила о межконфессиональных отношениях в РФ. На тюменском севере каждый десятый готов взять в руки оружие. [Электронный ресурс]. Интернет-газета ZNAK. URL: https://www.znak.com/2016–03–24/na_tyumenskom_severe_kazhdyy_desyatyy_gotov_vzyat_v_ruki_oruzhie (Дата обращения: 09.06.2018).
269. *Хабермас Ю.* Между натурализмом и религией. Философские статьи. М.: «Весь Мир», 2011. 336 с. ISBN 978–5–7777–0386–6
270. *Хайкин С. Р., Бережкова С. Б.* Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 97–110.
271. *Хантингтон С.* Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 635 с. ISBN 5–17–024800–8; ISBN 5–9578–1030–4
272. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю Новикова. М.: АСТ, 2003. 603 с. ISBN 5–17–007923–0
273. *Хобсбаум Э.* Нация и национализм после 1789 г. СПб.: Алетейя. 1998. 308 с.
274. *Худокормова О.* Патриотизм — значит... миролюбие: // Библиотека. 2008. № 11. С. 64–69.
275. «Церковь и общество: вместе или порознь?» [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 16–17 мая 2015 г. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=61 (Дата обращения: 18.06.2018).
276. *Цибенко В. В. (Иванова)* Накшбандийский тарикат Хакканийа (раббанийа) и неоосманский проект шейха Назима Киприотского // Исламоведение. 2014. № 4. С. 94–104.
277. *Чаднова И. В.* Система знаний коренных народов в библиотечном обслуживании // Информационный бюллетень РБА. 2010. № 54. С. 57–60.
278. *Черников А. В., Бунин А. Ю.* «Столкновение цивилизаций» как основная тенденция современных международных отношений // Творческое наследие Николая Яковлевича Данилевского и его значение для научной мысли России и Крыма (материалы Международной научно-практической конференции, г. Симферополь, 21–23 мая 2015 г.). Курск: Изд-во Курск. гос. с. — х. ак. 2016. С. 109–117.
279. *Шварц Ш.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / *Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С.* // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
280. *Шарангович Л. А.* Вернуться к своим истокам и вспомнить кто мы (о Днях национальной культуры в ЦГБ им. Н. Островского г. Комсомольска-на-Амуре // Библиотечная орбита. 2010. Вып. 19. С. 5–11.
281. *Шарангович Л. А.* Программы и проекты центральной городской библиотеки им. Н. Островского в области библиотечно-информационного обслуживания мультикультурного населения г. Комсомольска-на-Амуре / МУК «Гор. централиз. б-ка им. Н. Островского»; сост. Л. А. Шарангович. Комсомольск-на-Амуре, 2010. 16 с.

282. *Шовканов Д. А.* Коллективная ответственность как внешний и внутренний регулятор локализации этнополитических напряжений и конфликтогенности // Вопросы политологии. 2018. № 3 (31). С. 75–84.
283. *Шовканов Д. А.* Эффективность государственного управления в сфере межнациональных (межэтнических) отношений // Этносоциум. 2018. № 2 (116). С. 47–58.
284. *Штомпка П.* Доверие — основа общества. М.: Логос, 2014. 440 с. ISBN 978–5–98704–495–7.
285. *Эйзенштадт Ш.* Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация // Государство. Религия. Церковь. 2012. № 1(30). С. 33–56.
286. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Пер с англ. А. Д. Андреевой, А. М. Прихожан, В. И. Ривош, Н. Н. Толстых; под ред. А. В. Толстых. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. 352 с. ISBN 5–01–004479-X
287. Этническая, гражданская и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / [Е. М. Арутюнова и др.]; рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с. ISBN 978–5–8243–1772–5
288. Этнические группы и социальные границы / Под ред. Фредрика Барта; пер. с англ. Игоря Пильщикова. М.: Новое изд-во, 2006. 198 с.
289. Этничность и межнациональные отношения в социальном контексте [Электронный ресурс] // ИНАБ № 3–2017. [Л. М. Дробижева и др.]; Отв. редактор Л. М. Дробижева. Электрон. текст. дан. (объем 1,7 Мб). М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 126 с. 1 электрон. опт. диск 12 см (CD-ROM).
290. *Юнг К. Г.* Психология и религия // Избранные работы / Перевод и оставление А. М. Руткевича. СПб., Издательство РХГА, 2014. 288 с. ISBN 978–5–88812–573–1
291. *Юнусова А. Б.* Имамы — слабое звено российского ислама (к вопросу о ресурсах духовной безопасности) // Экономика и управление. 2016. № 5. С. 93–100.
292. *Юнусова А. Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. 93 с.
293. Языки Башкортостана: социокультурный и политологический аспекты / [А. Т. Бердин и др.]. Уфа: Институт стратегических исследований АН Республики Башкортостан, 2016. 47с.
294. *Якубов Э. Н.* Диалоговое чтение: от этнической идентификации к межэтнической толерантности // Школьная библиотека. 2008. № 4. С. 70–72.
295. *Якубов Э. Н.* Толерантность общими усилиями: Сотрудничество библиотек и региональных структур гражданского общества // Вестник библиотек Москвы. 2008. № 1. С. 21–25.
296. *Ямаева Л. А.* Этничность и религиозное возрождение в Бакортостане: возможности и риски для социальной интерграции (исламский путь) // Социологический ответ на национальный вопрос: пример Республики Башкортостан. Институт социологии РАН, Башкирский филиал ИС РАН. М., Уфа: Восточная печать, 2012. С 70–81.

297. *Ajami F.* The Summoning // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. № . 4. P. 2–9.
298. *Amir Y.* Contact hypothesis in ethnic relations // Psychological Bulletin. 1969. Vol. 71. P. 319–342.
299. *Bendix R.* Nation-Building and Citizenship: Studies of Our Changing Social Order. Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 1977. 464 p.
300. *Brubaker R.* Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States. Ethnic and Racial Studies. 2011. Vol. 34. № 11. P. 1785–1814. DOI: http//dx.doi.org110.1080/01419870.2011.579137.
301. Code of practice (England, Wales and Scotland) for the exercise of stop and search powers under sections 43 and 43a of the terrorism act 2000, and the authorisation and exercise of stop and search powers relating to section 47a of, and schedule 6b to, the Terrorism act 2000. Доступ: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/97944/stop-search-code-of-practice.pdf (Дата обращения: 10.07.2018).
302. *Deutsch K.* Nationalism and Its Alternatives. New York: Knopf, 1969. 445 p.
303. Ethnic Profiling in– the European Union: Pervasive, Ineffective, and Discriminatory New York: Open Society Institute. 2009. P. 50–75.
304. Fair and Effective Police Stops. Lessons in Reform from Five Spanish Police Agencies. Technical Report. New York: Open Society Foundations. 2015. P. 26.
305. *Fox J.* Ethnic Minorities and the Clash of Civilizations: A Quantitative Analysis of Huntington's Thesis. // British Journal of Political Science. 2002. № 32:3. P. 415–434. DOI: https://doi.org/10.1017/S0007123402000170/
306. *Friedman T. L.* The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005. 660 p.
307. *Geert Hofstede*. Dimensions of National Cultures. [Электронный ресурс] // Docslide: [веб-сайт]. Электрон. текст. дан. Published on 11 Dec 2015. URL: https://documents.tips/documents/geert-hofstede-dimensions-of-national-cultures.html (Дата обращения: 15.08.2018).
308. *Giddens A.* Living in a post-traditional society // U. Beck, A. Giddens, S. Lash. Reflexive modernization: politics, tradition and aesthetics in the modern social order. Cambridge: Polity Press, 1994. P. 56–109.
309. *Gorenburg Dm. P.* Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation. Cambridge: University Press, 2003. 310 p.
310. *Hobsbaum E.* Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 214 p.
311. *Hofstede G.* Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. 2011. № 2 (1). p. 9. DOI: https://doi.org/10.9707/2307–0919.1014
312. *Horowitz D.* Ethnic groups in Conflict. University of California Press, 1985. 707 p. ISBN: 0–520–05385–0.

313. *Huddleston T., Niessen J., Tjaden J. D.* Using EU Indicators of Immigrant Integration. Final Report for Directorate-General for Home Affairs. Brussels: European Commission, 2013. 73 p.
314. *Huntington S. P.* The clash of the civilizations*?* // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. № 3. P. 22–49.
315. Indicators of Immigrant Integration 2015: Settling In. OECD Publishing, 2015. DOI: 10.1787/9789264234024-en.
316. *Kaplan S.* Tatar and Kazakh Identity: Nation and State Status and Its Effect on Subjective Group Identification / S. Kaplan, A. Zabirova, R. Musina, G. Makarova, G. Gabdrahmanova // Al-Farabi. 2016. № 4 (56). P. 85–104.
317. *Kirkpatrick J. J.* The modernizing imperative: Tradition a. Change. // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. № 4. P. 22–24.
318. *Kurth J.* The Real Clash // The National Interest. 1994. № 37. P. 3–15.
319. *Marks R.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order (review) // Journal of World History. 2000. № 11 (1). P. 101–104.
320. Operation of police powers under the Terrorism Act 2000 and subsequent legislation: Arrests, outcomes, and stop and search, Great Britain, financial year ending March 2018. Statistical Bulletin 09/18. P.21. Доступ: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/716000/police-powers-terrorism-mar2018-hosb0918.pdf (Дата обращения: 10.07.2018).
321. *Parsons T.* The Social System. London: Routledge, 1991. 575 p.
322. *Pease D. E.* The Global Homeland State: Bush's Biopolitical Settlement // Boundary. 2003. № 2.
323. *Pettigrew T. F., Tropp L. R.* When groups meet: The dynamics of intergroup contact. New York: Psychology Press, 2011.
324. *Rokeach M.* The Nature of Human Values. N.Y., 1973. 437 p.
325. *Russett B. M., Oneal J. R., Cox M.* Clash of Civilizations, or Realism and Liberalism Déjà Vu? Some Evidence // Journal of Peace Research. 2000. Vol. 37. № 5. P. 583–608.
326. *Said E. W.* The Clash of Ignorance // The Nation. 2001. Vol. 27. № 12. P. 11–14.
327. *Schwartz S. H.* An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012. № 2 (1). DOI: https://doi.org/10.9707/2307–0919.1116.
328. *Schwartz S. H.* Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // Advances in Experimental Social Psychology. 1992. Vol. 25. P. 1–65.
329. The 6-D model of national culture [Электронный ресурс] // Geert Hofstede: [веб-сайт]. URL: https://geerthofstede.com/culture-geert-hofstede-gert-jan-hofstede/6d-model-of-national-culture (Дата обращения: 14.08.2018).
330. *Weber M.* Economy and Society. New York: Bedminster Press, 1968. V. I. 389 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ
Выборка исследования

Республика Башкортостан

Опрос населения Республики Башкортостан проводился в 2017 г. по квотной районированной выборке, репрезентирующей население республики. В *основную* выборку были включены 14 городов и 15 сельских районов, представляющих 6 геоэкономических зон республики: Центральную, Западную, Южную, Северо-Западную, Северо-Восточную и Уральскую. Были заложены квоты по полу, возрасту, образованию и национальности (башкиры, татары, русские). Всего было опрошено 1035 респондентов. Ошибка выборки составляет ± 3%.

Опрос в отобранных населенных пунктах проводился маршрутным методом с заданным шагом отбора домохозяйств по маршрутным листам, розданным интервьюерам. Шаг отбора составил, 5 в городах республики и 3 в сельских населенных пунктах. В ходе опроса контролировалось соблюдение заданных квот по полу, возрасту, образованию и национальности (башкиры, татары, русские). В процессе сдачи анкет интервьюерами производился сплошной визуальный контроль качества заполнения анкет, 30% сданных анкет проверялись на достоверность самого факта опроса путем проверочных звонков респондентам. 10% анкет перепроверялись путем повторного посещения респондентов. Общие характеристики основной выборочной совокупности представлены в таблице 1.

Отбор в дополнительную выборку приезжих происходил целевым образом по следующим признакам: гражданство России, мусульманское вероисповедание, приезд в регион опроса не ранее 2010 года. Опрос производился в местах предположительного размещения (студенческие общежития) и занятости (вузы, пред-

Таблица 1

Общие характеристики основного массива опрошенных респондентов Республики Башкортостан

Социально-демографические характеристики	Доля в % от опрошенных
Пол:	
Мужчины	47,6
Женщины	52,4
Возраст, лет:	
до 30 лет	27,9
31–40 лет	20,1
41–50 лет	18,2
51–60 лет	18,5
61 год и старше	15,3
Образование:	
Начальное/ неполное среднее, общее среднее	17,9
Среднее специальное / среднее профессиональное	51,2
Неполное высшее, высшее/ ученая степень	30,9
Национальные группы:	
башкиры	33,7
татары	31,7
русские	34,6

приятия малого и среднего бизнеса, госучреждения). Всего было опрошено 222 чел. Общие характеристики дополнительного массива приезжих представлены в таблице 2.

Таблица 2

Общие характеристики дополнительного массива приезжих в Республику Башкортостан

Социально-демографические характеристики	Доля в % от опрошенных
Пол:	
Мужчины	87,3
Женщины	12,7
Возраст, лет:	
до 30 лет	45,5

Окончание табл. 2

Социально-демографические характеристики	Доля в % от опрошенных
31–40 лет	34,2
41–50 лет	16,7
51–60 лет	3,2
61 год и старше	,5
Образование:	
Начальное/ неполное среднее, общее среднее	48,7
Среднее специальное / среднее профессиональное	34,2
Неполное высшее, высшее/ ученая степень	17,1
Представители этнических групп…:	
Республик Средней Азии	60,4
Республик Закавказья	35,6
Республик Северного Кавказа (РФ)	4,1

Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (ХМАО-Югра)

В ХМАО-Югре в соответствии с задачами исследования опрос проводился в 2018 г. по трем выборкам: основной, репрезентирующей все *городское* население округа (N=531, ошибка выборки ± 4,2%), дополнительной квотной выборке по национальному признаку (башкиры и татары, постоянно проживающие в ХМАО, N=268), дополнительной квотной выборке приезжих по следующим признакам: гражданство России, национальность (представители народов Северного Кавказа), приезд в регион опроса не ранее 2011 года (N=201). Общая выборочная совокупность составила 1000 чел.

В процессе сдачи анкет интервьюерами производился сплошной визуальный контроль качества заполнения анкет, 30% сданных анкет проверялись на достоверность самого факта опроса путем проверочных звонков респондентам. 10% анкет перепроверялись путем повторного посещения респондентов.

Для отбора респондентов в *основную* выборку использовалась трёхступенчатая случайная вероятностная территориальная вы-

борка. *На первой* ступени отбора единицами отбора служили муниципальные образования региона. *На втором этапе* проводился отбор опросных участков (брались избирательные участки) при помощи случайного систематического отбора. *На третьем этапе* проводился отбор домохозяйств маршрутным методом, реализуемый интервьюером. В каждом отобранном домохозяйстве опрашивался один респондент с применением связной квоты на пол и возраст и отдельной квоты на долю респондентов с высшим образованием. Общие характеристики основной выборочной совокупности представлены в таблице 3.

Таблица 3

Общие характеристики основного массива опрошенных в ХМАО–Югре

Социально-демографические характеристики	Доля в % от опрошенных
Пол:	
Мужчины	48,1
Женщины	51,9
Возраст, лет:	
до 30 лет	31,9
31–40 лет	23,5
41–50 лет	18,0
51–60 лет	15,4
61 год и старше	11,3
Образование:	
Начальное/ неполное среднее, общее среднее	29,6
Среднее специальное / среднее профессиональное	39,7
Неполное высшее, высшее/ ученая степень	30,7

Квотный добор татар и башкир, постоянно проживающих в ХМАО–Югре осуществлялся в тех муниципальных образованиях, представители указанных этнических групп представлены в наибольшей степени. Общие характеристики дополнительной квотной выборки по национальностям представлены в таблице 4.

Отбор в квоту приезжих проводился в местах предположительного размещения (общежития) и занятости (предприятия малого и среднего бизнеса, госучреждения). Общие характеристики дополнительного массива приезжих представлены в таблице 5.

Таблица 4

Общие характеристики дополнительного массива татар и башкир ХМАО-Югры

Социально-демографические характеристики	Доля в % от опрошенных
Пол:	
Мужчины	31,7
Женщины	68,3
Возраст, лет:	
до 30 лет	28,8
31–40 лет	16,4
41–50 лет	17,9
51–60 лет	24,6
61 год и старше	12,3
Образование:	
Начальное/ неполное среднее, общее среднее	30,2
Среднее специальное / среднее профессиональное	40,3
Неполное высшее, высшее/ ученая степень	29,5
Национальность:	
Татары	66,0
Башкиры	34,0

Таблица 5

Общие характеристики дополнительного массива приезжих представителей народов Северного Кавказа в ХМАО-Югру

Социально-демографические характеристики	Доля в % от опрошенных
Пол:	
Мужчины	59,7
Женщины	40,3
Возраст, лет:	
до 30 лет	67,2
31–40 лет	20,9
41–50 лет	7,5
51–60 лет	4,0

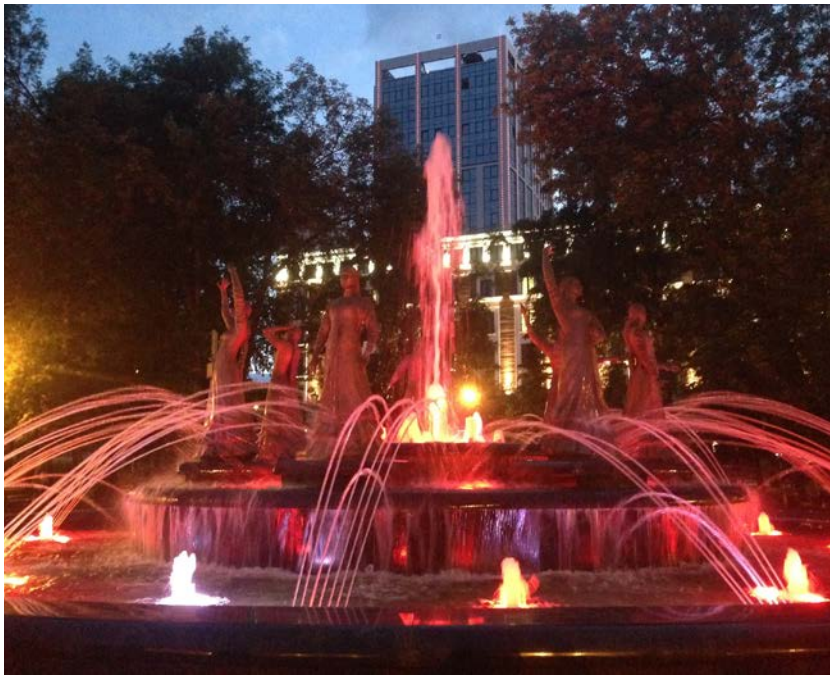
Окончание табл. 5

Социально-демографические характеристики	**Доля в % от опрошенных**
61 год и старше	0,4
Образование:	
Начальное/ неполное среднее, общее среднее	46,3
Среднее специальное / среднее профессиональное	28,9
Неполное высшее, высшее/ ученая степень	24,9

Монумент Дружбы, Уфа

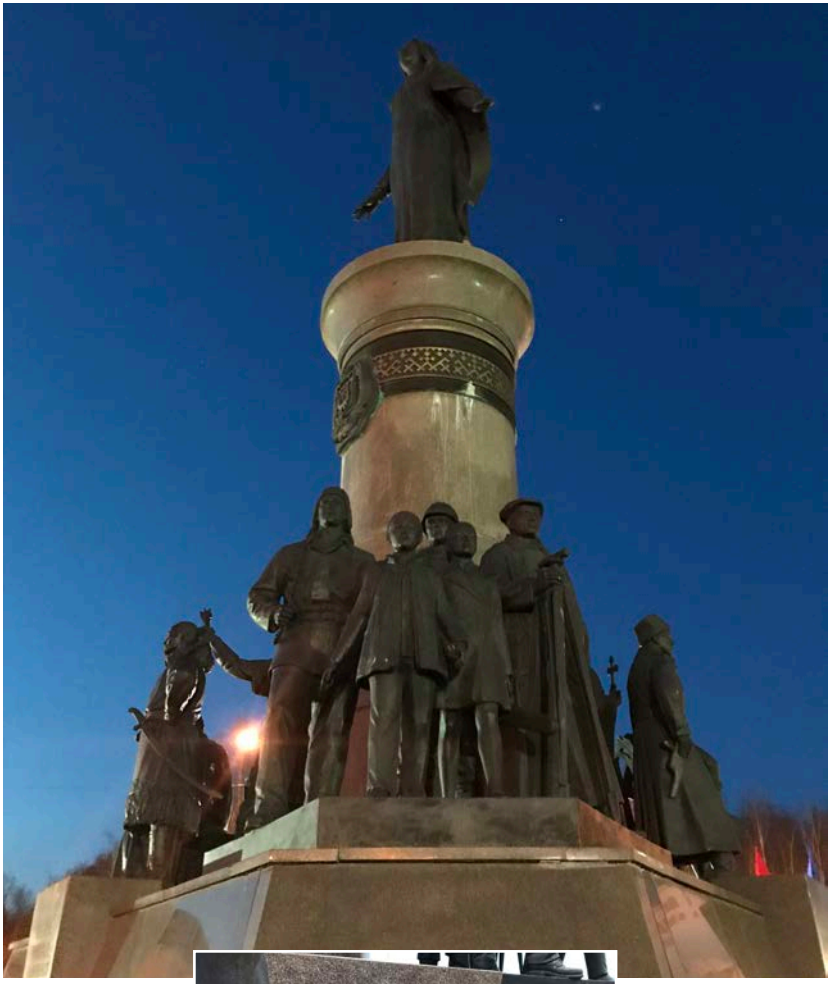
Памятник Салавату Юлаеву, Уфа

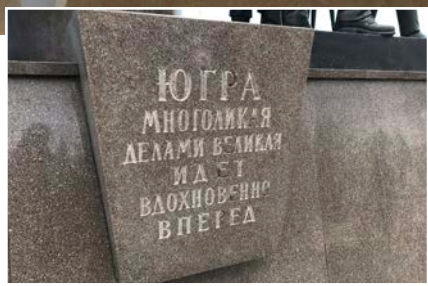
Фонтан «Семь девушек», Уфа



Памятник Мустаю Кариму, Уфа

Монумент «Бронзовый символ Югры»,
Ханты-Мансийск





Вид на ТДЦ «Гостиный двор»,
Ханты-Мансийск

Старое и новое,
Ханты-Мансийск

Фонтан «Обь и Иртыш»,
Ханты-Мансийск

Памятник Фарману Салманову,
Ханты-Мансийск

Памятник основателям Сургута

Черный лис – символ города, Сургут

Памятник трудовому подвигу поколений работников «Сургутнефтегаза», Сургут

На территории Историко-культурного центра «Старый Сургут»

Сведения об авторах

Дробижева Леокадия Михайловна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, drobizheva@yandex.ru

Арутюнова Екатерина Михайловна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, 981504@mail.ru

Бердин Азат Тагирович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, заведующий сектором социальной культурологии и обществоведения Центра социокультурного анализа ИСИ РБ, Уфа, Россия, azat_berdin@mail.ru

Григорьева Ксения Сергеевна, кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, ksenia_grig@mail.ru

Кузнецов Игорь Михайлович, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, ingvar31@yandex.ru

Мукомель Владимир Изявич, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель Сектора изучения миграционных и интеграционных процессов Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, mukomel@mail.ru

Мусина Розалинда Нуриевна, кандидат исторических наук, Казань, Россия, rnm23572@mail.ru

Рыжова Светлана Валентиновна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, silica2@yandex.ru

Фадеев Павел Васильевич, кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, erving45@gmail.com

Щеголькова Елена Юрьевна, научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, le_na_3@mail.ru

Эндрюшко Анна Александровна, младший научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, anna.endryushko@mail.ru

Научное издание

Арутюнова Екатерина Михайловна, **Бердин** Азат Тагирович,
Григорьева Ксения Сергеевна, **Дробижева** Леокадия Михайловна,
Кузнецов Игорь Михайлович, **Мукомель** Владимир Изявич,
Мусина Розалинда Нуриевна, **Рыжова** Светлана Валентиновна,
Фадеев Павел Васильевич, **Щеголькова** Елена Юрьевна,
Эндрюшко Анна Александровна, **Юсупов** Юлдаш Мухаматович

МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ В ОБЩЕРОССИЙСКОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНТЕКСТЫ

Корректор *Н. Н. Никс*
Верстка и оригинал-макет *В. Е. Кудымов*

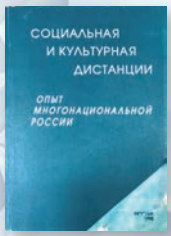
Подписано в печать 19.09.2018. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,5.
Тираж 500 экземпляров. Заказ № 186375

Издатель ФНИСЦ РАН
Тел.: +7 (499) 128-85-01
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
E-mail: isras@isras.ru

Отпечатано в типографии «Август Борг»
Тел.: +7 (495) 787-06-77
Адрес: 107497, Москва, Амурская ул. д. 5, стр. 2
E-mail: mail@augustborg.ru

ISBN 978-5-89697-302-7

КНИГИ ЦЕНТРА ИССЛЕДОВАНИЯ
межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН



Дробижева Л.М.

Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России / Институт этнологии и антропологии РАН; Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева М.: Институт социологии, 1998. - 385, [2] с.

ISBN 5-89697-019-6

Аннотация

Книга написана коллективом авторов по результатам Проекта «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» (1997-1998 гг., рук. Л. Дробижева). Исследование проводилось в шести субъектах Российской Федерации: Татарстане, Саха (Якутии), Туве, Северной Осетии – Алании, Магаданской и Оренбургской областях – различных по типам этнополитических конфликтов: от мирных – до локальных межгрупповых столкновений в условиях неопределенного этнополитического конфликта. В качестве источников привлекались: статистические данные, официальная документация, материалы прессы и других СМИ, результаты массовых этносоциологических опросов, фокус-группы и интервью с экспертами. Исследование осуществлялось как междисциплинарное, в нем участвовали этносоциологи, психологи, историки, государствоведы.

Социология межэтнической толерантности/ отв. Ред. Л.М. Дробижева. — М.: Изд-во института социологии ран, 2003. — 222 С.

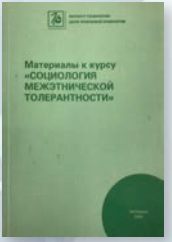
ISBN 5-89697-084-6

Аннотация

Эта книга написана для тех, кто по роду своей деятельности часто контактирует с людьми разных национальностей. В ней рассказывается о понимании толерантности и ее основных принципах, о тех трудностях, с которыми приходится сталкиваться при общении людей из разных этнических культур и религиозных конфессий. В книге даны ответы на вопросы: почему у людей возникают этнические предубеждения и какие способы существуют для их преодоления и налаживания взаимоотношения между людьми.

Книга может быть использована в качестве учебного пособия преподавателями и студентами учебных заведений, готовящих государственных служащих, которым предстоит работать в многоэтнической среде. Книга адресована всем тем, кто интересуется межэтническими отношениями.

Издание выложено на сайте Института социологии ФНИСЦ РАН и доступно для чтения и скачивания. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/tolerantnost.pdf



Материалы к курсу «Социология межэтнической толерантности» / Отв. ред. Л. М. Дробижева. — М.: Изд-во Института социологии РАН, 2005. — 159 с.

ISBN 5-89697-093-5

Аннотация

Эта книга является дополнением к уже изданному пособию «Социология межэтнической толерантности». Здесь собраны переводы из книг канадских исследователей, посвященных проблемам реализации политики мультикультурализма в канадском обществе, особенностям работы полицейских и социальных работников в поликультурной, многонациональной среде современных городов. Помимо этого в книгу включены оригинальные статьи отечественных авторов, посвященные аналогичным проблемам, характерным для современной России.

Книга может быть использована в качестве учебного пособия преподавателями и студентами, готовящих государственных служащих, которым предстоит работать в многоэтничной среде. Книга адресована всем, кто интересуется проблемами межэтнических отношений.

Дробижева Л.М.

Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России.- М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. - 376 с.

ISBN 5-88790-064-4

Аннотация

В этой книге рассматриваются актуальные проблемы межнациональных отношений в российском обществе, изменений в самосознании национальностей и формировании общероссийского самосознания, обсуждается, насколько обоснованы представления о неравенстве этнических групп, каковы реальные различия в распределении богатства, престижа и власти, что является наиболее важным для русских и людей других национальностей, чтобы чувствовать себя равными.

Авторами обсуждаются перспективы общероссийской гражданской интеграции.

Издание выложено на сайте Института социологии ФНИСЦ РАН и доступно для чтения и скачивания. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/lmdro.pdf

Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л.М. Дробижева. — М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009. —268 с.

ISBN 978-5-89697-164-1; ISBN 978-5-317-02741-4

Аннотация

В книге обобщены результаты Проектов, в которых российская идентичность анализируется в региональном разнообразии и в сравнении с другими странами. Специально рассмотрены районы с наиболее высоким притоком иммигрантов и сложными изменениями в социальной структуре населения. Впервые на конкретном материале показаны отличия государственной и гражданской идентичности, факторы, влияющие на гражданскую идентичность и возможность ее позитивной совместимости с этнической и региональной идентичностью.

Рыжова С.В.

Этническая идентичность в контексте толерантности / С.В. Рыжова. - М.: Альфа-М, 2011. - 280 с.

ISBN 978-5-98281-303-9

Аннотация

Представлены результаты исследования мобилизующих свойств этнической идентичности. Обосновывается тезис об участии этнической идентичности в процессах формирования общероссийской солидарности. Межэтническая толерантность рассматривается как связующее звено между процессами этнической мобилизации и становлением национально-гражданской российской идентичности. Приводятся теоретико-методологические предпосылки исследования этнической идентичности, предлагаются новые концептуальные подходы к анализу этнической и этноконфессиональной идентичности. Для научных работников и специалистов в области социологии, психологии, политологии.

Издание выложено на сайте Института социологии ФНИСЦ РАН и доступно для чтения и скачивания. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Ryzhova_Etnicheskaya_identichnost_2011.pdf

Дробижева Л.М.

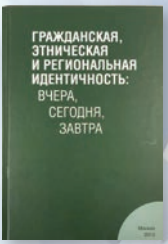
Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. / Л.М. Дробижева. - М.: Новый хронограф, 2013. - 336 с. - (Российское общество. Современные исследования).

ISBN 978-5-94881-211-3

Аннотация

На основе результатов многолетних социологических исследований в республиках Российской Федерации и общероссийских опросов в книге показано как проявляла себя этничность в политических проектах и институциональных формах, в практических взаимодействиях людей и в их повседневных установках и ориентациях. В книге рассмотрено как менялись теоретические подходы к пониманию идентичностей, места этничности в социальных и политических отношениях, насколько недавнее историческое прошлое, предшествовавшее переменам 1990-х годов, отражалось на проектах стратегии политики в сфере этничности и межэтнических отношений в новой России, какие интересы выражал федерализм в 1990-е и 2000-е годы, что из опыта 1990-х годов нельзя забывать и как он проявляет себя во втором десятилетии 2000-х годов. В книге показано формирование российской идентичности и насколько она является ресурсом для межэтнического согласия.

Издание выложено на сайте Института социологии ФНИСЦ РАН и доступно для чтения и скачивания. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/DROBIZHEVA.pdf

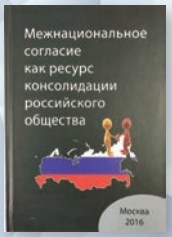


Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. - М. : Российская политическая энциклопедия, 2013. - 485 с.

ISBN 978-5-8243-1772-5

Аннотация

На основе результатов многолетних социологических исследований в книге показано, как изменились за 20 лет гражданская, этническая и региональная идентичности по масштабам распространенности, актуализации, степени консолидированности и содержанию, как они соотносятся с культурными ориентациями, религиозностью, экономической активностью, социальным самочувствием населения и межэтническим согласием. Особенность исследования в том, что идентичности и межэтнические отношения рассматриваются в сравнительной перспективе - 1993, 1999 и 2011-2012 годы - на основе репрезентативных социологических исследований и анализируются как в общероссийском масштабе, так и на уровне республик Российской Федерации.



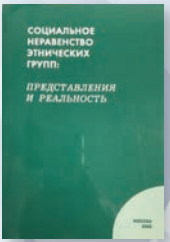
Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества: [монография] / Отв. ред. Л.М. Дробижева; Институт социологии РАН. - М.: Институт социологии РАН, 2016. - 400 с.

ISBN 978-5-89697-276-1

Аннотация

В книге показано восприятие понятия межнационального согласия в массовом сознании россиян. Анализируются основные составляющие межнационального согласия и консолидации, межэтнические установки в сфере делового и неформального общения, межличностное доверие, сходство и различие в основных жизненных целях и ценностях, представлениях о справедливости в регионах страны с разным уровнем межэтнических контактов, социально-экономического положения. Потенциал согласия рассматривается в среде местных жителей - русских и людей иных национальностей, в том числе мигрантов из северокавказских и других российских республик. Анализируются интеграционные процессы и направления консолидации. В основе выводов лежат результаты репрезентативных социологических опросов в Астраханской, Калининградской, Московской областях, Москве, Ставропольском крае, республиках Карелия и Саха (Якутия), проведенных в 2014-2016 гг., интервью с экспертами-специалистами по теме исследования и общественниками из национально-культурных обществ, материалы статистики и СМИ. Книга адресована специалистам, работающим в сфере регулирования межнациональных отношений, преподавателям вузов и школ, студентам и аспирантам, всем, интересующимся взаимоотношениями людей различных национальностей.

Издание выложено на сайте Института социологии ФНИСЦ РАН и доступно для чтения и скачивания. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Mejnacionalnoe_soglasie_2016.pdf



Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность./ Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева.— М.: Academia, 2002. —480 с.

ISBN 5-87444-062-3

Аннотация

Монография посвящена итогам Международного исследовательского проекта «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации». Авторы отвечают на вопросы, актуальные для поликультурного общества. Насколько обоснованны представления об этническом неравенстве и об этнокультурных препятствиях на пути трансформационных процессов в России? Почему ситуация отбора на рынке труда, неизбежная в условиях социально-экономической конкуренции, воспринимается в общественном сознании как проявление неравенства и каковы реальные различия в распределении богатства, престижа, власти в этнических группах? Насколько влияет этничность на положение людей в стратификационной иерархии современного российского общества? Каковы перспективы общероссийской гражданской интеграции?

Книга предназначена для социологов, этнологов, политологов, специалистов в области межэтнических отношений, преподавателей вузов, студентов.

Издание выложено на сайте Института социологии ФНИСЦ РАН и доступно для чтения и скачивания. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/neravenstvo.pdf